

**Сергей
Кара-Мурза и др.**

**Коммунизм
и фашизм:**

братья или враги?

Кара-Мурза. Мемуары о советском, Кара-Мурза. Мемуары о советском. Кара-Мурза. Мемуары о советском.

Кара-Мурза

Манипуляция сознанием

**Сергей
Кара-Мурза
и другие**

**Коммунизм
и фашизм:
братья или враги?**

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2008

Оформление художника *П. Волкова*

Кара-Мурза С. и др.

К 21 Коммунизм и фашизм: Братья или враги?: Сборник / ред.-сост. И. Пыхалов. — М.: Яуза-пресс, 2008. — 608 с. — (Сергей Кара-Мурза. Манипуляция сознанием).

ISBN 978-5-903339-03-7

Возникновение двух мощных тоталитарных идеологий — коммунизма и фашизма — явилось самым грандиозным событием в истории человеческой цивилизации. Величественные империи и десятки миллионов убитых, индустриальные прорывы и кровавые войны, возрождение национальных культур и жестокий террор — все это связано в нашем сознании с двумя понятиями: фашизм и коммунизм.

Однако насколько правомерно сопоставление этих явлений? И вообще, что такое коммунизм? Ведь был советский «реальный социализм», были маоизм, троцкизм, геваризм — и все они не только не ладили между собой, но и вели беспощадную борьбу на взаимоуничтожение.

То же самое касается и фашизма: был его итальянский вариант, но были и германский нацизм, и испанский фалангизм, и клерикало-фашизм, и авторитарные режимы в странах Прибалтики, и военные хунты в Латинской Америке — несть им числа. И все они отличались друг от друга, враждовали друг с другом, конкурировали и редко когда сотрудничали.

Наконец, были и гибридные течения между фашизмом и коммунизмом: национал-революционизм, национал-большевизм. И не только были, но и есть!

В настоящем сборнике впервые сделана попытка разобраться в этом заколдованном клубке тоталитарных идеологий.

ББК 66.1

© И. Пыхалов, составление, 2008
© А. Иванов, пер. с нем., 2008
© С. Кара-Мурза, 2008
© А. Тарасов, 2008
© Д. Жуков, 2008
© А. Шубин, 2008
© В. Лившиц, 2008
© А. Щелчков, 2008
© ООО «Яуза-пресс», 2008

ISBN 978-5-903339-03-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще со времен «холодной войны» одним из пропагандистских штампов, активно используемых западными идеологами, стала концепция «тоталитаризма». Согласно этой теории, коммунистические и фашистские режимы имеют общую природу и обладают рядом характерных признаков, противопоставляющих их «либеральным демократиям».

В России подобные идеи получили широкое распространение с середины 1980-х годов. Оно и понятно. Слишком уж неприглядно выглядят доморощенные либералы, умудрившиеся в процессе «борьбы с коммунистической диктатурой» разрушить и разорить собственную страну. Для оправдания своей деятельности либеральным идеологам поневоле приходится всячески очернять прежний режим, ставя фашизм и коммунизм на одну доску.

Насколько корректно подобное сопоставление? Если от пропагандистских штампов перейти к научному анализу, выясняется, что между коммунизмом и фашизмом имеются принципиальные отличия. Важнейшее из них состоит в том, что коммунизм полностью отрицает существующий порядок вещей. Он требует радикального разрушения, уничтожения старого государства, «Системы», и строительства на ее руинах совершенно нового общества. В то время как фашизм, за редким исключением, ориентирован на укрепление, «улучшение» уже существующего государства. Особенно наглядно это можно наблюдать на примерах Италии, Испании, Австрии.

Кроме того, у коммунизма и фашизма разные движущие социальные силы. У фашизма это средний класс («взбесившаяся мелкая буржуазия»), а у коммунизма — «социальные низы» (рабочие, безработные и пр.).

В этом отношении у фашизма, как это ни парадоксально на первый взгляд, гораздо больше общего с социал-демократией. Оба движения имеют сходную социальную базу, и

оба направлены на «улучшение» государства. Разница лишь в том, что фашисты делают ставку на национальные акценты в этом «улучшении», а социал-демократы — на социальные.

Что касается коммунизма, то если его и можно с чем-то сравнивать, то, скорее, с анархизмом. Тот тоже выступает за уничтожение существующего государства, однако для анархистов — это финал, а для коммунистов — только начало пути.

Впрочем, не буду навязывать свое мнение. Надеюсь, что вдумчивый читатель сможет самостоятельно составить представление о предмете. Этой цели и служит предлагаемый его вниманию сборник, охватывающий историю коммунистических, социалистических, фашистских партий и движений в разных странах первой половины XX века. В книгу вошли как старые статьи зарубежных авторов, впрочем, до сих пор не утратившие актуальности, так и новые работы современных российских исследователей.

Александр Колпакиди

Сергей Кара-Мурза

НЕМЕЦКИЙ ФАШИЗМ И РУССКИЙ КОММУНИЗМ - ДВА ТОТАЛИТАРИЗМА

Одно из важнейших понятий, с помощью которых сегодня обеспечивается манипуляция сознанием в странах европейской культуры — *фашизм*. И на нынешнее восприятие истории советского государства сильное влияние оказала проведенная за последние двадцать лет широкая идеологическая кампания, утверждающая его принципиальное сходство с фашистским государством, возникшим в Германии в 1933 г. и ликвидированным в результате его поражения во 2-й мировой войне.

Отвлечемся от эмоциональных оценок, о которых бесполезно спорить (типа «Сталин хуже Гитлера» или «жаль, что нас немцы не победили»), хотя за их наигранной страстностью скрыт холодный расчет. Логическими доводами в пользу соединения советской и фашистской государственности под одной шапкой «тоталитаризм» служат сходные черты применяемых ими технологий в легитимации политического порядка, во взаимодействии государства и партии, в репрессивных мерах. Конечно, вполне правомерно сравнивать и *внешние* признаки и результаты этих двух больших проектов. Можно даже изучать более узкий вопрос — сравнивать те травмы которые нанесли обществу и фашизм, и коммунизм как два радикальных мессианских проекта в крайнем напряжении физических и духовных ресурсов. Но без выявления *коренных* черт этих явлений никакого достоверного исторического знания получить нельзя, а уж тем более знания для понимания настоящего момента и предвидения будущего.

Когда сравниваешь систематически именно коренные черты советского строя и фашизма, разница буквально потрясает. Мы действительно не знали фашизма, и в каком-нибудь фильме про Штирлица появляются обычный Куравлев или Табаков, только в черной форме. Папа Мюллер —

обычный человек, винтик жестокой тоталитарной машины, только воюет против СССР. Особенно поразительна нечувствительность к смыслу фашизма наших реформаторов-демократов. Они действительно будто родились как чистая доска, говорят вещи, чудовищные в своей невинности.

Вот как в 1998 г. рассуждал о фашистах С.Степашин тогда министр внутренних дел РФ: «Появился Шеленберг как идеал профессионала. Мы его знаем по исполнению Табакова в "Семнадцати мгновениях весны". А в жизни это был совершенно удивительный человек, умница, который в 26 лет возглавил крупнейшую службу Германии, причем чисто интеллектуальную службу, со сложными играми, как и Канарис, тут и разработки агентов, и сложнейшие подставы... Сейчас читаю мемуары и размышления Гелена. Он очень интересно трактует мировые события 60—70-х годов, как он их видел из Западной Германии. А мне еще интересна психология человека, как он входил в должность, что несколько напоминает мне мою нынешнюю ситуацию».

А ведь ум и профессионализм Шеленберга, сложнейшие подставы Канариса — мелочь по сравнению с тем мировоззрением, типом мышления и художественным чувством, которые ими двигали, причем в смертельной войне против нас. Об этих «подставах» и «играх» можно говорить на профессиональных семинарах в Высшей школе КГБ, но не обращаясь к массовой аудитории. Такие речи ее усыпляют.

Хорошо бы и нам забыть, как Степашин, об этой страшной и трагической странице истории, но не дают. И раз уж призрак фашизма бродит по Европе, придется с ним познакомиться поближе. В лицо мы его знаем, но теперь он в маске. Так надо знать, что у него в голове и на сердце.

Идеологи никогда не доходят до рационального анализа сходства и различий, ибо анализ даже самых сходных технологий в «сталинизме» и фашизме показывает, что речь идет о совершенно разных явлениях, лежащих на двух разных цивилизационных путях. Их сравнительный анализ очень полезен для понимания и Запада, и советского государства и права вообще и особенно в его «тоталитарный» период.

Понять сущность фашизма мы срочно должны по многим причинам. Кое-какие из этих причин очевидны. Во-первых, новый вид фашизма, уже в пиджаке и галстук демократа, формируется как простая альтернатива выхода из мирового кризиса — через сплочение расы избранных («золотой миллиард»). Заметьте: ни один наш «демократ» — ни Гор-

бачев, ни Яковлев, ни Явлинский ни разу ни словом не выразили своего отношения к этому проекту. Может быть, они о нем не знают, хотя и пасутся в Римском клубе и Тройственной комиссии?

Вторая причина заключается в том, что сегодня идеологи неолиберализма активно *деформируют* реальный образ фашизма, вычищая из него суть и заостряя внешние черты так, чтобы этот ярлык можно было прилепить к любому обществу, которое не желает раскрыться Западу. Как только Россия попытается «сосредоточиться», ее станут шантажировать этим ярлыком. В мягкой форме это уже происходило во время президентства В.В.Путина, но мотор этой кампании пока работал на холостом ходу, и ее интенсивность может возрасти многократно.

И на это мы не можем ответить, как Чапаев, — «наплевать и забыть». Война образов нам давно навязана, отменить ее мы не в силах, в ней надо хотя бы обороняться. И не только в районном суде, где Жириновский может отспорить миллион за то, что его обозвали фашистом. Для нас знание важно потому, что противнику труднее будет деморализовать нас ярлыком фашизма. К тому же, когда это знание будет доступно, нашим честным интеллигентам станет стыдно того доверия, с которым они отнеслись к Бурбулису или Каспарову с их пугалом «русского фашизма».

Но важнее всех третья причина: пугало фашизма сковывает наше собственное мышление. Вот, я читаю статью фашиста, и меня прошибает холодный пот: в каком-то месте в ней есть почти текстуальное совпадение с моими мыслями. Первое побуждение — послать все подальше и помалкивать. В крайнем случае, писать по какому-то политкорректному шаблону, а то шаг вправо, шаг влево — и напоролся.

Потом начинаешь разбираться: почему же говорим вроде одно и то же, а исходим из разных аксиом и приходим к разным выводам? И когда докапываешься до сути, то выходит, что смысл всех главных слов совершенно различен. Более того, ловя души, фашисты и не могли не употреблять множества идей и образов, которые привлекали людей, затрагивали их глубоко скрытые чувства. И в оболочке этих образов, как в троянском коне, главные идеи фашизма преодолевали защитную стену культуры и здравого смысла — и даже инстинкта самосохранения.

Но нельзя же, поверив однажды деревянному троянскому коню, возненавидеть живых лошадей. И обратно: из-за

того, что ты любишь лошадей, нельзя доверять хорошо сделанному чучелу — а ведь у нас кое-кто уже соблазняется дудочкой фашизма, лишь бы она звучала, как родная свирель.

Поняв суть фашизма, мы, при нашем хаосе мыслей и утрате жестких шор и поводьев предписанной идеологии, сможем избежать многих подводных камней и ловушек, которые нас стерегут на пути к новому пониманию категорий *народ, нация, государство, солидарность*. Если мы в потемках забредем в болото фашистских идей, мы, конечно, фашистами не станем, т.к. некоторые необходимые признаки мы у себя развить не сможем, даже если бы старались — тут нужна иная культура. Но грязи в таком болоте нахлебаемся. Лучше уж, не боясь слов и ярлыков, разбираться в сути и в болото не лезть.

Думаю, пришло для нас время самим разобраться в проблеме. Нет в ней ничего потустороннего, все поддается разумному изучению, туману напустили нарочно. Помимо обществоведов, которые следуют невидимой дирижерской палочке, много частных и надежных сведений собрано учеными без претензий — историками науки и культуры, психологами, антропологами, в том числе теми, кто сам переболел фашизмом (как, например, Конрад Лоренц). Собрав по крупицам это знание, мы можем обрисовать то ядро идей, установок, вкусов и привычек, которые определяют фашизм и отделяют его от других видов тоталитаризма, национализма и т.д.

Понятие фашизма сегодня. Фашизм — исключительно важное, но очень четко отграниченное явление западной (и *только западной*) культуры и философии. Приняв главные установки фашизма общество Германии породило жестокое государство, поставившее себя «по ту сторону добра и зла».

К сожалению, само понятие фашизма зарезервировано идеологами как мощное средство воздействия на общественное сознание и выведено из сферы анализа. Вторая мировая война и преступления немецкого нацизма оставили в памяти народов Европы и США такой глубокий след, что слово «фашизм» стало узаконенным и бесспорным обозначением *абсолютного зла*. Тот, чье детство прошло во время и сразу после войны, помнит, что у нас не было большего оскорбления, чем обозвать кого-нибудь фашистом — это считалось самым бранным словом, обиженный мог ответить на него кулаками, и взрослые признали бы его правоту.

Идеологи всех цветов накачивали понятие фашизма в сознание, чтобы в нужный момент использовать его как мощное оружие. Политического противника, которого удавалось хоть в небольшой степени связать с фашизмом, сразу очерняли в глазах общества настолько, что с ним уже можно было не считаться. Он уже не имел права ни на диалог, ни на внимание. Раздутое и ложное понятие фашизма было важным оружием для сокрушения (как предполагают умники-победители) коммунизма.

Целый ряд «признаков» фашизма можно прилепить к коммунистам, как и ко всем другим политическим и философским течениям, которые вошли в конфликт с нынешней элитой Запада. И если бы мы знали, как тщательно из общественного сознания вымарывалось знание сути фашизма, то могли бы догадаться, что куется важное оружие холодной войны. Тогда не удивлялись бы, что нас вдруг начали называть фашистами. И на Бурбулиса с Каспаровым сердиться не надо — не они это придумали, им дали зачитать готовые методички. Да и то они читали и читают, запинаясь.

Идеологам, чтобы использовать ярлык фашизма, необходимо было сохранять это понятие в максимально расплывчатом, неопределенном виде, как широкий набор отрицательных качеств. Когда этот ярлык описан нечетко, его можно приклеить к кому угодно — если контролируешь прессу. Особенно легко поддавались на манипуляцию фашизмом интеллигенты, выросшие на идеалах Просвещения и гуманизма. За это дорого поплатилось европейское левое движение уже в начале 30-х годов. Немецкий исследователь фашизма Л.Люкс пишет: «Пожалуй, наиболее чреватые последствиями было схематическое обобщение понятия «фашизм» и распространение его на всех противников коммунистов. Этим необдуманном употреблении понятия «фашизм» коммунисты нанесли урон, прежде всего, самим себе, ибо тем самым придали безобидность своему наиболее опасному врагу, по отношению к которому использовалось первоначально это понятие».

Нынешней интеллигенции сегодня можно сделать упрек: почему она не разглядела важную вещь — такое колоссальное событие в истории Запада, как фашизм, осталось практически не изученным и не объясненным? Попробуйте вспомнить основательный, серьезный и доступный труд, который бы всесторонне осветил именно сущность фашизма — как философского течения, как особой культуры и особого

социального проекта. Думаю, что такого труда никто не назовет, и ни одной ссылки на него мне нигде не встречалось. Мы видим лишь обрывки сведений, которые сводятся в основном к конкретным обвинениям: концлагеря, национализм, жестокие убийства врагов и конкурентов, преследование евреев, бесноватый фюрер и т.д.

Но эти конкретные обвинения совершенно не объясняют, чем этот бесноватый фюрер подкупил такой рассудительный и осторожный народ, как немцы. К каким струнам в их душе он воззвал? Ведь в Германии произошло нечто совершенно небывалое. Немцы демократическим путем избрали и привели к власти партию, которая, не скрывая своих планов, увлекла их в безумный, безнадежный проект, который означал разрыв со всеми привычными культурными и моральными устоями.

Все это происходило не за тридевять земель и не в древнем Вавилоне, а на наших глазах. Все материалы для исследования доступны, но мы в делах Вавилона разбираемся лучше, чем в образе мыслей фашистов. На знание об этой болезни Европы наложено негласное табу, которое никто не осмелился нарушить. Это тем более поразительно, что уже более полувека нам твердят об угрозе *неофашизма*. Казалось бы, обществоведы всех стран должны были бы дать ясное определение фашизму, чтобы мы могли различать угрозу, видеть противника, выявлять неофашистов в любом их обличье, даже замаскированных, без свастики и побритой головы. Пока же как бы специально создан карнавальный образ неофашиста как тупого маргинала, который развлекается тем, что избивает нищих и иностранцев.

Иногда приходится слышать, что вроде бы и изучать нечего эту гадость. Мол, не было ничего, кроме нагромождения лжи, гипноза и кучки преступных маньяков. Все, дескать, нам Кукрыниксы объяснили. Но стоит чуть-чуть вникнуть, выходит наоборот — одна из причин молчания состоит в том, что явление фашизма *сложно* (как и целый ряд других болезней культуры, например, терроризм). Оно не по зубам ни вульгарному марксизму, для которого вся жизнь общества сводится к классовой борьбе и развитию производительных сил, ни вульгарному, механистическому либерализму. Своего Достоевского ни Запад, ни СССР не родили.

Но только этим объяснить молчание невозможно, ведь не написано и таких трудов, которые были бы первым, хотя бы упрощенным приближением к проблеме. Довод, что ев-

ропейцы не хотят «ворошить свое собственное дерьмо» (я и такое слышал), мне не кажется убедительным. По отношению к другим своим черным историям такой чистоплотности не проявляют. Ворошат, да еще с какой страстью. Тем более удивительно, что все нынешние интеллектуалы называют себя антифашистами и это вроде бы «не их дерьмо».

Возможно, дело в том, что через «соблазн фашизма» прошло гораздо больше интеллектуалов Запада, чем мы думаем. И этот их увязший коготок вскроется как раз не через свастик и кровавые преступления, а через анализ сущности. Анализа и не хотят, а на описания кровавых мерзостей не скупятся. Л.Люкс замечает: «Именно представители культурной элиты в Европе, а не массы, первыми поставили под сомнение фундаментальные ценности европейской культуры. Не восстание масс, а мятеж интеллектуальной элиты нанес самые тяжелые удары по европейскому гуманизму, писал в 1939 г. Георгий Федотов».

Первая мировая война расколола цитадель Просвещения — сам Запад. Затем важная его часть открыто и радикально отвергла универсализм Просвещения, при этом соблазн фашизма охватил культурный слой Запада в гораздо большей степени, нежели это проявилось в политической сфере.

Не потому ли стали скандальными опубликованные недавно дневники философа-антифашиста Сартра? Он в них признал, что «добавлял фашизм в свою философию и свои литературные произведения, как добавляют щепотку соли в пирожное, чтобы оно казалось слаще». Но это признания-намеки, из них много не выудишь. Мы наблюдаем постоянное размывание понятия и расширение сферы его применения. Так, фашистом называли Садама Хусейна, не приводя для этого никаких оснований, кроме того, что он «кровавый мерзавец» и не давал установиться в Ираке демократии — а там все о ней только и мечтали.

В Испании говорят о «баскском фашизме» — потому что небольшая (около 100 человек) группа боевиков-сепаратистов из басков прибегает к *терроризму*. В главной испанской газете была напечатана большая статья «Баскский фашизм», где утверждается, будто движение сепаратистов-басков отражает все главные признаки фашизма. Статья написана профессором истории политической мысли и претендует на то, чтобы кратко дать критерии фашизма. Автор даже критикует журналистов и политиков, которые и раньше часто называли баскских радикалов фашистами, используя этот

термин как ругательство, как общее обозначение антидемократического мышления.

Далее профессор (сам баск) дает свое определение и утверждает, что баскские «радикальные патриоты» соответствуют самому строгому понятию *исторического фашизма*. Вот в чем это соответствие: «одержимость идеей политического единства народа, которая несовместима с демократическим плюрализмом; презрительное отношение к представительной демократии (единственной, которая функционирует); фальшивый синтез национализма и социализма, без которого не может быть и речи об истинном фашизме». Говорится, что баски к этому предрасположены традицией их коллективного поведения — «антилиберальной тенденцией к народному единomyслию».

Если строго следовать определению этого баска-либерала, то к фашистам следует причислить *всех* тех, кто обладает этническим сознанием («национализм») и в то же время исповедует идею социальной справедливости («социализм»). Например, к лику фашизма следует причислить предвоенную Японию, которая явно фашистской не являлась¹. Сегодня под это определение фашизма подпадают почти все страны незападной культуры. Все, кто использует понятие *народ* вместо понятия *индивидуум*. А наш Л.И.Гумилев с его «этногенезом и биосферой» автоматически становится чуть ли не главным идеологом фашизма конца XX века.

В «войне идей и образов» идеологи создают ярлык, который можно прилепить к любому «неудобному» обществу, политическому движению и даже отдельному человеку. Американский историк фашизма С.Пэйн определяет так: «Слово «фашист» и производные от него применяются в самом широком смысле для обозначения приверженности к авторитарной, корпоративной и националистической системе правления». То есть, фашистским оказывается при таком понимании социальное устройство японцев, южнокорейцев, едва ли не самым фашистским становится и Израиль. Зато такой парадокс — коммунистов Пэйн вроде прощает, поскольку они не националисты. Но так как признаки размыты, чем-то можно и пожертвовать (например, итальянскому фашизму не был присущ антисемитизм, а многие считают его ключевым качеством фашизма).

Испанский литературовед Х. Родригес Пуэртола издал в 1986—1987 гг. большую антологию «Испанская фашистская литература» в двух томах. В первой части он дал обзор всех

основных западных авторов, которые изучали фашизм как явление. Здесь — огромный набор признаков, масса важных и ценных наблюдений, все очень интересно. Но все эти авторы избегают выделить то, что в математике мы научились считать «необходимыми и достаточными признаками» — то, что позволяет отличать одно явление от другого, имеющего схожие черты, но иного по сути.

В результате, если собрать все эти признаки, отобранные западными специалистами, и использовать их по своему усмотрению, то с одинаковым основанием можно назвать фашистами и Тэтчер, и Исхака Рабина, и Горбачева, и Ельцина. А вот Жириновского, как ни странно, назвать фашистом нельзя, т.к. в набор признаков фашизма входит «защита, не на жизнь а на смерть, западных ценностей». Концы с концами явно не вяжутся, и литературовед признает, что отобрал для своей антологии около двух сотен испанских писателей и поэтов XX века (кстати, публично приклеив им ярлык *фашиста*), следуя такому критерию: «В этой антологии фашистами считаются все те, кто тем или иным способом поставил свое перо и мысль, каковы бы ни были оттенки, на службу [франкизму]... а также те, кто просто отражают какую-либо антидемократическую идеологию».

Подумайте: франкизм существовал 40 лет, мог ли кто-то из жителей Испании «тем или иным образом» не послужить режиму? То есть автор присваивает себе право назвать фашистом *любого* испанца. А что такое «антидемократическая идеология»? Автор, как и вообще «демократы», не дает определения этому понятию. Какую идеологию «отражает» католический священник в своей мессе? Ясно, что «антидемократическую». Значит, если будет надо, и его можно назвать фашистом.

Так неопределенность термина *фашизм* многократно увеличивается неопределенностью его антипода — *демократии*, — отталкиваясь от которой нам якобы объясняют фашизм. Не говоря уж о строгой логике, даже с точки зрения здравого смысла это культурная диверсия. И самое печальное, что многие люди ее совершают искренне, даже не понимая, что они делают (хотя многие понимают).

Когда в Европе оформился зрелый фашизм, его смысл был достаточно ясен для всех. Немецкий историк Вальтер Шубарт в известной книге «Европа и душа Востока» писал: «Смысл немецкого фашизма заключается во враждебном противопоставлении Запада и Востока... Когда Гитлер в своих

речах, особенно ясно в своей речи в Рейхстаге 20 февраля 1938 года, заявляет, что Германия стремится к сближению со всеми государствами, за исключением Советского Союза, он ясно показывает, как глубоко ощущается на немецкой почве противопоставление Востоку — как судьбоносная проблема Европы».

Антисоветские российские идеологи, готовя сегодня миф о «русском фашизме», этого, естественно, стараются не вспоминать. Да и вообще сейчас, судя по прессе, из перечня признаков фашизма срочно удаляют «западные ценности», выдвигают на первый план именно идею *народа*. Пугало фашизма готовится для атаки на следующего, после коммунистов, противника — любую *этническую* общность, не желающую превращаться в «человеческую пыль» под прессом глобализации.

Подумайте только: профессор-баск видит корень фашизма в «традиции коллективного поведения» своего народа. Значит, суть уже не в терроризме, не в идеологии, а в *традициях*, которые сложились за две тысячи лет и формируют лицо басков как народа. Но ведь антропологи установили, что подавляющее большинство человеческих существ живет, сплотившись в народы, в своем коллективном поведении высоко ценя *единство*. Значит ли это, что во всех них дремлет фашизм? Конечно, нет, это — дешевые разработки новых, уже демократических хранителей «западных ценностей».

Введем четкие, хорошо разработанные понятия, лежащие в основе любой социальной философии, которая задает тип государства, предопределяет его сущность. По тому, как трактуются эти понятия в советском и в фашистском государстве, можно судить о сходстве и различии их сущностей.

Картина мира в фашизме. В основании любого государства, общественного строя и способа соединения людей в общество лежит *мировоззрение*. Из него черпает материал *идеология* как свод слов, идей, теорий и мифов, оправдывающая (легитимирующая) этот строй и это государство. Одной из важнейших частей всей системы мировоззрения является *картина мира*. На картине мира (в конечном счете, на представлении пространства и времени) строится и социальная философия.

В Новое время религиозная картина мира отодвинута из центра мировоззрения, и ее место заняла *научная картина мира*. Точнее, картина мира, выраженная в рациональных понятиях, взятых из науки. В моменты культурных кризи-

сов научная картина мира может деформироваться, какие-то ее блоки замещаются иррациональными (окультурными) конструкциями, суевериями или элементами чужеродных культов (обычно псевдостоличных, как в учении Рериха, или псевдодревних, как в неоязычестве).

Картина мира в фашизме — результат мировоззренческого кризиса, который пережила немецкая культура в конце XIX — начале XX века и который был углублен поражением в Первой мировой войне.

На какие же болезненные позы немецкой души так эффективно ответил фашизм со своей картиной мира? Была ли такая же потребность у русской души периода революции 1905—1917 годов и если была, какие ответы дал советский строй? Начать придется с истоков.

За двадцать тысяч лет цивилизации человек остался существом с сильным *космическим чувством*, с ощущением себя в центре Вселенной как родного дома. Он воспринимал Природу как целое, а себя — как часть Природы. Все было наполнено смыслом, все связано невидимыми струнами. Природа не терпит пустоты! Ощущение времени задавалось Солнцем, Луной, сменами времен года, полевыми работами — время было циклическим. У всех народов и племен был миф о *вечном возвращении*. Научная революция разрушила этот образ: мир предстал как бездушная машина Ньютона, а человек — как чуждый и даже враждебный Природе субъект (Природа стала объектом исследования и эксплуатации). Время стало линейным и необратимым. Это было тяжелое потрясение, из которого родился европейский нигилизм и пессимизм (незнакомый Востоку).

Особо тяжело эта смена картины мира была воспринята в странах, где одновременно произошла религиозная революция — *Реформация*. Крах Космоса дополнился крахом веры в спасение души и разрушением общинных, братских связей между людьми. Самая тоскливая философия мира и человека возникла в Германии, откуда и началась Реформация, а в период формирования фашизма эта тоска была умножена горечью поражения и ограбления победителями в мировой войне. Когда читаешь некоторые строки Ницше и Шопенгауэра, поражаешься: откуда столько грусти?

Шопенгауэр сравнивал человечество с плесенным налетом на одной из планет одного из бесчисленных миров Вселенной. Эту мысль продолжил Ницше: «В каком-то заброшенном уголке Вселенной, изливающей сияние бесчисленных

солнечных систем, существовало однажды небесное тело, на котором разумное животное изобрело познание. Это была самая напыщенная и самая лживая минута "всемирной истории" — но только минута. Через несколько мгновений природа заморозила это небесное тело, и разумные животные должны были погибнуть».

И именно там, где глубже всего был прочувствован нигилизм («Бог мертв», — заявил Ницше), началось восстановление архаических мифов и взглядов — уже как *философия*. Фашизм целиком построил свою идеологию на этих мифах, отрицающих научную картину мира — на *анти-Просвещении*. Это был бальзам на душу людей, страдающих от бездушного механицизма научной рациональности. Глубокая связь между протестантской Реформацией, научной революцией XVI—XVII века и фашизмом — отдельная большая тема в философии и культурологии².

Идеологи фашизма активно перестраивали *мировоззренческую матрицу* немцев. Они сумели внедрить в массовое сознание *холизм* — ощущение целостности Природы и неразделенности всех ее частей («одна земля, один народ, один фюрер» — выражение холизма). Философы говорят: «фашизм отверг Ньютона и обратился к Гёте». Этот великий поэт и ученый развил особое, тупиковое направление натурализма, в котором преодолевалось разделение субъекта и объекта, человек «возвращался в Природу» (о значении натурализма Гёте для культуры писал М.Бахтин). Немецкий ученый В. Гейзенберг, наблюдавший соблазн фашизма, напоминает: «Еще и сегодня Гёте может научить нас тому, что не следует допускать вырождения всех других познавательных органов за счет развития одного рационального анализа, что надо, напротив, постигать действительность всеми дарованными нам органами и уповать на то, что в таком случае и открывшаяся нам действительность отобразит сущностное, «единое, благое, истинное».

Конечно, философия, созданная в лаборатории, служит для конкретных политических целей. «Возврат к истокам» и представление общества и его частей как *организма* (а не *машины*) оправдывали частные стороны политики фашизма как удивительного сочетания крайнего консерватизма с радикализмом.

Ницше развил идею вечного возвращения, и представление времени в фашизме опять стало *нелинейным*. Идеология фашизма — постоянное возвращение к истокам, к природе

(отсюда сельская мистика и экологизм фашизма), к ариям, к Риму. Отсюда идея построения «тысячелетнего Рейха». Было искусственно создано мессианское ощущение времени, внедренное в мозг рационального, уже перетертого механицизмом немца. Именно от этого и возникло химерическое, расщепленное сознание (многие народы сохраняли и сохраняют ощущение времени как циклического, наряду с рациональным линейным — без всяких проблем). Была сфабрикована целая система мифов — антропологический миф о человеке как «хищном животном» (белокурой бестии), миф избранного народа (*арийской расы*), миф *крови и почвы*.

Немцам было навязано романтическое антибуржуазное самоосознание как народа *земледельцев*. Один из идеологов фашизма писал: «Ни герцоги, ни церковь, ни даже города не создали германца как такового. Немцы произошли от крестьян, а герцоги, церковь и города только наложили на них определенный отпечаток. Германское крестьянство... представляло собой основу, определившую направление и характер дальнейшего развития. Мы, национал-социалисты, восстановившие старую истину, что кровь является формообразующим элементом культуры народа, абсолютно четко представляем себе суть вопроса».

В результате жёсткой мифологизации и символизации прошлого у немцев-фашистов возникло химерическое, расщепленное сознание. Мессианизм фашизма с самого начала был окрашен культом смерти, разрушения. «Мы — женихи Смерти», — писали фашисты-поэты. Известный современный философ-гуманист Э.Фромм отмечал: «Унамуно в своей речи в Саламанке в 1936 г. говорил о том, что девиз фалангистов "Да здравствует смерть!" есть не что иное, как девиз некрофилов». Режиссеры массовых митингов-спектаклей в Германии возродили древние культовые ритуалы, связанные со смертью и погребением. Идея была не банальная — разжечь в молодежи архаические взгляды на смерть, предложив, как способ ее «преодоления», самим стать *служителями* Смерти. Так удалось создать особый, небывалый тип нечеловечески храброй армии — СС³.

О массовой психологии фашистов, которая выросла из такой философии, написано довольно много. Ее особенностью видный философ Адорно считает *манихейство* (четкое деление мира на добро и зло) и болезненный инстинкт группы — с фантастическим преувеличением своей силы и архаическим стремлением к разрушению «чужих» групп. Кстати,

когда читаешь его описание этого психологического портрета, то приходишь к выводу, что он не является монополией фашизма. Это описание удивительно подходит к состоянию наших «демократов» в 1990—1992 гг., когда они вели борьбу с советским строем. То же манихейство и те же нелепые фантазии и страхи. Но фашистами их считать, конечно, нельзя, хотя некоторые черты совпадают.

В чем отличие от советской картины мира? Прежде всего, в том, что Россия не пережила Реформации и русская культура освоила научную картину мира без слома присущего ей мироощущения (хотя это было очень непросто, как пишут русские философы начала XX века). А значит, в русскую культуру не проник тот глубокий пессимизм, который характерен для философов, предшественников фашизма (Шопенгауэр, Ницше, Шпенглер). Модель мира Ньютона ужилась в русской культуре с крестьянским космическим чувством — они находились в сознании «на разных полках». Ни русских, ни другие народы СССР не надо было соблазнять холизмом и антимеханицизмом в виде идеологии. Поэтому советскому государству не было необходимости прибегать к анти-Просвещению и антинауке. Наоборот, наука была положена в основу государственной идеологии СССР. Большевики по тюрмам изучали книгу В.И.Ленина о кризисе в физике — даже смешно представить себе фашистов в этой роли⁴.

Русская культура не теряла ощущения цикличности времени — оно шло и из крестьянской жизни, и из православия. Коммунизм отразил это в своем мессианском понимании истории, но это не было откатом от рационализма, а шло параллельно с ним. При этом «возвращение к истокам», цикл истории был направлен к совершенно иному идеалу, чем у фашистов: к преодолению отчуждения людей во *всеобщем братстве* людей (идеальной общине), а у них — к рабству античного Рима, к счастью *расы избранных*. Как ни старались антисоветские идеологи времен перестройки, они не могли отрицать того факта, что советское мироощущение было *жизнерадостным*. Мы верили в добро.

Это хорошо сформулировал в своей речи на I Всесоюзном съезде писателей СССР (1934) Н.И.Бухарин. Здесь его вполне уместно процитировать, ибо в важных отношениях его речь несла в себе зерна будущего «антисоветского марксизма», отрицание цивилизационного пути советского проекта. И даже при этом его общая оценка мироощущения, отраженного советской поэзией, была тогда очевидной и

даже тривиальной. Она отражала то, что видели в то время виднейшие деятели мировой культуры. Н.И.Бухарин сказал:

«На фоне капиталистического маразма, гипертрофированной и нездоровой эротики, пессимистической разнузданности и цинизма или же вульгарных потуг поэтических «расистов» а la *Хорст Вессель*, у нас выступает поэзия бодрая, глубоко жизнерадостная и оптимистическая... Здесь нет мистического тумана, поэзии слепых, ни трагического одиночества потерявшей себя личности, ни безысходной тоски индивидуализма, ни его беспредметного анархического бунтарства; здесь нет покоя сытых мещан, глядящих холеной рукой вещи и людей; здесь нет разнузданных страстей зоологического шовинизма, неистовых гимнов порабощения и од золотому тельцу».

Оптимизм, которым было проникнуто советское мировоззрение, сослужил нам и плохую службу, затруднив понимание причин и глубины того кризиса Запада, из которого вылез фашизм. Л.Люкс пишет по этому поводу: «Коммунисты не поняли европейского пессимизма, они считали его явлением, присущим одной лишь буржуазии... Теоретики Коминтерна закрывали глаза на то, что европейский пролетариат был охвачен пессимизмом почти в такой же мере, как и все другие слои общества. Ошибочная оценка европейского пессимизма большевистской идеологией коренилась как в марксистской, так и в национально-русской традиции».

Итак, по первому пункту вывод такой: как показывает сравнение двух картин мира, советский строй и фашизм — два разных и несовместимых цивилизационных проекта.

Человек — народ — нация — раса. Нынешние демократы видят признаки фашизма во всех идеологиях, которые употребляют понятие *народ* — как некий организм, носитель общего сознания и духа множества поколений его «частиц»-личностей. Это, дескать, тоталитаризм. Демократы, если и применяют иногда (очень редко), как уступку традиции, слово «народ», то в совсем ином смысле — как гражданское общество, состоящее из свободных индивидов. Эти «атомы» есть первооснова, главное начало. Они соединяются весьма слабыми узами в классы и ассоциации для защиты своих интересов, связанных с собственностью.

И фашистское, и советское государство опирались на понятие *народ* (впрочем, фашисты чаще использовали термин «нация»). Но это понятие наполнялось разным смыслом.

В России не произошло рассыпания народа на «атомы» (индивиды). В разных вариациях общество всегда было целым, образованным из *соборных личностей*. Вот слова двух очень разных религиозных философов. С. Франк: «Индивид в подлинном и самом глубоком смысле слова произведен от общества как целого. Существует недифференцированное единство сознания — единство, из которого черпается многообразие индивидуальных сознаний». Вл. Соловьев: «Каждое единичное лицо есть только средоточие бесконечного множества взаимоотношений с другим и другими, и отделять его от этих отношений — значит отнимать у него всякое действительное содержание жизни».

Русский коммунизм и советский строй, в основе мировоззрения которого лежал общинный крестьянский коммунизм, унаследовали эту антропологию, это представление о народе и обществе — удаляясь при этом от Маркса. Вошедшая в государственную советскую идеологию категория *народ* не выработывалась и не навязывалась, а была унаследована без всякой рефлексии, как нечто естественное. Большевики, а затем и советское обществоведение не выработали своей теоретической концепции народа (что очень дорого обошлось советскому обществу в конце 80-х годов и дорого обходится сегодня).

Фашизм, напротив, «наложил» на индивидуализированное общество догму общности как *идеологию* (что изуродовало многие черты атомизированного современного общества). Вот слова из программы Муссолини: «Нация не есть простая сумма живущих сегодня индивидов, а организм, который включает в себя бесконечный ряд поколений, в котором индивиды — мимолетные элементы». Это как будто переписано у наших евразийцев, только вместо *личности* (принципиально отличной от категории *индивида*), частицы нации представлены в фашизме атомами, мимолетными элементами.

И в советской идеологии, и у философов фашизма есть много высказываний против индивидуализма и свободной конкуренции, за солидарность и первенство общественных интересов. Но суть определяется ответом на вопрос «*что есть человек?*» Отсюда исходят разные смыслы похожих слов. В русском и в прусском социализме (идеями которого питался фашизм) речь идет о несовместимых вещах. Между ними — пропасть, которой, кстати, нет между либерализмом и фашизмом. Коммунизм — это квазирелигиозная идея соединения, даже *братства* народов. Фашизм — идея совершен-

но противоположная. В.Шубарт писал в своей книге: «Фашистский национализм есть принцип разделения народов. С каждым новым образующимся фашистским государством на политическом горизонте Европы появляется новое темное облако... Фашизм перенес разъединительные силы из горизонтальной плоскости в вертикальную. Он превратил борьбу классов в борьбу наций».

Примечательно интервью, которое дал последовательный антисоветский идеолог Ю.Афанасьев. Он сказал, что одно из главных противоречий XX века — это противоречие между коллективизмом и универсализмом, с одной стороны, и индивидуализмом, либерализмом — с другой. Ему говорят:

— Это любопытно... А, скажем, социальную философию фашизма вы к какой из этих сторон относите?

Ю.А.: Она, конечно, сугубо сингуляристская, абсолютно. Она делает ставку на индивидуум и замкнута на индивидуальное сознание. Причем индивидуальное сознание, которое приобретает гипертрофированный, как у Ницше, характер и воплощается уже в образе вождя.

Журналист удивляется:

— То есть фашизм — это гипертрофированный либерализм?

Ю.А.: Абсолютно — да. Иными словами, социальный атомизм.

— Мы, кажется, далеко зашли... — пугается журналист.

Таким образом, по своей антропологии фашизм — извращенное западное гражданское общество, но в каком-то смысле это прототип гражданского общества будущего — общества «золотого миллиарда». Фашизм — «опытная установка» Запада в технологии «производства человека», то есть, принятого массовым сознанием представления о человеке. В фашизме, например, разрабатывалась первая государственная программа «Эвтаназия» — программа убийства больных. Для ее реализации в нацистской Германии были созданы особые организации — Имперское общество лечебных и подшефных заведений и Имперский общественный фонд попечительных заведений. Врачи из этих «обществ» предписывали больным смерть часто без всякого осмотра, заочно. Как было установлено в ходе Нюрнбергского процесса, только за один год по этой программе в Германии было умерщвлено 275 тыс. человек.

Международный трибунал в Нюрнберге определил активную эвтаназию (т.е. умерщвление — в отличие от пассивной

эвтаназии как прекращения оказания помощи) как преступление против человечности. А сегодня в 23 штатах США уже легализована пассивная эвтаназия, а в ряде судебных процессов оправданы врачи, занимающиеся *активной* эвтаназией. В Голландии без всяких законов уже с начала 80-х годов врачи делали по 5—10 тыс. смертельных инъекций в год⁵.

Фашизм доводит до логического завершения либеральную идею *конкуренции*. Вот что взял фашизм у Шпенглера: «Человеку как типу придает высший ранг то обстоятельство, что он — хищное животное». Фашизм — это перенесенный в индустриальное общество XX века языческая формула Рима: «человек человеку волк». Как же, доводя эту формулу до крайности, удалось сплотить немцев в особый тип солидарного общества?

Говорят, что фашизм был болезненным припадком *группового инстинкта*, силой культуры подавленного в западном атомизированном человеке. Лоренц понимал слово инстинкт буквально, другие антропологи — как метафору. Для нас здесь важен тот факт, что человек солидарный традиционного общества не испытывает этой тоски и не может страдать такими припадками. Страдания людей, ставших «беспорядочной пылью индивидов», давно занимают психологов и социологов. В конце XIX века Э.Дюркгейм назвал это явление *аномией* — разрывом традиционных человеческих связей. Аномия, по его мнению, — главная причина нарастающего в индустриальном обществе числа самоубийств.

Замечательного антрополога К.Лоренца травили до самой недавней смерти за то, что он в молодости был фашистом. А надо бы ему быть благодарным за то, что он прошел через это, осознал, преодолел и смог потом сказать очень важные вещи. Судя по воспоминаниям, большим потрясением для него был плен и сам акт пленения под Витебском в 1943 г. Насмотревшись на дела немцев, он был уверен в бесконечной ненависти русских. Выходя из окружения, он ночью побежал к тем окопам, из которых стреляли по русским, и его ранили. Он смог уйти и заснул во ржи. Утром его разбудил русский солдат: «Эй, камрад, выходи!». И когда он вышел и сдался, солдат стал ему объяснять, какого они ночью сваяли дурака — в неразберихе две наши роты стреляли друг в друга. Лоренца потрясло, что русский после такой задачи хотел по-дружески выговориться перед ним, пленным немцем. Он здесь увидел «инстинкт общности» в его привычном, естественном выражении, и потом много думал над

тем, как болезненно этот инстинкт проявляется в тех, кто давно стал *индивидом*.

Фашисты отвергли деление людей на индивидов, наличие «пустоты» между ними. Отсюда и название: по-латыни *fastis* значит *сноп*. Стремление плотно сбиться в рой одинаковых людей достигло в фашизме крайнего выражения — все надели одинаковые коричневые рубашки. Они были символом: *одна рубашка — одно тело*. Достаточно прочесть статьи философов фашизма о смысле рубашки, чтобы понять, какая русских от них отделяет пропасть.

Советское государство не предполагало и не могло звать к сплочению в рой, ибо для такого сплочения люди должны были сначала пройти до конца атомизацию, превратиться в индивидов. У советского человека не было болезненного приступа инстинкта группы, ибо он постоянно и незаметно удовлетворялся через множество, в идеале через полноту, солидарных связей соборной личности. «Русскому тоталитаризму» не нужно было одной рубашки, чтобы выразить единство. Да, у фашизма был важен *народ*, но это был народ, спаянный из людей-атомов с помощью идеологической магии. Это слово было наполнено совсем иным содержанием, чем в СССР.

С конца 20-х годов за десять лет фашизм *создал* из рассудительных немцев совершенно новый, самоотверженный и фанатичный народ. Этот народ фашистской Германии обладал качествами, каких не было у того «материала», из которого он был создан.

За вторую половину XX века проблема создания народов стала предметом исследований и технологических разработок, основанных на развитой науке. Быстрому продвижению в этой области помог опыт фашизма, который интенсивно изучался этнологами. Идеологи фашизма одними из первых поставили сознательную цель «пересборки» немцев в форме жестко скрепленного народа — с одновременным *отъединением* их от других народов и даже противопоставлением большинству других народов. В этом, кстати, одно из принципиальных отличий фашизма от коммунизма, который исходил из идеи *соединения*, даже братства народов.

Германские фашисты, производя «пересборку» немецкой нации по своему уникальному проекту, интенсивно использовали примордиалистский миф «крови и почвы». Согласно концепции *примордиализма* (от лат. *primordial* — изначальный), национальность рассматривается как *изначальная* данность человека, с чем человек рождается и чего не может

выбирать. При таком взгляде этнические (национальные) черты есть базовые «сущностные структуры самой личности, являющиеся вместилищем этнической субстанции». Национальность понимается как *вещь*, как скрытая где-то в глубинах человеческого организма материальная эссенция (сущность). Условно говорят, что она находится в крови, а в Средние века говорили «плоть», и это было не так зловеще⁶.

Примордиализмом была проникнута романтическая немецкая философия с ее мифом «крови и почвы», им проникнуто и обыденное сознание людей. Обращение к «крови», к солидарности «родства» легко воспринимается сознанием, сильно действует на чувства и будит коллективную память. Это и использовали фашисты для сплочения атомизированных немцев.

Национализм, сплывающий людей мифом «крови», приобретает черты *этнического национализма*, возрождающего племенное сознание — в отличие от гражданского сознания, возникающего при соединении людей общей культурой. Для этнонационализма характерно преувеличенное значение образа «иных», которые виновны в бедственном положении «своих».

Так, для немцев в 20-е годы XX века главными «иными» были англичане, которые воспринимались как основные победители в войне. В 30-е годы на первый план вышли евреи, из которых фашистская пропаганда сделала виновников всех национальных бед, а также славяне (прежде всего русские), которых предполагалось превратить во «внешний пролетариат» немецкого национал-социализма.

Отсюда и представление фашизма о народах и расах, выраженное следующими словами Шпенглера: «Существуют народы, сильная раса которых сохранила свойства хищного зверя, народы господ-добытчиков, ведущие борьбу против себе подобных, народы, предоставляющие другим возможность вести борьбу с природой с тем, чтобы затем ограбить и подчинить их».

Здесь — полное отрицание идеи *всечеловечности*, лежавшей в основании советского социализма, и отрицание политической практики СССР, созданного в нем способа сосуществования народов. Фашизм вырос из идеи конкуренции и подавления друг друга — только на уровне не индивида, а расы. Советский строй — из идеи равенства, сотрудничества и взаимопомощи людей и народов.

Для сплочения «народа Третьего рейха» в фашистской Германии большое значение имела идея *жизненного пространства* — территории, которую надо отвоевать для немцев у *восточных* народов. Генеральный план «Ост» сначала предполагал «выселить» в течение 30 лет 31 млн человек с территории Польши и западных областей Советского Союза и поселить немцев-колонистов. Но директивой от 27 апреля 1942 г. было предписано планировать «переселение» 46—51 млн человек. На Нюрнбергском процессе выяснилось, что под термином «переселение» подразумевалось истребление. Здесь география смыкается с мировоззрением, историей и проектом *будущего*.

Присущий фашизму тип мышления иллюстрирует Меморандум 1938 года о предстоящей войне с СССР, подготовленный промышленником А.Рехбергом. В нем дано такое обоснование военной доктрины: «Объектом экспансии для Германии представляется пространство России..., она обладает неисчислимыми потенциальными богатствами в области сельского хозяйства и еще не тронутых сырьевых ресурсов. Если мы хотим, чтобы экспансия в это пространство обеспечила Германии превращение в империю с достаточной для ее потребностей аграрной и сырьевой базой, то необходимо захватить по крайней мере всю русскую территорию по Урал включительно, где залегают огромные рудные богатства».

В идеологии фашизма образу земли — и как «жизненному пространству», и как «почве» — придавалось огромное значение. Были созданы целые мифологические системы и даже квазинаучные концепции «кормящего ландшафта» и расовой экологии. Гитлер внушал, по-новому этнизируя население Германии: «Чем для Англии была Индия, тем для нас станет восточное пространство. Ах, если бы я мог довести до сознания немецкого народа, сколь велико значение этого пространства для будущего!» Один из идеологов фашизма, Дарре, писал о биологической взаимосвязи тотемных животных с расовыми характеристиками народов (в 1933 г. он выпустил книгу «Свинья как критерий у нордических народов и семитов»). В советской идеологии не было никакой мистики «почвы», а образ родной земли носил оптимистический и несколько не захватнический характер.

Поход на Восток представлялся фашистами как миссия по защите «западных ценностей», которую немцы обязаны нести со времен Карла Великого. Современный немецкий

историк Э.Хеш пишет в статье «Восточная политика Немецкого Ордена в XIII веке» о символическом значении тех событий для XX века, уже для германских фашистов перед войной с СССР: «В национал-социалистические времена средневековые походы в восточные земли были склонны связывать преимущественно с «немецкой миссией» в крае, лишенном культуры».

Важной частью той мировоззренческой матрицы, на которой ведется сборка народа, являются *религиозные представления* и те нравственные ценности, которые культура народа восприняла из религии. Фашизм в его проекте нациестроительства создал большую мистическую и мифологическую систему и даже предпринял попытку создать новую религию.

Этот опыт немецкого фашизма изучал русский православный мыслитель С.Н.Булгаков, который изложил свои выводы в трактате «Расизм и христианство». Для нашей темы важен тот отмеченный им факт, что в своем проекте «сборки» совершенно нового, необычного народа *фашистов* оказалось необходимым «создать суррогат религии, в прямом и сознательном отвержении всего христианского духа и учения»: Расизм фашистов, по словам Булгакова, «есть философия истории, но, прежде всего, это есть религиозное мироощущение, которое должно быть понято в отношении к христианству». Чтобы сплотить немцев новыми, ранее им не присущими, этническими связями, недостаточно было ни рациональных доводов, ни идеологии. Требовалась *религиозная* проповедь, претендующая встать вровень с христианством.

С.Н.Булгаков, анализируя тексты теоретика нацистов Розенберга, пишет о фашизме: «Здесь наличествуют все основные элементы антихристианства: безбожие, вытекающее из натурализма, миф расы и крови с полной посюсторонностью религиозного сознания, демонизм национальной гордости («чести»), отвержение христианской любви с подменной ее, и — первое и последнее — отрицание Библии, как Ветхого (особенно), так и Нового Завета и всего церковного христианства.

Розенберг договаривает последнее слово человекобожия и натурализма в марксизме и гуманизме: не отвлеченное человечество, как сумма атомов, и не класс, как сумма социально-экономически объединенных индивидов, но кровно-биологический комплекс расы является новым богом религии расизма. ... Расизм в религиозном своем самоопределении представляет собой острейшую форму антихристиан-

ства, злее которой вообще не бывало в истории христианского мира (ветхозаветная эпоха знает только прообразы ее и предварения, см., главным образом, в книге пророка Даниила). ... Это есть не столько гонение — и даже менее всего прямое гонение, — сколько соперничающее антихристианство, «лжецерковь» (получающая кличку «немецкой национальной церкви»). Религия расизма победно заняла место христианского универсализма».

Вот типичные высказывания Розенберга, приводимые Булгаковым: «Не жертвенный агнец иудейских пророчеств, не распятый есть теперь действительный идеал, который светит нам из Евангелий. А если он не может светить, то и Евангелия умерли... Теперь пробуждается *новая* вера: миф крови, вера вместе с кровью вообще защищает и божественное существо человека. Вера, воплощенная в яснейшее знание, что северная кровь представляет собою то таинство, которое заменило и преодолело древние таинства... Старая вера церквей: какова вера, таков и человек; северно-европейское же сознание: каков человек, такова и вера».

Здесь, кстати, видно философское различие двух тоталитаризмов, которые столкнулись в мировой войне — фашистского и советского.. Когда в СССР потребовалось максимально укрепить связи этнической солидарности русского народа, государство не стало создавать суррогата религии, как это сделали в свое время якобинцы, а теперь фашисты, а обратилось за помощью именно к традиционной для русских православной церкви. В 1943 г. Сталин встречался с церковной иерархией, и церкви было дано новое, национальное название — Русская православная церковь (до 1927 г. она называлась *Российской*). В 1945 г. на средства правительства было организовано пышное проведение собора с участием греческих иерархов. После войны число церковных приходов увеличилось с двух до двадцати двух тысяч. Поэтому развернутая с 1954 г. Н.С.Хрущевым антицерковная пропаганда была одновременно и *антинационалистической*, имея целью пресечь одну из последних программ сталинизма.

Теперь о расизме. Наше вульгарное обществоведение оставило в наследство примитивное представление о национализме и расизме. Люди считают примерно так: кто бьет негров — тот расист. Кто хвалит свой народ — националист. Конечно, привычки и культура высказываний и действий имеют отношение к вопросу, но очень небольшое. Суть глубже — в системе взглядов и в коллективном бессознательном

относительно человека и человечества. Взгляды, а затем и подсознание разошлись по двум пока что разным путям при возникновении в Европе современного буржуазного общества. Россия осталась именно на иной ветви культуры, хотя русский хулиган вполне может обругать и побить негра. При этом он не станет расистом, а лишь выразит, в тупой и грубой форме, общее и естественное для всех народов свойство *этноцентризма* — неприязни к иному. Но суть в том, что он обругает негра как *человека*, как бы он его ни обзывал. «Все мы люди, все мы человеки», хоть и костыляем друг друга. Но это — вовсе не тривиальное мнение. Запад мыслит иначе.

Вспомним первый год немецкого вторжения. Тогда советским людям, размягченным сказкой о пролетарском интернационализме, стоило огромных трудов поверить в то, что идет война на *уничтожение* нашего народа. Они кричали из окопов: «Немецкие рабочие, не стреляйте. Мы ваши братья по классу». И большое значение для перемены мышления имело мелкое, почти вульгарное обстоятельство: из оккупированных деревень стали доходить слухи, что немецкие солдаты, не стесняясь, моются голыми и даже отправляют свои надобности при русских и украинских женщинах. Не из хулиганства и не от невоспитанности, а просто потому, что не считают их вполне за людей. Откуда же это взялось? Из прекрасных теорий Просвещения и гражданского общества, из самого понятия «цивилизации».

Расизма не было в средневековой Европе. Он стал необходим для колонизации, и тут подоспело религиозное деление людей на две категории — *избранных* и *отверженных*. Это деление быстро приобрело расовый характер: уже Адам Смит говорит о «расе рабочих», а Дизраэли о «расе богатых» и «расе бедных». Колонизация заставила отойти от христианского представления о человеке. Западу пришлось позаимствовать идею избранного народа (культ «британского Израиля»), а затем дойти до расовой теории Гобино. Как писал А. Тойнби в середине XX века, «среди англоязычных протестантов до сих пор можно встретить «фундаменталистов», продолжающих верить в то, что они избранники Господни в том, самом буквальном смысле, в каком это слово употребляется в Ветхом завете». Именно пуританский капитализм породил идею о делении человечества на высшие и низшие подвиды. А. Тойнби пишет: «Это было большим несчастьем для человечества, ибо протестантский темперамент, установки и поведение относительно других рас, как и во многих других жизнен-

ных вопросах, в основном вдохновляются Ветхим заветом; а в вопросе о расе изречения древнего сирийского пророка весьма прозрачны и крайне дики».

Великий немецкий философ Ницше развил идею деления людей на подвиды до предела — до идеи сверхчеловека, который освобождается от «человеческого, слишком человеческого». Достаточно прочесть сравнительно мягкую книгу Ницше «Антихристианин», чтобы понять, насколько несовместимы идейные истоки фашизма и коммунизма. Фашисты произвели из метафоры Ницше упрощенную версию — белокурой бестии. Эту версию у нас достаточно обругали, но здесь для нас важнее именно ее философская основа. Советский коммунизм отверг ее не по невежеству — ницшеанство было изучено, «ощупано» русской мыслью, она прошла через соблазн ницшеанства. Достаточно вспомнить Горького с его образами сверхчеловека — Данко и Ларры. Советская культура отвергла эти образы, даже с некоторым преувеличением отторжения. Культ героя-сверхчеловека не привился, наш герой — Василий Теркин.

Советский строй в этом вопросе стал именно антиподом фашизма. Это особо подчеркивает Л.Люкс: «После 1917 г. большевики попытались завоевать мир и для идеала русской интеллигенции — всеобщего равенства, и для марксистского идеала — пролетарской революции. Однако оба эти идеала не нашли в «капиталистической Европе» межвоенного периода того отклика, на который рассчитывали коммунисты. Европейские массы, прежде всего в Италии и Германии, оказались втянутыми в движения противоположного характера, рассматривавшие идеал равенства как знак декаданса и утверждавшие непреодолимость неравенства рас и наций. Восхваление неравенства и иерархического принципа правыми экстремистами было связано, прежде всего у национал-социалистов, с разрушительным стремлением к порабощению или уничтожению тех людей и наций, которые находились на более низкой ступени выстроенной ими иерархии. Вытекавшая отсюда политика уничтожения, проводившаяся правыми экстремистами, и в первую очередь национал-социалистами, довела до абсурда как идею национального эгоизма, так и иерархический принцип».

Подчеркну, что сущность фашизма — не выверты и зверства нацизма, не геноцид евреев и цыган, а сама уверенность, что человечество не едино, а подразделяется на сорта, на высшие и низшие «расы». Обоснование этой уверенности

сводится к тому, что человеческие ценности (идеалы, культурные установки) записаны в биологических структурах человека (генах) и передаются по наследству. Это — *биологизация культуры*. По этому поводу уже в XVI веке произошел теологический спор в связи с индейцами. Католики установили, что «у индейцев есть душа», и они — полноценные люди. Протестанты считали, что индейцы — низший вид, т.к. не способны освоить ценности рационального мышления, и на них не распространялись права человека. С точки зрения науки (которая совпадает с христианской точкой зрения) человечество — единый биологический вид, ценности же — продукт *культуры*, который передается человеку не «через кровь», а через общение. Коммунисты восприняли эту точку зрения из исторического материализма и, подспудно, из православия. Мы отвергаем биологизацию культуры и по разуму, и по совести. Идеология фашизма, напротив, строилась на философском идеализме и на мифе крови. Так возникла расовая теория, согласно которой одни народы биологически лучше (благороднее, трудолюбивее, храбрее и т.д.), чем другие. Это и есть расизм.

Кстати, расизм биологически делит людей не только по национальному, но и по *социальному* признаку. «Стихийными» расистами оказываются и некоторые наши антикоммунисты (демократы и патриоты), культивирующие идею о «*генетическом* вырождении» советского народа, в котором якобы уничтожили «справных хозяев», так что остались две-три сотни миллионов человек, *биологически* лишенных каких-то ценных качеств.

Заметим, что в Россию биологизацию культуры контрабандой импортировал Горбачев (хотя, думаю, он не знал, что делает). Это — понятие об *общечеловеческих ценностях*. То есть идея о существовании ценностей, якобы присущих всем людям без исключения, иначе говоря, записанных в *биологических* структурах. Из этого понятия следует, что те группы или народности, которые не обладают какими-то ценностями из числа тех, что установлены «мировым правительством», не вполне принадлежат к человеческому роду. Список этих обязательных ценностей составляет «мировая демократия», и достаточно взглянуть на этот список, чтобы понять его сугубо идеологический смысл. Иракцы не разделяют некоторые ценности демократии — и они практически вычеркнуты из списка людей. От эмбарго в 90-е годы погибли 600 тыс. малолетних детей, а западные газеты писали, что

Кувейт освобожден «ценой очень небольшого числа жизней». Но вернемся к чистому фашизму.

Из критериев определения понятия расы немцы выбрали *кровь*. Но это произошло не автоматически, а по расчету. Так, философ-консерватор Меллер ван ден Брук возражал против чистоты крови как главного критерия, для него «раса — это все то, что духовно и физически объединяет определенную группу высших людей». Немецкие фашисты решили упростить вопрос расы и заострить его до предела, итальянцы по этому пути не пошли, но суть одна. И она устойчива, ей не мешает ни демократия, ни рынок. Это видно в моменты кризисов. Психолог Фромм пишет: «Во время войны во Вьетнаме было много примеров того, как американские солдаты утрачивали ощущение того, что вьетнамцы принадлежат к человеческому роду. Из обихода было даже выведено слово «убивать» и говорилось «устранять» или «вычищать» (*wasting*)».

Поэтому смешно говорить, будто расистская Германия Адольфа Гитлера не была частью западной демократии, а Германия Гельмута Коля или Ангелы Меркель — демократия. Тогда это была бы не демократия, не огромная историческая ценность, а дрянь какая-то. Напротив, тяжелый припадок немецкого фашизма только и мог произойти в лоне их демократии и красноречиво высвечивает ее генотип. Фашизм вырос из идеи конкуренции — на уровне расы. И это было задано уже философом нового Запада Гоббсом: «хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее подавляя других, чем объединяясь с ними».

Поэтому нынешние либералы, которые следуют Гоббсу, близки к фашизму (хотя сегодня им претят его грубые методы), а коммунисты — нет. Кстати, либералы очень легко откатываются вправо. Видный теоретик рыночной экономики И.Кристал говорит: «неоконсерватор — это обманутый реальностью либерал». Нынешняя концепция «золотого миллиарда» — типичная расистская концепция, только ее фашизм носит теперь не национальный, а глобальный характер. Вместо расы арийцев теперь стараются создать расу богатых «цивилизованных» людей.

Такова суть того «национализма» и того «социализма», которые соединились в фашизме. Но это — только скелет. Он будет обрастать реальными чертами, когда мы увидим, как трактуется в фашизме личность и государство, человек и природа. Тогда мы начнем чувствовать фашизм не просто как

злобный и жестокий политический проект, который нанес нам столько ран, но и как глубокую, даже трагическую болезнь всей западной цивилизации, которая не излечена и грозит проявиться в новых формах.

Почему же коллективизм и чувство народа не вызывало у советских людей ни фанатизма, ни болезненного чувства превосходства, которое овладело немцами, как только они стали «товарищами в фашизме»? Потому, что солидарность традиционного общества, каким был СССР, культурно унаследована от множества поколений и наполнена множеством самых разных смыслов и человеческих связей. Солидарность фашизма была внедрена с помощью идеологического гипноза в сознание человека, который уже много поколений осознавал себя индивидом. Возник внутренний конфликт, деформирующий человека. Фашизм был болезнью общества, аномалией — как случаются болезни и припадки (например, эпилепсии) в людях.

Общественный строй. Социализм. Определения фашизма, которые используют идеологи, крутятся лишь в социальной и политической плоскости, и мы видим лишь «внешние» результаты. Фашизм остается «черным ящиком», из которого вылетают странные и страшные вещи. Но мы не можем их предсказать, не можем различить скрытого фашизма. И наоборот, в один мешок с фашизмом мы суем явления принципиально иные. Например, называют фашистами латиноамериканских диктаторов. Но мулат Батиста и помещик Сомоса никакие не фашисты, просто кровавые царьки, касики. Кроме того, не всякий фашист имеет возможность сформировать фашистский порядок. Однако начнем с социальной сферы.

Вспомним привычные определения фашизма, данные с двух сторон — марксистами и либералами. Г.Димитров сказал, что это «открытая террористическая диктатура самых реакционных, шовинистических и империалистических сил финансового капитала». То есть смертельный враг коммунистов. Либералы нажимают на то, что фашизм — это прежде всего тоталитаризм и национал-социализм, отрицающий свободный рынок и вытекающие из него демократические права человека. То есть, нечто очень близкое к коммунизму.

Пока что мальчиков-«фашистов» для битвы создавали в виде Жириновского, Баркашова и т.п. Для этого Жириновский встречался с Ле Пенем, писал письма правым экстре-

мистам США и т.д. Но тему «русского фашизма» мало-помалу разворачивают, используя «скинхедов». Нам надо быть готовыми и как можно раньше вступить в дебаты — как внутри страны, так и в мире. Относиться халатно к ярлыку фашиста и просто фыркать на «дураков», которые его нам приклеивают, ни в коем случае не следует.

Говорят: коммунизм и фашизм сходны в том, что отрицательно относятся к либерализму, к свободному рынку и буржуазии (фашисты обзывали их плутократами). Но антибуржуазные и антирыночные установки — общая черта очень широкого спектра культурных и философских течений. Большую роль в культуре Европы сыграл романтизм, обличавший капитализм и буржуазный дух, но кто же назовет Шатобриана или Гюго идеологами фашизма. Из романтизма вырос «феодальный социализм» — идеология союза аристократии с пролетариатом против буржуазии. Но феодальный социализм как философия с фашизмом несовместим абсолютно. Пророчески и непримиримо описал буржуазное общество Достоевский в «Великом инквизиторе» — и его считать фашистом? Нет, конечно, хотя его глубоко почитал отец фашистской философии Меллер ван ден Брук. Глубоко антибуржуазным был Лев Толстой с его идеалом всеобщего братства — полный антипод фашизма. *Антибуржуазность* не есть признак фашизма, это его идеологическая маска, маска фашизма как ловца человек.

Своеобразие этой маски как раз в том, что, несмотря на жесткую антибуржуазную фразеологию и широкое привлечение в свои ряды рабочих, фашизм возник в тесном и глубоком взаимодействии с крупным капиталом — взаимного отторжения между ними не возникло. Фашизм не был для крупного капитала, как иногда представляют, просто инструментом для выполнения грязной работы. Переговоры между Гитлером и руководством Веймарской республики о передаче власти фашистам велись через «Клуб господ», в который входили крупнейшие промышленники и финансисты. Для крупного капитала фашизм был средством овладеть массами и «выключить» классовую борьбу с помощью мощной идеологии нового типа. Ничего общего со всей траекторией социалистического движения это не имело. Для крупного капитала оказалось вполне приемлемой жертвой принять флаг «социализма» и антибуржуазную риторику. Важно, что таится *под* риторикой. В отношении к капитализму и социализму никакого сходства между советским проектом и фашизмом нет, это — два полюса.

В советском и фашистском государстве в понятие социализма вкладывался совершенно разный смысл. В СССР социализм представлялся как способ нормальной, мирной жизни без классовой борьбы. Для фашистов это способ преодолеть раскол нации на классы, чтобы сплотиться для великой войны за «жизненное пространство». С самого начала социализм фашистов был *проектом войны*. В СССР видели социализм как желанный образ жизни для всех людей на земле, как путь соединения всех во вселенское братство (Лев Толстой — действительно зеркало русской революции). Это имело своим истоком православное представление о человеке.

Национал-социализм фашистов означал соединение лишь «избранного народа» (арийцев у немцев, потомков римлян у итальянцев) — против множества низших рас, которым предназначалось рабство в самом буквальном смысле слова. Истоком этого было протестантское учение об избранности к спасению, которое у Ницше переросло в крайний антихристианизм и утопию «сверхчеловека».

Важной для возникновения фашизма была мысль привлечь рабочих на сторону крупного капитала, используя совместно две сильные идеи, резко разделенные в марксизме — *социализм* и *национализм*. Можно считать это огромным достижением идеологической алхимии фашизма. Его шаманы получили варево огромной наркотической силы. «Западник» Шпенглер развивал идею социализма, «очищенного от Маркса» — идею прусского (а затем «немецкого») социализма. А «антизападник» Меллер ван ден Брук развивал теорию национализма для немцев, которых «марксизм отвратил от идеи нации». Потом эти два компонента были соединены в бинарный заряд фашизма.

Государство. В разных типах общества по-разному видится роль государства. В традиционном обществе государство — ипостась народа, выражение его воли и духа, оно создается «сверху», через откровение (Бога, революции, традиции). У гражданского общества государство — его служащий, прежде всего полицейский, защищающий собственность граждан от пролетариев и голодных орд «дикарей». Оно создается «снизу» — волей массы индивидов (тех, кого не отлучили от выборов цензами, апатией и наркотиками).

В отношении государства формулировки советских коммунистов и вообще всех наших патриотов-государственников внешне во многом схожи с формулировками фашистов. Од-

нако сущность, а также сам генезис, зарождение советского и фашистского государств различны принципиально. Советское государство возникло как революционный разрыв с несостоявшимся *либерально-буржуазным* государством. Но эта революция восстановила, в новой форме и с новым обоснованием «сверху», типичное государство традиционного общества России. Главным в нем, как и ранее, было понятие народа, теперь не разделенного на классы. Но это понятие в принципе было тем же самым, что и раньше, в царской России. М.М.Пришвин в первые дни после Октября признал: «Просто сказать, что попали из огня в полымя, от царско-церковного кулака к социалистическому, минуя свободу личности». Фашизм же мог вырасти только из демократии, из общества свободных индивидов (по неправильному выражению Пришвина, только из «свободы личности»).

Фашистское государство в Германии возникло, по словам первого вице-канцлера Папена, «пройдя до конца по пути демократизации» Веймарской республики. То есть, в условиях крайнего кризиса, гражданское общество с помощью присущих ему *демократических* механизмов породило фашистское государство. Философ Хоркхаймер, которого любят цитировать наши либералы, сказал о фашизме: «тоталитарный режим есть не что иное, как его предшественник, буржуазно-демократический порядок, вдруг потерявший свои украшения». А вот что пишет об этом Герберт Маркузе: «Превращение либерального государства в авторитарное государство произошло в лоне одного и того же социального порядка. В отношении этого экономического базиса можно сказать, что именно сам либерализм «вынул» из себя это авторитарное государство как свое собственное воплощение на высшей ступени развития».

Таким образом, по признанию виднейших западных философов, фашизм — это западная демократия на высшей ступени развития.

По-разному создавались наши государства. Советское — как продукт революции, которая резко *сдвинула* равновесие сил, которое установилось между Февралем и Октябрем 1917 года. Фашистское государство возникло как особый выход из нестабильного равновесия, к которому привел тяжелый кризис Запада: буржуазия не могла справиться с рабочим движением «легальными» методами, а пролетариат не мог одолеть буржуазию. Фашисты предложили выход: считать разоренную войной Германию «пролетарской нацией» и

объявить *национал-социализм*, направив свою «классовую борьбу» вовне. Покорив необразованные народы, немецкий рабочий класс перепоручит им всю грязную работу и тем самым перестанет быть пролетарием — в Германии будет осуществлен социализм.

Разными были и основания репрессий как инструмента государства. Репрессии в СССР были прямым следствием и частью гражданской войны, ее битвами среди разных групп *победителей* ради достижения той степени единства, которую называют тоталитаризмом. Иными были задачи репрессий в фашистской Германии. Создав свое государство с очень сложной Идеологией, фашисты были вынуждены срочно начать превентивные массовые репрессии против левых сил. Эти репрессии не были *судорогами гражданской войны* — это была особая война, нужная для стабилизации нового, необычного равновесия, достигнутого через союз буржуазии и пролетариата. Поскольку этот союз опирался на хрупкую систему манипуляции сознанием, было необходимо удалить из общества всех тех, кто мог разрушить эту систему, нарушить очарование.

Если мы вспомним теорию гражданского общества Локка, то увидим, что социализм фашистов был ее логическим продуктом, в котором скрытый расизм евроцентризма переводился в видимую часть идеологии. По Локку, человечество состояло из трех элементов: ядра (цивильного общества, «республики собственников»), пролетариата, живущего в «состоянии, близком к природному», и «дикарей», живущих в природном состоянии. Фашизм означал соединение первых двух компонентов немецкой нации в одно ядро — гражданской пролетарской нации, устанавливающей свой «социализм» путем закабаления «дикарей». То есть, фашизм не отвергал антропологию гражданского общества. Он вместо преодоления классового антагонизма путем «экспроприации экспроприаторов» направлял эту экспроприацию вовне.

Таким образом, и по своему «генетическому аппарату», и по образу рождения Советское и фашистское государства принадлежат к совершенно разным типам, они возникли и развивались на разных ветвях цивилизации. Одно было государством традиционного общества под шапкой модернизма, другое — уродливым порождением гражданского общества под шапкой традиционализма. Шапка, конечно, важна, но голова важнее. Разница видна, например, в сфере этики. Традиция предписывает наличие в государстве общей

этики, в частности, множества запретов и табу, прямо не записанных в законе. Эта этика носит как бы религиозный характер, устанавливается «сверху». Поэтому советское государство называли *идеократическим* — по аналогии с *теократическим*, в котором действует религиозное право.

Фашистское государство было принципиально *антитрадиционным*, это был именно плод западного общества на новой, больной стадии развития. Восприняв концепцию Ницше о сверхчеловеке «по ту сторону добра и зла», оно, устами корифея юридической науки К.Шмитта, провозгласило себя всемогущим, не ограниченным «никакими формальными или моральными табу». Более того, множество действий фашистов были специально направлены на то, чтобы натренировать персонал государственных институтов на работу в условиях снятия табу.

Советское и фашистское государства изначально строились на разных принципах *власти*. Фашизм исходил из древней и типично западной концепции *цезаризма*. Л.Люкс пишет: «Большевикам были непонятны причины популярности на Западе «цезаристской» идеологии, ибо в русской традиции нет предпосылок для ее возникновения... «Цезаристские» образы практически не возникали в русской истории. Правда, в России были цари, осуществлявшие в русском обществе не менее глубокие преобразования, чем «цезари» в западном. Но при этом имеются в виду этатистские революции сверху, которые задумывались и осуществлялись законными властителями России... В истории большевизма, равно как и в истории России, цезаристская идея не играла сколько-нибудь заметной роли. Большевистская партия, в противоположность правоэкстремистским партиям, ни до, ни после захвата власти не являлась партией вождя. Партийная дисциплина и беспрекословное повиновение ни в коем случае не были идентичны. Многие важные решения принимались после жарких дискуссий внутри партийного руководства. В 1936 г. Троцкий писал, что вся история большевистской партии — это история фракционной борьбы». Поэтому и процесс возникновения культа личности Сталина и концентрации власти в его руках был принципиально иным, нежели в фашистском государстве.

Фашисты категорически отвергали всякое самоуправление, государство было корпоративным и предельно иерархическим. Население было разделено на профессиональные цеха-корпорации. У нас же огромная часть функций

выполнялась в рамках самоуправления: в сельсовете, в колхозе, в трудовом коллективе завода. Мы этого и не замечали, а когда на Западе просто начинаешь перечислять повседневные функции этих «институтов», тебя слушают недоверчиво. Представительство граждан во всех органах власти не было корпоративным — напротив, принципиальной политикой было создание условий для соединения людей разных групп, профессий, культур, национальностей.

Снова сошлюсь на интервью Ю.Афанасьева. Огорчаясь, что в Российской Федерации принят старый советский гимн, он объясняет это так:

— Обе России — и Россия «советская», и Россия молодая — устремлены, как оказывается, в брежневское время своими идеалами и помыслами. Вот этот сложный массив и составляет «путинское большинство». Но когда большинство высказывается за гимн — тогда в силу вступают и другие характеристики инерции советского периода. Ведь огромная часть населения в советское время была непосредственно вовлечена во власть, в систему власти на всех уровнях — от политбюро до домоуправления.

Удивленный журналист спрашивает:

— Гимн поддержали люди, испорченные властью?

Ю.А.: Именно так. Они чувствовали свою причастность власти....

Ему говорят:

— Ну что ж, ведь это и есть демократический суверен?

Ю.А.: В том-то и дело. Теперь возникает вопрос: что должен делать руководитель — подчиниться, слиться с этим большинством, следовать за ним, или он должен найти в себе мужество, смелость и риск и выступить против? Или, по крайней мере, не следовать тем же курсом.

Вот такие у нас идеологи демократии!

Идея *элиты* была просто болезненным пунктом фашизма (это отмечают как особое свойство все историки и психологи). Особенностью элитаризма фашистов была, однако, ненависть к *аристократии* как «непроницаемой» для них иерархии. В СССР, напротив, центральной догмой идеологии было равенство, но при этом элита (писатели, академики, генералы) быстро приобретала типичные черты аристократии. Не у всех выдвиженцев это получалось, но важны сами побуждения.

Кстати, и элитаризм фашизма сник под давлением глубокого пессимизма и ограниченности его философии. Ниц-

ше сказал западному обывателю: «Бог умер! Вы его убийцы, но дело в том, что вы даже не отдаете себе в этом отчета». Ницше еще верил, что после убийства Бога Запад найдет выход, породив из своих недр сверхчеловека. Такими и должны были стать фашисты. Но Хайдеггер, узнав их изнутри (он хотел стать философом фюрера), пришел к гораздо более тяжелому выводу. Коротко пересказывая его мысль, можно сказать так: «сверхчеловек» Ницше — это средний западный гражданин, который голосует за тех, за кого «следует голосовать». Это индивидуум, который преодолел всякую потребность в смысле и прекрасно устроился в полном обесмысливании, в самом абсолютном абсурде, который совершенно невозмутимо воспринимает любое разрушение; который живет довольный в чудовищных джунглях аппаратов и технологий и пляшет на этом кладбище машин, всегда находя разумные и прагматические оправдания.

Язык идеологии государства. Фашисты пришли к власти, сумев на время превратить рассудительный немецкий народ в *толпу*. Предпосылкой к этому было именно состояние атомизированности, разобщенности немцев, порожденное протестантской Реформацией. Связь между фашизмом и Реформацией — большая и сложная тема, к которой с разных сторон подходили многие крупнейшие философы. Фашизм стал огромным экспериментом. Оказалось, что в атомизированном обществе овладение средствами массовой информации позволяет осуществить полную, тотальную манипуляцию сознанием и вовлечь практически все общество в самый абсурдный, самоубийственный проект. Соратник Гитлера А.Шпеер в своем последнем слове на Нюрнбергском процессе признал: «С помощью таких технических средств, как радио и громкоговорители, у восьмидесяти миллионов людей было отнято самостоятельное мышление». Советское государство строилось из сословного общества старой России, к тому же «упорядоченного» Православием и другими «сильными» религиями. Оно было очень устойчиво против «превращения в толпу».

Фашизм (особенно германский) проявил большую творческую силу и осуществил новаторский прорыв к новым технологиям манипуляции массовым сознанием. Тщательно изученные на Западе уроки фашизма используются сегодня и в построении Нового мирового порядка, и широко применялись во время перестройки в СССР. Следуя идеям

психоанализа (не ссылаясь, конечно, на Фрейда), фашисты обращались не к рассудку, а к инстинктам. Чтобы их мобилизовать, они с помощью целого ряда ритуалов превращали аудиторию, представляющую разные слои общества, в *толпу*.

Эффективность обращения к подсознанию была связана, видимо, с особой историей Германии, в которой на мышление человека наложилось несколько «волн страха»: страх перед Страшным судом и адом раннего Средневековья, страх перед чумой XIV века, а затем «страх Лютера» времен Реформации и последующий за ним страх, вызванный разрушением общины. На исход из этого «страха индивида» указывает психолог Э.Фромм: «Человек, освободившийся от пут средневековой общинной жизни, страшился новой свободы, превратившей его в изолированный атом. Он нашел прибежище в новом идолопоклонстве крови и почве, к самым очевидным формам которого относятся национализм и расизм». Все эти волны страха соединились в Германии с тяжелым духовным кризисом поражения в Мировой войне и страшным массовым обеднением. В конечном счете, фашизм — результат параноидального, невыносимого страха западного человека.

Ни в русской православной культуре, ни тем более в оптимистическом советском мироощущении этого страха не было и в помине. Обращения к подсознанию не было в русском коммунизме. Вся его риторика строится на ясной логике и обращении к здравому смыслу. В пределе — на «*деидеологизации*» проблемы. Видный немецкий философ науки, недавно умерший П.Фейерабенд широко использует тексты Ленина, особенно «Детскую болезнь левизны в коммунизме», как классический пример текста, снимающего соблазн, *отрезвляющего* аудиторию. Это был шаг вперед от Маркса в развитии традиции такого изложения проблемы, при котором из нее устраняются все фетиши, все «идолы». Сталин довел эту линию до предела — стоит лишь перечитать его статьи и выступления. Его самые заклятые враги признавали: «слова, как пудовые гири верны». Это слова не соблазнителя, а учителя и командира (хотя и тот, и другой могут быть тираном — для нас сейчас не это важно). Это надо подчеркнуть, ибо тип речи (дискурса) надежно отражает сущность политического проекта и идеологии. Дискурс фашистов и коммунистов строится принципиально по-разному.

Какие же средства использовали фашисты? Прежде всего, они по-новому применили *язык*. Они создали слово, сила

которого заключалась не в информационном содержании, а в суггесторном воздействии, во внушении через воздействие на подсознание. Возник особый класс слов-символов, заклинаний. Гитлер писал в «*Mein Kampf*»: «Силой, которая привела в движение большие исторические потоки в политической или религиозной области, было с незапамятных времен только волшебное могущество произнесенного слова. Большая масса людей всегда подчиняется могуществу слова». Муссолини также высказал сходную мысль: «Слова имеют огромную колдовскую силу».

Языковую программу фашизма иногда называют «семантическим терроризмом», который привел к разработке «антиязыка». В этом языке применялась особая, «разрушенная» конструкция фразы с монотонным повторением не связанных между собой утверждений и заклинаний. Этот язык очень сильно отличался от «нормального». Писатель Итало Кальвино, которого мучила сама эта возможность превратить человека «в абстрактную сумму заранее установленных норм поведения», с этой точки зрения оценивал и «семантический террор» фашистов — «уход от всякого слова, обладающего смыслом, как будто *кувшин, печка, уголь* стали неприличными словами, как будто *пойти, встретить, узнать* — грязные дела».

Ничего подобного не было в «советском» языке, несмотря на период революционного словотворчества. Надежным щитом были советская школа и русская литература. Лев Толстой совершил подвиг, создав для школы тексты на нашем природном, «туземном» языке — и задав стандарты подобных текстов. Малые народы и перемешанные с ними русские остались дву- или многоязычными, что резко повышало их защитные силы. Язык, который вырабатывало советское государство, последовательно устранял «идолов театра». Чтобы убедиться в этом, стоит прочитать речи Сталина и вспомнить его выступление 3 июля 1941 года.

Новаторская практика фашизма сыграла очень большую роль в привлечении *зрительных образов* к манипуляции сознанием. Перешагнув через рационализм Нового времени, фашизм «вернулся» к древнему искусству соединять людей в экстазе через огромное шаманское действо — но уже со всей мощью современной технологии. При соединении слов со зрительными образами возник язык, с помощью которого большой и рассудительный народ был превращен на время в огромную толпу визионеров, как в раннем Средневековье.

Сподвижник Гитлера А.Шпеер вспоминает, как он использовал зрительные образы при декорации съезда нацистской партии в 1934 г.: «Перед оргкомитетом съезда я развил свою идею. За высокими валами, ограничивающими поле, предполагалось выставить тысячи знамен всех местных организаций Германии, чтобы по команде они десятью колоннами хлынули по десяти проходам между шпалерами из низовых секретарей; при этом и знамена, и сверкающих орлов на древках полагалось так подсветить сильными прожекторами, что уже благодаря этому достигалось весьма сильное воздействие. Но и этого, на мой взгляд, было недостаточно; как-то случайно мне довелось видеть наши новые зенитные прожектора, луч которых поднимался на высоту несколько километров, и я выпросил у Гитлера 130 таких прожекторов. Эффект превзошел полет моей фантазии. Сто тридцать резко очерченных световых столбов, на расстоянии лишь двенадцати метров один от другого вокруг всего поля, были видны на высоте от шести до восьми километров и сливались там, наверху, в сияющий небосвод, отчего возникало впечатление гигантского зала, в котором отдельные лучи выглядели словно огромные колонны вдоль бесконечно высоких наружных стен. Порой через этот световой венок проплывало облако, придавая и без того фантастическому зрелищу элемент сюрреалистически отображенного миража».

Немцы действительно коллективно видели «явления», от которых очнулись лишь в самом конце войны. Эти их объяснения (в том числе на Нюрнбергском процессе) принимались за лицемерие, но когда их читаешь вместе с комментариями культурологов, начинаешь в них верить. Например, всегда было непонятно, на что немцы могли надеяться в безумной аванюре Гитлера. А они ни на что не надеялись, ни о каком расчете и речи не было, в них возникла коллективная воля, в которой и вопроса такого не стояло. Немцы оказались в искусственной, созданной языком вселенной. В ней, как писал Геббельс, «ничто не имеет смысла — ни добро, ни зло, ни время и ни пространство, в ней то, что другие люди зовут успехом, уже не может служить мерой».

Фашисты эффективно использовали зрелища и кино. Они целенаправленно создавали огромные спектакли, в которых реальность теряла свой объективный характер, а становилась лишь средством, декорацией. Режиссером таких спектаклей и стал архитектор А.Шпеер, автор труда «Теория воздействия руин» (иногда его переводят как «Теория цен-

ности руин»). Исходя из этой теории, перед войной был разрушен центр Берлина, а потом застроен так, что планировался именно вид руин, которые потом образуются из этих зданий. Вид руин составлял важную часть документальных фильмов с русского фронта, руины стали языком фашизма с огромным воздействием на психику⁷.

В 1934 г. фюрер поручил снять фильм о съезде партии нацистов. Были выделены невероятные средства. И весь съезд с его миллионом (!) участников готовился как съемка грандиозного фильма, целью был именно фильм: «Суть этого гигантского предприятия заключалась в создании искусственного космоса, который казался бы абсолютно реальным. Результатом было создание первого истинно документального фильма, который описывал абсолютно фиктивное событие», — пишет современный исследователь того проекта.

В 1943 г., после разгрома в Сталинграде, Гитлер для подъема духа решает снять во фьорде Нарвит суперфильм о реальном сражении с англичанами — прямо на месте событий. С фронта снимаются боевые корабли и сотни самолетов с тысячами парашютистов. Англичане, узнав о сценарии, решают «участвовать» в фильме и повторить сражение, в котором три года назад они были разбиты. Поистине «натурные съемки» (даже генерал Дитль, который командовал реальной битвой, должен был играть в фильме свою собственную роль). Реальные военные действия, проводимые как спектакль! Вот как высоко ценились зрительные образы идеологами фашизма.

Тогда не удалось — началось брожение среди солдат, которые не хотели умирать ради фильма. И фюрер приказывает начать съемки фильма о войне с Наполеоном. В условиях тотальной войны, уже при тяжелой нехватке ресурсов, с фронта снимается для съемок двести тысяч солдат и шесть тысяч лошадей, завозятся целые составы соли, чтобы изобразить снег, строится целый город под Берлином, который должен быть разрушен «пушками Наполеона» — в то время как сам Берлин горит от бомбежек. Строится серия каналов, чтобы снять затопление Кольберга.

Уроки фашистов были тщательно изучены. Соединение слова со зрительным образом было взято на вооружение пропагандой Запада. Целая серия интересных исследований показывает, как Голливуд подготовил Америку к избранию Рейгана, «создал» рейганизм как мощный сдвиг умов среднего класса Запада вправо. Очень поучительна работа историка кино из США Д.Келлнера «Кино и идеология:

Голливуд в 70-е годы». Можно выразить уважение к специалистам: они работали упорно, смело, творчески. Операторы искали идеологический эффект угла съемки, специалисты по свету — свой эффект.

В СССР для сплочения народа вокруг государства не нужно было факельных шествий — ритуалов *фанатичной* спайки. Советские массовые праздники были *гуляньями*, дети ехали на отцовских шеях с флажком и мороженым в руке, при остановках колонны появлялась гармошка, под которую плясали старики. Советскому государству был абсолютно чужд пессимизм и «воля к смерти» (при том, что смерти было порядочно). Достаточно сравнить симметричные фильмы и сказки начала 30-х годов — всю серию немецких фильмов о Зигфриде и нибелунгах — против советских «Руслана и Людмилы» и «Конька-горбунка». Нашим строителям и в голову бы не пришло «строить будущие руины». Даже снятый уже во время войны крайне идеологизированный фильм Эйзенштейна «Александр Невский» не идет ни в какое сравнение с серией о Зигфриде. В нем нет фанатизма, нет тяжелой мистики, давящей на подсознание.

Приведу пример изощренного применения зрительных образов в целях манипуляции сознанием, открытого немецкими фашистами. Они первыми предприняли для идеологической обработки населения крупномасштабное использование *географических карт*. Дело в том, что карта как способ «свертывания» и соединения разнородной информации обладает не просто огромной, почти мистической эффективностью. Карта имеет не вполне еще объясненное свойство — она «вступает в диалог» с человеком, как картина талантливого художника, которую зритель «додумывает», дополняет своим знанием и чувством, становясь соавтором художника. Карта мобилизует пласты неявного знания работающего с нею человека (а по своим запасам неявное, неформализованное знание превышает знание осознанное, выражаемое в словах и цифрах). В то же время карта мобилизует подсознание, гнездящиеся в нем иррациональные установки и предрассудки — надо только умело подтолкнуть человека на нужный путь работы мысли и чувства. Как мутное и потрескавшееся волшебное зеркало, карта открывает все новые и новые черты образа по мере того, как в нее вглядывается человек. При этом возможности создать в воображении человека именно тот образ, который нужен идеологам, огромны. Ведь карта — не отражение видимой реальности, как, напри-

мер, кадр аэрофотосъемки. Это визуальное выражение представления о реальности, переработанного соответственно той или иной теории, той или иной идеологии.

В то же время карта воспринимается как продукт солидной, уважаемой и старой науки и воздействует на сознание человека всем авторитетом научного знания. Для человека, пропущенного через систему современного европейского образования, этот авторитет столь же непререкаем, как авторитет священных текстов для религиозного фанатика. Фашисты установили, что чем лучше и «научнее» выполнена карта, тем сильнее ее воздействие на сознание в нужном направлении. И они не скупились на средства, так что фальсифицированные карты, которые оправдывали геополитические планы нацистов, стали шедеврами картографического издательского дела. Эти карты заполнили учебники, журналы, книги. Их изучение сегодня стало интересной главой в истории географии (и в истории идеологии).

Мы сами совсем недавно были свидетелями, как во время перестройки идеологи, помахав картой Прибалтики с неразборчивой подписью Молотова, сумели полностью парализовать всякую способность к критическому анализу не только у депутатов Верховного Совета СССР, но и у большинства нормальных, здравомыслящих людей. А попробуйте спросить сегодня: какую же вы там ужасную тайну увидели? Почему при виде этой филькиной грамоты вы усомнились в самой законности существования СССР и итогов Второй мировой войны? Никто не вспомнит. А на той карте ничего и не было. Просто наши манипуляторы хорошо знали воздействие самого вида карты на сознание. Поскольку тоталитарный контроль над прессой был в их руках и никакие призывы к здравому смыслу дойти до масс не могли, успех был обеспечен.

В ведомстве Геббельса были отработаны методы «фабрикации фактов». Они были во многом новаторскими и тогда ставили в тупик западных специалистов. Так, фашисты ввели прием *подстраховки ложных сообщений правдивыми*, даже очень для них неприятными. В такой «упаковке» ложь проходила безотказно. На широкую ногу была поставлена разработка и распространение *слухов*. Впервые в Германии стали публиковаться ложные «научные» работы, в которых давались сфабрикованные цитаты со всеми научными атрибутами — с указанием ссылок на несуществующие источники, с номерами страниц, выходными данными и т.д.

Особую роль в пропаганде фашистов играла *театральность*. Большое внимание уделялось *провокациям*, многие из которых были большими спектаклями (например, поджог Рейхстага). Провокации порой проводились с единственной целью снять «правдивый» пропагандистский фильм. Так, например, жителям оккупированного Краснодара было объявлено, что через город проведут колонну советских пленных и что им можно передать продукты. Собралось большое число жителей с корзинками, полными продуктов. Вместо пленных через толпу провезли машины с ранеными немецкими солдатами — и сняли фильм о «теплой встрече».

В выработке технических приемов фашисты проявляли большое знание психологии и интуицию. Вот какой прием был, например, введен в практику радио немецкими фашистами — они специально инсценировали всяческие «накладки», чтобы создать образ бесхитростных, неуклюжих людей. То «забудут» отключить микрофон и в эфир попадает дружеская перебранка сотрудников, за которую они потом извиняются, то «нечаянно» вторгается посторонний разговор или шум. Это на первый взгляд примитивный, но действенный прием «захвата аудитории». Позже, отталкиваясь от этого опыта, в отношении телевидения было также обнаружено, что искажения на экране телевизора, вызванные работой оператора в реальных условиях, не только не снижают силы воздействия на зрителя, но даже наоборот — создают ощущение большей подлинности репортажа.

Этим приемом злоупотребляло НТВ, когда делались телерепортажи о Чечне в 1995-1996 гг. Вот тропинка вдоль разрушенного дома, вдалеке от боя. По этой тропинке бегут какие-то люди, за ними следует камера. Камера дергается, люди выпадают из кадра, сбивается фокусировка. Все так, будто оператор, в страшном волнении, под огнем снимает реальность. Но камера дергалась и сбивалась с фокуса только для того, чтобы создать *иллюзию* боевой обстановки. Создается мощный эффект присутствия, мы как будто вброшены в страшную действительность Чечни. Трюк, который должен имитировать реальность! Описан в учебниках телерекламы и телерепортажа как прием, оказывающий сильное эмоциональное воздействие от иллюзии достоверности. Это дешевый прием телерепортера, манипулирующего сознанием зрителя — *reality show* (имитация реальности). Советским радио и телевидением он не употреблялся.

Роль женщины и молодежи в концепции советского и фашистского государств. Не будем брать крайности и копаться в вывертах евгеники, включенной в идеологию фашизма — в расовых брачных нормах, идее улучшения породы, организации борделей, где производители-арийцы из СС оплодотворяли ариек для заселения новых жизненных пространств. Возьмем фундаментальную формулу фашизма для средней немки. Она сводилась к магическим «трем *«К»*: *Kirche, Kinder, Kuche* (т.е. *церковь, дети, кухня*). В этом отношении к женщине декларировался откат назад от современного общества.

Советское государство, напротив, декларировало освобождение женщины от «паранджи» (в широком смысле слова) и от экономического подчинения — в рамках наших исторических возможностей. Перед выборами 1995 г. по телевидению была пущена целая серия тупых маленьких пасквилей на советское прошлое. В одном из них Нонна Мордюкова предстала в виде страшной, загубленной этим прошлым женщины, которая с кувалдой трудилась на железной дороге. Что хочет сказать Мордюкова своим паскудным скетчем? Что русская женщина не желала ни образования, ни работы, а желала «церковь-дети-кухня»? А если не это, то пусть Мордюкова прочтет доклад ООН о детской проституции в «нетоталитарных» странах — единственной замене учебы и работы для девочек из «семей с низкими доходами». Но вернемся от Мордюковой к обыкновенному фашизму.

В отношении молодежи мы видим в фашизме сознательное разрушение традиционных отношений. Для превращения молодежи в «женихов смерти» нужна была глубокая культурная революция. Она заключалась в снятии естественных для детского и подросткового возраста культурных норм, запретов, отношений подчинения и уважения к старшим. Сначала — «раскрепощение» сознания, доведение атомизации до полного предела, чтобы затем слепить в рой, в унизированные группы. Идеологи поставили задачу: создать особый фашистский стиль — так, чтобы «молодежи стало скучно в лагере коммунистов» (этот прием не так давно успешно использован и нашими антикоммунистами). Этот стиль был развит как философия под названием «а мне что за дело» или стиль «бродяги и фанфарона» — говоря попросту, хулигана. Взрослые наставники молоденьких фашистов поощряли уличное насилие, ножи и кастеты. Сам фюрер заявил: «Да, мы варвары, и хотим ими быть. Это почетное

звание. Мы омолодим мир». Это — принципиальное отличие от установки коммунизма в отношении молодежи: ее дело — учиться и овладевать всем культурным богатством, которое накопила цивилизация. Надеюсь, ленинские слова еще читатель помнит.

И здесь речь идет не о конъюнктуре, а о фундаментальном открытии философов фашизма, о котором очень много думал и писал КЛоренц: «демократизация» подростков, то есть освобождение их от иерархических связей со взрослыми и от гнета традиций, предоставление им самим устанавливать этические нормы и связи подчинения, неизбежно ведет к фашизации их сознания. Это надо подчеркнуть, ибо многие наши демократы сейчас с энтузиазмом бросились «раскрепощать» школу и детей вообще. Большинство из них не понимает, что творит. Никита Михалков в своем фильме «Утомленные солнцем», за который ему еще будет очень стыдно, издевается над «тоталитаризмом» советских детей. Они у него хором декламируют: «Ленин-Сталин говорит: надо маму слушаться!» Вот чему учили проклятые коммунисты. Тут сын сталинского детского поэта, сам того не понимая, сказал важную вещь. В этой позиции коммунистов соединялась *традиция* русской культуры с *наукой*, хотя тогда научных данных о развитии детской психики было еще недостаточно — их как раз добавило изучение фашизма. Дети должны «маму слушаться», а не создавать свой мирок с демократией.

Изучение процесса фашизации молодежи отражено в романе-антиутопии английского писателя У.Голдина «Повелитель мух» и в классическом фильме по этому роману. Почему-то наши демократы его не вспоминают. А в нем показано, как сотня нормальных детей, попавших без взрослых на тропический остров, решает воспроизвести политический строй «как у взрослых» — с выборами парламента, президента и т.д. И как этот строй неизбежно перерождается в жестокую фашистскую диктатуру. Наш коммунизм (и тут, думаю, большая заслуга Ленина и уже старого Горького) охранил детство и юность от радикалов Пролеткульта. Первым делом была проведена огромная государственная программа по массовому изданию и внедрению буквально в каждую семью *сказок народов СССР* (прежде всего, русских сказок), а также Пушкина и сказок писателей-классиков. Официальная («рекомендованная») советская литература о детстве («Детство Темы», «Детство Никиты») задавала определенный

тип отношений взрослых и детей. Она смогла нейтрализовать «Тимура и его команду» — абстрактную и убогую модель «взрослой» детской организации «для нас». Мы эту книжку переварили.

Миф о «русском фашизме» — оружие против советской и постсоветской России

Утверждение, будто тоталитаризм есть специфическое универсальное состояние разума и души, политического и социального строя, было очень важным оружием Запада в холодной войне против СССР. Выдвинутое в лево-либеральной среде и сформулированное в книге Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма» (1951), это положение оказало сильное влияние на сознание левой интеллигенции Запада, в том числе и в коммунистическом движении. Смысл его был в том, чтобы представить сталинизм и фашизм генетически однородными явлениями и, таким образом, нацепить на СССР ярлык «недобитого фашизма», который западным демократиям удалось сравнить с его двойником (национал-социализмом) во Второй мировой войне. Теперь его придется добивать. Эта концепция, подхваченная в кругах элитарной интеллигенции, стимулировала сдвиг «просвещенной» части западных левых к антисоветизму, в том числе в виде еврокоммунизма. В среде рабочих и крестьян эта проповедь особого успеха не имела, но к их сознанию нашлись другие отмычки.

Идея представить сталинизм и фашизм близнецами-братьями очаровала и советскую западническую галёрку. Во время перестройки она получила не просто трибуну, а и тотальное господство в СМИ. Начались откровения. Е.Евтушенко назвал Великую Отечественную войну «войной двух мусорных ветров». Чингиз Айтматов в своей книге «Тавро Кассандры» (1994) уже не считает войну *Отечественной*. Это для него «эпоха Сталингитлера или же, наоборот, Гитлерсталина», это «их междоусобная война». В ней «сцепились в противоборстве не на жизнь, а на смерть две головы физиологически единого чудовища».

В отношении СССР эта линия продолжается и сегодня. Вот как Л.Радзиховский «благодарит» в юбилей Победы (2005 г.) Красную армию за спасение евреев: «В память о войне остался вечный огонь и вечный вопрос — кто фашист, кто антифашист? Вопрос действительно вечный, но обостряется он, понятно, к 9 мая... Я, конечно, помню. И благодарен

за спасение..., за "дарованную жизнь". Благодарен Красной армии, и СССР, каким бы отвратительным государством он ни был, благодарен солдатам, как бы кто из них ни относился к евреям, каким бы кто ни был антисемитом, благодарен — как ни трудно это сказать — да, благодарен Сталину. Этот антисемит, пусть сам того не желая, но спас еврейский народ... Но помня великую заслугу Сталина, я не могу отрицать очевидного — что он, конечно же, был "обыкновенным фашистом", создал вполне фашистский строй».

Эту тему эксплуатировали и диссиденты, уже когда и сталинизм отошел в историю. В 1979 г. Сахаров пишет писателю Бёллиу о том, какая опасность грозит Западу: «Сегодня на Европу нацелены сотни советских ракет с ядерными боеголовками. Вот реальная опасность, вот о чем нужно думать, а не о том, что вахтер на АЭС нарушит чьи-то демократические права. Европа (как и Запад в целом) должна быть сильной в экономическом и военном смысле... Пятьдесят лет назад рядом с Европой была сталинская империя, сталинский фашизм — сейчас советский тоталитаризм».

В действительности речь все время шла не об СССР, а об исторической России. Более того, из архива было даже вытаскано представление о «панславизме», посредством которого «империя зла» якобы угрожает Европе. Это представление, которое сформулировали Маркс и Энгельс в середине XIX века, продолжало быть актуальным и в отношении СССР. В упомянутой выше книге Ханны Арендт, которая стала библией антисоветской интеллигенции и ежегодно переиздается на европейских языках, прямо сказано, что «большевизм должен своим происхождением панславизму более, чем какой-либо иной идеологии или движению».

Вспомним, как Энгельс развивал эту тему в связи с революцией 1848 г.: «Европа [стоит] перед альтернативой: либо покорение ее славянами, либо разрушение навсегда центра его наступательной силы — России». Идеологический миф о панславизме как угрозе для Запада являлся во второй половине XIX века в Европе разновидностью русофобии. Насколько живучим был этот миф, видно из того, что к нему обращается даже Гитлер в «Майн Кампф»: «Я не забываю всех наглых угроз, которыми смела систематически осыпать Германию панславистская Россия. Я не забываю многократных пробных мобилизаций, к которым Россия прибегала с единственной целью ущемления Германии. Я не могу забыть настроений, которые господствовали в России уже до войны,

и тех ожесточенных нападков на наш народ, в которых изощ-рялась русская большая пресса».

Но гораздо более интенсивно увязывают советский строй с фашизмом через миф о «советском антисемитизме». Внутри СССР его стали пропагандировать в 60-е годы, но пока еще с иносказаниями. Вот показательный пример.

Израильский историк Дов Конторер пишет сегодня о том, что во влиятельной части советской интеллигенции существовало течение, которое отстаивало «возможность лучшего, чем в реальной истории, воплощения коммунистических идей» (он называет эту возможность «троцкистской»). Конторер цитирует кинорежиссера Михаила Ромма, который 26 февраля 1963 г. выступал перед деятелями науки, театра и искусств (текст этот ходил в 1963 г. в самиздате).

Ромм сказал: «Хотелось бы разобраться в некоторых традициях, которые сложились у нас. Есть очень хорошие традиции, а есть и совсем нехорошие. Вот у нас традиция: исполнять два раза в году увертюру Чайковского "1812 год". Товарищи, насколько я понимаю, эта увертюра несет в себе ясно выраженную политическую идею — идею торжества православия и самодержавия над революцией. Ведь это дурная увертюра, написанная Чайковским по заказу. Это случай, которого, вероятно, в конце своей жизни Петр Ильич сам стыдился. Я не специалист по истории музыки, но убежден, что увертюра написана по конъюнктурным соображениям, с явным намерением польстить церкви и монархии. Зачем Советской власти под колокольный звон унижать "Марсельезу", великолепный гимн французской революции? Зачем утверждать торжество царского черносотенного гимна? А ведь исполнение увертюры вошло в традицию. Впервые после Октябрьской революции эта увертюра была исполнена в те годы, когда выдуманы были слова "безродный космополит", которыми заменялось слово *жид*».

Ромм увязал увертюру Чайковского с «советским антисемитизмом», а сегодня Конторер увязывает эту увертюру и саму победу России в Отечественной войне 1812 г. с совершенно актуальным современным тезисом о «русском фашизме». Он пишет о демарше Михаила Ромма: «Здесь мы наблюдаем примечательную реакцию художника-интернационалиста на свершившуюся при Сталине фашизацию коммунизма». Так что пусть те, кто читает сегодня «Войну и мир» или слушает увертюру «1812 год», поостерегутся делать это на публике.

Опасность в том, что на Западе *антисемитизм* и *фашизм* являются понятиями-символами почти религиозного уровня. Смысл их принципиально не подлежит рациональному определению, и никаких дебатов в отношении этого смысла и критериев отнесения людей к антисемитам и фашистам не допускается. Эти понятия — «черная метка» народам, которые ждут своей очереди на получение звания «народов-изгоев». Сама эта угроза до определенного момента действует на национальное самосознание разрушительным образом.

В течение длительного времени, с помощью повторения выстраивалась связка «антисемит-фашист». И была начата большая программа доказательства, что советские люди (точнее, именно русские) — антисемиты. Далее по умолчанию следовало, что они — фашисты, даже если сами этого не сознают и гордятся своей победой над фашизмом.

А.Д.Сахаров в своем «Меморандуме» 1968 года пишет о «свойственном сталинской бюрократии и НКВД (и Сталину лично) мещанско-зоологическом антисемитизме», но считает его неизбывной чертой советского государства: «Разве не позор очередной рецидив антисемитизма в кадровой политике (впрочем в высшей бюрократической элите нашего государства дух мещанского антисемитизма никогда полностью не выветривался после 30-х годов)?».

В 1994 г. в издательстве «Наука» вышла книга «Русская идея и евреи: шанс диалога». У авторов этой академической книги выходит, что фашизм — прямое следствие русского антисемитизма, что черносотенство — «расистский национализм протонацистского толка, вышедший на поверхность политической жизни России в самом начале XX века». И далее: «Не вызывает сомнения, что русское черносотенство удобрило почву, вскормившую гитлеризм». Это заведомая ложь, о чем авторы не могли не знать. Западные исследования германского нацизма как раз показывают принципиальные отличия его антисемитизма от тех форм юдофобии, которые существовали в России (и даже в самой Веймарской республике). Антисемитизм фашизма — качественно новое явление.

Чтобы представить Россию виновницей Холокоста, антисоветские идеологи внедряли в сознание два почти взаимоисключающих мифа — о глубинном антисемитизме царской России и одновременно о государственном антисемитизме в СССР. То есть, стремились подвести читателя к выводу, что антисемитизм — присущее России сущностное качество.

Р.Рывкина, отрекомендованная как «известный социолог, профессор, доктор экономических наук» из РАН, близкий сотрудник академика Т.И.Заславской, в книге «Евреи в постсоветской России: кто они?» (1996) так и пишет: «Антисемитизм в России (речь идет об антисемитизме политических группировок) инвариантен всем ее политическим режимам: он сохраняется независимо от того, какая именно власть устанавливается в стране». Оснований для такого вывода в книге РЫБКИНОЙ не приводится. Напротив, мало-мальски строгие исследования самих еврейских социологов показывают, что антисемитизма в СССР не было. Доля евреев в самых элитарных и влиятельных профессиях была такая, что сионисты начала XX века и мечтать не могли.

С темой государственного антисемитизма и даже «казенного» фашизма легко сопрягается ненависть к победе над фашизмом! Уже одна эта шизофреническая связка разрушила сознание российской интеллигенции, которая в первую очередь находилась в поле воздействия этой кампании, а от нее болезненные разрывы шли и по ткани массового сознания. В.Гроссман сказал, что дело нашей войны было *неправое*. Он писатель, но на этом пути даже идеологи с академическими регалиями шли на подтасовки. Так, поднятый на пьедестал историк и философ М.Гефтер писал: об «ответственности и пагубности военного союза Гитлера и Сталина, из которого органически проистекали... возможности человекоистребления, заявленные Холокостом».

Гефтер подменяет понятие «пакта о ненападении» понятием *военного союза*. Это — идеологическая диверсия, способ усугубить в русских комплекс вины. При этом историка нисколько не смущало, что пакты о ненападении с Гитлером Англия и Франция подписали в 1938 г. — на год раньше СССР. У него и в мыслях не было сказать, что из тех пактов «органически» вытекал Холокост — только из пакта с СССР. О том, что все подобные историки самым чудесным образом «забыли» о Мюнхенских соглашениях, и говорить не приходится.

Вспомним сравнительно недавнюю (1991 г.) кампанию нагнетания страхов перед якобы готовящимися в Москве антиеврейскими погромами. Ведь очевидная была липа. Но нет, тема погромов поднимается даже самыми знаменитыми поэтами в момент, когда еврейская элита буквально встала у рычагов власти и не было никакой возможности даже символических протестов. В большой поэме Александр Межиров так объясняет свои мрачные пророчества:

Потому что по Москве
Уже разгуливает свастика
На казенном рукаве.

И кощунственно молчат
Президенты наши оба.
И в молчанье — христиане

А сейчас мы видим программу искусственного разжигания оскорбленного национального чувства русских с помощью непрерывных провокаций в адрес и русских в целом, и русских националистов. Отдельным большим блоком в эту программу входит и тема «русского фашизма». Эти оскорбления не могут быть следствием низкой квалификации ученых и журналистов, которые их применяют, даже в элементарных руководствах говорится, что это — заведомое провоцирование конфликта. Социологи отмечают: «Весьма показательна в этом смысле лексика исследователей, пишущих о русском национализме. Практически в каждой статье на данную тему можно найти арсенал психиатрических терминов типа «шизофрения», «паранойя», «бред», «комплексы» и т.п. ... В действительности нет никаких эмпирических данных, свидетельствующих о том, что среди русских националистов преобладают индивиды паранойяльного психологического типа. Таких данных нет и в отношении прочих социальных движений. Напротив, существует множество исследований, опровергающих наличие однозначных соответствий между идеологией группы и личностным типом входящих в нее людей».

Да при чем здесь данные? Речь идет именно о провокациях. Сегодня журналист подстрекает подростков к убийству «кавказцев», завтра с таким же пылом требует казни этих подростков как «русских фашистов», а послезавтра обвиняет в фашизме и саму власть, которая приговаривает этих подростков к «слишком мягкому наказанию».

Остановить эту и подобные ей программы может только спокойное и убедительное представление достоверного знания о русской культуре, о российской цивилизации, о советском строе и о фашизме, который пока что в принципе не может укорениться на русской культурной почве. Хотя социальная действительность нынешней России порождает условия для возникновения и ксенофобии, и преступности, и радикальных движений. Во всех них нет родовых призна-

ков фашизма, хотя бы кто-то и нацеплял на себя свастику или взмахивал рукой, как Муссолини. Это бутафория.

Но выработать и упорядочить такое знание мало. Дело в том, чтобы транслировать его в массовое сознание. А это уже зависит от политического порядка. Пока что каналы трансляции под контролем Познера и Швыдкого, а они как раз и заняты распространением мифа о «русском фашизме».

Примечания

¹ Впрочем, один испанский историк мне откровенно объяснил: японцы не могли быть фашистами, потому что они азиаты («чумазый играть на фортепьяно не может»).

² Замечу, что и на Западе, и в России антимеханицизм был представлен целым рядом течений, которые вовсе не вели к фашизму — вспомним хоть Руссо во Франции и В.И.Вернадского в России.

³ В ходе войны на советской территории войска СС несли большие потери, пополнение не успевало проникнуться духом этой доктрины, и особенности этого специфического типа армии стирались.

⁴ На это нередко замечают, что в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин был в том-то и том-то неправ. Конечно, ошибался — но совершенно не в этом дело. Главное, что это было политическое течение, которое считало себя обязанным задуматься о диалектике природы и кризисе ньютоновской картины мира.

⁵ Бородин С, Глушков В. Убийство из сострадания // *Общественные науки и современность*. 1992. №4.

⁶ В других концепциях под этничностью понимают не вещь, а *отношения* ~ как между «своими», так и к «чужим». Отношения эти являются частью культуры и выражаются во множестве символов, знаков, норм и навыков.

⁷ Поразительно, как долго это сидит в немецких политиках: присоединив ГДР, они приказали разрушить только что застроенный огромными зданиями центр Берлина — новый спектакль, уже демократов. Глядя, с каким вкусом НТВ передавало «сверхдокументальные» снимки руин Грозного, начинаешь думать, что персонал нашего «независимого телевидения» тщательно изучил труды Шпеера.

ЧАСТЬ I. ФАШИЗМ И ФАШИЗМЫ

Александр Тарасов

ФАШИЗМОВ МНОГО

**И чем дальше, тем они все менее отличимы
от «обычного капитализма»**

Вопреки тому, что нам постоянно внушают, *просто фашизма*, «фашизма вообще», не существует — как не существует и «тоталитаризма вообще» (еще в 60-е гг. западные авторы доказали, что «концепция тоталитаризма» Арендт—Фридриха—Бжезинского носит не научный, а пропагандистский характер и фактами не подтверждается). Всегда существовал (и сегодня существует) большой набор *разных* фашизмов, зачастую конкурентных друг другу — и даже *враждебных*, причем враждебных до такой степени, что сторонники одного фашизма норовят полностью истребить сторонников другого.

Так повелось еще с 30-х гг. XX в., когда казалось, что есть всего 3 варианта фашизма: нацизм, итальянский фашизм и франкизм. Эти три фашизма часто именуют «классическими», а все остальные считаются «неклассическими». «Классические» фашизмы имеют некоторые общие черты: все они — *движения «среднего класса»*, предъявляющего претензии на *политическую власть* — в ущерб традиционным элитам и в противодействие «социальным низам» (рабочим, крестьянам), — причем движения *массовые*, создавшие собственную, отличную от традиционного консерватизма, идеологию и использующие *революционные* методы борьбы против левого революционного лагеря. Но дальше начинаются резкие различия даже между «классическими» фашизмами. Нацизм опирался на *городской «средний класс»*; строил иерархическое технократическое военное индустриальное государство (в идеале — *гигантский военный завод*); поддерживался (и приводился к власти) *промышленным капиталом*; был ориентирован на языческую мистику и расовую чистоту; рас-

смастривал свою «революцию» как эксперимент по ускоренной модернизации; ставил государство в подчинение партии. Итальянский фашизм опирался на *сельский* «средний класс»; строил патерналистское «корпоративное государство»; поддерживался (и приводился к власти) преимущественно сельскохозяйственным крупным капиталом; был ориентирован на католицизм и внешний национализм (средиземноморский империализм); рассматривал свою «революцию» как *национально-превентивную* — с целью недопущения «большевизации» Италии; ставил партию в подчинение государству. Франкизм еще более откровенно опирался на сельский «средний класс», чем итальянский фашизм, но также и на *колониальные круги и военищину*, поддерживался (и приводился к власти) *феодалной* элитой; строил *патриархально-монархическое* государство; был ориентирован на воинствующий (антимасонский) католицизм; рассматривал свою «революцию» как радикальный способ вернуть Испанию к временам средневековой мировой империи.

Сторонники разных фашизмов истребляли друг друга. В Австрии в феврале 1934 г. сначала к власти пришли сторонники итальянского фашизма — австрофашисты (хеймверовцы), но уже в июле нацисты организовали путч и убили канцлера Э. Дольфуса, а кончилась борьба разгромом австрофашизма и аншлюсом. В Венгрии сторонники итальянского фашизма — хунгаристы во главе с адмиралом Хорти — были в 1944 г. свергнуты венгерскими нацистами — нилашистами во главе с Салаша. В Румынии противоборство между сторонниками итальянского фашизма и нацизма — «зеленорубашечниками», «железногвардейцами», Антонеску и Хорией Симой — вылилось во взаимный массовый террор и форменную гражданскую войну.

После Второй мировой войны правящие элиты уже ни разу не повторили своей довоенной ошибки — не сделали ставку в борьбе с социальной революцией на движения «классического» фашизма: оказалось, что эти экстремистские движения «среднего класса», придя к власти, легко выходят из-под контроля. Поэтому все послевоенные фашистские режимы (исключая франкистский, который, бюрократизировавшись, быстро утратил всякую связь с массовым движением) уже были «неклассическими».

«Неклассические» фашизмы существовали еще до начала Второй мировой войны. Скажем, португальский салазаровский фашизм был первым примером впоследствии очень

распространенного *военного фашизма*, когда традиционные консервативные элиты руками армии устанавливают фашистскую власть, а затем уже сам режим начинает фашизацию общества, создавая «под себя» фашистские партии и движения. Искусственное происхождение такого фашизма определяет, как правило, его клерикальный, патриархальный, традиционный (а не революционный, как у нацистов) характер. Во второй половине XX в. такие режимы десятками возникали в странах «третьего мира».

Другими вариантами еще довоенного «неклассического» фашизма были *монархо-фашизм* и *крестьянский (бауэровский, кулацкий) фашизм*, распространившиеся в странах Восточной Европы (в том числе и в лимитрофах). Это также были фашистские движения (а затем и режимы) с очень ограниченной социальной базой, не сумевшие мобилизовать массы, а пришедшие к власти с помощью традиционных элит (хотя иногда и в результате государственных переворотов), испуганных «красной опасностью». Быстрое включение этих партий и режимов в орбиту итальянского и германского влияния замаскировало их своеобразие, с одной стороны, и не дало им развиться в самостоятельное явление — с другой.

Во Франции до войны между собой конкурировало несколько разных фашизмов: французский вариант итальянского («франсизм» и др.), французский вариант нацизма (Французская народная партия и др.), французский вариант франкизма («кагуляры») и, наконец, оригинальный аристократически-элитарный фашизм «Аксьон франсэз», близкий к монархо-фашизму.

После II Мировой войны «неклассический» фашизм был представлен в основном режимами «*зависимого*» фашизма, или, по другой терминологии — «*наведенного*» фашизма (имеется в виду — наведенного извне, из-за границы). Как правило, это были ультраправые режимы в странах «третьего мира», установленные путем военных переворотов (*военный фашизм*) по указанию и на деньги стран «первого мира», западных демократий (чаще всего — Вашингтона). Непосредственной причиной создания таких режимов служила либо необходимость свергнуть какое-то уже существующее левое (или просто антиамериканское) правительство (в Бразилии, Гватемале, Чили и т.п.) либо не допустить прихода левых к власти.

Поскольку «зависимый» фашизм *зависел* от «демократической метрополии», то часто при фашистских режимах со-

блюдался в той или иной степени «демократический декорум»: существовали парламент, многопартийная система, проводились «выборы». Разумеется, это была в большей или меньшей степени бутафория (в Парагвае при Стресснере вопрос «сожительства» фашизма с демократией решался просто и изящно: в стране *всегда* действовало военное положение, за исключением *одного* дня — дня выборов).

Специально для облегчения создания режимов «зависимого» фашизма в силовых структурах стран «третьего мира» активно насаждалась фашистская идеология. Армия, полиция и спецслужбы превращались в некое подобие фашистских партий без самих партий. Задним числом, уже после военного переворота, выяснилось, что убежденных фашистов в чилийской армии было гораздо больше, чем во всех «гражданских» фашистских организациях в Чили. То же самое выяснилось задним числом в отношении бразильской полиции и военной контрразведки.

«Зависимый» фашизм перебрасывал мостик к праволиберальным режимам, движениям и доктринам, «размывая» понятие фашизма и делая его «более приемлемым» для либералов. Так, режим Сомосы, насажденный в Никарагуа североамериканцами, идеологически ориентировался на европейский фашизм и даже помогал уругвайским фашистам готовить переворот — и в то же время выступал в качестве стратегического союзника США в регионе и формально находился в состоянии войны с «державами Оси».

В Европе первым режимом «зависимого» фашизма был послевоенный пробританский режим в Греции, где после освобождения страны от немецких войск началась гражданская война. Британские лейбористы клеймили Черчилля за поддержку в Греции «монархо-фашистов» и «нацистских коллаборационистов», но, придя в 1945 г. к власти, сами поддерживали тех же «монархо-фашистов» и «нацистских коллаборационистов».

Еще одним вариантом «неклассического» фашизма являются «*новые правые*», возникшие в конце 60-х гг. (первоначально во Франции в виде группы «ГРЕСЕ»). «Новые правые» использовали опыт так называемого *двубортного фашизма* — европейского респектабельного парламентского фашизма, соединявшего фашистскую идеологию с право-консервативной практикой в условиях парламентской демократии. «Новые правые» решили обновить фашистскую теорию за счет отказа от примитивного расизма, примитивного

универсализма и социальной демагогии. Они заменили представление о расовом превосходстве представлением о *несовместимости* разных рас, признали ценность меньшинств (национальных и сексуальных) и вопросов экологии, сформулировали по сути постмодернистскую точку зрения на историю и цивилизацию и сделали фашистскую доктрину фактически неотличимой от доктрины неолиберализма в духе Хайека и Мизеса. Политические взгляды «новых правых» совпали со взглядами практиков неолиберализма эпохи рейганомики и тэтчеризма. Не случайно режим Пиночета (режим «зависимого фашизма») характеризуется также как режим «военного тэтчеризма». Даже основополагающие взгляды, публично высказывавшиеся Тэтчер и Пиночетом, часто оказывались идентичными (например, и тот, и другая отказывались признавать существование общества — что являлось, на самом деле, всего лишь повторением доктрины итальянского фашизма). Именно партии и движения, соединявшие идеи «новых правых» с неолиберализмом, добивались в последнее время больших успехов на выборах в Западной Европе: Национальный фронт Ж.-М. Ле Пена во Франции, партия П.Фонтейна в Нидерландах, Партия свободы Й.Хайдера в Австрии и т.д. (показательно, кстати, что Партия свободы входит в Либеральный Интернационал!).

Фашизмы как набор близкородственных общественных феноменов прекрасно уживаются с любым цветом кожи и любой религией. Лидеры НСПАД были германскими язычниками, но официальная программа партии («25 пунктов») выступала за «позитивное» (то есть не разделенное на церкви, экуменическое) христианство, а большинство членов НСДАП было протестантами и католиками; итальянские, испанские, латиноамериканские фашизмы носили подчеркнуто католический характер; греческий и румынские фашизмы были воинствующе православными; гаитянский фашизм Дювалье были вудуистским; японские фашисты, как правило, синтоисты; существуют мусульманские, индуистские (вишнуистские), иудаистские, буддистские (на Шри-Ланке) фашистские организации. Правда, пока еще не было атеистических фашистских движений.

Фашизм не идентичен белому расизму, как видно из опыта Гаити, режима Мобуту в Заире и совершенно фашистской по идеологии ФНЛА Холдена Роберто в Анголе. Тем более необязательным является антисемитизм (фашистские режимы в Центральной Америке были израильскими, не го-

воря уже о собственно еврейских фашистских организациях, таких как движение «Ках» или «Кахане хай»). Но любому фашизму обязательно присущи установки на воинствующий *антикоммунизм*; *милитаризм* (в узком смысле, то есть на восхваление армии и армейских порядков и перенесение их в гражданскую жизнь); *воинствующие ксенофобия, расизм, национализм* (то есть такие, которые *активно* направлены *против* кого-то: иммигрантов в современной Европе, чернокожих в США или ЮАР, индейцев в Гватемале и Чили, тамиллов на Шри-Ланке и т.п.); теоретический *элитаризм* (то есть отрицание принципа всеобщего равенства); обывательский *культурный примитивизм* (то есть неприятие культуры во всей ее сложности и полноте — и особенно *наиболее интеллектуально сложных* ее проявлений).

Джордж Л. Моссе

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФАШИЗМА

В нашем столетии оставили свои следы в Европе два революционных движения: та революция, которая первоначально возникла на базе марксизма, и фашистская революция. Историки и политологи десятилетиями занимались различными видами марксизма, пренебрегая фашистским движением. Причина этого кажется очевидной. Война и выдвижение на первый план Германии в рамках этой революции скрывали то значение, которое она имела для всей Европы. По этой же причине мы в своем анализе фашизма не ограничимся одной Германией, а уделим внимание также истории других стран, так как в 30-х годах не было ни одной страны, не имевшей собственной фашистской партии, и в 1936 году создание фашистской Европы казалось возможным, хотя Германия еще не могла играть роль гегемона в этом движении. Хотя Италия была важным образцом и даже пыталась, пусть и безуспешно, создать фашистский Интернационал, у национальных фашистских партий были свои стимулы и им надо было решать свои собственные проблемы. Однако если мы захотим приблизиться к сути фашистской революции, мы должны проанализировать ее в европейском масштабе, с учетом основных уклонов, но сначала попытаться выяснить, что было общим для этих движений. Хотя у фашизма не было одного общего основателя, повсюду в Европе он возникал в результате одних и тех же проблем и предлагал одинаковые решения.

Фашизм — хотя это слово тогда еще не было в употреблении — начался с нападков на позитивизм и либерализм в конце XIX века. Это был общеевропейский феномен, и примеров более чем достаточно. В Италии, например, Д'Аннунцио восхвалял инстинкты человека: «Никогда мир не был столь жесток».

Творчество этих людей отражало основной парадокс промышленного общества: с одной стороны, человек вроде бы

терял свою индивидуальность, а с другой, хотел бы снова ее обрести. Появление человека массы сопровождалось чувством, что буржуазная эпоха достигла своей высшей точки в конформизме, тогда как личные связи, на которых основывались буржуазная мораль и безопасность, превратились в ничто. Настроение многих интеллигентов и молодежи были революционными и подстегивались желанием освободиться от пут системы, которая зашла в такой тупик. Много писали об этом бунте, который нашел свое наиболее яркое отражение в экспрессионизме, но до сих пор лишь изредка осознавали, что фашизм возник из того же самого духа мятежа.

И действительно, как фашизм, так и экспрессионизм стремились восстановить «цельного человека», преодолеть распад общества на атомы и взаимное отчуждение людей; оба они стремились восстановить индивидуальность, обратив взгляд человека вовнутрь, на инстинкты, на душу, а не на решение внешних проблем в том позитивистском и прагматическом смысле, который так ценило буржуазное общество. Тот факт, что фашизм ощущал свое родство с экспрессионистским искусством и литературой, не должен удивлять сам по себе, равно как и тот факт, что значительная часть национал-социалистов пыталась перетянуть экспрессионистское искусство и литературу на свою сторону.

Ключ к фашизму — не только в мятеже, но и в его усмирении, так как проблема, стоявшая перед фашистскими вождями, заключалась в том, чтобы извлечь выгоду из такого отношения к обществу и обуздать тот хаос, который может в результате возникнуть. Как подчинить все новые восторги, к которым призывал Л'Аннунцио, или инстинктивность Ницше и направить их по политически эффективным каналам? Тем, что фашизм сумел дать ответ на этот трудный вопрос и подавить широко распространенные настроения «конца века», объясняется, в значительной степени, его позднейший успех.

Как Жорж Сорель, так и Гюстав Лебон уже предлагали решения, так как еще в 90-х годах XIX века они интересовались теми же проблемами. Политическое движение должно строиться на инстинктах человека, а стоящие над всеми вожди должны использовать эти инстинкты. Мир Сореля был явной рационализацией глубочайших групповых чувств. По Лебону, политика должна строиться на иррациональности человека массы. Оба эти француза воспринимали концепцию

человеческой природы, беря за предпосылку бунт «конца века», как «данность» и исходили из нее. Фашизм вырос на почве, которую подготовили Сорель и Лебон: он не только заимствовал у них взгляд на суть человека, но и содержание, которое они в нее вкладывали, а также их рекомендации. Постав Лебон верил в консерватизм масс, которые упрямо держатся за традиционные представления. Он советовал взывать к этому иррациональному консерватизму, что должно сочетаться с «магическим» влиянием вождя на массы. Таким образом можно вовлечь человека массы в массовое политическое движение, обуздав его тягу к хаосу, и сориентировать его на позитивные акции.

Лебон дает самое удивительное описание того, как можно обуздать мятеж. Консерватизм масс использовался фашизмом как инстинкт для возрождения национальных традиций, личных связей, семьи, разрушаемых современным обществом. Этот консерватизм был тесно связан со стремлением покончить с отчуждением и примкнуть к определенной группе, но эта группа должна быть традиционной и выступать за возрождение традиционной морали. Гитлер, например, считал необходимыми массовые движения, потому что они позволяют человеку оторваться от своего рабочего места, где он чувствует себя маленьким, и сразу же оказаться в окружении «тысяч и тысяч людей со сходными убеждениями»¹. С отчуждением должно быть покончено, но исходя из той предпосылки, что человек иррационален и консервативен. Аналогичным образом в Италии исторически сосредоточенный национализм должен был привести к «национальному согласию».

Однако, усмирение мятежа всегда сочеталось с активизмом, а этот вид консерватизма неизбежно шел рука об руку с революцией. Как Гитлер, так и Муссолини испытывали антипатию к составлению партийных программ, к «догматизму». Фашизм больше делал упор на «движение», как Гитлер сам называл свою партию, а Муссолини долгое время предпочитал футуризм Маринетти как художественную и литературную форму, выдвигающую на первый план движение и борьбу. Весь европейский фашизм создавал впечатление неограниченного движения, непрерывного экстаза в смысле Ницше. Но в действительности этот активизм был значительно сужен упором на национализм, расизм и стремлением к возрождению традиционной морали. Единственную разновидность фашизма, к которой это относится не пол-

ностью, мы встречаем во Франции. Там Дриё Ла Рошель восхвалял «провизориум», представление, согласно которому вся существующая реальность может в один момент исчезнуть². Во всех прочих случаях реальность считалась «вечной», и активизм использовался для того, чтобы разрушить существующий порядок, дабы могла восторжествовать вечная истина о народе или нации и тем самым восстановлена традиционная мораль.

Влияние Первой мировой войны уже породило этот ритм, который поставил массу на службу движению. Фронтовой «порыв» превратился на родине в активизм. Для итальянских «фаши», немецких СА и Железной Гвардии в Румынии послевоенное время было врагом, которого им, как ударным частям, предстояло уничтожить вождями этих формирований были, большей частью, бывшие офицеры-фронтовики: Рём, начальник штаба СА; Кодряну, основатель Железной Гвардии; Де Боно в Италии, Салаша в Венгрии — вот лишь несколько примеров. Но этот активизм обуздывался «магией» вождей, о которой много писал еще Лебон. С вернувшимся домой участниками войны сделать это было сравнительно просто, так как эти люди отчаянно нуждались в товарищах и командирах, не только вследствие военных переживаний, но и потому, что они чувствовали свою изоляцию в стране, не соответствующей их ожиданиям³.

«Культовый элемент» составлял центральный пункт этого процесса обуздания; он направлял внимание на «вечные истины», которые никогда нельзя забывать. Важную роль играло также обрамление: балкон Палаццо Венеция, Каса Росса и окно новой Рейхсканцелярии Гитлера. Активизм был необходимым, энтузиазм — важным элементом, но они должны были быть направленными на вождя, который все вводит в соответствующие «вечные» каналы.

Здесь следует упомянуть и литургическом элементе, так как «вечные истины» подписывались и усиливались постоянным повторением лозунгов, хоровой декламацией и символами. Эти технические приемы позволили обуздать революцию и превратили фашизм — даже такой, который опирался на христианскую традицию — в новую религию со своими ритуалами, давно знакомыми по традиционным формам богослужения. Фашистские массовые собрания казались чем-то новым, но в действительности, как в техническом, так и в идеологическом плане заключали в себе, главным образом, традиционные элементы.

Разумеется, это обуздание удавалось не всегда. Энтузиазм молодежи, который преобладал на первом этапе движения, должен был позже смениться разочарованием. Италия, где фашизм продержался дольше всего, служит наилучшим примером этого, так как второе фашистское поколение уже было настроено критически. Молодые люди «поколения 1935 года» хотели вернуться к началу движения, к его активизму и борьбе против отчуждения, короче: воплотить в жизнь фашистскую утопию. До 1936 года молодежь составляла движение сопротивления внутри итальянского фашизма, веруя, что, действительно, «нет у революции конца», что фашизм может достичь таких пределов, когда все станет возможным⁴. Она была ближе по настроению к французскому фашизму Дриё Ла Рошеля и Робера Бразильяка, чем к фашизму, находившемуся у власти. Сходные симптомы можно отметить и в развитии нацизма, но в Германии СС удалось вобрать в себя дух активизма. Если бы не война, Гитлер, возможно, имел бы неприятности с СС, где меньше занимались идеологией, а воспитывали силу воли, которая проявлялась в голом насилии и жестокостях. Но за исключением Италии фашизм нигде не имел возможность состариться; с учетом всех составляющих революции, легко представить себе, что это движение со временем пережило бы серьезный кризис.

Фашизм был молодым движением не только в том смысле, что он просуществовал недолго: его сторонниками были молодые люди. Бунт «конца века» был бунтом молодежи против общества, а также против родителей и школы. Эта молодежь мечтала придать обществу новый смысл, а не внести в него «душевный хаос». Это были молодые люди из буржуазных кругов, и на протяжении многих поколений их интересы направлялись, главным образом, на национальное единство, а не на социальные и экономические изменения: они не видели их необходимости. Поэтому они были готовы к тому, чтобы их мятежные устремления направили в национальные каналы, на пользу общества, которое в их глазах было «общностью душ», а не искусственным образованием. Именно эта молодежь поставляла кадры для «фаши» и СА, Железной Гвардии и бельгийских рексистов. Вернувшись с войны, они хотели сохранить окопное товарищество. Фашизм дал им такую возможность. Здесь следует констатировать, что фашисты образовывали новые, не бюрократизированные группировки и, благодаря своему устремлению в «бесконечность» были динамичней соперничающих поли-

тических партий. И фашистские вожди были молоды: Муссолини было 39 лет, когда он возглавил правительство, Гитлеру 44, когда его назначили рейхсканцлером. Леону Дегрелю было немногим более тридцати, Примо де Ривера и Кодряну не было и тридцати.

Молодость символизировала энергию; к этому добавлялась идеология. Фашистские герои и мученики умерли слишком рано, чтобы попасть в пантеон, и символические изображения молодых людей выражали идеальный тип в художественной форме. Гитлер любил быструю езду на автомобиле и полеты, Муссолини любил свой мотоцикл, но, когда они говорили о развитии, оба они подчеркивали незыблемость основ общества. И, стараясь привлечь к себе буржуазию, они обращались, по сути, только к старшему поколению, которое никогда не понимало устремления молодежи.

Традиционализм фашистского движения соответствовал основным буржуазным предрассудкам. Когда нацисты в 1933 году жгли книги, Ганс Науман заявил в своей речи, что, чем больше книг сожгут, тем лучше. Но закончил он свою речь восхвалением традиционных семейных связей и народного единства. О таком же традиционализме думал и Джузеппе Боттаи, когда он требовал «духовного обновления», а Жан Дени, ведущий рексист, считал, что без моральной революции вообще невозможна никакая революция⁵. Некоторые виды фашизма связывали моральную революцию с традиционным христианством, например, бельгийские рексисты и румынская Железная Гвардия. Нацисты заменили религию расизмом, но этика у них была общей с остальной буржуазией.

Революция молодежи, мужественного активизма, закончилась как революция «духа». Возобладала идеология. Общее мировоззрение сплачивает нацию, и оно должно быть воплощено в жизнь. Мировоззрение восстанавливает достоинство отдельного человека, потому что оно объединяет его с теми его современниками, чьи души функционируют аналогичным образом, потому что все они — части народа, расы или нации.

Речь здесь идет об органическом мировоззрении. Оно призвано понять человека в целом и тем самым покончить с его отчуждением. К такому взгляду на человека и его место в мире относится и принципиально новое определение политики. «Политика, — писал итальянский фашист Боттаи, — это позиция по отношению к самой жизни»⁶. Дословное

повторение этого тезиса можно найти и в национал-социалистической литературе. Вождь Железной Гвардии Хориа Сима резюмировал: «Мы должны прекратить отделять духовного человека от политического. Вся история — не что иное, как комментарий к духовной жизни»⁷. Упор на этом означал, что на передний план выдвигалось культурное выражение истинной общности как символ нового общества. То внимание, которое национал-социалисты уделяли искусству и литературе, не было единичным явлением, так как для вождя фламандского фашизма Йориса ван Северена культура была основой единства и координации. Типично, что ван Северен добавлял к этому, что предпосылка любой культуры — наличие традиции⁸.

Упор на органическое единство творческого национального сообщества призван был преодолеть не только политические разногласия, но и классовые различия. Жорж Валуа, основатель французского фашизма, напоминал о том, как он еще до Первой мировой войны описывал разницу между его и марксистскими воззрениями. Марксизм делал ставку лишь на один класс, а он хотел использовать для нового общества и силу буржуазии⁹. Это заявление Валуа было пророческим, так как фашизм не только использовал силу буржуазии, но и действительно превратился в движение, произведенная которым духовная революция, ставка на органического человека, связанного со своей землей, совпадали с пожеланиями буржуазии, по крайней мере, в большинстве западных стран. Примечательно, что бесклассовое общество всегда рассматривалось как иерархическое.

Фашизм верил в иерархию, но не в форме классов, а в форме служения народу или нации, воплощенного в вожде. Западным (но не немецким) фашизмом был заимствован идеал объединенного государства без парламента с его враждующими политическими партиями, а с рабочими и предпринимателями, которые сидят за одним столом, правда, не как равноправные стороны: в данном случае предприниматель — «вождь». Хотя есть обширная фашистская литература о господстве, она, в конечном счете, второсортная. Если все люди одного народа обладают одним мифом, одной душой, то их участие в правлении может символизироваться одной лишь фигурой вождя, который воплощает общую суть всех этих людей в своей деятельности, в своей «героической воле».

Фашизм действительно ставил своей целью социальную справедливость, но хотел достичь ее через нацию, через на-

род, а не через равноправие. Путь в политическую и социальную иерархию был открыт всем, кто хотел служить народу или нации. Но это означало конфликт со старыми господствующими кругами и замену старых людей новыми. Экономическая иерархия тоже была сохранена, но и в нее был внесен момент социальной справедливости: Муссолини разработал для этой цели свое рабочее законодательство, и фашисты в других странах приняли аналогичные законы. Фашизм предлагал свой «лучший из миров»: порядок и иерархия сохранялись, частная собственность тоже, и тем не менее проявлялась забота о социальной справедливости. Это опять-таки означало господство идеологии: окончание духовного отчуждения как основа улучшения экономических отношений.

Все эти нельзя отбросить как непоследовательное или непривлекательное для рабочих. Напомним, что некоторые фашистские течения действительно — и с успехом — делали попытки опереться на рабочих и крестьян, а не на буржуазию. Это относится особенно к тем странам, где рабочий класс и крестьянство еще не были заражены марксизмом. Примеры этого на Западе — Испания и Аргентина; то же можно сказать о Железной Гвардии и о венгерском рабочем движении. Разумеется, буржуазия в этих странах не была столь сильна, как в других, но, если мы хотим объяснить привлекательность фашизма для рабочего класса, к этому добавляется еще один важный фактор. Впервые здесь возникло движение, которое старалось привлечь эти части общества к участию в политике. В слаборазвитых странах упор на окончание отчуждения, на веру в органическое общество давал свои плоды, так как рабочие и крестьяне были полностью исключены из общества, так что чисто экономические соображения играли лишь второстепенную роль.

Экономике фашисты действительно уделяли меньше всего внимания. Хосе Антонио Примо де Ривера, основатель испанской Фаланги, получившей очень большую поддержку в низших слоях, был убежден, что народом еще никогда не правил никто, кроме поэтов, а бельгийский фашист Леон Дегрель называл Гитлера, Муссолини и Кодряну «поэтами революций». Преобладала мифическая сторона идеологии, «магия»; фашистская революция должна была признать «приоритет духовного»¹⁰. Важен был не контроль над средствами производства, а только «новый человек», о котором говорили все фашисты. Снова он создавался человеческими

руками и не только не осознавал свой прообраз, но и не понимал тех людей, которые следовали тому же прообразу. Его действия заключались в том, что он не боялся участвовать в революции, благодаря которой общество будет преобразовано согласно его пожеланиям. Эти пожелания ориентировались на единство с группой, на возрождение добродетелей, подавляемых в современном мире. Гитлер постоянно подчеркивал: человек, имеющий мировоззрение, не должен бояться утверждать его как истину. Если он принадлежит к обществу, он должен дать волю в общем деле своим творческим инстинктам, своей воле к власти. Успех означает, что вся нация приняла участие в этих творческих усилиях и обновилась. Искусство, литература и культура вообще имели большее значение, чем экономическое благосостояние. Фашизм был революцией, которая выражалась в культурных, а не в экономических формулах.

Несмотря на поддержку рабочего класса в отсталых странах, на Западе речь шла, прежде всего, о буржуазной революции. Буржуазия могла использовать эту революцию как клапан, чтобы выпустить пар своих разочарований и одновременно сохранить порядок и собственность. Но, несмотря на все, мы должны четко отличать фашизм от реакционных режимов в Европе. Да, рексисты поддерживали бельгийскую монархию, как и фламандские фашисты, но, несмотря на это, различия были велики. Реакция отвергала любую революцию, выступала за «статус кво» и ее идеалом был «старый режим». Она делала упор на иерархию, но речь шла при этом о традиционной иерархии с ее застывшими привилегиями. Понятно, что подобные режимы пресекали любой активизм и любое массовое движение. Кроме того, главным для них была территория, а «общая душа» подданных мало их интересовала. Подобные режимы не были заинтересованы и в том, чтобы лишенные прав люди принимали участие в политике или чтобы было покончено с отчуждением человека от общества. Все их усилия были направлены на то, чтобы люди, наоборот, держались в стороне от политики, чтобы традиционно господствующий слой сохранял свою власть. Культура была для них не важна, и они предоставляли художникам широкую свободу, лишь бы те не затрагивали монополию политической власти. Характерно в этом отношении описание одним современным историком режима Хорти: Хорти не позволял оппозиции перечить своей воле, но не считал задачей правительства пред-

писывать подданным все детали поведения и мышления и строго контролировать исполнение этих предписаний¹¹.

Так французские фашисты откололись от «Аксьон Франсез», потому что эта организация была недостаточно революционной, что она доказала своим бездействием в феврале 1934 года. Франко уничтожил фашистское движение, Фалангу, и установил диктатуру, сходную с режимом Хорти. Фашизм и реакция имели разные представления, поэтому их не следует путать друг с другом.

А каковы были различия между разными национальными видами фашизма? Лучший пример — проблема расизма и антисемитизма. Ни тот, ни другой не были необходимыми компонентами фашизма и не являлись определяющими для тех групп движения, которые ориентировались на Италию). До 1936 года в Италии не было расизма. Фашисты в Бельгии и Нидерландах следовали примеру итальянских. Леон Дегрель резко отвергал любой расизм, что неудивительно в многонациональной стране. Какая раса «настоящая», спрашивал он: бельгийская, фламандская или валлонская? С фламандской стороны газета «Де Даад» выступала против разжигания расовой ненависти и призывала всех «честных евреев» изгнать марксистов из своей страны¹².

Даже голландский национал-социализм под руководством Антона Адриана Мюссерта сначала не писал расистские лозунги на своих знаменах и ничего не говорил о евреях: немецкие нацисты не поняли такую позицию. Французская фашистская группа и газета «Же сюи парту» выражали антисемитские взгляды, но и они обвиняли немцев в преувеличении расовой проблемы и считали, что даже с таким чужеродным народом, как евреи, можно иметь хорошие отношения¹³. Ничуть не удивительно, что и Фаланга была в начале свободна от подобных взглядов, так как в Испании почти не было евреев. Однако и существование еврейских общин не следует слишком тесно связывать с фашистским антисемитизмом, так как в Бельгии и Нидерландах были большие еврейские общины. Но в этих странах единственным врагом считался марксизм, и все прочие соображения исключались. Однако и это объяснение недостаточно, так как евреев могли отождествлять здесь с марксистами столь же легко, как и в Германии.

Однако эта ситуация сохранялась недолго. В 1936 году и Муссолини стал приверженцем расизма и не только под немецким влиянием. С помощью расизма он пытался оживить

свой устаревший фашизм и дать новый стимул молодежи, которая все больше разочаровывалась в его революции. Изменившаяся позиция итальянцев в этом вопросе повлияла и на Фалангу, хотя с Испанией не было еврейской общины. Но и здесь это изменение позиции случайно совпало с другой необходимостью: стать более привлекательными для низших слоев. Как в Италии, так и в Испании антисемитизм помог придать движению новую динамику. Правда, Фаланга отвергала любой светский расизм и опиралась вместо этого на воинственную католическую веру испанских крестоносцев. И фашисты Освальда Мосли взяли на вооружение антисемитизм, когда поняли, что это делает их движение более динамичным, придает ему боевитость и делает рекламу, когда они маршируют через населенный преимущественно евреями лондонский квартал Ист Энд.

Только в Центральной и Восточной Европе расизм изначально был неотъемлемой частью фашистской идеологии. Здесь жила масса евреев, притом в условиях типа гетто. В общем, это была четко отличимая часть населения, которая подвергалась нападкам и оскорблениям.». Кроме того, в таких странах, как Румыния или Венгрия, евреи составляли средний класс, то сословие, которое занималось коммерческой деятельностью и эксплуатировало остальное население. Неудивительно, что Железная Гвардия, которая взывала к национализму крестьян, была антисемитской и расистской организацией, несмотря на свою христианскую ориентацию и первоначальное название «Легион Михаила Архангела».

После Первой мировой войны масса восточно-европейских евреев начала мигрировать в соседние страны, прежде всего, в Германию и Австрию. Рассказ Гитлера в «Майн Кампф» о том, как он реагировал на вид этих чужаков в Вене, можно считать типичным случаем. Ситуация в этой части Европы дала фашизму врага, из которого можно было сделать символ тех сил, против которых надо бороться. Кроме того, в Восточной Европе борьба за национальное освобождение была переплетена с романтикой и расизмом задолго до появления фашизма. Гитлер продолжил эту традицию и построил на ней свой «еврейский вопрос». Но это привело к дальнейшему расхождению между национал-социализмом и западным фашизмом. Для Гитлера врагом был не туманный марксизм, он воплощался для него физически в евреях. В соответствии с центрально-европейской традицией расово ориентированного национализма он мог придать врагу

своего мировоззрения конкретный человеческий образ. Как ни один другой западный фашизм, немецкий фашизм включил в себя в результате массовый террор и массовое уничтожение людей. Как в Германии, так и во время кратковременного господства Железной Гвардии массовый террор и погромы были выражением активизма и направлялись против определенной группы людей, объявленных врагами.

Поэтому массовый террор нельзя считать признаком фашизма на европейском уровне. В этом отношении Ханна Арендт заблуждается в своей книге «Происхождение тоталитаризма» и поэтому вынуждена ограничиться примером одной Германии. Есть разница между фашистскими актами насилия и уличными потасовками, с одной стороны, и массовым террором, с другой, который лишь частично может быть объяснен преобладанием расистского и антиеврейского направления в движениях Центральной и Восточной Европы.

Массовый террор и акты насилия сдерживались во многих фашистских движениях другим фактором. Умеренным приходилось быть тому фашизму, который отождествлял нацию с существующим государством, в отличие от того, который отвергал все существующие политические учреждения во имя народа. Так в Италии Муссолини никогда не пытался свергнуть монархию, а в Англии, Бельгии и Голландии фашизм был лоялен по отношению к символу государства. Иное дело — страны Центральной и Восточной Европы: там активизм не только имел более широкий простор для своих действий, но и четкую цель — ликвидировать все существующие политические учреждения и основать новые.

Нельзя понять фашистскую революцию, если видеть ее только в негативном аспекте или судить о ней только по периоду гегемонии национал-социализма в конце 30-х годов. Миллионы людей смогли осуществить благодаря ей свою потребность в деятельности в сочетании с самоидентификацией: им казалось, что она воплощает в себе их представления о бесклассовом обществе. Признание иррациональной сферы открыло человеку новые пути к его собственной сути и сделало его одновременно членом стихийно возникшего, а не искусственно созданного общества. Буржуазная молодежь шла в рады фашистов, потому что в ее глазах это было позитивным решением проблем промышленного и городского общества.

Правда, в конечном счете верх одержала негативная сторона фашизма. Как можно было сдерживать динамику активистов,

если «вечные истины» победили? Как могла литургия заполнить пустоту программ, составленных так, чтобы удовлетворить всех? Ответом была война против международного врага. Традиция расизма. Другое решение лежало в области внешней политики. Активизм можно было обуздать, направив его на внешний мир. Гитлер мечтал о своей новой Европе, Муссолини — о «Марс Нострум», Перон — о господстве Аргентины в Южной Америке, а в Восточной Европе было достаточно «ирредент».

«Новый человек», о котором мечтал фашизм, пошел на встречу своей гибели и стал жертвой динамики, которую, в конечном счете, не удалось в достаточной мере обуздать. Мечта превратилась в кошмар.

Примечания

¹ Hitler A. Mein Kampf. Munchen, 1925. S.536.

² La Rochelle D. Socialisme Fasciste. Paris, 1943. P72.

³ Жирарде Р. Заметки о духе французского фашизма 1934-39 // Revue Francaise de Sciences Politiques. Париж, сентябрь 1955. С.543.

⁴ Zangrandi R. Il lungo viaggio. Милан, 1948.

⁵ О речи Ганса Наумана см.: Brenner H. Die Kunstpolitik des Nationalsozialismus. Hamburg, 1963. S.188; Bottai G. И Fascismo e l'Italia Nuova. Рим, 1923. С. 18; Denis J. Principes Rexistes. Брюссель, 1936. С.17.

⁶ Bottai G. Il Fascismo e l'Italia Nuova. Рим, 1923. С. 19.

⁷ Sima H. Destine du Nationalisme. Париж, без года. С. 19.

⁸ van Severen J. La Constitution des Pays Bas. St. Nicholas-Waes, 1938. С.23.

⁹ Valois G. L'Homme qui Vient. Paris, 1906; Капиталистическая буржуазия // Histoire et Philosophic Sociales. Париж, 1924. С.404.

¹⁰ Payne S.G. Falange. Stanford, 1961. P.40; Brasillach R. Lon Degrelle. Paris, 1936. P78; Статья Дерделя в «Je suis partout» от 24 октября 1936.

¹¹ Macartney С.А. October Fifteenth. A History of Modern Hungary. T.1. Edinburgh, 1961. P.55-59.

¹² «Rex» от 2 сентября 1933; «De Daad» от 2 сентября 1933.

¹³ «Je suis partout» от 18 апреля 1938.

Роберт Дж. Сауси

СУЩНОСТЬ ФРАНЦУЗСКОГО ФАШИЗМА

В 1961 году Морис Бардеш, французский писатель, который до войны был фашистом, опубликовал провокационную новую работу под названием «Что такое фашизм?» Бардеш откровенно признавал, что по-прежнему остается приверженцем фашизма, и утверждал, что фашизм, особенно в его французском варианте, был идеологией, совершенно неверно понятой, оклеветанной и несправедливо забытой. Настоящий фашизм, утверждал он, был не более жесток, чем демократическая или марксистская идеология, которые его осуждают. Зверства немцев во время оккупации ими Франции были, большей частью, следствием военных условий и необходимости вести борьбу с партизанами; кроме того, союзные войска совершали такие же преступления в отношении немецкого гражданского населения. Далее: настоящий фашизм нельзя отбрасывать вместе с расовой политикой нацистов и их практикой массового истребления людей — эти аспекты немецкого национал-социализма были отклонениями от основ. Так как общественность разучилась понимать, что такое фашизм в действительности, — говорит Бардеш, — люди не замечают, что фашизм сегодня быстро возрождается во многих частях света, включая Францию, хотя, поскольку само это название стало одиозным* этот феномен существует теперь под другими именами. Такие неофашисты, как Насер в Египте и молодые технократы во Франции, т.е. люди, которые снова хотят соединить национализм и социализм, редко ассоциируются с идеологией, дискредитированной если не в теории, то на практике. Так что сегодня в мире есть тысячи молодых людей, которые являются фашистами, сами того не зная.

Независимо от слабых или сильных сторон анализа Бардеша, он снова поднимает основную проблему, которая стоит перед историками современной Франции. В чем, собственно,

заклучалась сущность французского фашизма, как до, так и во время Второй мировой войны? Каковы были его основные или преобладающие признаки? Бардеш сам указывает на одну из главных трудностей при изучении этой цели: большое разнообразие и многообразие движения. Это, может быть, касается фашизма во Франции больше, чем в других странах, потому что он никогда не был представлен единой централизованной партией. Вместо одной фашистской партии их было несколько, начиная с организации «Фесо», основанной в 1925 г. Жоржем Валуа, и вплоть до Парта Популер Франсез (ППФ) Жака Дорио, основанной в 1936 г. Противоречия и идеологическая путаница сохраняются и в тех случаях, когда историки ограничиваются в своем анализе двумя крупнейшими французскими фашистскими движениями 30-х годов, ППФ Дорио и РНП (Рассамблеман Насьональ Популер) Марселя Деа, взглядами «Же сюи парту», одной из ведущих фашистских газет Франции или известными интеллектуалами из числа французских фашистов, такими как Робер Бразильяк и Пьер Дриё Ла Рошель. Тем не менее, даже при таком сложном феномене, как французский фашизм, возможны обобщения, можно найти общий знаменатель.

До сих пор лишь в немногих исторических исследованиях, которые пытались охарактеризовать довоенный фашизм во Франции, был поставлен ряд вопросов, важных при работе над этой темой¹. Действительно ли французский фашизм коренился во французских политических традициях или он был всего лишь идеологией, заимствованной из-за рубежа? Почему до и во время Второй мировой войны он играл второстепенную роль на французской политической сцене, — может быть, именно потому, что он не был отечественной философией? Имел ли он тесные связи с традиционным французским консерватизмом (точнее, консерватизмами) или был чем-то совершенно особым? Были ли его цели, в основном, националистическими или европейскими? Отличался ли он значительно от немецкого национал-социализма, и если да, то почему многие французские группы во время войны сотрудничали с немцами? И, наконец: имел ли французский фашизм идеологию, четко определенный ряд политических, социальных и экономических целей, или он был, как иногда утверждают, своего рода лихорадкой, смятением чувств, не подкрепленных никакой доктриной? Некоторые ученые считают, что фашизм был своего рода романтизмом, основанным на «эстетическом» отношении к

политике, отношении, в котором не было ни разума, ни реализма, и, следовательно, французский фашизм вряд ли можно рассматривать как серьезную идеологию.

Несомненно, из всех этих вопросов трудней всего решить проблему происхождения французского фашизма. Рене Ремон в своей книге «Правые во Франции» считает фашизм феноменом, совершенно чуждым французским политическим традициям. Большинство т.н. фашистских союзов 20-х и 30-х годов в действительности не были фашистскими, а были по своему характеру и своим идеям ближе к более ранним националистическим движениям, бонапартистскому и буланжистскому, чем к «современным иностранным». Волнения 6 февраля 1934 г., которые многих заставили тогда говорить о фашистской опасности, в действительности больше походили на «буланжистскую агитацию, чем на поход на Рим». Как пишет Ремон, было несколько организаций, которые копировали итальянский или немецкий фашизм скучным и лишенным фантазии образом, также как «Франсизм», «Солидарите Франсез» и ППФ, но их неспособность найти поддержку у масс уже доказывает, насколько чужд был фашизм французскому мышлению. Только ППФ Дорио, основанная в 1936 г., имела довольно много приверженцев, но и она оставалась сравнительно слабой. «Так что до 1936 года ничто не оправдывает легенду о французском фашизме», — заключает Ремон².

Этот анализ имеет ряд недостатков. Прежде всего, он не учитывает заявления ведущих французских фашистских авторов, которые признавали свою идеологическую зависимость от таких мыслителей, как Сорель, Пеги, Баррес, Прудон, Латур дю Пен и Моррас. Как заявил один французский национал-социалист: «Наше учение уходит своими корнями в почву Франции». С другой стороны, такие французские фашисты, как Марсель Деа, откровенно признавали, что их фашизм имеет и «европейскую» сторону, что он является частью всеобщей революции, не знающей границ, и что кое-какие подражания действительно имеют место. Может быть, и так, но нельзя забывать о многих интеллектуальных предшественниках фашизма среди французских мыслителей еще до 20-х годов. Как показал Юджин Вебер, национал-социалистические и фашистские идеи во Франции имеют долгую историю; их можно обнаружить в политических кампаниях Мориса Барреса на грани двух веков и даже у якобинцев времен Французской революции³.

Разумеется, среди бесчисленного множества представлений, которые связывают с фашизмом, мало специфически нефранцузских. Антисемитизм явно не был чем-то новым для нации, пережившей дело Дрейфуса; то же самое можно сказать об антипарламентских, антиинтеллектуальных и авторитарных настроениях, о культе героев и об оправдании политического насилия. Хотя эти представления восходили к временам бонапартизма, буланжизма и т.п., они не становились из-за этого менее протофашистскими, так как эти движения посеяли семена позднейших движений, в том числе и фашистских. Если на французский фашизм влияли другие виды фашизма, то он имел и свое национальное прошлое, а иностранные влияния лишь подкрепляли уже имевшиеся во Франции взгляды. Тот факт, что фашизм не получил во Франции массовой поддержки, не может служить доказательством того, что эта идеология была чуждой данной стране. Политическая партия не нуждается во всеобщей поддержке, чтобы уходить своими корнями в различные политические традиции страны. Иначе и партию Гитлера можно было бы счесть «не немецкой», поскольку до начала экономического кризиса она не имела массовой поддержки.

Но почему фашизму во Франции не удалось завоевать множество сторонников при наличии соответствующих духовных истоков? Как получилось, что даже самая большая фашистская партия Франции, ППФ, никогда не имела более 25 000 членов? Конечно, при этом играли роль экономические и социальные факторы. Франция не только избежала экономических последствий ужасной инфляции, пережитой Германией в начале 20-х годов, но также политических и социальных последствий. Опасность пролетаризации низших слоев среднего класса во Франции никогда не была столь велика, как в Германии, и давление на эту часть французского общества, которая могла бы поддержать фашизм, было гораздо меньше. Кроме того, депрессия не затронула Францию столь катастрофически, как Германию, частично благодаря сбалансированности, частично — относительной стагнации ее экономики. Промышленно менее развитая, чем Германия, и больше ориентированная на сельское хозяйство Франция никогда не страдала от экономической нужды в столь широких масштабах и в ней не было такого недовольства населения, которое стало мощным стимулом для нацистской революции. Бардеш убедительно показывает, что фашизм защищает принципы, у которых нет естественного

электората; лишь в кризисные времена он находит сторонников среди мелкой буржуазии, т.е. того слоя, который чувствует угрозу сверху и снизу и поэтому эмоционально следует за «героическим» вождем. «Если нет повода для героизма», то фашизм чахнет.

Другой существенной слабостью французского фашизма было то, что он не смог сомкнуться вокруг одной личности или в одной партии. Во Франции фашизм был движением сект, которые так и не смогли преодолеть свои разногласия, зачастую чисто личного характера. Даже в период немецкой оккупации ППФ Дорио и РНП Деа так и не смогли слиться; причины до сих пор неясны, но взаимные антипатии и недоверие вождей обеих партий часто обретали комические формы⁴. Кроме того, имели место как личные, так и политические конфликты внутри ППФ, которые, в конечном счете, раскололи эту партию. Иногда эти чувства восходили к старой литературной вражде, пример чего — Бразильяк и Дриё Ла Рошель⁵. Но причины самого серьезного раскола были политическими. В октябре 1938 г. сразу же после Мюнхенского соглашения, несколько видных членов ППФ вышли из партии в знак протеста против внешнеполитической позиции Дорио; они осудили политику пацифизма и умиротворения Германии, которую ранее поддерживали, и потребовали быстрого усиления французской военной мощи и прекращения уступок Гитлеру. К числу раскольников принадлежали выдающиеся партийные идеологи, такие как Дриё Ла Рошель, Бертран де Жувенель и Поль Марион. Но внешняя политика не была единственной причиной их выхода. Дорио искал финансовой поддержки у французских деловых кругов, а это разочаровало таких людей, как Дриё, всерьез воспринимавших социалистическую вывеску партии. Дриё позже жаловался, что Дорио ничем не отличался от радикальных политиков, которых он всегда презирал: как во внутренней, так и во внешней политике Дорио вел себя как «вульгарный Ла Рокк».

И в самом деле: ни Дорио, ни Деа не удалось навести долговечные политические мосты ни к левым, ни к правым. Как рассказывал Бразильяк, французские деловые круги в итоге решили, что им выгодней поддерживать Радикальную партию, чем фашистов, а ППФ и РНП, со своей стороны, так и не сумели развеять то представление, которое сложилось о них у рабочего класса: что они просто агенты капитализма. Это мнение сложилось под влиянием газетных отчетов о гражданской войне в Испании, о расправах фашистов

с рабочими. «Фашизм, гитлеризм и тоталитаризм с 20-х годов попеременно отвергались толпой, — писал с горечью Деа в 1942 г. — Причина заключалась просто в том, что их ловко сделали синонимами социальной и политической реакции». После поражения Франции в 1940 году большинство французов естественно связывало фашизм с ненавистными оккупантами, но его значение как внутривластной силы начало медленно ослабевать еще с 1938 года, потому что его попытка стать массовым движением полностью провалилась.

В этом плане необходимо различать фашизм и консерватизм во Франции до и во время Второй мировой войны. Миллионы французов были консерваторами, а фашистов было незначительное меньшинство. Режим Виши был, в основном, консервативным, а не фашистским, по крайней мере, до последних месяцев войны, когда французские фашисты с помощью немцев, наконец, получили ключевые посты в правительстве. Разница между консерватизмом и фашизмом во Франции подчеркивается во всех работах о французских правах, которые написали после войны Рене Ремон, Юджин Вебер, Петер Фирек и др. Французские фашисты не только критиковали «социал-реакционные» и «буржуазные» ценности в 20-х и 30-х годах, но и во время войны периодически нападали в своих передовых статьях на политику Виши. Так, например, Дорио в 1942 году обвинял людей из Виши в том, что они привели Францию к упадку и поражению еще до 1940 года, потому что во внутренней политике они противились любым социальным изменениям, а во внешней — войне против большевизма. Дорио добавлял, что Францию ждут новые неудачи, если Виши будет продолжать консервативную политику. Вебер показал, что французские фашисты часто ссорились даже с «Аксьон Франсез». Так Моррас в 1925 году порвал с Жоржем Валуа, когда тот основал «Фесо», а позже и с Бразильяком, другим своим бывшим учеником, когда Бразильяк стал фашистом и коллаборационистом.

Понятно, что ученые послевоенной эпохи стремятся подчеркнуть разногласия между такими людьми, как Моррас и Бразильяк. В частности, консервативные историки стараются доказать несовместимость доктрин фашистов и правых консерваторов, причем иногда даже отрицают, что фашисты относятся к «правым». Ученые утверждают, что Моррас и его сторонники, как и большинство французских консерваторов, принципиально отличаются от фашистов во многих отношениях: они противники «якобинской» централизации, этатиз-

ма и авторитарного государства, сторонники децентрализованного правления и местных свобод. Кроме того, они отвергали теории народного суверенитета (которые подчиняли «реальную» страну стране «официальной») и верили скорее в социальную стабильность и рациональное отношение к политике, чем в революцию и фашистскую романтику. «Фашист мечтает только о восстании, — пишет Ремон. — Правые, наоборот, хотят безопасности и стабильности». Прежде всего следует подчеркнуть, что консерватизм во Франции был философией буржуазии, социал-реакционной буржуазии и поэтому выступал против «социальной программы» французских фашистов, у которых слова «социальная справедливость» не вызывали такой ужас, как у консерваторов⁶. Наконец, некоторые ученые считают, что фашизм и консерватизм во Франции радикально различались и своей лояльностью к национализму. Если консерватизм в 30-х годах был сугубо националистическим, основанным на идеях антинемецких патриотов Барреса и Морраса, то европейская, отнюдь не националистическая ориентация французских фашистов привела многих из них в период оккупации к сотрудничеству с нацистами. С учетом этих различий неправильно отождествлять фашизм и консерватизм, эти термины — не синонимы. Поль Серан зашел настолько далеко, что заявил: «Тщетно пытаться найти мнимое родство между фашизмом и традиционными (консервативными) учениями»...

Трудность при установлении наличия или отсутствия связей между фашизмом и консерватизмом во Франции заключается в том, что многие разделительные линии, которые проводят между ними, никогда не бывают столь четкими, как кое-кто думает, и что обе эти философии, кроме того, имеют много общих знаменателей, которые для определения политической линии часто гораздо важнее, чем элементы, их разделяющие. Разумеется, в идеологическом плане у них было много общего. Видные консервативные мыслители Баррес и Моррас давно уже проповедовали те же учения, что позже фашисты Бразильяк и Дриё: прославляли силу, «реализм» и авторитарную власть, доходили до ненависти к парламентаризму, политикам и гуманитарному либерализму. Те, кто подчеркивает, что Моррас выступал за децентрализацию и местные свободы, забывают при этом упомянуть о его готовности поддержать и даже восславить авторитарные и этатистские меры режима Виши. Но в этом не было ничего удивительного, так как профессор Ремон сам отмечает, что

принципы «Аксьон Франсез» на практике давно уже были «смесью авторитаризма и недисциплинированности, традиции и нарушения субординации». Осуждая «якобинскую» централизацию, Моррас признавал, что монархическое государство, возможно, вынуждено будет ввести на первом этапе диктатуру. В этом пункте, отмечает Ремон, Моррас сходился с тоталитарными марксистами⁷. Можно добавить: и с тоталитарными фашистами.

Если в споре используется тот аргумент, что консерваторы отличались от фашистов своим прохладным отношением к теориям народного суверенитета (хотя, например, Баррес во время своей жизни выступал за своего рода авторитарную демократию, основанную на его понимании «земли и мертвых»), эта прохладность была скорее общей чертой французского фашизма, чем наоборот, так как французский фашизм был в своем учении больше обязан элитарному мышлению, чем немецкому национал-социализму. Более верно, что французские фашисты были более склонны к революционной тактике, связанной с прямыми действиями, чем консерваторы, хотя и последние не чуждались насилия — достаточно указать на насильственные акции «Камло дю Руа», активистского крыла «Аксьон Франсез». В общем же фашисты действительно говорили о революции гораздо больше, чем консерваторы, особенно те, которые руководили Радикальной партией большую часть 20-х и 30-х годов. Несмотря на это, разделительные линии между фашизмом и консерватизмом во Франции часто стирались.

Сильнее всего объединял оба лагеря, конечно, антикоммунизм. На этой почве они во многих случаях становились политическими друзьями, хотя и чувствовали себя при этом неловко. И в самом деле: статьи французских фашистов часто оставляют впечатление, что все должно быть подчинено одной цели — внутренней мобилизации Франции против коммунизма. «Наша политика проста: мы хотим объединить французов против марксизма, — заявил Дорио в 1938 года. — Мы хотели бы очистить Францию от агентов Москвы». А Бардеш после войны писал о фашизме: «Его вклад в защиту Запада незабываем и она остается основным смыслом фашистской идеи». Именно эти соображения побудили многих французских фашистов поддержать Германию во время Мюнхенского кризиса в 1938 года, а после 1940 года сотрудничать с нацистами: Германия была препятствием советскому вторжению в Европу. На этой идее в конце 30-х годов

во Франции часто сходились консервативная и фашистская пресса; их объединяло и растущее разочарование в Третьей республике, которая допустила приход к власти Народного фронта Леона Блюма. Как пишет профессор Ремон, консервативная пресса во Франции после 1936 года «все больше склонялась к фашизму», и дошло до того, что «часть классических правых была оглушена фашистским словоизвержением и позволила фашистской пропаганде обмануть себя»⁸. Правильней сказать, что французские консерваторы не были «обмануты» фашистскими идеями, а просто поняли, что многие эти идеи совпадают с их собственными. Консервативному традиционалисту, например, незачем было менять свой образ мыслей, чтобы согласиться со словами Бразильяка, что личность уходит своими корнями в почву и наследие своей Родины (эту идею он заимствовал у Барреса и Морраса) или с заявлением Дорио: «Национализм понимает самого себя лишь в том случае, если он ищет свои истоки в старых традициях французских провинций».

Слишком часто историки французских правых впадают в одну и ту же ошибку, строго отделяя в теории консерватизм от фашизма, хотя оба эти движения на практике, как доказано историей, удивительным образом переплетались. Но удивительно это будет лишь для тех, кто думает, будто духовные и политические феномены можно разделить и представить в чистом виде. Такие ученые, как Серан, Плюмьен и Ласьерра признают, что фашизм во Франции действительно заимствовал ряд элементов у консервативных правых, но они же утверждают, что фашизм после своего возникновения действовал против правых. Как уже показано, так было далеко не всегда. Убеждения, общие для фашистов и консерваторов, не раз тесно сближали их, особенно если речь шла о коммунизме или Советской России. То, что по некоторым вопросам они были разного мнения, не означает, что у них не было согласия по другим. С уверенностью можно лишь сказать, что французские консерваторы, несомненно, не были фашистами, хотя часто вели себя, как фашисты, а фашисты не были консерваторами, хотя разделяли многие их мнения.

Лучшая возможность установить, насколько размытыми были разделительные линии между фашизмом и консерватизмом, — изучение их позиций по вопросу о социализме. Многие историки французских правых считают это лучшим критерием для разделения обоих лагерей, несмотря на тот факт, что социализм в фашистской идеологии был лишь одним из

многих элементов и притом отнюдь не самым главным. Так Юджин Вебер утверждает в своей книге «Аксьон Франсез», что Морраса нельзя называть фашистом, потому что он был против любого социализма и вообще считал экономические вопросы второстепенными. Для Морраса на первом месте была политика, а не реформа экономики. Здесь особенно важно определение Вебером фашизма. Благодаря упору на экономику, его определение исключает консервативных правых, но если бы он сосредоточил внимание на других учениях Морраса и других консерваторов, их пришлось бы обратно включить. Если при определении фашизма придавать такое большое значение вопросу о социализме, придется задуматься, кем был Гитлер: фашистом или консерватором? После того, как он провел чистку социалистического крыла нацистской партии в 1934 году, он тоже стал придерживаться лозунга «политика прежде всего». То же можно сказать о пресловутой сословной политике Муссолини, о той «социальной» программе, которая на практике дала больше выгод итальянским предпринимателям, чем итальянским рабочим.

И если изучить экономические программы двух крупнейших фашистских партий Франции 30-х годов, можно подумать, что эти движения меньше интересовались коренными экономическими преобразованиями общества, чем другими вещами.

Разумеется, в своих речах и статьях французские фашисты нападали на «плутократический» капитализм и выражали свою преданность «фашистскому социализму». Типичным было гордое заявление Дриё в его работе «Фашистский социализм» (1934): «Фашизм это реформаторский социализм, но такой, который содержит в своем теле больше огня, чем старые традиционные партии». Но если заняться вопросом о подлинном содержании того социализма, которого предполагалось достичь, разрыв между этой социально-экономической программой и целями многих консерваторов окажется не столь большим, как ожидалось. Особенно показательна в этом плане позиция, которую Дорио и ППФ заняли по отношению к среднему классу. Так Дорио в своей брошюре «Переделать Францию» (1938) оплакивал разорение среднего класса и предвещал страшный кризис, грозящий ему вследствие обесценения франка и налогового бремени. Он с сочувствием писал о среднем классе и о его душевном состоянии, совершенно отличном от душевного состояния пролетариата. Он настойчиво подчеркивал, что настоящий

враг — не буржуазия в целом, а крупная промышленность, монополии и большие финансовые тресты. Грехом Народного фронта было то, что он создавал более благоприятные условия для крупных предприятий за счет мелких и средних. Выход заключался не в национализации промышленности, а в усилении мелких частных предприятий и ограничении монополий. При фашизме политическое представительство должно было основываться на новых критериях, профессиональных, а не географических. Экономическая жизнь должна была протекать согласно традиционным капиталистическим принципам, главный из которых: «Индивидуальная прибыль — двигатель производства». Правда, для прибыли крупных предприятий устанавливалась верхняя граница (излишки шли в социальный благотворительный фонд), а акционерные общества, которые расходовали свой капитал без социальной ответственности, должны были представлять перед судом. Важнейшей задачей правительства должна быть защита свободного предпринимательства от монополий путем децентрализации промышленности и демократизации капитала.

Экономическая программа, изложенная Деа в его книге «Единая партия» (1942), мало чем отличалась от предыдущей. Как и Дорио, Деа выражал свое уважение мелкой и средней буржуазии как «хранителям ценных традиций», выступал за защиту их позиций во французском обществе, чтобы их не смели крупные предприятия. Сословное государство должно помочь мелким предпринимателям объединиться в организации работодателей для компенсации их слабости по сравнению с крупной промышленностью. Итак, фашистский социализм не хотел быть противником массы среднего класса, он хотел быть его спасителем:

«Необходимое освобождение нашего среднего класса будет одним из самых счастливых последствий, одной из важнейших целей национальной революции. Вот что означает для него социализм. В этом пункте мы сильно отличаемся от любой марксистской бессмыслицы об автоматическом сосредоточении наших крупных предприятий и о неизбежном уничтожении наших мелких производителей — тех людей, которых марксисты отесняют и хотели бы засунуть в класс наемных рабочих».

Деа не оставляет никакого сомнения в том, что фашистский социализм — не противник частной собственности. «Любая собственность законна до тех пор, пока она не вредит

общему благу, не говоря о том, что она ему служит». Он считал, что промышленность надо контролировать и регулировать, но не национализировать. Национализация означала бы недоверие к промышленности со стороны государства, а наемные рабочие так и остались бы наемными рабочими. Фашистская экономика мыслилась как плановая в той мере, что ни одна фабрика не должна была ничего производить, невзирая на цены, расходы и зарплату, но частное руководство, имея для этого достаточно способностей и персонала, должно было позаботиться о мелочах. Фашистский социализм никого не дискриминировал, но оплачивалась лишь сделанная работа. Умные и способные промышленники ценились, если они руководствовались не только жадной прибылью; каждый из них был вождем в подлинном смысле этого слова, человеком, который испытывал радость не только от распоряжения людьми, но и от ответственности перед ними. Наконец, в противоположность марксизму фашистский социализм не был абстрактным, доктринерским и монолитным, т.е. не был системой, управляемой централизованной бюрократией; он был «реалистическим и конкретным», эмпирическим и динамическим, и каждый предприниматель мог использовать свой шанс, пользуясь большой свободой управлять своим предприятием так, как он считает правильным.

Деа и Дорио были согласны в том, что «грубый передел собственности» — ненужная и глупая мера, и нет необходимости в том, чтобы рабочие стали «совладельцами» фабрик. Если немного прижать крупную промышленность, мелкие предприниматели почувствуют уверенность и социальную ответственность. «Мой личный опыт, как рабочего, — говорил бывший рабочий Дорио, — научил меня тому, что мелкие предприниматели быстро объединяются со своими рабочими против марксистов, чтобы достичь социальной справедливости и защитить себя от врагов производства и благосостояния». Поэтому фашизм намеревался заменить классовую борьбу сотрудничеством классов. Как писал Деа, в этом и заключается смысл тоталитаризма: «Тоталитаризм это примирение, новое примирение».

Но, если оставить в стороне риторику, социализм Дорио и Деа был программой, которая больше давала мелкой буржуазии и среднему классу, чем пролетариату. Весьма примечательно в этом отношении заявление, сделанное Деа в 1942 г., согласно которому его социализм это не просто программа

для рабочего класса, а программа для всех классов, ибо, как он сказал (с откровенным оппортунизмом), Франция не была ни страной с крупными промышленными предприятиями, ни вообще преимущественно промышленной страной, и если бы фашизм обращался только к части нации, он бы не преуспел.

Несомненно, по этой же причине партийные программы французских фашистов столько же заботились о крестьянстве, как и о мелкой буржуазии. И Дорио, и Деа тревожились по поводу снижения цен на сельскохозяйственную продукцию и растущей миграции из деревни. Деа требовал урегулированного обмена продуктами между городом и деревней и считал, что горожане «обманывают» крестьян. Дорио подчеркивал, что фашизм — в противоположность марксизму — не намерен превратить крестьян в «граждан второго сорта»; наоборот, он хочет покончить с бегством из деревни, так как видит, что ужасная концентрация населения в больших городах рождает нищету, безработицу и социальную напряженность. Вместо ликвидации или коллективизации крестьянства фашизм хотел сделать все, чтобы сохранить мелкие частные крестьянские хозяйства, создав для них новые возможности кредитования, помочь крестьянам специализироваться на качественной продукции и расширить отечественный рынок для их продукции, направив сельскохозяйственную продукцию французских колоний в другие страны. Эти меры должны быть приняты, потому что «крестьяне — главная опора такого общества, как наше, и олицетворяют наилучшие добродетели нашего народа». С этим соглашался и Деа. Он настаивал, что Франция должна сохранить сильное крестьянство, «физически крепкое и здоровое, морально устойчивое». Дорио восхвалял крестьянство и его добродетели, Деа называл сохранение этих добродетелей важной целью фашистского социализма. «И это подлинный социализм, поскольку речь идет о том, чтобы предоставить массе крестьян соответствующее ее рангу место в обществе».

Фашистский социализм всем что-нибудь обещал. Если ППФ выступала против этатизма и требовала сокращения бюрократии, она одновременно обещала лучшую оплату низшим чиновникам, а высшим — отношение к ним в соответствии с их задачами, особенно в том, что касается их пенсий. Достоинство и права женщин также были предметом особого внимания ППФ. Многодетные матери должны были

получать поддержку, должны были создаваться рабочие места специально для женщин. Программа ППФ 1936 года учитывала также материальные пожелания людей свободных профессий, интеллигенции и художников. Она гласила: «Короче говоря, ППФ будет защищать интересы всех, чья деятельность является традиционным элементом социального баланса во Франции».

Если это был социализм, то не очень далекий от традиционного французского консерватизма. Во всяком случае, ориентация партийных программ на средний класс и крестьянство была гораздо ближе к французскому консервативному мышлению, чем к марксистскому социализму. Если французский фашизм предлагал «третий путь» между коммунизмом и либерализмом, как утверждали его сторонники, то этот путь проходил скорее справа, чем слева. Считать социализм французских фашистов важнейшим признаком при отличении их идеологии от консерватизма до и во время Второй мировой войны, значит, неверно понимать характер этого социализма. Разумеется, нельзя отрицать, что французские фашисты критиковали пороки капитализма, особенно крупного, и выступали за регулирование и планирование экономики правительством. Такой социализм действительно входил в их программу, но он отнюдь не был столь революционным и столь отличным от консерватизма, как уверяют многие ученые⁹.

Да, некоторые французские фашисты всерьез принимали декларативный социализм и антикапитализм фашистской идеологии, особенно интеллектуалы-литераторы, такие как Дриё, Бразильяк и Бардеш, которые испытывали эмоциональное, интеллектуальное и моральное отвращение к буржуазному обществу и его ценностям. Да, нельзя не принимать во внимание разницу в темпераментах между этими литераторами и партийными организаторами, такими как Дорио и Деа. Постоянно сталкиваясь с практическими проблемами, собирая под свои знамена общественность, часто буржуазную, последние смягчали социализм движения в отличие от некоторых своих сторонников (сходный феномен наблюдался и в немецком национал-социализме). Одной из причин разрыва Дриё с Дорио в 1938 году было, как мы помним, его недовольство переговорами Дорио с консервативными кругами.

Но даже в фашизме такого человека как Дриё интерес к социализму или экономической реформе не был главной дви-

жушей силой. Как и многие французские фашисты, Дриё больше интересовался «духовной», чем материальной революцией. Вследствие этого его концепция социализма была аскетической, отождествляла материализм и уют с моральным упадком и физической слабостью и отвергала марксистский социализм, потому что он придавал слишком большое значение материальным и научным целям. Кроме того, он презирал всех, кто стремился к благам этого мира, не только буржуазию; как он однажды иронически заметил, рабочие в этом отношении «буржуазией самих буржуа». Но его социализм все же отличался от социализма Гитлера; клятвы Гитлера в верности социализму в 30-х годах во многих случаях были, как считал Дриё, простым лицемерием. Посетив Германию в 1934 году, он выразил свое разочарование тем фактом, что экономическая политика нацистов осталась совершенно консервативной, и немецкие капиталисты по-прежнему получают большие прибыли. В 1936 году он называл Гитлера и Муссолини не иначе как «телохранители капиталистов». И в 1939 году он согласился с мнением Германа Раушнинга, что нацистская революция по этой причине была, в основном, нигилистической. Так что весьма сомнительно, что Дриё в 1940 году пошел на сотрудничество с немцами из приверженности к социализму. Даже такие люди, как Дорио и Деа, не имели повода думать, будто нацисты позже начнут экономические реформы. Это могло случиться до прихода Гитлера к власти в Германии, а к 1940 году весь мир уже ясно видел, что Гитлер собирается сделать в экономической области.

Почему же многие французские фашисты стали коллаборационистами? Если не нацистский «социализм», то что же было главной причиной? Может быть, причина заключалась в том, что они, как и их немецкие партнеры, верили в расизм, в массы, в принцип вождизма и во всех вопросах были сторонниками нацизма? Или дело лишь в том, что они были прежде всего европейцами и лишь потом интернационалистами? Или важнейшим фактором был их антикоммунизм? Из всех возможных причин последняя, как мне кажется, играла наиболее важную роль, но у некоторых французских фашистов и она не была главным мотивом.

Поль Серан указывает в своей книге «Фашистский романтизм» (с.78), что антисемитизм и расизм лишь позже стали центральными темами французского фашизма. Поворотным пунктом он считает 1936 год, когда во Франции пришел к власти Народный фронт Леона Блюма. Только тогда

фашистская пресса Франции сделала антисемитизм своей главной темой, как минимум по двум причинам, которые на первый взгляд имеют мало общего с расовой теорией: правительство Народного фронта Блюма, которое представляло тогда большую угрозу для французского фашизма, было особенно чувствительным к этой кампании, потому что не только сам Блюм, но и многие члены его правительства были евреями; кроме того, им ставилось в вину, что французские евреи из-за своей ненависти к Гитлеру пытаются вовлечь Францию в войну с Германией. Этот антисемитизм диктовался скорее политической целесообразностью, чем убеждениями. Главные рупоры французского фашизма и после 1936 года относились к расизму двойственно и стали его приверженцами лишь в условиях немецкой оккупации.

Хороший пример такой эволюции — Дриё Ла Рошель. В 1931 году он осыпал насмешками нацистские представления о биологически четко распознаваемой германской расе и называл их помешательством «мечтательных мелких буржуа», забывших о великих переселениях народов. В 1934 году, после своей поездки в Германию, он подверг критике «евгенический консерватизм» нацистов и то, что он назвал тенденцией к разделению человечества на касты по крови. После 1936 года у него наблюдается заметный уклон к антисемитизму, хотя и тогда он все еще называл антисемитизм Гитлера утрированным и не мог решить, кто такие евреи: «неизменный биологический факт» или культурное состояние? Эта неуверенность проявилась в 1938 году, когда он пришел к выводу, что действительно есть биологические различия между европейцами в целом и евреями, но не исключил возможность, что хотя бы некоторые евреи могут в результате воспитания измениться и интегрироваться во французское общество. (Еще в 1942 году Марсель Деа проводил различие между евреями, которые вредили французскому обществу и поэтому должны быть изгнаны, и евреями, которые проливали кровь за Францию и поэтому должны быть признаны ее «достойными уважения союзниками»). Только после поражения Франции Дриё начал говорить об «очень простых законах, благодаря которым жизнь народов основывается на плодovitости почвы и крови», но и тогда он считал необходимым оправдывать свою новую позицию тем, что отождествляет «расу» с «арийцами», а «арийцев» с «европейцами». «С этой точки зрения германцы только авангард европеизма», — писал он.

Означает ли это, что французский фашизм имел скорее европейскую, чем национальную ориентацию? Не обязательно. И в этом случае разрыв между консерватизмом и фашизмом во Франции не был столь большим, как думают. Да, Дриё и многие его коллеги после 1940 года были склонны к тому, чтобы подчеркивать европейский аспект фашизма и изображать гитлеризм как возможность создать третью силу между коммунистической Россией и демократическими капиталистическими державами. У Дриё европеизм был важным принципом веры с 1931 года, когда он написал книгу «Европа против отечеств». Однако, в конце 30-х годов, после своего обращения в фашизм, он был, как и большинство французских фашистов, в первую очередь, националистом и лишь потом — европейцем. Его национализм в эти годы был столь явным, что он называл французский фашизм важным средством усиления Франции в противовес нацистской Германии и фашистской Италии, причем он верил, что это был бы «единственный способ воспрепятствовать экспансии других фашистских стран». Национальная безопасность Франции должна стоять на первом месте — говорил он — и для нее заключение союзов важнее любой идеологии. Поэтому он требовал, чтобы Франция укрепляла свои дипломатические связи с либерально-демократической Англией против национал-социалистической Германии. «Системы меняются, страны остаются», — пояснял он. Он категорически отвергал идею впустить во Францию иностранные войска, даже фашистские. С трагической иронией писал он в 1937 году:

«Хорошо кричать "Да здравствуют Советы!" или "Хайль Гитлер!", спокойно сидя дома, среди французов, и чувствую себя уютно. Но будет не столь приятно, если тысячи сталинских или гитлеровских солдат будут топтать сапогами нашу землю, петь свои песни, ругаться на своем языке и приставать к нашим женщинам... С какой стати ожидать, что русские или немцы, воспитанные в условиях диктатуры, будут вести себя лучше, чем французские солдаты времен революции, что эти люди под влиянием утопий стали более смиренными? Иностранная оккупация это всегда унижение».

Однако, этот национализм не помешал Дриё и другим идеологам французского фашизма поддержать политику умиротворения Гитлера во время Мюнхенского кризиса 1938 года, хотя и не без опасений. Дело было не в их пронемецких, а в антирусских настроениях, и, что еще важнее, они считали, у Франции в 1938 году не было шансов выиграть

войну против Германии. При этом не следует забывать, что это мнение тогда полностью разделялось французской консервативной, националистической прессой. Напомним, что Дриё и ряд других вскоре после Мюнхена в знак протеста пацифистской политики Дорио в отношении Германии вышли из ППФ, а Дорио немного позже сам занял ультранационалистическую и антигерманскую позицию. Причины этого раскола в рядах ППФ до сих пор неясны. Возможно, что он был результатом спора о тактике, а не принципиальных идеологических разногласий, например, по вопросу о национализме. Наконец, Дорио ушел в 1936 г. из Компартии, чтобы основать партию ярко выраженного национального социализма, не подчиняющуюся России. Доктрина ППФ была доктриной «непримиримого национализма». Как говорил Дорио: «Наше кредо — Родина». Позже, при менее благоприятных обстоятельствах, он пошел на сотрудничество с оккупантами по тем же причинам, что и многие консерваторы: чтобы служить интересам Франции (какими он их видел). В 1942 году он настаивал на том, что французский фашизм должен сохранить определенное равноправие и самостоятельность в рамках нового порядка, что опять-таки выдает в нем националиста.

Наконец, можно легко оспорить мнение, будто французские фашисты еще до войны были во всем согласны с Германией и их сотрудничество с немцами после поражения Франции было вполне естественным для них шагом. Большинство французских фашистов были до 1940 года не только ярко выраженными националистами и сторонниками типично французской разновидности фашизма. Большинство ведущих интеллектуалов этого движения искало свой идеал скорее в романском фашизме — в Италии, Испании и Португалии — чем в немецком нацизме. Мы уже говорили о недовольстве Дриё многими аспектами жизни в гитлеровской Германии с середины 30-х годов. В романе Дриё «Жиль» (1939 г.), может быть, самом любимом романе фашистов, который вышел перед войной, герой ищет воплощение своей мечты среди испанских, а не среди немецких фашистов. И Бразильяк восхищался скорее испанским, чем немецким фашизмом. Идеи его основателя, Хосе Антонио Примо де Риверы, рано привлекли его внимание к фашизму; к тому же сама Испания была для Бразильяка «страной всяческих доблестей, всяческого величия и всяческих надежд». Когда он в 1937 г. приехал в Германию и принял участие в Нюрн-

бергских массовых мероприятиях, они не вызвали у него такого же энтузиазма. Хотя в последнее время различные комментаторы биографии Бразильяка особо выделяют его описания этих массовых собраний и делают из них вывод о его положительном отношении к ним, в действительности Бразильяк подчеркивал, что эти ритуалы производят на него впечатление чужеродных. Для него, как он говорил, Германия «в большом объеме, в принципе и на все времена была чуждой страной». Его восхищали эмоциональный подъем и жизненная сила немецких участников этих массовых собраний, восхищала молодежь, но многие идеи и символы, характерные для нацизма и, по его мнению, типично немецкие, казались ему смехотворными. И когда он в 1945 году писал в своей камере смертника, что на протяжении большей части своей жизни он не имел в духовном плане никаких контактов с Германией, он был совершенно честен.

Между французским и немецким фашизмом действительно было много больших различий. Во французском варианте меньшее значение имел не только расизм, но и (может быть, вследствие этого различия) гораздо меньший упор делался на массовую, тоталитарную демократию и на народ как источник политического суверенитета и национального величия. Несмотря на положения партийных программ, рассчитанные на широкую массовую поддержку, французский фашизм, в общем, был идеологией, более проникнутой элитарным мышлением, чем его немецкий аналог. Частично он был вынужден подчеркивать свое элитарное мышление, так как ему не удалось стать массовым движением. Но многие интеллектуалы движения испытывали настоящее идеологическое отвращение к любой доктрине, которая превозносила массу, а не небольшие группы необыкновенных людей. Наконец, важнейшим элементом критики французскими фашистами своей страны было ее обвинение в декадентстве, что означало, что и большинство их соотечественников — декаденты. Такие люди, как Дриё и Бразильяк особенно критиковали недостаток жизненной силы и воли во французском народе по сравнению с другими народами и требовали, чтобы авторитарная элита оторвала нацию от ее инертных привычек. Даже фашистские политики, такие как Дорио и Деа, не то чтобы совсем не учитывали общественное мнение, но давали понять, что их правительство будет скорее правительством для народа, чем благодаря народу. Хотя они говорили о политическом представительстве профсоюзных

корпораций, решающая политическая власть при фашизме должна была находиться в руках единственной партии и элиты. Правда, члены этой элиты могли происходить их любых слоев населения и любых областей Франции. Важное различие между фашистами и большей частью консерваторов заключалось в том, что фашистские теоретики настаивали, что правящий слой должен пополняться не только из традиционной иерархии, но и особенно талантливыми представителями низов. Оба лагеря отвергали суверенитет народа, но у них были разногласия насчет формирования господствующей элиты. По крайней мере в этом отношении фашисты были демократичней многих консерваторов. Но их отношение к широкой массе оставалось столь же недемократичным.

Одним из еще более важных различий между французским и немецким фашизмом было то, что вождь согласно нацистской идеологии получает свою власть от народа и его воля поэтому — закон и для правящей элиты, тогда как французские фашисты были гораздо более низкого мнения о массах, а принцип вождизма никогда не вызывал у них энтузиазма. Дриё, например, настаивал, что члены настоящей элиты должны быть партнерами, а не слугами вождя, и их голоса должны учитываться при принятии решений. В своей книге «Фашистский социализм» он поносил всех диктаторов и презрительно замечал, что они выбиваются наверх лишь там, где люди слабей всего. Он закончил выводом, что массы «несколько женственны» и поэтому горды возможностью отдаться этим «живым богам», тогда как настоящая мужественная элита всегда будет против подобной покорности, как он показал за год до этого в своей пьесе «Вождь»: «В человеке, который отдается другому, есть пугающая слабость. Там, где есть диктатор, нет больше элиты, это означает, что элита не выполняет больше свой долг».

Это элитарное мышление французского фашизма невозможно переоценить. Оно составляло часть того очарования, которым фашизм соблазнил таких чувствительных и интеллигентных литераторов, таких как Дриё, Бразильяк, Бардеш и другие. Особенно соблазнительной была картина тесно сплоченной группы молодых, лояльных друг к другу и подчеркнута мужественных товарищей, команды, членом которой хотелось быть. Фашизм это прежде всего дух, сказал однажды Бразильяк, — дух команды. Иногда фашизм этих людей казался не более, чем мечтой школьников, культом мужественной дружбы, товарищества, однако к этому добав-

лялось и чувство собственной силы, растущей благодаря принадлежности к динамичной группе, а, может быть, и чувство того, что кончились изоляция и отчуждение, от которых особенно страдали такие люди, как Дриё. Как сказал Дриё незадолго до своего обращения в фашизм, никто в современном мире не хочет уподобляться тем тысячам, которые дрожат от холода в своих каморках в больших городах и думают, что, прижимаясь друг к другу, они согреются. Благодаря принадлежности к ППФ люди преодолевали слабость индивидуализма и снова учились «групповой жизни». «Там больше живешь не один, а со всеми вместе, — писал Дриё в своей книге «Вместе с Дорио» (1936). — Там не умираешь в одиночку в своем углу... там живешь». Свобода больше не вопрос индивидуальной самостоятельности, а личная сила, и она больше всего, когда принадлежишь к группе и живешь ее жизнью. Поэтому Дриё определяет свободу как «силу, которую человек получает от связи с другими людьми». Почти такие же ощущения описывает Бразильяк в книге «Наш предвоенный период» (1941), когда он рассказывает, как он и многие его товарищи-фашисты благодаря «совместной жизни» на массовых собраниях, «при которых ритмические движения армий и людских масс напоминали удары пульса огромного сердца», настраивались на один лад.

Дриё подчеркивал, однако, что не любая группа рождает такие чувства. Это должна быть воистину элитарная группа, члены которой должны быть молоды, воинственны и отважны. Именно эти качества, утверждал он, отличают фашистов от их политических противников, особенно от большой массы коммунистов и социалистов, и в этом, говорил он, величайшее обаяние фашизма и источник его силы. Действительно, были моменты, когда Дриё подчеркивал личные качества активистов, такие как агрессивность, мужество, жизненная энергия и сила, таким образом, что его фашизм казался только символом действия ради действия. Так в 1937 г. он заявил, что важна не программа ППФ, важен ее дух борьбы и действия. Лучшее доказательство этого аспекта его фашизма можно найти в его романе «Жиль», в том эпизоде, когда герой, пережив беспорядки февраля 1934 г. в Париже, предлагает вождю одной политической организации примечательный план действий:

«Вы должны сразу же открыть бюро, чтобы вербовать боевые отряды. Никаких манифестов, никакой программы, никакой новой партии. Только боевые отряды, которые так

и будут называться. Как только будет создан первый отряд, надо будет что-то предпринять. Либо напасть на Даладьё, либо взять его под защиту, но непременно действовать конкретно. Или захватить редакцию сначала правой, а потом левой газеты. Или избить кого-нибудь у него на квартире. Любой ценой надо порвать с рутинной старых партий, манифестов, собраний, статей и речей».

Революция нигилизма? Не обязательно. Тот факт, что Дриё был склонен в определенные моменты принижать определенные идеологические вопросы, еще не означает, что у него не было идеологии или что его не интересовали доктрины. Его культ действия и силы сам по себе был доктриной и тем самым — источником других доктрин. Поскольку такие фашисты как Дриё прославляли силу и жизненную энергию и осуждали французское общество за его декадентство, за отсутствие этих качеств, они требовали радикального преобразования и духовного обновления этого общества. Эта критика не только оказывала вдохновляющее воздействие на многие доктрины и программы, она — что еще важнее — отличала фашистов во Франции от консерваторов и традиционалистов.

То, чем какое-то время исключительно занимались французские фашистские писатели и что относилось к самым характерным чертам их идеологии, это было ощущение национального упадка, ощущение того, что Франция обессилела и ослабла, переживает застой и впала в глубокий сон. Они считали, что Франция, забыв былую славу, утратила свое значение в большой степени из-за морального и физического вырождения народа. Часть вины возлагалась на «плутократический капитализм», поэтому предлагался новый вид национального социализма, чтобы увеличить экономическую мощь Франции по сравнению с другими странами, но в целом упадок Франции был в глазах французских фашистов, прежде всего, моральной проблемой (может быть, поэтому их экономические программы не были такими жесткими, как марксистские). Как и Дриё, большинство французских фашистов понимало свою революцию как духовную. Они утверждали, что Франция страдает от снижения рождаемости, эгоизма, индивидуализма и недостатка жизненной силы, а не от экономических причин. Французские фашистские мыслители единодушно отвергали чисто экономическое и материалистическое объяснение истории и общественного строя; по их мнению, французский народ ввели в заблуждение определенные философские понятия. Как только эти

понятия будут заменены новыми, лучшими концепциями, французское общество обновится.

Для такого человека, как Бразильяк, фашизм был также мятежом молодежи против стариков, мятежом молодого, здорового, идеалистического поколения против старого, больного и отжившего. Такую точку зрения не могли приветствовать консерваторы среднего возраста. К тому же большинство французов, несомненно, интересовалось своим обновлением меньше, чем хорошей едой, а молодежной аскезой — меньше, чем материальными благами жизни. И здесь опять мы видим четкое различие между фашистами и многими консерваторами, особенно зажиточными. Как Дриё, так и Бразильяк со своими друзьями из газеты «*Je suis partu*» презирали материалистические ценности буржуазии и ее расслабляющее стремление к уюту; как и он, они мечтали о новом поколении французов, физически крепких, проникнутых духом товарищества и «полных презрения к собственникам этого мира». В результате к этому мятежу примыкало много примитивных людей. «В действительности, — пишет Бардеш, — человек, каким понимали его фашисты, это молодой дикарь, который верит лишь в качества, необходимые в джунглях или на Северном полюсе. Он презирает культуру вообще, она для него лишь лицемерие и мошенничество».

Но фашистская концепция человека этим далеко не ограничивалась. Ядром того, что французский фашизм считал своим идеалом, была идеальная мужественность, концепция «*homo fascista*» и представление о «новом человеке», которого создаст фашистское общество. Целью фашизма, как говорил Деа, было создание «цельного человека», или, как позже сказал Бардеш, «формирование человека в соответствии с определенным идеалом». И они были убеждены, что уже имеют этот идеал. Бразильяк гордо заявил в 1941 году:

«За последние 20 лет мы пережили рождение нового человеческого типа, — столь же явно и внезапно, как картезианский герой, как энциклопедист 18-го века, как якобинский «патриот», мы пережили рождение фашистского человека. Подобно тому, как наука различает «*homo faber*» и «*homo sapiens*», мы должны представить специалистам в этой области и любителям этого «*homo fascista*».

Идеологи французского фашизма постоянно подчеркивали, что «это новое представление о человеке» — важнейшая часть их движения, отличающая их от их противников больше, чем все прочее¹⁰.

Действительно ли из их произведений возникает портрет «homo fascista»? Этого человека отличают энергия, мужественность и сила, — прежде всего, сила. Он смотрит на жизнь глазами Дарвина как на борьбу за существование, в которой сильный побеждает слабого. Он верит, что единственная справедливость, которая есть в этом мире, — та, «которая господствует благодаря силе», как подчеркивал Бразильяк. Поэтому он не избегает борьбы и кровопролития, а приветствует их, так как только в борьбе он действительно становится человеком. Его физическая храбрость поддерживается сильным телом. В мирное время он — закаленный спортом атлет. Но он не эгоцентрический индивидуалист, так как он осознает, что цельность своей личности он обретает только в группе, поэтому он уважает сплоченность, дисциплину и авторитет. Это человек действия, воли и характера, короче, герой, не зависящий от истории, а сам определяющий историю.

Этим, говорили защитники фашистского человека, он резко отличается от марксистского или демократического человека. Люди от природы не добры и не равны. В истории нет неизбежного прогресса и она не определяется только экономическими условиями. Главное заблуждение марксизма заключается в предположении, будто человечество — продукт одних материальных сил и сам человек не что иное как «ограниченное число фунтов органического материала». В противоположность марксизму фашизм признает в истории «человеческий фактор» и роль динамичных личностей. «Фашизм — говорил Дриё — превосходит социализм своим мнением о человеке». Бардеш писал:

«Фашизм не дает, в отличие от коммунизма, объяснение мировой истории; он не дает и ключа, с помощью которого каждый может расшифровать действительность. Он не верит и в судьбу, а наоборот, отрицает судьбу и ставит на ее место волю человечества и веру в то, что человек сам определяет свою судьбу... Фашизм оценивает события и людей в соответствии со своим особым представлением о человеке».

Это представление о человеке, как настоятельно подчеркивалось, имело мало общего с тем, что хотели сделать из человека демократы. Демократическая теория восхваляет человеческие существа, которые, хотя и умеют читать, не имеют морали, стремятся к удобствам и безопасности, а не к героической жизни, ярко выраженных индивидуалистов с обостренным чувством собственной выгоды, не признающих

общество чем-то большим, чем их собственное Я. Фашизм хочет «взорвать броню этого эгоизма», — писал Поль Марион в своей Программе ППФ (1938 г.) и возродить «радость риска, веру в себя, коллективизм, радость общего порыва и воспоминания о той единодушной вере, которая позволила Франции построить кафедральные соборы и совершить чудесные деяния». У демократических стран нет этого прекрасного идеала и поэтому им не удастся, в отличие от фашистских обществ, выдвинуть из своей среды героев. И большинство консерваторов, даже роялистская Аксьон Франсез, лишь редко приближаются к этому идеалу, так как они погрязли в материалистическом эгоизме и буржуазном декадентстве, и у них, как думал Дриё, нет динамики и необходимой жестокости: «Монархист никогда не станет настоящим фашистом, потому что он не современен: у него нет жестокости, варварской простоты современного человека».

Более чем что-либо другое, это возвышенное представление о человеке привлекло в 30-х годах к фашизму таких людей, как Дриё и Бразильяк, и определило их дальнейшую судьбу. Оно было одним из мотивов сотрудничества с немцами после 1940 года. У них было нечто общее с нацистами и это общее при принятии решения перевесило различия. Потрясенные быстрым поражением Франции и убежденные, что их соотечественники доказали этим свое вырождение, они обратили свои взгляды на немцев, которые принесли французам новый идеал, достойный того, чтобы на него ориентироваться; Дриё называл этот идеал «гитлеровским человеком», имея в виду новый тип победоносных немцев, создавших III Рейх. Как говорил позже Бардеш, нацизм был тогда для него и его друзей не только лучшим средством борьбы против коммунизма и либерализма, но, даже если немцы проиграют войну, нет другой возможности воплотить «новый образ человека», который воплощали в себе нацисты. Такие люди как Бардеш, сотрудничали с немцами не потому, что были целиком согласны с их идеологией: их привлекали личные качества оккупантов, их жизненная энергия, сила и воинская доблесть. Даже в 1945 г., когда все было потеряно и нацизм был погребен под горой военных преступлений, Бразильяк писал в тюрьме, в ожидании казни, оправдывая свои дела, о том яростном сопротивлении, которое немцы оказывали союзникам:

«Проявив твердость по отношению к другим, Германия в эти годы доказала, что она может с такой же твердостью отражать удары, наносимые другими. Она убедительно доказала

свою жизнеспособность, приспособляемость, храбрость и свой героизм. Хотя его города сжигались фосфорными бомбами, сеть народ собрался с силами, и в завоеванные странах, из которых их американские и русские войска, наконец, выгнали, немецкие солдаты, отрезанные от своих и предоставленные самим себе, сражались с энергией обреченных; они были единственными, чьи души оставались верными, и это восхищает... Невозможно, чтобы такие достоинства были навсегда потеряны. Они входят в общую сокровищницу нашей культуры».

Остается последний вопрос: был ли французский фашизм вообще идеологией? Был ли он, как утверждают некоторые ученые, в первую очередь, всего лишь «лихорадкой», движением без явных целей и серьезной доктрины, т.е. движением, для которого, по словам профессора Вебера, «конечный результат действия был менее важен, чем само действие», движением, у которого не было плана или планов, намеченных первоначальной доктриной? Был ли он, как думают эти ученые, в основном, романтической авантюрой, сентиментальным, эмоциональным порывом, участники которого «больше интересовались жестами, чем доктриной», уделяли больше внимания стилю, чем сути, и в результате оказались в положении, при котором их отношение к политике было скорее иррациональным, субъективным и эстетическим, чем реалистическим, объективным и постоянным?¹¹ Трудность с использованными здесь прилагательными заключается в том, что они могут выражать противоположное. Во-первых, все идеологии, несомненно, имеют определенное эмоциональное содержание, которое влияет на их доктрины или даже вдохновляет их. В этом плане французский фашизм не представляет ничего особенного. «Воспринимать политические идеи как плод чистого разума, значит, приписывать им столь же мифическое происхождение, как Афине Палладе, — сказал однажды сэръ Льюис Намир. — Важны, прежде всего, лежащие в основе эмоции, музыка, для которых идеи — только либретто, часто гораздо худшее, чем музыка». Во-вторых, большинство идеологий имеет то, что можно назвать субъективным представлением о хорошем общественном строе (все системы ценностей в этом смысле, собственно, субъективны); Кроме того, большинство идеологий имеет свою эстетику. Разумеется, такой человек, как Бразильяк, говорил о фашизме как о «поэзии» и был очарован поэтическими образами молодых людей, сидящих ночью вокруг костра, массовыми

собраниями и подвигами прошлого. Но свою концепцию жизни имел и марксизм в бесклассовом обществе, и консерватизм со своей идиллией священного прошлого. Украшенное символами представление о «хорошем обществе», которое идеологи не отождествляли с современным обществом и современной объективной реальностью, не является особой чертой французского фашизма и не может быть отброшено просто как «субъективизм» и «эстетизм». Наконец, французский фашизм известен своим прославлением реализма и прагматизма, равно как и «романтическими» формами выражения. Его вера в то, что сильный побеждает слабого и что сила и есть право, его презрение к интеллектуалам, сидящим в башне из слоновой кости и не имеющим никаких контактов с конкретной реальностью, его постоянные указания на необходимость противостоять жестоким фактам жизни, отождествление насилия с мужественностью и его презрение к «романтикам», не желающим пачкать руки о политику, — все это были основные аспекты фашистского «реализма».

Мнения насчет того, имели ли французские фашисты, будь они реалистами или романтиками, четкую идеологию и относились ли они к ней серьезно, разделились. Хотя такие интеллектуалы-литераторы, как Дриё и Бразильяк, часто делали большой упор на духе фашизма, чем на его программах, и даже Дорио признал однажды, что доктрины ППФ «недостаточны и бессильны» по сравнению с энергией и силой ее членов (этот упор на духе, а не на доктринах значительно облегчил французским фашистам в 20-х и 30-х годах внедрение в ряды консервативных правых и в свою очередь проникаться консервативным духом), было бы неверным, однако, делать отсюда вывод, что французский фашизм был только «лихорадкой». Его партийные программы занимали четкие позиции по важнейшим внешне — и внутриполитическим вопросам, и даже если некоторые его доктрины называют романтическими, они тем не менее остаются доктринами. Как уже отмечалось, французскому фашизму претило все декадентское, и его культ энергии и силы имел важные последствия для его доктрин. Не только Франция должна снова стать сильной страной, но и должно быть создано новое общество, чтобы воспитать новый тип человека. В этом пункте французские фашисты были такими же доктринерами, как Ликург, который поставил перед собой задачу, с помощью законодательных мер создать нового спартанского человека. Кроме сословий и авторитарного государства,

французские фашистские писатели требовали «революции тела», увеличения числа спортивных команд, групп следопытов, туристских союзов, молодежных турбаз, стадионов и, прежде всего, заменить крупнейшие города Франции колониями, рассеянными по всей стране и соединенными сверхскоростными средствами сообщения. Только если освободить тела французов от обезчеловечивающего воздействия чисто городского существования, писал Дриё, они преодолеют и духовное декадентство. «Благодаря нашим усилиям, — говорил Поль Марион из ППФ, — Франция летних лагерей, спорта, танцев, туризма и коллективных экскурсий оттеснила Францию аперитива, табачных киосков, партийных съездов и долгих обеденных перерывов». Согласно Дриё, важней всех прочих реформ фашизма та, которую он называл физической:

«Физическая реформа человека должна быть нашей самой непосредственной, самой неотложной задачей, и она должна проводиться в соответствии с экономической реформой, а реформа экономики должна ориентироваться на требования физической реформы (основной программы фашистской революции)».

Французский фашизм действительно имел, таким образом, не только четкую идеологию, которая со временем должна была стать еще более четкой; эта идеология была высокоморальной и совершенно серьезной. Несмотря на прославление реализма и силы, в этой идеологии больше всего бросается в глаза ее морализм, непримиримое возмущение всем, что осуждалось как декадентство, и усердное стремление истребить греховность (т.е. слабость) везде, где она встретится. Бардеш, например, отмечает в своей книге «Что такое фашизм?», что ни один режим не интересовался «моральным здоровьем» общества больше, чем фашистский, и что по этой причине фашизм занимался «систематическим искоренением всего, что лишает мужества, загрязняет или вызывает отвращение». Демократии же известны своей моральной распущенностью:

«Демократии допускают, что все аспекты жизни могут подвергаться любым влияниям, любым инфекциям, действию любых зловонных ветров, и никакие плотины не возводятся на пути декадентства, отчуждения и посредственности. Они хотят, чтобы мы жили в степи, где каждый может на нас напасть. У них есть лишь один чисто негативный лозунг: защита свободы... Чудовища, которые обитают в этой

степи, крысы, жабы и змеи, все сползаются в одно болото... Посредственность действует на людей как ад, а демократии набивают ее образованием, не указывая ни цели, ни идеала; это духовная чума нашего времени».

Этот вид морализма побудил многих французских фашистов вызвать к себе всеобщую вражду и даже пойти на смерть ради своего дела, но он же привел их к тому, что они одобрили ряд самых авторитарных и низких политических деяний своего времени.

Примечания

¹ Rene Remond. *La Droite en France de 1815 a nos jours*. Paris, 1954; Eugen Weber. *Varieties of Fascism*. New York, 1964; Jean Plumyene et Raymond Lasierra. *Les Fascismes francais. 1923-63*. Paris, 1963; Paul Serant. *Le Romantisme fasciste*. Fasquelle, 1959; Peter Viereck. *Conservatism from John Adams to Churchill*. New York, 1956; Michele Cotta. *La Collaboration. 1940-44*. Paris, 1964.

² Remond. *La Droite en France de 1815 a nos jours*. В общем, те же оценки, что и книга профессора Ремона, содержит вышедшая недавно книга Жана Плюмьена и Раймона Ласьерры «Французские фашизмы, 1923—1963». Авторы этой книги утверждают, что фашизм во Франции был сначала, т.е. в 20-х и 30-х годах, в основном, мифом, который пропагандисты левых поддерживали в своих партийных целях, чтобы дискредитировать правых в целом и сплотить свой собственный лагерь против стереотипного образа злобного врага — эта техника применялась и во время Освобождения. Наконец, во Франции возникли настоящие фашистские организации, говорят Плюмьен и Ласьерра, но эти организации «сначала» получили свои доктрины из-за границы, из газетных отчетов и журналистских комментариев о фашистских учениях в других странах. «Фашизм по своему происхождению феномен, чуждый Франции» (с. 15). Но раньше те же авторы констатировали, что французский фашизм «действительно возник из чего-то, лежавшего вне его самого, из политических формаций как французских правых, так и французских левых» (с. 10).

³ Eugen Weber. *Varieties of Fascism*. С. 12, 19.

⁴ Приведем в качестве примера эпизод, происшедший в последние недели войны. Дорио и Деа бежали в Германию, где сначала Риббентроп, а потом Гитлер признали Дорио самым квалифицированным представителем французских интересов в Германии. После этого Деа и Дарнан создали собственную контрорганизацию, чтобы говорить от имени Франции. Лишь в самый последний момент Дорио и Деа согласились на личную встречу в деревне между местами, где они жили, чтобы уладить разногласия. По пути на эту встречу автомобиль Дорио был атакован самолетом союзников, и

сам Дорио был убит. Деа в последние дни войны бежал в Италию и бесследно исчез.

⁵ Не будучи членом ППФ, как Дриё, Бразильяк выражал в своих статьях в газете «Же сюи парту» большие симпатии к этому движению. Дриё же не забыл резкий критический отзыв о его произведениях, который Бразильяк опубликовал в 1935 г., назвав Дриё неудачником, который пишет «пустейшие и глупейшие истории», отличающиеся «дурным вкусом, высокопарностью и путаницей», а также своей «беспомощностью, отступлениями, скучными пассажами и эмоциональной лживостью».

⁶ Eugen Weber. *Varieties of Fascism*. С. 134, 141; Rene Remond. *La Droite en France*. С.204; Он же. Был ли французский фашизм // *Terre Humaine*. 1952. №7—8; Стенли Хофман. Аспекты режима Виши // *Revue française de science politique*. Январь-март 1956. С.45, 50; Paul Serant. *Le Romantisme fasciste*. С.12, 265; Jean Plumiere, Raymond Lasierra. *Les Fascismes français*. С.8; Peter Viereck. *Conservatism from John Adams to Churchill*. С.62.

⁷ Rene Remond. *La Droite en France*. С.107.

⁸ Там же. С.220, 218.

⁹ Может быть, в этом причина описанного профессором Вебером странного феномена: богатые деловые круги в разное время в 20-х и 30-х годах давали деньги на избирательные кампании фашистских и протофашистских организаций, несмотря на их «антикапиталистические» программы (Weber E. Национализм, социализм и национал-социализм» в «*French Historical Studies*», весна 1962, с.302). Для Вебера речь идет в данном случае о технике, с помощью которой богатые круги отводили активную энергию этих групп от левых и делали ее таким образом неэффективной. Это возможно, но известно, что «антикапиталистические» программы этих движений не очень пугали закулисных заправил, тогда как антикоммунизм французских фашистов им нравился.

¹⁰ К недостаткам книги Поля Серана относится то, что он сознательно опускает повествовательные произведения французских фашистских авторов. Но именно в этих работах часто можно встретить самый яркий образ фашистского идеального человека.

¹¹ Eugen Weber. *Varieties of Fascism*. С. 138, 142; Он же. Национализм, социализм и национал-социализм во Франции; Paul Serant. *Le Romantisme fasciste*. С.10, 31; William R. Tucker. Политика и эстетика: фашизм Робера Бразильяка // *The Western Political Quarterly*. 1962, декабрь; Жан Тюрле. Введение в историю фашистской литературы // *Les Cahiers français*. Май 1943, цит. в книге Серана на с. 11.

Адриан Литтелтон

ФАШИЗМ В ИТАЛИИ: «ВТОРАЯ ВОЛНА»

Захват власти фашистами был долгим процессом. Начавшись осенью 1921 г. с частичного разрушения местных административных механизмов или овладения ими, он окончательно завершился лишь после реформы Палаты депутатов в 1928 г. Однако в этом медленном процессе решающую роль сыграли два драматических «скачка». Первым был, несомненно, поход на Рим, вторым — конец кризиса, вызванного убийством Маттеотти, в январе 1925 г. Речь Муссолини 3 января означала разрыв между конституционным режимом и диктатурой. Эти два скачка весьма различны между собой. Поход на Рим был кульминацией медленного процесса перехвата власти у государства, тогда как поведение Муссолини в январе 1925 г., его отступление, казалось первоначально роковым распадом его власти и всего фашистского движения и началом новой фазы, «второй волны» фашизма.

Как могло убийство депутата от оппозиции через 18 месяцев после похода на Рим поставить под угрозу основы власти Муссолини? Дело в том, что без существования парламентской оппозиции, частично свободной прессы и частично свободной администрации весь кризис, вызванный убийством Маттеотти, был бы невыносим. Кроме того, это убийство было в определенном смысле характерно для режима, который не мог применять легальные санкции против своих противников. Фашистские вожди продолжали считать террор необходимым, но были не в состоянии взять на себя всю ответственность за него. Самое важное в речи Муссолини 3 января заключалось в том, что он сделал этот решающий шаг: «Я заявляю... что я и только я беру на себя политическую, моральную и историческую ответственность за все, что произошло... Если фашизм был преступным заговором, если все насилия были результатом определенной исторической, политической и моральной обстановки, то ответственность

за это лежит на мне»¹. Фашизм считал себя революционным движением, но смысл этой революции оставался неясным. Когда отмечали годовщину похода на Рим, Муссолини хватался, что «фашистская революция достигла своей цели», но когда он перешел к перечислению заслуг фашизма, получился перечень того, что не сделано. Фашизм не разрушил авторитет ни монархии, ни церкви, ни даже парламента, не ввел и чрезвычайные законы².

Если экстремисты в партии сожалели об отсутствии репрессивного законодательства, то умеренных или «ревизионистов» беспокоила неспособность фашизма создать административную основу для осуществления своей власти. На Национальном совете партии в августе 1924 г. один делегат задал вопрос: «Что нового принес с собой фашизм? На что опирается утверждение, будто пути назад нет? Ни на что!»³. Еще до кризиса, вызванного убийством Маттеотти, насаждался официальный оптимизм, и такого рода откровения стали более редкими, но все же имели место. Единственным нововведением фашизма было создание милиции, но ее статус и будущее оставались неясными, и шел спор между теми, кто хотел свести ее значение до безобидной роли резерва на случай чрезвычайной ситуации и школы подготовки кадров для регулярной армии, и теми, кто хотел усилить ее политический характер.

Успех на выборах 6 апреля 1924 г. мог окончательно узаконить господствующее положение фашизма в государстве и по окончании неопределенного конституционного положения сделать возможным нормализацию или возврат к легальным методам, что было центральной темой политических дискуссий. Но окончание переходного периода фашистского правления имело и свои недостатки. Стало трудней и дальше откладывать принципиально важные решения. Вопрос о том, какую окончательную форму примет фашистское государство, стал актуальной политической проблемой. Станет ли новая легислатура, как надеялись либералы, окончательным возвратом фашизма к Конституции и законности или вместо этого будет созвано Конституционное собрание для создания нового фашистского государства? Во втором случае было непросто определить план намерений.

Трудность придания фашизму окончательной формы, а также его нелюбовь к дисциплине и стабилизации нельзя было объяснить одними практическими трудностями при проведении той или иной реформы. Даже репрессивному

законодательству, которого требовали экстремисты, не удалось бы сразу же выполнить «революционные» требования движения, что ясно показали события 1925-26 годов. Существовало принципиальное противоречие между таким рациональным и консервативным понятием, как восстановление авторитета государства, и той иррациональной активностью, которая толкала фашистское движение вперед. Идеи конституционной реформы или какой-либо четкой организации противоречили их менталитету или, как минимум, считались неважными. Писатель Камилло Пеллицци, который очень умно критиковал потом неспособность фашизма осуществить поворот к технократии, к руководству менеджеров, очень красноречиво описывал эту позицию: «Фашизм боролся за принцип авторитета, но не авторитета писанных законов или конституционной системы». «Настоящий фашизм испытывает инстинктивную неприязнь к кристаллизации в государство... Фашистское государство это не столько государство, сколько движущая сила»⁴.

И это была позиция не только немногих интеллектуалов; вождь группы раскольников, которые взбунтовались против «фашио» в Пистойе, назвав себя «Старой гвардией», заявил: «Мы, фашисты, никогда не должны терять динамику, которая относится к числу наших самых характерных признаков; застыть в статичной позиции, что недавно произошло, означает для нас отрицание фашистской идеи»⁵. Можно говорить о некоей идеологии «сквадризма», которая стремилась скрывать и запутывать простые реалии и заменять их мистификациями.

Для настоящего восстановления авторитета государства было, прежде всего, необходимо уменьшить власть местных фашистских вождей, т.н. «расов». Однако сделать это было непросто. В принципе, сам Муссолини хотел бы взять расов под контроль; в октябре 1923 г., если не раньше, он пришел к убеждению, что в его собственных интересах, как руководителя государственного аппарата, восстановить его власть над партией. Этот шаг не был очевидным: разве Муссолини не был также вождем партии? Но партия показала свою неспособность контролировать местных вождей. Чистые кризисы центральных органов партии, которые постоянно образовывались, распускались, расширялись, сокращались, переименовывались и снабжались большими или меньшими полномочиями, доказывали трудность превращения фашистской партии в единое целое. В определенном смысле поход на Рим

даже осложнил проблему. До него необходимость борьбы вынуждала движение к определенному единству действий; теперь этой центростремительной силы не было; к этому добавилось соперничество за посты. Совершенно ясно видел это Дж. Боттаи, самый тонкий аналитик внутренних трудностей фашизма: «В то время как однородность более или менее возможна в партиях, образованных на основе четкой программы, в партии, которая пополняется молодыми кадрами в атмосфере разгара страстей, она почти невозможна. Пока активны сильные чувства, можно объединить людей разных типов; спокойная обстановка снова оживляет их различия»⁶.

В 1923 году шла интенсивная борьба за власть внутри фашистского движения, как на национальном, так и на местных уровнях. Центральное руководство пыталось либо назначать вождей в провинции, либо ослабить их власть, но вследствие этого наиболее могущественные «расы» стали прилагать еще больше усилий для увеличения своего влияния на центр. В результате усиливалась всеобщая смута и неуверенность. Современники говорили о кризисе фашизма⁷.

Собственно, кризис начался не с убийства социалистического депутата Маттеотти, а с его речи в парламенте 30 мая 1924 г. Тогда была озвучена идея выхода оппозиции из парламента («авентинский вариант»), тогда же начались фашистские контрмеры, «вторая волна» нелегального насилия или репрессивного законодательства. Циркуляр, который Чезаре Росси⁸ разослал в день этой речи фашистской прессе, приказывал редакторам разоблачить «втайне задуманный» план оппозиции по подготовке выхода из парламента: «Эти планы направлены на то, чтобы создать угрозу нормализации национальной жизни, на которую все давно надеялись и которая теперь достигнута, вызвав неизбежную и законную реакцию фашистского режима в нужный момент»⁹. Но убийство сделало такую реакцию невозможной. Согласно его собственной версии, Росси предложил Муссолини сразу же взять на себя ответственность за это преступление, что тот и сделал позже, 3 января 1925 года¹⁰. Но Муссолини чувствовал себя слишком слабым для такого рода действий. Оппозиция одержала большую моральную победу; вопрос был в том, сможет ли она превратить ее в политическую. Как известно, этого не случилось, но, чтобы понять позицию Муссолини и фашистского движения, необходимо задаться вопросом, какие шансы могла иметь оппозиция в случае успеха.

Нельзя было полностью исключить применение насилия. В момент большой политической смуты шансы на успех имел путч небольшой и решительной группы людей из самого ближнего круга, хотя и это решение имело свои трудности. Но самая большая опасность для Муссолини исходила от легальной оппозиции. Задним числом известно, что она была обречена на поражение из-за позиции короля, но тогда этого еще не могли знать. Муссолини боялся трех вещей. Первой была враждебность опытных государственных деятелей, но, как показали дальнейшие события, враждебные фашизму Джолитти, Орландо и Саландра имели мало влияния на короля. Второй угрозой был распад парламентского большинства Муссолини. Если бы откололись либералы, фронтовики и другие группы, у фашистов осталось бы лишь шаткое большинство, да и среди фашистских депутатов был рад таких, у кого могли отказаться нервы в случае крайних мер или могла возмутиться совесть. Наконец, опасность исходила и от самого кабинета. Муссолини пришлось расширить правительство, включив в него двух либералов, потому что грозили отставкой четверо его министров — Овильо, де Стефани, Федерцони и Джентиле¹¹. Газета «Джорнале д'Италия» утверждала 5 июля, что «ситуацию контролируют сторонники законности. Есть кабинет, который никогда не пойдет на революционные меры». Позже эта газета взывала к «восьми министрам — сторонникам законности»¹². В этих надеждах был большой элемент иллюзии, но верно, что Муссолини тогда мог рассчитывать на полную поддержку только одного члена кабинета — Чиано.

Только этими опасностями можно объяснить колебания в политической стратегий Муссолини. Сначала он склонялся в сторону экстремистов. Ему нужно было сохранить все оставшиеся у него силы, а это означало зависимость от энтузиазма провинциальных масс и вооруженной милиции. Высшей точкой успеха экстремистов был Национальный совет партии в августе. Принятые на нем резолюции означали решительный формальный разрыв фашизма с либеральным государством. Однако, после того, как Муссолини достиг своей цели, объединив партию вокруг программы конституционной реформы, которая имела мало значения для фактической политической ситуации, он попытался вернуть потерянную или шаткую поддержку либералов. Но часто эффективный метод кнута и пряника не годился в новой политической ситуации. Напряжение было слишком велико, недоверие нельзя

было преодолеть с помощью одних обещаний, и ту поддержку, которая была утрачена вследствие ставки на экстремистов на первом этапе, можно было вернуть только пойдя на серьезные уступки. В комментарии к посланию Муссолини к фашистской партии от 30 ноября газета «Джорнале д'Италия» от 2 декабря 1924 г. поясняла, почему ее оппозиция теперь непримирима: между июнем и нынешним днем «имел место ряд действий и выступлений Муссолини, которые находятся в полном противоречии с духом его речи перед Сенатом в июне или данного послания... Премьер-министр во вчерашнем документе и в своем недавнем выступлении перед Палатой ведет себя не как человек, живущий своими убеждениями, а как политик, вынужденно меняющий свою тактику, чтобы не потерять власть».

Но и в другом важном плане прежняя тактика Муссолини усиливала напряженность. В крайне опасном напряжении находились и сами фашисты: это было необходимо для устрашения, однако пошатнувшиеся позиции фашизма затрудняли теперь для Муссолини более, чем в прошлом, его заботу о том, чтобы энтузиазм его сторонников не перехлестнул через край. Первая экстремистская фаза имела к тому же ощутимые последствия. Провинции стали играть главенствующую роль в партийном руководстве, а их признанным вождем стал Фариначчи.

Таковы были причины кризиса политики Муссолини в конце ноября. С одной стороны, фашизм оказался в изоляции, с другой стороны, тот очевидный факт, что отток сторонников не прекращался, подрывал доверие фашистов к своему руководству и грозил тем, что руководство совсем утратит власть над движением. Единственный выход для Муссолини заключался в том, чтобы использовать растущее напряжение для того, чтобы утвердиться в роли человека, который один только может преодолеть кризис. В этой связи важна оценка, которую дал Массимо Рокка, хотя она относится к периоду до убийства Маттеотти. В разговоре с Карло Бацци Рокка сказал: «Мы были едины в том, что Муссолини для монархии — подлинная гарантия от скрытой угрозы гражданской войны»¹³. Об этой угрозе Муссолини говорил и публично 30 декабря 1924 г., когда стали требовать его отставки: «Я готов уйти, но лишь затем, чтобы потом выйти на улицу»¹⁴. Легальные репрессии оправдывались тем, что это единственное средство избежать «второй волны» нелегального насилия. В своей речи 3 января Муссолини зая-

вил: «Если бы всего лишь сотую часть той энергии, которую я использую для обуздания фашизма, я направил на то, чтобы предоставить ему свободу действий, то... Но в этом нет необходимости, так как правительство достаточно сильно, чтобы подавить Авентинское восстание». Никто не воспринял эти слова как аргумент, но как угроза они возымели действие¹⁵.

Если Муссолини включил угрозу «второй волны» в свою стратегию, из этого не следует, что она всегда была лишь элементом его планов, тщательной оркестровки его главной темы. Нельзя было возразить, что эта угроза выдуманная, но ее осуществление, если бы она опередила полицейскую реакцию, могло иметь роковые политические последствия; министры ушли бы в отставку и королю и армии пришлось бы вмешаться для восстановления порядка. Поэтому для Муссолини было важным, чтобы правительство приняло меры первым и воспрепятствовало недисциплинированным террористическим актам провинциальных фашистов или милиции. Эти акты могли бы привести к краху фашизма и в любом случае повредили бы репутации Дуче в его собственном движении. В этой связи можно сказать, что угроза экстремистов, что они сами возьмут закон в свои руки, была решающим фактом, заставившим Муссолини принять то решение, которое он принял.

К концу ноября он все больше брал курс на нормализацию. Его намерения столь серьезны, что он наткнулся на упорное сопротивление внутри партии. Коммюнике о заседании Большого совета 20 ноября констатировало, что дискуссия о новых политических директивах Муссолини была особенно долгой и возбужденной. Несколько дней спустя Чарлантини, член Директории партии, запустил странный пробный шар. В интервью газете «Джорнале д'Италия» (27 ноября) он заявил: «Фашизм это феномен, который не может быть исчерпан судьбой одной партии... нынешняя форма фашизма просуществует, может быть, год или пять лет». Тех, кто считал, что Муссолини хочет спасти свою позицию за счет партии, это, конечно, не успокоило¹⁶. Фашистская революция была объявлена оконченной, и энергия движения сосредоточивалась теперь на требовании новой амнистии¹⁷. Широко распространились пессимистические настроения, которых не избежал даже брат Дуче, Арнальдо. В одном письме, в котором он благодарит Микеле Бьянки за подарок, он писал, что этот подарок был особенно желанным

«в те дни, когда большая часть наших людей разбегается, и мы переживаем за программу, над которой мы работали и за которую ручались. Не утаю от Вас, что я уже много месяцев нахожусь в крайне трудной ситуации... но битва еще не окончена»¹⁸.

Ситуация ухудшилась вследствие неожиданного удара. Бальбо, главнокомандующий милиции, был вынужден уйти в отставку в результате разоблачений, сделанных в ходе его клеветнической кампании против газеты «Воче Републикана». Муссолини, который сам был замешан в это дело, принял отставку Бальбо, послав ему дружеское письмо, что усугубило скандал. Вероятно, он решил в любом случае заменить Бальбо одним бывшим генералом регулярной армии, но вместо того, чтобы ему поверили вследствие этой инициативе по «нормализации», создалось впечатление, что Муссолини действовал вынужденно¹⁹. Внутри фашистского движения Бальбо был очень популярен, поэтому последствия его отставки были серьезными, особенно в рядах милиции, которая сыграла важную и вполне определенную роль в событиях, которые привели к 3 января.

Дело Бальбо акцентировало противоречия в политике Муссолини. Чтобы умиротворить консерваторов, необходимо было придать милиции национальную и военную роль, но для этого требовалось сотрудничество армии, которая не была готова дать свое согласие без определенных гарантий. Муссолини вдруг оказался в Сенате под перекрестным огнем критики военных и консерваторов и офицеров милиции, которые отстаивали ее интересы. Та настойчивость, с которой влиятельные представители армии, генералы Джардино, Цупелли и Кавилья²⁰ выдвигали свои требования, отражали их серьезную озабоченность тем, что существует весьма значительная вооруженная сила, не подчиненная, по сути, никакому эффективному контролю. Мог ли Муссолини быть уверен, что он контролирует свою недисциплинированную частную армию? Даже если успешный переворот был невозможен, милиция при поддержке остального фашистского движения могла устроить кровавый период междоусобицы. Как сказал Джардино, общественное мнение было обеспокоено возможностью вооруженной реакции, «даже если она ограничится несколькими провинциями... в случае политических изменений или радикальной чистки». Последняя часть фразы выражала опасение, что Муссолини больше не в силах обуздать фашистское движение, даже если захочет;

и так оно и было на самом деле. Следовательно, требование чистки среди высших чинов милиции отражало уже не только профессиональную ревность, но и настоятельную необходимость снова поставить под контроль вооруженные силы. «Армия всегда должна быть самой сильной из всех сил, существующих в нации, — продолжал генерал. — То, что предотвращает самые неожиданные конфликты и самую мысль о конфликтах и поэтому обеспечивает мир гражданского общества без необходимости применять насилие, это исключительно правильное соотношение сил». В данном случае речь шла не только о статусе, но и о власти.

Оппозиция офицеров милиции против новых директив, принятых под давлением армии²¹, не могла ограничиваться только вопросами содержания или статуса, но и была неотделима от них. Ее мотивы были не только материальными, но и психологическими (нежелание отказаться от политического насилия), социологическими (неприятие безликой бюрократической организации) и политическими (разделяемое с другими фашистами-экстремистами мнение, что пришло время покончить с дискуссиями). Эта мешанина проявилась в письме консула миланской милиции Карини: «Если мы, вместо того, чтобы расходовать литрами чернила, снова возьмем в руки палки — сколько добра от этого получится! Для тех противников, с которыми мы имеем дело самый лучший и убедительный аргумент значит не больше, чем высохшая смоква... Генерал Радини переведен в Болонью; вместо него прибывает другой, смелый, но совершенно не известный нам генерал. Этот способ обращаться с милицескими зонами как с армейскими полками или бригадами в принципе абсурден и неизбежно приведет к уничтожению милиции. Генерал Радини — уважаемый и непреклонный фашист, с ним все в порядке. Но он не хотел ехать в Болонью... и я думаю, он, в конце концов, подает в отставку. Если этот пример других станет уроком для нас и то же произойдет в Болонье, милиция распустится и исчезнет. Необходимо, чтобы Вы напомнили ему в этой ситуации, если он сам не понял, что мы надеемся, что добровольческая милиция останется в системе национальной безопасности точно тем же, что и сейчас.

Я пишу это... с чувством настоящего отчаяния в сердце (и я говорю только об отчаянии, потому что дисциплина запрещает мне упоминать другие чувства)... Я живу со своей семьей на 793 лиры и — если не считать скромной пенсии,

которую я заслужил за 26 лет бесстрашной, жертвенной борьбы — не стяжал больше ничего... Если с нами будут так поступать, я предвижу, что это орудие обороны в нужный момент (а он, может быть, уже настал!) не откликнется на решающий призыв»²².

Такая же смесь мотивов стояла, вероятно, и за возникшим в декабре 1924 г. т.н. «движением консулов». Кульминация этой истории известна: в последний день года около тридцати консулов милиции явились к Муссолини под предлогом новогоднего поздравления, но их настоящим намерением было заявить протест против изменений в командовании милиции и указать Дуче на то, что «вторая волна» хлынет, если правительство не будет предпринимать ничего, чтобы заткнуть рот оппозиционным критикам²³.

В этой истории многое остается неясным: рассказ о бурном обмене мнениями между Муссолини и представителем консулов называют «разыгранной комедией»²⁴. Но, по крайней мере, на начальном этапе «движение консулов» было продуктом подлинного недовольства руководством Муссолини и, вероятно, намечало акции такого рода, каких боялся Джардино. Можно предположить, что акции против сил государства или без их участия стали бы лишь последней отчаянной попыткой; может быть, предполагалось устроить Варфоломеевскую ночь террора и тем самым сделать невозможной политику компромиссов и заставить правительство Муссолини пойти за движением.

Согласно ряду версий, эти меры, по крайней мере, на раннем этапе, организовывал и руководил ими сам Бальбо²⁵. Это возможно, но убедительных доказательств нет. Влияние отставки Бальбо на офицеров милиции действительно заставляло Муссолини нервничать²⁶. Бальбо советовал своим сторонникам «в последний раз дать доказательство нашей дисциплины... Правительство нашего вождя приказало нам не проводить самим никаких демонстраций, ни за, ни против правительства. Мы повинемся, но если и это последнее мирное предложение оппозиции не будет принято, они должны знать, что мы готовы снова издать военный клич первых дней фашизма»²⁷. Фашистское региональное собрание провинции Эмилия избрала Бальбо председателем; префект Болоньи сообщал, что послание Муссолини «было встречено собранием холодно и были слышны даже неодобрительные выкрики». В ходе последующей бурной дискуссии «проявились две тенденции: одна за возможность второй волны,

другая — за нормализацию. После полудня вторая начала брать верх. Первую тенденцию поддерживали представители Феррары и Равенны, которые требовали снова ввести в дело группы действия; представители другой тенденции требовали таких законов, которые удовлетворяли бы претензии фашизма. Представители ряда провинций согласились с требованием генералиссимуса: чтобы нынешние начальники милиции Эмилии остались на своих постах... Говорили, что нелегальная деятельность может прекратиться лишь тогда, когда правительство продиктует законы, настолько проникнутые фашистским духом, что с их помощью можно будет защитить результаты революции... В милиции, истинной и единственной хранительнице фашистской революции, должны быть лучшие сквадристы, так как она должна остаться сквадризмом фашизма»²⁸.

21 декабря 1924 г. газета «Воче Републикана» сообщила о «более или менее тайных встречах высших офицеров милиции под председательством Бальбо», та же газета (17 декабря) воспроизвела важную телеграмму, которую Гранди послал Бальбо: «Вашу телеграмму получил. Оставайтесь в Ферраре. Ведите себя спокойно. Покажите, что Вы можете молча ждать. Сейчас это важнее всего. Ваш верный друг Гранди обнимает Вас». С этого момента исчезают всякие указания на деятельность Бальбо. Молчал он из повиновения или сохраняя тайну заговорщиков, трудно сказать.

Нет никаких упоминаний о его присутствии на встречах руководителей милиции в Ферраре 9 декабря и Болонье 10 декабря. Как сообщал обычно хорошо осведомленный префект Боккини, в Ферраре обсуждалась только трудная личная ситуация консула Форти, близкого друга и подчиненного Бальбо в провинции Феррара, который был замешан в убийстве Дона Минцони. Встреча в Болонье, в которой приняли участие все консулы из Эмилии и Романьи, имела якобы официальный характер. Аналогичные встречи прошли в других регионах по инициативе Главного командования для обсуждения новых директив. Боккини сообщал об этом: «Дискуссия была очень бурной и отражала депрессию не только офицеров, но и начальников сквадристов и милиции. За исключением двух консулов, Борги и Диаманти, все остальные выступили против предлагаемых правил. В частности, констатировалось, что милиция в Эмилии и Романьи состоит из старых сквадристов, которые повинуются только своим нынешним офицерам, так как они раньше были руководителями

старых групп действия. Даже консул Цунини, союз Реджио-Эмилия, армейский полковник, заявил о своем полном согласии и угрожал отставкой». Участники, однако, согласились принять правила при том условии, что они включают в себя «окончательное и неизменное утверждение неотъемлемых прав нынешних офицеров», иными словами, гарантию сохранения ими своих постов²⁹.

Но это требование не было быстро выполнено. Решение Гандольфо заменить всех командиров округов, которые не имели в армии чин бригадного генерала, хотя и не касалось консулов, все же оставляло их в неуверенности. Хотя о замене было официально объявлено 20 октября, новые командиры должны были занять свои посты только 1 января. Этим объясняется то, что события достигли своей кульминации 31 декабря.

В ответ на свою принудительную замену командиры округов развернули тайную деятельность. Командир округа Умбрия и Марке генерал-лейтенант Агостини находился в особенно шекотливом положении. 29 ноября газета «Воче Републикана» сообщила, что он по заданию Бальбо организовал и лично возглавил операцию «сквадрачча Перуджина» против фашистов-раскольников из Феррары. От местных партийных вождей, с которыми он был в ссоре, он не мог ожидать ни помощи, ни поддержки³⁰. Этот спор начался в конце июня, когда он выступил за применение насилия. 17 декабря префект Перуджии доложил, что Агостини уехал в Рим, «чтобы достичь согласия с теми, кто находится в таком же положении, и урегулировать свои дела в согласии с ними». Он якобы хотел предложить свои услуги Муссолини, но префект советовал правительству «найти для Агостини какое-нибудь другое место, желательно вне милиции, чтобы не создалось впечатление, что от него хотят избавиться, во избежание реакций, которые могут быть порождены такого рода настроениями»³¹.

Ситуация стала серьезной. Во время инцидента с Джунтой в палате стали известны разногласия между Муссолини и некоторыми ведущими членами партии. Так как существовала опасность, что фашизм расколется на две или несколько групп, естественно, недовольные получили новые стимулы и политическую поддержку от консулов милиции. Как пишет Монтанья, накануне Рождества во Флоренции встретились 13 консулов и приняли решение, 31 декабря приехать в Рим и поднять «вторую волну»³². Это подтверждает и «Воче Републикана» от 25 декабря: «сразу же после инцидента с Джун-

той в Палате состоялись важные и секретнейшие встречи в Ферраре, Болонье и Флоренции, на которых присутствовали многие офицеры милиции и депутаты». Но газета предупреждала, что мнимые разногласия между Дуче и «расами» — злокозненный маневр, и провинциальные фашисты на этих встречах в действительности показали, что они полностью согласны с Муссолини, а он направлял свою критику только против ревизионистов, либералов и комбаттантов.

Тем самым встает основной вопрос: планировались ли действия консулов в тайном согласии с Муссолини? Утверждения газеты «Воче» производят сильное впечатление, но есть прямые доказательства противоположного. Республиканская газета отказывалась верить сообщениям, что Муссолини приказал полиции наблюдать за тайными встречами, но 23 декабря Муссолини послал телеграмму префекту Болоньи: «Главнокомандующий милиции Гандольфо сообщил мне о перемещениях ряда офицеров милиции в Вашем округе под руководством консула Силингарди и менее значительных фигур. Прошу Вас тайно наблюдать за ситуацией и учесть крайне важные причины, которые обязывают всех сохранять молчание и повиновение»³³.

Неясно, согласовывались ли «перемещения консулов» из одного центра, но точно известно, что их размах был очень большим. Силингарди и Цапполи, старый фашист, возглавлявший один из союзов в Болонье, совещались 22 декабря с Агостини; префект Перуджии придал своим прежним сообщениям еще более тревожную ноту³⁴. И 28 декабря во Флоренции должна была состояться, наконец, встреча высших офицеров милиции из Северной и Центральной Италии, в которой снова должен был принять участие Агостини³⁵.

Из этого доклада явствует, что поведение консулов, несомненно, было независимым и развивалось в направлении тайного заговора, в котором не участвовали префекты и полиция³⁶. Проблема отношения Муссолини к этим событиям остается, однако, неясной. Поэтому, прежде чем мы перейдем к последнему акту, необходимо проследить за развитием общей ситуации внутри фашистской партии.

Циркуляр Муссолини партии от 30 ноября сопровождался серьезными предостережениями против недисциплинированности³⁷. Он рекомендовал проявлять гибкость по отношению к возможным союзникам и запрещал любые нелегальные действия, а также продолжение сквадризма. В этом не было ничего нового, но одобрялся отход от радикальной

линии Национального совета. Но как политическое содержание этого послания, так и отношение к нему показывали, что речь шла не просто о формулировках. Особенно неприятным было для многих фашистов требование чистки: «Необходимо очистить партию ото всех элементов, которым новые правила не годятся, которые сделали насиллие своей профессией»³⁸.

Мы уже рассказали, как это послание было встречено в Эмилии. Таким же был прием и в двух других областях, где были особенно сильны фашисты, в Тоскане и Ломбардии. Префект Флоренции докладывал: «Все ораторы заявляли о своей готовности показать свою преданность Дуче, но они склоняются к экстремизму из страха, что оппозиционные партии одержат верх. Лупи, в отличие от других ораторов, призывал к порядку и дисциплине. Морелли обратился к Чарлантини и призвал его обратить внимание на смуту среди фашистов Флоренции, а в заключение потребовал полной амнистии для всех фашистов, осужденных за политические преступления. Встреча закончилась без голосования по какой-либо резолюции». Тем временем около 500 фашистов собрались в Санта Мария Новелла и двинулись к Палаццо Веккио, где состоялась встреча, но были оттеснены полицией. Другие попытались вторгнуться в редакцию либеральной газеты «Нуово Джорнале». Организатором и руководителем демонстрации был консул Тамбурины, самый влиятельный фашист Флоренции; он же возглавлял делегацию, которую принял Чарлантини (представитель Директории фашистской партии). Делегация «высказала ему свои экстремистские намерения и дала понять, что не сможет сохранить дисциплину в случае нападок на вождей фашистов Флоренции»³⁹. Особенно мрачным было выступление Тамбурины: флорентийские фашисты-экстремисты из чувства самосохранения. Но вместе с вооруженными группами аграриев те, кого Тамбурины любил тренировать на учебном плацу, составляли силу с большими разрушительными возможностями⁴⁰.

Отчет о региональном собрании в Ломбардии подтвердил слухи о разногласиях между Фариначчи и Муссолини⁴¹. Сначала газета «Пополо д'Италия» заявила: «Нет никаких «расов». Это образы, порожденные фантазией». Но на следующий день Фариначчи в передовой статье в газете «Кремона Нуово» бросил лозунг «Да здравствует «расизм». По его словам, «расы» не хотят ничего, кроме мира и согласия. 30 ноября он пережил свой триумф.

«Хотя Маджи (депутат от Милана) был сторонником Дуче, он сказал, что надо идти прямым путем, а не зигзагами, то хвалить Фариначчи, то требовать выбросить его за борт, как было в последние дни... При этих словах Фариначчи зааплодировал. На следующий день выступал Фариначчи; его приветствовали бурными аплодисментами. Хотя он хотел бы повиноваться Дуче, сказал он, нельзя забывать, что необходима политика силы, а не слабости и компромиссов, так как оппозиция очень активна и выступает с обвинениями в адрес фашизма. Теруцци говорил в том же духе. Наконец, Арнальдо Муссолини сказал под гром аплодисментов, что партией руководит Директория, а не правительство, что Директория не имеет четкой политической линии и что нельзя требовать всего или взваливать все на правительство, и если партия движется зигзагами, то виновата в этом Директория... Все были заинтересованы в том, чтобы продемонстрировать свою абсолютную лояльность, одобрив послание. Однако преобладало согласие с тезисом о сильном правительстве, только среди присутствующих наблюдалась некоторая предубежденность, особенно против мер администрации, которая якобы производит слишком много арестов; участники требовали вмешательства правительства, чтобы оно прекратило преследования»⁴². Заслуживает внимания речь Арнальдо Муссолини. Ясно, что это была сымпровизированная в спешке попытка свалить ответственность за неудачи на Фариначчи и его коллег по Директории, но он не убедил собравшихся, как писала в тот же день (30 ноября) «Пополо д'Италия», в необходимости абсолютного повиновения партии правительству. Та идея, что партия должна обладать определенной самостоятельностью, которую потом быстро заимствовал и Арнальдо, нашла, однако, серьезную поддержку. Установилось странное согласие между «ревизионистами» и «интегралистами» по революционным аспектам проблемы. Обе стороны явно считали, что фашизм, как политическая сила, может снова стать эффективным (как легальное или также как революционное движение) лишь в том случае, если он сохранит свою независимость от правительства. Жалобу ревизиониста Боттаи — «Несо согласованность, а не единство действий партии и правительства является причиной того, что идеалы и практика партии разлагаются под влиянием необходимого дипломатического искусства правительства»⁴³ — подвергла критике экстремистская «Батталья Фашисте»⁴⁴. Позже требование «революционера»

Суккерта, чтобы Муссолини вышел из правительства и возглавил избирательную борьбу как руководитель революционно-политического движения⁴⁵, можно сопоставить с письмом де Стефани к Муссолини, в котором де Стефани протестовал против речи последнего 3 января: «Мое глубокое и зрелое убеждение состоит в том, что фашизм должен утверждать себя в свободном политическом соревновании, будучи свободным от ответственности за действия высшей власти. Это увеличит силу фашизма и его способность к повиновению. Начатая работа будет продолжена по воле итальянского народа»⁴⁶. Серьезность рекомендаций де Стефани не подлежит сомнению. Действительно общим для сторонников законности и экстремистов было недоверие к авторитарному и честолюбивому руководству Муссолини, а также чувство, что он подчиняет движение своим личным настроениям. Однако, следует задать вопрос, не осознавал ли сам Муссолини — публично он это делал лишь до определенного момента — преимущества того, что партия на данном этапе требует большей независимости; ему было выгодно, что его правая рука, правительство, не знает, что делает левая, партия. Так было легче вести его любимую двойную игру.

Через несколько недель после региональных собраний Муссолини продолжал двигаться зигзагами. Неясно, готовил ли он чистку фашизма и низведение его до роли придатка новоорганизованного блока, но поведение как фашистов, так и либералов не способствовало осуществлению этого проекта. Настоящей политической альтернативой оставалось, таким образом, только однопартийная диктатура. Но Муссолини продолжал медлить с решением и его политика состояла лишь из ряда действий, направленных на конкретные цели. В результате кризис фашизма продолжал развиваться.

Серьезные открытые разногласия среди фашистских депутатов впервые выявились при попытке принять новый закон о цензуре печати. Умеренные соглашались с критикой либералов, а экстремисты требовали ускоренно принять этот закон еще до Рождества. Отклонение этого закона было первым признаком политической слабости правительства и, казалось, оно начнет распадаться, кризис неизбежен и велись спешные поиски кандидатов в новое правительство. Сенатор Помпео ди Кампелло, камергер королевского двора, встретился с фашистским депутатом Паолуччи и попросил его написать письмо королю с рекомендацией образовать «правительство национальной концентрации, в кото-

рое могли бы войти все премьер-министры, включая Муссолини, если бы он принял это предложение, или без него, если бы он проявил отсутствие гибкости»⁴⁷. Паолуччи не сказал, говорил ли Кампелло от имени короля; было известно, что он симпатизирует оппозиции.

Инцидент с Джунтой сделал еще более явным раскол в фашистской партии. Правительство просило разрешения начать процесс против Джунты, одного из вице-председателей Палаты, из-за его участия в организации покушения на фашиста-раскольника Чезаре Форни. Фашистские депутаты устроили демонстрацию в его защиту и, когда либерал Боэри выразил свой протест тем, что покинул Палату, Муссолини крикнул ему вслед, что он должен вернуться, так как избран по правительственному списку. Этот необдуманный выпад чуть не привел к уходу либералов из парламента. Муссолини дал задний ход и заставил Джунту уйти в отставку. Джунта, Эдоардо Торре и другие собрали депутатов своего толка⁴⁸. Хотя сам Джунта смирился со своей отставкой, экстремисты под руководством Микеле Бьянки, которого резко прервал Муссолини, устроили на следующий день бунт в Палате. Образование экстремистской клики вызвало аналогичный шаг со стороны умеренных; 44 депутата встретились в доме Паолуччи и все кроме одного согласились поддерживать «политику примирения и нормализации в рамках Конституции» и решили послать делегацию к Муссолини, чтобы она потребовала отнять у милиции функцию поддержания общественного порядка, провести чистку партии, проявить большее уважение к конституционным силам и восстановить индивидуальное избирательное право⁴⁹. Саландра собрал свою группу, а опасались, что он тоже заявит о своей оппозиции правительству⁵⁰. В этот момент для Муссолини важнее всего было выиграть время и помешать образованию союза умеренных фашистов и правых либералов. Паолуччи рассказывает на стр.259: «Войдя в Палату, я стал свидетелем мастерского хода: Муссолини положил на стол председателя закон о восстановлении индивидуального избирательного права». Этот неожиданный шаг сбил всех с толку. Его сочли новым признаком распада правительства, так как Муссолини явно действовал без консультаций с большинством кабинета. Экстремисты были разочарованы, так как увидели в этом шаге новую уступку либерализму, но он имел успех, хотя и временный, так как среди сторонников Паолуччи начался разброд и была предотвращена оппозиция Саландра и

его группы. Но тот способ, которым Муссолини резко отстранил самого Паолуччи, указывал, что он уже думал о резкой перемене курса.

Переход Муссолини к действиям был ускорен публикацией меморандума Росси. Комментарий «Джорнале д'Италия» (31 декабря) пояснял, почему правительство не может впредь действовать так же, как раньше: «Мы имеем председателя совета министров, обвиняемого в уголовном преступлении. Ни одна нация не может потерпеть, чтобы такая ситуация долго тянулась... Тот, кто сегодня помогает ему избежать судебного процесса, становится тем самым его соучастником». Но были и другие события, которые сужали выбор Муссолини между двумя альтернативами — отставка или реакция/Первым было поведение Саландры, который 26 декабря ушел с поста председателя Джунты дель Биланчио, хотя уведомил об этом письмом лишь 31 декабря⁵¹. Поэтому Муссолини было необходимо перехватить инициативу; только агрессивные действия могли восстановить доверие и предотвратить распад кабинета. Параллели с походом на Рим поучительны. Тогда король не решился дать особые полномочия кабинету, который переживал кризис. Своевременные действия Муссолини и серьезность его угроз позволили ему 30 декабря при внешнем согласии единого кабинета принять необходимые меры и получить тем самым большое преимущество⁵². Его маневр был направлен на то, чтобы думали, будто репрессии одобрили и либеральные министры, которым Саландра позволил остаться в правительстве, а потом расколоть группу Саландры и натравить ее на него⁵³.

Одновременно медленно подходил к своей кульминации мятеж экстремистов. Это относится не только к «движению консулов», но и к деятельности экстремистских депутатов⁵⁴; дебаты вокруг нового избирательного закона после возобновления работы Палаты грозили превратиться в мятеж против политики Муссолини. Рупором недовольных был Курцио Суккерт (Малапарте). Один представитель оппозиции противопоставил революционный экстремизм Суккерта тем, кто боится потерять свои посты, завоеванные с помощью насилия». Но эти различия на уровне мотивов не мешали совместным действием на уровне политических акций. Район Флоренции, где склонный к насилию сквадризм всегда находил симпатии и поддержку и части писательской и художественной богемы, был особенно благоприятен для создания такого рода союзов. Несмотря на разницу культур и

умственного уровня, Суккерт гордился своей дружбой с таким человеком, как Тамбурины. Его статья «Фашизм против Муссолини» содержала не только утверждение: «Муссолини получил свой мандат от фашистских провинций... революционный мандат... так что абсолютный долг Муссолини — выполнять революционную волю народа», но и рекомендацию партийным депутатам: «Иммунитет, которым вы пользуетесь, правильно было бы распространить на всех фашистов... Или все должны сидеть в тюрьме, или никто»⁵⁵.

Этот лозунг объединял провинциальных фашистов; он был повторен, если верить рассказам о встрече у Тарабеллы, во время конфликта консулов с Муссолини.

Во время беседы с Муссолини Суккерт заявил, что избирательная реформа была только поводом для мятежа экстремистов, точнее, симптомом начала «политики ликвидации фашизма как доктрины и партии»⁵⁶. Муссолини возразил: «Мой дорогой Суккерт, если мы теперь станем слабыми, мы не вернемся никогда. Понимаете Вы это или нет?»⁵⁷

Ставка Суккерта на революционные провинции принесла свои плоды 31 декабря в виде событий во Флоренции⁵⁸. Несколько тысяч фашистов из Тосканы устроили массовое собрание во Флоренции, после чего разрозненные группы милиции и неорганизованные группы, вооруженные ружьями и вилами, разгромили типографии газет «Нуово Джорнале» и «Фантериа», масонскую ложу, «культурный кружок» и конторы ряда оппозиционных адвокатов. Это была первая крупномасштабная карательная экспедиция, направленная, в основном, против антифашизма среднего класса⁵⁹.

В этом собрании принял участие Ренато Риччи, член Директории. Он напомнил фашистам о том, что «мы теперь заканчиваем оппозиционную кампанию, так как национальное правительство показало, что оно предпринимает энергичные шаги, чтобы овладеть ситуацией. Надо дисциплинированно ждать приказов Б. Муссолини». Но потом он согласился зачитать резолюцию, выражающую волю собрания: «Фашисты Флоренции, которые собрались, чтобы подтвердить точные намерения партии, заявляют перед лицом враждебных нападков на Дуче о своей лояльности, но ставят свое повиновение и свою дисциплину в зависимость от решительных действий правительства, которое, если понадобится, должно пойти на диктаторские меры»⁶⁰.

Официальный фашистский отчет об этих событиях подчеркивал, что инициативу проведения этого собрания взял

на себя провинциальный союз. Фариначчи писал об этом: «Если оценивать это важное событие с точки зрения члена Директории партии, мы должны выразить сожаление и неодобрение. Но мы не можем этого сделать: это было бы против нашего разума и нашей совести. Если наши сторонники взбунтовались против Директории партии и правительства, чтобы остаться верными фашизму... это не наша вина»⁶¹.

Но столь простая версия этих событий неправдоподобна. Либеральный министр Казати говорил Саландре, что он «определенно знал, что события во Флоренции были организованы Суккертом, уполномоченным Палаццо Киджи или Директории партии — что одно и то же — с одобрения Муссолини»⁶². Источник убежденности Казати неизвестен, но его мнение, тем не менее, надо учитывать, хотя оно лишь частично подтверждается другими доказательствами. Зато официальная версия не выдерживает критики. Сам Суккерт писал: «Ни для кого больше не секрет, что зачитанная Риччи перед собравшимися во Флоренции резолюция, с энтузиазмом встреченная огромной толпой на Пьяцца делла Синьория, была составлена не во Флоренции, провинциальным союзом, а в Риме, Директорией партии. Это означает, что Национальная директория сама вместе с революционными провинциями выступала против правительства, стремившегося к нормализации»⁶³. Значит, Казати был прав в своем предположении, что Директория действовала с предварительного одобрения Муссолини?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно еще раз вернуться к «движению консулов». В отчете говорится, что Муссолини спросил, почему не прибыл Тамбурини, в ответ на что Тарабелла передал ему письмо Тамбурини, в котором говорилось, что он, Тамбурини, сам уже дал сигнал для начала реакции⁶⁴. Письмо Тамбурини сохранилось до сих пор:

«Дуче! Я нахожусь во Флоренции, чтобы подготовить и провести собрание, которого требовала Директория, иначе я был бы в Риме, чтобы поздравить Вас с Новым годом, но также чтобы сказать Вам, что теперь настал час для человека, достойного сравнения с Наполеоном, чтобы он послал всех людей доброй воли изгнать и уничтожить тех, кто хотел разрушить Италию за деньги зарубежных наций.

Я и вместе со мной все фашисты провинции Флоренция готовы вынести любые оскорбления, направления против нас и других вождей, но мы не потерпим те, которые направлены против Вас, так что есть две возможности: либо Вы, с Божьей

помощью, осуществите грандиозную программу, на что мы надеемся, либо мы, прежде чем стать посмешищем, начнем борьбу, потому что прекрасно победить или умереть солдатом... С неизменной преданностью — Туллио Тамбурини»⁶⁵.

Это письмо было частным и осталось неопубликованным, поэтому вряд ли оно было написано, чтобы дать Муссолини повод для действий. Доказательства искренности позиции Тамбурини мы находим в письме, которое он за несколько месяцев до этого послал Микеле Бьянки: «Если Дуче хочет снова стать тем, чем он был до убийства Маттеотти, он должен непременно послать к черту нескольких сотрудников и вернуть старых фашистов. Мы хотим, чтобы Министерство внутренних дел любой ценой попало в руки фашиста, а не человека, который подрывает почву под ногами Дуче»⁶⁶.

Это письмо указывает на то, что начавшаяся 30 января и доверенная Федерцони в качестве министра внутренних дел была в глазах Тамбурини недостаточной, даже если он, что сомнительно, знал о решениях кабинета, когда писал свое письмо.

Остается прояснить вопрос о позиции Директории. Возможно, что Директория, как указывал Казати, с одобрения Муссолини устроила массовое собрание, но не информировала об этом Тамбурини. Возможно также, что Директория одобрила тактику независимых партийных действий. Начало реакции 30 декабря должно было выглядеть так, как если бы инициатива была одобрена хотя бы задним числом⁶⁷.

Точную позицию Фариначчи трудно определить. После периода сомнений он, вероятно, решил снова обеспечить правительству поддержку экстремистской группы. Но его призывы к дисциплине содержали в себе плохо скрытую угрозу: «Только если Муссолини уступит, мы взбунтуемся и свергнем верхи иерархии»⁶⁸. Но на следующий день он утверждал, что оппозиция обязана своей уверенностью только Муссолини, так как, «если он откажется от власти, ничто больше не сможет сдерживать фашистов, и нация будет низвергнута в ужасы борьбы, последствия которой можно предвидеть»⁶⁹. Можно, конечно, сомневаться, служила ли угроза мятежом в данном случае просто средством произвести впечатление на маргиналов уверенностью в сдерживающей роли правительства.

Нет доказательств того, что Фариначчи действовал согласованно с консулами и нет оснований для предположения, что их послание было одобрено Директорией. Наоборот, есть доказательства того, что раскольническая группа внутри

партии была в курсе дела, и попыталась воспользоваться этим шагом. На первый взгляд, невероятный аспект этой истории состоит в том, что некоторые консулы после беседы с Муссолини и по приглашению депутата Эдоардо Торре направились в дом известного члена масонской ложи Пьяцца дель Джезу Виццони, который предложил им заменить Дуче другим вождем, принадлежащим к его организации⁷⁰. В результате этого Тарабелла и Гальбиати организовали «анти-масонский союз»⁷¹. Но с учетом указания Муссолини на «сделанную ими (Торре и раскольниками из Александрии) попытку развалить партию во всей Италии», этот эпизод представляется не столь уж неправдоподобным⁷².

Решения кабинета от 30 декабря явно были началом развития в направлении диктатуры. Члены кабинета, которые отвергали требование неограниченной власти для Муссолини, возможно, не были внутренне убеждены в том, что поступают правильно; может быть, они против своей воли проявляли готовность одобрить временные меры, чтобы уменьшить напряжение. Казати и Сарроки могли верить, что в благодарность за отсрочку их отставки Муссолини пообещает пользоваться лишь легальными средствами⁷³. Фашистские министры Овильо и де Стефани, которые не одобряли речь 2 января, были, предположительно, того же мнения. Наступление экстремистов, которое началось 31 декабря во Флоренции и продолжилось в Пизе, Болонье и других городах, действительно изменили ситуацию и подготовили путь более широкомасштабным репрессиям, которые начались 3 января и были одобрены преобразованным, чисто фашистским кабинетом 7 января.

Нелегальная реакция сквадристов не только по времени, но и по значению началась только после полулегальных репрессий государственных органов. Суккерт протестовал: «Фашизм должен напомнить своим вождям, что министерство внутренних дел самый неподходящий орган для проведения революции» и призывал своих друзей из Национальной директории показать, что «Директория партии это не придаток к Виминалу, а воистину революционный орган, который намеревается воплотить в жизнь волю фашизма окончательно, несмотря на все сопротивление»⁷⁴. Но фашистские массы уже выполнили свою задачу — запугать короля и общественное мнение и их можно было загнать обратно в угол: «Имперо» от 8 января 1925 г. справедливо обвинила Суккерта в нелогичной «демагогии».

Экстремисты добились очень многого: восстановления групп действия, даже если они были неофициальными, освобождены от любых преследований, сотрудничества прочих государственных органов с милицией, не говоря о таких второстепенных достижениях, как назначение Фариначчи секретарем партии и введение давно обещанного фашистского законодательства. Несмотря на это, январские события уже указывали на то, что государство подчиняет себе партию, но не так, как хотели Фариначчи и интегралисты. Внешне казалось, что законодательные меры интегралистов выполняются, но на практике создавались дополнительные бюрократические механизмы, которые подавляли самостоятельную жизнь партии и других ценных течений национальной жизни. Программа экстремистов оказалась непригодной для подлинного обновления государства даже в том смысле, какой ему придавали фашисты. «Динамика» движения могла в действительности сохраняться только путем продолжения террора; таков был истинный характер экстремизма. Но после 3 января он утратил вместе со своими последними претензиями на «героизм» свое значение.

Когда Палата снова собралась 12 января, фашистский депутат Маффеи воскликнул: «Чернорубашечники готовы к любым маневрам своих противников. Их ударная сила не имеет границ!» Федерцони в ответ бросил: «Достаточно одного карабинера»⁷⁵.

Примечания

¹ Mussolini. Opera Omnia. Полное собрание сочинений. Изд. Дж.Пини и Э.Сусмель, Флоренция, 1951. Т.21. С.238. Если нет иных указаний, все последующие ссылки на речи и статьи Муссолини взяты из этого же источника.

² Там же. Т.20. С.61. Ср. также его речь перед собранием фашистской партии 28 января 1924 г.: «Фашистская революция не потребовала никаких человеческих жертв. Она не создавала никаких особых трибуналов. Нигде не раздавались залпы расстрельных команд. Террор не использовался, не были объявлены чрезвычайные законы» (Там же. С. 164).

³ Пополо д'Италия. 5 августа 1924. Речь В.Пеллищари.

⁴ Pellizzi C. Problemi e realita del Fascismo. Firenze, 1924. P. 103, 164.

⁵ ACS (Центральный государственный архив), фонд Микеле Бьянки, тетр. 43. 1 мая 1923.

⁶ Pagine di critica fascista. Firenze, 1941. P.221.

⁷ Lumbroso G. La crisi del fascismo. Firenze, 1925.

⁸ Начальник пресс-бюро Муссолини и член Директории ПНФ. Был арестован за участие в убийстве Маттеотти.

⁹ ACS, Министерство внутренних дел, официальный кабинет, шифровка. Телеграмма, отправленная 30 мая 1924. №12000.

¹⁰ Salvemini G. Scritti sul fascismo. T.I, изд. Р.Виварелли. Милан, 1963. С.219.

¹¹ St. Antony's documents. 14 июня 1924 (переписка об изменениях в кабинете). Там же, указание Ачербо от 18 сентября 1924 на «заговорщиков 14 июня».

¹² Джорнале д'Италия. 30 декабря 1924. Перечислены либералы Казати и Сарроки, два умеренных фашиста, де Стефани и Овилло, бывший националист Федерцони, католик Нара и оба военных министра.

¹³ Rocca M. Come il fascismo divienne una dittatura. Milano, 1952. P. 124.

¹⁴ Sarrocchi G. Ricordi di un esule da Palazzo Madama. Firenze, 1950. P.27. 1 января 1925 г. газета «Пополо д'Италия» писала: «Мы имеем фашистское правительство, правительство Муссолини, потому что никто не может править вопреки воле фашизма и Муссолини».

¹⁵ П.С.С. Т.21. С.240. «Пополо д'Италия» от 3 января 1925 г.: «Чтобы сдерживать фашистов, нужно сдерживать прессу, которая их провоцирует... Указ правительства о запрете собраний и митингов и расследовании событий во Флоренции служит новым доказательством намерений Муссолини и его сотрудников... Правительство хочет, чтобы все делалось по закону».

¹⁶ Ла Нацционе. 25 ноября 1924: «Если творение не слушается своего творца, может случиться так, что последний оставит его на произвол судьбы».

¹⁷ Пополо д'Италия. 29 ноября 1924.

¹⁸ ACS, фонд Микеле Бьянки, тетр. 2. Письмо Арнальдо Муссолини к Бьянки от 27 ноября 1924.

¹⁹ Преемником Бальбо был генерал Гандольфо, убежденный фашист, до этого — префект Кальяри. После отставки Де Боно Бальбо временно был верховным консулом милиции.

²⁰ Парламентские акты, Сенат, дискуссии, 27-я сессия, I, с.379—385 (4 декабря, выступление Джардино), с.485-488 (9 декабря, выступление Цупелли), с.415 (5 декабря, выступление Кавильи). Ответ Муссолини см.: П.С.С. Т.21. С.197.

²¹ ACS, Министерство внутренних дел, офиц. кабинет, шифровка от 8 декабря 1924 №26409. Генерал Гандольфо просит окружных командиров рассказать о впечатлении, которое произвели на консулов новые директивы о милиции.

²² ACS, фонд Фариначчи, тетр. 3, письмо датировано 26 декабря 1924.

²³ Galbiati E. Il 25 luglio e la MVSNI. Milano, 1950. P.37; Montagna R. Mussolini e il processo di Verona. Milano, 1949. P.22—29; Tamara A. Venti anni di storia. T.2. Рим, 1952-1954. С.60; Грей Э.М. Генезис 3 января // Иль меридиано д'Италия. 23 января 1949. Консул милиции

командовал соединением, полная численность которого составляла 1500 человек.

²⁴ Salvatorelli L., Mira G. Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1956. P.330.

²⁵ Грей. Указ. соч.; Pini G., Susmel D. Mussolini, l'uomo e l'opera. T2. Флоренция, 1953. С.403.

²⁶ St. Antony's documents; ACS, Министерство внутренних дел, главное управление общих и архивных дел, 1924, в. 91, тетр. «Феррара», 29 ноября 1924. в 95. тетр. «Равенна», 30 ноября 1924.

²⁷ Коррьере делла Сера. 30 ноября 1924.

²⁸ ACS, Министерство внутренних дел, главное управление общих и архивных дел, 1924 в 89, тетр. «Болонья», 1 декабря — письмо префекта Болоньи Муссолини.

²⁹ Там же, 1924, в 87 тетр. MVSN «Систематизация милицейских чинов», письмо префекта Болоньи Муссолини 11 декабря 1924.

³⁰ ACS, Министерство внутренних дел, офиц. кабинет, шифрограмма, поступившая 10 декабря, №39997 в МВД от префекта Перуджи. Там же, главное управление общих и архивных дел, в 95, тетр. «Перуджа», 15 декабря, там же.

³¹ ACS, Министерство внутренних дел, офиц. кабинет, шифрограмма, поступившая 17 декабря, №40680.

³² Монтанья Р. Указ. соч. С.23. По данным Грея, шесть консулов были приняты 23-го Муссолини, но, вероятно, это ошибка, ибо нигде больше этот факт не упоминается, или эта встреча была, но не имела значения.

³³ ACS, МВД, офиц. кабинет, шифрограмма, отправленная 23 декабря.

³⁴ Там же, телеграмма префекта Перуджи Муссолини, поступившая 23 декабря. «По причинам, которые я Вам лично уже объяснял, позвольте мне как можно быстрее урегулировать отношения с генералом Агостини».

³⁵ Там же, 29 декабря. Эта информация исходила от Феличиони, противника Агостини, поэтому ее следует считать сомнительной.

³⁶ См. также St. Antony's documents, доклад префекта Милана Муссолини 28 марта 1925 г., в котором Тарабелла и Гальбиати названы вожаками той части милиции, которая противилась назначению генералов начальниками округов и опасалась, что эта система распространится и на соединения. По их мнению, милиция должна была сохранить военный характер со своими руководителями. Их поддерживали Москини (Мантуа), Теста (Мирандола) и Канделори (Рим). Это соответствует позднейшим докладам, в которых вожаками названы Тамбурины, Тарабелла и Гальбиати, а также Теста и Канделори.

³⁷ Пополо д'Италия. 30 ноября 1924: «Фашистские правительства должны походить на генеральный штаб, который не должен испытывать затруднений от мысли, что солдаты его не уважают или ставят его действия под сомнение».

³⁸ Пополо д'Италия. 1 декабря 1924.

³⁹ ACS, МВД, офиц. кабинет, шифрограмма от префекта Флоренции Муссолини, полученная 30 ноября 1924. №39048.

⁴⁰ Сальвемини. Указ. соч. С. 134; Ронки Беттарини К. Заметки об отношениях между «городским» и «сельским» фашизмом в Тоскане // *La Toscana nell' Italia unita*. Firenze, 1962. P.372.

⁴¹ *Джорнале д'Италия*. 27 ноября 1924.

⁴² ACS, МВД, главное управление общих и архивных дел, 1924, в 93 тетр. «Милан», 30 ноября, от префекта Милана — Муссолини.

⁴³ Bottai G. *Pagine di critica fascista*. P. 325.

⁴⁴ 6 декабря, А.Лукини: Разграничение между партией и правительством было необходимым, так как правительство «само показывает... что оно совершенно непригодно, не скажу, для осуществления постулатов фашистской революции, а скорее для руководства движением».

⁴⁵ Интервью газете «Ла Stampa», 23 декабря 1924.

⁴⁶ St. Antony's documents, письмо де Стефани Муссолини от 5 января 1925.

⁴⁷ Paolucci R. *Il mio piccolo mondo perduto*. Bologna, 1947. P.256.

⁴⁸ «Джорнале д'Италия» от 19 декабря цитирует этот циркуляр: «Некоторые депутаты, даже старые фашисты, ощущают необходимость обмена мнениями со всеми, кто лучше всего может понять абсолютную необходимость защиты идеалов, а также политической и моральной программы фашизма».

⁴⁹ Паолуччи. Указ. соч. С.257.

⁵⁰ Ресто дель Карлино. 20 декабря 1924.

⁵¹ Саландра ушел в отставку до опубликования меморандума Роччи. Об ее причинах см.: Джифуни Дж.Б. Иль Рисорджименто. Февраль 1962: «От убийства Маттеотти до предложения либералов об отставке Муссолини на заседании Совета министров 30 декабря 1924 г.».

⁵² Из фактических мер были осуществлены: 1) Федерцони проинструктировал префектов о неукоснительном применении указа о цензуре прессы; 2) Были выслежены и арестованы организаторы группы «Италия Либер» (ACS, МВД, офиц. кабинет, шифрограмма, отправленная 30 декабря).

⁵³ См.: Иль Рисорджименто. Октябрь 1962; Джифуни Дж.Б. На пути к диктатуре. Дневник Саландры за январь 1925. С.52, 196. Руководимые Де Капитани миланские либеральные союзы согласились 28 декабря с предложением правительства об абсолютном сотрудничестве (ACS, МВД, офиц. кабинет, шифрограмма префекта Милана Муссолини, принятая под №41560).

⁵⁴ «Джорнале д'Италия» от 25 декабря сообщала, что экстремистские депутаты соберутся 28 декабря, умеренные — 2 января.

⁵⁵ Ла Конквиста делло Стато. 21 декабря 1924.

⁵⁶ Суккерт считал, что нельзя сохранить преданность, ведущую к самоубийству. См.: Ла Stampa. 26 декабря 1924.

⁵⁷ *Джорнале д'Италия*. 30 декабря 1924.

⁵⁸ Газета фашистов Флоренции «Баттальяе Фашисте» опубликовала следующий выпад Суккерта: «Все, и сам Муссолини, должны

подчиняться мнению фашизма в целом». См.: Ла Конквиста делло Стато. 28 декабря 1924.

⁵⁹ Сальвемини. Указ. соч. С.111; ACS, МВД, офиц. кабинет, шифрограмма, поступившая 31 декабря 1924, №41835; там же, №41867; там же, №23 от 1 января 1925; Батталье Фашисте. 4 января 1925; Нуово Джорнале. 31 декабря 1924.

⁶⁰ Батталье Фашисте. 4 января 1925.

⁶¹ Кремона Нуова. 2 января 1925; Пополо д'Италия. 1 января 1925: «Фашистские собрания, проведенные по местной инициативе, а не по указанию Директории партии, были спровоцированы коварством оппозиции».

⁶² Джифуни Дж.Б. Указ. соч. С. 199. Саррокки, который видел Саландру 5 января, пишет, что тот не отрицал его мнение об ответственности правительства за беспорядки во Флоренции, если не за прямое подстрекательство с его стороны. Там же. С.200.

⁶³ Ла Конквиста делло Стато. 18 января 1925.

⁶⁴ Монтанья. Указ. соч. С.24.

⁶⁵ St. Antony's documents.

⁶⁶ ACS, фонд Микеле Бьянки, тетр. 6, 17 сентября 1924.

⁶⁷ Даже во Флоренции «второй волне» предшествовал ряд арестов, произведенных полицией (Сальвемини. Указ. соч.).

⁶⁸ Кремона Нуова. 23 декабря 1924.

⁶⁹ Кремона Нуова. 24 декабря 1924.

⁷⁰ Монтанья. Указ. соч. С.28. Кроме Торре, членами ложи «Пьяцца Джезу» были также Ачербо и Бальбо (Tasca A. Nascita e avvento del Fascismo. Firenze, 1965. P.594). Называют также имена Тамбурини и Суккерта, но источник сомнителен.

⁷¹ Гальбиати. Указ. соч. С.47-62; St. Antony's documents.

⁷² ACS, Личный секретариат Дуче, архивная картотека, 242/R, Роберто Фариначчи. Письмо Кьяволини префекту Кремоны от 20 февраля 1925.

⁷³ St. Antony's documents, 4 января 1925, письмо Саррокки к Муссолини. Забота о законности выражена в приказе Федерцони обыскать дома руководителей группы «Италия Либер» «за исключением депутатов» (ACS, МВД, офиц. кабинет, шифрограмма, отправленная 30 декабря Федерцони префекту Генуи).

⁷⁴ «Ла Конквиста делло Стато» в номерах от 4 и 18 января 1925 утверждала, что меры Муссолини направлены, главным образом, против фашистского движения и преследуют цель упредить переворот.

⁷⁵ Джорнале д'Италия. 13 января 1925.

Юджин Вебер

ЛЮДИ МИХАИЛА АРХАНГЕЛА

Часто приходится слышать, что фашистские движения рекрутировались, большей частью, из среднего класса или его нижнего слоя. Это мнение призвано доказать, в основном, консервативную или реакционную природу данных движений. Но возникает ряд вопросов. Во-первых: верно ли фактически это утверждение? Действительно ли фашистские или сходные с фашизмом движения находим своих вождей и сторонников, большей частью, в средних слоях общества? Во-вторых: имеет ли в самом деле значение в этой связи термин «средний класс»? И последнее: являлись ли эти группы, из которых фашизм, большей частью, рекрутировал своих сторонников, действительно особенно реакционными и каковы специфические признаки подобных групп?

Такого рода вопросы легче поставить, чем ответить на них, потому что имеющаяся информация крайне скудна. Аналитических исследований, посвященных членам и вождям этих партий очень мало. Работ, подобных «*Нацистской элите*» Дэниела Лернера, по другим движениям нет. Статья Гарольда Лассуэлла и Ренцо Серено «*Лидеры партии и правительства в фашистской Италии*», опубликованная почти тридцать лет назад¹, мало помогает; «*Итальянская фашистская партия у власти*» Данте Л. Джермино содержит мало нового. С НСДАП дело обстоит немногим лучше: здесь мы имеем очерк Ганса Герта (в «*Reader in Bureaucrasy*», изд. Роберт К. Мертон), «*Сельское население и национал-социализм*» Рудольфа Хеберле, исследования по земле Шлезвиг-Гольштейн, написанные в 30-х годах и собранные в тонкий, но полезный том, а также очень впечатляющая работа о членах нацистской партии Теодора Абеля «*Почему Гитлер пришел к власти*». Вот, пожалуй, и все. За отсутствием доказательств, особенно таких, которые позволили бы нам сравнить состав и мотивацию фашистских движений в разных странах и раз-

ных условиях, приходится прибегать к гипотезам, которые, хоть и весьма полезны, но могут и вводить в заблуждение в зависимости от предрассудков автора. Например, мы можем предположить, что торговец, принадлежащий к «нижнему слою среднего класса» будет скорее фашистом, чем социалистом или коммунистом, хотя «маленький человек» Ганса Фаллады пошел иным путем, и профсоюзы служащих в Бельгии — социал-демократические. Мы можем предположить, что крестьяне консервативны и, может быть, даже реакционны, не учитывая никаких особых условий, и указать на успехи фашистов в долине реки По, забывая при этом, что крестьянские общины оказывали там упорное сопротивление фашистам, или мы можем, на примере Франции, цитировать Анри Доржера и забывать Жана Рено.

Только более обстоятельные исследования позволят нам сказать, кто, в какой пропорции и при каких условиях проявлял ту или иную тенденцию, и поскольку я не в состоянии внести большую точность в эти дебаты, я хотел бы рассказать о том, что сделает всю проблему еще более противоречивой. Я хочу сделать это, приведя ряд фактов из истории одного из менее известных фашистских движений 30-х годов, и потом использовать те или иные данные, чтобы начать сравнительную дискуссию о фашистской социологии и притягательной силе фашизма. Смелость и неполнота этой попытки могут быть оправданы, если удастся дать стимул дальнейшим исследованиям, которые исправят ее ошибки и внесут порядок в ту область, где сегодня нет ничего, кроме гипотез и мнений.

Третьей по силе партией на всеобщих выборах в Румынии в декабре 1937 г. было движение, наиболее известное на Западе под названием «Железная Гвардия». Этикетка, под которой оно вело предвыборную борьбу — «Все для Родины» (ТПТ) — была последним из целой серии названий, с помощью которых оно пыталось реагировать на капризную неблагодарность правительства, но никогда не скрывало, что под ними продолжает существовать основанный в 1927 г. Корнелиу Кодряну Легион Михаила Архангела². Первый контакт с электоратом на всеобщих выборах в июле 1931 г. принес тогдашней «Группе Кодряну» менее 2% от общего количества поданных голосов (34183) и при румынской избирательной системе она не получила ни одного места. Но в течение десяти последующих месяцев кандидаты Кодряну на дополнительных выборах победили своих либеральных

противников в двух округах Молдовы. Они удержали эти места, и когда в июле 1932 г. прошли новые всеобщие выборы, они получили 70674 голоса и пять мест в Палате. Так как организация Кодряну по решению правительства была распущена накануне новых выборов в декабре 1933 г., выборы 1937 года стали для нее первой возможностью снова принять участие в предвыборной борьбе. Она получила 478 378 (15,58%) голосов — на 4,82% меньше, чем самая большая Национальная крестьянская партия, и на 6,43% больше своих самых рьяных конкурентов из Национально-христианской партии и завоевала 66 мест из 390.

В ходе новой избирательной кампании, которая началась чуть не сразу же, так как новое Национально-христианское правительство распустило парламент, поскольку он не смог сформировать работоспособное большинство, можно было рассчитывать, что ТПТ укрепит свои и без того сильные позиции, но до выборов дело не дошло. В феврале 1938 г. король произвел государственный переворот, покончивший с господством партий, ввел новую конституцию и запретил любую политическую деятельность, не говоря о выборах. Кодряну вскоре после этого был арестован и в том же году убит³. Ему не суждено было дожить до прихода его движения к власти, до вынужденного отречения короля Кароля в сентябре 1940 и до падения популярности «Железной Гвардии» в последующие месяцы. После января 1941 г., когда провалилась его попытка вернуться к власти, Легион состоял всего лишь из горстки красноречивых изгнанников, которые спорили о причинах своей неудачи. Однако в период между 1930 и 1941 годами это был важный фактор в румынской политике, сила, о популярности которой можно судить по тому вниманию, которое уделяет ей нынешний румынский режим.

Поскольку это было единственное «фашистское» движение вне Италии и Германии, которое пришло к власти без иностранной помощи, имеет смысл изучить причины успеха Легиона в обществе, сильно отличавшемся от обществ стран Западной и Центральной Европы, где впервые возник и развился фашизм. Речь идет в данном случае о слаборазвитой крестьянской стране без значительной промышленности, где никакая рабочая партия не угрожала интересам буржуазии, где сама буржуазия в своей классической торговой и промышленной форме была слаба или просто не существовала, где национализм не был темой партийной ри-

торики, а частью общенародного сознания, и где поэтому радикальное националистическое политическое движение не могло иметь успеха, ни разыгрывая карту националистов против анти-националистов, ни мобилизуя социальную реакцию против организованных рабочих, поскольку ни анти-националистов, ни организованных рабочих не было.

Согласно широко распространенному мнению, фашизм — идеология умирающего буржуазного общества. Но в Румынии никогда не было такой буржуазии, как в Западной или Центральной Европе, и Легион никогда не утверждал, что защищает то, что там называлось буржуазией, а нападал на нее и обвинял в разложении, связывая его с буржуазными ценностями и учреждениями. В этом его сходство с другими фашистскими движениями, которые никогда не были последним оружием либерального финансового капитализма, а скорее его роком. В 20-х — 30-х годах во всей Европе, от Финляндии до Испании, фашисты смотрели на себя как на революционеров и, что еще важнее, именно в этом обвиняли их консервативные критики. Они возомнили, будто фашистская революция довела до совершенства принципы 1789 года — эту точку зрения подробно развил Марсель Деа в книге «Французская и германская революция» (Париж, 1943); мы находим ее и в книге Руджеро Дзангранди «Долгий путь к фашизму» (Милан, 1962).

Понятие органической нации быстро приводило к коллективизму и к сосредоточению внимания на производительных частях национального сообщества, которыми пренебрегали. В этом заключался социализм национал-социализма и такова была причина его антибуржуазной и антикапиталистической ориентации. Но если вернуться к 20-м и 30-м годам и вспомнить, что тогдашние социалисты медленно обуржуазивались и подпадали под влияние правительств, легко понять, почему фашисты критиковали их не только за раскол нации, но и за уход с революционных позиций.

Таким образом, фашисты должны были или хотели быть революционерами. Но им противостояли соперничающие революционные партии, от которых они отличались в одном важнейшем пункте: они были за национальное единство, а не за классовую борьбу. Эти принципиальные разногласия и как результат их — соперничество, борьба партий и ловкие ходы — делали фашистов неожиданными союзниками тех сил, которые воплощали в себе порядок и реакцию; в итоге они направляли свои насильственные действия против

своих революционных конкурентов и выступали в роли защитников той системы, которую отвергали.

В этих условиях было неизбежным, что фашистов, которые выступали за революцию, перекричали и переиграли те, кто делал больший упор на национальное единство, на антимарксизм и оппортунистические связи. В иерархии приоритетов первые места занимали власть и антимарксизм, а потом уже революция. Хотя речь при этом шла о временных тенденциях развития, они неизбежно изменяли форму движений, на которые влияли, пока, наконец, на Западе фашизм (хотя лишь временно) выступал в роли защитника того общества, против которого он бунтовал.

В других странах, где не было сильных движений революционных левых, где рабочий класс не был организован, где о социалистах не слышали, а коммунистов не видели (знали их только как враждебную зарубежную силу), у фашистов не было радикальных конкурентов. Их радикализм мог развиваться, не испытывая необходимости защищаться от левого крыла или слишком сближаться с умеренными силами. В таких странах как Румыния и даже Венгрия фашистские движения предстают перед нами в совершенно ином облике, нежели те, которые мы знаем на Западе: радикально иными были не только их слова и дела, но также их роль. Они могли свободно и беспрепятственно выступать как радикальные и революционные движения, каких на Западе в такой форме никогда не было. Именно это произошло в Румынии с Кодряну и его Легионом Михаила Архангела и это становится ясным, если рассмотреть то общество, к которому они обращались.

Последователей Кодряну их же соотечественники называли «псевдо-интеллектуальным сбродом, неспособным или не готовым вести приличную жизнь и поэтому искавшим убежище в мистическом национализме, единственной реальностью которого был оголтелый антисемитизм»; большей частью это были «мелкие служащие, студенты-неудачники и разного рода дилетанты, превратившиеся в политических фанатиков», а также деклассированные элементы и люмпен-пролетариат⁴. Однако эта малопривлекательная банда после 1928 года достигала все больших успехов на свободных выборах, достигнув планки 16%, используя надежды сотен тысяч людей в целях своего «мистического национализма», который стремился не только к низвержению существующих властей, хотя Кретьяну никогда об этом открыто не го-

ворил, но и к обновлению и созданию «нового человека» со всеми достоинствами, каких не было у румын: честностью, ответственностью, прилежанием, надежностью и, прежде всего, корректностью.

Эта неопределенная, но ни в коей мере не расплывчатая реакция на всеобщую распущенность и коррупцию, а также надежда на лучший мир помогли Легиону не только завоевать руководство в студенческом движении страны, но и оказывать доминирующее влияние, что бросалось в глаза многим наблюдателям⁵.

Довольно смутный порыв романтического национализма не обязательно кончается утилитарным и дидактическим морализмом, и это должно напомнить нам, что в таких странах, как Румыния, даже цели, которые мы считаем буржуазными, могут играть важную революционную роль, и что, например, коммунистам только с помощью террора удалось подавить коррупцию и внедрить такие буржуазные добродетели, как честность, пунктуальность, ответственность и прилежание, с помощью которых они действительно рационализировали и революционизировали экономику многих стран от Румынии до Китая и вместе с тем внедрили свой вариант «справедливого неравенства» и «карьеру, открытой для талантов».

Примечательно, что это движение началось в студенческих кругах. Там, где нет представительных учреждений или они есть, но не функционируют, школы и университеты являются почти единственной подходящей платформой для публичного обсуждения национальных или международных тем, и студенты неизбежно становятся авангардом всех революционных движений. Чем более отсталой является страна, тем большую роль в ее политической жизни играют студенты, так как, поскольку другие возможности концентрации людей, такие как фабрики, отсутствуют, их место занимают школы и аналогичным образом собирают вместе лишенную корней общественность, что облегчает образование групп и подготовку акций; до возникновения другой политически значимой классовой солидарности возникают студенческое самосознание и студенческая солидарность.

До середины 20-х годов румынское студенчество занималось только повседневными вопросами. Кодряну из Ясского университета и его однопартиец Мота из Клужского университета учили студентов ставить политические требования выше материальных и впервые сделали их политически значимой

силой. Та роль, которую играли румынские студенты в политике вообще и особенно в политике Легиона, роль легионеров в политизации студенческого движения и в последующей мобилизации студентов в рамках кампании за установление нового порядка в стране, свидетельствуют об их динамичности и о понимании этими людьми того, какая новая политика нужна обществу, к которому они обращались.

Была возможность, что возникшее на такой основе политическое движение будет отражать определенные интересы, как и другие группы, которые навязывали стране свой эгоизм. И было вполне возможно, что оно будет выражать мнения и нужды того слоя, их которого происходило большинство студентов-активистов. Но об этом движении следует сразу же сказать, что оно никоим образом не было буржуазным. Во-вторых, следует отметить его репрезентативность для массы населения, 4/5 которого составляло крестьянство. Легион черпал свою силу на теологических семинарах и сельскохозяйственных факультетах, где училось большинство студентов из крестьян; он был популярен среди деревенских священников и тех учителей, которые не примыкали к Крестьянской партии; многие легионеры были родом из деревни.

Как Кодряну, сын старшего классного наставника из маленького городка, как Ион Мота, сын сельского священника, и как Константин Папаначе, сын македонского поселенца из Добруджи, руководство Легиона происходило из провинциальной интеллигенции, едва отведавшей городской жизни; это были дети или внуки крестьян, учителей и священников. Но тот факт, что их бастионы были в школах, что они очень быстро привлекли к себе значительную часть молодежи и интеллигенции всей страны или, по меньшей мере, имели на них влияние, означал, что со временем социальная база Легиона становилась все шире.

В списке имен из архива Константина Папаначе указаны возраст и профессия 251 легионера, которые после неудачного восстания в январе 1941 г. искали убежища в Германии и с 1942 по 1944 год были интернированы в концлагере Бухенвальд. Эта группа ни в коей мере не репрезентативна: к ней относится ряд молодых людей, которые учились тогда в Германии и примкнули к Легиону; в этом списке нет также имен женщин, активисток Легиона, а также священников, которые играли столь важную руководящую роль на селе, что один из них во времена национального государства легио-

неров даже стал окружным префектом, а 218 священников были обвинены в участии в восстании 1941 года. По всей вероятности, это список руководителей Легиона в Бухаресте и ряде других центров, которым немцы помогли бежать из страны. Этим объясняется и отсутствие священников, малое число крестьян и множество образованных людей.

Самая значительная группа — 60 студентов (26% от общего числа), далее следуют 30 рабочих, 29 юристов и 26 чиновников, из них четверо — полицейские чиновники. Преподаватели составляют 10,8%, люди свободных профессий (без юристов) около 10%.

Интересно, что в отличие от полицейских чинов офицеров всего трое (вероятно, дисциплина удержала остальных офицеров на своих постах). Врачей тоже только трое (большинство их привязывала к месту профессия), крестьян — лишь четверо. При этом речь идет в данном случае не о репрезентативных средних данных о членах движения, а только о структуре его руководства. Мы можем сравнить эти данные с цифрами трудящегося населения в 1930 году: тогда в сельском хозяйстве были заняты 78,2% (эта группа в бухенвальдском списке — всего 1,7%), 9% в промышленности и транспорте (минимум 13% в бухенвальдском списке) и 3,2% в торговле и ремесле (в бухенвальдском списке процент этих людей втрое выше).

Прежде всего, бросается в глаза преобладание мелких служащих, людей свободных профессий и членов того нового среднего класса, в котором Ральф Дарендорф видит один из основных источников поддержки нацистов, а может быть, и итальянских фашистов⁶. Правильную оценку можно дать только с учетом возраста этих людей, весьма молодых. В 1940 году 21,9% из них были моложе 25 лет, почти 40% — моложе тридцати. Этот фактор определяет их ограниченность, беспокойство, недостаточную вписанность в существующий порядок вещей и, наконец, их восприимчивость к радикальным взглядам и готовность к радикальным действиям, от которых люди постарше воздержались бы⁷.

Легион был молодежным движением — на это ясно указывает возраст его вождей. В 1931 году, во время его первой избирательной кампании, Кодряну было 32 года, его заместителю Моте — 29 лет. Из других руководителей Василе Марин имел 27 лет, Михаил Стелеску — 24. За отсутствием документов неясно, была ли их учеба столь успешной, как утверждает Ионеску, но есть информация, что руководители

движения закончили университеты, а те, кому это не удалось — как Стелеску, который в 1932 году в 25 лет стал депутатом — прервали свою учебу лишь по той причине, что поставили перед собой более увлекательные задачи. Во всяком случае, лишь 8% студентов, которые учились в румынских университетах в 1921—32 гг., не закончили учебу. Этот факт указывает на то, что прерывание учебы (во всех областях) было в Румынии скорее исключением, чем правилом. Поэтому трудно делать какие-то выводы из числа бойцов Легиона, которые преждевременно прервали академическую учебу

Может быть, нам лучше обратить внимание на то направление, которое критики Легиона не учитывают: на его борьбу за избирателей. Конечно, есть причины не учитывать эту тему, так как подробных данных о результатах румынских выборов мало, и мне тоже пришлось довольствоваться беглыми указаниями в прессе, в циркулярах и памятных записках Кодряну и в сообщениях румынского МВД.

До 1933 года области, где Легион был наиболее активен и имел наибольший успех, были расположены, главным образом, в южной Молдове (Путна, Тутова и Ковурлуй), в южной Бессарабии (Кагул, Измаил и Тигина), а также — с бастионом в центральной Трансильвании (Турда) — в двух отдаленных округах северной Молдовы (Нямц и Кымпулунг).

Об этом распределении можно сказать, прежде всего, что оно было, в первую очередь, результатом случайностей и личных привязанностей или связей Кодряну и его друзей. Горы, монастыри, леса и бурные потоки областей Нямц и Кымпулунг были колыбелью и центром истории Молдовы. Кодряну восхищался ими, не раз приезжал туда и воспитывал местное население, которое платило собственным интересом за необыкновенный интерес к его уединенной жизни. То же относится к бесплодным горам Мочу в округе Турда, которые Мота называл своей родиной и где не раз руководил студенческими демонстрациями.

Как и все румынские националисты, но больше многих из них, Кодряну интересовался также особым историческим происхождением «разась», тех свободных деревень, жители которых возводили себя к общим свободным (благородным) предкам и претендовали на унаследованное от них право решать свои дела на совете старейшин деревень. Некоторые из этих деревенских союзов именовались в документах XVII века «республиками»⁸. Эти общины, которые существовали до 30-х годов, отличались очень высокой степенью интегра-

ции общества, коллективной организацией и давними воинскими традициями: сначала они боролись против притязаний землевладельцев, потом против деревообрабатывающих компаний, которые хладнокровно вырубали общинные леса и нарушали местные обычаи. Эти области привлекли внимание Кодряну, и один взгляд на карту показывает, что такие округа как Тугова и Ковурлуй, где в таких деревнях жили соответственно 45 и 44,5% населения, принадлежали к числу тех, где Легион начал свою деятельность, а потом на карте Легиона появились и три знаменитые «республики» XVII века — Вранча (Путна), Тигечь (Кагул) и Кымпулунг.

Итак, с одной стороны — исторические связи, с другой — особый интерес романтических националистов и, наконец, случайность: личные контакты былых времен, которые побудили Кодряну совершить свою первую пропагандистскую поездку в забытый Богом северо-восточный уголок округа Ковурлуй, куда он приехал по приглашению одного своего знакомого. В памяти тамошних крестьян он остался навсегда.

Если мы обратимся теперь к менее субъективным аспектам, мы увидим, что речь идет во всех случаях о бедных, изолированных и преимущественно сельскохозяйственных округах, которые не отличались от многих других областей Румынии, разве что были еще более бедными и изолированными. Нямец, Тугова и Путна отличались необыкновенно широким распространением пеллагры (30—60 случаев на 1000 жителей) — в этом их превосходил лишь еще один округ. Пеллагра это болезнь бедных крестьян, питающихся одним хлебом. Близкие показатели в этом плане имел округ Кымпулунг. Соседние округа, Кагул и Измаил, страдали не только от пеллагры, но также от малярии и трахомы. В этих округах символы современного мира были редкими. Часть жителей имела социальное страхование или организовывала общества потребителей, но уровень жизни был ниже среднего национального уровня, зато неграмотность — гораздо выше средней, в бессарабских округах она достигала 60% и больше. Промышленность отсутствовала или была сосредоточена в одном городе, а деревня переживала застой и пути сообщения находились в еще худшем состоянии, чем где-либо.

Что все это означало, станет понятным, если мы сравним Легион с его самым явным конкурентом: с Национально-Христианской Лигой (ЛАНК), из которой он вышел. А.К.Куза, руководитель ЛАНК, был самый старый и самый ярый

румунский антисемит, почитатель Дрюмона и Морраса, закоренелый националист и первый учитель Кодряну. Они сотрудничали с 1923 года, когда Кодряну активизировал деятельность ЛАНК и предложил Кузе место председателя. До 1926 г. новая партия развивалась удовлетворительно, получила более 120 000 голосов и 10 депутатских мест, но разногласия между Кузой и Кодряну все время усиливались, и в 1927 г. Кодряну порвал со своим учителем, потому что Куза, профессор университета и член парламента, не хотел поддерживать радикальные цели и методы молодежи.

Куза был националист, антилиберал и антимарксист, но его важнейшей идеей был фанатичный антисемитизм, и программа ЛАНК требовала поэтому изгнания евреев из армии, юстиции, школы и с государственной службы, а также применения процентной нормы во всех других областях, чтобы возможности образования для евреев и их участие в торговле и ремеслах соответствовали их доле в населении страны. Поскольку эта программа совпадала с программой Легиона Кодряну, можно было ожидать, что обе партии будут соперничать в одних и тех же областях. Однако за немногими исключениями, этого не случилось. Почему? Опять сыграли свою роль случайности, а объяснение будет чисто спекулятивным.

Сначала ЛАНК распространила свое влияние в бедных округах северной Молдовы, Буковины и северной Бессарабии, где процент евреев был необыкновенно велик и антисемитизм казался убедительным решением экономических и политических проблем. Во всей Буковине большая часть промышленности и особенно важная торговля древесиной находились в чужих, главным образом, еврейских руках. Сельские местности были очень бедны и перенаселены, местная промышленность хирела под натиском товаров машинного производства, и люди искали работу в городах. Зато пустели маленькие городки, ранее процветавшие центры местной торговли, так как железных дорог не было или один единственный город (в данном случае имеются в виду Черновцы) втягивал в себя всю промышленность и торговлю. Ищущие работу крестьяне, жители маленьких городков, которые пытались конкурировать с современными предприятиями, вдруг оказывались лицом к лицу с крупными и мелкими еврейскими предпринимателями, которые бросались в глаза не столько своим богатством, сколько своей чужеродностью.

Евреи, которые составляли всего 4,2% населения Румынии, в Молдове составляли 23,6%, в Бессарабии 27% и в Буковине 30,1% городского населения. Многие (2/3 в Молдове, почти 5/6 в Буковине и почти все в Бессарабии) говорили, в первую очередь, на идише и часто только на нем. Их одежда, язык и образ жизни превращали их в отдельную национальную группу, каковой они сами себя всегда считали. Отказ от ассимиляции еще больше выделял сплоченное еврейское население и вызывал гнев у культурных националистов. Для крестьян еврей это был управляющий имуществом или посредник, который их эксплуатировал, владелец гостиниц и лавок, который ссужал им деньги под ростовщические проценты (потому что государство вообще отказывалось давать им ссуды), владелец мельниц и деревообрабатывающих предприятий, который молот их урожай, оставляя себе часть их дохода, вырубал их леса и не давал им работы или платил нищенскую зарплату. Жители местечек видели в еврее конкурента, либо в самом местечке, либо в большом городе. Для нарождающейся буржуазии он был преградой на пути в школы, в органы юстиции, на денежный рынок и в другие профессии. Для идеалистов евреи были иностранцами, которые, хотя и живут в стране, презирают ее национальную культуру, отвергают национальное единство и угрожают существованию нации и целостности страны.

К этим чувствам и зывала Национально-Христианская Лига; однако наибольший успех она всегда имела там, где ее аргументы соответствовали местным реалиям: в Сторожинце, где на 77 православных церквей приходилось 46 синагог, в Рэдэуци, где это соотношение было 71:49, в Ботошани (109:66) и в Яссах (239:108); к ним добавлялись также города, как Сучава или Ботошани, обойденные новыми железнодорожными линиями и потому переживавшие упадок; такие области, как Сороки, ранее вывозившие свои плоды, вино и зерновые по Днестру в Черное море, а теперь потерявшие свое значение из-за отсутствия железнодорожных и прочих путей; или такие бедные округа, как Байя, где крестьяне не справлялись с землями крупных поместий, разделенными между ними после Первой мировой войны и попали в долги еврейским ростовщикам и торговцам древесиной, а также Фалчу, через который раньше проходили очень оживленные пути, а теперь, из-за того, что их обошли железные дороги, оказались в изоляции, лишились рынков и засуха завершила то, что началось с транспортной катастрофы.

В одной румынской песне есть строка, которая отражает настроение ЛАНК: «Умолкли все звуки с тех пор, как стали строить дороги». Но эгоистичное недовольство, обращенное в прошлое ожесточение партии Кузы не соответствовали той атмосфере, которая царила в новом движении Кодряну. Если типичные цитадели ЛАНК были бедны, потому что переживали упадок, то типичные цитадели легионеров были бедны и никогда не жили лучше. В южной Бессарабии Измаил и Кагул всегда находились в экономической изоляции⁹, как и Тутова и известная своей бедностью область Мочу в Турде, на которых сосредоточил свое внимание Легион.

Еще важнее было то, что еврейский вопрос в сельских округах легионеров не стоял столь остро, как в округах ЛАНК. В Путне или в Измаиле антисемитизм был менее эффективен боевым кличем, чем в округах Буковины. По мере удаления от северо-восточных областей еврейский вопрос все больше терял свое значение, а антисемитизм — свою ожесточенность. Антисемитская партия Кузы не смогла выйти за пределы тех областей, где антисемитизм соответствовал местным проблемам и реалиям. Когда она попыталась развиваться в национальную партию, ей пришлось заключить союз с Национальной крестьянской партией Октавиана Гоги, националиста из Трансильвании, который был популярен и влияние которого на избирателей не было регионально ограниченным. Подняв антисемитские знамена, образованная в 1935 г. коалиция Кузы-Гоги достигла наибольшего успеха только на северо-востоке, который Куза всегда крепко держал в своих руках. В период между 1932 и 1937 годами, когда движение Кодряну усилилось в шесть раз, группа Кузы-Гоги больше не развивалась. Это указывает на то, что Легион превосходил ее своей динамикой, а также на ограниченную притягательную силу антисемитизма. Кодряну считал, что проблемы Румынии выходят далеко за рамки еврейского вопроса, но на практике поднимал его, приспособив свою пропаганду к проблемам и менталитету провинций. Результаты 1937 года доказывают, что это принесло ему успех, но его успех был связан и с методами, которые Легион разработал в тех областях, где он впервые выступил.

Если сравнить области, в которых был представлен Легион, с областями кузистов, обнаружится еще одно различие, которое может быть важным в этой связи. В то время как средняя плотность населения Румынии в 1930 году составляла 61,2 человека на квадратный километр, в сельских

округах ЛАНК она равнялась 73, а в сельских округах Легиона — 54, уменьшаясь иногда до 40. Это означает, что более старая партия укреплялась в более плотно населенных областях, где общественность была более доступна, а новому движению приходилось искать сторонников в редко населенных областях, в недоступных и забытых общинах. Ему приходилось прилагать больше усилий, чтобы их завоевать, и эти усилия становились хорошей школой. История избирательной борьбы Легиона это история маршей и поездок по стране, по горам и долинам, через снежные бури, по опасному, хрупкому льду замерзших рек, по пыльным или размокшим дорогам к деревням, куда ни один политик не заглядывал, чтобы мобилизовать крестьянство, забытым и брошенным или разочарованным в политиках, которым они поверили и отдали свои голоса. Легионеры постоянно применяли методы, разработанные во время первых избирательных кампаний. Когда они с 1934 года начали расширять свое влияние за пределы восточных областей, они шли к крестьянам и завоевывали их доверие, работая на полях и ночуя в крестьянских домах; таким способом они создавали новые бастионы среди крестьян Мунтении и Олтении, в таких сельских округах, как Власка и Телёрман, где сохранялись традиции древнего крестьянского социализма, обычно в тех областях, где свирепствовали малярия (Власка, Телёрман), пеллагра (Браила и Прахова) или сифилис (Доль), следствие нищеты и недоедания.

Эти методы приносили успех благодаря энтузиазму и усердию легионеров, а также потому, что Кодряну настаивал на работе и дисциплине; к этому добавлялся и тот простой факт, что эти студенты и прочий «сброд», как мы уже видели, имели тесные контакты с крестьянами. Они могли говорить на их языке, плясать вместе с ними и работать на полях тех людей, которых они хотели привлечь на свою сторону.

Будучи далеким от того, чтобы быть буржуазным или мелкобуржуазным движением в собственном смысле слова. Легион был популярным движением, которое обращалось к народу, а также имело программу, которую массы (в смысле румынских крестьян и рабочих) считали достаточно радикальной, а представители существующего порядка, от Кузы до короля, — революционной. В этой связи примечательно, что единственная другая партия, имевшая такое же влияние, в северо-восточных провинциях, где начинал Кодряну, была слабой или — как в Мунтении и Олтении после 1933 года —

утратила доверие крестьян, прекратив свою реформаторскую деятельность. Интересно, что единственная область, где Легион не смог утвердиться как протестное движение — Марамуреш на севере и северо-западе — был одновременно единственной областью, где проявляла активность небольшая социал-демократическая партия, что еще раз указывает на то, что Легион имел успех там, где заполнял пробелы, не заполненные другим движением, где встречал готовую к восприятию его идей публику.

То же можно сказать о влиянии, которое Кодряну оказывал на промышленных рабочих, которые, за отсутствием настоящего рабочего движения, шли за единственным вождем, который предлагал более радикальные лозунги, чем существующие партии. Созданный в 1936 году особый рабочий корпус легионеров вскоре имел в одном только Бухаресте 8000 членов. Распущенный в период 1938-1940 гг., этот корпус в октябре 1940 г. снова насчитывал 13 000 членов¹⁰. Успехи на выборах в промышленных округах, таких как Прахова и Хунедоара, показывают, что Легион имел сторонников не только среди рабочих столицы.

Радикальный национализм Кодряну был сознательно обращен ко всем, кто надеялся на радикальные изменения. Его антикоммунизм их не беспокоил. Если рабочие или крестьяне обращали на него внимание, то воспринимали его как антироссийский выпад, а в таком виде он был приемлем. Поскольку коммунизм и социализм отождествлялись с властью евреев, социальный антисемитизм городской бедноты и экономический антисемитизм крестьян были достаточны для того, чтобы в эту идею поверили. Кодряну предлагал радикальные реформы, которые не противоречили их националистическим предрассудкам и не вызывали у них недоверие к горожанам, которые приехали лишь затем, чтобы их обмануть. Ни обращение к классовому сознанию, ни буржуазный либерализм не могли найти широкого отклика в Румынии того времени. Если рассмотреть поближе учение Кодряну о классах, то оно напоминает социальный национализм многих слаборазвитых стран нашего времени, направленный против внешних и внутренних угнетателей и обращенный ко всем, кто видит в существующем строе источник несправедливости, угнетения и отсутствия возможностей: к крестьянам, рабочим и ко всем, чьи патриотические и моральные принципы оскорбляла двуличность господствующей системы.

Экономические факторы при вербовке недовольных, к которым обращались как реакция и Куза, так и революция и Кодряну, были не столь важны, как то обстоятельство, что определенные группы населения и области оказались в изоляции, не были включены в процесс политического развития и поэтому были открыты для агитации Легиона. Отсюда и повышенная роль молодежи в движении, которое начало с мобилизации учащихся и студентов, принимало в свое элитное подразделение (созданный в 1937 г. корпус Моты-Марина) только мужчин моложе 30 лет и всегда опирался на свою сеть молодежных клубов — основанное в 1924 г. Братство Креста (ФДК).

Но движение, которое опирается на молодежь, сталкивается с одной важной проблемой: молодость не вечна, и рано или поздно обычный конфликт поколений усиливается из-за идеологических разногласий и взаимных обвинений. Обычно фашистские движения решали эту проблему путем чисток, исключений или переселения, в результате чего руководство избавлялось от молодых выдвиненцев, а движение — от радикальных элементов. В Легионе проблема была решена за счет того, что первоначальная руководящая группа была истреблена в ходе преследований 1938—39 гг. В 1940 г. Кодряну был бы 41 год, Моте — 38 лет, Марину — 36, это, конечно, еще не старость. Но многие члены этой группы погибли, все руководители исчезли с политической сцены, и интересно, что из 226 лиц, интернированных в Бухенвальде, возраст которых нам известен, лишь 15 принадлежали к поколению Кодряну. Средний возраст этих людей в 1940 г. равнялся 27,4 года, и три четверти группы были моложе тридцати лет. Это означает, что они принадлежали к политически еще не существовавшему в начале 30-х годов, практически новому поколению, представлявшему новое движение, заняв место павших старших товарищей. Таким образом, Легион оставался очень молодым движением, готовым к любым революционным акциям. И примечательно, что старшие в конфликте, который разгорелся после смерти Кодряну и особенно во времена национального Государства легионеров между умеренными и радикалами внутри партии, занимали, большей частью, сдержанную позицию и были готовы к компромиссам; они были против январского восстания, а некоторые даже поддерживали генерала Антонеску, в том числе и собственный отец Кодряну. Этим объясняется небольшой процент людей старшего возраста в Бухенвальде,

а также дух хвастовства, грубая и опрометчивая политика неопытных людей, которыми характеризовался недолгий период власти Легиона.

Все это указывает на то, что важные факторы радикальной и революционной ориентации были не столько социологическими, сколько психологическими. Речь идет о тех культурах и, прежде всего, возрастных факторах, о проявлении большего беспокойства, большей чувствительности и готовности к изменениям и действиям для их осуществления.

Начну с трех вопросов. Первый: происходят ли сторонники движений фашистского типа, главным образом, из средних слоев общества? Тот факт, что их вожди, как и вожди большинства политических движений, вышли из средних слоев, ничего не доказывает, как и аналогичное происхождение вождей левого крыла. С другой стороны, в такой стране, как Румыния, среди их сторонников был большой процент крестьян и рабочих¹¹.

С вариациями то же самое можно сказать и о других странах. Как показывает исследование Ганса Герта о членах нацистской партии в 1933 году, почти треть их составляли рабочие и 21% — служащие. Далее следовали художники, торговцы и люди свободных профессий, в совокупности 17,6%, крестьяне — 12,6% и прочие (обслуга, шоферы такси и т.п.) — всего 10%¹². Если мы вспомним, что уже говорилось о мелкобуржуазном характере НСДАП, такое распределение вроде бы соответствует этому утверждению, хотя рабочие, 46% трудящегося немецкого населения, были представлены непропорционально. Однако, мы не должны при этом забывать, что классы с более низким уровнем образования и меньшим количеством свободного времени обычно представлены в политике непропорционально, что промышленные рабочие были организованы также в профсоюзы, социал-демократической партии и КПГ, которая взывала к их классовому сознанию. Успех нацистов в этой среде впечатляет, тогда как обычное отождествление фашизма со средними слоями общества кажется не очень убедительным.

И вообще: имеет ли в этой связи значение понятие средних слоев? По моему мнению, оно вводит в заблуждение, поскольку оно, через идейные связи, указывает на ориентацию и интересы, не типичные для фашистских движений. По мнению марксистов, эти люди сражались, чтобы утвердить свое существование в качестве членов среднего класса, и поэтому являлись — сознательно или нет — последним

оружием финансового капитализма. Вряд ли это относится к румынским крестьянам и, кроме того, фашисты вообще были против финансового капитализма. Они не признавали среднее сословие как особый класс и отвергали его ценности. Если они не отвергали то, что мы называем «буржуазными» ценностями, то именно там, где их применение — как в Румынии — имело наименее консервативные последствия.

С политической точки зрения, экономическая и социальная классовая позиция представляется менее важной для политической ориентации, чем идеологическая обусловленность и существование (или отсутствие) строго организованных партий. Там, где такие партии есть, католики, крестьяне и промышленные рабочие не поддаются влиянию других идеологий, а там где их нет или они слабы, эти группы столь же восприимчивы, как и другие. В той мере, в какой западные промышленные рабочие организованы, а на другом конце шкалы есть богатое меньшинство, уверенное в своих силах, теории насильственного протеста и радикальных изменений неизбежно будут иметь большой успех среди других групп. Поскольку те, кто имеет меньше всего контактов с существующим порядком, доступней всего, радикалы будут иметь среди них наибольший успех. Только в этом смысле мы можем сказать, что фашисты рекрутировали сторонников из среднего класса, особенно того его слоя, который немецкая социология столь удачно называет «квазипролетариатом»¹³.

Третий вопрос: были ли эти люди особенно реакционными? Воплощали ли они, как можно судить по их деятельности, те политические и социальные тенденции, которые мы называем ретроградными? Ответ на этот вопрос зависит от взгляда на режим, которые фашизм критиковал или сверг, но, по крайней мере, в случае Румынии Легион Кодряну был явно радикальной социальной силой.

Ученые, которые занимаются фашизмом, подчеркивают, что претенциозные кодексы и высокий идеализм подобных групп всегда следует рассматривать в связи с их гораздо более тривиальными действиями на службе жестокому делу или их радостью по поводу их кратковременных триумфов. Это мнение верно и точно выявляет слабые стороны фашизма. Но можно сравнить этот разрыв между мечтой и реальностью и с судьбой детей, которых учили в школе и в родительском доме определенным ценностям, а через какое-то время сказали им, что эти ценности не вполне применимы в

нашем мире, иными словами, цельность характера не является социальной добродетелью. Протесты против капитуляции и компромиссов, против равнодушия современной морали рассматривались как доказательство незрелости; мир надо принимать таким, каков он есть, и не стремиться привести его в соответствие с некоей теорией, отвергая современную практику. В конечном счете, большинство людей проходит эти стадии, и мятеж молодости уступает место приспособлению. Неспособность или отказ приспособляться, даже по самым убедительным причинам, считается признаком слабости, непригодности к жизни, признаком неудачников. Это странная ситуация, и только наша вопиющая не последовательность спасает нас от выводов, которые мы неизбежно должны были бы из нее сделать: что шестерни нашего общества вращаются лишь за счет того, что перемальвают им же признанные принципы.

Можно утверждать, как это делает Роже Кайлуа в своем эссе «Сектантский дух»¹⁴, что расхождение между принципами и практикой заставляет не самых слабых, а самых сильных занять непреклонную позицию, при которой критика равнодушия общества переходит в идеалистический и пуританский реформизм, а затем в бунт и (при чрезвычайном стечении обстоятельств) — в революцию. «Я не могу иначе!» — это крик тех, кто не полностью приспособился; он может стать исходной точкой крестового похода за восстановление порядка в обществе.

Расхожее уподобление идеализма инфантилизму может оказаться неверным в случае отказа взрослых людей порывать с памятью детства, не потому что эти люди инфантильны, а потому что эта память представляется им ценностью, большей, чем то, ради чего их призывают от нее отказаться. Встает вопрос о сути этой памяти, и при ближайшем рассмотрении она оказывается не чем иным, как общими местами нравственного воспитания, такими как правда, справедливость, прилежание, любовь к Отечеству, лояльность, мужество и справедливое поведение — все добродетели, которым мир последовательно учит в своих школах и которые столь же последовательно обесценивает: большинство из нас предпочитает не замечать отравляющие жизнь черты этой ситуации.

Здесь мало места для подробного анализа других аспектов или философии компромиссов такого рода: мы ограничимся лишь их воздействием на фашизм и на возникнове-

ние такого рода неуступчивых и «чистых» движений, как Легион Михаила Архангела. При этом мы должны учитывать: чем строже моральное воспитание, тем сильнее шок от расхождения между принципами и практикой, тем сильнее тенденция к бунту. Во Франции, где молодые люди рано получают довольно скептические представления о мире и эпохе, такого рода неуступчивость распространена гораздо меньше, чем в Германии, где, как школьное, так и домашнее воспитание было более принципиально в вопросах морали и патриотизма. В такой стране, как Румыния, где официальное воспитание было в высшей степени моральным и патриотическим, контраст между усвоенными в школе уроками и коррупцией и оппортунизмом городской и общественной жизни просто ужасал. Разумеется, те, кто приходил от этого в ужас, составляли меньшинство и из этого меньшинства лишь очень немногие поднимали бунт против существующей практики, и те особые ценности, на которые может опираться такого рода реакция, тоже чтились не всеми.

Мало значения имели они для очень бедных и необразованных, которые принимали вещи такими, каковы они есть (хотя и не без оговорок), не утверждая, что они могут быть принципиально иными. Они почти не находили отклика у промышленных рабочих, которые были убеждены, что несправедливость — неотъемлемая черта общества, господствующие слои которого используют язык для той же цели, что и свою власть: в своих интересах. С марксистской точки зрения, всеобщее лицемерие неизбежно в немарксистском обществе. Отсюда следует, что бунт должен быть направлен не против исчезновения морали, а против структуры власти, коррумпированным выражением которой только и является мораль. Поэтому идеалистическая реакция столь часта у интеллигентов и молодых людей, принадлежащих к общественным группам со строгим моральным кодексом: либо их приучали ставить принципы выше практики, либо они были до глубины души потрясены тем, что практика высмеивала и чернила внушавшиеся им совсем недавно принципы.

Отрезвление или негодование — таковы могли быть импульсы для создания «основ идеального союза посреди мерзкого мира»¹⁵. Такой союз становился школой добродетели, инициативы и дисциплины, твердости и лояльности, учебным плацем для служения высокому делу, которое его последователи ставили выше общества, которое нужно было победить и изменить.

В принципе, во всем этом не было ничего плохого. Общество, равновесие которого держится только на эгоизме и привычках, терпимость которого — всего лишь равнодушие и латаргия и в котором каждое решение принимается с осторожностью, может лишь извлечь выгоду из настоящего энтузиазма, из утверждения тех принципов, на которых оно якобы зиждется. Непримируемость фанатиков, их активность и даже их насильственные действия могут подстегнуть сонную общественную мораль, стать вызовом, который многие примут, отказавшись от инерции компромиссов, мягкости и показухи не от силы, а от сомнений. Более того: создается впечатление, что в период между двумя войнами значительная часть европейских левых отвечала на вызов фашизма, пользуясь его же терминами, и этот процесс был естественным, так как причины недовольства с обеих сторон были одни и те же и в обоих случаях моральный бунт был направлен против существующего общества, против лицемерия и мягкости государства, против декадентского экономического либерализма и против наглой власти капитала. Причины недовольства и радикальные выводы были сходными, различались лишь направления, по которым люди шли согласно своим выводам, но даже они основывались, главным образом, на сочетании лести и популизма и на представлении об элитарной секте. И здесь мы можем повторить тезис упомянутого эссе: Там, где нет левых, протест, политизация аполитичных, разочарованных или неосведомленных, павших духом или равнодушных, т.е. национализация всего, что может быть использовано для революции, становится делом одних лишь движений типа движения Кодряну.

В обоих лагерях были холодные техники или эксплуататоры власти и их погоня за эффектами ради популярности была столь же поверхностна, как и их идеализм. Гораздо важнее, что, как эта погоня за эффектами, так и представление об элите с достижением власти изменялись, потому что само движение из союза критиков и бунтарей превращалось в коалицию защитников и эксплуататоров завоеванного. Такого рода изменения были неизбежны, и ими можно объяснить поведение идеалистов, пришедших к власти, но мы не можем сделать из этого вывод, что угнетенные мечтают лишь о том, как бы им самим стать угнетателями.

В своей борьбе против общества эти фанатики требовали кардинальных изменений, применяли силу и героизм, которые делали возможными и оправдывали эти изменения, и сами гордились тем, что они — элита избранных, отважных

заговорщиков. После победы над обществом бывшие мятежники становились властителями. Единственными изменениями, которых они теперь хотели, были те, что исходили от них самих; но насилие, которое они теперь применяли, было уже не простительным или героическим, а тираническим и низким; элита, которую они составляли, должна была теперь охватывать все общество в целом, так что все добродетели, которыми они некогда обладали, переходили к массе, и то, что было сознательной жертвой немногих, становилось принудительным конформизмом многих.

Чем больше победа, тем меньше сопротивление разложению тех абсолютных принципов, которые некогда обеспечивали динамику и вдохновляли на действия. Непримируемость превращалась в нетерпимость, приводила к репрессиям, а героическое содержание движения застывало в ритуалах. Но само движение оставалось в движении, частично благодаря постановке ложных целей вместо настоящих, либо оно теряло свою энергию и сжималось до уровня организации по защите интересов новой правящей клики.

Успех был главным врагом фашизма. Из трех европейских движений, которые пришли к власти своими силами, итальянские фашисты вновь обрели часть своего первоначального радикализма только после поражения; румыны, у которых почти не было времени показать, на что они способны, сначала подверглись истреблению, а потом попали в затруднительное положение из-за неспособных и жадных оппортунистов. А немцы, которые, с их точки зрения, достигли наибольшего успеха, начали с того, что истребили своих радикалов, а кончили тем, что выдвинули поколение технократов власти и политических техников, которые не интересовались принципами или доктринами и были совершенно равнодушны к мотивам своих предшественников — их занимала только собственная карьера.

Причина этого заключалась не в том, что единственной целью фашизма была власть, как часто утверждают, а в том факте, что истинная цель фашистов, а именно национальное возрождение и обновление в той или иной форме, находилась в противоречии не с теми средствами, которые они применяли для завоевания власти, а с теми, которые они применяли, придя к власти. Беспощадность, страстность и ожесточенная решимость, которые характеризуют борьбу за власть, — плохие советчики после того, как власть завоевана. Личности, наиболее пригодные для борьбы, не всегда

наиболее пригодны и для того, чтобы быть повелителями. Движение, которое опиралось на ничем не связанную открытость, теперь попало под строгий контроль. И противоречия ситуации позаботились о том, чтобы движение потерпело неудачу — либо поражение от противников, либо крах своих идеалов.

Примечания

¹ American Political Science Review, октябрь 1937 г.

² По истории движения Кодрану и его предшественников см. мою книгу «Varieties of Fascism». Princeton, 1964, и более подробно — главу «Румыния» в книге: Hans Rogger, Engen Weber. The European Right. Berkeley, 1965.

³ Арест Кодрану в апреле 1938 г. произошел не после «новой вспышки террора», как объясняет Гита Ионеску в книге «Коммунизм в Румынии» (с.55), а после того, как Кодрану потребовал от своих сторонников полного подчинения правительству, и это требование было выполнено. Убийство Кодрану 30 ноября 1938 г. произошло после одной такой вспышки, которым находившийся в тюрьме вождь пытался воспрепятствовать, и которая послужила оправданием его убийства. Он и 13 легионеров, умершие с ним, не были расстреляны, как утверждает Ионеску: их сначала задушили, а потом «застрелили при попытке к бегству».

⁴ Alexandru Cretianu. The Lost Opportunity. London, 1957. P.20; Ионеску. Указ. соч.; Lucretin Patrascanu. Problemele de baza ale Romaniei. Бухарест, 1946. С.259—262. Дискуссия с подробностями и пояснениями см.: Henry Roberts. Rumania. New Haven, 1951. P.231.

⁵ Робертс. Указ. соч.; Henry Prost. Destin de la Roumania. Paris, 1954; Henry Prost. Les Mouvements nationalistes en Roumania. Бухарест, 1948.

⁶ См. статью «Новейшие изменения в классовой структуре» в книге: S.R.Granbard. (изд.). A New Europe? Boston, p. 317 и его книгу «Class and Class Conflict in Industrial Society». Stanford, 1959.

⁷ Эту ситуацию можно сравнить с ситуацией в НСДАП, 7,82% членов которой были моложе 25 лет, 18,16% — моложе 30 лет, и средний возраст 34 рейхсляйтеров составлял 39,5 лет (Franz Neumann. Behemoth. London, 1944. P.374). В своем исследовании «Нацистская элита» (с. 10) Лернер указывает средний возраст около 48 лет.

⁸ Stahl Н.Н. Enciclopedia Rumaniei. I. Бухарест, 1938. С.563-575.

⁹ В южной Бессарабии цена гектара земли была в среднем самой низкой во всей Румынии, гораздо ниже (более чем на 30%), чем в северной Бессарабии, зоне влияния ЛАНК, и равнялась трети ее цены в процветающих провинциях. То же можно сказать о юге Молдовы по сравнению с севером и северо-западом.

¹⁰ Буна Вестире. 19 ноября 1940; Cornelin Zelea Codreanu: 20 Ani dela Moarte. Madrid, 1958. P.657.

¹¹ Ср. Венгрию, где промышленные рабочие составляли 40% и более членов той национально-социалистической коалиции, которая сложилась вокруг Салаша, тогда как всего 23% трудящегося населения было занято в промышленности и горном деле. Istvan Deak. *National Socialism in Hungary. 1920-1938*. С.101.

¹² Ср. с несколько отличными данными в книге: Wolfgang Schafter. *Entwicklung und Struktur der Staatspartei des Dritten Reiches*. Hannover, 1956. S.17.

¹³ Theodor Geiger. *Die soziale Schichtung des deutschen Volkes*. Stuttgart, 1932. Robert Waite, автор книги «Vanguard of Nazism», Harvard. 1952, считает, что большинство людей в «вольных корпусах» происходило из нижних слоев среднего класса и из крестьян. Рабочий класс, говорит он, не был готов по своей воле вступать в добровольческую армию республики. Почему? Потому что «люди, имеющие работу и семью, не горят желанием ставить на карту свое экономическое положение». Они не решались вступать и в социалистические отряды безопасности, которым приходилось вербовать людей такого же типа наемников, что и вольным корпусам. Если горняк или промышленный рабочий имеет работу и зависит от нее, он принадлежит к рабочему классу, и понятно, что он не жаждет вступать в вольный корпус. Если же он безработный, он принадлежит к низшему слою среднего класса и может вступить, поскольку известна связь между низшим слоем среднего класса и реакцией.

¹⁴ *Instincts et Societe*. Paris, 1964.

¹⁵ Там же. С.93.

Людвиг Едличка

АВСТРИЙСКИЙ ХЕЙМВЕР. К ИСТОРИИ ФАШИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Во многих описаниях австрийской истории 1920—38 годов определенный ее период часто называют временем господства фашистской или клерикально-фашистской системы. Историки, авторы этих описаний, дают такое определение авторитарной эпохе после 1933 г., когда федеральный канцлер доктор Дольфус правил вместе с движением Хеймвер, и ее продолжению после убийства Дольфуса национал-социалистами, каковым было авторитарное правление федерального канцлера доктора Курта фон Шушнига. Правда, термин «клерико-фашизм» или «клерикальный фашизм» оказывается при ближайшем рассмотрении не вполне удачным, так как в действительности речь идет о сплетении самых различных идей, идеологий и тенденций, которые в австрийской внутренней политике с 1920 года искали для себя выхода на правом фланге и с середины 20-х годов обрели особую форму в движении Хеймвер. Понятие «клерико-фашизм» встречается уже во вступительной главе книги Чарльза А. Гулика «Австрия от Габсбургов до Гитлера» (немецкое издание — Вена, 1948). Весьма примечательно, что этот автор полагает, будто Дольфус поддался соблазну авторитарной идеологии, т.е. идеологии, которая уже существовала. Немецкий историк Ульрих Эйхштедт писал, что после мартовских событий 1933 года Австрия перестала существовать как демократия и пошла по пути к австро-фашизму¹. Эрнст Нольте в своей объемистой идейной истории фашизма приходит к выводу, что австрийский «хеймверовский фашизм» сумел поставить государство на новую основу, однако он не тождественен «австро-фашизму», который ликвидировал парламентскую систему. Тот же автор, оценивая деятелей авторитарной эпохи Австрии после 1933 года, считает, что князь Эрнст Рюдигер Штаремберг, многолетний вождь Хеймвера,

был скорее фашистом, чем аристократом, чего нельзя сказать ни о Дольфусе, ни о Шушниге².

Уже это разнообразие мнений об австрийском фашизме, его воздействии на реальные политические события и его происхождении либо из клерикального, либо из итальянско-фашистского идейного комплекса привело к необходимости заняться в данном исследовании Хеймвером, тем движением, которое и сегодня все еще считается единственным носителем авторитарно-фашистских идей в новейшей австрийской истории. Существует мало серьезных работ научного характера по истории этого движения. Работающий в Кельне австрийский историк Адам Вандрушка в прекрасном эссе о политической структуре Австрии коснулся и Хеймвера, не заглянув при этом в источники, хранящиеся в австрийских, венгерских и итальянских архивах и библиотеках³. Новому поколению австрийских историков принадлежат три работы, поднимающие целину идеологической истории Хеймвера, его предшественников и в какой-то мере его продолжателя — «Отечественного фронта»⁴. Особенно важными для выяснения вопроса об идейных связях, а также о материальной поддержке Хеймвера итальянским фашизмом были исследования сотрудника Института исторической науки Венгерской Академии наук Лайоша Кереша, основанные, главным образом, на материалах из Венгерского государственного архива, в частности, на документах МИД'а⁵.

Для выяснения вопроса об идеологии Хеймвера нужно сначала вкратце описать историю его возникновения. Зародилось это движение сразу же после окончания Первой мировой войны в зимние и весенние месяцы 1918—1919 годов. В крестьянских местностях Австрии образовались отряды для защиты домов, полей и вокзалов, оснащенные оружием бывшей императорской армии, которые помогали еще слабой государственной исполнительной власти. Аналогом этого в городах, где, в отличие от консервативных деревень, обычно задавали тон социал-демократы, возникли рабочие и фабричные отряды. Таким образом, эти отряды с самого начала строго делились на «правые» и «левые» и получали, частично вполне легально, от временного, а позже от свободно избранного австрийского правительства оружие с армейских складов, которое никогда не было возвращено⁶. Когда комиссия союзников потребовала в 1919 году сдачи оружия, значительные его запасы исчезли в тайных складах различных воинских союзов и сыграли особую роль в кратковременном

эпизоде обороны границ. В Каринтии, в особых обстоятельствах 1918—19 годов, большая часть населения решила взяться за оружие для защиты от югославы, и в знаменитой войне за оборону Каринтии рядом с регулярными частями Фольксвера (армии) уже действовали добровольческие отряды, которые с весны 1919 г. носили название «защитников родины» (хейматшутц). Использование этих добровольческих отрядов дало впоследствии хеймверам, как полувоенным союзам для защиты родины от внешних и от внутренних врагов (марксистов), первый сильный стимул и привело к интересным политическим, военным и идеологическим параллелям и к сотрудничеству с аналогичными движениями в Германии.

Контакты с немецкими формированиями имели место в Тироле и в Верхней Австрии. В Верхней Австрии в 1919—20-х годах возникли отряды местных жителей, организованные, главным образом, крупными землевладельцами и мелкой буржуазией, для защиты от произвола рабочих в промышленных районах Линца и Штейра. Аналогичная тенденция имела место в Тироле, где боялись вторжения итальянцев и уже в 1920 г. начали создавать отряды, инициатором чего был политик христианско-социального направления адвокат д-р Рихард Штейдле. Курьезный факт: именно уроженец Южного Тироля д-р Штейдле позже стал самым ярким представителем «фашистской» идеологии в Хеймвере. Но сначала группы в Тироле, Верхней Австрии и Каринтии находились под баварским влиянием. Созданный лесным советником доктором Эшерихом баварский оборонительный отряд, вошедший в историю под названием «Оргеш», взял под свое покровительство формирования в Тироле и Верхней Австрии и поставлял им оружие. После провала капповского путча один из его главных участников, бывший майор Генерального штаба пруссак Вальдемар Пабст прибыл в Тироль. Правительство этой земли и его глава Штумпф дали ему гражданство под чужим именем, благодаря чему он вскоре стал начальником штаба австрийского Хеймвера и смог сделать политическую карьеру в Австрии. Пабст создал для австрийского Хеймвера центры за рубежом, прежде всего, в Баварии, где были заинтересованы в обострении конфликтов с марксистскими противниками в Австрии и Германии. Кроме того, Хеймвер и его закулисные руководители в Австрии были прямо и косвенно заинтересованы в поддержке всех радикальных движений, исходивших из Мюнхена. Приме-

чательно, что уже в 1920—23 были установлены связи с Гитлером и многие участники путча 9 ноября 1923 г., в том числе Геринг, были приняты в Тироле, как беженцы, хотя идеологической связи между Хеймвером и национал-социализмом не было⁷. Политическое значение этих групп при относительной консолидации отношений в Австрии в период с 1924 по 1926 год было невелико. Но интересно, что в Верхней Австрии с появлением на сцене князя Эрнста Рюдигера Штаремберга были наведены первые мосты между Хеймвером и политическими партиями. Это было сделано благодаря авторитету и влиянию христианско-социальных сил. Глава правительства Верхней Австрии прелат Хаузер при посредстве княгини Фанни Штаремберг заявил о своей готовности к переговорам с вождями Хеймвера, прежде всего, с сыном княгини, Эрнстом Рюдигером Штарембергом. После этого Хеймвер стал получать все большую поддержку ведущей буржуазной партии Австрии. Последние находки в венгерских архивах показали, что уже в это время живой интерес к Хеймверу проявляли Венгрия, Италия и авторитарные буржуазные политики в Вене.

Совершенно иное, но гораздо более определенное идеологически направление приняло развитие на востоке Австрии, прежде всего, в Вене. Здесь было создана самая сильная группа военных и полувоенных союзов «Германо-австрийское объединение фронтовиков». Ее создал бывший штабной офицер императорской армии полковник Герман Хильтль, который первоначально думал только о союзе для поддержания фронтового товарищества. 20 мая 1920 г. Объединение фронтовиков опубликовало программу из четырех основных пунктов:

1) Объединение фронтовиков — совершенно самостоятельное, независимое объединение.

2) Его главный лозунг: «Благо всего народа выше мелочной партийной политики».

3) Оно стоит на арийской, непартийной и неполитической основе и исключает взаимодействие с интернациональными элементами, разлагающими народы, такими как социал-демократы и коммунисты.

4) Свой идеал оно видит в единстве всего немецкого народа⁸.

Маневры, походы, готовность к подавлению стачек и демонстраций, предложения поддержки исполнительной власти и взаимодействия с армией при определенных ситуациях

первоначально тормозили формирование хеймверовского движения в Вене, Нижней Австрии и Бургенланде. Но идеологическая программа Объединения фронтовиков оставалась радикальной. На своей конференции в 1926 г. оно приняло ряд принципов, которые сводились, в основном, к отрицанию марксизма, требованию уменьшения числа депутатов в национальном и земельном парламентах, усилению власти федерального президента и изменения прав избирателей. Интересно, что здесь же была представлена идея корпоративной общей деятельности народа⁹.

Хотя полковник Хильтль, делая 8 марта 1926 г. доклад в Вене на тему «Фашизм и Объединение фронтовиков» отверг отождествление с фашизмом и обосновал это, прежде всего, позицией фашистов по Южному Тиролю, заимствование ряда идей было налицо, и это характеризовало дальнейшее идеологическое развитие Объединения фронтовиков. Идея сильного руководства выражалась все настойчивей.

«Железные нервы и вера в себя, какую средний человек не может даже вообразить, — таковы черты настоящих вождей, которые готовы в страшном одиночестве сильного духа противостоять миру враждебных сил. Так как духовного единства народа больше нет, каждому вождю нужно меньшинство, на которое он опирается и которое, сплоченное его волей, сомкнуто в железные ряды и использует насилие в том направлении, которое духовно сплачивает нацию. Это меньшинство должно опираться на отечественные традиции и на примеры народных героев, черпать силы из великого прошлого народа и Родины»¹⁰.

Одновременно, по крайней мере, теоретически, предусматривалось и образование элиты, которая будет править новым государством. В рамках Объединения фронтовиков не только усиленно практиковался «военный спорт», но проводилось и тайное обучение с целью превратить группу молодых людей в «железное ядро» фронтовиков. Упражнения, руководства по которым полностью сохранились, имеют черты несомненного сходства с будущей орденовой идеологией СС. Так в одной памяти для т.н. Железного Ядра говорилось:

«Железное ядро это сердцевина Объединения фронтовиков, центр, излучающий во все стороны силы, пронизывающие весь союз. Железное Ядро это опора Верховного вождя, его тайная правая рука, его резерв. Вождь — глава, Железное Ядро — сердце Объединения фронтовиков. Железное Ядро

не руководит само, это исполнительный орган Вождя для всех действий, необходимых в интересах Объединения фронтовиков. Железное Ядро это душа союза, проникнутое духом и волей Вождя.

"Железное" значит твердое, нерушимое. Из железа куют мечи! Железное Ядро — меч Вождя. "Ядро" означает глубокий, невидимый, твердый центр. Отсюда данное выше объяснение термина "Железное Ядро"¹¹.

Даже идеология сословного государства по итальянскому образцу, которой позже придавал такое большое значение Хеймвер, была провозглашена Объединением фронтовиков уже в 1927 году. Поэтому не случайно первым серьезным внутривнутриполитическим потрясением молодой Австрийской республики было столкновение военно-политического Объединения фронтовиков, подобного Хеймверу, с социал-демократической партией. В январе 1927 г. в маленьком местечке Шаттендорф в Бургенланде произошли ожесточенные стычки между фронтовиками и членами социал-демократического «шуцбунда», причем со стороны левых были убиты и тяжело ранены. На проходившем в обстановке крайней политической напряженности процессе присяжные 15 июля 1927 г. оправдали обвиняемых из числа фронтовиков, а днем позже в Вене произошли ужасные события: был подожжен Дворец юстиции, полиция стреляла в демонстрантов и около ста человек были убиты и многие тяжело ранены. Была тяжело ранена и сама молодая республика, и эту рану не удалось залечить, наоборот, Христианско-социальная и Великогерманская партии, короче, весь лагерь правых, обвиняли австрийских социал-демократов в большевизме и в подготовке переворота. По всей Австрии в порядке «самозащиты» начался бурный процесс создания хеймверов, которые, получая большие деньги, главным образом, от промышленников, стали превращаться в эффективный властный фактор, сначала в военном плане, но вскоре они направили свои усилия на то, чтобы оказать на сами буржуазные идеологически-политическое влияние и переиграть их. Интересно, что в этот бурный период с 1927 по 1933 год Объединение фронтовиков на востоке Австрии утратило какое-либо значение и постепенно его стал раскалывать и засасывать Хеймвер, а после 1932 года... национал-социалисты.

Но взлет Хеймвера в 1927 году был не только реакцией на июльские события или контрнаступлением антимарксистского фронта, но также идейным прорывом. Частично его

идеология была заимствована у фашизма, по крайней мере, была очень близка к нему. Одной финансовой поддержкой взлет Хеймвера не объяснить. Это федеральный канцлер доктор Игнац Зейпель, совершенно не понимая ситуацию, пытался изобразить Хеймвер стеной, защищающей демократию, и, умышленно внося путаницу, в одной из своих знаменитых речей взял это движение под защиту от тех критиков в Австрии и за рубежом, которые давно уже распознали в нем угрозу для демократии:

«У нас в Австрии есть сильное народное движение, которое хочет освободить демократию от господства партий. Носителями этого народного движения являются «хеймверы». Моя критика псевдодемократии направлена не против какой-либо одной партии, и против всех, кто привел демократию к упадку. Но у нас в Австрии все другие партии разделяют сомнения в правильности и законности господствующей у нас системы; только австрийские социал-демократы закрываются от критики и делают свой палладий именно из того, что в нашей демократии плохо. Поэтому и только поэтому Хеймвер действительно выступает против австрийской социал-демократии. Он не имеет ничего общего с классовой борьбой; среди его членов и друзей есть представители всех классов. Мир до сих пор обычно слышал иные оценки Хеймвера; понятно, что ложные представления о нем создавались умышленно. Это верно, что члены австрийского Хеймвера соблюдают военную дисциплину, но это проявление не милитаризма, а любви к дисциплине как таковой. Опасность, которая ему угрожает и которую лучшие из его членов сознают, это опасность самому превратиться в обычную партию, выступая против засилия партий. От этой опасности может спасти только дисциплина, подобная армейской. Это верно, что Хеймвер поддерживает дух оборонспособности и что этот дух, хотя он теоретически отвергается австрийскими социал-демократами, на практике, к сожалению, неоднократно проявлялся в терроризме. Это верно, что Хеймвер в нынешней ситуации иногда вступал в конфликт с правительственными учреждениями и функционерами партий большинства. Но это бывало лишь в тех случаях, когда и они испытывали влияние недемократической партийной власти. Такова правда»¹².

Ошибка Зейпеля заключалась в том, что он полагал, будто в нужный момент еще сможет обуздать движение в целом. Он не замечал, что становящиеся из месяца в месяц все

сильнее батальоны Хеймвера исповедуют учение, почерпнутое из самых разных антидемократических источников, и их конечная цель — заменить Конституцию внепарламентскими силами. Не антимарксизм, а борьба против демократии вообще очень скоро стала главным лозунгом, и многие представители буржуазного лагеря, такие как христианско-социальный рабочий вожак Леопольд Куншак, испытали на себе вражду Хеймвера¹³.

Таким образом, изучая историю австрийского Хеймвера, необходимо учитывать резкий скачок в его идеологическом развитии. Из вооруженных крестьянских отрядов типа вольных корпусов, которыми руководили в духе буржуазных партий мелкие буржуа и отставные офицеры, возникло движение, которое с усердием начало примерять на себя идеологические одежды и, испытывая при этом самые различные влияния, не могло придти к единой программе. Итальянский фашизм в Австрии был крайне непопулярен и в буржуазном лагере из-за вопроса о Южном Тироле, но австрийский Хеймвер очень интересовал Италию и, прежде всего, Муссолини. Новейшие исследования четко доказывают, что с 1928 года ему оказывалась материальная и идейная поддержка. Лайош Керекеш доказал в своей работе, основываясь на документах венгерского МИД'а, что Муссолини уже в 1928 году преследовал далеко идущие политические и военные интересы в бассейне Дуная, и записка венгерского премьер-министра раскрывают намерения Дуче¹⁴; Венгерские правые круги выполняли в этот период роль посредников не только в снабжении оружием, но и деньгами, и вождь тирольского Хеймвера Рихард Штейдле в начале июня 1928 г. так описал своим венгерским партнерам по переговорам тайные политические цели Хеймвера в меморандуме, который также сохранился в венгерских архивах:

«Хеймвер находится в настоящее время в состоянии перехода от чисто военной к государственно-политической организации, которая, объединяя в своих рядах антимарксистски настроенных людей, хочет и должна заставить т.н. буржуазные партии изменить принятую под давлением Красной венской улицы полубольшевистскую конституцию, независимо от сопротивления этому и от событий, которые могут за этим последовать.

150 000 людей, организованных сегодня в рядах Хеймвера, которые готовы рисковать жизнью ради победы своего мировоззрения, не могут и не хотят удовлетвориться ролью

цепной собаки, которая ждет, когда ее спустит с цепи хозяин, в данном случае — буржуазные партии, как 15 июля 1927 г., чтобы, как только она сделает свою работу и поймает вора, снова посадить ее на цепь; они хотят тоже иметь право голоса при государственном строительстве»¹⁵.

Предупредительность Муссолини, который очень хорошо знал политические отношения в Австрии с довоенных времен, когда он был социал-демократом, имела вполне реальную подоплеку, а именно: добиться отказа от Южного Тироля в случае прихода Хеймвера к власти и осуществить как можно быстрее изменение австрийской Конституции, причем в качестве крайнего срока было указано 15 марта 1930 г. Массовые демонстрации и марши Хеймвера, прежде всего, знаменитый митинг в Винер Нойштадте, одной из цитаделей австрийской социал-демократии, 7 октября 1928 г. должны были заставить колеблющееся правительство, особенно федерального канцлера Зейпеля, изменить Конституцию или вообще пойти на государственный переворот. Главной целью Муссолини, которую он упорно преследовал вплоть до 1934 года, было устранение австрийской социал-демократии, которую он ненавидел со всей неумолимостью ренегата и вождей которой лично знал¹⁶. Оставшиеся скрытыми от общественности тайные контакты с Италией, которые Хеймвер, несмотря на периодически возникавшие подозрения, старался отрицать, нашли свое дополнение в быстром принятии чисто фашистской идеологии. В вышедшей в 1935 году истории Хеймвера, например, о зальцбургском хеймвере говорится следующее:

«Не только июльские события 1927 года дали ему возможность свободного развития, но, прежде всего, то обстоятельство, что идея защиты Отечества нашла свою позитивную государственно-политическую целевую установку в приспособленной к австрийским условиям фашистской идее, агитационная эффективность которой оказалась необыкновенно сильной.

Заложенный в ней отказ от многопартийной демократии был и в Зальцбурге воспринят со страстным энтузиазмом. Многие товарищи — в том числе и нынешний начальник штаба Эльсхубер — изучали итальянский язык, чтобы основательно изучить достижения фашистской системы в Италии воочию. Тот факт, что идея защиты Родины несколько лет назад прочно утвердилась именно в Понгау, не в последнюю очередь вызван тем восхищением фашистской систе-

мой, с которым тогдашний гауфюрер Эльсхубер вернулся из поездки по Италии и которое он старался передать своим товарищам из Понгау.

Постепенное превращение бывших союзов самообороны в обновленческое движение с государственно-политическими целями — одно из самых красноречивых доказательств здоровой почвенности, естественного роста движения, которое, без втискивания в прокрустово ложе программ, просто развивается исходя из конкретных потребностей народа. Изменение духовного содержания движения нашло за это время свое выражение и в изменении наименования: бывший "союз самообороны" теперь называется "Союз защиты Родины г. Зальцбург"¹⁷.

В 1926 г. газеты Хеймвера в связи с введением итальянского закона о синдикатах открыто восхваляли «фашистский социализм»:

«Несомненно, что Италия сегодня благодаря своему строгому синдикализму будет избавлена от тяжелых экономических битв и вследствие этого фашизм сможет направить все свои силы на выгодную для себя внутреннюю и внешнюю политику»¹⁸.

Но еще более решающим было то обстоятельство, что для теоретического обоснования идеологии Хеймвера в самой Австрии нашлось учение, которое было популярно в широких кругах интеллигенции, от национал-либералов до католиков, и которое легко могло быть использовано как австрийская разновидность фашизма. Речь идет об универсалистской философии профессора Венского университета Отмара Шпанна. Книга Шпанна «Об истинном государстве» (впервые изданная в Лейпциге в 1921 г.) и его лекции дали Хеймверу часть его идеологии, причем в первую очередь у Шпанна была взята идея сословного государства и крайне дилетантским образом, без правильного понимания Шпанна, в сословной идеологии была усмотрена панацея для будущего и австрийское дополнение к уже заимствованным фашистским идеям. Примечательно, что такой кружок интеллектуалов высшего политического ранга, как Немецкий клуб в Вене, включился в дискуссию о разработке программы Хеймвера. Немецкий клуб был местом собрания радикальных немецких националистов, промышленников и интеллигентов, во главе которых стоял отставной фельдмаршал-лейтенант д-р Карл фон Бардольф, бывший начальник военной канцелярии эрцгерцога Франца Фердинанда. Этот

закрытый клуб, в рамках которого делалась большая политика, попытался определить программу на будущее в цикле докладов, с которыми выступили профессор Шпанн, д-р Рихард Штейдле и представитель немецкого «Стального шлема», причем главной целью ставилось изменение Конституции и строительство нового «народного» государства. Еще до этого не раз провозглашалась программа сословного обновления, в частности, вождем Хеймвера земли Штирия Пфримером, который принадлежал к лагерю немецких националистов и опирался при этом на сословную идеологию Ландбунда, отколовшейся крестьянской партии. Идею сословного государства защищал, прежде всего, сотрудник Шпанна Вальтер Генрих во многих докладах перед Хеймвером¹⁹.

Не следует забывать, что единство Хеймвера именно в момент его взлета в 1928—29 гг. нарушалось соперничеством в его собственных рядах. Хеймверы, возникшие на востоке Австрии, прежде всего, в Нижней Австрии и Бургенланде, были тесно связаны с Христианско-социальной партией и отвергали уклон в сторону фашистской и немецкой национальной идеологии. Важную роль в этом конфликте играл депутат от Христианско-социальной партии и будущий федеральный канцлер инженер Юлиус Рааб, который по желанию Зейпеля вступил в нижнеавстрийский хеймвер, но все больше отходил от радикального течения Штейдле и Пфримера²⁰.

Тогдашний вождь верхнеавстрийского Союза защиты Родины, а позже вождь всего австрийского Хеймвера князь Эрнст Рюдигер Штаремберг лишь около 1930 года сделал ставку на новое фашистское направление. При этом следует особо учитывать, что Штаремберг благодаря своей деятельности в вольном корпусе Оберланд и в национал-социалистических формированиях в Мюнхене в 1923 г. испытывал сильное идейное влияние Гитлера. Мощная поддержка, которую Штаремберг получал от Муссолини, все больше превращала Хеймвер в политическую силу, которая в связи с предстоявшими в 1930 году выборами проявила себя и на парламентском уровне, когда Штаремберг сделал попытку выступить со своей партией, Блоком «Родина». Несмотря на поддержку Муссолини этот блок набрал всего 228 000 голосов против почти полутора миллионов за социал-демократов и смог провести в парламент всего 8 депутатов²¹. Еще до этого, 18 мая 1930 г. на конференции главных вождей Хеймвера в небольшом нижнеавстрийском городке Корнойбург была сделана попытка, торжественно объявив программу,

преодолеть внутренние противоречия. Эта знаменитая «Корнойбургская клятва» сыграла в истории Австрии столь же роковую роль, как и радикальная, часто неправильно понимаемая Линцская программа австрийских социал-демократов. Процесс разработки этой программы тщательно исследовал в своей работе Швейгер. Текст «Корнойбургской клятвы» с его мешаниной немецких национальных, австрийских патриотических и фашистских идей заслуживает того, чтобы его воспроизвести:

«Мы хотим до основания обновить Австрию!

Мы хотим создать Народное государство Союза защиты Родины.

Мы требуем от каждого товарища неустрашимой веры в Отечестве, неустанного участия в совместной работе и страстной любви к Родине.

Мы хотим завоевать власть в государстве и ради блага всего народа обновить государство и экономику.

Мы должны забыть о собственной выгоде, мы должны непременно подчинить все партийные связи и требования целям нашей борьбы, так как мы хотим служить сообществу немецкого народа!

Мы отвергаем западный демократический парламентаризм и многопартийное государство!

Мы хотим заменить его самоуправлением сословий и сильным руководством, которое будет состоять не из представителей партий, а из ведущих деятелей больших сословий и самых способных и испытанных людей нашего народного движения.

Мы боремся против разложения нашего народа марксистской классовой борьбой и либерально-капиталистической экономикой.

Мы хотим, чтобы экономическое самоуправление осуществлялось на профессиональной основе. Мы преодолеем классовую борьбу и установим социальное достоинство и справедливость.

Мы хотим повысить благосостояние нашего народа с помощью крепкой экономики, приносящей всеобщую выгоду.

Государство это воплощение народа в целом, его руководство следит за тем, чтобы сословия подчинялись нуждам народного сообщества.

Каждый товарищ чувствует и осознает себя носителем нового немецкого государственного сознания, он готов отдать свое имущество и кровь, он признает лишь три силы:

веру в Бога, свою собственную твердую волю и слово своего Вождя!»²²

Объявленная программа была воспринята и самим Хеймвером как вполне фашистская. Вождь хеймвера земли Штирия д-р Пфример, первый из авторитетных функционеров, который год спустя попытался устроить путч, чтобы осуществить эту программу, заявил в тот же день в своей речи о Корнойбургской программе:

«При этом была проявлена убежденность, что нас в Австрии мог бы спасти только фашизм (долгое, бурное ликование). Мы должны стремиться взять власть в этом государстве и передать самоуправление в руки вождей нашего движения. Мы сегодня уже достаточно сильны и уже имеем возможность превратить Австрию в народное государство»²³.

Высокопарные заявления и попытка через выборы 1930 года стать мощным парламентским фактором не смогли помешать тому, что Хеймвер все больше утрачивал внутриполитическое влияние. Умная политика федерального канцлера д-ра Йоганнеса Шобера на переговорах об изменении Конституции, а также твердая позиция Шобера, который служил в австрийской полиции, по отношению к любым угрозам путча Хеймвера отодвинули угрозу насильственного захвата власти. Раскол Хеймвера на отдельные группы с разной идеологией становился все более явным. В Штирии, под руководством д-ра Вальтера Пфримера и инженера Раутера, все больше брали верх идеи национал-социализма, и 13 сентября 1931 г. д-р Пфример попытался устроить путч, который провалился благодаря проявленной правительством твердости²⁴. Политические последствия этого путча были разрушительными, так как выяснилось, что большая часть, прежде всего, хеймверы Нижней и Верхней Австрии вообще не хотели принимать в нем участия, и начались преобразования внутри всего движения. Часть Хеймвера, главным образом, сторонники Штаремберга, сблизилась с Христианско-социальной партией, чтобы привлечь на свою сторону австрийские патриотические круги, а хеймвер Штирии обрел союзника и будущего наследника в лице бурно развивавшегося в Австрии национал-социализма. Когда в 1932 г. в Австрии разразился сильный экономический и политический кризис, некогда казавшееся неодолимым народное движение хеймверов раскололось на самые разные направления, и к числу особенно удачных тактических достижений федерального канцлера доктора Дольфуса следует отнести то, что

он привлек часть Хеймвера на свою сторону в борьбе против угрозы национал-социализма.

Поворотным пунктом стали выборы в апреле 1932 г., когда в ландтаги Нижней Австрии, Зальцбурга, Каринтии, Штирии и Вены прошли представители бурно развивавшейся в Австрии национал-социалистической партии. Хотя большие партии, прежде всего, социал-демократы и несколько отставшая от них Христианско-социальная партия пока не боялись увеличения числа голосов, поданных за национал-социалистов, было явно заметно, что мелкие партии, такие как Великогерманская народная партия, Ландбунд и, прежде всего, блок Родина (парламентское представительство Хеймвера) утратили поддержку масс. Это вызвало еще более глубокий кризис в Хеймвере, закончившийся переходом хеймвера Штирии во главе со своим вождем д-ром Вальтером Пфримером в ряды национал-социалистов. Он заключил боевой союз с австрийской НСДАП и вместе с ней был запрещен правительством 19 июня 1933 г. Ряд видных вождей Хеймвера, такие как Каммерхофер и Раутер, получили после 1938 г. высокие чины в СС. Остальные группы Хеймвера, прежде всего, австрийские патриоты под руководством Штаремберга и вождя венского хеймвера майора Эмиля Фея, учитывая перспективу прихода Гитлера к власти в Германии, становились естественными союзниками федерального канцлера доктора Энгельберта Дольфуса, который в Национальном совете имел большинство лишь в один голос благодаря коалиции Христианско-социальной партии, Ландбунда и блока Родина. Эта ситуация, роль языка весов, была очень выгодна Хеймверу и его зарубежным покровителям, прежде всего, Муссолини. Федеральный канцлер Дольфус, который первоначально не имел намерения становиться диктатором Австрии, происходя из демократической среды Нижней Австрии, и короткое время даже казался социал-демократам возможным канцлером большой коалиции, стоял перед ужасным выбором: либо уступить нахрапу национал-социалистов, либо поискать союзников там, где их еще можно было найти²⁵. Как нам известно из венгерских документов, венгерский премьер-министр Гёмбёш в конце 1932 — начале 1933 года снова привлек внимание Муссолини к венгерской проблеме, так как Венгрия боялась создания в Австрии широкого демократического фронта под влиянием могущественной социал-демократии. Тактически неумная оппозиция австрийских социал-демократов лозаннскому займу все

больше склоняла Дольфуса к тому, чтобы поддаться давлению Хеймвера и Муссолини и править с помощью чрезвычайных законов²⁶.

17 октября 1932 г. слывший непримиримым противником социал-демократов вождь венского Хеймвера майор Эмиль Фей стал государственным секретарем по вопросам безопасности в правительстве Дольфуса и очень быстро наряду с полицией и жандармерией превратил Хеймвер в вооруженную чрезвычайную полицию. Муссолини внимательно следил за развитием событий в Австрии. Все более сильный напор национал-социалистов после прихода Гитлера к власти 30 января 1933 г. сделал австрийскую проблему общеевропейской. Первой целью Дольфуса, в воле которого противостоять Гитлеру не приходится сомневаться, было сохранение независимости Австрии. За это выступала, с учетом политической ситуации в мире, Италия Муссолини, готовый к борьбе и хорошо вооруженный сосед Австрии. Афера с оружием в январе 1933 г. уже показала мировой общественности, что Италия, осуществляя обширные поставки оружия в Австрию и Венгрию, готова всеми средствами поддержать переход Австрии к авторитарному фашистскому курсу. Когда 4 марта 1933 г. скорее благодаря случайности, произошел т.н. самороспуск парламента в процессе голосования, вызванного отставкой трех председателей, Дольфус получил возможность править авторитарно, без контрольных органов. С этой роковой даты началось медленное сползание к авторитарному курсу, который с помощью Хеймвера, продолжавшего формировать свою идеологию, привел непосредственно к т.н. сословному государству эры Дольфуса-Шушнига. Чрезвычайный закон, с помощью которого Гитлер в 1933 г. передал неограниченную власть правительству, имел свой аналог в использованном правительством Дольфуса законе 1917 года о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству в области военной экономики, с помощью которого пытались править без назойливого контроля социал-демократов. Кроме шумных австрийских национал-социалистов, партийная организация которых вследствие кровавых эксцессов и покушений была запрещена 19 июня 1933 г. был еще мощный блок австрийской социал-демократии, поддерживаемый более чем 40% избирателей, который, с оружием наготове, ждал дальнейшего развития событий. Ударной силой на стороне Дольфуса, который весной 1933 г. еще не имел ясного плана, был, несом-

ненно, Хеймвер под руководством Штаремберга, который, по указанию Муссолини, полностью предоставил себя в распоряжение федерального канцлера для проведения экспериментального авторитарного курса. Большая демонстрация Хеймвера в Вене 14 мая 1933 г. знаменовала собой союз между христианско-социальным политиком Энгельбертом Дольфусом, который по своему мировоззрению был гораздо ближе к христианскому социальному учению, чем к фашизму, и Хеймвером, поскольку он был готов поддержать австрийский курс против национал-социализма. Из этого союза между христианско-социальной традицией и нескрываемо фашистской идеологией Хеймвера возник не только сильно недооцененный не только социал-демократами блок противодействия национал-социализму: одновременно была создана новая авторитарная организация — «Отечественный Фронт», которая до конца австрийской государственности в марте 1938 г. трансформировалась в тоталитарную государственную партию по образцу фашистской и национал-социалистической²⁷.

20 марта 1933 г. Дольфус решил, после того как он при посредничестве Гёмбёша и Штаремберга в ходе двух поездок в Рим заручился поддержкой Муссолини, создать движение под названием Отечественный Фронт в противовес парламентским партиям, как единый фронт австрийских патриотов. Князь Эрнст Рюдигер Штаремберг утверждает в своих написанных в Лондоне записках, что именно он сразу после прихода Гитлера к власти обратил внимание Дольфуса на то, что террору национал-социалистов он должен противопоставить контртеррор и деятельность австрийских патриотов. Основным содержанием призыва к созданию Отечественного Фронта от 21 мая 1933 г. было объявление войны всем, кто угрожает безопасности Австрии. Он заканчивался словами:

«Все группы, все партийные организации, все союзы и объединения, которые хотят служить Отечеству, должны сомкнуться в большую ударную армию, соединенную лишь одной великой общей целью: Австрия и ее право на жизнь, Австрия и ее обязанность жить ради выполнения своей миссии в Центральной Европе на благо всего немецкого народа.

Австрийцы! Австрийки!

Долг каждого честного австрийца вступить в Отечественный Фронт. Все, союзы или отдельные лица, мужчины или женщины, старые или молодые, все, кто любит Австрию,

вступайте в Отечественный Фронт. Хайль Австрия! Хайль Дольфус, наш Фюрер!»²⁸

Найденная по окончании Второй мировой войны переписка Дольфуса с Муссолини ясно показывает, что Муссолини, пользуясь одновременно Хеймвером как средством давления на еще колеблющегося Дольфуса, все в большей мере ставил своей целью преобразование внутривнутриполитических отношений в Австрии на фашистской основе с подчеркнуто авторитарным характером²⁹. В своей речи 11 сентября 1933 г. Дольфус, отрекшись от демократических, либеральных и марксистских идеологий прошлого, постарался пойти навстречу пожеланиям Муссолини. Постепенно начало сказываться и создание Отечественного Фронта; конкурируя с ним, Хеймвер частично выполнял вместе с ним роль контрольного органа становящегося все более авторитарным режима. Здесь действовал и образец немецкой НСДАП, и итальянский пример, но радикальные намерения Хеймвера тормозились колебаниями Дольфуса, который создавал сословное государство скорее согласно папской энциклике «*Quadragesimo Anno*», чем фашистским образцам³⁰. Давление Хеймвера привело к страшным событиям 12 февраля 1934 г., как мы теперь знаем, под самым сильным нажимом со стороны Муссолини. Встроенный в Отечественный Фронт Хеймвер в течение короткого времени обладал в нем перевесом, и вождь венского хеймвера майор Эмиль Фей, оттеснивший на задний план Штаремберга, казалось, превращается в «идеального диктатора» Австрии, который однажды может стать опасным и для Дольфуса и его христианско-социального окружения.

11 июля 1934 года, незадолго до того, как он был убит, ловкий федеральный канцлер, сместив Фея, попытался использовать для своей выгоды его соперничество со Штарембергом. События 25 июля 1934 г. стали самым тяжелым потрясением для едва возникшего режима. Политическая и военная защита Муссолини спасла Австрию от гибели. Гитлеру после убийства Дольфуса пришлось временно отложить достижение своей политической цели.

Эпоха правления Шушнига характеризуется борьбой различных направлений внутри авторитарного режима. Отечественный Фронт и Шушник сумели в 1935—36 гг. оттеснить на задний план Хеймвер и более мелкие военные союзы и изолировать Штаремберга, который слишком полагался на свое искусство импровизации. Все требования создания авторитарного государства и сильной власти взял на себя Оте-

чественный Фронт, и политическая армия, какой был Хеймвер, не могла быть терпима рядом с новой государственной партией, чтобы в Австрии не случилось того же, что в Германии 30 июня 1934 г., когда партия одержала победу над политической армией СА во главе с Рёмом. Концом воинственного направления австрийского фашизма, воплощением которого был Хеймвер, курьезным образом стала последняя попытка Штаремберга, невзирая на обстоятельства, обеспечить себе поддержку Муссолини. По окончании войны в Эфиопии 13 февраля 1936 г. он направил Муссолини следующую телеграмму по случаю взятия Аддис-Абебы:

«Принимая в силу фашистской солидарности самое глубокое участие в судьбе Италии я от всего сердца поздравляю Ваше превосходительство от имени тех, кто сражается за фашистскую идею, и от своего собственного имени со славной, великолепной победой итальянского фашистского оружия над варварством, с победой фашистского духа над демократическим бесчестьем и лицемерием и с победой фашистской готовности к жертвам и дисциплинированной решимости над демагогической ложью. Да здравствует целеустремленный вождь победоносной фашистской Италии, да здравствует победа фашистских идей во всем мире!»³¹

Федеральный канцлер д-р Шушниг, который по внешнеполитическим причинам не мог допустить такого унижения Лиги наций, в финансовой зависимости от которой находилась Австрия, и быстро сделал оргвыводы. Он убрал Штаремберга из правительства и Отечественного Фронта и тем самым, в отличие от Дольфуса, стал единоличным обладателем политической власти. Хеймвер, некогда представлявший фашизм в Австрии, был без особого шума преобразован во «фронтovou милицию», подчиненную армии. Только непосредственно перед роковыми событиями 12 февраля 1938 г. — переговорами Шушнига с Гитлером в Берхтесгадене — бывшие «защитники Родины» проявили политическую активность, но они больше не могли оказать существенное влияние на трагический ход событий³².

Примечания

¹ Ulrich Eichstadt. Von Dollfuss zu Hitler. Wiesbaden, 1955. S.17.

² Ernst Nolte. Der Faschismus in seiner Epoche. Munchen, 1963. S.41.

³ Адам Вандрушка. Политическая структура Австрии. В книге «Geschichte der Republik Osterreich». Wien, 1954.

⁴ Речь идет о работах моих учеников: Франц Швейгер. История нижнеавстрийского хеймвера 1928—30 гг. с особым учетом т.н. Корнойбургской клятвы (18 мая 1930), фил. диссертация. Вена, 1965; Ирггард Бернталер. История и организация Отечественного Фронта. К понимаю тоталитарных организаций, фил. диссертация. Вена, 1964; Ингеборг Мессерер. Немецко-австрийское объединение фронтовиков. К истории военных союзов в истории Австрии, фил. дисс. Вена, 1963.

⁵ Лайош Керекеш. Италия, Венгрия и австрийский Хеймвер в 1928-1932 гг. // *Osterreich in Geschichte und Literature*. 1965. №9.

⁶ В докладе английского военного атташе полковника Каннингема от 8 июля 1919 г., напечатанном в «Документах Британской внешней политики 1919-39 гг. первая серия, VI, том №22, с.37, указывается на особое политическое значение крестьянских ополчений и хеймверов на случай сдвига влево в Австрии (угрозы коммунизма).

Согласно докладу от 30.11.1918 (Австрийский военный архив, перемирие и интервал, 1919—21 гг. В.М.f.L.V, секция 2), на момент составления доклада 13 ноября 1918 г. народным и гражданским ополчениям, предприятиям, железнодорожным службам, военным учреждениям и прочим было роздано следующее оружие: пулеметов 1156, самозарядных винтовок 80 345, карабинов 13 627, кастетов 3967, холодного оружия 888, ружейных патронов 8 702 640, пулеметных патронов 72 891. Если вспомнить, что Сен-Жерменский договор определил общую численность австрийской армии в 30 000 человек плюс лишь частично вооруженные полиция и жандармерия в количестве 10 000 человек, можно легко рассчитать, сколько оружия осталось у гражданского населения.

⁷ О ранней истории Хеймвера см. официальную работу: *Heimatschutz in Osterreich*. 2-е изд. Вена, 1935, и Hans Arthofer. 1918—1936, vom Sebbtschutz zur Frontmiliz. Wien, 1936.

⁸ Oberst Hiltl. Ein Gedenkbuch. Wien, 1931. S.79.

⁹ «Ди нойе Фронт» (газета Объединения фронтовиков), 15-го года издания, выпуск 1 от 1 июня 1933 г. буквально воспроизвела по памяти основные принципы 1926 года.

¹⁰ Мессерер. С. 119 (по записям одного участника конференции 1926 г.).

¹¹ Мессерер. С. 101.

¹² Артхофер. С.39 (речь Игнаца Зейпель в Тюбингене 26 июля 1929 г.).

¹³ Ср. биографию Игнаца Зейпеля, написанную Иозефом А. Цёблем в книге Hugo Hantsch. Gestalter der Geschidce Osterreich. Innsbruck. Wien, 1962. S.598.

¹⁴ Цитата из названной статьи Лайоша Керекеша, с.3 и следующие: «Я считаю необходимым, чтобы мы сначала обсудили ситуацию в целом и договорились о совместных целях, политических средствах и путях, которые мы хотим избрать. В этом плане можно было бы конкретизировать совместную деятельность Венгрии и Италии в двух направлениях. Первая цель: в Австрии правое пра-

вительство с помощью Хеймвера должно отобрать власть у нынешнего правительства, внешнеполитические цели которого не совпадают с нашими и которое проводит по отношению к Чехословакии и вообще к странам Малой Антанты дружественную политику, неприятную для венгерского правительства. Зейпель проводит, по моему мнению, политику, более или менее соответствующую идеям Бенеша. Будучи противником аншлюса, он хотел бы создать в бассейне Дуная если не конфедерацию, то хотя бы экономический блок. Эта политика делает его другом чехов. Сильная и независимая Венгрия, которую в этот блок можно было бы затянуть лишь силой, считает его для себя невыгодным. Правый режим, который пришел бы к власти с помощью Италии и Венгрии и опирался бы на эти две страны, был бы выгоден для Италии, потому что он меньше затрагивал бы тирольский вопрос и даже отсрочил бы аншлюс, потому что в области внутренней политики он представлял бы иное направление, нежели нынешнее германское правительство или то, которое после выборов могло бы сдвинуться еще дальше влево... Для Венгрии выгода была бы в транспортных связях с Италией и ввозе оружия.

По моему мнению, сегодня образовать правое правительство легче, потому что Хеймвер развил свои организации, установил связи с начальником венской полиции и армейским руководством, так что в том случае, если он приступит к действиям, он может рассчитывать на благоволение этих организаций. По моей информации, нужны 300 000 шиллингов, чтобы полностью развить его организации и кое-какая поддержка оружием. Я нахожусь с ними в связи, и получил известие, что они при соответствующей поддержке готовы в определенном случае приступить к действию. Оно предложило мне стать посредником. Я считаю, Италия могла бы дать нужную поддержку и впредь рассчитывать на мое посредничество.

В пятницу, 6 апреля, я снова встретился с Муссолини и получил точный ответ: "Я готов предоставить австрийским правым организациям через Вас 1 млн лир сразу или по частям, и передать им через границу нужное оружие, если они обязуются в обозримом будущем взять власть; в этом случае я готов вести с таким правительством переговоры об улучшении положения немецкого меньшинства в Южном Тироле»».

¹⁵ Керекеш. Указ. соч. С.4 и далее.

¹⁶ О политической деятельности Муссолини в довоенной Австрии см. очень поучительную статью проф. Ганса Крамера (Инсбрук): Речь Муссолини на собраниях в немецком Тироле в 1909 г. // *Historisches Jahrbuch*. 1955. №74. S.745.

¹⁷ *Heimatschutz in Osterreich*. S.181.

¹⁸ Альпенлендише Хайматвер. Май 1926. №5.

¹⁹ См. диссертацию Швейгера, с.225, и работу автора: К предыстории Корнойбургской клятвы // *Osterreich in Geschichte und Literature*. 1963. №7. С. 146.

²⁰ См. работу автора: Юлиус Пааб // *Neue Osterreichische Biographic* XVI т. Вена, 1965. С.9.

²¹ Керекеш, с.9 и не напечатанные записки Штаремберга на немецком языке, с.33 (гектографический экземпляр в Австрийском институте современной истории, Вена).

²² Перепечатано в Heimatschutz in Osterreich. С.43.

²³ Швейгер. С.210. Цитата из газеты Хеймвера «Дер Пантер», №4, 24 мая 1930.

²⁴ Иозеф Гофман. Путч Пфримера. Публикация Австрийского института современной истории. Т.4. 1965.

²⁵ Gordon Shepherd. Engelbert Dollfuss. Graz, Wien, Koln, 1961.

²⁶ О росте итало-венгерского влияния в Австрии см.: Керекеш Л. Документы венгерского МИД о предыстории аннексии Австрии // Acta Historica. Т.VII. №3—4. Будапешт, 1960; A Berlin-Roma Tengely Kialakulasa Es Ausztria Annexioja. 1936—38. Osszeallitotta is sajto ala rendezte Kerekes Lajos. Akademiai Kiado. Budapest, 1962.

²⁷ См. диссертацию Ирмгард Бернталер (прим.4).

²⁸ Артхофер. С.41.

²⁹ Тайная переписка Муссолини с Дольфусом, Вена, 1949. Особенно важно письмо Муссолини от 9 сентября 1933 г., в котором он рекомендует «фашизацию» Австрии как средство защиты от национал-социализма.

³⁰ Александр Новотны. Профессионально-сословная идея в федеральной Конституции 1934 // Osterreich in Geschichte und Literature. 1961. №5. С.209.

³¹ Charles F. Gulik. Osterreich von Habsburg zu Hitler. Wien, 1948. S.442.

³² См. работу «Князь Эрнст Рюдигер Штаремберг и политическое развитие в Австрии весной 1938» в юбилейном издании к 70-летию Гуто Ханча «Osterreich und Europa». Wien, 1965, S.547.

Хью Сетон-Уотсон

ФАШИЗМ - СПРАВА И СЛЕВА

Спустя двадцать лет после уничтожения Третьего Рейха суть фашизма все еще трудно определить. Сегодня есть минимум два действующих правительства — в Испании и Португалии — которые и вправду можно назвать фашистскими. Первое из них было в большой мере обязано своей победой поддержке Муссолини и Гитлера, и обе страны пережили период, когда их официальные представители гордо отождествляли себя с фашизмом. Если не считать этого, коммунисты широко используют термин «фашист» как позорящий ярлык: он предназначен не столько для обозначения чего-то явно фашистского, сколько лишь для дискредитации отдельных лиц или групп, которые по каким-то причинам мешают планам коммунистов. Кроме того, путаники «левых» взглядов тоже часто используют это слово как ругательство, хотя многие из них весьма молоды, лично от фашизма не страдали и последствия фашизма не представляют для них серьезной угрозы.

Полемическое и неточное употребление этого слова неизбежно вносит путаницу и в ряды ученых. Одни утверждают, что правильно использовать его только применительно к одной единственной партии и одному единственному режиму, который играл хотя и ограниченную, но важную роль в истории одной единственной страны: Италии. Однако остается сложный политический и социальный феномен первой половины XX века, изучение которого — задача историков. Кроме того, остаются «семейные» связи между рядом движений, игравших определенную роль в 30-х — 40-х годах. Может быть, удачней всего назвать их нейтральным словом «немарксистский тоталитаризм». Но мне все же кажется более целесообразным использовать слово «фашизм» несмотря на все связанные с этим субъективные и эмоциональные элементы. В настоящее время мы не можем достичь научной точности, и сомнительно, что ее когда-нибудь можно

будет достичь. Но чтобы осветить события исторического периода, несомненными признаками которого были непоследовательность, иррациональность и разгул страстей, можно пойти более скромным путем: использовать сравнительный метод.

Поэтому мы начнем не с определения, а с попытки ограничить тему дискуссии. По моему мнению, все фашистские движения, хотя и в разной мере, сочетали в себе реакционную идеологию с современными методами организации масс. Пока их вожди находились в оппозиции, они восхваляли традиционные ценности, но обращались за поддержкой к массам и использовали каждую форму недовольства масс. Их первоначальные представления часто были весьма сходными с представлениями старомодных консерваторов, но их методы борьбы и все их представления о политической организации были взяты не из идеализированного прошлого, а из современной эпохи. Их взгляды могли быть элитарными, мечтательными, но как политическая сила они были скорее демократами, чем олигархами. Изучение фашизма требует понимания как европейского консерватизма XIX века, так и социальных конфликтов в передовых промышленных обществах, с одной стороны, и в развивающихся странах, с другой, которые сосуществовали в Европе в период между двумя мировыми войнами.

Есть обширная литература о европейском консерватизме, которая описывает его идеи, его представителей и политические действия. Но одним сравнительным исследованием все возможности еще не исчерпываются. Недавно вышедшая публикация по этому вопросу — большая заслуга симпозиума на тему «Европейские правые». Ее издатели — профессора Ганс Роггер и Юджин Вебер из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе¹.

Хотя приводимые ниже аргументы не резюмируют ее содержание и я согласен отнюдь не со всеми толкованиями участников этого симпозиума, я не могу не уделить внимания этой работе и рекомендую ее всем читателям данной книги.

Слово «реакционер», может быть, еще больше, чем слово «фашист», политическая пропаганда превратила в ругательство, но его четкого и узаконенного определения нет. «Реакционер» это человек, который хотел бы вернуть прошлое, и реакционные идеологии основываются на картинах этого прошлого, обычно более мифических, чем реальных, и стремятся развернуть политическую деятельность в настоящем. В отличие от них

консерваторы хотят не возродить прошлое, а сохранить из традиций то, что, по их мнению, имеет ценность и в нынешних условиях. На практике различие между реакционерами и консерваторами стирается. Сами реакционеры обычно называют себя консерваторами. В большинстве европейских стран на правом фланге есть реакционное крыло, которое лишь в отдельных случаях образует собственную партию, а чаще действует внутри большой консервативной группы.

Те идеи европейских правых, которые имели значение для интеллектуальной ориентации вождей фашизма, имели, в основном, фантастический и реакционный характер. Мы рассмотрим их здесь в четырех главных аспектах: с точки зрения их отношения к религии, государству, структуре общества и нации.

Отождествление Церкви с реакционными идеями и тенденцию реакционных авторов, подчеркивать свое хорошее отношение к религии, а политических противников объявлять врагами Бога и даже видеть в большинстве современных идей и учреждений дело Дьявола, можно, до определенной степени, считать почти повсеместными, но наиболее отчетливо они проявлялись в католических и православных странах. В Англии государственная церковь была одновременно уважаемой и консервативной, но не реакционной. В Германии лютеранская церковь, как и монархия Гогенцоллернов, была гораздо более реакционной, но как политический фактор слишком шаткой, чтобы стать сильным бастионом реакции. Наоборот, в Испании, Франции, Австрии и Италии церковь была мощной реакционной силой, — разумеется, с вариациями. Во Франции сильное меньшинство всегда выступало за католическую демократию, и задача католических реакционеров усложнялось тем, что им приходилось решать, какую из враждующих светских реакционных групп поддерживать. Хотя с подъемом движения Карла Люэгера австрийский католицизм оставил путь олигархии и занялся демагогией, это не означало, что он изменил свои реакционные политические устремления. Итальянский католицизм после 1870 года был в некотором смысле самым реакционным, поскольку он враждовал с государством как таковым. В единственном православном государстве, которое уже несколько веков было независимым, в Российской Империи, политическая позиция Церкви была преимущественно реакционной. Самым выдающимся выразителем ее идей был, конечно, Победоносцев. Но Церковь играла все менее значительную роль

по мере того, как светские реакционеры не только теряли свою религиозную веру, но и уделяли все меньше внимания своему влиянию на народ. Кроме того, были инакомыслящие верующие, которые отвергали существующую светскую социально-политическую систему. Их число было невелико, но к ним принадлежали люди такого масштаба как Владимир Соловьев, Бердяев и Струве. В новых балканских государствах православная Церковь не была реакционной. Причина заключалась в том, что Церковь чувствовала, чем она обязана освободительной борьбе против турок, неразрывно связанной с демократическими идеями. В наименьшей мере это относится к Румынии, освобождение которой было больше результатом войны и дипломатии великих держав, чем собственных усилий народа, и которая имела более жесткую и сильней зависящую от олигархии общественную структуру, чем Сербия, Болгария или Греция.

Реакционеры преследовали цель возродить не только старую политическую систему, но и религиозную веру. С этой точки зрения можно утверждать, что в Англии никогда не было реакционеров. Никто не хотел вернуться во времена парламента Симона де Монфора, восстановить деспотизм Стюартов или хотя бы отказаться от реформаторских законов 1832 и 1867 годов. Правда, Мильнер, Честертон и Беллок испытывали антипатию к новым политическим партиям. Во Франции же, наоборот, долгое время сохранялось — хотя лишь у меньшинства — страстное желание сделать так, словно 1789 года не было, и вернуть королей, которые сделали Францию великой. Карлисты в Испании и сторонники Бурбонов на итальянском Юге оставили в обеих странах свои следы на политической сцене. В Пруссии и Австрии задача состояла скорее в том, чтобы сохранить привилегии и воспрепятствовать реформам, чем вернуть доброе старое время Священной Римской империи. В России мы сталкиваемся с тем парадоксом, что в XIX веке те, кто придерживался чистейших реакционных взглядов на государство, были реформаторами, а те, кто защищал самодержавие — в какой-то мере новаторами. Ранние славянофилы хотели вернуться в мифическое прошлое, когда народ, представленный Земским Собором, якобы жил, как они утверждали, в счастливом сообществе с царями. Созданная Петром Великим и его наследниками по немецкому образцу бюрократия должна быть ликвидирована, крестьяне освобождены от крепостной зависимости, а интеллигенция — от цензуры и политиче-

ского надзора. В противоположность этому царские чиновники, которые решительно противились любым свободам, реалистически осознавали необходимость интеграции России в современный промышленный мир и введения всеобщей воинской повинности. Только в последние десятилетия Империи, когда чиновничье сопротивление охладило энтузиазм славянофилов по поводу реформ, а их духовные наследники были унесены волной русского национализма, постепенно стало проявляться новое реакционное сочетание демагогии и самодержавия.

Реакционные отношения к социальной структуре опирались на два основных элемента: на отвержение промышленной экономики и на веру в общий интерес, который объединяет старый господствующий класс с массами против капиталистов. Миф о веке буколической гармонии в прошлом был обычно важной составной частью подобных идеологий. Их проповедники часто были выходцами из высших слоев, но еще чаще — из сословий. Это были писатели, академики, солдаты или правительственные чиновники, которые часто, хотя и не всегда, принадлежали к низшему или поместному дворянству. Следует подчеркнуть силу традиционных антикапиталистических и антилиберальных ценностей, которые были еще долго живы в системах воспитания и интеллектуальных элитах, когда господствующие позиции в экономике давно уже занял промышленный капитализм и даже когда возник и стал силой социализм, который бросал вызов либеральным и капиталистическим ценностям с точки зрения основания социальной пирамиды и постиндустриального общества. Клише сменяющих друг друга феодальной, капиталистической и социалистической эпох слишком сильно искажает историческую действительность. Эти три эпохи взаимно пересекались. Сочетание двух видов антикапитализма, сверху и снизу, смотрящих то в прошлое, то в будущее — важная тенденция современной европейской истории, которую историки постоянно недооценивают, а условности западной демократии все больше затушевывают, имеет особое значение при изучении вопроса о происхождении фашизма. Даже в Англии, классической родине капиталистического этоса и буржуазных ценностей, это сочетание имело важное значение. В том синтезе капиталистических и традиционных взглядов, который воспитывался в викторианских закрытых средних школах для мальчиков, задачей которых было в конечном счете интегрировать детей нуворишей в высший слой, отнюдь не ясно,

какой элемент перевешивал. Идею общего интереса старой элиты и всего народа в общей борьбе против алчного материализма мы встречаем в «Молодой Англии», у Дизраэли, у Мильнера и Г.К. Честертона, если называть лишь самые известные имена. Сходные явления наблюдались и в США, как в Новой Англии, так и на «Старом Юге». Во Франции и Пруссии антикапитализм обоих видов был еще сильнее, но ожесточенная ненависть между классами препятствовала любому сотрудничеству. Воспоминания о 1793, 1848 и 1871 годах во Франции и презрение прусских юнкеров к «плебейам» были почти непреодолимыми препятствиями.

Кроме того, следует констатировать, что капитализм и промышленность повсюду в Западной Европе одерживали победу над докапиталистическими господствующими классами. Капиталисты богатели и завоевывали в результате общественность и политическую власть. Они составляли теперь значительную часть господствующего класса. Но, в основном, они были консерваторами, а не реакционерами. Они хотели только сохранить и укрепить свою собственную власть, а не вернуться в прошлое. Социальная программа реакционеров выглядела иначе. Они хотели ограничить индустриализацию или даже начать обратный процесс и строить на солидном фундаменте крестьянства, которое якобы наследует лучшие моральные и духовные ценности. Но здесь следует отменить одно важное различие. В преимущественно аграрных странах Южной и Восточной Европы, где большинство населения жило в деревнях, крестьянские проблемы были одновременно проблемами масс и недовольство крестьян являлось возможной исходной точкой социальных революций. В промышленных странах, наоборот, восхваление интеллигенцией простых добродетелей крестьян было не чем иным, как социальной утопией. Для Англии это не имело значения, так как в ней этих проблем не существовало; то же самое можно сказать о трех западных романских странах, культурные традиции которых были преимущественно городскими. Для Германии же, наоборот, это был фактор большой важности.

Непременным элементом реакционных идеологий с конца XIX века был национализм. Идеология национализма является, в основном, плодом эпохи Просвещения и 1789 года. Ставить интересы нации превыше всего означает отвергать традиционные понятия легитимности и сужать притязания Бога и короля. Во времена Меттерниха реакционеры были

противниками любого национализма. Но в десятилетия, которые последовали за объединением Италии и Германии, они стали предъявлять собственные притязания на национальную идею. Не было больше смысла утверждать, что общество, в котором элита и народ объединяются против охочих до денег материалистов, не что иное, как общество королевских подданных: правильным словом теперь было «нация». Убедительней всего обосновывал этот тезис Шарль Моррас, интегральный национализм которого стал образцом для интеллектуалов-националистов во многих странах.

Имеет смысл подробней осветить некоторые аспекты национализма, зависевшие от ситуаций, в которых находились нации. Парадоксально, что именно во Франции, национальное единство которой возникло несколько столетий назад и национальной независимости которой ничто не угрожало, было сформировано искусственное понятие национализма. Объяснение можно искать в чувстве унижения после поражения в 1870 году. В другой стране традиционного национального единства, в Англии, никогда не существовало повода для возникновения национального движения или национальной идеологии — их там никогда не было. В Италии и Германии после 1870 года смысл национального единства все еще оставался спорным, и понятно, что интеллектуалы обеих стран чувствовали себя обязанными сделать на нем упор. Но есть большая разница между латинским словом «нация» с римской Церковью, римским правом и современным просвещением на заднем плане и немецким словом «фольк» со скрытым в нем намеком на темные эмоции, родовые обязательства и немецкие леса. Но важно отметить сходство статуса обеих наций после 1870 года; оно еще более усилилось после поражения немцев и разочарования итальянцев в 1918 году. Далее к востоку европейский национализм был более простой и более прямолинейной революционной силой. Там были нации, которые требовали независимости (поляки, чехи, словаки, хорваты, прибалты, финны и украинцы) или требовали сделать более совершенной свою неполноценную независимость путем объединения с оторванными от них братьями (греки, сербы, румыны и болгары). С другой стороны, там были нации, целью которых было воспрепятствовать сепаратизму своих многонациональных подданных, навязав им свою национальность. Это относится к венграм и русским, а также, в меньшей мере, — к пруссакам и австрийским немцам.

Особый случай это нации, которые достигли, по крайней мере, большей частью независимого статуса, однако постоянно чувствуют, что ими управляют чужаки. Особенно это касается аграрных государств Восточной Европы, где растущая промышленность принадлежала большей частью либо иностранцам, либо членам экономически преуспевающих чужеродных меньшинств. В Румынии таким меньшинством были греки, в Венгрии — немцы, но гораздо большее значение имели евреи. Нельзя просто выводить интенсивность антисемитизма из экономического могущества еврейского меньшинства. Моррас называл евреев и протестантов во Франции чужеродными телами, а дело Дрейфуса было сильнейшим всплеском антисемитизма в XIX веке, однако нельзя всерьез утверждать, будто евреи господствовали в культурной или экономической жизни Франции. Зато о Венгрии вполне можно сказать, что до 1914 года венгерским евреям жаловаться было не на что. С 1867 года Венгрией правило зажиточное поместное дворянство, руководители которого были воспитаны в либеральных традициях. Со временем этот либерализм убывал, но не было повода лишить евреев тех свобод, которые им были первоначально предоставлены. Поместное дворянство хотело индустриализации Венгрии, но не хотело само заниматься этим делом. Выполнение этой задачи взяли на себя евреи. С другой стороны, евреи стали ярыми венгерскими патриотами. Враждебное отношение к евреям исходило от крестьян и от небольшого, но постоянно растущего числа их детей — особенно не венгерской национальности — которые стали участвовать в общественной жизни или овладели интеллектуальными профессиями. В Вене, где еврейское влияние в общественной жизни и в этих профессиях было хотя и большим, но меньшим, чем в Будапеште, антисемитизм проявлялся гораздо сильнее. Причина заключалась в том, что немецкий средний класс в Вене — как деловые люди, так и интеллектуальные круги, был не только многочисленным, но и политически влиятельным и его интересы непосредственно сталкивались с интересами еврейского среднего класса. В Германии процент еврейского населения, а также его экономическое и культурное влияние были гораздо меньшими, чем в Вене, но этого оказалось достаточно, чтобы вызвать враждебность немецких средних и высших слоев. Для фанатичных реакционных интеллектуалов евреи были очевидным предметом антипатии, символом господствующей в городах материалистической коррупции, угрожающей добродетелям не-

мецких крестьян, унаследованным от идиллического Средневековья. Но больше всего антисемитизм был распространен в том поясе плотных еврейских поселений, который тянулся от Литвы через Восточную Польшу, Западную Украину, Словакию, Буковину и Молдову, от Балтийского до Черного морей. Большая часть этого пояса до 1917 года принадлежала Российской империи, отдельные части — Венгрии и Румынии. Венгры и русские были не очень восприимчивы к антисемитизму, тогда как среди поляков, украинцев, словаков и румын он был очень силен².

Искусственная общественная структура еврейских общин, исключенных из областей сельского хозяйства и государственной службы, и ограничивавшихся торговлей, своими интеллектуальными профессиями, занятием ремеслом и работой на фабриках, еще больше увеличивала пропасть между евреями и их соседями. Для крестьян еврей это был лавочник, отнимавший у них последние копейки, для чиновников — лишенный корней полуобразованный фанатик, разносчик новых идей, а для отечественных мелких капиталистов — удачливый конкурент, который мешал им утвердиться в общественной жизни. Для правительства же это был самый активный элемент недовольного городского пролетариата. Поэтому в Восточной Европе было возможным объединение деспотических правительств, реакционных идеологов, недовольных крестьян, а в определенной мере и промышленных рабочих на почве ненависти к евреям и возложение на чужеродных эксплуататоров и ниспровергателей вины за все, чего они боятся и от чего страдают.

Реакционные идеологии и политические программы, различные смеси религиозной нетерпимости, исторических мифов, социальных утопий, национализма и антисемитизма были в 1914 году представлены в большинстве европейских стран. Однако фашизм это нечто большее, чем только реакционная идеология; это движение, которое опирается на вескую поддержку масс. Все значительные фашистские движения начали с оппозиции господствующему режиму; всем им приходилось бороться за власть, а некоторые подвергались жестокому преследованию. Все они рассматривали свои победы (иногда весьма кратковременные) как триумф революционной идеи. Ни одно из этих движений не думало о возрождении прошлого. Хотя их идеологии были, в основном, реакционными, их нельзя назвать «контрреволюционными» в строгом смысле слова, потому что они не

стремились снова установить то, что было сметено предыдущей революцией. Это почти всегда были революционные движения. Тот факт, что их цель и их политика были в моих глазах отвратительными, хотя и дает мне право называть их злокачественными революциями, но не позволяет отрицать их революционный характер.

30-е и 40-е годы были временем фашистских успехов, поэтому фашистскую политику и фашистские учреждения имитировали другие. Примеру Германии следовала Венгрия при Гёмбёше, Югославия при Стоядиновиче и Румыния при короле Кароле. Но в этих случаях фашистской революции не было. Существующие режимы менялись лишь поверхностно, и даже антиеврейские меры были сравнительно мягкими. Но настоящие фашисты не позволили себя обмануть. «Скрещенные стрелы», усташы и Железная Гвардия ждали своего часа, и когда они наконец пришли к власти, они показали Своими кровавыми оргиями, что они люди совсем иного типа.

Есть несколько крайних случаев. Режим Дольфуса в Австрии был копией итальянского образца, однако он был установлен сверху, без насильственного захвата власти и, кроме того, ему так и не удалось добиться искренней поддержки масс. Несомненно, режим Дольфуса был реакционным, но я затрудняюсь назвать его фашистским. Неясен и случай Испании. Во время гражданской войны революционные фашисты были на стороне Франко, но после победы они утратили большую часть своего влияния. По крайней мере, в 60-х годах Испания Франко произвела впечатление не столько фашистской, сколько старомодной военной диктатуры, поддерживаемой чиновничеством и капиталистами. Что же касается Италии, то можно высказать такой парадокс, что она была «менее фашистской», чем какой-либо другой режим. Четко установлено, что он никогда не достиг того тоталитарного совершенства, которое Муссолини объявил своей целью.

О гитлеровском режиме в Германии здесь можно сказать лишь одно: его нельзя описать с помощью одной простой формулы. Хотя Гитлер получал деньги от немецких капиталистов, как только он пришел к власти, он подчинил их своей воле, он позволил им получать хорошие прибыли. Среди его сторонников были не только «мелкие буржуа» (кого бы ни понимать под этим словом) и крестьяне, но и сотни тысяч рабочих (даже если при этом речь шла о меньшинстве по сравнению с рабочим классом в целом). У Гитлера не было плана социальной революции, но установленный им тоталитарный

режим не только истребил сотни тысяч немецких евреев (и миллионы евреев вне Германии), но и преобразовал жизнь каждого человека в отдельности и каждого слоя немецкого народа. Отказывать этому колоссальному процессу в названии «революционного» было бы принципиально неверным.

Фашизм по-разному повлиял на структуру общества в Восточной Европе. В Румынии, Венгрии и Хорватии он стал могущественной силой, в Польше и Словакии — немаловажным фактором. В 30-х годах господствующим классом в этих странах было чиновничество. В Венгрии и Польше очень влиятельными были также крупные помещики. Во всех пяти названных странах все большую власть обретали капиталисты и к ним принадлежала большая часть евреев. Массу населения составляли очень бедные крестьяне. В некоторых промышленных центрах существовал очень тонкий слой квалифицированных рабочих, тогда как из перенаселенных сельских местностей устремлялся в город все более широкий поток неквалифицированных рабочих. В общем, ситуация напоминала ту, которая была в России на пороге XX века. Как и в России, политическими движениями, бросившими вызов режиму, руководили интеллигенты — студенты, профессора, адвокаты и журналисты, в меньшей степени — учителя. Неверно говорить о «среднем сословии»: было три четко отличавшихся друг от друга средних сословия, каждое из которых представляло собой группу в себе: чиновничество, коммерсанты и образованный слой. Первая из этих трех групп была сердцевиной режима, вторая либо поддерживала режим, либо была политически нейтральной, третья составляла, в основном, оппозицию. Это был замкнутый класс, который играл свою особую политическую роль. Он не принадлежал к буржуазии, так как в этих странах не было культурно однородной буржуазии в западноевропейском смысле слова. Образованный класс поставлял вождей для всех радикальных и революционных движений, а массовая поддержка исходила от крестьян и неквалифицированных рабочих. Квалифицированные рабочие, например, печатники, и часть образованного слоя в Венгрии оставались верны социал-демократии, тогда как в Польше почти весь слой промышленных рабочих был на стороне социалистов³. В Венгрии и в балканских странах половину неквалифицированных рабочих составляли коммунисты, а другую половину — фашисты.

В Венгрии и Румынии фашизм был мощным массовым движением. Можно спорить, оставалось ли большинство

крестьян в этих странах лояльным по отношению к демократическим партиям, но четко установлено, что очень большое меньшинство венгерских крестьян, которые требовали раздела крупных поместий, и румынских крестьян, которые хотели избавиться от ужасающей нищеты — следствия пережитых тяжелых лет, тянулось к фашизму. Оба фашистских движения нашли сторонников и среди рабочих. Рудники в области Печ были цитаделью «Скрещенных стрел», а заводы Малакса в Бухаресте — цитаделью Железной Гвардии. Хорватские усташы и словацкая Народная партия довольно сильно отличались друг от друга. Движущей силой последней был чистый национализм, а нее входили представители почти всех слоев населения, но почти совершенно отсутствовали рабочие. Усташы специализировались на убийствах из-за угла и, когда они пришла к власти, они устроили такую кровавую баню, которую можно сравнить только с преступлениями Гитлера. Хотя область их деятельности была небольшой, число жертв в процентах от общей численности населения уступает, вероятно, только числу жертв в оккупированной Польше и на Украине. В Польше убежденные фашисты (в отличие от консервативных политиков, которые только бессмысленно повторяли фашистские лозунги) были многочисленны, прежде всего, среди образованной молодежи, но фашизму не удалось обеспечить себе поддержку крестьян и рабочих. Руководящие кадры румынского фашизма состояли не только из боевиков, но также из порядочных и интеллигентных молодых людей. Фашистское народное движение в Румынии напоминает «хождение в народ» в 70-х годах XIX века в России. Этот феномен я смог наблюдать в конце 30-х годов частично также в Румынии и Югославии. Молодые сербские «народники» были марксистами, некоторые из них — правоверными членами Компартии, а молодые румынские «народники», наоборот, были фашистами и некоторые из них — правоверными членами Железной Гвардии. По социальному типу и эмоциональному поведению они были очень похожи, а их разную ориентацию объяснить нетрудно. Румыны боялись России, а капиталистический враг в их среде часто был евреем. Поскольку Третий Рейх воевал как против их внутренне-го, так и внешнего врага, Гитлер был для них защитником, и они проглотили его идеологию. Сербы же, наоборот, боялись Германии и любили Россию, и еврейский вопрос в их стране не стоял. Марксизм предлагал решение их трудностей и, кроме того, за ним стояла мощь большого славянского брата. Оба

направления пошли разными путями. Все таланты и весь идеализм одной группы израсходовались в низких преступлениях и репрессиях и закончились поражением страны. Такие же способности молодых сербов принесли им славу и победу в освободительной войне, и выжившие строят теперь новую Югославию. Легко глумиться над погибшими румынами или восхвалять югославов за их лучшую способность к суждению, но и те, и другие были в значительной мере жертвами среды. От историков требуется более глубокое понимание, я же лично с одинаковой симпатией вспоминаю моих друзей в обеих странах.

Характерным признаком фашизма, на который часто не обращают должного внимания и который, может быть, никогда не удастся целиком объяснить, является наличие харизматического вождя. Муссолини, Дегрель и Хосе Антонио Примо де Ривера были, несомненно, людьми с необыкновенными способностями. Салаш и Кодряну были сложными личностями, беспощадность сочеталась у них с причудливыми проявлениями благородства характера. Гитлер же до сих пор не поддается анализу. Хотя верно, что он происходил из «мелкой буржуазии», это еще не объяснение. Более важно, что он принадлежал к населению большого города, лишенному моральных и культурных корней и основ. Не пройдя строгой школы систематического воспитания или принадлежности к организованному классу, какой-либо профессии или церкви, гонимый честолюбием и одержимый смутными чувствами ненависти, он шел к своим целям с неумолимой последовательностью и с неустанным напряжением. В самой пропаганде ненависти не было ничего нового, но Гитлер не ограничился словами, он пошел дальше, уничтожил шесть миллионов евреев и готовился к тому, чтобы депортировать и уничтожить еще многие миллионы поляков, украинцев и русских. Это уже было нечто новое. Преступления религиозных войн и те, что были связаны с завоеванием Южной и Центральной Америки, были меньшими по размаху, а Чингис-хан совершал массовые убийства, не ссылаясь при этом на современную науку. Эти жестокости исходили от незначительного, маленького, неудачливого венского художника, которого при этом поддерживали другие столь же бесцветные и лишенные корней личности, от Гимmlера до комендантов концлагерей. Здесь следует констатировать, что и другой великий организатор массовых убийств нашего времени был полуобразованным, деклассированным и оторванным от корней человеком. Обстановка

в Тифлисе и Баку была несколько иной, чем в Вене, и упрощенный марксизм отличался от австрийской смеси реакционной идеологии и антисемитизма, но у Гитлера и Сталина было много общего, и этот вопрос заслуживает серьезного исследования. Хотя можно надеяться, что фигуры, подобные этим двум людям никогда больше не возникнут, достаточно достоверно то, что оторванные от корней, деклассированные и безликие массы больших городов Европы и Америки вынашивают для нас других чудовищ.

О фашизме мы все еще знаем недостаточно; по сути, мы едва начали его изучать. Но это задача не одних академиков. Остается мучительный вопрос: «Есть ли у фашизма будущее?» или, выражаясь более конкретно: «Какие социальные и политические движения современности или ближайшего будущего можно будет лучше понять благодаря более точному знанию фашизма?»

Испанский и португальский режимы, несомненно, содержат в себе элементы фашиста, но оба они уже миновали свою кульминацию и ни один из них ничем не привлекателен для других стран. Единственный сильный фашистский режим после падения Третьего Рейха возник в Аргентине. На протяжении десяти лет, пока Перон оставался у власти, он пользовался мощной поддержкой рабочего класса и в результате длительного процесса развития превратил старомодную латиноамериканскую военную диктатуру в приспособленный к современным условиям тоталитарный режим. В конечном счете, Церковь и армия оказались сильнее, чем он, но его личный миф и его тип фашиста все еще пользуются массовой поддержкой. На Среднем Востоке «братья-мусульмане» с их сочетанием религиозного правоверия, терроризма и коллективизма имеют сходные черты с румынской Железной Гвардией ее начального периода. «Свободные офицеры» Насера в период заговора, несомненно, не были фашистами, но режим, который Насер создал за последние 10 лет, имеет нечто общее с фашистским тоталитаризмом. Нельзя не заметить, что президент Сукарно постоянно подражает личному стилю Муссолини, повторяет его лозунги, имитирует церемонии. Но в Индонезии нет фашистской организации: единственными дисциплинированными силами были Компартия и национальная армия. В Японии на правом фланге есть тенденции, которые могут привести к возрождению в несколько видоизмененной форме революционного терроризма 30-х годов⁴. Новые африканские дик-

татуры хвастаются тем, что они «социалистические». Но тот факт, что они повторяют марксистские тезисы и ищут дружбы Советского Союза или Китая, в принципе, не столь важен, как кажется на первый взгляд. Революционные националистические режимы, которые используют технику мобилизации масс, подмешивают к своим псевдосоциалистическим идеологиям изрядные дозы расизма и исторической мифологии и все больше склоняются от простой диктатуры к тоталитаризму, так что в один прекрасный день они могут оказаться ближе к Третьему Рейху, чем к советскому или китайскому образцу. Что же касается их вождей, то, например, у Кваме Нкрумы больше от истерики Гитлера и от тщеславия Муссолини, чем от холодного ума Ленина.

Антисемитизм в современной мировой политике не является главной проблемой. Тем не менее, учитывая определенные вариации, можно указать на явные аналогии. Евреи были лучшим примером сообщества коммерчески и умственно одаренных людей, которые жили посреди больших и отсталых народов. Они стали символом эксплуатации инородцами и духовного разложения и служили идеальным козлом отпущения для демагогов. Есть и другие подобные сообщества: греки и армяне в арабских странах, образовавшихся после распада Оттоманской империи, китайцы в Юго-Восточной Азии, индийцы в Бирме и некоторых еще существующих британских островных колониях, ливанцы в Западной Африке — самые яркие примеры. Но это сравнение можно распространить на все общины белых деловых людей или техников в Азии и Африке. Идеология «неоколониализма» умышленно концентрирует ненависть на этих козлах отпущения, которые всегда под рукой. Вину за все, что плохо в этих новых государствах, демагоги могут легко свалить на них, как все, что было плохо в Венгрии и Румынии, некогда сваливали на евреев. Этот аргумент тем сильней, чем больше в нем доля истины: действительно, европейские капиталисты и сегодня еще господствуют в определенной мере в новых государствах Азии и Африки, как капиталисты США — в старых государствах Центральной и Южной Америки, подобно тому, как еврейские капиталисты — румынские и иностранные подданные — контролировали большую часть румынской экономики.

В западных демократиях сегодня почти нет симптомов фашизма. Конечно, есть люди — евреи и неевреи — менталитет которых можно сравнить только с менталитетом расовых экспертов Гитлера, которые утверждают, будто немцы

от рождения или по своим наследственным задаткам на все времена обречены быть агрессорами, тоталитаристами и юдофобами. К счастью, действительность сегодняшней Германии дает этим людям мало поводов для нападок. Во Франции устранена опасность фашистского движения, опорой которого были вернувшиеся на родину алжирские колонисты и ушедшие в подполье остатки сторонников Дарнана и тому подобных людей. В США маккартизм совпал с большими социальными сдвигами и привел к потрясающему открытию, что Америка перестала быть неуязвимой. Почти то же самое происходит в Англии: небольшие, но важные социальные сдвиги совпадают с распадом Британской империи и постоянным уменьшением мирового значения Англии⁵. Но пока это не имело более опасных последствий, чем «сердитая» литература и «сердитая» журналистика. Более тяжелыми последствиями может быть чреват своего рода негритянский фашизм в северных штатах США или развитие в тоталитарном направлении франко-канадского национализма. Злополучное давление на белых жителей ЮАР, которые, несмотря на свою озлобленность, создали демократическое общество, неудержимо толкает их в объятия своего рода фашизма.

Данные рассуждения не преследовали цель предложить определение или дать окончательные ответы; целью было только показать различные аспекты тех движений, которые до сих пор предпочитают называть фашистскими. Сравнительное исследование фашизма сегодня действительно необходимо не только для того, чтобы заполнить пробелы в исторических познаниях, но и для того, чтобы предостеречь новые поколения от старых опасностей, прежде чем они вернутся.

Примечания

¹ The European Right: a historical analysis. Издатели — Ганс Роггер и Юджин Вебер, Беркли, 1965.

В определенной мере книга страдает от разного подхода к теме, что неизбежно, когда авторов несколько — в данном случае десять. Различие между традиционалистами и современными «правыми», между классическим консерватизмом и «правым радикализмом» не всегда однозначно. Одни авторы ограничиваются идеями эпохи до появления фашистских движений, другие дают скорее обзор политической истории, чем политический или социо-

логический анализ. Отличны, на мой взгляд, три статьи профессора Вебера: общее введение и главы о Франции и Румынии. Кроме того, я хотел бы упомянуть статью о Венгрии, написанную Диком. Может быть, она не столь глубока, как статьи профессора Вебера, но написаны очень ясно.

² Российский антисемитизм в действительности ограничивался Украиной и Бессарабией, и хотя его вожаки сами себя называли русскими, они были в большинстве своем украинского, польского или румынского происхождения. В Москве, сердце России, антисемитизм был гораздо слабей.

³ Среди польских рабочих было меньшинство, которое принадлежало к нелегальной Компартии, но фашистами польские рабочие никогда не были.

⁴ Можно ли называть праворадикальных террористов фашистами — вопрос спорный. См. статью и достойную восхищения книгу «Двойные патриоты» Ричарда Сорри, а также «Идеи и действия в современной японской политике» Масао Маруямы. Правда, я вынужден признать, что меня несколько разочаровали очерки этого выдающегося японского специалиста по фашизму. Они научно обоснованы и информативны, когда речь идет о Японии, но Маруяма, похоже, теряет ориентацию, когда он переходит к обобщениям. Прежде всего, он, по моему мнению, не понял сущность гитлеровского национал-социализма, хотя, несомненно, внимательно изучал немецкие источники.

⁵ Большие социальные сдвиги неизбежно вызывают озлобленность у тех, кто внезапно попал в элиту, но не получил общественного признания. Эта проблема существовала в Англии еще в начале XIX века. Однако в стране, которая находилась на вершине своей экономической и политической мощи, парвеню быстро ассимилировались. Неспособность послевоенной элиты после Второй мировой войны принять новый приток парвеню отравила атмосферу общественной жизни в сегодняшней Англии и объясняется тем, что этот процесс пришелся на время, когда Англия быстро утрачивала свои позиции мировой державы и свое значение.

Дмитрий Жуков

ЕВРОПЕЙСКИЙ ФАШИЗМ У ВЛАСТИ

Сложности типологии

Проблема типологии фашизма является для историка своеобразным «камнем преткновения». В самом деле, как можно привести к единому знаменателю весь тот хаос идей, мнений, практических решений, под которые подводится термин «фашизм» и, шире, тоталитаризм?

Тем не менее, такие попытки неоднократно предпринимались. Увы, желание втиснуть проблему в прокрустово ложе той или иной концепции неизбежно приводит к примитивизации, упрощению феномена фашизма. На деле, мировой фашизм уместно сравнить с калейдоскопом, в котором каждый раз даже при строго определенном наборе составных частей комбинации будут не похожи друг на друга. Действительно, при якобы очевидном родстве, скажем, итальянского фашизма, германского национал-социализма, румынского гвардизма, бельгийского рексизма и т.д., все эти разновидности и ответвления от мирового фашистского дерева были зачастую настолько самобытны, что при любой попытке построения некой общей схемы, та или иная составляющая последней выпадает, приводя исследователя почти в отчаяние.

Попытаемся весьма кратко обрисовать самые основные точки зрения на сущность этого явления.

Одной из наиболее распространенных трактовок фашизма заключается в попытке объяснить его появление болезненным общественным сознанием. Эта гипотеза особенно характерна для английских и американских исследователей либерального направления. Впрочем, у ее истоков находились и левые авторы. Так, венгерский марксист Д.Лукач еще в 1930-е годы объявил фашизм результатом длительного процесса идеологического «отравления» немецкого народа, ко- ему способствовала специфическая атмосфера, нивелирующая позитивизм и моральные ценности.

Однако надо помнить, что элементы такой «духовной атмосферы» можно без труда найти не только в истории Германии или, скажем, Италии, но и в истории других, в том числе, англо-саксонских стран. Кроме того, то, что теперь почти всеми однозначно трактуется как «болезнь» и «проявление дурного тона», еще в первой половине прошлого столетия опять-таки почти всеми воспринималось как вполне нормальные, или терпимые явления (нелишне упомянуть, что такие, казалось бы, «родовые пятна» фашизма, как расовая сегрегация, евгеника и стерилизация были впервые опробованы и довольно широко практиковались в США).

Либеральным исследователям присуща и еще одна типичная ошибка, о которой надо упомянуть. Они склонны олицетворять фашизм с тоталитаризмом и, очень часто, объединять фашизм и коммунизм под общим понятием тоталитаризма. Но этот путь весьма уязвим. То, что подразумевается в современной политологической науке под термином «тоталитаризм», возможно, имеет отношение к коммунизму и его ответвлениям (сталинизм, маоизм, левацкие режимы черной Африки, полпотовская Кампучия и т.д.), однако мало применимо к европейским режимам первой половины XX века, относимым к «фашистским». Действительно, ни фашизму, ни национал-социализму так и не удалось ликвидировать идеологическое инакомыслие даже в рядах правящих партий (не говоря уже о государственных институтах и обществе в целом), а ведь это является главным признаком тоталитаризма. Никакого «тотального контроля» над личностью в этих государствах фактически не существовало. Показательным является тот факт, что в гитлеровском государстве армия была отделена от партии (военнослужащим запрещалось вступать в НСДАП), что было совершенно немыслимо, скажем, в Советском Союзе. При этом, разумеется, нельзя отрицать, что фашистские идеологи всегда противопоставляли фашизм демократически-парламентским институтам. Однако то же самое делали и вовсе не связанные с фашизмом режимы, как то: традиционные монархии, некоторые военные диктатуры и т.д.

Марксисты и их последователи традиционно рассматривают фашизм как выражение интересов конкретных (имущих) социальных групп. В классическом виде формула подобной трактовки была изложена на VII Конгрессе Коминтерна в 1935 г. Согласно ей, фашизм реализует интересы и устремления наиболее агрессивных фракций монополистического капитала. Существовали и иные гипотезы, относящиеся к левой

традиции. В целом, марксисты использовали сам термин «фашизм» как ругательство и крайне упрощенно обобщали под ним все антидемократические и антикоммунистические явления (Ленин, к примеру, сопоставлял итальянских фашистов с черносотенцами). В 1930 г. это привело к курьезу: к фашистскому лагерю были отнесены даже социал-демократы.

Уязвимость марксистов заключается в том факте, что фашизм поддерживали отнюдь не только крупные финансовые и промышленные круги (к слову, в ряде стран подобные связи либо вовсе не наблюдались, либо были столь незначительны, что не сыграли решающей роли). В фашистских организациях с массовой базой (в Германии, Италии, Испании и ряде других стран) были широко представлены средние слои. В этих организациях активно действовали и представители всех других слоев общества: рабочие и служащие, чиновники и лица свободных профессий, офицеры, дворяне. И их было иногда значительно больше, чем «лавочников».

Более объективна гипотеза, отрицающая родовое понятие фашизма и рассматривающая его частные проявления как отдельные явления, не связанные друг с другом. Фашистские партии и установленные ими режимы обладали большим национальным своеобразием. Германский национал-социализм отличался от итальянского фашизма. Оба они не были похожи на испанский фалангизм, на фашистские и профашистские партии и движения в межвоенной Восточной Европе, в Скандинавии, в Латинской Америке. Таким образом, фашизм как общий феномен представляет собой всего лишь жупел и пропагандистский фантом. В действительности же, согласно этой гипотезе, в разных странах в определенное время возникали партии, движения и режимы, имевшие мало общего между собой, но объединенные враждебным отношением к большевизму, «чужеродным» этническим группам, ценностям, провозглашенным Великой Французской революцией и т.д. Все они политически сблизились лишь вследствие конъюнктурного совпадения интересов.

Строго говоря, противникам этой точки зрения, при всем желании, никак не удастся ее развенчать.

Существует, помимо прочего, и огромное число других (назовем их частными) трактовок фашизма. Для примера сошлемся на идею немецкого социолога Армина Молера. Последний всегда выступал противником коммунистической тезы о несовместимости фашизма и революции. Для Молера (как некогда — для представителей движения «консервативной

революции») фашизм — всегда революционен. Критерием этой революционности служит стиль, жест, поведение. Исследователь указывает на то, что слово «фашизм» в Третьем Рейхе было ругательством, адресованным «отступникам», таким как Отто Штрассер (лидер оппозиционного Гитлеру национал-большевистского «Черного фронта»), Готфрид Бенн (поэт-экспрессионист, исключенный из Имперской палаты писателей) и Эрнст Юнгер (консервативно-революционный писатель и мыслитель, ушедший «во внутреннюю эмиграцию»). Но дело, конечно, вовсе не в том, что эти фигуры отошли от ортодоксального национал-социализма, а в том, что они были «фашистами» по своему мироощущению и стилю.

По мнению Молера, «фашисты легко смиряются с теоретическими несоответствиями, ибо восприятия они добиваются за счет самого стиля». Этот специфический стиль всегда предшествует и теории, и практике фашизма. Более того, он становится некой самоцелью и самоценностью (Готфрид Бенн провозглашал: «Стиль выше истины!»).

В целом, методика Молера можно вполне назвать оправданной. Стиль — единственное, что роднит столь разные по теории и практике «фашистские» режимы Европы.

Однако, для того, чтобы прийти к собственным выводам, в любом случае придется взять на себя труд проанализировать историю фашистских движений и режимов. Ниже мы попытаемся всего лишь в общем приближении рассказать о ряде из них, хронологически не выходя за послевоенный период, а географически — за границы Европы.

В первую очередь следует рассмотреть опыт Италии и Германии, на который так или иначе ориентировались лидеры и идеологи всех прочих европейских фашистских движений. Во вторых, мы расскажем о тех странах Европы, в которых местным фашистам удалось прийти к власти (самостоятельно или при внешней помощи). Речь идет об Испании (диктатура Франко до конца войны), Франции (режим Виши), Норвегии (диктатура Квислинга), Венгрии (после прихода к власти Салаша и до конца войны), Словакии (диктатура Тисо), Хорватии (устьашеский режим). Во всех упомянутых государствах, по нашему убеждению на определенном этапе существовали национальные режимы, которые по совокупности характеристик можно без особой натяжки назвать «фашистскими».

Некоторые другие европейские страны причисляются к «фашистским» лишь по недоразумению. В их числе, например, Болгария, которая была на деле самой обычной традиционной

монархией, Румыния Антонеску, Польша Пилсудского и Венгрия регента Хорти («классические» военные диктатуры), Финляндия, Эстония, Литва и Латвия (демократические республики). Разумеется, во всех этих государствах можно найти элементы фашизма (в основном речь шла об эстетических мотивах, или о «стиле»), но они выступали здесь лишь как конъюнктурные элементы и, так сказать, «знаки эпохи».

Нелишне сказать и о том, что коллаборационистские режимы не всегда были «фашистскими»: немецкая или итальянская оккупация не везде означала приход местных фашистов к властным рычагам. Зачастую политическая ситуация в том или ином государстве просто не позволяла подражателям дуче и фюрера одолеть властный Олимп. Пример Дании (где оккупанты не стали менять существовавшее социал-демократическое правительство) свидетельствует о том, что даже в условиях военной оккупации нацисты могли отказаться от идеи привести во власть своих последователей. Практически то же самое можно сказать и о Голландии, где особенности немецкой оккупации практически лишали власти местного фашистского лидера Муссерта (который, впрочем, был провозглашен «вождем голландского народа»). Поэтому, в данной работе мы не будем касаться истории фашистских движений в этих государствах.

Италия

Само понятие фашизм происходит от итальянского слова «fascio». В Древнем Риме этим термином обозначалась связка прутьев с топором посередине — так называемая фация — носимая ликторами (представителями исполнительной власти) как символ Государственной власти. Этот римский символ (как и многие другие) стал символом и эмблемой фашизма, а словом «fascio» Бенито Муссолини назвал Итальянские боевые дружины: «Я назвал эту организацию «фашио». В этом жестком, металлическом слове заключена вся программа фашизма, как я его представлял, как я его хотел, как я его создал».

Доктринальную сущность фашизма определить нелегко. Сам Муссолини отмечал: «Фашизм не был во власти заранее выработанной за столом доктрины; он родился из потребности действия и был действием». Тем не менее, он же заявил: «Теперь Итальянский фашизм под страхом смертной казни или, хуже того, под страхом самоубийства, дол-

жен создать основу доктринальных положений... указать основные направления для повседневной политической и личной деятельности».

Главной «заслугой» фашизма, пожалуй, было выдвижение на первый план воинского стиля и фигуры воина. Последний — не просто человек, участвующий в войне, но особое состояние духа. Можно быть воином и в мирное время. Его поведение диктуется, прежде всего, ощущением реальности смерти, постоянной готовностью умереть в нужный момент. Благодаря этому возникает и особое восприятие мира. Подобный тип человека безусловно не является гуманистом; человек не может оставаться высшей ценностью, когда стоишь лицом к лицу со смертью. Превыше всего для него стоят честь, дисциплина, умение приказывать и подчиняться. Он способен признать авторитет, распознать в другом существе (под условным названием человек) высший тип и свободно (понимая свободу как внутреннее, а не внешнее понятие) и добровольно подчиниться ему. Не случайно, что ряды фашистской партии в Италии (как и аналогичные движения в других странах) пополняли именно фронтовики, ветераны Первой Мировой Войны.

Следует отметить, что фашизм противопоставлял себя как либерально-демократическим, так и коммунистическим движениям. Это было движение принципиально нового типа. Муссолини провозглашал: «Мы представляем в мире новое начало; чистую, категорическую, окончательную антитезу всему миру демократии, плутократии, масонства». По сути своей как западная демократия, так и восточный коммунизм воспринимались фашистами как различные проявления одного и того же зла, той же болезни, поразившей существовавшие ранее традиционные общества. Зарождение этих идеологий произошло на основе идей Великой Французской Революции, на принципах Свободы, Равенства и Братства.

Основу фашистской идеологии составляла концепция Государства. Именно этим она принципиально отличалась от немецкого национал-социализма, в основе которого лежало понятие нации и расы. Фашистское Государство было основано на иерархическом принципе. То есть оно открыто признавало и утверждало принцип неравенства. Муссолини говорил о Государстве как о «системе иерархий», высшим воплощением, вершиной которых является элита. Он же писал: «Фашизм утверждает, что неравенство неизбежно, благотворно и благодетельно для людей». Государство имело приоритет перед

нацией или народом. Лишь при условии существования Государства народ способен обрести истинное сознание, единую форму и волю. «Без Государства нет нации... Не нация создает Государство, наоборот нация создается Государством».

Что же касается конкретного политического устройства, то в фашизме существовало два периода: монархический и республиканский. Безусловно, с точки зрения принципов первый является более естественным для фашизма. Сам Муссолини говорил о монархии как о «высшем синтезе национальных ценностей» и «основополагающем элементе национального единства». В реальной практике фашистского режима существовала так называемая диархия, т.е. сосуществование монархии и диктатуры. Подобная система имела аналогии в древнем мире и в частности в Древнем Риме, который, как известно, был для фашистов идеалом Государства. Муссолини называли «дуче», по латыни *dux*. Это звание давалось человеку, обладающему особыми качествами, которому в неспокойные для Государства бремена для решения специальных задач доверялись чрезвычайные полномочия, так как самому монарху, символизирующему чистый сакральный принцип авторитета и господства, подобная роль была не свойственна по самому характеру высшей инстанции.

Итак, 23 марта 1919 года в Милане редактор газеты «Пололо д'Италия» («Народ Италии») Муссолини (в годы войны — капрал берсальеров) провел учредительное собрание новой организации «Фашио ди комбаттименто» («Союз борьбы»). Соратниками Муссолини стали в частности мятежные солдаты — выходцы из элитных частей итальянской армии — «ардити» («отважные», аналог «коммандос»), знамя которых украшал череп с костями. Была создана боевая группа, призванная сражаться на улицах с радикальными противниками Муссолини.

Тактика фашистов была, на первый взгляд, абсолютно противоречива. Чернорубашечники умело использовали социальную риторику и апеллировали к традиционным ценностям, им удалось завоевать симпатии либеральных экономистов и анархо-синдикалистов, рабочих, крестьян и высших сословий. К началу 1920-х годов политическими врагами фашистов являлись интернационально настроенные социалисты и коммунисты (при этом фашистская Италия была первым государством, которое признало СССР), клерикальные партии (при этом при Муссолини были подписаны Латеранские соглашения, в результате которых Ватикан полу-

чил статус независимого государства), профсоюзы (при этом дуче значительно поднял уровень жизни рабочих).

Визитной карточкой фашистских «сквадристов» (от итальянского слова «сквадра» — отделение, отряд) стала черная рубашка. Черный цвет Муссолини позаимствовал у анархистов, довольно популярных в Италии. Кроме того, он явно хотел, чтобы его чернорубашечники ассоциировались с краснорубашечными партизанами Джузеппе Гарибальди, воевавшими в середине XIX века против австрийских оккупантов. Вместе с этим возрождался и «древнеримский дух»: целый ряд внешних церемоний и ритуалов шел в русле «имперского стиля» (салютование поднятием вверх правой руки, римский боевой клич «эйя-алала», ликторский топор-фасция). Провозглашалось, что «фашизм — есть гений возрожденной расы, латинская традиция, неизменно действенная в нашей тысячелетней истории, возвращение к романской и одновременно христианской идее государства, синтез великого прошлого с лучезарным будущим».

Первая громкая акция сквадристов состоялась спустя всего лишь месяц после основания «Союза борьбы». Около 200 чернорубашечников, вооруженных дубинками и пистолетами, атаковали колонну социалистов на улице Деи Мерканти. Рассеяв толпу своих врагов, фашисты устремились к редакции социалистической газеты «Аванти» («Вперед») и подожгли ее. Так было продемонстрировано, что новая организация не намерена останавливаться в своей борьбе ни перед чем. Полиция неоднократно проводила в помещениях фашистов обыски и постоянно изымала оружие, в том числе гранаты. Наряду с вооруженными нападениями на митинги своих противников, фашисты использовали и такой оригинальный «способ борьбы», как вливание в рот недругу касторового масла.

Уже к октябрю 1919 года «Фашио ди комбаттименто» насчитывали 17 тысяч человек, сгруппированных по 56 боевым отрядам. Копируя армейский организм, «Союз борьбы» имел свой главный боевой штаб, боевую и резервную армии, мобилизационный план, а Италия была разделена на двенадцать зон (наподобие военных округов). Каждому фашисту внушалась идея орденского служения, строжайшей дисциплины и сплоченности. Одним из элементов партийной программы стало требование создания в стране милиции для противодействия «красной угрозе».

Экономический кризис и постоянные забастовки левых укрепили ряды фашистов. Они часто выступали в роли

«штрейкбрехеров», параллельно с этим громя митинги и штаб-квартиры социалистов по всей Италии. В 1921 году Муссолини изменил свои прежние антиклерикальные убеждения и из популистских соображений заявил о том, что чернорубашечники отныне будут защищать церковь (во многих городах страны левые оскорбляли, избивали и даже убивали священников, поджигали храмы). В сентябре 1921 года фашистские отряды под командованием Итало Бальбо и Дино Гранди организовали марш на Равенну. Оккупировав город, Бальбо потребовал от муниципальных властей предоставить в распоряжение его отрядов грузовики и бензин. После этого сквадристы разгромили рабочие клубы и дома профсоюзов.

В декабре на съезде чернорубашечников в Риме «Союз борьбы» был преобразован в Национальную Фашистскую Партию. К весне 1922 года в ней насчитывалось 320 тысяч человек, летом — 470 тысяч, а осенью число фашистов достигло миллиона. В Уставе организации значилось: «Фашистская партия, как таковая, является милицией. Фашистский воин имеет свою собственную мораль. Законы общепринятой морали в области семьи, политики, общественных отношений — ему чужды». О том, что представляла собой эта «собственная мораль», дает представление следующий случай. В апреле 1922 года командир одного из чернорубашечных отрядов Сандро Кароси вместе со своими вооруженными соратниками явился в рабочее кафе, где собирались левые. Кароси вынул пистолет и, желая продемонстрировать свое искусство стрельбы, заставил одного из присутствующих встать с чашкой кофе на голове возле стены. Однако пуля попала в голову, и социалистический активист был убит. Местная газета сообщила об этом событии под заголовком «Злополучный Вильгельм Телль», а полиция решила «не связываться» и Кароси не понес никакого наказания.

Муссолини сделал ставку на вооруженный захват власти. В мае-июле 40 тысяч сквадристов Итало Бальбо заняли Феррару. Затем были захвачены Ровиго, Болонья, Андрия, Витербо, Кремона, Алатри, Маджента, Павия и Бьелле. Во всех этих городах фашисты разгромили очаги сопротивления левых, буквально наводнив рабочие кварталы. Впоследствии пропагандисты режима так характеризовали эти месяцы: «Только фашистам должна быть приписана честь избавления страны от монгольского кнута».

25 сентября 1922 года Муссолини констатировал: «Фашизм всюду одерживает верх. Наши противники не в состо-

нии бороться. Карабинеры нам сочувствуют, а армия будет сохранять доброжелательный нейтралитет. У депутатов парламента только одно на уме — быть с нами в хороших отношениях». Выступая против либерального государства, дуче, однако, не спешил объявлять войну королю, зная о популярности монархических идей в народной среде (сам он всегда оставался республиканцем).

24 октября в Неаполе открылся съезд Фашистской партии, на который со всей страны прибыли десятки тысяч чернорубашечников. Речь Муссолини была фактически ультиматумом правительству: он призвал распустить парламент, реформировать избирательную систему и провести новые выборы, потребовал включить в состав правительства нескольких фашистов. В случае невыполнения этих условий Муссолини пригрозил направить свои отряды на Рим.

Не дожидаясь ответа, уже на следующий день дуче произвел мобилизацию фашистских формирований и приказал начать марш на столицу. 26-тысячную армию возглавил квадриумвират (лидер сквадристов Итало Бальбо, генерал Эмилио де Боно, Чезаре Мария де Веки и генеральный секретарь партии Микеле Бьянки). Штаб восстания расположился в Перудже, в отеле «Бруфани» напротив префектуры. Были сформированы три колонны, наступавшие на Рим с севера.

К 27 октября «вечный город» был окружен черной армией Муссолини. Фашистское военное командование выпустило требование об отставке правительства. Премьер Луиджи Факта ввел в стране чрезвычайное положение и направился к королю с проектом ареста лидеров фашизма и начала боевых действий против сквадристов силами римского гарнизона (28 тысяч человек). Однако король отказался подписать проект, отправил Факту в отставку и 29 октября направил Муссолини телеграмму с приглашением сформировать новое правительство. На следующий день дуче с триумфом прибыл из Милана в Рим, а затем явился на аудиенцию к Виктору Эммануилу III.

В течение следующих нескольких дней чернорубашечники праздновали свою оглушительную и почти неожиданную победу. Они маршировали по Риму, распевая свои боевые гимны и скандируя: «Да здравствует Италия! Да здравствует дуче!».

28 октября 1922 года Муссолини стал главой правительства, но его положение казалось крайне шатким. Из 535 депутатов парламента лишь 35 принадлежали к Национальной фашистской партии, к которой, впрочем, с начала 1923 года

присоединилась Националистическая партия. Муссолини пришлось пойти на коалицию, в которую вошли, кроме уже упомянутых националистов, также либералы и демократы. Впрочем, стараясь сплотить эту весьма неоднородную коалицию, он мог не только сталкивать ее членов между собой, но в любой момент угрожать им применением своей внепарламентской силы. Силу эту составляла его партийная армия, не распущенная, а преобразованная в милицию, формально подчиненную военному командованию, но в действительности, в отличие от государственной армии, присягнувшую не королю, а фашистскому дуче.

Выборы 5 апреля 1924 года привели к тому, что фашисты вместе с либералами, выступавшими общим списком с ними, получили почти две трети всех мест и теперь бесспорно господствовали в парламенте. Так Муссолини добился своей цели. Он был избранным и легитимным главой правительства, и сверх того ему, по-видимому, удалось укротить тех низших фашистских лидеров, которые недвусмысленно призывали к так называемой «второй революции».

Дуче не раз демонстрировал свою способность натравливать друг на друга противников и в конечном счете выводить их из строя. Он предостерегал короля, церковь и промышленные круги, что поражение его фашистского правительства может привести к новому подъему социалистического движения. В то же время он уволил некоторых фашистских политиков, особенно известных своим радикализмом, и заставил свою милицию присягнуть королю. К своим внутрипартийным критикам и конкурентам Муссолини применил подобную же двойную стратегию, состоявшую из уступок и угроз.

Выполняя требования, выдвинутые радикальными фашистскими лидерами, он преобразовал всю государственную и общественную жизнь в фашистском направлении, все более ограничивая при этом влияние непримиримых представителей провинциального фашизма. Эта политика принесла ему успех. Он вернул себе поддержку монархии, армии и промышленности, устранил своих внутрипартийных конкурентов и разбил антифашистскую оппозицию.

Парламентская система была заменена диктатурой постепенно. 2 октября 1925 года были учреждены фашистские корпорации, соединявшие работодателей и работников. В начале ноября 1925 года последовали законы, расширившие власть главы правительства за счет парламента, который был отныне полностью подчинен исполнительной власти. Даль-

нейшими законами были распущены городские собрания депутатов, отменена свобода собраний и объединений, свобода печати и были уволены политически неблагонадежные служащие. После покушения на Муссолини 9 ноября 1926 года был издан «закон о защите государства», по которому были распущены все партии, кроме фашистской, запрещены все оппозиционные газеты и учреждены специальные суды для политических противников режима. В начале 1928 года был установлен новый избирательный закон, по которому «большой фашистский совет» составлял перед выборами единый список кандидатов, а избиратели могли только принять или отвергнуть его в целом.

Власть Муссолини основывалась, с одной стороны, на порученной ему королем должности главы правительства, а с другой — на подчиненной ему как дуче фашистской партии с ее милицией и многочисленными зависящими от нее организациями. Муссолини был весьма озабочен тем, чтобы сохранить это свое двойное положение главы государства и партии. Партия не была включена в государство и подчинена ему, как этого требовали консервативные партнеры Муссолини, но и государство не было подчинено руководству и управлению партии, как этого хотели радикальные фашисты. Равновесие между параллельными аппаратами государства и партии было установлено Муссолини сознательно. В значительной степени сохранились власть и влияние монархии, армии и церкви (они вообще не были отождествлены с фашизмом, хотя и были его союзниками). Католическая церковь получила по Латеранскому договору, заключенному в феврале 1929 года, гораздо больше власти и влияния, чем прежде. Наряду со значительными государственными дотациями она выговорила себе далеко идущие права вмешательства и контроля в области воспитания и семейной жизни.

В первой фазе фашистского режима, длившейся примерно до 1930 года, наблюдался значительный экономический подъем. Это определялось не только благоприятной мировой конъюнктурой. Фашистская экономическая политика в этот период характеризовалась соединением либеральных и интервенционистских факторов. Сюда относятся, с одной стороны, переход к политике свободной торговли, реприватизация некоторых государственных служб и учреждений и либерализация акционерного права, а с другой стороны, установленное и контролируемое государством замораживание заработной платы, поддержка дефицитных предприятий, а

также государственное стимулирование некоторых отраслей промышленности и программ внутренней колонизации.

Интервенционистская экономическая политика государства усилилась, когда с 1929 года на Италии начали сказываться воздействия мирового экономического кризиса. Число безработных, превысившее в 1934 году миллион человек, пытались снизить введением укороченного рабочего дня, некоторым снижением заработной платы, и другими мерами по поддержке занятости и созданию рабочих мест. Так как все это не принесло быстрого успеха и национальный доход вернулся к уровню 1929 года лишь в 1939 году, государственные меры по поддержке промышленности были еще усилены. Впрочем, с момента начала в октябре 1935 года абиссинской войны, на которую Лига Наций ответила экономическими санкциями, экономическая политика приняла вытекавший из военных соображений автаркический характер. С другой стороны, с нападения на Абиссинию началась политика внешней экспансии, оправдываемая идеологической целью восстановления Римской империи.

Во внутренней политике националистические эмоции, подогреты военными успехами в Эфиопии, Испании и Албании, привели к сплочению широких кругов населения. Сверх того, чтобы привлечь их к режиму, были введены пособия для детей и оплачиваемые отпуска. Армию, не отождествлявшую себя с режимом, можно было теснее привязать к нему военными действиями, по крайней мере пока они были успешны. Вследствие перехода к политике автаркии и к военной экономике вмешательство государства в экономику настолько усилилось, что влияние промышленников заметно ослабело.

Однако усилению и большей самостоятельности фашистского режима во внутривнутриполитической области препятствовал тот факт, что фашистская Италия все больше впадала во внешнеполитическую и военную зависимость от своего усиливавшегося союзника — национал-социалистической Германии. Подъем национал-социализма и его приход к власти вызывал у Муссолини смешанные чувства. С одной стороны, он гордился тем, что в Германии подражают его образцу. Но, с другой стороны, Муссолини энергично выступил против стремления национал-социалистов аннексировать Австрию. Когда австрийские наци устроили в 1934 году путч, жертвой которого пал канцлер Дольфус, Муссолини демонстративно подвел войска к пограничному Бреннерскому перевалу.

Но после нападения на Эфиопию западные державы своими экономическими санкциями сами подтолкнули Италию на союз с Рейхом, который обеспечивал своего южного соседа необходимым сырьем (в особенности углем) и промышленными товарами. Сотрудничество обеих фашистских держав укрепилось в 1936 году в результате их общего вмешательства в гражданскую войну в Испании. Затем в ноябре того же года была провозглашена «Ось Берлин-Рим».

В сентябре 1938 года на Мюнхенской конференции Муссолини удавалось еще играть роль «честного посредника» между Гитлером и главами правительств Франции и Англии, но это не могло уже воспрепятствовать тому, что Гитлер, одерживавший в своей внешней политике одну победу за другой, определял ход европейских политических событий. Тем более Муссолини старался в 1939 году предотвратить немецко-польскую войну и сохранить свой нейтралитет. Это не помешало ему воспользоваться возникшей ситуацией, чтобы захватить в том же году Албанию, а годом позже напасть на уже разбитую немецкими войсками Францию, чтобы получить свою долю добычи. Таким образом, Италия окончательно была втянута в войну, которую затем должна была вести как неравноправный союзник Германии. Когда итальянские солдаты все еще воевали в России, выполняя функции вспомогательных войск, армии американцев и англичан, высадившиеся в Сицилии 10 июля 1943 года, встретили незначительное сопротивление, подойдя к самой столице страны. Их продвижение прямо и косвенно привело к развалу фашистского режима.

25 июля 1943 года король Италии уволил Муссолини в отставку, и он сразу же был арестован. Устранение Муссолини было делом рук короля, некоторых офицеров и различных деятелей фашистской партии. Естественно, этот путч, которым руководил маршал Бадольо, мог удалиться лишь благодаря присутствию в Италии американских и английских войск. Косвенной предпосылкой успеха переворота была специфическая структура фашистского режима. Поскольку армия, церковь и король после установления фашистской диктатуры в значительной мере сохранили свои позиции, они даже в 1943 году располагали достаточными механизмами власти, чтобы свергнуть Муссолини.

В фашистской Италии не было интенсивного террора, направленного против политических оппонентов. Муссолини легко смог почти полностью одолеть антифашистскую оппозицию. Тем антифашистам, которые не бежали и не были

арестованы, вначале было очень трудно скрываться от тайной полиции и находить поддержку населения. Как известно, благодаря своей широко рекламируемой социальной и экономической политике режиму удалось приобрести неожиданно большую популярность, в том числе и среди рабочих.

Последней стадией итальянского фашизма стала так называемая «республика Сало», учрежденная в условиях немецкого военного присутствия, фактически — оккупации.

После того как Бадольо провозгласил 8 сентября 1943 года подписанное за пять дней до этого перемирие с союзниками, немецкие войска вступили на еще не занятые союзниками области Северной и Средней Италии.

С бывшими союзниками обращались теперь как с побежденным врагом. Южный Тироль и Венеция были аннексированы, захваченные территории были прочесаны гестапо в поисках евреев и политических противников. В этих условиях Муссолини, освобожденный из-под ареста 12 сентября 1943 года немецкими парашютистами, провозгласил через одиннадцать дней Итальянскую социальную республику.

Устроив свою резиденцию в Сало, на озере Гарда, дуче провозгласил оттуда обширные социальные реформы, взывая к патриотизму своих соотечественников и призывая их бороться бок о бок с немецкими оккупационными войсками против врагов отчизны и реакционных сил, отнявших у него власть. Эти призывы имели мало успеха, хотя «республика Сало» была все же не только марионеточным правительством: многие фашисты считали, что должны сохранить верность Муссолини до конца. Но инициатива все больше переходила к союзным войскам и партизанам. На территории все более слабой фашистской «республики Сало» начались забастовки, нападения на фашистов и на немецких оккупантов, другие всевозможные насильственные действия. Все это, а также последовавшая оккупация страны союзными войсками вскоре привели к краху фашизма.

Германия

Национал-социалистическая рабочая партия Германии (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, НСДАП) возникла в условиях экономического и общественного кризиса послевоенных лет. Впрочем, она выросла в массовую партию лишь в годы мирового экономического кризиса. Гитлер смог захватить власть лишь через 13 лет, но затем, пользуясь этой

властью, сумел в течение шести месяцев устранить все враждебные ему или соперничавшие с ним силы. Таким образом, история роста НСДАП существенно отличается от развития фашистской партии в Италии. Несомненно, это объясняется разными условиями, в которых находились эти партии.

Германия была гораздо более развитой индустриальной страной, чем Италия. У нее не было аграрной проблемы, сравнимой с итальянской. Большая часть немецкого рабочего движения осталась под руководством социал-демократической партии (СДПГ) на реформистских позициях и активно участвовала в подавлении революционных инициатив левых социалистов и коммунистов. Позже демократическим правительствам удалось преодолеть экономический кризис, вызванный переходом от военного производства к мирному и выплатой репараций. В первое время удалось даже сдерживать националистический реваншизм после проигранной войны, еще более сильный в Германии, чем в Италии. За послевоенным кризисом с его экономическими, социальными и политическими проблемами наступило видимое, но весьма обманчивое успокоение. Кризисные явления, с самого начала присущие Веймарской республике в экономической, социальной и политической областях, оживились и усилились, когда разразился мировой экономический кризис. И все же, с учетом различных временных факторов, в предпосылках германского и итальянского фашизма обнаруживаются общие структурные черты.

История, структуры, программы и политическая практика НСДАП, наряду с идеологией, также в известной мере напоминают ее итальянский прообраз. Не случайно, а с достаточным основанием уже в 1922 году национал-социализм получил название «фашизм», и с ним боролись, обозначая его этим словом. Немецкая рабочая партия (Deutsche Arbeiterpartei), с 24 февраля 1920 года именовавшая себя Национал-социалистической рабочей партией Германии, в первой фазе своего развития, до 1923 года, рекрутировала своих членов главным образом из бывших участников войны и средних слоев городского и сельского населения. Рабочие определенно составляли в ней меньшинство по сравнению с офицерами, ремесленниками, служащими, чиновниками и крестьянами. Но эта мнимая рабочая партия всячески старалась привлечь к себе также и пролетарские слои. Этой цели служили различные социальные требования, такие, как национализация трестов, конфискация военных доходов, земельная реформа и, по выражению

программы из 25 пунктов, принятой 24 февраля 1920 года, «уничтожение процентной кабалы». Эти антикапиталистические цели дополнялись другими пунктами программы, однозначно антисоциалистического и националистического содержания. Но в центре программы стоял антисемитизм, составлявший в некотором роде общую рамку националистических, антикапиталистических и антисоциалистических требований. В разных разделах программы евреи рассматривались и обличались не просто как национальное меньшинство — требовалось не только выселить проникших в Германию «восточных евреев», но и перевести немецких ассимилированных евреев, живших в Германии в течение столетий, в положение «иностранцев». Более того, все евреи вообще демонизировались и объявлялись подлинными виновниками поражения Германии, ответственными также за опасность марксизма и отрицательные стороны капитализма. Этот антисемитизм, мотивируемый прежде всего, но не исключительно, расистской идеологией, с самого начала отличает национал-социалистов от итальянских фашистов.

Сходство между фашизмом и национал-социализмом видно не только в социальной и идеологической области, но также во внешнем облике и в политической практике. НСДАП была также организована и построена по военному образцу, также опиралась на одетые в мундиры и частично вооруженные подразделения. Организация штурмовиков (СА, Sturmabteilungen), основанная 3 августа 1921 года, в ноябре 1923 года насчитывала уже 15 000 человек. «Штурмовые отряды», состоявшие преимущественно из мелкобуржуазных элементов, рекрутируемые из молодежи и имевшие подчеркнуто мужской характер, не отличались в этих отношениях от фашистских «сквадристов». Но хотя СА также подражала в своей организации и поведении военным образцам, она отличалась от созданной Муссолини армии гражданской войны двумя существенными чертами. Национал-социалистические штурмовики искали и провоцировали насильственные столкновения со своими политическими противниками, но их схватки в залах собраний и уличные сражения никоим образом не достигали масштабов итальянского террора. Другое различие состояло в том, что, в отличие от «сквадристов» итальянского аграрного фашизма, поддерживаемых и организуемых в кадровом и материальном отношении аграриями, штурмовики никогда — даже в ранний период — не могли рассматриваться как орудие крупных землевладельцев и предпринимателей.

Денежные пожертвования, которые Гитлер получал от некоторых мелких и средних предпринимателей, были относительно незначительны. В то время как в Италии фашистское движение вначале напоминало армию гражданской войны, которую содержали аграрии и промышленники, хотя она никогда полностью от них не зависела, НСДАП с самого начала пыталась расширить и укрепить ряды своих членов и сторонников главным образом путем активной пропаганды — речей, собраний, шествий и т.п. На первых порах эта постоянная пропагандистская деятельность имела успех. НСДАП удалось, начав с Мюнхена и Баварии, найти точки опоры и в других немецких землях и организовать там местные группы. Но еще в конце 1923 года центр тяжести партии, безусловно, находился в Баварии. Там НСДАП превратилась в политическую силу, с которой приходилось считаться ведущим политикам и в Мюнхене, и в Берлине. Сознывая относительную и региональную ограниченность своего влияния, Гитлер все же почувствовал себя достаточно сильным, чтобы предпринять 8 ноября 1923 года, по образцу Муссолини, «поход на Берлин».

Нельзя сказать, что этот авантюристический план был заранее обречен на неудачу, как можно было подумать после его полного поражения. В октябре 1923 года возник конфликт между центральным правительством и генеральным комиссаром Баварии фон Каром, которого поддерживала баварская группа рейхсвера во главе с командующим военным округом фон Лоссовом. Это столкновение привело к тому, что баварское и центральное правительства перестали признавать друг друга. Гитлер попытался использовать это неустойчивое положение в своих целях. В ночь на 9 ноября 1923 года он захватил в свои руки фон Кара и фон Лоссова, побуждая их поддержать его путч против центрального правительства. Но вскоре фон Кар и фон Лоссов отмежевались от Гитлера и отдали полиции приказ разогнать демонстрацию национал-социалистов, назначенную на 9 ноября. Мобилизованное для этой цели баварское подразделение полиции повиновалось. Полицейские открыли огонь по национал-социалистическим путчистам во главе с Гитлером и Людендорфом, убив шестнадцать человек. Колонна рассеялась, Людендорф был арестован сразу же, а Гитлер — через два дня. Таким образом, задуманный путч провалился.

НСДАП была запрещена во всей Германии. Но, несмотря на это полное поражение, Гитлеру удалось снова подняться. Сам путч и процесс, завершившийся 1 апреля 1924 года

оправданием Людендорфа и осуждением Гитлера на смехотворно легкое наказание — недолгое заключение в крепости, которому придали вдобавок почетный характер, — привели к тому, что Гитлер стал известен во всей Германии и открыто восхвалялся своими сторонниками и поклонниками. НСДАП окончательно превратилась в «гитлеровское движение», как ее часто и называли публично. После освобождения из заключения, где он написал свою программную книгу «Моя борьба», Гитлер сумел провести во вновь созданной 27 февраля 1925 года НСДАП свой «фюрерпринцип» — «принцип вождизма».

Это вовсе не получилось само собой, поскольку те национал-социалистические фюреры низшего ранга, которые не были арестованы, примкнули тем временем к Германской народной партии свободы (Deutschvölkische Freiheitspartei), получившей целых 32 места в рейхстаге на выборах 4 мая 1924 года, из коих, впрочем, на следующих выборах, 7 декабря 1924 года, она уже потеряла 18. Эта партия, образовавшаяся в конце 1922 года из правого крыла расколовшейся Германской национальной народной партии (Deutsche Nationale Volkspartei), не была простой калькой НСДАП. У нее были опорные пункты главным образом в Северной Германии, где НСДАП до гитлеровского путча была очень слабо представлена, и она вовсе не так радикально отвергала парламентскую систему, как это делала НСДАП. Между национал-социалистическими и «народно» настроенными членами этой партии происходили резкие столкновения, которые привели к ее расколу и к образованию различных новых «народных» и национал-социалистических группировок.

Гитлер, как авторитетный для всех арбитр в этих спорах, сумел перетянуть большинство своих конкурентов во вновь учрежденную НСДАП. Остальные «народные» группировки, ослабев, потеряли всякое значение. Но это никоим образом не было концом разногласий по поводу политической тактики и идеологических установок.

Разногласия возникли в особенности по двум тесно связанным вопросам: должна ли НСДАП придерживаться своей прежней путчистской тактики и следует ли ей, для привлечения рабочих, выдвинуть революционно действующие цели. Гитлер, прежде всего опасавшийся помешать легализации НСДАП, после освобождения из заключения решил отказаться от путчистской тактики фашистского образца и придать своему образу действий хотя бы видимость парламентской

политики. Он намерен был разрушить демократию лишь с помощью власти, достигнутой парламентским путем, — после чего, как он открыто предупреждал, «полетят головы». Однако это временное притязание на легальность не исключало насильственных действий по отношению к политическим противникам; впрочем, происходившая в Берлине и других больших городах борьба за «присутствие» на улицах, в местах общественных собраний и в рабочих кварталах была не самоцелью, а средством для достижения других целей. С одной стороны, эта пропаганда действия, осуществляемая также насильственным путем, привлекала к партии молодежь и в особенности составляла притягательную силу СА; с другой стороны, беспорядки, обличаемые и в значительной мере создаваемые самой НСДАП, давали повод утверждать, что лишь сильный человек, фюрер, способен положить конец этому хаосу и водворить порядок.

Преодолеть все виды сопротивления было нелегко, но Гитлеру удалось убедить своих оппонентов, особенно гауляйтеров северной и западной Германии, в правильности этой тактики, медленно, но верно ведущей к власти. Далее, критики этого легального курса, объединившиеся под руководством братьев Штрассеров в «Сообщество северных и северо-западных округов НСДАП», придерживались мнения, что, несмотря на все неудачи, НСДАП должна прежде всего добиваться поддержки рабочего класса. Поэтому они делали ставку на антикапиталистические пункты партийной программы, в то время как Гитлер, напротив, стремился ослабить их, подчеркивая националистические, антисоциалистические и прежде всего антисемитские цели. Столкновения по поводу этих тесно связанных проблем привели к тому, что в конце концов в 1930 году Отто Штрассер вышел из партии. В конце 1930 и в начале 1931 года вновь произошел внутрипартийный кризис, вследствие которого все организации СА Восточно-Эльбской области под руководством Вальтера Стеннеса взбунтовались и отказались повиноваться берлинскому гауляйтеру Геббельсу.

Этот кризис удалось преодолеть лишь с трудом, при личном вмешательстве Гитлера. Еще опаснее были в глазах национал-социалистских руководителей переговоры Грегора Штрассера с генералом фон Шлейхером, но они не привели ни к какому результату, так что угрозы партийного раскола удалось избежать.

Эти внутрипартийные столкновения не достигали таких масштабов, как в Италии, где лидеры провинциальных

фашистов занимали весьма независимое положение, несравнимое с положением немецких гауляйтеров. Но они указывали на тот основной факт, что национал-социалистская партия фюрера вовсе не была столь единой и сплоченной, как она старалась представить себя внешнему окружению. Эти внутрипартийные разногласия были преодолены активизмом постоянных предвыборных боев — в буквальном смысле этого слова — и вскоре последовавшими успехами.

На выборах в рейхстаг 20 мая 1928 года НСДАП получила лишь 2,6% голосов и 12 мест. Это было все еще на два места меньше, чем получила «народная» партия за четыре года до того, на декабрьских выборах. Но возраставшее число членов НСДАП указывало уже на ее подъем. Рабочие по-прежнему были в ней мало представлены, но, наряду с ремесленниками, мелкими предпринимателями, служащими и студентами, в нее удавалось привлечь все больше представителей академических профессий, чиновников и главным образом крестьян. Это был результат пропаганды, особенно усилившейся в сельских местностях, а также в малых и средних городах. В 1929 году на выборах в различные муниципальные органы и ландтаги НСДАП получила значительно больше 10% мест. Еще более впечатляющих успехов добился Национал-социалистический союз немецких студентов на выборах в Общие студенческие комитеты университетов и высших школ. Уже в 1929 году он получил в среднем более 30% поданных голосов. О несомненном подъеме НСДАП свидетельствовал и тот факт, что в 1930 году она насчитывала уже 240 000 членов — почти исключительно мужчин. И все же значительная часть общественности была поражена огромным успехом НСДАП на выборах в рейхстаг 14 сентября 1930 года, получившей 18,3% голосов и 107 мест и сразу превратившейся во вторую по силе партию после Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Двумя годами позже, на выборах в рейхстаг 31 июля 1932 года, НСДАП удвоила число своих депутатов, доведя его до 230.

Этот скачкообразный рост был, прежде всего, прямым, но также и косвенным следствием мирового экономического кризиса. При этом за НСДАП голосовали преимущественно представители средних слоев, которым приходилось мириться со снижением доходов и которые с большим или меньшим основанием опасались обнищания; между тем промышленные рабочие большей частью продолжали сопротивляться, хотя все же, по новым подсчетам, рабочие доставили национал-социа-

листам почти 20% полученных ими голосов. Однако успех НСДАП на выборах объяснялся не только экономическими проявлениями кризиса, влияние которых было к тому же не столь прямолинейным. Это подчеркивается уже тем обстоятельством, что безработные, в конечном счете, сильнее всего затронутые последствиями экономического кризиса, в подавляющем большинстве голосовали за Коммунистическую партию Германии (КПГ). Кроме того, успехи НСДАП не везде были одинаково велики. Они были крайне малы в сельских местностях с католическим населением, между тем как в сельских областях протестантского севера и северо-востока они были особенно велики. Различное поведение избирателей в областях со сходной социально-экономической структурой следует объяснить, прежде всего, позицией обеих церквей по отношению к национал-социализму. Католическая церковь, по крайней мере, до 1933 года, резко критиковала НСДАП по поводу религиозных представлений, высказанных некоторыми ее представителями, особенно Альфредом Розенбергом, не без успеха побуждая верующих голосовать за Партию центра. Между тем представители евангелической церкви, расколотой на 28 церквей отдельных земель, хотя и отвергали неоязыческие взгляды людей вроде Розенберга, в то же время более или менее открыто сочувствовали националистическим, антисоциалистическим, антикапиталистическим, а также антисемитским целям национал-социализма.

Наконец, тот факт, что успехи НСДАП были особенно велики в пограничных восточных областях, прежде всего объясняется особенно ядовитым в этих местах национализмом, усиленным к тому же экономическими и религиозными факторами.

В целом можно прийти к выводу, что члены НСДАП и ее электорат состояли преимущественно, но вовсе не исключительно, из представителей среднего класса, то есть мелкой буржуазии.

И все же по разным основаниям НСДАП нельзя рассматривать как мелкобуржуазную партию. НСДАП никогда не считала себя преимущественно, и тем более, исключительно, партией мелкобуржуазной ориентации; более того, она никогда не отказывалась от притязаний привлечь к себе и представлять все слои населения, в том числе рабочих, вначале мало податливых на ее пропаганду. Избирательными успехами она была обязана не только социальным требованиям и намеренно туманным экономическим целям своей

программы. Столь же привлекательными оказались националистические и антисемитские пункты этой программы, а также стиль ее политики, отвечавший эмоциям людей из всех социальных слоев. Многих привлекала к НСДАП не ее программа, а внешний образ этой партии, отождествляемый с силой, сплоченностью и специфической мужественностью. В особенности это касается молодежи мужского пола. В самом деле, часто упускают из виду что НСДАП, подобно НФП (Национальной фашистской партии Италии) и другим фашистским движениям, была в своем активном ядре чисто мужским союзом, представлявшим привлекательные в то время добродетели — товарищество, юность и подчеркнуто солдатское, агрессивное поведение.

Столь же односторонним и столь же неверным, как тезис мелкобуржуазности, был другой взгляд, распространенный в то время и даже в наши дни, согласно которому НСДАП представляла собой не что иное, как орудие, оплачиваемое и направляемое ведущими промышленниками. В этом утверждении, высказанном некоторыми марксистскими теоретиками фашизма, есть и доля правды, поскольку НСДАП, как и другие партии, получала от отдельных промышленников пожертвования, отчасти покрывавшие весьма значительную стоимость ее пропагандистских и избирательных кампаний. Но о размерах этих жертвований до сих пор нет надежных и достаточно полных данных. Впрочем, многое говорит за то, что «самофинансирование» НСДАП, т.е. поступления от членских взносов и входных билетов на различные национал-социалистические мероприятия, было значительнее, чем жертвования. Напротив, твердо установлено, что вклады промышленности были скорее следствием, чем причиной избирательных успехов национал-социалистов.

Для подъема национал-социализма решающее значение имели не кризисные явления в экономике и в общественной жизни, не восприимчивость значительной части мелкой буржуазии и не готовность отдельных ведущих промышленников оказывать НСДАП материальную поддержку — гораздо важнее были ошибки нефашистских и антифашистских общественных сил и партий Германии.

Коммунистическая партия Германии (КПГ) и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) оказались неспособны извлечь уроки из ошибок братских итальянских партий, безуспешно пытавшихся помешать подъему и приходу к власти фашизма. И хотя они могли и должны были

знать по итальянскому опыту, что ждет их в случае победы фашизма, обе немецкие рабочие партии, глубоко враждебные друг другу, не сумели преодолеть разделявшие их программные различия и построить единый оборонительный фронт против фашизма.

Исходя из чисто функционального определения фашизма, лидеры КПП считали «фашистскими» не только все буржуазные партии и правительства, но даже СДПГ и боролись против них под этим лозунгом. Они оправдывали такую линию авантюристическим, хотя и формально логичным доводом, будто буржуазные и социал-демократические политики, защищая парламентско-демократическую систему, по меньшей мере, косвенно поддерживают капитализм. «Социал-фашизм» СДПГ отличается от «национал-фашизма» НСДАП, говорили они, лишь применяемыми методами. Если «национал-фашизм» выступает как прямая агентура капитала, то «социал-фашисты» своей приверженностью к парламентской демократии поддерживают капитализм косвенным образом, поскольку демократия — всего лишь замаскированная по необходимости форма капиталистического господства.

Несмотря на некоторые призывы к единому фронту, адресованные почти исключительно не к руководству, а к рядовым членам СДПГ и Всеобщего объединения германских профсоюзов (ВОВП) и имевшие целью, в конечном счете, лишь побудить их перейти в КПП и подчиненные ей организации, КПП не могла решиться ни на защиту демократии, ни на совместные действия с СДПГ. КПП чувствовала себя достаточно сильной, чтобы бороться и с СДПГ, и с НСДАП. При этом она колебалась между чисто насильственной тактикой под лозунгом «Бей фашиста, когда его увидишь!» и стремлением, переняв националистические требования, побудить сторонников НСДАП к переходу в КПП. Эта тактика, названная по имени перешедшего из НСДАП в КПП лейтенанта рейхсвера «курсом Шерингера», увенчалась провозглашенной в 1930 году коммунистической «Программой национального и социального освобождения германского народа». Эта националистическая «стратегия объятий» и тезис «социал-фашизма» привели даже к тому, что КПП заключала некоторые частичные и кратковременные соглашения с НСДАП. Так обстояло дело в случае референдума, совместно организованного обеими партиями летом 1931 года, который привел к роспуску прусского ландтага и к падению социал-демократического правительства земли Пруссия; и

точно так же — при забастовке рабочих Берлинского транспортного общества осенью 1932 года.

Социал-демократы видели в таких явлениях дополнительное оправдание своих сомнений, следует ли начинать серьезные переговоры о союзе с коммунистами, поскольку и национал-социалисты, и коммунисты одинаково стремились разрушить созданную и защищаемую ими демократию. Они полагались в своей защите на убедительность своих аргументов, которые они пытались — без особого успеха — противопоставить национал-социалистской пропаганде, а также на завоеванные и укрепленные ими политические позиции. К их числу относился, прежде всего, руководимый социал-демократами союз «Имперское черно-красно-золотое знамя» («Reichsbanner Schwarz-Rot-Gold»), насчитывавший 2 миллиона членов и составлявший противовес СА. Если бы национал-социалисты попытались насильственно захватить власть, по примеру итальянских фашистов, этот союз должен был прийти на помощь полиции, которая — по крайней мере, в Пруссии — находилась под влиянием СДПГ. Но когда рейхсканцлер фон Папен 20 июля 1932 года, явно нарушив закон, сместил руководимое социал-демократами правительство земли Пруссия, не встретив при этом сопротивления, антифашистская концепция СДПГ потеряла свою опору. «Союз государственного флага» ни разу — ни 20 июля 1932 года, ни 30 января 1933 года — не был приведен в действие. Это отступление без борьбы указывает на фундаментальную ошибку в антифашистской стратегии СДПГ. При защите демократии она применяла только демократические методы и ошибочно рассчитывала, что и противники демократии в правых партиях, в чиновничестве, в экономике и в армии, несмотря на свою открытую враждебность республике, будут придерживаться демократических правил игры. Она слишком поздно и слишком слабо реагировала на тот факт, что и другие демократические партии Веймарской республики шаг за шагом разоружались и покидали демократию. Чтобы «избежать худшего», то есть захвата власти фашистами, который они боязливо представляли себе лишь в насильственной форме путча по итальянскому образцу, социал-демократические лидеры допустили в конечной фазе Веймарской республики посягательства на социальные завоевания 1918 года и даже терпели выхолащивание основных демократических прав и свобод. Так и возник тот «вакуум власти», который национал-социалисты смогли использовать для своего захвата власти».

Но, конечно, эта критика антифашистской стратегии КПП и СДПГ никоим образом не оправдывает поведение лидеров буржуазных партий, а также представителей армии, промышленности и сельского хозяйства. Эти силы были ответственны не только за строго, дефляционную экономическую политику, увеличивавшую безработицу с ее опустошительными социальными и политическими последствиями, но также и за политический курс кабинетов Брюнинга, фон Палена и фон Шлейхера, которые, не располагая парламентским большинством, подрывали конституцию и постепенно разрушали и без того непрочную демократическую систему. И хотя на выборах в рейхстаг 6 ноября 1932 года НСДАП потеряла 34 места и оказалась в кризисе, который мог бы привести к ее упадку, по инициативе руководящих деятелей германской крупной промышленности и сельского хозяйства и при поддержке некоторых политиков из окружения президента фон Гинденбурга был свергнут рейхсканцлер фон Шлейхер и было образовано коалиционное правительство во главе с Адольфом Гитлером.

В кабинет, законным образом сформированный 30 января 1933 года, кроме самого Гитлера, входило всего два других национал-социалиста: Вильгельм Фрик стал министром внутренних дел, а Герман Геринг был назначен министром без портфеля, но одновременно в качестве министра внутренних дел Пруссии распоряжался полицией этой крупнейшей из германских земель. Сверх того национал-социалисты, со своей миллионной партией и организованными по военному образцу, отчасти вооруженными подразделениями СА и СС, располагали такими средствами власти, с которыми и до 30 января 1933 года едва могли справиться демократические правительства и местные власти. Поэтому были более чем близоруки, а в свете итальянского опыта просто несерьезны намерения консервативных партнеров Гитлера интегрировать и контролировать массовое движение НСДАП, передав национал-социалистическим фюрерам вместе с руководством полиции значительную часть государственной власти. В действительности национал-социалисты воспользовались переданной им 30 января 1933 года властью, чтобы с помощью своих партийных организаций подавить политических противников и вытеснить консервативных партнеров. Так называемый «захват власти» национал-социалистами был не единичным актом, а процессом, впрочем, в основном завершившимся в течение каких-нибудь шести месяцев. Итальянским фашистам для этого понадобилось более шести лет.

Сразу же после назначения Гитлера рейхсканцлером был распущен рейхстаг и объявлены новые выборы. В последовавшей за этим избирательной борьбе национал-социалисты могли не только использовать пожертвования промышленников — излившиеся теперь мощным потоком — но и без стеснения эффективно использовать свою позицию силы. Для этого они располагали средствами — государственной властью и партийной армией, к тому же наполовину принявшей государственный характер. В Пруссии двумя приказами (11 и 22 февраля) 40 000 штурмовиков и эсэсовцев были включены во вспомогательную полицию. 17 февраля Геринг потребовал от них безжалостно преследовать политических противников, применяя огнестрельное оружие. В ночь поджога рейхстага (27 февраля 1933 года), в котором обвинили коммунистов, были арестованы тысячи коммунистических активистов по заранее составленным спискам. Днем позже эта беспрецедентная волна арестов была задним числом легализована так называемым «Распоряжением рейхспрезидента о защите народа и государства», вследствие чего потеряли силу важнейшие права, гарантированные Веймарской конституцией. Тем самым члены КПГ были фактически поставлены вне закона, хотя их партия могла еще принять участие в выборах в рейхстаг 5 марта. Она получила 81 место, но 13 марта ее мандаты были аннулированы.

На этих выборах в рейхстаг, которые вследствие преследований коммунистов и социалистов уже нельзя было считать свободными, НСДАП получила 43,9% поданных голосов. Таким образом, национал-социалисты не добились абсолютного большинства, к которому стремились. Поэтому для них было большим пропагандистским и политическим успехом, когда «Черно-бело-красный боевой фронт», возникший из объединения Германской национальной народной партии и «Стального шлема» и получивший 8% голосов, согласился поддержать Гитлера. Террор против коммунистов и социалистов продолжался, штурмовики и эсэсовцы отправляли их в «дикие» концентрационные лагеря, где их избивали и нередко пытали до смерти — при невмешательстве государственных учреждений, полиции, правосудия и рейхсвера; и одновременно с этим продолжалось систематическое подчинение и устранение политических противников и союзников НСДАП. Немедленно после выборов в рейхстаг 5 марта все правительства земель, не возглавляемые национал-социалистами, были смещены и на их место поставлены так называемые рейхскомиссары. 31 марта

был издан закон «о равноправии земель и рейха», по которому парламенты земель были сконструированы по результатам выборов в рейхстаг 5 марта без всяких местных выборов. За восемь дней до этого, 23 марта, «закон о прекращении народного и государственного бедствия» фактически устранил рейхстаг, поскольку национал-социалистическому правительству предоставлялось право издавать законы без согласия и даже без участия рейхстага и государственного совета. Этот «закон о полномочиях» был принят квалифицированным большинством в две трети, так как его отвергли только еще не арестованные и не бежавшие депутаты социал-демократической партии. После унификации и очистки парламента законом о «восстановлении корпуса гражданских служащих» от 7 апреля были изгнаны из всех учреждений политические противники и те евреи, которые не пользовались защищавшим их некоторое время статусом членов «Фронта». 2 мая были распущены профсоюзы, их здания захвачены, а их имущество было, в конце концов, передано национал-социалистскому «Германскому рабочему фронту». 22 июня была также запрещена СДПГ и арестованы ее деятели, которые не сидели еще в «диких» концентрационных лагерях или не эмигрировали. После того как в июне и июле все еще остававшиеся буржуазные партии самораспустились, закон от 14 июля 1933 года объявил НСДАП единственной партией Германии. Этими методами, применяемыми сверху и снизу, более или менее завершился процесс захвата власти.

С этого времени кроме НСДАП только армия и церковь обладали еще, по крайней мере потенциально, политической и моральной властью. Хотя оба эти учреждения никогда не были полностью унифицированы, они были в значительной мере лишены влияния. Армия уже разделила вину РИ объективно стала сообщницей насильственной власти национал-социалистов, хотя бы своим благожелательным нейтралитетом во время их террористического похода против политических противников и своим пассивным поведением во время так называемого «путча Рема» 30 июня 1934 года. Жертвами этой расправы пали, наряду с разными руководителями СА, также некоторые консервативные политики, в том числе бывший рейхсканцлер генерал фон Шлейхер. Даже когда в 1938 году военный министр фон Бломберг и верховный командующий армией фон Фрич были смещены со своих постов. Большинство офицеров с большим или меньшим энтузиазмом участвовало в перевооружении Германии, а

потом в победоносных походах начала войны; более того, они считали себя связанными принесенной Гитлеру присягой даже тогда, когда стали очевидны и приближавшееся катастрофическое поражение, и беспредельные преступления национал-социалистического режима. Однако сопротивление некоторых военных кругов указывает на уже упомянутый факт, что национал-социалистам не удалось полностью унифицировать и подчинить себе армию.

Еще сложнее было положение в Третьем Рейхе обеих церквей. Поспешному приспособлению многих церковных деятелей противостояло здесь сопротивление некоторых, правда, относительно немногочисленных, групп и отдельных лиц. И приспособление, и сопротивление обосновывались при этом как религиозными, так и политическими мотивами, которые в этих христианских исповеданиях не были тождественны. Руководство католической церкви, до 1933 года резко отрицательно относившееся к национал-социализму, затем очень быстро сменило эту позицию на благожелательную симпатию. Это определялось конкордатом между курией и Третьим рейхом, предложенным Гитлером сразу же после вступления в должность и заключенным уже 20 июля 1933 года. Этот договор был весьма выгоден для католической церкви, так как он не только признавал, но и ставил под защиту закона конфессиональные школы, так же как существование многих католических объединений — светских, профессиональных, женских и юношеских. Впрочем, католическая церковь дорого заплатила за это, пожертвовав Партией центра, одобрившей «закон о полномочиях» и вскоре после этого распущенной. Католическая церковь приняла на себя не только это, но и выразила в связи с конкордатом чрезвычайно важное в политическом и пропагандистском отношении признание и уважительное отношение к Третьему рейху, надеясь избежать таким образом унификации своих обществ и союзов. На первых порах эти надежды, казалось, оправдывались: национал-социалисты терпимо относились к росту католических обществ в 1933 и 1934 годах и даже содействовали возрастанию числа верующих и открытию католических церковных школ.

Что касается евангелической церкви, то, если не считать относительно малочисленных групп либеральных теологов и верующих социалистов, подавляющая часть ее одобрительно, а порой даже с энтузиазмом отнеслась к разрушению демократии и установлению национал-социалистического режима. Это объяснялось не только традиционной в евангелической церк-

ви политически и религиозно аргументируемой покорностью начальству, но также ее религиозно окрашенным превозношением немецкой нации и презрением к социализму и демократии. Однако попытки организационной унификации 28 евангелических церквей отдельных земель, предпринятые некоторыми национал-социалистами в начале 1933 года, не достигли цели. «Государственный комиссар по делам земельных евангелических церквей» Август Егер, назначенный на эту должность уже 24 июня 1933 года, был отозван с нее, когда некоторые священники, объединившиеся в «движение молодых реформаторов», и прежние руководящие учреждения церкви заявили протест против такой тотальной формы унификации, вызвавшей даже критику президента фон Гинденбурга.

Впрочем, этот конфликт завершился весьма выгодным для национал-социалистов компромиссом, поскольку была достигнута договоренность, что вопрос о форме и устройстве евангелической церкви в Третьем рейхе должны решать сами общины.

На церковных выборах, срочно организованных 23 июля и поддержанных всем аппаратом пропаганды НСДАП, «Немецкие христиане» получили значительно больше 60% поданных голосов. Казалось, таким образом внутри евангелической церкви завершился захват власти «снизу», поскольку основанное лишь в 1932 году национал-социалистское движение «Немецких христиан» (которые часто сами себя называли «штурмовиками Иисуса Христа») имело теперь большинство Голосов в церковном руководстве почти всех немецких общин. Это движение последовательно использовало свое большинство, чтобы унифицировать отдельные евангелические церкви не только в организационном, но и в идеологическом отношении. В церквях различных земель — например, 5 сентября в Старопрусском союзе — был принят «арийский параграф», предусматривавший исключение «неарийских» священников и церковных служащих. 27 сентября Людвиг Мюллер, доверенное лицо Гитлера, был выбран «имперским епископом», то есть верховным главой всех евангелических церквей. Но когда 13 ноября 1933 года «Немецкие христиане», собравшиеся в берлинском Дворце спорта, потребовали, чтобы с этого момента более не почитались Ветхий Завет и послания апостола Павла, как продукты еврейского духа, то даже консервативные и «национально мыслящие» протестанты не согласны были принять после политической унификации еще и эту «теологическую

аризацию». Возникло движение протеста, мотивируемое сначала чисто теологически, которое было выражено основанным уже 11 сентября 1933 года «Чрезвычайным союзом священников» и, наконец, воспринято и организовано «Церковью исповедания». Отсюда возникло церковное Сопротивление, принявшее у некоторых представителей «Церкви исповедания» сознательно политический характер, — что у других произошло скорее против их воли.

Если отвлечься от сопротивления немногочисленных церковных и военных кругов, а также отдельных лиц, то можно прийти к выводу, что церкви и вермахт хотя и не были полностью унифицированы, все же были настолько приспособлены к режиму или сами к нему приспособились, что, по существу, не представляли никакой опасности для внутреннего состояния Третьего рейха. Они были скорее союзники, чем конкуренты, а тем более противники национал-социализма. Поэтому многое говорит в пользу тезиса, выдвинутого отнюдь не только национал-социалистическими пропагандистами, по которому в Третьем рейхе была монолитно сплоченная диктатура фюрера, способная исключить или унифицировать все враждебные и конкурирующие силы. «Государство Гитлера» было также гораздо более жестким, чем фашистская Италия, но и оно имело черты многовластия.

Между отдельными группами и лицами в партии, промышленности, вермахте и бюрократии постоянно происходили конфликты по поводу компетенции. Даже на региональном и местном уровне члены партии боролись за власть и влияние друг с другом и с государственными чиновниками. Хотя важно учитывать эти постоянные конфликты, которые здесь не могут быть описаны подробно, однако следует предостеречь от переоценки этих поликратических черт Третьего рейха. Упомянем лишь, что авторитарная власть Гитлера и его компетенция принимать решения не ограничивалась, а только усиливалась этими пререканиями по поводу компетенции, поскольку Гитлер с самого начала умел противопоставлять друг другу, в духе политики «разделяй и властвуй», эти враждующие группы и личности внутри национал-социалистического синдиката власти. Прибавим — и это обстоятельство надо непременно учитывать, — что масштабы и характер национал-социалистического террора никоим образом не ограничивались и не смягчались этими бесспорно поликратическими чертами. Споры о компетенции не мешали установлению и эффективности национал-соци-

алистической системы террора и не задерживали ее развития, поскольку у групп и отдельных лиц, борющихся за власть и влияние, не было никаких принципиальных расхождений в отношении преследования политических противников и меньшинств. Чтобы понять это обстоятельство, надо хотя бы вкратце рассмотреть развитие и функционирование национал-социалистической системы террора.

В течение 1933 года уже описанный «дикий» террор СА и СС, большей частью «оправдываемый» ссылкой на «распоряжение по поводу поджога рейхстага» от 28 февраля 1933 года, постепенно сдерживался, так как руководящие национал-социалисты опасались, что не смогут удержать его под контролем. Его заменил бюрократически контролируемый и санкционированный государством террор гестапо, возникшего из подразделения 1А Берлинского полицейского управления. 30 ноября 1933 года служащие этого учреждения, еще называвшегося тогда «Прусским ведомством тайной государственной полиции», получили далеко идущие полномочия. Их мероприятия нельзя было ни обжаловать, ни преследовать в судебном порядке. При этом гестапо, возглавляемое Герингом, столкнулось с сильным конкурентом внутри партии. Это был Генрих Гиммлер, к весне 1934 года соединивший под своей властью политическую полицию всех земель, кроме Пруссии. Хотя Геринг вовсе не симпатизировал возвышению Гиммлера с его СС, он больше всего опасался СА под командой Рема. Поэтому 20 апреля 1934 года он заключил с Гиммлером нечто вроде соглашения, по которому тот в качестве заместителя прусского премьер-министра (то есть Геринга) становился инспектором прусского гестапо, которое объединялось с политической полицией остальных земель и расширялось, превратившись в общегерманское гестапо.

Двумя месяцами позже гестапо и СС нанесли удар по СА, устранив этого нежелательного конкурента, а заодно и других подлинных или только потенциальных врагов режима. Гиммлер был щедро вознагражден за свои услуги при подавлении мнимого «путча Рема». Части СС, которыми он командовал как «рейхсфюрер», были выделены из состава СА и прямо подчинены Гитлеру. Им были поручены вместо СА руководство и охрана концентрационных лагерей, которые теперь были «признаны государством» и широко развернуты по образцу концентрационного лагеря Дахау. Они служили не только для преследования и запугивания политических противников режима, но сверх того стали ядром и

исходным пунктом экономической империи СС, которая с 1938 года принялась эксплуатировать также рабочую силу людей, заключенных в лагеря по политическим и расовым мотивам. Впоследствии «рейхсфюреру СС» Генриху Гиммлеру удалось подчинить своему контролю и все другие репрессивные органы национал-социалистического режима, объединив их в Главное имперское управление безопасности.

В это управление, созданное 27 сентября 1939 года, вошли, с одной стороны, уголовная и политическая полиция, уже с 1936 года соединенные с гестапо, а с другой стороны — так называемая Служба безопасности (СД, Sicherheitsdienst). СД представляла собой основанный еще в 1931 году орган тайной полиции НСДАП, развернутый с 1933 года параллельно гестапо под руководством Гиммлера и его заместителя Гейдриха. В то время как отделения и учреждения гестапо занимались арестами и ежемесячно направляли в Берлин обзоры состояния всего рейха, где они подвергались оценке, задача СД состояла в выработке общих принципов надзора и преследования политических противников и расовых жертв режима. Прежде всего, это касалось депортации, а затем «окончательного решения еврейского вопроса».

Впрочем, организация СС, составлявшая ядро Третьего рейха, не контролировала отправление правосудия, которое уже в 1933 году было в значительной степени очищено от судей и прокуроров, нежелательных в политическом или расовом отношении. Национал-социалистам этого было недостаточно. К этим мерам прибавилось значительное ужесточение наказаний за «политические преступления». Сюда относилось, например, чрезвычайное постановление «против предательства немецкого народа и происков государственной измены» от 28 февраля 1933 года, изменившее некоторые положения уголовного кодекса, чтобы облегчить процедуру наказаний. Сюда же относилось, далее, изданное 21 марта постановление о «защите от вероломных нападков на правительство национального возрождения», позволявшее наказывать всех, кто решался хотя бы критиковать национал-социалистическое правительство. К этим и другим существенным изменениям уголовного и процессуального права, применявшимся с грубой последовательностью множеством угодливых судей, прибавилось учреждение 24 апреля 1934 года «Народного суда», означавшее также организационное изменение и расширение немецкой юстиции.

«Народный суд», начавший свою деятельность уже 14 июля 1934 года, был ответом национал-социалистов на исход процесса о поджоге рейхстага, завершившегося в высшей степени сомнительным в правовом отношении смертным приговором предполагаемому поджигателю ван дер Люббе и оправданием обвиненных вместе с ним коммунистов. Задача «Народного суда» состояла в быстром и безжалостном наказании политических противников режима. С этой целью были изменены в ущерб обвиняемому и его защитнику различные процессуальные нормы, а также затруднены возможности возражения против судебного приказа и обжалования приговора. Судьи и заседатели «Народного суда», большей частью выбранные из фюреров СА и СС, оправдали надежды национал-социалистов. Они действовали с крайней быстротой — если в 1935 году было вынесено «лишь» 210 приговоров, то в 1944 году их было уже свыше 2 000, — а сверх того, их приговоры носили драконовский характер и не выдерживали никакой критики в правовом отношении. Всего с 1934 по 1944 год было вынесено почти 13 000 смертных приговоров, большинство из которых было исполнено.

Наряду с политическими противниками системы, сопротивление которых никогда не было полностью сломлено, мероприятия национал-социалистических карательных органов были прежде всего направлены против меньшинств. В первую очередь это касалось, конечно, евреев, которые стали жертвами клеветы, бесправия, были исключены из «национального сообщества», ограблены, подвергнуты преследованиям и в конце концов уничтожены. Преследование евреев национал-социалистами, которое здесь не может быть рассмотрено в подробностях, проводилось разными учреждениями, разными методами и оправдывалось разными мотивами.

Самые заметные, хотя и не обязательно самые важные действия предпринимались при этом вполне открыто активистами партии и подчиненных ей учреждений; они претендовали на выражение «воли народа», не имея для этого оснований, так как большинство населения было пассивно. Сюда относится бойкот еврейских торговцев, врачей и адвокатов, объявленный 1 апреля 1933 года, сожжение в Берлине и в других университетских городах «антинемецких сочинений» 10 мая 1933 года и особенно погром 9 ноября 1938 года. Дело не ограничилось тем, что были разбиты стекла и разграблены еврейские магазины, а также разрушены почти все синагоги, — сверх того 26 000 евреев было

отправлено в концентрационные лагеря и был убит 91 человек еврейского происхождения.

Еще важнее этих и многих других безобразий, не только терпимых, но провоцируемых и проводимых национал-социалистами, были сотни антисемитских законов, постановлений и дополнений, опять-таки часто мотивируемых «волей народа», которую представляли сами национал-социалисты. В этой связи следует упомянуть увольнение служащих еврейского происхождения по закону «о восстановлении гражданской службы» от 7 апреля 1933 года, коснувшемуся с сентября 1935 года также тех служащих, которые пользовались вначале весьма ненадежной защитой параграфа о членах «Фронта борьбы». Далее, был введен профессиональный запрет, распространенный с 1938 года на всех евреев-врачей, адвокатов, ремесленников и работников физического труда. Были приняты и другие чрезвычайные законы, по которым евреям запрещалось посещение общественных школ, университетов, кино, театров, концертов, выставок и купален и, наконец, покупка и содержание автомобилей, телефонов, газет, определенных предметов одежды и ценных вещей, даже домашних животных. Все это обосновывалось ссылкой на нюрнбергские законы от 15 сентября 1935 года, лишавшие евреев гражданских прав и запрещавшие им вступать в брак или в половые сношения с «арийцами». Эти формы клеветы и преследования со стороны партии и государства дополнялись разграблением имущества немецких евреев, которое под названием «аризации» проводилось не только государственными учреждениями, но также отдельными фирмами и частными лицами.

Значительная часть мелкой буржуазии тоже прямо или косвенно выиграла от национал-социалистической экономической политики, хотя национал-социалисты и не выполнили обещаний 1933 года, а, напротив, стимулировали концентрацию и модернизацию экономики. И все же улучшилось положение не только служащих и чиновников, но также мелких ремесленников и крестьян. Это объясняется и общим оживлением конъюнктуры, и другими мероприятиями режима. Сюда относится, например, устранение евреев из профессиональной жизни и ограбление их имущества, что также прямо или косвенно привело к повышению доходов многих нееврейских врачей, адвокатов и ремесленников. Что касается крестьян, то они не только превозносились национал-социалистической пропагандой, но также получили по

«государственному закону о наследственном крестьянском дворе» от 29 сентября 1933 года весомые материальные преимущества. Согласно этому закону, крестьянские дворы величиной не менее 7,5 гектара не могли быть проданы или принудительно отчуждены за долги. Впрочем, это не означало общего снятия долгов.

Наконец, и не в последнюю очередь, национал-социалистическая экономическая политика была полезна предпринимателям; они не должны были больше сражаться с притязаниями и требованиями чуждых им профсоюзов, и доходы их, вследствие конъюнктуры вооружения, чрезвычайно быстро росли. Далее, они в значительной степени выигрывали от грабительских и агрессивных войн, от ограбления немецкими войсками побежденных и оккупированных стран, а также от беспощадной эксплуатации «иностраных рабочих» и лагерных рабов. Однако это не значит, что они были ответственны за начало и ход войны, которая перешла в тотальную хищническую и расовую войну и неизбежно должна была завершиться полным поражением.

За исключением отдельных вмешательств, обусловленных аварией и войной, национал-социалистическое государство отказалось от далеко идущих изменений капиталистической собственности; но все же в этом национал-социалистическом государстве предприниматели были, как правило, не в состоянии превратить оставшуюся у них экономическую власть в политическую. Предприниматели могли еще участвовать в планировании и проведении войн, но им не было дозволено сколько-нибудь существенно влиять на расовую войну. Освенцим невозможно объяснить и не следует объяснять вульгарно-марксистским тезисом об экономической выгодности. Так же обстояло дело и с тотальным способом ведения войны, примененным национал-социалистами и приведшим к полному поражению, к потере и разрушению также и большей части (24%) частных производственных мощностей.

Уже в 1933 году многие антифашисты в Германии и за рубежом заявляли: «Гитлер идет к войне!» Но государственные деятели Западной и Восточной Европы повторили в области внешней политики ошибку тех консервативных политиков Германии, которые полагали, будто можно сдержать развитие национал-социализма политикой умиротворения и упорядочения. Они не только более или менее пассивно наблюдали за разрушением демократии в Германии и преследованием

политических противников и евреев, но также терпели и принимали такие акты Гитлера, как вступление в демилитаризованную Рейнскую область и так называемый аншлюс Австрии, шаг за шагом уничтожавшие постановления Версальского договора. Высшей, но еще не конечной точкой этой политики «умиротворения» была аннексия Судетской области, явно одобренная Англией и Францией на Мюнхенской конференции 29 сентября 1938 года. Лишь после того, как Гитлер разгромил также «остаточную Чехию» в марте 1939 года и оккупировал принадлежавшую Литве Мемельскую область, британское и французское правительства нашли в себе силу гарантировать 31 марта 1939 года независимость Польши, которая была очевидным ближайшим объектом национал-социалистической агрессивной политики.

Тем самым завершился период западной политики умиротворения. На смену ей пришла политика, проводимая Советским Союзом, который заключил 23 августа 1939 года пакт о ненападении с Германией и создал, таким образом, важную предпосылку для немецкого нападения на Польшу. И в самом деле, 1 сентября 1939 года немецкие войска вторглись без объявления войны в Польшу, продвинувшись только до линии, предусмотренной секретным дополнительным протоколом к пакту Гитлера — Сталина. Советские войска оккупировали, кроме восточной части Польши, также часть Румынии и суверенные балтийские государства Эстонию, Латвию и Литву.

Несмотря на этот странный союз между фашистской Германией и коммунистической Россией, длившийся до нападения на Советский Союз 22 июня 1941 года, Вторая мировая война была также с самого начала войной мировоззрений: она была вызвана, прежде всего, идеологическими представлениями Гитлера, а затем уже — политическим и экономическим расчетом. Это не значит, что отдельные фазы и стадии войны протекали по «расписанию», изложенному Гитлером в книге «Моя борьба» и в других его программных высказываниях. Так, например, временный союз с Советским Союзом был, конечно, столь же мало предусмотрен им, как и война с Англией, которой Гитлер «на самом деле» хотел бы избежать. Нападение на Данию и Норвегию не объяснялось ни расистской, ни антикоммунистической идеологией, а только военно-стратегическими и экономическими требованиями флота и промышленности. Так же обстояло дело с походами в Грецию, Югославию и Северную Африку, тоже не запланированные

ми, а возникшими вследствие непредвиденных военных и политических событий — слабости итальянских войск, провала пронацистского путча в Югославии и т.п.

Но уже действия «айнцатцкоманд» в Польше, следовавших непосредственно за сражающимися войсками, чтобы наряду с подлинными или потенциальными политическими противниками захватить и уничтожить также евреев и представителей польского правящего класса, показали, что национал-социалисты с самого начала имели в виду нечто большее, чем империалистическую завоевательную войну.

Хотя немецкий и итальянский фашизм сравнимы между собой в их идеологии (за исключением расистски мотивируемой идеологии антисемитизма), в их внешнем облике и социальном составе, между ними были количественные различия — в масштабах, в унификации и в совершенстве террористического аппарата. Это проявилось в преследовании меньшинств, не говоря уже об уничтожении евреев. Эти количественные различия в унификации и гораздо более эффективная в Германии система террора, в конечном счете, привели к тому, что немецкое Сопротивление не смогло добиться таких успехов, как итальянское.

Испания

В 1920-е годы в Испании, раздираемой внутривнутриполитическими конфликтами между правыми и левыми, возникло сразу несколько фашистских партий. К ним относилось, например, движение, называвшее себя «Союзами национально-синдикалистского наступления», основанное в феврале 1931 года в Мадриде студентом философии Рамиро Ледесмой Рамосом. В нее входили, наряду со студентами, офицерами и служащими, также и некоторые рабочие, вышедшие из анархо-синдикалистского движения. Рамос в самом деле пытался соединить националистические идеи с синдикалистскими. Кроме того, у испанских анархистов был перенят метод борьбы, называемый «прямым действием», то есть индивидуальный террор. Эта форма политического конфликта вскоре привела к первым жертвам.

Вторая фашистская партия, скорее католическо-традиционалистской окраски, была создана в Вальядолиде в июне 1931 года юристом Онесимо Редондо Ортегой и называлась «Кастильскими союзами испанского действия». В октябре 1931 года партия Ортеги объединилась с партией Ледесмы

Рамоса. Объединенная таким образом партия продолжала борьбу против анархистов, социалистов и сепаратистов, вызывавшую жертвы с обеих сторон. Но ей не удалось изменить свое призрачное существование политически незначительной сектантской группы.

То же относилось и к третьей фашистской группировке, «Испанской фаланге», основанной 29 октября Хосе Антонио Примо де Ривера. Она привлекла большее внимание общественности по той причине, что ее лидер приобрел некоторую известность как депутат парламента от одной из монархических партий, опубликовавший несколько политико-философских статей. 13 февраля 1934 года Хосе Антонио Примо де Ривера удалось объединить три сектантских фашистских группы в «Испанскую фалангу союзов национально-синдикалистского наступления». Фаланга, как ее стали называть, организовала обмундированную и отчасти вооруженную партийную милицию; в идеологическом отношении она также ориентировалась на фашистскую Италию. Сюда относились ее националистические цели, касавшиеся главным образом внутренней политики — борьбы с сепаратистскими тенденциями басков и каталонцев; сюда же относились и «левые» пункты ее программы, куда входило ограничение экономического влияния иностранцев, учреждение «хозяйственных синдикатов» и отчуждение крупных предприятий, а также неиспользуемых или недостаточно используемых земель крупных помещиков. Последнее требование было, однако, недостаточно радикально для Рамоса, настаивавшего на отчуждении всей крупной земельной собственности; он вышел из партии. Первоначальные синдикалистские требования были ослаблены, а входившие в программу СНСН антиклерикальные пункты были почти полностью устранены; но, несмотря на это, в фалангу по-прежнему входили, наряду с интеллигенцией, студентами, офицерами и служащими, также и некоторые рабочие. В целом же фаланга сохраняла свой сектантский характер.

По этой причине она не была принята в избирательный союз правых, добившийся на выборах 19 ноября 1933 года большого успеха — 217 мест в парламенте, тогда как левые получили всего 93, а центр — 163 места. Фаланга не получила ни одного места, но она воспользовалась поляризацией политической жизни Испании. Снова и снова вспыхивали забастовки и восстания, такие, как восстание 1934 года в Астурии, которое гражданская гвардия и армия смогли по-

давить лишь после длительных и кровавых боев. После того как правое правительство распалось вследствие внутренних конфликтов, Народный фронт, объединивший левые партии и либералов, одержал на выборах 16 февраля 1936 года решительную победу. Правые получили всего 132 места, центр — 32, а Народный фронт — 277 мест. Сильнейшей партией были социалисты — 90 депутатов, — к которым принадлежал также ставший премьер-министром Асанья. Коммунисты провели в парламент 16 депутатов.

Победе на выборах Народного фронта больше всего содействовало решение анархистов отказаться от прежнего бойкота выборов, чтобы поддержать Народный фронт в его борьбе против «фашизма». Но единственной группировкой, которую в самом деле можно было назвать «фашистской», была фаланга, не получившая в парламенте ни одного места. Столь же неоправданным был доходящий до паники страх правых перед будто бы приближавшейся большевистской революцией. В действительности и Асанья, избранный в конечном счете президентом Испанской республики, и премьер-министр Касарес Кирога, и министр по социальным вопросам Ларго Кабальеро — как его часто называли, «испанский Ленин» — были заинтересованы не в революции, а в общественных реформах. Это — взаимное недоверие все больше разжигало конфликт, имевший, как и прежде, главным образом внутривластный характер, поскольку влияние мирового экономического кризиса в Испании было относительно невелико. Кризисную ситуацию больше всего использовали фалангисты, которым всевозможные забастовки и насильственные действия сторонников Народного фронта давали повод бороться с правительством и его представителями методами индивидуального террора. После ряда покушений фашистов на республиканских политиков и служащих полиции 13 июля 1936 года полицейские убили лидера монархистов Кальво Сотело. Это дало повод нескольким генералам во главе с Франсиско Франко начать давно уже задуманный и тщательно подготовленный военный путч.

Этот военный путч, начавшийся 18 июля 1936 года, был не везде успешен. Республиканское правительство сумело сохранить или вернуть себе контроль над большей частью страны, причем его поддержали также некоторые верные республике офицеры, в особенности из военно-воздушных сил. Для восставших военных большая трудность состояла в

том, что Франко был переведен правительством Народного фронта на Канарские острова. Правда, он сумел добраться оттуда до Испанского Марокко и подчинить своему командованию размещенные там марокканские войска и испанский Иностраннный легион. Но он не мог переправить эти войска на континент, потому что не имел достаточного количества самолетов и судов. В этой ситуации он обратился к правительствам фашистской Италии и национал-социалистической Германии с просьбой доставить ему самолеты и другое военное снаряжение. Гитлер и Муссолини готовы были ему помочь и послали вначале самолеты и оружие, а в дальнейшем, поскольку военное положение мятежников все еще оставалось тяжелым, также и войска. Таким образом, военный путч Франко превратился в гражданскую войну, которую враждующие стороны вели под знаком фашизма и, соответственно, антифашизма.

Антифашисты едва ли не из всех европейских стран и из Соединенных Штатов устремились в Испанию, чтобы защитить от фашизма республиканское правительство. Тезис, по которому испанская гражданская война была глобальным конфликтом между «фашизмом» и «антифашизмом», был и остается весьма проблематичным. Главная цель, с которой Гитлер и Муссолини послали в Испанию сухопутные и воздушные силы, состояла вовсе не в том, чтобы «фашизировать» эту страну извне. Гораздо важнее идеологических мотивов были военные — испытание германской военной авиации, экономические — овладение испанскими источниками сырья и рынками сбыта и политические — ослабление демократических государств, Англии и Франции. Прежде всего это относится к политике Третьего рейха. Не случайно немецкий посол Фаупель, пришедший из партийного аппарата НСДАП и пытавшийся, без особого успеха, усилить фалангу в политическом и организационном отношении, вызвал энергичное сопротивление Франко, возражавшего против такого вмешательства во внутреннюю политику и идеологию, после чего Фаупель был заменен «нормальным» профессиональным дипломатом. Таким образом, нет оснований утверждать, будто Италия и Германия вмешались в испанскую гражданскую войну, чтобы экспортировать в Испанию фашизм.

Тезис, по которому испанская гражданская война была глобальным конфликтом между фашизмом и антифашизмом, вызывает сомнение еще и по другой причине. В начале военного путча фаланга все еще была относительно слабой

сектантской партией. Все ее руководство, в том числе Хосе Антонио Примо де Ривера, было арестовано республиканскими властями и вскоре расстреляно. Но по сравнению со всеми другими правыми партиями фаланга имела одно преимущество: у нее была партийная милиция, сразу же присоединившаяся к восставшим войскам генерала Франко. Правда, она насчитывала только 4 000 человек, но это побудило Франко к дальнейшему призыву добровольцев, поскольку выяснилось, что восстание, задуманное как простой военный путч, превратилось в гражданскую войну, заставившую привлечь и военные, и политические средства. Фаланга использовала этот неожиданный шанс, чтобы увеличить число своих членов и сторонников. В несколько месяцев она превратилась в важную политическую и военную силу. Хотя мы не располагаем конкретными количественными данными, можно не сомневаться, что после начала гражданской войны фаланга сумела приобрести массовую базу. За исключением карлистов в Наварре, также доставивших Франко свою партийную милицию, все остальные консервативные и монархические партии потеряли свое значение, между тем как фаланга стала политической силой, и перед лицом провозглашенной республиканским правительством народной войны Франко вынужден был сотрудничать с этой силой.

Поэтому 19 апреля 1937 года Франко объявил фалангу единственной государственной партией. Полное название этой партии было теперь «Испанская фаланга традиционалистов и союзов национально-синдикалистского наступления». Ее партийной эмблемой было ярмо с пучком стрел, заимствованное из герба католических королей Испании, и эта эмблема стала теперь новым государственным гербом. Руководство новой государственной партией, в которую добровольно вошло также много чиновников и военных, принял на себя командующий восставшими войсками Франко. Это вызвало ожесточенную критику со стороны старых фалангистов. Выразителем этого протеста «старых борцов» фаланги стал преемник Примо де Ривера — Эдилья. Франко распорядился сместить его и приговорить к смертной казни. Но вследствие вмешательства уже упомянутого германского посла Фаупеля приговор не был приведен в исполнение. Отсюда можно видеть, что при поддержке армии и церкви, уже и раньше резко отвергавших антиклерикальные требования фаланги, Франко сумел в значительной степени подчинить себе эту партию.

В этом отношении события в Испании развивались вовсе не так, как в Германии, где Гитлер и НСДАП, напротив, в значительной степени подчинили себе церковь и военных. Но антифашисты в Испании и других странах не заметили этих структурных различий. Беспощадный террор фаланги и армии Франко во время военных действий и после их окончания, направленный против коммунистической, социалистической и демократических партий, а также партий национальных меньшинств — басков и каталонцев, — по-видимому, укрепил их убеждение в том, что режим Франко был фашистской диктатурой. И в самом деле, в гражданской войне погибло 500 000 человек из общего населения Испании, составлявшего около 25 миллионов, и многие из них были жертвами контрреволюционного террора фалангистов. Но при этом нельзя упускать из виду, что и революционный террор вызвал немалые жертвы. Впрочем, характеристика франкистской Испании как фашистского государства опирается не только на описания применения террора, но и на внутреннюю структуру этого режима.

Фаланга осталась официальной государственной партией, в то время как все другие партии были запрещены; ее руководителем был Франко, который назывался теперь «каудильо», что равносильно немецкому званию «фюрер». Сверх того, он остался в должности «генералиссимуса», то есть верховного главнокомандующего испанских вооруженных сил. В качестве главы государства он не только ввел по фашистскому образцу «корпоративную систему», но 17 июня 1942 года установил, что «депутаты» испанского парламента (кортесов) больше не будут выбираться, а будут назначаться им самим, а также отдельными синдикатами, общинами, торговыми палатами и научными учреждениями. Одновременно с полным устранением парламента были отменены гражданские права и введена цензура печати — в первое время очень строгая. Режим с непреклонной суровостью подавлял социалистические и демократические силы, а также сепаратистские стремления национальных меньшинств Бискайи и Каталонии. Первоначальные антикапиталистические пункты программы фаланги все более ограничивались, несмотря на критику старых фалангистов; но антисемитские установки отсутствовали. Впрочем, после изгнания евреев инквизицией лишь незначительное число их вновь поселилось в Испании. Франко не выполнил и без того достаточно сдержанных националистических и реваншистских требований

фаланги, хотя после германской победы над Францией вполне мог это сделать. В апреле 1939 года Испания вступила в Антикоминтерновский пакт; но в 1940 году на встрече с Гитлером в Андэ Франко отверг его ультимативные требования вступить во Вторую мировую войну на стороне Германии. Отправка на фронт одной дивизии имела лишь символический характер. Для германской военной экономики очень важны были, впрочем, поставки разных видов сырья. Немецкое самолетостроение нуждалось в испанском вольфраме. Столь же важен был экспорт в Германию нефти, которую сама Испания импортировала из США.

Хотя франкистская Испания избежала военной оккупации союзников, после 1945 года она однозначно характеризовалась и Востоком, и Западом как фашистское государство и подвергалась систематическому бойкоту.

Франция

Еще в XIX веке Франция породила почти все идеи, из которых позднее вышел фашизм, в том числе национализм (Моррас и Баррес), расизм (Гобино), расовый антисемитизм (Дрюмон). Несмотря на это, собственно фашизм не сумел одержать победу в этой стране с помощью собственных сил. Лишь режим маршала Анри Петэна (1940—44 гг.) можно условно назвать фашистским. Однако это довольно краткое пребывание консервативных националистов и антиреспубликанцев у власти стало возможным лишь в результате военного поражения Франции.

Наиболее известным протофашистским движением было «Аксьон Франсез» («Французское действие»), зародившееся в конце XIX века в разгар дела Дрейфуса, которое раскололо страну на два лагеря. Офицера еврейского происхождения Дрейфуса обвинили в шпионаже в пользу Германии, его осудил военный трибунал республики. На помощь Дрейфусу попытались прийти влиятельные еврейские круги. Сбор материалов, показывающих невиновность Дрейфуса, сопровождался сомнительными денежными махинациями, подкупом журналистов и влиятельных лиц. С этого момента дело приобрело политический характер. Либерально настроенная часть общества настаивала на полном оправдании Дрейфуса, националисты требовали подтверждения приговора. Массовыми стали антисемитские настроения. Хотя новый военный суд подтвердил виновность офицера, Дрейфус был помилован

новым президентом республики Э.Лубэ. Победа сторонников Дрейфуса имела следствием приход к власти радикалов, которые начали проводить откровенно антикатолическую политику. Радикализировался и националистический лагерь.

Еще в ходе процесса несколько молодых интеллектуалов основали «Аксьон Франсез». Интеллектуальное влияние этой организации со временем вышло далеко за пределы страны. Идеология «Аксьон Франсез» представляла собой т.н. «интегральный национализм», выступающий за децентрализованную традиционную монархию и корпоративный общественный строй, а также отстаивающий антисемитизм и германофобию. Идеологи «Аксьон Франсез» подвергали радикальной критике либеральную систему и полностью отвергали марксизм.

По окончании Первой мировой войны, во Франции стали возникать различные лиги ультра-правого толка, направленные на противодействие коммунизму. В 1917 г. была основана Гражданская лига, в 1919-м — Лига офицеров запаса, в 1924-м — Национально-республиканская лига. Ни одна из этих групп не была фашистской, хотя они во многом подражали фашистам.

В 1925 г. во Франции возникла специфически фашистская группа, стремящаяся привлечь ветеранов войны — «Фэсо де комбаттан э де продуктёр» («Союз фронтовиков и производителей», калька с названия движения Муссолини), которая выделилась из «Аксьон Франсез». Ее главным руководителем стал Жорж Валуа, бывший анархо-синдикалист, который долго сотрудничал с Моррасом. Эстетически группа подражала итальянскому образцу (название, введение униформы и римского салюта).

С 1927 г. группа Валуа эволюционировала в сторону социализма, что привело к уходу вождя правого крыла партии Марселя Бюкара, а также к расколу (образованию Революционной фашистской партии Филиппа Ламура). Валуа начал критиковать итальянский режим как реакционный и в 1928 г. распустил свое движение. Впоследствии Валуа окончательно отошел от фашизма и окончил свои дни как военнопленный в немецком концлагере.

Большого успеха в мобилизации бывших фронтовиков достигла организация под названием «Огненные кресты» («Круа де Фё»), насчитывавшая в своих рядах несколько сот тысяч последователей/Основанная в 1927 г., эта лига отличалась своим элитаризмом: чтобы вступить в нее, надо было

иметь какую-нибудь воинскую награду. Политической деятельностью она стала заниматься с 1929 г., когда во главе ее встал полковник де ла Рок. Была расширена база организации, созданы молодежные и женские секции. Организация имела сугубо военную структуру, проводила массовые митинги, агитировала за организацию «похода на Париж».

Отстранение правых от власти в 1933 г. неизбежно вызвало активизацию антимарксистских организаций. Одной из них стала «Солидарите Франсез» («Французская солидарность»), которая во внешних своих чертах сознательно подражала фашистам и проповедовала яркий антисемитизм. Большее значение приобрела и организация Бюкара, одного из бывших руководителей «Фэсо». Практически все эти группы финансировались крупным фабрикантом парфюмерной промышленности Франсуа Коти.

Значительный интерес к фашизму проявляли французские интеллектуалы. Вокруг редакции газеты «Же сюи парту» образовалось фашистское течение учеников Морраса, главными выразителями которого были Бразильяк и Ребате. Фашистские идеи высказывали писатели Дрие ла Рошель и Селин.

На судьбу французского фашизма значительно повлияли события вокруг т.н. «Дела Ставиского». Финансист еврейского происхождения Ставиский организовал множество крупных афер, пользуясь при этом полной безнаказанностью благодаря поддержке парламентариев и руководителей радикально-социалистической партии, находившейся тогда у власти. После того, как махинации Ставиского вскрылись, фашисты назначили на 6 февраля 1934 г. демонстрацию протеста. Демонстрация быстро переросла в мятеж, прозвучали призывы к штурму парламента. Полиция отреагировала жестко: были десятки убитых, сотни раненых и арестованных. Левые обвинили организаторов в «фашистском заговоре» против республики, в подготовке «похода на Париж». Для французского фашизма эти события стали символом рождения во Франции социального и революционного национализма как массового движения.

В ответ на «фашистский заговор» левые назначили на 9 февраля большую демонстрацию, в ходе которой фактически родился Народный фронт, победивший на парламентских выборах в середине 1936 г. До этого триумфа левых во Франции произошла значительная фашизация французского крестьянского движения. В 1935 г. был создан «Крестьянский фронт» во главе с братьями Доржер. Это была первая

французская фашистская группа, которая имела широкую социальную опору среди трудящихся. У нее была милиция в зеленых рубашках и молодежные организации. Но через полтора года это движение утратило почти все свое значение.

Одной из первых мер, принятых Народным фронтом после прихода к власти, был роспуск фашистских организаций: Лиги Французского действия, «Патриотической молодежи», «Французской солидарности», «Огненных крестов» и Франсистской партии. Некоторые из них быстро реорганизовались под новыми названиями: движение де ла Рока было преобразовано во Французскую социальную партию, «Патриотическая молодежь» Теттенже — в Социально-национальную республиканскую партию, «франсисты» — в Единую французскую партию национал-социалистического действия. Ни одна из этих политических сил не достигла таких успехов, как до победы Народного фронта.

Летом 1936 г. началось бурное развитие Французской народной партии (ППФ), основателем и вождем которой был бывший коммунист и деятель Коминтерна Жак Дорио. ППФ была партией чисто фашистского стиля, попыткой преодолеть старые схемы правых и левых. Впервые французский фашизм получил неоспоримую народную поддержку. ППФ была значительной массовой организацией, которая в зените своего влияния насчитывала почти 150 тыс. членов.

Накануне всеобщих выборов 1937 г. ППФ предложила создать «Фронт свободы против коммунизма», к которому примкнули «Аксьон Франсез», «Крестьянский фронт», «Республиканская федерация» и некоторые другие организации. Партия де ла Рока осталась в стороне от этого блока, который не достиг на выборах своих целей. В 1938 году движение Дорио поддержало политику умиротворения, которая привела к Мюнхенскому соглашению.

В том же году, что и ППФ, была создана подпольная группа «Тайный комитет революционного действия», известная также под названием «Кагуль» («капюшон»), под руководством Эжена Делонкля. В нее вошли бывшие члены «Аксьон Франсез» и «Огненных крестов», считавшие, что их руководители вели себя слишком трусливо по отношению к коммунизму и Народному фронту. «Кагуль» был реакцией самозащиты, так как после победы Народного фронта коммунистическая угроза стала осязаемой и реальной. «Кагуль» вербовал, прежде всего, военных и имел милитаризованную структуру. «Кагулярам» приписывали ряд покушений, совер-

шенных в 1937 г. (в списке «приговоренных» наряду с левыми политиками фигурировали Теттенже, де ла Рок и Дорио), после чего полиция изъяла большое количество оружия. Руководство «кагуляров» было большей частью арестовано и освобождено лишь когда началась война с Германией.

В отличие от других стран Западной Европы, фашистские движения после начала войны во Франции запрещены не были, за исключением Французской унитарной партии («франсистов»). Однако их политическая сила, и без того ослабленная, стала еще меньше в результате массового призыва в армию их руководителей, редакторов и активистов.

Правительство Третьей республики, неспособное организовать отпор немецким войскам, поручило руководство страной маршалу Петэну, герою обороны Вердена. Он обратился к немцам с просьбой прекратить военные действия и подписать перемирие. Немецкие войска оккупировали север Франции и побережье в силу необходимости продолжать войну против Англии. Остальная часть страны, где не было оккупационных войск, осталась под властью правительства Петэна, резиденцией которого стал небольшой городок Виши. Петэн и его соратники хотели сделать Францию способной вписаться в «новый порядок», навязанный Германией и Италией. Речь шла о модернизации французских учреждений, об их «фашизации», но это делалось в основном из политического оппортунизма. В силу этого, фашистские силы, которые не могли официально действовать в свободной зоне, в связи с запретом политических партий, сосредоточились в оккупированном Париже и стали критиковать «псевдофашизм Виши».

Режим Петэна создал многочисленную милицию, которая стала его опорой — «Легион ветеранов и добровольцев национальной революции». Были введены антисемитские законы, провозглашено создание «корпоративного государства».

Полную моральную поддержку новому «Французскому государству» оказал Моррас, который надеялся на реализацию своих политических идей. Эту поддержку он, в отличие от фашистов, оказывал до самого последнего момента, поддерживая также скрытую антинемецкую политику Виши.

Политика Виши не во всем вдохновлялась фашистской идеологией, «сотрудничество» определялось фактом немецкой военной оккупации; двойственную позицию Петэна и его режима лучше всего назвать «выжидательной»: официально говорилось о сотрудничестве с Германией и странами

Оси, внутренняя самоорганизация проводилась в псевдофашистской и фашистской форме, а фактически оказывалась помощь союзникам путем саботажа любыми средствами немецких военных усилий.

После подписания перемирия с Германией начали возрождаться французские фашистские партии, почти прекратившие существование, так как война разбросала их кадры. Дорио занялся воссозданием своей партии в оккупированной зоне. В свободной зоне Виши его организация была замаскирована под «Друзей «Эмансипасьон» (официальный орган ППФ). Немцы относились к нему неблагоприятно из-за его прежних воинственных выступлений против Германии, а в Виши с большим подозрением смотрели на бывшего коммуниста.

В Париже было основано множество мелких организаций, которые идеологически колебались между Виши и фашизмом: «Национал-коллективистская французская партия», «Молодой фронт», «Французская гвардия», «Французская национал-социалистическая партия», «Свободный фронт». Сравнительно важную политическую роль играло «Социал-революционное движение» старого лидера «кагуляров» Эжена Делонкля.

Конкурентом Дорио был «неосоциалист» Деа. Бывший депутат-социалист, бывший член «Комитета бдительности интеллектуалов-антифашистов» после поражения Франции эволюционировал в сторону фашизма. Деа создал «Народное национальное объединение», которое стало едва ли не главной коллаборационистской силой свободной зоны и на какое-то время поглотило партию Делонкля. «Франсистская партия», реорганизованная под своим первоначальным названием в оккупированной зоне, так и осталась партией меньшинства. Бюкар заявлял о себе как о твердом стороннике «сотрудничества» и признавал «превосходство европейского социализма над французским национализмом». Одновременно возникли другие мелкие группы того же направления: «Группа сотрудничества», «Молодежь Новой Европы», «Молодежь Маршала», «Антибольшевистский комитет», «Французская партия», «Французский союз», «Французская лига»... Среди национальных меньшинств также возникли группы, которые пытались использовать ситуацию в своих политических целях. Так, бретонские националисты создали нечто вроде фашистской партии и делали ставку на немцев в надежде, что они в будущем дадут им независимость.

Фашистские и филофашистские журналисты и писатели отстаивали идею «Нового европейского порядка» в больших парижских печатных органах: Жорж Суарес в «Ожурдои», Бразильяк и Ребате в «Же сюи парту», ПА. Кусто в «Пари Суар», Анри Лебр в «Ле кри дю пёпль», Жан Люшер в «Ле Нуво Тан», Альфонс де Шатобриан в «Ла Жерб», Стефан Лозанн в «Ле Матэн».

Начало войны против СССР было единственной причиной, которая объединила, хотя и ненадолго, партии и группы «парижского фашизма». Представители всех перечисленных политических партий создали комитет, который организовал «Легион французских добровольцев против большевизма», сражавшийся на протяжении всей кампании в России вместе с немцами на Восточном фронте. Из политических вождей в России воевал только Дорио.

Благодаря растущему престижу Дорио, ППФ стала подумывать о взятии власти. Чтобы воспрепятствовать этому, Деа объединил все коллаборационистские силы оккупированной зоны в «Национально-революционный фронт», который пользовался поддержкой различных мелких групп и печатных органов, а также «франсистов» и «Социал-революционного движения» Делонкля.

В свободной зоне наиболее радикальные элементы и сторонники национальной революции объединились в «Легион ветеранов и добровольцев», т.н. «Службу легионерского порядка» во главе с Дарнаном. С января 1943 года они стали именоваться Французской милицией, а позже распространились на бывшую оккупированную зону (к тому времени уже вся Франция была оккупирована немцами), фактически поглотив различные милиции коллаборационистских партий. В том же году, когда была создана Французская милиция, начала формироваться бригада французских добровольцев войск СС, позже усиленная элементами из «Легиона добровольцев» и французскими добровольцами, служивших в разных видах немецких войск, от НСКК (Национал-социалистический мотомеханизированный корпус) до военно-морского флота. Так образовалась «Дивизия Карл Великий» («Шарлемань»), которая приняла участие в битве за Берлин и в защите бункера Гитлера.

Лишь в 1944 году ультра-коллаборационисты вошли в состав кабинета Петэна: Деа как министр труда, Дарнан как ответственный за внутреннюю безопасность. Вскоре после этого Петэн перестал считаться главой государства и превратился в

пленника немцев, в то время как англо-американские войска после высадки в Нормандии и в Провансе оккупировали Францию. В Германии, в Зигмарингене, было создано правительство в изгнании.

Освобождение Франции сопровождалось массовым избиением фашистов и коллаборационистов. Число убитых без суда и следствия оценивается в 100 тысяч. К этому следует добавить официальные репрессии: заключенных было столько, что концлагерей, созданных еще немцами, не хватило и пришлось создавать новые. Стали действовать особые трибуналы, отличавшиеся своей жестокостью. Расстрелы коллаборационистов продолжались до 1954 года.

Норвегия

В Норвегии долгое время не было фашистских организаций. Газета «Тиденс Тек» весьма благожелательно относилась к Муссолини, но Италия была слишком далеко, чтобы оказывать влияние в Норвегии. Немецкие национал-социалисты пытались распространять свою идеологию через личные контакты. Эти попытки были более удачными ввиду тесных связей между Германией и Норвегией. Самым значительным было основанное в 1925 году антимарксистское националистическое движение «Федреландслаг» («Отечественная Лига»), которое достигало численности в 100 тысяч человек. К концу 30-х годов это движение частично потеряло свое значение. Профашистские элементы присутствовали также в Крестьянской партии и в «Хейре» (партия «правых»).

В марте 1931 г. министр обороны Норвегии Видкунд Квислинг создал движение под названием «Пробуждение нордического народа», которое в мае 1933 г. было преобразовано в партию «Нашунал Самлинг» («Национальное единение»). На идеологию Квислинга значительно повлияла победа Гитлера. Партия прославляла нордическую расу, проповедовала корпоративизм и яростный антикоммунизм. В программе движения упоминалось о принципе вождизма, требовались ликвидация партий и парламента, установление «настоящего социализма» и объявление марксизма вне закона. Организация обладала собственными штурмовыми отрядами, известными под названием «Хирт».

Квислинг попытался разжечь в рядах своих сторонников антисемитские настроения, что было не очень просто, поскольку в Норвегии проживало очень мало евреев. В облас-

ти международной политики Квислинг выступал за блок европейских государств под эгидой нацистской Германии, где было бы отведено почетное место норвежцам, как представителям нордической расы.

Кроме «Национального единения» существовала еще малочисленная «Национал-социалистическая партия трудящихся Норвегии».

На парламентских выборах «Национальному единению» ни разу не удалось достичь сколько-нибудь внушительных результатов, что объяснялось созданием широкого фронта оппозиции, возникшего в результате спланированной акции, в которой приняли участие все, от коммунистов до правых. Тем не менее, в 1939 г. Партия Квислинга насчитывала 15 тыс. зарегистрированных членов, а число ее приверженцев достигало 200 тыс., что составляло те 10%, которые выступали за сотрудничество с Германией.

После начала Второй мировой войны, когда Норвегия еще оставалась нейтральной (до ввода немецких войск) Квислинг заявлял, что необходимо оказать сопротивление попыткам союзников оккупировать страну, причем единственный выход он видел в оккупации Норвегии вермахтом. В условиях вакуума власти и беспорядка (после того, как правительство и король бежали из страны) Квислинг 9 апреля 1940 г. захватил власть. Немецкие оккупационные органы сначала смирились с этим, как со свершившимся фактом, но, увидев, что узкая социальная база «Национального единения» компрометирует их цели и может быть помехой для оккупации, уже 14 апреля попросили Квислинга уйти.

На следующий день был образован Административный совет, выполнявший функции правительства. В совет вошли: председатель верховного суда П.Берг, директор норвежского банка Торкилдсен, полицмейстер Осло К.Велхавен, председатель городской коммуны Осло Нильсен, бургомистр Осло П.Хартман. Во главе департаментов Административного совета были поставлены: Г.Яан (департамент финансов и труда), Бахе-Вииг (департамент торговли и снабжения), Д.Сейп (департамент по делам церкви и просвещения), О.Харбек (департамент юстиции), Морк (департамент по делам земледелия), Адиесен (департамент по социальным вопросам). Во главе Административного департамента был поставлен фюлькесман (губернатор) Осло И.Кристенсен. Первое же обращение Административного совета к норвежскому народу, зачитанное Кристенсеном по радио, раскрывало

стремление Совета активно сотрудничать с немцами и способствовать прекращению сопротивления.

В числе мер, предпринятых в период правления Административного совета, можно назвать ведение особого социального обеспечения рабочих и служащих, занятых на строительстве немецких военных объектов. Были и мероприятия по экономической помощи Германии и укреплению позиций немцев в Норвегии. Даже Квислинг заявил Кристенсену, что «сейчас вы возглавили правительство Норвегии на немецких условиях... Вы превратились в послушного слугу вермахта. Вас принудят грабить свой народ, и когда это будет сделано, то ваши новые хозяева выбросят вас. Именно этого вы и заслуживаете».

Одной из самых основных задач Административного совета являлось любыми методами препятствовать и бороться против актов саботажа. В принципе, с этой задачей коллаборационисты успешно справились. В период существования Административного совета норвежцы проявляли относительное спокойствие, а в экономике страны не возникло хаоса. В этом была и заслуга немецких оккупационных властей, которые формально оставили в силе норвежские законы, конституцию, позволили легально действовать всем партиям и издаваться всем газетам (Коммунистическая партия была запрещена лишь 16 августа 1940 г.). Не была даже введена цензура. Разрешалось, как и в довоенное время, открыто проводить профсоюзные и партийные съезды, конференции и другие собрания. При этом гитлеровцы пытались выставить себя роли спасителей норвежского народа от «неминуемой агрессии» со стороны Англии и Советского Союза. Пропагандистский аппарат оккупантов совместно с квислинговцами развернул среди населения широкую кампанию о родстве немцев и норвежцев как представителей нордической расы. Солдатам и офицерам вермахта строго предписывалось быть с норвежцами вежливыми и любезными.

25 сентября 1940 г. германский рейхскомиссар Йозеф Тербовен выступил по радио с изложением новой политики немцев в Норвегии. Он объявил о запрещении всех партий, за исключением «Нашунал Самлинг», и призвал всех норвежцев вступать в движение Квислинга (в докладных записках Тербовен называл «Национальное единение» «прорастающим семенем национал-социализма в Норвегии»). Король был объявлен лишенным престола, стorting (парламент) распущен. Административный совет заменялся 13 комиссарами,

которые подчинялись непосредственно Тербовену. 9 комиссаров были членами «Национального единения». Вскоре были распущены или реорганизованы городские и муниципальные управления, а их функции перешли к членам партии Квислинга. Последний, хотя и не получил официального поста, но был провозглашен «руководителем норвежского народа».

Лишь с этого момента был дан старт установлению «нового порядка» в Норвегии. Фашизацию общества нацисты и квислинговцы решили начать со школ и молодежных спортивных союзов. В ноябре 1940 г. школьным инспектором был назначен Ерген Баке. В своем программном заявлении он сказал: «Учителя школы должны с самого начала воздействовать на молодежь таким образом, чтобы она стала достойным членом национал-социалистического общества в Норвегии... Необходимо поставить под политический контроль школу». Губернатор провинции Румерике предъявил всем учителям ультиматум: или они немедленно вступят в «Национальное единение» или сразу же будут уволены с работы. В обязанности учителей вменялось пресекать и доносить о каждом враждебном отношении или попытке к саботажу против «нового порядка» со стороны учеников и коллег по работе. 5 февраля 1941 г. было объявлено об обязательном участии мальчиков и девочек в возрасте от 10 до 18 лет в фашистских «молодежных дружинах» и об организации Союза учителей Норвегии.

Попытки преподавателей саботировать все эти мероприятия властей носили иногда довольно драматические формы, однако к моменту начала войны Германии с СССР фактически сошли на нет. Аналогичная ситуация складывалась и в области спорта. Должность комиссара по вопросам спорта и труда занял квислинговец Аксель Странг. 22 ноября 1940 г. Странг объявил о роспуске всех прежних спортивных организаций (насчитывавших к этому времени 350 тыс. человек) и образовании Норвежского спортивного союза. Вместо выборных руководителей спортивных ассоциаций назначались «фюреры» того или иного вида спорта, которые должны были нести полную ответственность за лояльность и политическую благонадежность своих подчиненных, а также вести нацистскую пропаганду среди спортсменов.

Определенных успехов оккупантам и квислинговцам удалось достичь в деле фашизации крестьянского движения. 12 октября 1940 г. к «Нашунал Самлинг» присоединился влиятельный «Союз норвежских крестьян», после чего было

объявлено о создании единого «Союза крестьян Норвегии», одной из целей которого стала фашизация сельских районов страны.

Большое значение при осуществлении своих планов нацисты уделяли культуре. 25 сентября 1940 г. департамент культуры возглавил квислинговец Гулбранд Лунде. Государственные библиотеки, радио, издательства сразу же были поставлены под полный контроль оккупационной администрации и сторонников «Нашунал Самлинг». Радио и кино стали рупором пропаганды фашистской идеологии. На должности директоров национальных театров были назначены лояльные властям люди. Самым выдающимся достижением нацистов на поприще фашизации культурной жизни стало привлечение к активному сотрудничеству нобелевского лауреата Кнута Гамсуна, вступившего в «Национальное единение» и не устававшего пропагандировать «новый порядок».

Начало войны Германии с Советским Союзом было с энтузиазмом воспринято сторонниками Квислинга. Была объявлена мобилизация в норвежский легион для боевых действий на Восточном фронте. В крупных норвежских городах были открыты вербовочные пункты и к концу июля 1941 г. первые триста норвежских добровольцев отправились в Германию. После прибытия в Киль, они были отправлены в учебный район Фаллинбостел. Здесь первого августа 1941 г. был официально создан добровольческий легион «Норвегия». 3 октября 1941 г. в присутствии Квислинга первый батальон легиона принял присягу. В знак преемственности этот батальон получил название «Викен» — то же что имел 1-й полк «Хирта». 16 марта 1942 г. легион прибыл на Ленинградский участок фронта. В нескольких километрах от Ленинграда норвежцы были введены в состав 2-й пехотной бригады СС. В сентябре 1942 г. на фронт прибыла полицейская рота норвежского легиона, созданная из норвежских полицейских. Ее командиром был СС-штурмбаннфюрер и руководитель норвежской полиции Ионас Ли. Легион понес большие потери в оборонительных боях у Красного Села, Константиновки, Уретска и Красного Бора. В феврале 1943 г. 800 оставшихся легионеров были соединены с запасными ротами, а в конце марта легион был выведен с фронта и отправлен в Норвегию.

Шестого апреля 1943 г., в Осло состоялся парад легионеров. После недолгого отпуска легион вернулся в Германию в мае этого же года, норвежцы были собраны на полигоне Графенвер, где 20 мая 1943 г. легион был расформирован. Одна-

ко большая часть норвежцев откликнулась на призыв В. Квислинга и продолжила службу в рядах добровольческой дивизии войск СС «Нордланд». Норвежцы служили и в других частях германских вооруженных сил.

В феврале 1942 г. Квислинг вновь возглавил Совет министров (при этом, немцы не отзывали своего рейхскомиссара). К этому времени репрессивно-карательный аппарат режима начал приобретать оформленные формы. Еще в сентябре 1941 г. Норвегию посетили руководители СС и полиции Германии (Гиммлер, Гейдрих, Вольф и др.). Они провели совещание совместно с норвежскими коллегами, в частности с главой квислинговской полиции И.Ли, и составили план борьбы с движением Сопротивления.

В марте 1942 г. норвежская полиция провела в стране массовые аресты учителей школ. Проводились неоднократные акции возмездия за саботаж и диверсии (в местечке Телавог в апреле 1942 г. за убийство двух гестаповцев была сожжена 300 домов; в сентябре того же года за диверсионную деятельность были расстреляны 50 человек в Серланде). В стране было открыто несколько концентрационных лагерей. Наиболее крупные находились в Сундланде, Гевлемуене, около Кристиансанда, в Ойстаде, около Осло (три лагеря).

Тяжелые испытания выпали на долю евреев (к моменту оккупации здесь проживало 1500 норвежских евреев и около 200 евреев из других стран). Немцы и квислинговцы периодически устраивали погромы и облавы, особенно после начала войны Германии с СССР. 23 июня 1941 г. в концлагере Грини гитлеровцы уничтожили 60 евреев — выходцев из России. В октябре 1942 г. погромы распространились по всей стране. 734 еврея были арестованы и направлены в лагеря Германии и Генерал-губернаторства. Из них в живых к концу войны осталось лишь 12 человек.

16 августа 1943 г. Норвегия официально объявила войну СССР. Была объявлена трудовая мобилизация, развернута новая мощная кампания с призывом к норвежцам «внести вклад в борьбу с большевизмом». В сентябре 1943 г. было опубликовано обращение Гитлера к норвежскому народу. Фюрер заявлял, что он рассматривает Норвегию как своего союзника и требует, чтобы норвежский народ принял участие в войне против СССР. Взамен этого Гитлер обещал предоставить стране «почетное место в рамках нового порядка в Европе».

Поражение Германии означало конец карьеры Квислинга. В самом конце войны он обосновался вместе с членами

своего правительства в местечке Гимле около столицы и окружил себя наиболее преданными отрядами «Хирта». 9 мая 1945 г. все они добровольно сдались новым властям. Немецкие войска в Норвегии и подавляющее большинство квислинговских отрядов сопротивления не оказали и разоружились.

Затем последовали жестокие репрессии. Из трех миллионов жителей Норвегии не менее 90 тыс. (около 4% взрослого населения страны) были обвинены в коллаборационизме. Были созданы 15 концлагерей и восстановлена смертная казнь. 30 человек было расстреляно, 80 — приговорено к пожизненному заключению. Самым скандальным был случай с лауреатом Нобелевской премии по литературе Кнутом Гамсуном, который призывал добровольцев вступать в СС и произнес по радио хвалебную речь о Гитлере, узнав о его смерти. Несмотря на его возраст и престиж он был посажен в сумасшедший дом.

Венгрия

Вплоть до 1944 года Венгрия, вопреки заявлениям левых исследователей, не была «фашистской» страной, а всего лишь антикоммунистической диктатурой регента Миклоша Хорти. Здесь был весьма распространен антисемитизм и шовинизм, обусловленные тем, что немцы и евреи, которые в условиях преимущественно аграрной Венгрии в ходе медленной индустриализации и модернизации этой страны превратились в некий суррогат буржуазии. Но хотя и немцы, и в особенности евреи в значительной мере ассимилировались, они с самого начала оказались в неполноправном положении. Уже первое послевоенное венгерское правительство полностью изгнало евреев из органов государственного управления и ввело для еврейских студентов процентную норму, по которой доля евреев среди студентов не должна была превышать их долю в общем населении (6%). В дальнейшем антисемитское законодательство еще более ужесточилось. Этим способом венгерские правительства реагировали на требования еще очень слабой венгерской буржуазии, стремившейся ограничить экономическое преобладание евреев: евреями были 80% адвокатов, 50% врачей и 37% промышленников, между тем как в офицерском корпусе они составляли лишь 1,6%, а среди промышленных рабочих — 0,4%. Антисемитизм, проявившийся в венгерском обществе еще до 1914 года, тем более усилился и ожесточился оттого, что

многие лидеры венгерской советской республики были еврейского происхождения.

Фашистских организаций в Венгрии было множество, но наиболее успешной стало в конечном итоге движение, которое возглавлял Ференц Салаш. Профессиональный военный, участник мировой войны, он был твердым противником коммунизма и боролся с ним в первый период режима Хорти. Потом он отошел от политики, чтобы сосредоточиться на военных и научных исследованиях. Став офицером Генерального штаба, он получил известность благодаря своим работам по социальным проблемам, при подготовке которых он узнал, в каком ужасном положении находятся венгерские рабочие и крестьяне. Он опубликовал ряд книг, имевших успех. В 1930 году он написал книгу «Генеральный штаб» и еще одну, «Рационализация», посвященную проблемам администрации. Затем в 1931 году последовали «Принципиальные основы разоружения» и позже — «Психологические основы мобилизации», книги на военную тему, имевшие отклик и в зарубежных генеральных штабах. В 1935 году он выпустил «План перестройки Венгерского государства». Высказанные в ней идеи вызвали много нареканий.

К тому времени Салаш понял, что его призвание — политика и он должен себя ей посвятить. Он ушел из армии, чтобы создать «Партию народной воли», конкретную программу для которой он разработал в своей новой книге «Цели и пределы». Новая партия, несмотря на неудачу на выборах, быстро набирала силу. Она охватила не только беднейшие слои крестьянства, но и городской пролетариат. Салаш открыто критиковал парламентскую систему и консерватизм режима и требовал эффективной аграрной реформы. Партия говорила о «хунгаризме», объединяя в этом понятии национальные чаяния венгров и социальные чаяния народа. В апреле 1937 г. Салаш в первый раз попал в тюрьму, а его партия была распущена, но вскоре снова возникла как Национал-социалистическая партия и усилила свою пропаганду. Летом 1937 г. она уже насчитывала 20000 членов. Осенью все национал-социалистические группы несколько недель действовали совместно, провели массовые митинги, и правительство ясно увидело опасность, которую надо пресечь.

Более 50% активных участников движения Салаша были рабочими; 8% составляли крестьяне и 12% служащие. Велико было количество профессиональных военных — 17%. Их твердая вера в социальную справедливость не вызывала сомнений.

Успехи салашистов бросали в дрожь венгерские правящие круги, поэтому они начали систематические репрессии против них, сочетая полицейские меры с присваиванием себе ряда фашистских требований, чтобы «забежать вперед».

До немецкой оккупации в марте 1944 года сторонники Салаши подвергались практически непрерывным преследованиям: их газеты и митинги запрещали, руководителей сажали в тюрьмы, а сотни рядовых членов — в концлагеря. Был арестован и приговорен к трем годам каторжных работ и сам Салаши, обвиненный в подрывной деятельности. Фигура заключенного фашистского лидера превратилась в миф и в мощное пропагандистское оружие.

После успехов на выборах 1938 года, когда мандаты получили два депутата от партии Салаши и к ним в парламенте еще добавились диссиденты из Партии национального единства и Партии мелких собственников, правительство попыталось сделать так, чтобы на выборах 1939 года, первых после 1922 года, проводившихся при тайном голосовании, фашизм не смог укрепить свои позиции. Было распущено Хунгаристское движение, которое объединяло тогда сторонников Салаши. Его глава, Калман Хубай, быстро сориентировался и воссоздал движение как «Партию окрещенных стрел».

Давление правительства на тех, кто хотел голосовать за «Скрещенные стрелы», было чрезвычайно сильным. Жандармерия, всевластная организация в Венгрии Хорта, арестовала накануне выборов тысячи салашистов — «зеленорубашечников», чтобы помешать им голосовать. Крестьянам угрожали, что их прогонят с арендуемых ими земель, если они будут голосовать за «Скрещенные стрелы». Несмотря на это, успех был большим. От «стрел» было выбрано 29 депутатов; к ним присоединились позже единственный депутат от партии «Народная воля», правого крыла, отколовшегося от «стрел», и два депутата от группы «Защитники расы». Эту парламентскую группу из 32 депутатов дополняли представители «правых» национал-социалистических сил. «Национальный фронт» Палфи и Фештетича получил всего 9 мандатов, хотя в него входили многие организации: Христианский фронт, Национальная группировка, Национал-социалистическое христианское движение, Национал-социалистическое народное движение, Национал-социалистическая расовая группировка, Организация защиты христиан нашей расы и Объединенная национал-социалистическая партия, возглавляемая двумя графами, единственная во всем «фронте», имевшая хоть какое-то значение. Группа Меш-

ко «Национал-социалистический христианский фронт» получила 3 мандата, а группа, образованная венгерским меньшинством в Чехословакии на территории, присоединенной к Венгрии по Мюнхенскому соглашению, Национал-социалистический единый фронт Яроша — 5 мандатов. 32 депутата от «стрел» и 27 от «правых» национал-социалистов составляли сильную национал-социалистическую оппозицию. Несмотря на репрессии и на махинации на выборах успех «Скрещенных стрел» был очевидным. Левая оппозиция и партии центра смотрелись на этом фронте бледно.

Партия Скрещенных стрел в своей первой избирательной кампании, которая велась в трудных условиях, достигла громкого успеха. Ее поддерживали более 25% населения Венгрии. Что предлагала венграм эта партия? Впечатление производила, прежде всего, личная честность ее вождя. Второе место занимала защита обездоленных классов, поскольку левые оказались бессильными и заключили союз с самыми реакционными элементами венгерского общества. Отличительной чертой венгерских национал-социалистических движений было не только то, что они предлагали программу социальных реформ вплоть до революции левой ориентации в порядке конкуренции с сильными левыми партиями, но и то, что за отсутствием чего-либо подобного на левом фланге, они превратились фактически в главных защитников такой программы.

Однако речь шла не просто о радикальной программе. Салаши хотел создать военно-мистический Орден, а не классическую политическую партию. Двумя ключевыми элементами идеологии «Скрещенных стрел» были социализм и национализм. Салаши писал на эти темы большие теоретические работы и дал движению оригинальную идеологию. Что касается социализма, то особенно примечателен следующий отрывок: «В то время как крестьянский социализм эгоцентричен и наибольшее удовлетворение ему может дать социализация земли, рабочий социализм охватывает все, интересы всего народа, благо всей нации. Рабочий социализм это национал-социализм... В борьбе хунгаристского движения во имя Родины и Нации рабочий занимает свое истинное место в обществе... главная сила национал-социалистического хунгаристского движения заключается в том, что оно считает равными всех, кто работает ради нации руками или мозгами... Мы отвергаем узкий "классовый" социализм и распространяем его на все слои населения, на всю Нацию». Что же касается национализма, то Салаши не ограничивался типично

фашистским требованием создания «Великой Венгрии», а выступал за солидарность национал-социалистических стран, которые должны образовать федерацию. В то время как реакционные элементы вели кампанию за «восстановление территориальной целостности» Венгрии с помощью военных авантюров, Салаши предлагал создать большую Карпато-Дунайскую федерацию как единственный способ положить конец затянувшемуся спору о границах. В стране, где царила ненависть к румынским соседям, которых обвиняли в захвате Трансильвании, антишовинизм «Скрещенных стрел» доходил до такой степени, что газеты Салаши печатали благожелательные статьи о Кодряну и румынской «Железной гвардии», к ярости фанатиков из числа венгерских правых.

Фундаментальное сходство с «Железной гвардией» выразилось в религиозной деятельности партии. Салаши был верующим католиком, и католическая мистика оказывала на него большое влияние. С другой стороны, Салаши выступал за полное отделение церкви от государства, против клерикальной монополии в области образования и против вмешательства церковных иерархов в политику. Убедительная позиция партии по этим вопросам позволяла ей рассчитывать на поддержку католиков.

Партия «Скрещенных стрел» имела пирамидальную организационную структуру. Салаши сохранял за собой верховное, так сказать «духовное» руководство, тогда как Калман Хубай занимался организационными и политическими вопросами. Было несколько центральных отделов: Совет реконструкции страны, орготдел партии, отдел приема, отдел приема рабочих, отдел пропаганды, отдел социальных проблем и идеологии. Разные социальные группы были представлены Большими советами: Большим рабочим советом и Большим крестьянским советом. Через эти организации партия расширяла сферу своей деятельности. Например, с Советом реконструкции страны, кроме членов партии были связаны 2000 офицеров, инженеров и адвокатов, готовых сотрудничать с партией, если она придет к власти. Поскольку государственным чиновникам и военным было запрещено входить в партию, существовали тайные организации, т.н. «кланы», в которых представители дипломатического корпуса, администрации и армии числились не под своими именами, а под кодовыми номерами. По данным Деака, в этих тайных ответвлениях в 1944 году, когда Салаши пришел к власти, насчитывалось 50 000 членов.

Организованной милиции не было, так как правительство запретило «частные армии». Зато стали бурно развиваться национал-социалистические профсоюзы.

После шумного успеха «стрел» на выборах национал-социалистические силы образовали парламентскую фракцию «Фронт скрещенных стрел», и Хубай, вождь правого крыла, взял курс на слияние всех венгерских национал-социалистических элементов, чему противились левое крыло и профсоюзы. Салаша не мог их поддержать, так как находился в тюрьме. Хотя партия достигла высшей точки своего влияния, ее раздирали внутренние противоречия, которые грозили вылиться наружу.

Правительство, с другой стороны, снова стало обретать стабильность, преодолев экономический кризис. Его ориентация на германскую внешнюю политику принесла ему большие успехи. После расчленения Чехословакии Венгрия вернула себе большие территории. Благодаря немецкому арбитражу румыны возвратили Венгрии большую часть Трансильвании. Когда позже немцы в результате «блицкрига» в 1940 году разбили западные демократии, почти все балканские страны присоединились к Тройственному пакту. Венгрия тоже, и в итоге югославской кампании аннексировала новые территории. Сторонниками этой прогерманской политики были не «салашисты», которые видели в гегемонистских притязаниях Германии противоречие венгерским интересам, а элементы правого крыла правительственной партии и прогерманские элементы в армии, а также группы «правых фашистов». Союз с державами Оси не означал, однако, что Венгрия стала фашистской страной. Несмотря на сохранение или усиление рада «фашистских» черт внешнего порядка и более строгие антисемитские меры, Венгрия твердо пресекала развитие фашизма. Когда вскоре после выборов 1939 года был раскрыт заговор с целью свергнуть Хорти и освободить Салаша, 23 его участника были быстро осуждены.

1940 год стал решающим в истории венгерского фашизма. Правительство во главе с либералами Телеки и Каллаи, стремясь любой ценой воспрепятствовать возвышению национал-социализма, создавало даже внешне фашистские, но чисто антинемецкие и антисалашистские организации, такие как «Орден смельчаков» и «Ассоциация туранских стрелков». Правительство непосредственно контролировало, вооружало и финансировало эти организации. Однако все они никогда не были эффективными и держались только благодаря финансовой

помощи правительства, которое надеялось, что эти подражательно «фашистские» группы отнимут силы у Салаши.

Осенью 1940 года родилось «Хунгаристское национал-социалистическое движение Скрещенных стрел», имевшее 40 депутатов и четверть миллиона членов. Но левое крыло «стрел» оказалось недовольно «поправением» организации и решило доказать свою верность революционной линии, организовав большую забастовку. Она была вызвана тем, что тысячи активистов «Скрещенных стрел» находились в тюрьмах, а сотни рабочих были уволены. Произошли кровавые столкновения. Удар, нанесенный забастовкой, был столь силен — бастовали и почтовые служащие, и профсоюзы трамвайщиков и железнодорожников, созданные «Скрещенными стрелами», и сельскохозяйственные рабочие, и рабочие частных предприятий, — что Телеки, убоявшись революции, был вынужден уступить.

Салаши вышел из тюрьмы и порвал с «правыми фашистами». Осенью 1941 года «Хунгаристское национал-социалистическое движение Скрещенных стрел» перестало существовать. Народная масса и 19 депутатов остались с Салаши. Однако более половины членов партии ушли из активной политики.

Когда военная удача отвернулась от Германии и ее союзников, немцы оккупировали Венгрию, чтобы предупредить ее возможный выход из Оси. Они заставили Хорти сформировать кабинет, намеренный продолжать борьбу. Стаяи, бывший посол в нацистской Германии, получил мандат на формирование правительства, в которое вошли представители правого крыла правительственной партии. Ни один портфель не достался партии Скрещенных стрел, к чему Салаши отнесся неодобрительно.

Хорти, когда трудности достигли предела, вознамерился перейти на сторону победителей. Советские войска были уже у границ Венгрии. Но измены удалось избежать. 15 октября 1944 г., когда кризис режима стал очевидным, у «левых фашистов» появилась, наконец, возможность прийти к власти. Чтобы задержать приказы о капитуляции, данные Хорти венгерским войскам, немецкие ээсовцы взяли штурмом резиденцию Регента, а столицу заняли две венгерские дивизии СС, сформированные при правительстве Стаяи, в которых преобладали члены «Скрещенных стрел». Стратегические пункты в Будапеште и провинциях заняла поспешно сформированная милиция «Нилаш» («Скрещенные стре-

лы»). Правительство вынуждено было публично отменить свои приказы о капитуляции, и армия, многие офицеры которой были сторонниками Салаши, подчинилась. Левые группы попытались помочь реакционной диктатуре Хорти, но эти попытки были быстро подавлены. Салаши, придя к власти, распустил антифашистские партии, а идеологически близким приказал слиться со своей. Он провозгласил себя «вождем нации» и сформировал правительство из членов «Скрещенных стрел» и представителей других национальных сил, включая венгерских военных и венгерских офицеров СС. Чтобы усилить армию для защиты страны от наступающей Красной армии, которая уже вступила на венгерскую землю, он объявил о создании новых венгерских частей СС и мобилизовал активистов партии в партийную милицию. Салаши хотел осуществить до конца социальную программу партии, несмотря на неблагоприятные условия, что автоматически повлекло за собой начало аграрной реформы. Идеалы союза националистов были воплощены в жизнь в виде договора с хорватским фашистским правительством Анте Павелича и правительством в изгнании румынской Железной гвардии, окопавшимся в Вене. Целью этих договоров было навсегда положить конец территориальным спорам в Дунайском регионе. До самого конца Хунгаристского государства продолжал собираться парламент.

Реальные возможности что-то сделать в Венгрии были малы, так как непрерывное наступление Красной армии все больше ограничивало территорию, на которую простиралась власть правительства Салаши, и в итоге ему пришлось уехать в Германию. В Будапеште немецко-венгерский гарнизон, усиленный милицией «нилашистов», оказывал упорное сопротивление, хотя город был окружен. Это была одна из самых жестоких битв Второй мировой войны.

За поражением последовали жесточайшие репрессии. Для салашистов они не были чем-то новым, поскольку их долгие годы притеснял режим Хорти, только на этот раз суровые приговоры быстро приводились в исполнение. Несколько месяцев длились жестокие репрессии и в апреле 1946 года все фашистские вожди, в том числе Салаши, были повешены на берегу Дуная.

Из-за своего революционного характера венгерский фашизм был жертвой постоянных полицейских преследований, организованных правительством, реакционным и в социальном, и в политическом плане. Правительство преследовало

движение Салаша гораздо более жестоко, чем это делали в аналогичных обстоятельствах либеральные правительства в других странах Европы.

Словакия

Среди словаков фашизм приобрел значительное влияние еще в период, когда Чехословакия была единым государством. В отличие от чехов, народа промышленного и «свободомыслящего», словаки были народом крестьянским и религиозным, находившимся под влиянием священников. Чтобы освободить словаков от чехов, бывших, к тому же, в части своей протестантами, католические священники создали Словацкую народную партию, которая стала рупором националистических требований.

Словацкий национализм не сводился целиком к клерикализму, и вскоре в нем проявилось влияние фашизма. Один из вождей национализма, Тука, установил в 1923 году контакты с немецкими национал-социалистами. Профессор Тука был генеральным секретарем Словацкой народной партии и главным редактором в газете «Словак». Во время своего пребывания в Вене, которое продлилось до 1926 года, он издавал газету «Словацкая переписка», в которой писал: «Италия указала нам путь. Ее пример зовет нас к действию. Мы, словаки, тоже будем твердыми... Словацкие фашисты горят энтузиазмом, их вдохновляет непримиримость, решительность и смелость фашизма». У него нашлись толковые сотрудники, продолжатели его политической линии: Сано Мах, Фердинанд Дурчанский и Кароль Мургаш, которые продолжали представлять фашистскую тенденцию после того, как Тука в 1929 году был посажен в тюрьму чешским правительством по обвинению в «государственной измене». За два года до этого была запрещена и распущена милиция «Родобрана», которая носила черные рубашки и дала клятву верности своему вождю, профессору Туке.

В 1938 году Судеты вошли в состав Рейха, а конституция была пересмотрена в федеративном направлении, с признанием автономии Чехии-Моравии, Словакии и Рутении (украинская область). Вскоре словацкие националисты нанесли по чехословацкому государству еще один удар. Словакия провозгласила свою автономию 6 октября, и Тука был выпущен на свободу. Под напором экстремистов он взял курс на полную независимость. Он надеялся на поддержку немцев;

его прежнее восхищение итальянским фашизмом сменилось таким же чувством по отношению к режиму Гитлера. Тука и его заместитель Мах поехали в Рейх за поддержкой, одновременно усиливая национал-социалистическую агитацию в Словакии через недавно созданную «Гвардию Глинки» (Глинка уже умер и его сменил Тисо). Реакцией правительства в Праге было насилие: автономные правительства Словакии и Рутении были распущены, а эти области была введена армия, а Гвардия Глинки взялась за оружие и призвала к сопротивлению. К Рейху были обращены отчаянные мольбы о помощи. Тисо съездил в Берлин и 15 марта 1939 г. провозгласил независимость. Чешские руководители Гаха и Хвалковский тоже поехали в Берлин, но правительство Рейха не было расположено позволить использовать силу против словаков, которым они покровительствовали. Не было другой возможности вернуть стране политическую стабильность, кроме превращения Чехии и Моравии в протекторат Рейха. Чехословацкое государство перестало существовать.

Новой страной, Словакией, стал руководить монсиньор Тисо. Но важные посты заняли словацкие фашисты. Тука стал вице-премьером, а Мах — министром пропаганды. «Гвардия Глинки» попала под контроль фашистов, и эта официальная полувоенная организация воспитывала словацкую молодежь в духе идей Туки. «Родобрана» была преобразована в элитный корпус в составе этой Гвардии. С 1940 года позиции фашистов усилились. Тука стал премьер-министром, а Мах — министром внутренних дел и командующим Гвардией. Однако Тисо оставался главой государства. Словакия Тисо до конца оставалась верной Рейху, как и Хорватия, которая тоже получила независимость, тогда как европейские союзники Оси меняли или намеревались поменять фронт. Но социальные реформы, антисемитские меры и участие в войне на стороне Германии было делом Туки, а не Тисо. Если Тисо не был отстранен от власти, то благодаря тому, что он, как и Глинка, пользовался поддержкой церкви и имел высокий престиж в массах, которые, когда его казнили в 1947 году, возмутились, и произошли серьезные беспорядки.

Хорватия

Особенностью хорватского национализма в XX веке было то, что он не имел длительных традиций и практически не носил панславистской направленности. Причиной

тому является во-первых то, что хорваты, в отличие от сербов, не испытали на себе турецкой экспансии. Во-вторых, они исповедуют католицизм, а, следовательно, более четко ориентированы на европейскую цивилизацию. Хорваты были весьма лояльными гражданами Австро-Венгрии (в отличие, например, от чехов). Видимо поэтому, вопрос о создании собственного государства они не поднимали вплоть до поражения Центральных держав в Первой мировой войне.

Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, создание которого было провозглашено 1 декабря 1918 года, воспринималось хорватами как навязанная иностранными державами диктатура, созданная исключительно ради блага сербов (союзников по «Антанте»). В этом была своя доля истины. Сербы действительно подавляли родственные им народы, диктуя свои условия и не считаясь с национальными чаяниями бывших подданных австрийской короны. Аббревиатуру королевства — СХС — хорваты расшифровывали следующим образом: «Сербы хотят всего» («Srbe Hoće Sve»).

У истоков хорватского национализма стоял преуспевающий юрист доктор Йосип Франк. Еще в годы войны он создал первую хорватскую национальную партию — Партию государственного права хорватов. Из рядов этой организации и вышли многие будущие «усташи», в том числе и лидер Независимого Государства Хорватия поглавник (вождь) Анте Павелич (1889—1959). Последний некоторое время работал у Франка секретарем. Идеи хорватских националистов были в общем схожими с идеями всех других аналогичных югославянских движений. Они тщательно работали над созданием собственного литературного языка, увлекались этнографией, фольклором, проводили исторические изыскания. На оформление хорватского национализма значительно повлиял итальянский опыт. Чрезвычайно большой резонанс получил «марш на Рим» (27—30 октября 1922 года), когда бывшие фронтовики, организованные Бенито Муссолини в чернорубашечные сквадры, по сути, сумели проделать «легальный переворот». Этот «сценарий» произвел такое большое впечатление на сторонников Франка, что они также решили идти по этому пути: сначала создать военизированные отряды, а затем устроить массовое выступление и предъявить ненавистному королю ультиматум. Наиболее радикальной группой стала «Молодая Хорватия» (здесь видную роль также играл А.Павелич), провозгласившая бескомпромиссную борьбу за независимость Хорватии с присоединением к ней Боснии и Далмации.

Не надо и говорить, что подобная активность враждебных католиков была воспринята королевским правительством в штывы. Последовавшая волна репрессий, обысков и арестов заставила многих сторонников хорватского национализма либо уйти в подполье, либо эмигрировать (всего с 1918 по 1941 гг. из страны выехало свыше 130 тысяч хорватов). Часть хорватских политиков продолжили борьбу легальными способами.

Рождение «Усташи» напрямую связано с событиями 1928 года, когда один из сторонников «Великой Сербии» разрядил свой револьвер в депутата и лидера Хорватской крестьянской партии Степана Радича и еще в трех его соратников. Вслед за этим в Загребе и других хорватских городах начались массовые демонстрации протеста, которые были кроваво подавлены властями. Анте Павелич заявил тогда, что король «развязал нам руки», и провозгласил начало вооруженной борьбы против «сербской тирании». Вместе с несколькими десятками своих соратников он отправился в изгнание, где и сформировал военизированную группу «Хорватский домобран», переименованную 7 января 1929 года в «Повстанческую хорватскую революционную организацию», сокращенно названную «Усташа» (Ustasha).

Надо отметить, что подавляющее большинство радикально настроенных хорватов нашли прибежище в Италии. Фашистское правительство, уже давно предъявлявшее территориальные претензии Сербскому королевству, решило поддержать Павелича и помогло тому организовать учебные лагеря для будущих повстанцев на севере Италии. Павелич пытался заручиться контактами и с другими политическими силами. В конце 1920-х годов он курсировал между Венной (где наладил сотрудничество с местными фашистами) и Софией (где обрел союзников из Внутренней македонской революционной организации). Несколько лагерей «усташей» было организовано и на территории Венгрии. Власти королевства обвинили Павелича в государственной измене и заочно приговорили к смертной казни.

«Усташа» строилась по иерархическому принципу. Поглавному (А.Павеличу) подчинялось Верховное Командование, которое, в свою очередь, руководило «Усташеским станом». Рядовой и командный состав «усташей» входил в войска «Усташи» и был распределен по подразделениям, построенным по образцу штурмовых отрядов. Форма «усташей» напоминала обмундирование итальянской фашистской милиции с

национальными и партийными эмблемами: красно-белой «шашечницей» и литерой «U». В самом королевстве «ушташи» были рассредоточены по многочисленным строго законспирированным ячейкам, опиравшимся в основном на студенчество и католическое духовенство. При вступлении в ряды организации новые соратники возлагали руку на Библию, кинжал и пистолет и клялись в верности ушастеской идее до смерти.

Первая попытка вооруженного мятежа была предпринята Павеличем в августе 1932 года. Несколько хорошо экипированных и вооруженных отрядов «ушташей» пересекли границу королевства и попытались призвать к национальному восстанию жителей ряда небольших хорватских городков и деревень. Однако крестьяне, занятые сбором урожая, оказались пассивны и не поддержали революционеров. Власти направили в район сосредоточения повстанцев крупные силы армии и полиции, которые оцепили местность и устроили облаву. Несмотря на ряд успешных боевых эпизодов, акция закончилась не в пользу «ушташей»: часть из них была пленена под городом Госпич, некоторым удалось отступить на территорию Италии.

Следующим шагом стало начало диверсионных действий силами подпольных ячеек. Дерзкие покушения на представителей королевской администрации, взрывы железнодорожных путей и линий электропередач совмещались с пропагандистскими кампаниями. Но наиболее известным эпизодом террористической деятельности «Ушташи» стало убийство югославского короля Александра Карагеоргиевича в Марселе 9 октября 1934 года (план покушения разработал лично Павелич). Поскольку это событие приобрело широкий резонанс во всем мире, Италия была вынуждена арестовать «поглавника», а лагеря «ушташей» распустить. Покровительство фашистов полностью окончилось, когда в марте 1937 года Италия подписала с Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев договор о ненападении. Радикальные хорватские националисты были высланы по приказу Муссолини.

В надежде обрести могущественного союзника Павелич попытался договориться с руководством Германии. Поглавник направил видному идеологу геополитики Карлу Хаусхоферу меморандум, чтобы тот передал документ своему ученику и второму человеку в нацистской партии Рудольфу Гессу. Павелич настойчиво подчеркивал «традиционную дружбу» между Хорватией и Германией, отмечал, что «хорваты

были первыми, маршировавшими вместе с немцами против несправедливых мирных договоров», утверждал что «хорваты вообще не славянского, а готского происхождения».

Однако в тот момент предпосылки для подобного союза отсутствовали. Гитлера вполне устраивало нейтрально настроенное новое руководство Югославии в лице принца-регента Павла (25 марта 1941 года королевство и вовсе присоединилось к Антикоминтерновскому пакту, став союзником стран Оси). «Усташа» практически потеряли и поддержку собственного народа: 26 августа 1939 года правительство королевства подписало указ о предоставлении Хорватии широкой автономии.

Несколько лет «усташа» прозябали в бездействии, фактически потеряв надежду на коренное изменение ситуации (в партийной пропаганде эти годы были позднее названы «временем великого молчания»). Луч надежды блеснул в 1940 году, когда Муссолини решил вновь воспользоваться услугами «усташей». В свои грандиозные планы по возрождению Римской Империи дуче включил оккупацию Греции и расчленение Югославии. Интересно, что Германия вовсе не стремилась поддерживать фашистов в этой аванюре. Но тут приключилось событие, заставившее фюрера пересмотреть свое отношение к «югославской проблеме». 27 марта 1941 года в Белграде произошел государственный переворот во главе с генералом Д. Симовичем, поддержанный Советским Союзом. Чтобы не допустить вовлечение крупнейшей балканской страны в орбиту Москвы, немцы были вынуждены начать оккупацию Югославии. На радость Муссолини и, разумеется, Павелича.

Уже 28 марта дуче известил Гитлера, что поддерживает идею о разделе Югославии и о создании независимой Хорватии. После этого итальянский диктатор пригласил Павелича для «консультаций». Спустя несколько дней проживающие в Италии «усташа» были вооружены, чтобы в случае необходимости их можно было направить в Югославию. По распоряжению Муссолини «усташам» была предоставлена флорентийская радиостанция, которая с вечера 28 марта начала вещание от имени главного штаба «Усташа». 10 апреля Павелич устроил смотр «усташей» в Пистойе.

Одновременно с этим, в Загребе с усташеским подпольем связались представители германского консульства: резидент службы безопасности (СД) Р.Коб, военный атташе Г.Пребст, полицейский атташе Р.Блум, а также особоуполномоченный германского МИДа штандартенфюрер СС д-р

Э.Веезенмайер. Они заверили руководителя «Усташи» в Хорватии полковника Славко Кватерника в своей полной поддержке и «выдали карт-бланш» на провозглашение независимости. Согласно полученным инструкциям, Кватерник должен был «пригласить» германский вермахт для «защиты хорватского населения».

6 апреля 1941 года войска 12-й армии генерал-фельдмаршала В.Листа вступили в южные районы Югославии с территории Болгарии. 10 апреля с севера в страну вторглись итальянские и венгерские войска. 17 апреля представители югославского командования в Белграде подписали акт о безоговорочной капитуляции.

В самый разгар боевых действий, 10 апреля, С.Кватерник зачитал по радио текст декларации о провозглашении Независимого Государства Хорватия. На следующий день он направил Гитлеру телеграмму с благодарностью «за защиту» и заверениями, что Хорватия будет на стороне Германии. Действительно, «усташи» оказали наступающим германским частям всестороннюю поддержку, парализовав попытки югославского командования организовать сопротивление на территории Хорватии. Загребская газета «Хрватски лист» писала: «Провидение Господне в согласии с решительными действиями наших союзников способствовали тому, что сегодня, накануне светлого Воскресения Христова, воскресло и наше Независимое Государство Хорватия... Все, что верно и справедливо в христианстве, стоит на стороне немцев». А в передовице газеты «Неделя» отмечалось: «Господь, который вершит судьбы народов и держит в своих руках сердца королей, подарил нам Анте Павелича и призвал Адольфа Гитлера, вождя дружественного и союзного нам народа, дабы использовать свою победоносную армию для разгрома наших угнетателей и помощи нам в создании Независимого Государства Хорватия. Да приумножится слава Господня, вечная благодарность Адольфу Гитлеру и беспредельная верность нашему поглавнику Анте Павеличу!»

15 апреля в страну из Флоренции прибыл Анте Павелич, который был объявлен поглавником нового государства и, одновременно, председателем совета министров и министром иностранных дел. Формально Хорватия становилась королевством, однако монарх — итальянский граф Сполето (гордо поименованный королем Томиславом II) так ни разу и не появился на территории «своего» государства.

В 1941 году здесь проживало более 6 миллионов жителей: 3,2 миллиона хорватов, 1,8 миллиона сербов, 700 тысяч му-

сульман-боснийцев (названных «кара-хорватами»), 100 тысяч немцев и 300 тысяч чехов, словаков, евреев и цыган. Специфической особенностью нового государства стало то, что католики и мусульмане объявлялись этнически родственными и получали равные права. «Доглавник» («заместитель вождя») Хорватии Миле Будак подчеркивал: «Мы, хорваты, должны быть счастливы, что у нас есть наша вера, и в то же время нам необходимо помнить, что наши братья-мусульмане — те же самые чистокровные хорваты, как уже заявил наш почитаемый вождь Анте Павелич». В отношении же других групп населения исповедовалась такая политика: «Для цыган и евреев у нас найдется три миллиона пуль».

Ожидания Гитлера вполне оправдались. «Усташи» начали ориентироваться уже не на Италию, а на нацистов. Об этом свидетельствует то, что практически все законы Хорватии были почти скопированы с соответствующих актов Германии. Законы о гражданстве, о расовой принадлежности и о защите арийской крови, принятые 30 апреля 1941 года, объявляли всех «неарийцев» вне закона и запрещали межэтнические браки. Закон о защите национальной арийской культуры хорватской нации (4 июня 1941 года) запрещал «неарийцам какое-либо участие в работе общественных, молодежных, спортивных и культурных организаций и учреждений хорватской нации, а также в литературной и журналистской деятельности, в сфере живописи, музыки, архитектуры, театра и кино». 15 июня Хорватия присоединилась к антикоминтерновскому пакту, а 14 декабря — объявила войну Великобритании и США.

Тем не менее, Хорватию нельзя назвать «послушной марионеткой» Германии. В отличие от фашистской Италии, усташеский режим был гораздо более независимым, амбициозным и жестким. Идеология хорватского национализма, в отличие от его «старших братьев» — фашизма и национал-социализма — была довольно туманной. У «усташей» отсутствовал антикапиталистический элемент, а антикоммунистический компонент программы был выражен слабо. Это вполне объяснимо, ведь возникновение, социальный состав и функционирование «Усташи» определялись исключительно борьбой национальностей. Попытки скопировать корпоративную систему у итальянцев в условиях войны оказались довольно неудачными.

Напротив, значительных успехов соратникам Павелича удалось добиться на поприще создания вооруженных сил.

Хорваты воевали не только у себя на родине (главным образом против коммунистических партизан Тито), но и на Восточном Фронте в составе собственных легионов германских и итальянских войск, в частности под Сталинградом. Немцы считали хорватов наиболее стойкими своими союзниками. Известна и попытка создания из хорватских мусульман-боснийцев двух дивизий Войск СС («Кама» и «Хандшар»). Однако этот опыт оказался менее продуктивным.

Конец Независимого Государства Хорватия и, следовательно, усташеского режима был предопределен поражением держав Оси. К началу мая 1945 года остатки армейских и усташеских частей сосредоточились в районе Загреба. 5 мая Павелич отдал приказ начать эвакуацию в зону ответственности англо-американских войск. Более 200 тысяч хорватов (в основном «усташи» и члены их семей) совершили марш через Словению в Австрию. 7 мая поглавник подписал акт о безоговорочной капитуляции перед представителями британского командования. Вскоре подавляющее большинство сдавшихся в плен хорватов было выдано на расправу «титовцам». За несколько дней самым жестоким образом было убито более 100 тысяч хорватов. Самому Павеличу и большинству членов его правительства повезло: за них заступился Папский престол, и они избежали печальной участи многих своих соратников.

Значительное число «усташей» осталось в Хорватии, чтобы продолжать борьбу. Однако к зиме 1945—1946 гг. все партизанские отряды были уничтожены. Подпольная деятельность и террористические акты продолжались вплоть до начала 1960-х годов. Так же как и в предвоенные годы, «Усташа» смогла выжить в изгнании. Вплоть до восстановления независимости Хорватии, в эмиграции продолжал действовать усташеский стан и партийные ячейки. Организация продолжает легально существовать на своей родине и сегодня.

ЧАСТЬ II. КОММУНИЗМ И КОММУНИЗМЫ

Александр Колпакиди

КОМИНТЕРН: ЧТО ЭТО БЫЛО?

История Коминтерна — III Коммунистического интернационала — по существу является историей первой четверти века существования мирового коммунистического движения. Между тем, хотя после роспуска Коминтерна и прошло уже 75 лет, изучена эта международная организация крайне поверхностно.

Хотя в так называемые «застойные годы» и вышло несколько монографий, в заголовках которых фигурировало слово «Коминтерн», и даже появился толстенный том со скромным названием «Краткий очерк истории Коминтерна», иначе как пустопорожним разглагольствованием все эти фолианты назвать нельзя. Люди десятилетиями сидели в архивах и институтах, пользовались поистине бесценными материалами, защищали кандидатские и докторские диссертации. И, тем не менее, умудрялись при этом не знать самых элементарных вещей, как, например, кто и когда возглавлял изучаемую ими организацию, какая у нее была структура и на каких принципах она функционировала.

В целом, все эти коминтерноведческие «труды» сводились к бестолковому перечислению тех или иных международных пролетарских или национально-освободительных «акций», к которым, кстати говоря, Коминтерн порой и не имел никакого отношения, или же к попыткам «замазать» те или иные его провалы по части разжигания мировой революции. Крупнейшим «достижением» застойного «коминтерноведения» явилась созданная в угоду хрущевско-суловскому ревизионизму так называемая «теория VII конгресса», когда вся 24-летняя история Коммунистического Интернационала была сведена к трем-четырем годам проводимой по указанию Сталина тактической линии на единый Народный фронт.

В конце 1980-х годов, как и во всех других областях отечественной исторической науки, на смену апологетическому

восхвалению истории Коммунистического Интернационала пришел период тотального ее охаивания и оплевывания, который можно условно назвать «ревизионистским». Все «белые пятна» в истории Коминтерна стали замазываться черной краской. Впрочем, здесь быстро «перестроившиеся» титулованные «коминтерноведы» были отнюдь не оригинальны. К чему привело подобное отношение к своей истории, все народы бывшего СССР испытали на собственной шкуре. Под истерические вопли и завывания о вывозившейся на Запад для финансирования зарубежных компартий валюте, публикацию длинных перечней, сколько и чего какой компартии было передано, местные и пришлые проходимцы разворовали и разваливали всю страну.

В последние годы появилось довольно много сборников документов по истории Коминтерна. Все они довольно интересны сами по себе, но снабжены на редкость убогими предисловиями и комментариями. Оно и не удивительно. Исследователи коминтерновской темы все больше и больше уходят в узкотемье. Живая, вечно зеленая почва истории ушла из-под их ног и они оказались на безжизненном асфальте освоения зарубежных грантов и выполнения ВАКовских требований.

Думается, уже давно настало время для нового, если так можно выразиться, «постревизионистского» подхода к отечественной истории. Постараемся хотя бы эскизно показать на примере Коминтерна, что это такое.

Прежде всего, отметим, что тема Коминтерна уже по своей природе дуалистична. Это хорошо подметил в свое время английский писатель Джордж Оруэлл, который говорил, что когда мы вспоминаем о Коммунистическом Интернационале, то на память приходят многомиллионные массы трудящихся, марширующие сплоченными рядами в борьбе за свои права, а когда произносим слово Коминтерн, то перед глазами встает узкая группа доктринеров и аппаратчиков, в тиши своих кабинетов занимающихся фракционными склоками и выработкой далеких от жизни теорий и доктрин.

Первый же вопрос, с которым приходится сталкиваться каждому исследователю Коминтерна, это необходимость определить, что же представлял из себя III Интернационал: единую партию (организацию), руководимую лидерами РКП(б), или же братский союз партий, объединяющих наиболее сознательные, передовые слои рабочего класса разных стран. В свое время в отечественной историографии была

сделана довольно неуклюжая попытка (в духе хрущевской парадигмы «с одной стороны, с другой стороны») объединить эти два взаимоисключающих определения сущности Коминтерна в формуле «с одной стороны, союз компартий, с другой — единая организация».

Очередной Лейбзон, цитируя устав Коминтерна, принятый его II конгрессом:

«По существу дела, Коммунистический Интернационал должен действительно и фактически представлять собой единую всемирную коммунистическую партию, отдельными секциями которой являются партии, действующие в каждой стране»,

пишет далее, что:

«...ставя перед собой такую цель, Коминтерн являлся добровольной организацией, в которую каждая партия вступала по собственной воле и могла выйти из нее в любое время. В.И.Ленин неоднократно подчеркивал сущность Коммунистического Интернационала как союза: "Во всем мире растет союз коммунистов", III Интернационал — это "международный союз партий"»¹.

По нашему мнению, для того, чтобы, вместо жонглирования вырванными из контекста цитатами, серьезно ответить на поставленный вопрос, следует, прежде всего, обратить внимание на то, как был образован Коминтерн, проанализировать сам механизм его создания.

Как известно, сложившаяся историческая традиция относит истоки Коминтерна (т.е., по существу, всего коммунистического движения) к левой социал-демократии, выступившей против поддержки правыми социал-демократами шедшей тогда Первой мировой войны, а если точнее — к так называемому Циммервальдскому движению, т.е. союзу социал-демократических партий и организаций, стоявших на интернационалистских позициях. Это Циммервальдское движение, возглавлявшееся Интернациональной социалистической комиссией (ИСК), включало в свой состав и крайне левую группу большевиков и их союзников, руководимую В.И. Лениным («Циммервальдская левая»).

Однако достаточно вспомнить, как относился сам Ленин в судьбоносном для мирового коммунизма 1917 году к этому самому Циммервальдскому движению. На апрельской (1917) конференции РСДРП(б) он жестко ставил вопрос о выходе из Циммервальдского объединения². Как известно, конференция не поддержала Ленина, приняв предложенную

Зиновьевым резолюцию об участии в III Циммервальдской конференции, состоявшейся в сентябре того же года в Стокгольме.

Это скептическое, даже отрицательное отношение Ленина к Циммервальду только усилилось после того, как в результате громкого скандала его руководитель, швейцарец Роберт Гримм (оказавшийся замешанным в попытке Германии вести сепаратные переговоры о мире с Россией), вынужден был передать руководство Интернациональным социалистическим комитетом сторонникам Ленина — А. Балабановой и «левым шведам»³.

Забегая вперед, скажем, что, очевидно, отнюдь не случайно самыми решительными «лоббистами» Циммервальда в рядах РСДРП(б) были тогда Г.Зиновьев (Радомысльский), Л.Каменев (Розенфельд) и К.Радек (Собельсон). Этим они еще в 1917 году проявили свою «небольшевистскую сущность», что и привело поначалу блестящую карьеру двух из них в Коминтерне к столь бесславному концу.

Кроме того, на I (Учредительном) конгрессе Коминтерна лидеры Циммервальдского движения Анжелика Балабанова и Христиан Раковский сыграли гораздо более скромную роль, чем щедро представленные военнопленными и эмигрантами «Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б)».

Стоит также вспомнить, что в руководстве Коминтерна на первых порах были более широко представлены деятели центристской фракции Циммервальда — Л.Троцкий, тот же Х.Раковский, а также отнюдь не являвшиеся «ленинцами» во время войны болгарские «тесняки», немецкие «спартаковцы» и польские левые ППСовцы. Интересно также, что многие циммервальдские левые в Коминтерн не вошли или были из него позднее исключены (Э.Нобс и А. Робман в Швейцарии, П.Фрелих в Германии, А. Тильбо во Франции, Ц.Хеглунд и Т.Нерман в Швеции, А. Паннекук и Г.Роланд-Гольст в Голландии, И.Штрассер в Австрии и другие).

Помимо этого, необходимо напомнить такие достаточно красноречивые факты, на которые мало кто обращает внимание. Еще задолго до I конгресса Коминтерна, 2 ноября 1917 года при ВЦИК был создан международный отдел⁴ (несколько позднее его возглавил П.Петров, бывший бундовец, а в то время — левый эсер), важнейшей задачей которого было осуществление связей с революционным движением за границей. 7 декабря СНК признал желательным послать за гра-

ницу делегацию для установления связи с революционно-интернационалистскими партиями и группами. 14 декабря на заседании ВЦИК был поставлен вопрос о созыве международного социалистического конгресса, одной из резолюций записано: «ЦИК ставит на очередь принять еще более решительные меры к сплочению социалистического фронта борьбы за мир»⁵. 22 декабря ВЦИК принял решение послать в Стокгольм делегацию для изучения возможности проведения международной конференции левых социалистов⁶.

В феврале 1918 года на заседании ВЦИК Я. Свердлов отмечал возможность проведения такой международной конференции уже в марте-апреле 1918 года⁷. Однако активизация внутренней контрреволюции и иностранная военная интервенция помешали тогда созыву международной конференции левых социалистов.

Этот процесс привел к усилению работы большевиков среди оказавшихся на территории Советской России иностранцев, в основном военнопленных. 8 октября 1918 года ЦК РКП(б) решил «образовать бюро РКП(б)» по «заграничной работе» в составе Н.Бухарина, Т. Аксельрода, В.Воровского, А.Балабановой⁸. Этот факт дал основание Ленину заявить в мае 1919 года, что III Интернационал фактически был создан в 1918 году⁹.

В дальнейшем в связи с отправкой Н.Бухарина и Т. Аксельрода в Германию «бюро ЦК РКП(б) по заграничной работе» возглавил в начале 1919 года Г.Зиновьев, ставший, таким образом, автоматически руководителем III Интернационала. Также естественно, что его заместителем стал Н.Бухарин, а секретарями ИККИ являлись В.Воровский и А.Балабанова. Непосредственно вся техническая работа бюро выполнялась Народным комиссариатом иностранных дел (НКВД), причем особенно большую роль играли ставшие членами «бюро» и фактически ближайшими помощниками Зиновьева по ведению I конгресса и руководству III Интернационалом Николай Любарский и Яков Рейх (Томас).

Кроме того, как известно, среди первых руководителей ИККИ большую часть составляли люди, которые одновременно работали в советском внешнеполитическом ведомстве (НКВД) — Максим Литвинов (Баллах), Лев Карахан, Вацлав Боровский, Ян Берзин, Александр Меньшой-Гай (Лев Левин). Если к этому прибавить Г.Зиновьева, Н.Бухарина, поволжского немца Г. Клингера и руководителя Федерации иностранных групп ЦК РКП(б) венгро-румыноязычного

А.Руднянского, то из циммервальдцев в руководстве первого Исполкома Коминтерна (ИККИ) остаются только «итальянка» Анжелика Исааковна Балабанова (отправленная почти сразу же на Украину, где она являлась членом коллегии НКВД Украины и председателем Южного бюро ИККИ, а вернулась в Москву только в январе 1920 года) и позднее, в апреле 1920 года, «галичанин» Карл Радек (Собельсон). Оба, кстати говоря, также весьма относительные «иностранцы».

Наконец, напомним о том, что с самого начала Коминтерн щедро финансировался ЦК российских большевиков, причем первые выплаты были предприняты еще до создания собственно Коминтерна, с начала 1918 года. И, конечно, нельзя по примеру Зиновьева считать, что это финансирование было простым «возвращением долга» со стороны большевиков за ту, надо сказать, весьма скромную помощь, которую им оказывали западные социал-демократические партии в период борьбы с царизмом.

Понятно, что при такой финансовой и организационной зависимости от Москвы во главе Коминтерна постоянно находились исключительно «свои» люди: в 1919—1926 гг. — Г.Зиновьев, в 1926—1928 гг. — Н.Бухарин, с 1929 года — фактически Сталин, а формально: в 1929—1930 гг. — В.Молотов, О.Пятницкий, Д.Мануильский, в 1930—1934 гг. — О.Пятницкий, Д.Мануильский, В.Кнорин, в 1934—1938 гг. — Г. Димитров, М.Трилиссер, Д. Мануильский, в 1938—1943 гг. — Г. Димитров, Д. Мануильский.

Для понимания, чего же хотело ЦК РКП(б) от Коминтерна, необходимо вспомнить то, что условно можно назвать ленинским «брестским принципом»: «Все, что полезно Советской России, полезно мировой революции, ибо Советская Россия — государство рабочих и крестьян, плацдарм для мировой революции». Сталин, единственный из всех «наследников Ильича», твердо придерживался этого мнения, поэтому, очевидно, и стал преемником Ленина. Так 25 января 1940 года он заявил: «Мировая революция как единый факт — ерунда. Она происходит в разные времена в разных странах. Действия Красной Армии — это также дело мировой революции».

Непонимание этого тезиса многими коммунистическими вождями, причем не только зарубежными, но и «русскоязычными», приводило их, в конечном счете, к отсечению от Коминтерна.

Наконец, для понимания того, что Коминтерн являлся единой организацией, необходимо обратиться к самой его

структуре. Разве могут в «союзе партий» существовать такие органы и структуры, как, например, Орготдел, институты инструкторов и представителей ИККИ на местах, которые зачастую решали вопросы, минуя местных руководителей, ОМС, Нелегальная и Военная комиссии, лендерсекретариаты и сменившие их секретариаты секретарей ЦК, наконец, Отдел кадров и его анкеты с щекотливыми вопросами на тему «принимали ли вы участие во внутривнутрипартийной оппозиции, когда и где?».

К вопросу о сущности Коминтерна тесно примыкает вопрос о происхождении самого коммунистического движения. Так как долгие годы считалось, что «Коминтерн вышел из Циммервальдской левой», то вполне естественно, что коммунистическое движение считалось продолжением левой социал-демократии. Ниже мы покажем, что это утверждение является весьма относительным.

Тезис 1. Мало известно, но Ленин, значительную часть своей сознательной жизни проведя в эмиграции, избегал практического участия в политической деятельности социал-демократических партий тех стран, в которых он находился. Более того, он не общался и порой даже не был знаком с большинством лидеров II Интернационала. Сохранилось его высказывание по этому поводу. В беседе со старой большевичкой С.И.Гопнер Ленин откровенно сказал, что у него «нет с ними общего языка»¹⁰.

Тем более интересно, что, приняв впервые участие в политической работе на базовом уровне в западной стране (Швейцария), он оказался тесно связан не столько с местными социал-демократами, сколько с членами полуанархистской леворадикальной группы «Forderung» («Вызов») руководимой в то время исключенным за анархизм из Социал-демократической партии Швейцарии, а позднее ставшим коммунистом доктором Фрицем Брупбахером. Члены этой группы входили в более широкое политическое объединение — «Интернациональный социалистический революционный клуб «Eintracht», возглавлявшийся Фрицем Платтенном. В рядах этого клуба Ленин и создал свой «кружок» — Кегель-клуб. Члены последнего в основном и были активистами группы «Forderung».

Члены этой молодежной группы, наиболее ярким представителем которой был знаменитый Вилли Мюнценберг, позднее занимали важные позиции в КИМе и, естественно, в Коминтерне.

Тезис 2. Практически все лидеры довоенной левой социал-демократии, перешедшие в Коминтерн, были позднее из него исключены. Достаточно назвать такие имена как Никола Бомбаччи, Амадео Бордига в Италии, Пауль Леви, Генрих Брандлер, Август Тальгеймер в Германии, Фернан Лорио, Борис Суварин во Франции, Карл Хеглунд, Фридрих Стрем и Карл Чильбум в Швеции, международные «интернационалисты» Анжелика Балабанова, Христиан Раковский, Карл Радек, Жюль Эмбер-Дро и прочие. Собственно, достаточно взять историю любой западной (и не только) компартии, чтобы убедиться в этом. Их, если и не исключали из партии, то отстраняли от дел, от реальной политики, использовали на «международной работе» в Коминтерне, и т.д.

Недаром в существовавших до Октябрьской революции наряду с русскими большевиками двух (всего двух!) организационно оформленных и задним числом зачисленных в «первые коммунисты» левых социал-демократических организациях — болгарских «тесняках» и голландских «трибунистах» — в 1920—1930-е годы шли одна за другой кампании борьбы именно с «тесняческими» и именно с «трибунистскими» пережитками соответственно. А если вспомнить борьбу с так называемым «люксембургизмом» в Компартии Германии, а также позицию Розы Люксембург по отношению к большевикам в послеоктябрьский (да и дооктябрьский) период, то нетрудно догадаться, какая политическая судьба ждала «Красную Розу» в Коминтерне. Наверняка если не в 1921 году с Паулем Леви, то уж точно в 1928—1929 годах в компании с Генрихом Брандлером и Августом Тальгеймером ее бы из партии вычистили.

Кстати говоря, остается открытым вопрос, насколько сам В.И. Ленин и его большевики могут считаться (до 1917 года) социал-демократами, пусть даже и левыми? Насколько влияние Чернышевского, Нечаева и Ткачева на них было глубже, нежели влияние марксизма? Насколько видели они в марксизме лишь рычаг, оружие, с помощью которого пытались реализовать свои планы?

Отметим два интересных факта. Первый — подавляющее большинство сторонников Ленина по раннему большевизму к 1917 году от него отошло (Красин, Богданов и прочие). Другой вопрос, что после революции по разным соображениям они к Ленину вернулись. Чтобы убедиться в этом, достаточно даже бегло просмотреть изданные в советское вре-

мя воспоминания участников II съезда РСДРП, на котором коммунизм (большевизм) якобы и возник.

И второй, достаточно известный факт. После революции к большевикам примкнули лучшие, самые боевые элементы анархизма и из так называемые «неонароднических» партий: максималисты, левые эсеры, борьбисты, боротьбисты и т.д. и т.п. Они не были допущены в первый эшелон руководства партией, но уже во втором были представлены довольно широко. Особенно много их было в армии, в органах безопасности, и т.д.

Правда, были на Западе и старые социал-демократы, сумевшие вовремя «сменить кожу». Можно вспомнить Клару Цеткин и Марселя Кашена. Однако, во-первых, это скорее исключение, подтверждающее правило, а во-вторых, это люди, к которым в Москве относились как к «полезным идиотам». Кроме того, как известно, тот же Марсель Кашен до создания Компартии Франции являлся весьма умеренным центристом, а отнюдь не левым социалистом, а во время Второй мировой войны успел «отличиться», фактически осудив, под предлогом необходимости борьбы с индивидуальным террором, французское движение Сопротивления. Советские «коминтерноведы» этот эпизод в биографии французского коммуниста постарались не заметить.

В крайнем случае, можно говорить лишь о наличии среди разношерстных левых социал-демократических формирований небольшой отдельной группы, которую, крайне условно, назовем «революционными социал-демократами». Отличались они, скорее, даже не идеологией, а некими бунтарским духом, связанным с их происхождением, связями, особенностями биографии и т.п. По нашему мнению, подобными «революционными» социал-демократами были, помимо некоторых голландских «трибунистов» и болгарских «тесняков», близкие друзья Ленина, такие, как швейцарец Фриц Платтен и немцы Карл Либкнехт и Гуго Эберлейн. Кстати, все трое связанные, так или иначе, с русским революционным движением.

Тезис 3. Явно недооценивается огромная роль, сыгранная левыми радикалами (анархистами, анархо-синдикалистами и революционными синдикалистами) в создании и деятельности Коминтерна, особенно в англоязычных странах — Великобритании, США, Канаде, Южной Африке, а также в странах Латинской Америки. Ведь именно из их рядов вышли такие крупные фигуры коммунистического движения, как Том Манн в Великобритании, Уильям Фостер, Билл Хейвуд,

Джеймс Кеннон в США, Джеймс Ларкин в Ирландии. Были целые компартии, созданные анархистами и синдикалистами, без малейшего участия социал-демократов, например, столь влиятельная в 1930-е годы Компартия Бразилии.

Огромную роль сыграли синдикалисты в коммунистическом движении Франции. Еще Ленин подчеркивал, что Компартия Франции фактически создана двумя группами: левыми социалистами и синдикалистской группой «*Vie Ouvriere*» (Пьер Монатта и Альфред Росмера). Из рядов синдикалистов вышли такие лидеры компартии, как Пьер Сема, Гастон Монмуссо и Бенуа Фрашон¹¹.

Единственной, пожалуй, партией, в образовании и последующей деятельности которой левые радикалы не имели большого значения, была Компартия Германии. Но даже в ней, как известно, проявили себя подобного рода группы, к примеру, такие, как гамбургские и бременские «левые радикалы» или группа «Акция». В КПГ вступила целая фракция анархо-синдикалистского профсоюза ФАУД (Свободный рабочий союз Германии). Некоторое время в ее рядах состоял лидер немецких анархистов Э.Мюзам, а в 30-е годы в высшее руководство КПГ вошел Г.Венер, начинавший свою карьеру в анархистском движении.

Тезис 4. Гораздо большую роль, нежели идеологические постулаты левой социал-демократии и левого радикализма, в возникновении коммунистического движения сыграла первая мировая война. Перефразируя известный тезис «война — мать революции», можно с таким же основанием сказать, что Первая мировая война — мать Коминтерна. Именно война породила коммунистическое движение, наряду с такими движениями, как фашистское и ныне модный национал-большевизм. В обильно политых кровью работяг окопах мировой бойни было выковано целое поколение людей, для которых такие громкие слова, как Прогресс, Демократия, Гуманизм и Цивилизация, были не более чем пустым звуком. Буржуазная мораль стала для них неприемлема, ибо они поняли ее реальную цену (вспомним российское «не хотим подыхать за ваши Дарданеллы»).

Эти люди, ветераны мировой бойни, бывшие узники лагерей военнопленных, вернувшись домой, создали питательную среду для тех разрушительных для Системы идей, носителями которых являлись немногочисленные революционные социал-демократы и левые радикалы.

В связи с этим весьма интересны данные о дореволюционной политической активности бывших венгерских военнопленных, ставших активными участниками коммунистического движения в России, а затем и в Венгрии. Лишь около половины из них были до войны социал-демократами, некоторые — анархо-синдикалистами и радикалами, а довольно значительная группа вообще состояла в буржуазной «Партии независимости 1848 года». Причем среди последних были такие крупнейшие фигуры, как Д.Варга, Ф.Мюнних, Ф.Патаки, Д.Капитань¹².

Сам механизм создания Компартии Венгрии очень четко демонстрирует этот процесс. КПВ была создана тремя группами. Самой крупной и влиятельной из них была группа бывших военнопленных, вернувшихся из России. Второй по значению составляющей были группы левых революционных социал-демократов, и третьей, немногочисленной, но сыгравшей очень важную роль, была группа левых радикалов (так называемые «антимилитаристы»).

Таким образом, можно сделать вывод: в лице коммунистического движения мы имеем отнюдь не движение реформаторское (пусть даже движение за структурные реформы), каким являлось социал-демократическое движение (в том числе его левое крыло), а движение антисистемное, суть которого заключалась не только в свержении существующего строя, но и в его полном уничтожении. Движение, которое отрицало наличие неких, как сейчас модно выражаться, «общечеловеческих ценностей», так как на опыте Первой мировой войны убедилось в том, что разговоры о прогрессе, гуманизме и цивилизации — не более чем пустоপরоржняя болтовня.

Однако это не мешало впоследствии «аппаратчикам» из Коминтерна использовать всевозможных «попутчиков» и «полезных идиотов» из рядов интеллигенции в своих целях.

Кстати, такое отличие касается и самих большевиков. Наиболее образно различие между большевиками и меньшевиками выразил видный деятель российской социал-демократии Ю.Мартов (Цедербаум) в сочиненном им на мотив «Варшавянки» сатирическом «гимне» меньшевистского крыла РСДРП:

*В нашей борьбе самодержца короны
Мы не коснемся мятежной рукой —
Кровью народной залитые троны
Рухнут когда-нибудь сами собой.*

*О коммунизмах своих не твердите
Вы, демагоги трудящихся масс,
С верной дороги вы нас не свернете —
Веруем в мощь вспомогательных касс!*

Напомню, что сам Мартов был одним из лидеров меньшевиков и, следовательно, весьма хорошо представлял психологию своих коллег.

Мы глубоко убеждены, что рождение большевизма произошло отнюдь не на II съезде РСДРП в 1903 году, как это принято считать, а гораздо позднее — весной-летом 1917 года. Впрочем, это тема отдельной работы.

Чрезвычайно запутанный вопрос, неизбежно возникающий при изучении истории Коминтерна, — это вопрос о взаимоотношениях коммунистов с социал-демократами в 20-е и 30-е годы. Именно он наиболее часто муссируется ревизионистствующими «коминтерноведами» и в «обвинительном списке», предъявляемом III Интернационалу, стоит чуть ли не на первом месте. Мол, отказ от сотрудничества с социал-демократами в борьбе против фашизма привел Гитлера к власти, породив тем самым Вторую мировую войну. Таким образом, коммунистическое движение, порожденное первой мировой бойней, якобы несет ответственность за развязывание второй.

Однако вспомним лишь некоторые исторические факты. Позорная роль, которую сыграли венгерские и баварские правые социал-демократы в период Венгерской и Баварской Советских республик 1919 года. Предательство «левых» социал-демократов Австрии, возглавляемых Фридрихом Адлером, отказавшихся весной 1919 года помочь Советской Венгрии (этим иудой, избранным в свое время почетным председателем Петро- и Моссоветов был приведен «хороший аргумент» — мы не можем брать власть, у нас недостаточные запасы хлеба в стране). В результате этой измены Советские Венгрия и Бавария были изолированы от Советской России, и была сорвана именно по вине «левых» (!) социал-демократов, первая попытка разжечь пожар мировой революции по всей Европе.

Что касается постыдной и предательской роли социал-демократов в германской революции, то она превосходно описана западногерманским публицистом Себастианом Хафнером (кстати, отнюдь не коммунистом) в книге «Революция в Германии 1918-1919. Как это было в действительности» (М., 1983).

В этом же ряду можно вспомнить отказ болгарских социал-демократов от участия в Сентябрьском восстании 1923 года (в отличие, кстати говоря, от анархистов). Можно вспомнить бесконечные антисоветские акции со стороны западных социал-демократов в 20-е и 30-е годы. Только один факт: «дело о гранатах», то есть разоблачение тайного советско-германского военного сотрудничества в 20-е годы было организовано именно немецкими социал-демократами. Они подговорили грузчиков Гамбургского порта разбить несколько ящиков с перевозимым из СССР военным снаряжением, а затем раздули это дело в рейхстаге. Таким образом, они не только продемонстрировали перед немецким народом, чьим интересам служит социал-демократия, но и показали Сталину, кто является друзьями и кто врагами на Западе. С тех пор ничего в мире не изменилось. Когда НАТО бомбило Югославию, в Германии у власти стояли социал-демократы в союзе с «зелеными», во Франции — социалисты, а в Англии — лейбористы. Вот оно, иудино племя, в действии.

Самое смешное, что уже в наше «судьбоносное время» именно в нашей стране нашлись «грамотеи», которые оправдывают этот подлый и антипатриотичный поступок немецких социал-демократов тем, что последние, подрывая тайное сотрудничество РККА и рейхсвера, стремились предотвратить Вторую мировую войну. И это чуть ли не за 10 лет до прихода Гитлера к власти!

При этом те же «грамотеи» забывают, а скорее, по природе своей дремучести, и не знают, что в той же Германии коммунистам всегда гораздо легче было договориться о совместных акциях против гитлеровского фашизма (в рамках инициированных компартией движения «Антифашистская акция» и офицерского движения «Ауфbruch») с национал-большевистскими группами или левыми нацистами, вроде «Черного фронта» Отто Штрассера, нежели с социал-демократами.

Кроме того, они забывают о том, сколько грязи, клеветы, вылили социал-демократы на коммунистов в 20-е и 30-е годы. Обличая сегодня коммунистов 20-х годов за использование ими тезиса о «социал-фашизме», эти «грамотеи» совершенно упускают из виду выдвинутый в 20-е годы германскими социал-демократами тезис о «коммуно-фашизме» (наши российские «демократы» со своим тезисом насчет «красно-коричневых» в этом смысле отнюдь не оригинальны).

И недаром же в 30-е годы, прежде чем насмерть перепуганные массовым народным восстанием французские социалисты откликнулись на призыв Компартии о создании единого Народного фронта, французские коммунисты во время так называемых «событий 6—7 февраля 1934 года» продемонстрировали, что они весьма эффективно могут взаимодействовать с крайне правыми. Тогда коммунисты и националисты совместно участвовали в борьбе против погрязших в коррупции и духовном разложении французских властей. По улицам Парижа дружными рядами шли колонны фашистов, распевавших «Марсельезу», и коммунисты, певшие «Интернационал» и несшие кумачовый лозунг «Советы повсюду!».

Только поняв, что столь милая их сердцу буржуазная Система находится под угрозой, оказавшись, образно говоря, на раскаленной сковороде классовой ненависти, французские социалисты исключительно в целях сохранения капиталистической Системы пошли на тактический союз с ФКП, создали Народный фронт. В этой связи весьма интересна и позиция Коминтерна (т.е. Сталина). Он, конечно, хорошо знал истинную цену социал-демократии. Однако и ему этот союз (т.е. правительство Народного фронта во Франции) нужен был в интересах заключения военного договора Франции и СССР, договора направленного против гитлеровской Германии. И, кстати говоря, когда стало ясно, что французские правящие круги на такой договор не пойдут, что они всеми силами пытаются натравить гитлеровскую Германию на СССР, тот же Сталин не только заключил с Германией пресловутый Пакт о ненападении, но и, на это мало кто обращает внимание, дал указание Коминтерну свернуть политику Народного фронта. Это произошло в беседе Сталина с лидером Коминтерна Георгием Димитровым в присутствии Молотова и Жданова 7 сентября 1939 года, когда Сталин предложил снять лозунг единого народного фронта¹³. С этого момента коммунисты вернулись к тем совершенно верным и справедливым оценкам социал-демократии, которые бытовали до VII конгресса Коминтерна, так как союз с социал-демократами был уже не нужен.

Таким образом, противоречия между коммунистами и социал-демократами не зависели от воли «глупого» и необразованного Сталина, а носили принципиальный, антагонистический характер. В той непримиримой схватке между рабочими и хозяевами, которая приняла столь драматический оборот еще в годы Первой мировой войны, социал-де-

мократы сделали свой выбор — встали на сторону хозяев, выступили в защиту их Системы. И то, что при этом они использовали изощренную социальную и националистическую демагогию, затуманивая мозги рабочего класса (что им в значительной степени удалось), делало их еще более опасными с точки зрения коммунистов, для которых главной целью было разрушение этой самой Системы хозяев, господ, олигархов.

Кстати говоря, и пресловутый тезис о «социал-фашизме» при ближайшем рассмотрении не так уж и абсурден. Вспомним, например, фракцию французских социалистов, руководимую Марселем Деа. В своих потугах спасти Систему они пошли на услужение к гитлеровским нацистам, явившись опорой коллаборационистского «вишистского режима». Вспомним польских социалистов-ППСовцев, поддержавших полуфашистскую «санацию» Пилсудского. Вспомним лидера Первого, а затем и Социалистического Интернационала бельгийца Г. де Мана, который, как и М.Деа, в 30-е годы развивал теорию так называемого «неосоциализма» и «планизма», приведшего его, как и его французского коллегу, в объятия Гитлера. Вспомним, наконец, Данию, где после оккупации страны местные социал-демократы некоторое время возглавляли марионеточное правительство.

Значительное количество норвежских, датских, финских и прочих социал-демократов организованно, т.е. целыми группами, перешло во второй половине 30-х годов на позиции фашизма.

Да что там говорить, вспомним, из кого состояли первичные организации фашистской партии в Италии — сплошь социалисты да синдикалисты. Ее вождь Бенито Муссолини был не просто социал-демократом, а возглавлял левое крыло Социалистической партии, как будто специально подтверждая сталинский тезис о том, что левые социал-демократы представляют большую опасность для рабочего класса, так как являются более изощренным демагогами, чем социал-демократы правые. Да если бы один Муссолини! Целая плеяда основателей фашистской партии вышла из рядов самого боевого, самого революционного крыла итальянского рабочего движения.

Мне могут возразить, что на позиции фашизма перешли и группы бывших коммунистов. Действительно, были такие организации, как группа Жака Дорио во Франции или Нильса Флюга в Швеции. Однако нельзя не вспомнить, что, еще

находясь в рядах коммунистического движения, эти группы входили в «правое», оппортунистическое крыло своих партий.

Именно они-то и ратовали за беспринципные союзы с социал-демократами в расчете на теплые места в муниципалитетах и парламентах. Как известно, Карл Чильбум, Нильс Флюг и их соратники в 1929 году раскололи Компартию Швеции и приняли участие в жалкой попытке создания альтернативного Коминтерну «правокоммунистического интернационала» (т.н. «Интернациональное объединение коммунистических оппозиций» во главе с немцем Генрихом Брандлером и американцем Джейм Ловстоном), а позднее примкнули к полудохлому левосоциалистическому «интернациональчику», известному как «Лондонское бюро»

Кстати говоря, правая фракция Нильса Флюга — Карла Чильбума в начале партийной дискуссии 1929 года вела за собой большинство Компартии Швеции. Однако это не помещало Коминтерну тут же создать себе новую шведскую секцию из верного ему меньшинства, тем самым подтвердив, что принцип выхода из Коминтерна был чистой формальностью. Впрочем, вскоре одураченные ренегатами шведские рабочие убедились, что руководство Коминтерна, как всегда, было полностью право. Сработал железный принцип Бертольда Брехта: «У меня два глаза, а у партии тысячи глаз, поэтому я могу ошибиться, но партия — никогда!». У Коминтерна же, как известно, были миллионы глаз. Поэтому часть раскольников — умеренный Карл Чильбум и его сторонники спокойно вернулись в лоно социал-демократии, а другая группа радикального Нильса Флюга перешла на фашистские позиции, стала платной прислужницей гестапо. Пресловутый Шелленберг посвятил им целую главу в своих мемуарах, расписывал как Флюг и его партия, используя старые связи, шпионили за деньги в годы Второй мировой войны в пользу немцев и против СССР. Такова логика политической борьбы. Очень быстро возрожденная Компартия Швеции превзошла «флюговцев» и по численности, и по влиянию среди рабочего класса. Ее активисты в годы войны всеми средствами боролись за победу СССР над фашизмом.

Аналогичную эволюцию проделала и группа Жака Дорио. Он едва избежал исключения за «правый уклон» в 1929 году на VI съезде Компартия Франции. А после того, как его за грубейшее нарушение партийной дисциплины все-таки выставили из партии, Дорио, прежде чем открыто перейти на фашистские позиции, заигрывал с социалистами и в середи-

не 30-х годов усиленно выдвигался левыми социалистами из «Лондонского бюро» в лидеры своего «интернациональчика».

Таким образом, из Коминтерна на позиции фашизма в основном переходили люди, изначально отмеченные «родимыми пятнами» социал-демократии. Поэтому, что бы ни ввали троцкистские историки и их буржуазные «спонсоры» о том, будто эти переходы были якобы вызваны мифической антипролетарской общностью фашизма и сталинизма, брехня эта не подтверждается реальной исторической практикой. При этом троцкистские пустобрехи «забывают» не только о том, как в начале Второй мировой войны (да и при нападении на СССР) геббельсовская пропаганда использовала для подрыва стран, жертв фашистской агрессии, изнутри, именно их, троцкистскую, аргументацию. Создавались даже специальные «псевдотроцкистские» радиостанции! «Забывают» и то, что в США и в Англии, например, правительства были вынуждены предпринимать репрессивные меры против местных троцкистов в связи с их пораженческой работой. «Забывают» о том, что именно пресловутые рабочие — «сталинисты» после нападения Германии на СССР возглавляли и составляли массовую базу Движения Сопротивления во всех оккупированных Гитлером странах, героически сражались и погибали в этой борьбе, в то время как по пальцам считанные троцкисты вносили в это движение только раздрай и расколы, сами же спровоцировали несколько кровавых эксцессов (во Франции, в Греции, в Югославии).

Что же касается перехода троцкистов в фашистский лагерь, то оно, учитывая национальность троцкистских вождей, было, естественно, затруднено зоологическим антисемитизмом Гитлера. Тем не менее, там, где во главе местных троцкистских групп по недосмотру оказывались представители коренного населения (как Додж в Бельгии), они таки на сторону фашистов переходили, за что и получали свою пулю от партизан-«сталинистов».

Однако вернемся к социал-демократам. Хочется процитировать некоторые выдержки из проекта тезисов Исполкома Коминтерна «Война и задачи коммунистов», составленного в конце сентября 1939 года, — ту их часть, которая касается непосредственно социал-демократии:

«Советский Союз двадцать лет вел неустанную борьбу за сохранение мира...

Коммунисты были против мюнхенской сделки, ибо они хотели бороться за справедливое дело. За это дело хотели

даться и массы. Они требовали создания подлинных правительств народного фронта, так как стремились дать отпор силам внутренней и внешней реакции; массы требовали единого фронта с СССР, как гарантии против использования их борьбы реакционными силами в своих империалистических целях. Но реакция всех стран при содействии социал-демократии все сделала для того, чтобы сорвать освободительную борьбу народов: погубила революционную Испанию, покончила с Чехо-Словакией, не допустила образования народного фронта в крупнейших капиталистических странах, единый фронт народов этих стран с СССР и потащила их на войну за чуждое им, несправедливое дело. Ныне, когда идет война грабительская, группа мюнхенских социал-демократических капитулянтов, организовав срыв борьбы испанского народа, требует, чтобы массы проливали кровь за восстановление обанкротившегося режима польских помещиков и капиталистов...

Перешедшая на службу англо-французского империализма верхушка II Интернационала подло использует антифашистские настроения трудящихся в империалистических целях, всемерно поддерживает шовинистической пропагандой демократические иллюзии масс, помогая буржуазии потащить народы на убой...

Поэтому неизбежно высвобождение масс из-под влияния демократических иллюзий, отход масс от социал-демократии, переход основных, слоев рабочего класса на сторону коммунизма. "Эра умирания капитализма является вместе с тем эрой умирания социал-демократизма в рабочем движении" (Сталин).

Вызревают объективные и субъективные предпосылки для успешного решения пролетариатом задачи его освобождения, освобождения всех трудящихся, в условиях возможного переплетения войн империалистических, антинародных, с войнами народными, освободительными.

...Новая обстановка, созданная войной, обуславливает перемену тактики компартий. Тактика единого рабочего и народного фронта до начала европейской войны была правильной. Она правильна ныне для Китая и может быть правильной для других колониальных и зависимых стран и народов, ведущих борьбу против империализма, за свое национальное освобождение. Эта тактика позволила пролетариату и трудящимся временно сдержать наступление капитала и реакции (Франция), развернуть вооруженную борьбу про-

тив реакционных мятежников и интервентов (Испания), временно отсрочить взрыв европейской войны.

Но эта тактика теряет свою действенность, во-первых, потому, что верхи социал-демократии и мелкобуржуазных "демократических" партий перешли целиком и полностью на сторону буржуазных правительств, ведущих империалистическую войну, пытаются извращением лозунгов народного фронта протащить трудящихся на путь поддержки империалистической политики буржуазии, как в воюющих, так и в нейтральных странах. Во-вторых, потому, что ныне центральная задача чего класса и трудящихся — это борьба против капитализма, источника войн, против всех форм буржуазной диктатуры, а лидеры мелкобуржуазных партий, в том числе и социал-демократии, тем быстрее перекачывают в лагерь буржуазной контрреволюции, чем сильнее "идея штурма зреет в сознании масс" (Сталин).

Усилия коммунистов наладить совместные действия с социал-демократией были сорваны еще до европейской войны. Они сорваны отказом социал-демократии бороться за элементарные права и свободы трудящихся, за улучшение их материального положения в рамках капитализма; они сорваны политикой "невмешательства" Блюма и поддержкой французской социал-демократией мюнхенского сговора; сорваны капитулянтским предательством Кабальеро Прието; сорваны систематическим отклонением Исполкомом II Интернационала, и в первую очередь английскими лейбористами, предложений Коминтерна об общих совместных действиях против реакции и войны; сорваны участием социал-демократии в подготовке и развязывании нынешней войны; сорваны ее политикой провоцирования войны против Страны Советов, ее сегодняшней роли цепной собаки англо-французской буржуазии, берущей в свои руки обанкротившееся знамя антисоветской борьбы и антикоминтерновского пакта. У коммунистов не может быть единого фронта с партией, образовавшей единый фронт войны со своей буржуазией вплоть до ее наиболее шовинистических, наиболее империалистических, наиболее реакционных элементов.

Создание боевого единства пролетариата и осуществление союза рабочих и крестьян будет идти не путем соглашений с верхами социал-демократии и мелкобуржуазных "демократических" партий, а помимо них и против них на основе самостоятельной мобилизации широчайших масс коммунистами для борьбы против реакции и войны»¹⁴.

Позднее на базе этих тезисов руководителем Коминтерна на Георгием Димитровым была подготовлена программная статья «Война и рабочий класс», опубликованная в журнале «Коммунистический Интернационал».

Следующая запутанная тема в истории Коминтерна, на которой необходимо остановиться, это выдвинутая в 1928 году на VI конгрессе Коминтерна линия на то, что в ближайшее время следует ожидать наступления мирового экономического кризиса, в связи с чем возможна новая волна войн и пролетарских революций. Это линия известна как «Третий период» или же тактика «Класс против класса». Уже в начале 30-х годов эта линия стала излюбленным предметом для острот и зубоскальства со стороны как «правых» бухаринцев, так и троцкистов и прочих «левых» и «независимых» коммунистов. Да и сейчас линия VI конгресса 1928 года служит излюбленным аргументом сменивших окраску русскоязычных «коминтерноведов» для демонстрации сталинской некомпетентности и «глупости».

Действительно, социалистической революции ни в 1929-м, ни в 1930-м, ни в 1931 году не произошло. Хотя, безусловно, нельзя и отрицать, что налицо был мощнейший подъем революционного рабочего и крестьянского движения. Не даром эти годы вошли в историю под названием «красных тридцатых». Тем не менее, всем упражняющимся в остроумии по поводу VI конгресса Коминтерна, укажем на такой «небольшой фактик», беззастенчиво ими игнорирующийся или голословно отрицающийся, как ожидавшееся со дня на день в конце 20-х годов нападение подстрекаемых Англией соседних восточноевропейских государств на СССР. Вспомним, что в 1931 году, после подъема фашистского движения в Финляндии, в число вероятных агрессоров Генштаб Красной Армии был вынужден включить и эту страну, а также Японию и ее китайских союзников на Дальнем Востоке. Это готовившееся нападение отнюдь не было плодом сталинской паранойи или подлым доводом для разгрома левой и правой «оппозиции» в партии. Достаточно посмотреть донесения советской военной или внешнеполитической разведки той поры, в большом количестве хранящиеся не только в закрытых ведомственных архивах, но и во вполне доступных для исследователей РГАСПИ и РГВА. Начиная с 1927 года эти донесения шли, как говорится, тоннами, и не было никаких других, опровергающих их. Достаточно посмотреть протоколы многочисленных ведомственных и межведом-

ственных заседаний спецслужб руководства Наркомата обороны и ОГПУ того периода, чтобы в этом убедиться.

В связи с ожидаемой войной резко активизировалась военная, в том числе и нелегальная, деятельность Коминтерна. В ноябре 1929 года была воссоздана ликвидированная еще в мае 1925 года Военная комиссия (Комиссия по «спецвопросам»), большая группа опытных военных разведчиков перешла на работу в Коминтерн (Б.Бортновский, С.Жбиковский, А.Гайлис, М.Штерн, М.Голубич и другие). Были воссозданы многочисленные нелегальные военные курсы для иностранных коммунистов, введена военная подготовка во всех коминтерновских вузах. За границу вновь, как и в период «Германского Октября» 1923 года, была отправлена большая группа военных инструкторов («инструкторы по спецработе») Орготдела ИККИ. Были разработаны планы диверсий, саботажа по всем граничащим с СССР потенциальным странам-агрессорам.

Кроме того, нельзя не вспомнить о том гигантском перевооружении и модернизации Красной Армии, которое происходило в 1929—1932 годах. Ее военная мощь выросла не просто на порядок, а в десятки раз. Говорят, именно эта ожидавшаяся война и связанная с ней необходимость укрепления Красной Армии породили многие негативные социальные процессы (форсированная коллективизация, форсированная индустриализация, ограничение демократии), позднее как бы рикошетом ударившие по самой партии в 1937—1938 годах.

Однако, как говорят англичане, лучшим доказательством наличия пудинга на столе является возможность его съесть. Почему же на рубеже 30-х годов не началась ожидавшаяся интервенция против СССР? Причин много. Достаточно было бы привести главную — невиданный доселе масштаб начавшегося мирового экономического кризиса. Он похоронил все планы военной интервенции, привел к обострению противоречий между западно- и центрально-европейскими потенциальными союзниками по готовящемуся нападению. В результате этого кризиса у главного застрельщика планировавшейся интервенции, Англии, резко уменьшились возможности: рухнуло правительство «ястребов»-консерваторов и к власти вернулись «миролюбивые» лейбористы. И, хотя во Франции в это время происходили прямо противоположные процессы — к власти прорвались правые антисоветские силы — Наполеона среди них не нашлось, а пресловутый Бриан, хоть и был «голова», но голова тупая. В Германии,

которой в планировавшейся интервенции отводилась роль спокойного тыла, резко усилилось коммунистическое и национал-социалистское движения. Их боевые организации — Союз краевых фронтовиков у КПГ и «штурмовые отряды» у НСДАП — насчитывали до полумиллиона человек, в несколько раз превышая численность рейхсвера. Ничего хорошего ожидать от них организаторам интервенции не приходилось.

Кроме того, неясно было, как поведет себя Италия, которая также могла воспользоваться новой войной для удовлетворения своих требований.

Назовем еще одну весьма вероятную причину, почему война не состоялась. Проводимая Коминтерном и его секциями интенсивная подготовка к защите СССР в случае ожидавшейся интервенции, усилия по созданию коммунистической «пятой колонны» в Германии, Польше и Финляндии и других странах, в том числе и в колониях, стали известны руководству западных держав (английская, французская и польская разведки действовали весьма эффективно) и послужили причиной их отказа от агрессии против СССР. Действительно, ведь даже в Великобритании под самым носом у новоявленных организаторов «крестового похода» против СССР орудовали военные инструкторы Орготдела Коминтерна.

Как мы уже отмечали выше, одним из главных «обвинений» в адрес Коминтерна является тезис, будто своей политикой отказа от сотрудничества с социал-демократами он способствовал приходу Гитлера к власти. Однако политика — вещь вполне конкретная. И хотелось бы спросить этих «обвинителей», а знают ли они хотя бы о событиях 1 мая 1929 года в Берлине, вошедших в историю под названием «кровавый Первомай»? Тогда социал-демократические (!) власти Берлина запретили проведение традиционной первомайской демонстрации трудящихся, а когда она все-таки состоялась, потопили ее в реках крови! Однако главное даже не в этом, а в том, что, воспользовавшись ими же развязанной бойней, германские власти запретили боевую организацию немецких коммунистов — Союз красных фронтовиков — и тем самым практически разоружили авангард немецкого рабочего класса перед лицом наступающего нацизма!

А разве забыли господа обличители Коминтерна лозунг французской буржуазии 30-х годов: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт!» Пожалуй, наиболее показательный пример — это

события февраля 1934 года в Австрии. В течение многих лет австрийские социал-демократы всячески третировали и игнорировали Компартию Австрии, отказывались от сотрудничества с нею, под страхом исключения запрещали своим членам участвовать в проводимых компартией антифашистских демонстрациях. Более того, они даже запрещали принимать коммунистов в свою военизированную организацию — Шуцбунд. Однако в феврале 1934 года, когда пришло время для решительных действий, социал-демократы продемонстрировали свою полную несостоятельность, трусость и беспомощность перед лицом клерикало-фашистского режима, который без труда спровоцировал, а затем и полностью разгромил их. После этих кровавых событий сами австрийские рабочие «сделали свой выбор». Тысячами стали переходить в ряды нелегальной, компартии, а руководство преобразованного «Автономного шуцбунда» возглавили коммунисты. Этот очевидный пример лучше всего демонстрирует, кто несет главную ответственность за приход фашистов к власти — коммунисты или социал-демократы.

Если кого не убеждает пример Австрии, другой пример — Испания. Вот страна где коммунисты и социал-демократы объединились в рядах Народного фронта в борьбе против фашизма за буржуазно-демократические свободы. И что же?

Сначала антисоветски настроенная часть «левой» фракции испанских социалистов во главе с Ларго Кабальеро и Луисом Аракистайном выступила против разумно-умеренной политики Народного фронта с «левацких» позиций, затем они же фактически поддержали экстремистские требования анархистов, троцкистов и «демо-коммунистов» из организации ПОУМ, в результате чего произошли кровавые столкновения в тылу республиканских войск, известные как «барселонский пугч» мая 1937 года. Он нанес республиканцам колоссальный ущерб, сорвав планировавшееся контрнаступление на Севере.

Затем большая часть центристской фракции во главе с И.Прието, интригуя против коммунистов, привела Народный фронт к тяжелому правительственному кризису в марте-апреле 1938 года¹⁵.

А правая фракция во главе с Х.Бестейро вообще «отличилась» — вместе с офицерами-предателями приняла участие во вспыхнувшем в последние дни республики братоубийственном мятеже 6 марта 1939 года, вошла в так называемую «Национальную хунту обороны» которая фактически

передала власть Франко на самых позорных и невыгодных условиях.

Отсутствие ясной программы, элементарного порядка и единства в рядах самой Соцпартии Испании продемонстрировало, насколько правы были руководители Коминтерна, когда насаждали в своих секциях железную дисциплину.

А как не вспомнить в связи с гражданской войной в Испании позорную «политику невмешательства» французского правительства, возглавлявшегося франкоязычным лидером социалистов Леоном Блюмом. Напомню, что этот самый франкоязычный Леон Блюм, помимо прочего, является отцом так называемого «этического (!) социализма». Вскоре он сам пожал плоды своей преступной политики, оказавшись в нацистском концлагере. Освободила его, естественно, Красная Армия. А ведь именно Леон Блюм, будучи премьер-министром Франции, категорически отказался в свое время заключить предложенный Сталиным военный договор о сотрудничестве с СССР, ограничившись только политическим соглашением и развалив тем самым всю продуманную Сталиным политику по нейтрализации угрозы новой войны, политику изоляции Гитлера, ради которой, собственно, и задумывался «курс на народный фронт»! Это обычно «забывают» обличители так называемого «Пакта Молотова — Риббентропа». Поистине поразительная «двойная этика» у этих людей! Она почему-то не помешала начинающему политикану Леону Блюму организовать конфиденциальную передачу денег от еврейских банкиров Жану Жоресу за его благородную роль в «деле Дрейфуса». А вот с Испанией, как говорится, у «этического социалиста» некругло вышло — умыл руки. Так что, как мы видим, все рассуждения о возможном антигитлеровском союзе коммунистов и социал-демократов в Германии, способном предотвратить приход НСДАП к власти — не более чем политические спекуляции антикоммунистического толка. Именно коммунисты сделали все возможное для того, чтобы остановить Гитлера, а вся вина за его победу ложится на международную буржуазию и ее социал-демократических лакеев, но никак не на Сталина и Коминтерн.

Теперь, пожалуй, о самом главном мифе, бытующем среди «коминтерноведов» — мифе о VII конгрессе Коминтерна. Как это ни смешно, именно VII конгрессу 1935 года посвящено в несколько раз больше литературы, чем всему Коминтерну, вместе взятому. Это было вызвано тем, что его ре-

шения в 1960—1970-е годы пытались привязать к проводимой тогда капитулянтской политике «мирного сосуществования», а также к политике союза коммунистов с социал-демократами, не менее идиотской и предательской.

Между тем, как мы уже отмечали, решения этого самого VII конгресса действовали только несколько лет, с 1935-го до 1939 год. Даже если встать на точку зрения «коминтерноведов», результаты решений VII конгресса оказались не слишком впечатляющими. Жестокое поражение потерпели республиканцы в Испании, бесславно развалилось правительство Народного фронта во Франции, не удалось предотвратить Вторую мировую войну.

Как уже отмечалось, суть этой политики носила совершенно иной характер. Речь не шла ни о каком пересмотре идеологии, стратегии и т.д. и т.п. Речь шла лишь о смене тактики. Советское руководство старалось выиграть время накануне грядущей мировой войны, пыталось привести к власти в западных странах более здравомыслящие, прогрессивные политические силы, не давая возможность прийти к власти крайне правым антисоветским «ястребам», как это произошло в Финляндии, Австрии и в других странах, чтобы не позволить реакционным силам объединиться в единый фронт агрессии против СССР. И недаром, когда эта политика себя исчерпала, Сталин тут же дал указание руководителю Коминтерна Георгию Димитрову полностью дезавуировать проводившуюся до этого линию.

То, что это было именно так, хорошо показывают изменения, произошедшие в структуре и принципах функционирования самого Коминтерна. Вопреки мнению большинства «коминтерноведов», эти изменения носили косметический характер. Фактически сохранялся даже институт эмиссаров Коминтерна. Так, в Испании действовала делегация в составе Е.Гере, С.Минева, В.Кодовильи, М.Штерна. Затем туда приезжал сам Пальмиро Тольятти, второй человек в Коминтерне. Во Франции продолжал действовать Е.Фрид, в Бельгии — А.Берей и т.д.

Сохранились Отдел кадров и Отдел международных связей (ОМС), переименованный в Службу связи. Фактически сохранились лендерсекретариаты, переименованные в региональные «секретариаты секретарей ИККИ». Некоторое снижение активности Коминтерна произошло в 1937—1938 годах в связи с объективным обстоятельством — массовыми репрессиями в СССР, тотальной проверкой кадров,

приведшим к временному замораживанию всех нелегальных структур, в том числе и Коминтерна.

Кстати говоря, в самом Коминтерне, репрессии затронули не так уж много функционеров. Так, в 1937 году было репрессировано 87 человек, а в 1938-м — еще 20 сотрудников, при этом на 1 октября 1938 года в аппарате ИККИ значилось 509 человек. При этом надо учитывать, что многие из репрессированных коминтерновцев к моменту ареста в самом Коминтерне уже не работали. Принято считать, что это были наиболее грамотные и ценные кадры. Это, с одной стороны, так, но с другой стороны эти самые «грамотные» кадры, проработав долгие годы в Коминтерне, оторвались от тех эволюционных процессов, которые происходили в СССР, не поняли необходимости смены курса в 1935 году.

Особенно это очевидно на примере судьбы самого известного из репрессированных коминтерновцев — Осипа Пятницкого. Четырнадцать лет Пятницкий осуществлял техническое руководство Коминтерном, из них шесть лет входил в его высшее политическое руководство. Этот человек фактически создал всю, если так можно выразиться, «невидимую часть» коминтерновского айсберга: Орготдел, Отдел международных связей, Отдел кадров, радиоцентры, Бюджетную комиссию, военный и пропагандистский аппарат. Он лично вел всю совместную работу аппарата Коминтерна по взаимодействию с советскими спецслужбами. Будучи человеком феноменальной работоспособности, он, как и некоторые (отнюдь не все!) представители его поколения, отличался крайней честностью и щепетильностью, был настоящим «бессребреником» в быту, фанатиком коммунистической идеи. Трудно было найти более подходящего человека на эту должность. И, наконец, нельзя не учитывать тот факт, что, родившись в Литве и проведя долгие годы в европейской эмиграции, он хорошо знал Запад, условия тамошней жизни.

Почему же после VII конгресса Пятницкого устранили из Коминтерна? Думается, тому было несколько причин. Во-первых, с конца 20-х годов стоявшие у руля Коминтерна Пятницкий и Мануильский вели между собой непрекращающуюся борьбу. Она, по сути своей, не была политической дискуссией. Разногласия, скорее, объяснялись разницей темпераментов, мировоззрений, представлений о порядочности и т.д. Однако, как известно, «два медведя в одной берлоге не живут». В лучших традициях советской бюрократии, практически весь аппарат Коминтерна разделился на две части:

одни за Мануильского, другие за Пятницкого. Это, конечно, вредило общему делу.

В период «хрущевской оттепели» отечественные «коминтерноведы» стали объяснять эту борьбу тем, что Осип Пятницкий был якобы сторонником сектантских взглядов, а Дмитрий Мануильский уже тогда, в конце 20-х годов, выступал проводником политики Народного фронта. В это верится с трудом. Никто из ветеранов Коминтерна не подтвердил позднее этого обвинения. То, что оно фигурирует в протоколах допросов самого Пятницкого и его товарищей, возможно свидетельствует, что консультантом «коминтерновского дела» НКВД выступал, вероятно, все тот же Мануильский. Не тот человек был Осип Пятницкий, чтобы хоть на йоту отступить от указаний ЦК своей партии, партии, заменившей ему отца и мать и воинского начальника.

Думается, опытному интригану Мануильскому просто удалось натравить на Пятницкого приехавшего в СССР после Лейпцигского процесса и пользовавшегося огромной популярностью Георгия Димитрова. Причем натравить отнюдь не сразу, а практически накануне, если не в ходе самого VII конгресса Коминтерна 1935 года.

Кроме того, у Сталина могли быть и другие резоны.

Во-первых, Пятницкий и его ближайшие помощники А. Абрамов-Миров, Г. Смолянский, Б. Кун были «спецами» по Германии. Но к середине 30-х годов стало вполне очевидно, что надежды на «Германский Октябрь» оказались иллюзией, что на ближайшее время германский рабочий класс утратил свою авангардную роль в мировом коммунистическом движении и что традиционная функция Германии как противовеса Англии и «относительного» союзника СССР, с приходом Гитлера к власти была утрачена. В этой ситуации на первое место вышло романское направление, спецом по которому являлся как раз Мануильский.

Во-вторых, как мы уже выше указывали, на VII конгрессе произошла смена стратегического курса Коминтерна, что, в свою очередь, привело к «косметическому» реформированию его аппарата. Для того чтобы продемонстрировать мировой социал-демократии свою добрую волю, необходимо было кого-то принести в жертву, найти, образно говоря, «козла отпущения» за «ошибки» предыдущей жесткой политики. Естественно, Пятницкий и его команда как нельзя лучше подходили на эту роль. Впрочем, авторитет Осипа Пятницкого в ВКП(б) и в мировом коммунистическом движении был

настолько велик, что открыто это сделать даже Сталин не посмел. Но, как говорится, «круги по воде» пошли.

Удаление Пятницкого и его правой руки Абрамова-Мирова из Коминтерна в 1935 году их обоих явно не обрадовало. Так что вполне возможно, что какие-то оппозиционные разговоры со своими сторонниками, оставшимися в Коминтерне, они все же вели. Насколько все это далеко зашло — неизвестно. Архивы ФСБ до сих пор наглухо закрыты и истинную правду о репрессиях 1937—1938 годов мы, вероятно, уже никогда не узнаем.

Таким образом, как мы видим, политика VII конгресса имела совсем не те цели и носила совсем не тот характер, как это пытаются представить нынешние «коминтерноведы».

Много разговоров ведется в последние годы относительно «выброшенных на ветер денег», т.е. якобы бесцельно пропавших «народных» миллионах, затраченных на финансирование зарубежного коммунистического движения. Действительно, в былые времена Советский Союз финансировал зарубежные компартии, во многом благодаря чему и сам был сильнейшим государством в мире. Возглавлял блок союзных государств — Варшавский договор и экономический союз — СЭВ. Да к тому же не менее трех десятков (!) государств Азии, Африки и Латинской Америки — от Эфиопии до Лаоса и от Никарагуа до Анголы, являлись его преданными и верными друзьями, соратниками в борьбе против американского и китайского гегемонизма. Никогда в своей тысячелетней истории Россия не достигала такого могущества в мире, как после Второй мировой войны. Трагедия, однако, заключалась в том, что Сталин, человек, создавший это могущество, был уже стар и болен, а его наследники оказались недостойны своего места в истории.

Однако давайте задумаемся, на что же пошли деньги, выделявшиеся Коминтерну и его секциям.

Во-первых, за рубежом было создано мощнейшее культурное, политическое и экономическое лобби, выступавшее в защиту Советской России и проводимой ею политики. Причем не только из открытых коммунистов, но и из находящихся под их влиянием «попутчиков». Помимо самого Коминтерна, в 20—30-е годы существовало огромное количество инспирированных и руководимых им беспартийных организаций, таких как Межрабпом, Международный комитет действия против военной опасности и фашизма, Всемирный комитет борьбы за мир, Антифашистский центральный

комитет, Международный комитет борьбы против войны и фашизма, Международный женский комитет борьбы против войны и фашизма и им подобные.

Благодаря этим самым «народным» деньгам к власти в своих странах приходили правительства Народных фронтов, велась борьба с фашизмом против угрозы войны и т.д., что явно служило внешнеполитическим интересам СССР.

Не забудем, наконец, о той огромной денежной (да и не только) помощи, которая шла от зарубежных коммунистов в СССР через такие организации, как Межрабпом, для голодающих Поволжья, и т.д. и т.п.

Во-вторых, с помощью секций Коминтерна велась вербовка иностранных специалистов и квалифицированной рабочей силы для работы в СССР. Количество этих людей, их опыт были достаточно велики и роль их в создании индустриальной базы страны, особенно в годы первых пятилеток, трудно переоценить. Это касается и так называемого «промышленного шпионажа», без которого СССР, на протяжении всей своей истории находившийся в той или иной мере в «технологической» блокаде, вряд ли чувствовал себя столь уверенно.

Кадры Коминтерна служили неисчерпаемым резервуаром для советских спецслужб. Через этих людей шла не только необходимая нашей стране военная и внешнеполитическая информация, но также огромное количество научно-технической документации, необходимой народному хозяйству Советской России, ценнейшей экономической информации и даже образцов материальной продукции. Если бы Коминтерна не существовало» за все это пришлось бы платить твердой валютой, как и принято в спецслужбах стран «свободного мира».

В-третьих, подготовленные Коминтерном кадры сыграли огромную роль в смертельной схватке с фашизмом сначала в Испании, а затем и в годы Второй мировой войны. Так, в 1942 году, накануне своего отпуска, Коминтерн имел нелегальные пункты связи во Франции, Бельгии, США, Мексике, Турции, Швеции, Югославии, Монголии, Китае, Иране, Индии¹⁶. Летом того же года были подготовлены к отправке в Югославию, Румынию, Польшу, Германию, Австрию, Чехию и Словакию 45 человек ответственных работников компартии. Служба связи Коминтерна (1-й отдел) имела радиостанции за границей: в Польше и Голландии (обслуживала также и Германию) — по пять, в Бельгии и

Германии — по две, в Китае — три и по одной в Дании, Швеции, Австрии, Монголии, Иране, Словении, Хорватии, партизанском районе Югославии, Англии и США. В стадии организации находились радиоточки в Чехии, Словакии, Финляндии и Германии. Были запроектированы точки в Венгрии, Сирии, Болгарии и Индии¹⁷. Спецшкола Службы связи Коминтерна в этом году одновременно готовила для заброски 50 человек. За 1942 год радиоцентр Коминтерна принял 5300 радиограмм, насчитывающих 605 300 цифровых групп, а за январь-апрель 1943 года — 3586 радиограмм (254 967 цифровых групп). Только в мае-июне 1942 года были заброшены финская, венгерская, словацкая, польская, австрийская и румынская группы подпольщиков. В Спецшколе Коминтерна обучались 250 испанских республиканцев для советских партизанских отрядов, причем было принято решение вдвое увеличить количество обучавшихся¹⁸. Общеизвестно, что во всех странах, где развернулось движение Сопротивления, именно коммунисты играли в нем главную и наиболее активную роль. Какими деньгами оценить кровь, пролитую немецкими интернационалистами в борьбе против нацизма, когда они плечом к плечу вместе со своими русскими братьями защищали СССР от немецких фашистов. Много ли в истории XX века таких примеров?

В-четвертых, малозаметная в 30-е годы деятельность Коминтерна способствовала крушению бесчеловечной колониальной системы империализма. Она дала мощнейший импульс развитию национально-освободительного движения, что, в конечном счете, тоже послужило интересам Советского Союза, подрывая позиции его англо-американских противников и приобретая ему новых союзников по всему миру

В-пятых, выпестованные Коминтерном по всему миру компартии уже в годы «холодной войны» явились весомым аргументом, удержавшем американских «ястребов» от развязывания ядерной бойни. Так во время войны в Корее в 1950 году не только компартии стран Юго-Восточной Азии (включая, кстати, Компартию Японии) приняли курс на вооруженную борьбу против американского империализма, но даже Компартия Бразилии, где нашлись люди, готовые с оружием в руках сражаться за общее дело стран социалистического лагеря.

И, наконец, последнее. Подавляющее большинство людей, пришедших к власти после второй мировой войны в странах так называемой «народной демократии», составля-

ли бывшие руководители, работники и воспитанники Коминтерна. Среди них можно назвать Г.Димитрова, В.Коларова, В.Червенкова, А.Паукер, М.Ракоши, Е.Гере, М.Фаркаша, В.Пика, В.Ульбрихта, К.Готвальда, В.Широкого, В.Берута, В.Гомулку, Э.Герека, Чжоу Эньлая, Ван Мина, Хо Ши Мина, И.Тито и многих других. Все они были не просто коммунистами своих стран, а сотрудниками Коминтерна.

Таким образом, финансовые затраты на Коминтерн и его секции можно объективно рассматривать как долгосрочные инвестиции Советской России, которые принесли ей колоссальную отдачу.

Возникший в горниле Первой мировой войны поначалу как нигилистическая, подрывная, антисистемная сила, Коммунистический Интернационал, последовательно придерживаясь ленинского («брестского») тезиса о том, что все, что служит интересам Советской России, служит тем самым интересам мировой революции, фактически служил геополитическим интересам Советской России, а затем и СССР, заменив ей столь необходимых в межвоенные годы союзников. Во многом благодаря наличию Коминтерна удалось отстоять государственную, политическую и экономическую независимость СССР.

Примечания

¹ Лейбзон Б.М. Международное единство коммунистов: Исторический опыт, принципы, проблемы. М., 1980. С.41.

² Ленин В.И. Циммервальдское болото // Поли. собр. соч. Т.31. С. 177.

³ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т.49. С.440-449.

⁴ Федоров К.Г. ВЦИК в первые годы Советской власти. 1917—1920. М., 1957. С.48.

⁵ Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и депутатов II созыва. М, 1918. С.148, 158.

⁶ См.: Известия. 24 декабря 1917 (6 января 1918).

⁷ Свердлов Я.М. Избранные произведения. В 3-х т. Т.2. М., 1959. С.112-114.

⁸ АПРФ. Ф.3. Оп.20. Д.53. Л.1.

⁹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т.38. С.302-303.

¹⁰ Далин В.М. Из истории социализма во Франции. М., 1984. С.233.

¹¹ Об отношении Ленина к французским синдикалистам см.: Далин В.М. Из истории социализма во Франции. М., 1984. С.253-255.

¹² Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1918-1922 годы. М., 1981. С.96-97.

¹³ Фирсов Ф.И. Коминтерн: опыт, традиции, уроки // Материалы научной конференции, посвященной 70-летию Коммунистического Интернационала. М., 1989. С.21.

¹⁴ РГАСПИ. Ф.495. Оп.18. Д.1302а. Л.1-18.

¹⁵ Мещеряков М.Т. Испанская республика и Коминтерн. М., 1987. С.133-141.

¹⁶ Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С.72.

¹⁷ Там же. С.77.

¹⁸ Там же. С.78.

Александр Шубин

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ ОТ МАРКСА ДО СТАЛИНА

Коммунизм — мир, в котором решены все проблемы существующего классового эксплуататорского общества. Мечта о коммунизме и даже его конкретные, хотя и очень наивные модели выдвигались с XVI века. Но влиятельным идейно-политическим движением сторонники коммунизма стали во второй половине XIX века — в лице марксизма. Параллельно развивался другой поток — сторонников анархического коммунизма. Анархизм оказал значительное влияние на марксизм, но почти не смешался с ним, и в этой статье мы не будем рассматривать анархистский сюжет¹. Также не будем мы рассматривать те ответвления марксизма, которые, даже сделав ценный вклад в теорию марксизма, не превратились в движение практиков преобразования общества в направлении коммунизма. Также нужно иметь в виду, что не все течения, считающие себя марксистскими, являются в то же время и коммунистическими (о чем напоминают нам последователи Бернштейна). Тем не менее, идеи Карла Маркса составляют корень коммунистического движения, лояльность марксизму остается идейным критерием принадлежности к коммунистическому движению (кратко — коммунизму).

Коммунистический проект Маркса

Идеал Маркса мог называться не только коммунизмом, но и демократией (властью демоса), гуманизмом, социализмом или даже гражданским обществом. В письме к А.Руге (1843) Маркс трактует коммунизм еще как «одностороннее осуществление социалистического принципа», «особое выражение гуманистического принципа»². Социализм представляется Марксу движением за уничтожение частной собственности,

в котором коммунизм — более узкая тенденция, а гуманизм — более широкое понимание проблемы, чем социализм.

Но постепенно путь всеобщей критики устоев капитализма привел Маркса именно к коммунизму, крайней степени общности, полному отрицанию частности. Коммунизм — доведение критики частного до крайних выводов. Коммунизм должен преодолеть все противоречия общества, смести и переварить все перегородки, разделяющие (отчуждающие) людей.

Методом преобразования общества Маркс и его alter ego Ф.Энгельс считали «завоевание демократии»³, то есть переход власти к пролетарскому большинству населения или его представителям. Однако как будет выглядеть эта «демократия», как обеспечить принятие решений большинством хотя бы рабочих? В соответствии с «Манифестом коммунистической партии» «пролетариат использует свое политическое господство, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия труда в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил.

Это может произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения», среди которых — экспроприация земельной собственности, высокий прогрессивный налог, отмена права наследования (позднее Маркс и Энгельс будут обличать Бакунина за приверженность этой идее), конфискация имущества эмигрантов и мятежников, банковская монополия государства, расширение государственного сектора и создание промышленных армий⁴. Такую систему организованного в государство рабочего класса Маркс и Энгельс называли диктатурой пролетариата. Таким образом «классики» пытаются сочетать крайний демократизм и сильную государственную волю, которая несет в себе антидемократизм.

Маркс и Энгельс не разъяснили, как будет выглядеть государство, эквивалентное организованному пролетариату. Конкретизация последует только после Парижской коммуны, программа которой, следовала за идеями Прудона⁵. В 1872 г. Маркс и Энгельс заявят о некотором пересмотре своей программы под влиянием Парижской коммуны⁶. А пока, до 1872 г., до бакунинской критики и опыта Коммуны, речь у Маркса шла о централизованном государстве, которое дейст-

вует от имени рабочего класса и начинает управлять практически всей экономикой, начиная от банков и железных дорог и кончая имуществом умерших людей, которым теперь наследует государство. Такое государство сохранится, пока общество не преобразуется в ассоциацию равноправных индивидуумов. Ведет ли предложенный путь к искомой цели, или, план мероприятий «Манифеста» создает новый деспотизм, на деле исключая демократию? Современники Маркса, особенно ярко — Бакунин, предупреждали об угрозе второго исхода⁷.

Изложенная в «Манифесте» концепция диктатуры сохранила популярность в коммунистическом движении и после того, как Маркс внес в нее поправки. После прихода к власти коммунисты всегда начинали с огосударствления экономики и почти всегда с диктатуры, опирающейся на социальные низы.

После 1872 г. марксисты на время перестают любить государство. В 1875 г., в борьбе с лассальянством, «классики» делают серьезный шаг в сторону позиции Прудона и Бакунина. Энгельс писал Бебелю: «Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле слова». Энгельс прямо ссылается на критику со стороны анархистов как мотив столь решительного поворота. Чтобы сохранить лицо, Энгельс вспоминает здесь также о полемике Маркса и Прудона, но вполне очевидно, что по сравнению с Пруд оном Маркс был именно государственным, стремившимся разрушить данное государство ради рабочего государства. Пока происходит революция, марксисты готовы укреплять государство, диктатуру. Но после их победы государство «само собой распускается», и наступает свобода. «Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова "государство" слово "община", прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову "коммуна"». В этой фразе Энгельс фактически признает, что переход от государственничества к идее «общины» произошел именно под давлением бакунистов. Более того, Энгельс фактически переходит на позиции, к которым в то же время с противоположной позиции сдвигается анархист Лавров: государство необходимо не для строительства социализма, а лишь для защиты революции. Энгельс писал Бебелю, что государство нужно не в интересах свободы, а «в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить

о свободе, государство перестает существовать»⁸. Когда противники пролетариата будут подавлены, государство становится не нужным.

Для либерала государство — гарант свободы, свобода нуждается в государстве. Для социалистов свобода — плод не защиты друг от друга, отчуждения друг от друга, а общения, сближения, сотрудничества. Поэтому государство не нужно для обеспечения свободы, которая будет вытекать из самой структуры общества. Но только часть социалистов заметила, что излишнее сближение между людьми тоже угрожает свободе.

Не случайно в написанной в то же время «Критике Готской программы» Маркс утверждал, что даже в коммунистическом обществе сохраняются некоторые функции, «аналогичные теперешним государственным функциям»⁹. Но не уточнял какие. Сталин уточнит эту мысль на практике.

В XX веке левые марксисты, ссылаясь на упоминание самоуправления в работах Маркса, на его политический федерализм (заимствованный у последователей Прудона) станут утверждать, что Маркс стремился подчинить производство свободным самоуправляющимся работникам. Но тексты Маркса не оставляют сомнений: он последовательный централист, сторонник подчинения производства (а значит и работников) центру, который управляет всем обществом по рациональному (то есть разработанному группой рационально мыслящих управленцев) плану: «Национальная централизация средств производства станет национальной основой общества, состоящего из объединения свободных и равных производителей, занимающихся общественным трудом по общему и рациональному плану»¹⁰. Здесь предельно обострено противоречие между свободой работника и его готовностью всегда подчиняться единому рациональному плану. Эта система может существовать только при одном условии — что работник всегда будет добровольно и свободно выбирать именно то поведение, которое запланировано центром. Если нет — в жертву должен быть принесен или обязательный план, или свобода.

Общественный идеал Марка и Энгельса, как и большинства современных им социалистов, формально является безгосударственным. Вслед за А. де Сен-Симоном и немецким социалистом В.Вейтлингом Энгельс выступает за «упразднение всякой формы правления, основанной на насилии и большинстве, и замене его простым управлением, организующим различные отрасли труда и распределяющим его продукты»¹¹. Но Энгельс никак не разъясняет, каким обра-

зом возможно такое управление, и почему все должны добровольно подчиниться решениям управленцев. Это еще благое пожелание, типичное для либеральных и социалистических программ того времени.

Дело в том, что «масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду, а собственность — всем индивидам. Современное универсальное общение не может быть подчинено индивидам никаким иным путем, как только тем, что оно будет подчинено всем им вместе»¹². Другими словами — все принадлежит всем не только на словах, а на деле. Возникает единый хозяйственно-информационный организм («универсальное общение»), который как единое целое подчинен каждому, потому что этот каждый может моментально согласовывать свои интересы с интересами другого каждого. Основоположники марксизма смотрят на выполнение этого идеала как на социально-управленческую задачу, не задумываясь об отсутствии организационно-технических предпосылок и достаточного культурного уровня каждого для того, чтобы он пользовался всем хозяйством не в ущерб остальным. Да и хозяйство здесь видится каким-то единым автоматизированным блоком, который обслуживает нужды каждого. В XIX—XX вв. эта философская абстракция могла воплотиться только в индустриально-бюрократическую диктатуру, действующую от имени всех. В середине XX в., по мере успехов НТР, предпосылки осуществления мечты об «универсальном общении» стали более заметны. Современные информационные технологии теоретически позволяют подчинить «универсальное общение» каждому. Но это еще не значит, что все работники тут же придут к согласию. Кто же сформулирует мнение всего рабочего класса?

Само название «Манифеста коммунистической партии» ставило на повестку дня создание организации, которая будет выражать, формулировать и отстаивать волю пролетариата лучше, чем разношерстная масса пролетариев. Маркс предпринимает попытку создания такой партии в 1847—1856 гг. (Союз коммунистов), затем пытался централизовать разнородный в идейном отношении Первый Интернационал, что в 1872 г. способствовало его расколу. К концу жизни Маркса рабочие (по названию) социал-демократические партии возникли во многих странах Европы, но они по-прежнему были разнородны в идейном отношении и не годились, чтобы стать орудием осуществления революционного коммунистического проекта. Также плохо годились они для того, чтобы после

победы в борьбе за власть руководить всем хозяйством из единого центра. Сиюминутные интересы рабочих интересовали социал-демократов куда больше, чем коммунизм или социализм (для одних — первая фаза коммунизма, для других — его синоним).

Революция, пролетариат и школа Маркса

Возможность для смены социальных систем имеется далеко не всегда. Маркс фокусирует свое внимание на экономике как важнейшем показателе готовности к социальному перевороту. Остальное — «надстройка». Предположим. Но уровень экономики XIX в. оставлял капитализму еще немалые резервы роста, а в 1848-1850 гг. основоположники марксизма ждут со дня на день революцию, которая в результате непрерывного развития перерастет в мировую социалистическую: «наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной (перманентной — А.Ш.) до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев»¹³.

Так что не будем винить в отходе от марксизма как идеолога «перманентной революции» Л.Троцкого, так и В.Ленина, которого Г.Плеханов обвинил в «бредовом» непонимании законов места и времени за призыв к социалистической революции в 1917 г. — Плеханов отошел от идей Маркса дальше, чем Ленин.

Не в экономике зарыта собака марксистской революции, а в продукте капиталистической экономики — в пролетариате. Это — армия революции и строительный материал нового общества. Готовность этой армии — это и есть предпосылка революции по Марксу.

Пролетариат возникает из разложения всех сословий, главным образом среднего класса¹⁴. Перспективы среднего класса по Прудону оказываются более оптимистичными. И он окажется прав.

Марксу и Энгельсу казалось, что пролетарии ничем не связаны с психологическими и социальными традициями

старого общества. Раз так, то общественные отношения, созданные пролетариями, должны быть качественно иными, чем капитализм. Марксу казалось, что это будет более высокая ступень в развитии общества. Но, учитывая культурную нищету пролетариата, это могла быть и предыдущая ступень.

Энгельс считает отрыв пролетариата от «старой» культуры положительным качеством: «чем ниже стоит класс в обществе, чем он "необразованнее" в обычном смысле слова, тем он прогрессивнее, тем большую будущность он имеет»¹⁵. Беда трудящихся масс XIX столетия — необразованность, становится своеобразным критерием прогрессивности. Вождам коммунистических радикалов нужна армия необразованных варваров для того, чтобы стереть с лица земли существующую цивилизацию и создать на ее месте новую.

Маркс и Энгельс полагают, что пролетарии должны «низвергнуть государство, чтобы утвердить себя как личности»¹⁶. Маркс говорит от имени пролетариата: «я ничто, но я должен быть всем»¹⁷. «Кто был ничем, тот станет всем». Подобная формула, безусловно, способствует самоутверждению прежде забитого и понукаемого человека. Но из чего следует, что в самоутверждающейся личности такого рода проснется стремление к конструктивному творчеству, а не к примитивной мести?

Маркс надеется, что пролетарии используют свою энергию отрицания капитализма для разрушения этого строя, что автоматически приведет к возникновению нового строя — коммунизма. Но значит ли это, что рабочие сами по себе испытывают стремление именно к коммунизму. Как мы увидим, позднее Ленин отметит, что стихийное рабочее движение не вырабатывает социалистической стратегии, идеология социализма привносится в рабочий класс извне, со стороны интеллигенции. Из этого следует, что соответствие социалистической стратегии интересам пролетариата — это теоретическая модель, а не результат эмпирических исследований. К чему же в действительности стремится пролетариат?

Прежде всего — это защита своих социальных прав, роста уровня зарплаты, но не ответственности. Это как раз то, что человеку дает социальное государство. Оно заботится о человеке труда, сохраняя его роль специализированного инструмента индустриальной машины. Сохраняя свой образ жизни, рабочий стремится не к социализму, а к социальному государству. К социализму он может стремиться только как человек, который хочет перестать быть элементом производственной цепочки.

Социальное государство не устранило эксплуатацию, но несколько смягчило ее последствия. Значительная часть рабочих получила некоторую уверенность в завтрашнем дне, среднее образование, необходимое индустриальному обществу для того, чтобы иметь квалифицированную рабочую силу. У работников появился недостаток и свободное время, достаточное для продолжения образования. Казалось бы, работники вполне могли бы овладеть знаниями, достаточными для противостояния манипуляции сознанием, для понимания своих глубинных интересов и путей изменения общества. Через столетие Г.Маркузе с разочарованием констатирует социально-психологическую интеграцию рабочего класса в капиталистическое общество.

Пролетариат, таким образом, оказывается попутчиком марксизма, его союзником до возникновения социального государства. Марксистская идеология может соответствовать интересам не только (и даже не столько) пролетариата, сколько управленческой элиты индустриального общества (технократии, бюрократии). Отсюда — рабочие выступления при коммунистических режимах.

Почему пролетариат, выйдя из-под гнета нищеты и бескультурья, не разрушает систему эксплуатации? Почему не тянется к знаниям? Уже в конце XX века марксисты, критикуя империализм, нашли ответ: буржуазия подкупает свой пролетариат за счет эксплуатации колоний. Не самое убедительное объяснение. Во-первых, прибыльность колоний обеспечивалась далеко не всегда. Во-вторых, если пролетариат сам становится эксплуататором, то это уже не вполне пролетариат. Получается, что за счет «доплаты» буржуазия расплачивается с рабочим за его труд полностью — эксплуатация исчезает. Тем не менее, рабочий не становится свободным. Остается изнуряющий труд, конвейер, бесправие. Почему рабочие все меньше выступают против существующей социальной системы, почему рабочие организации выступают с социал-консервативных позиций, защищая достигнутый уровень зарплаты и социальных выплат? Рабочий не стремится взять в свои руки власть на производстве и в обществе. Он цепляется за свою пролетарскую самость, за роль инструмента индустриальной машины. К 60-м гг. XX в. стало очевидно, что цель рабочего — не преодоление отчуждения от средств производства и собственной личности, а блага социального государства. Интересы рабочего как личности вступили в конфликт с его интересами как пролета-

рия. Пролетарий продает свою рабочую силу, желательно подороже. Перестав продавать ее, он перестает быть пролетарием. Отказ от места пролетария является тяжелым выбором для человека. Кроме исполнения указаний других он теперь должен взять на себя ответственность за свою судьбу, за судьбу своего дела.

На момент кончины Маркса он мог претендовать на лавры одного из теоретиков политэкономии, то есть своего рода философии экономики (на основании его главной книги — «Капитала» нельзя было осуществлять конкретного экономического прогнозирования и планирования экономических преобразований). Социально-политические взгляды Маркса были разбросаны по разным статьям, нескольким брошюрам, неизданным фрагментам и письмам.

Но уже к концу века стало очевидно преобладание марксизма в рабочем движении и его заметное влияние в мировой социальной науке. Одно связано с другим — сильная теория привлекала кадры социал-демократии.

В этом быстром возрождении организационной структуры марксизма после смерти его основателя есть некоторая загадочность, не осознававшаяся самими марксистами, для которых триумф «единственно верного учения» был предопределен.

Между тем еще в 70-е гг. шансы лассальянства и анархизма могли казаться предпочтительными. Готская программа германской социал-демократии содержала лассальянские положения. Интернационал федералистов, в отличие от распавшегося марксистского, еще продолжал существовать. Во Франции начался ренессанс прудонизма.

Не блестящи были и успехи марксизма на ниве науки. «Капитал» Маркса так и остался незаконченным — его автор не смог объяснить ряда противоречий своей теории¹⁸. Другие опубликованные работы Маркса носили публицистический или идеологический характер, и его репутация ученого висела на волоске. После смерти Маркса его учение могло повторить судьбу идей Фурье и Сен-Симона. Но этого не случилось, и значение такого поворота судьбы колоссально.

К концу жизни Маркса немногочисленные рабочие партии, тяготевшие к марксизму, существовали во Франции, Бельгии, Испании и Польше. Но они не имели преобладающего влияния среди рабочих своих стран. В Германии партия была более многочисленной, но полу-марксистской. Возникновение

марксистских партий было делом скорее случайным — кто-то из рабочих лидеров или социалистов, сумевших организовать партию, увлекался марксизмом, а кто-то нет. Никакого специального тяготения пролетариата именно к марксизму не было. Возникновение рабочих партий, обращение рабочего движения к парламентской политике было проблемой для радикальных анархистов, но не гарантировало победу именно марксизму. Путь к сердцу рабочего лежал через интеллигенцию, через будущих агитаторов и организаторов. А как привлечь их?

Впервые со времен Лютера и Кальвина судьбы мира зависели не от королей, полководцев и изобретателей, а от идеологической **школы** численностью в несколько десятков человек.

Главой этой школы стал друг, спонсор и тень Маркса Фридрих Энгельс. Его научные и публицистические способности вполне сопоставимы с марксовыми, но по части амбиций он был значительно скромнее, уступая Марксу первые роли. Уже в последние годы жизни Маркса Энгельс принялся за обработку идей своего друга, превращение их в стройное учение и создание школы марксизма — сообщества социальных исследователей и общественных деятелей, мыслящих в соответствии с общей методологией. Общность методологии, притягательная сила совместной общественной цели, взаимоподдержка в полемике с внешними силами, «раскрутка» друг друга позволила сделать учение Маркса постоянным и влиятельным участником идейной жизни всего мира. Именно школа превратила марксизм в исторический фактор, превосходящий по мощи целые государства.

В «Антидюринге», «Диалектике природы» и «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс достраивал здание там, где Маркс не продвинулся дальше стройплощадки. Второпях Энгельс заполнял бреши учения фрагментами чужих исследований, что позволило «марксоедам» выдвигать обвинения в плагиате. Но и Энгельсу было не по силам завершить всю систему аргументировано ответить на множество актуальных вопросов социальной мысли с позиций марксистского метода. Здесь в работу включились Карл Каутский, Франц Меринг, Эдуард Бернштейн, Антонио Лабриола, Жюль Гед и Георгий Плеханов. В каждом из них интерес к марксизму пробудился по-разному, но Энгельс сумел организовать эти интернациональные силы. Именно им и предстояло сформировать ортодоксию марксизма и как интеллектуальной школы, и как политической идеологии. Вто-

рая задача вскоре вышла на первый план, и марксизм пошел по пути упрощения Маркса. «Основное направление их деятельности можно рассматривать фактически как продолжение деятельности самого Энгельса. Они стремились различными путями систематизировать исторический материализм как всеобъемлющее учение... способное... дать рабочему движению широкое и ясное представление о мире, которое сразу смогли бы усвоить наиболее активные его сторонники»¹⁹.

Культ Маркса, укреплявшийся его последователями, позволял камуфлировать недостатки теории по крайней мере внутри марксистской субкультуры. Как писал В. Чернов, уважительно относившийся к марксистскому наследию, «его почитатели, с самим Энгельсом во главе, в особенности непосредственно после смерти своего вождя, учителя и друга, настолько были увлечены естественным пиететом к его имени, что, бесспорно, превзошли меру в превознесении его исторических заслуг и тем самым умалили значение всех его предшественников»²⁰.

Но в этом культе, безусловно сковывавшем свободное научное творчество, была и конструктивная сторона — научная дисциплина, приверженность согласованной терминологии и методологии, слаженное распространение идей вовне. Где свободные ученые провели бы вечность в дискуссиях, марксистская школа действовала как мощная агитационная машина, предвосхищая достижения современного пиара, гипнотизируя неопитов авторитетами, научное сообщество — объемами коллективно переработанного эмпирического материала, стройностью методологии и политической актуальностью. Ни одна другая научная школа не имела такой связи с социальным движением, с общественной практикой. Ни одно социальное движение, социалистическое течение не имело в этот момент такой научной школы. Это стало главным козырем марксистов в борьбе за кадры. Марксизм впервые оправдал свое самоназвание «научный социализм», над которым издевался Бакунин. Марксизм стал социализмом, ядром которого была научная школа, и благодаря этому на некоторое время его теория действительно приблизилась к достижимому на тот момент уровню научной истины. Марксистская социал-демократия стала эмпиричной, сосредоточенной на актуальной реальности и потому более далекой от идеалов, от утопии посткапиталистического общества. Эта обратная сторона научности не была осознана как опасность, но плоды ее буду зреть очень быстро.

Марксизм несмотря на все способности авторов его нового поколения так и остался бы сектой, если бы не два обстоятельства: учение сумело хорошо адаптироваться к новым тенденциям времени, в то время как конкуренты либо не выдвинули сильных теоретиков, либо «ушли в отрыв» от реальности конца XIX века. Марксизм занял нишу на правом фланге социалистического учения, постепенно поглощая и этатистские (прежде всего лассальянство и бланкизм), и умеренные (прежде всего социал-либерализм и прудонизм) течения. Субъективные успехи школы удачно «вписались» в тенденцию к складыванию государственно-монополистического индустриального общества, которая возобладает в XX веке.

Марксистская схема в большей степени, чем анархистская, соответствовала тенденциям той эпохи, доводя их почти до логического конца. Оставалось сделать только шаг, признать, что речь идет не о социализме, а о технократии, о максимальной концентрации ресурсов (включая человеческие) в руках управленческой элиты, планирующей развитие общества и управляющей выполнением этих планов. Но Маркс считал, что действует в интересах рабочего класса. И в этом субъективном стремлении действовать на благо пролетариата крылось уникальное значение марксизма. Смешав в единой системе социалистические ценности и индустриально-технократический проект, Маркс привил социальной политике режимов XX века ряд социалистических идей, которые должны были стать достоянием протестной, а не правящей среды. Если бы не прививка марксизма, ничто не мешало бы господству в умах технократической элиты XX в. нацистских и полу-нацистских идей, наиболее полно выражающих элитаризм индустриальной олигархии. Благодаря идейному синтезу осуществленному марксизмом, индустриальные государства стали более устойчивыми, элитарная социальная наука и производные от нее официальная мысль и массовое сознание — в гораздо большей степени пропитанными социалистическими ценностями, чем в случае последовательной реализации технократического проекта олигархической элитой и одновременного столь же последовательного отстаивания принципов бесклассового общества социалистами (путь, по которому пошли анархисты).

К XX веку марксизм не преодолел два важнейших противоречия своей теории:

1. между демократизмом, доходящим до политического федерализма и отрицания государства, и крайним централизмом социально-экономической модели коммунизма;

2. между задачами перехода к пост-капиталистического коммунистического общества и сегодняшними интересами рабочих.

От Маркса - к Ленину

Направление эволюции капитализма в конце XIX века вызывало у большинства социал-демократов оптимизм. Концентрация производства и капитала росла, и это, казалось, облегчало грядущий переход к социализму. В то же время капитализм как экономическая система становился все стабильнее, в развитых на тот момент капиталистических странах рос уровень жизни — в том числе и рабочих. Видный идеолог немецкой социал-демократии Э.Бернштейн заявил, что революция не нужна, следует лишь укреплять элементы социализма в существующем обществе²¹. Как показал опыт, это вело не к пост-капиталистическому обществу, а к социальной структуре, сочетающей капитализм и социальное государство. Бернштейн протоптал дорожку к переходу социал-демократии на лево-либеральные позиции. Выводы, которые были сделаны Бернштейном, хотя и критиковались публично центристами, вытекали из этой тенденции — эволюция капитализма ведет к улучшению положения работников и развитию элементов, которые считались эксклюзивными признаками социализма.

Поступательное развитие капитализма в Западной Европе означало одновременное расширение ареала капитализма и индустриализма, при котором мировая периферия обслуживала нужды западного ядра. При этом ядро получает больше преференций, а периферия — больше издержек капиталистического развития. По наблюдению теоретика эсеров В.Чернова образуется глобальная иерархия народов, в которой одни как целое могут эксплуатировать другие²².

Левая марксистка Р.Люксембург, предвосхищая идею «пределов роста», полагала, что развитие капитализма не может продолжаться само по себе, без периферии. Чем меньше остается периферии, не вовлеченной в капиталистические отношения, тем острее борьба за ресурсы, тем ближе подходит капитализм к своей гибели²³.

Если права Люксембург, то снятие остроты классового конфликта в развитых капиталистических странах — вполне естественный процесс, и антикапиталистическая революция является результатом не организации рабочего класса в

развитых странах, а, напротив — военного конфликта и сопротивления «окраин» империалистической экспансии.

Ленин совместит достижения Люксембург и ее ортодоксальных критиков. Империализм — это предельное состояние капитализма, дальше он развиваться не может по внутренним причинам. Но в силу этого системного кризиса он ищет резервы в экстенсивном развитии. Соответственно, падение империализма должно стать результатом внутреннего кризиса, поддержанного толчком, который периферия произведет в отношении развитых капиталистических стран.

Таким образом, коммунистический проект в начале XX в. усложнился. Помимо пролетариата против буржуазии разворачивались фронты крестьянских в большинстве своем народов периферии (еще Маркс и Энгельс считали, что «второе издание крестьянской войны» на Востоке может помочь пролетариату Запада). Коммунистический проект приобрел две составляющие — мировая борьба за разрушение мировой империалистической системы и создание коммунистической социальной структуры — но сначала в ядре. На пересечении этих задач оказалась Россия — одна из наиболее развитых стран периферии.

Ленин — сторонник продвижения по пути капитализма в сторону социализма и видит в социальном государстве тормоз на этом пути. Позиция бернштейнианцев и экономистов — прямо обратная: улучшение положения трудящихся (даже незначительное) важнее, чем цель разрушения капитализма.

Выступление Бернштейна обострило полемику, которая еще раньше началась в российских марксистских кружках. Легальные марксисты, во главе с П.Струве утверждали, что Россия слишком неразвита, не готова к постановке социалистических (коммунистических) задач из-за неразвитости своей промышленности и общей культуры. Вот Запад ближе к социализму. Но теперь выяснилось, что нельзя было списывать уступки либерализму на неразвитость России — знамя правого ревизионизма было поднято в стране самого «развитого» рабочего класса — Германии. Значит, угроза эволюции социал-демократии вправо, превращения ее в социал-либерализм, прямо не связана с неразвитостью капитализма и рабочего класса. Умеренность правых социал-демократов и профсоюзных лидеров по мере развития капитализма может не преодолеваться, а усиливаться.

Увлеченный борьбой с народничеством, Ленин не сразу ответил на угрозу Лишь после образования РСДРП в 1898 г. Ульянов увидел в правом крыле социал-демократии вызов революционным взглядам и, срочно объявив о победе в войне с народниками²⁴ (что, конечно, не соответствовало действительности — вскоре возникнет партия эсеров), бросился в новое сражение.

Здесь, что важно для последующих судеб большевизма, Ульянов объективно оказался союзником народников. Н. Михайловский сразу вскрыл буржуазный характер учения Струве с его призывом идти на выучку капитализму: часть капиталистов «будет рада взять себе на выучку способных людей», хоть они и мечтают в далеком будущем заменить капитализм каким-то новым строем. «Но ведь улита едет, когда-то будет! Когда-то еще она доползет до последнего термина гегелевской триады, да и так ли оно вообще будет, а пока погреть руки можно»²⁵.

Развернутым ответом правым социал-демократам стала книга Ленина «Что делать?».

Ленин — ученик ортодокса марксизма Г. Плеханова — экономический детерминист. Необходимо решать задачи в свое время, когда они «вызрели». Но Ленин — самостоятельный исследователь российской реальности, Ленин — темпераментный революционер и Ленин — творческий идеолог — не может принять той скорости процесса, при которой «улита» вызревания предпосылок доползет до порога социализма уже после смерти спорщиков начала XX века. Для правых социал-демократов всегда остаются основания сомневаться, а вызрела ли ситуация окончательно. Для левых марксистов вызревание хотя бы части предпосылок — уже основание, чтобы опереться на них в своем действии. Таков был и Маркс, надевшийся на пролетарскую революцию во Франции в 1871 г. (когда там еще не преобладал индустриальный уклад).

В начале XX века Ленин выступает как ортодокс марксизма и в то же время высказывает ряд новых для тогдашней социал-демократии идей, соглашается с некоторыми утверждениями народников. Вскоре это повлекло обвинения со стороны умеренных социал-демократов — меньшевиков в переходе Ленина на позиции народничества, в разрыве с марксизмом. Ленин протестовал, не признавал родства с эсерами, хотя и был готов идти с ними на тактические союзы. Успех Ленина в борьбе за власть в 1917 г. заставляет исследователей рассматривать его отклонения от ортодоксии уже не как «ошибки», а как углубление марксизма, либо как прагматизацию идеологии, когда

под видом марксизма проводится какая-то иная система взглядов, оказавшаяся более эффективной с точки зрения борьбы за власть, но направленная на достижение иных целей, нежели марксизм. Сам марксизм предстает в таком случае более утопичным, но очищенным от ответственности за возникновение большевистского режима и результаты коммунистического эксперимента в СССР.

По мнению историка Т.Шанина, «растущее влияние Ленина объясняется также той ловкостью, с которой он научился обращаться к вопросам марксистской легитимации»²⁶. Для Ленина действительно было принципиально важно доказать свою марксистскую ортодоксальность, но это само по себе не значит, что Ленин просто прикрывал марксистской софистикой свои новации. Ленин искренне считал, что новации делаются в рамках марксистской ортодоксии, что он более ортодоксален, чем его противники, что именно он правильно трактует Маркса. И в большинстве случаев он был прав в этом отношении.

«Начиная с 1905 г., пропасть между двумя Лениными — популяризатором ортодоксии и оригинальнейшим стратегом — постоянно расширялась...»²⁷, — продолжает Т.Шанин. Но что такого «оригинальнейшего» предложил Ленин, что прямо противоречило бы наследию Маркса? Союз с крестьянством? Это — продолжение мысли Маркса и Энгельса о необходимости «второго издания» крестьянской войны. Диктатура рабочего класса и крестьянства — это интерпретация опыта Великой Французской революции и Парижской коммуны. Известно положительное отношение «основоположников» к якобинству для соответствующей стадии развития общества, их союз с бланкизмом против бакунизма и, наконец, идея Маркса о непрерывной революции. Ленин принимает лишь те народнические идеи, которые прямо не противоречат наследию Маркса, и которые действительно соответствуют российской реальности, что определяется его представлением о научности марксизма.

Но это — вопросы тактики. Куда важнее ортодоксальность Ленина в вопросе о цели коммунистического движения. Ленин понимает социализм совершенно ортодоксально, не отличаясь в этом отношении от господствующего течения в европейской социал-демократии: «Социализм требует уничтожения власти денег, власти капитала, уничтожения всей частной собственности на средства производства, уничтожения товарного хозяйства. Социализм требует, чтобы и зем-

ля, и фабрики перешли в руки всех трудящихся, организующих по общему плану крупное (а не разрозненное мелкое) производство»²⁸.

Из этого понимания социализма неизбежно вытекает отождествление с капитализмом любой товарности, которое должно быть ликвидировано. Вообще в определении Ленина обращает на себя внимание рефрен «уничтожение», явно преобладающий над «конструктивом». Главное конструктивное требование, вполне по Марксу — работа по единому плану.

Наибольшие проблемы возникали у российских марксистов с пролетариатом. Мало того, что он некультурен (это, как мы видели, «классики» не считали бедой), но он — малочислен и не проникнут «своей» марксистской идеологией.

Ленин утверждает, что существует только «буржуазная и социалистическая идеология. Середины тут нет...»²⁹ Здесь интересно, что Ленин допускает классификацию по разным принципам. Буржуазная идеология — это идеология, связанная с классом. Антитезой ей в марксистской системе должна быть пролетарская идеология. Но Ленин пишет о социалистической идеологии, антитезой которой должна быть «капиталистическая» или «либеральная» (в зависимости от контекста). Такая замена не случайна. Она позволяет априори отождествить социализм с пролетариатом. Носители социалистической идеологии (разумеется — подлинной, марксистской) выражают интересы пролетариата безотносительно тому, являются ли они сами рабочими.

Но факт остается фактом — идеологи марксизма в большинстве своем рабочими не являются. Все-таки, чтобы выработать идеологию и теорию, нужно иметь соответствующую подготовку, что характерно для интеллигенции.

Доказательство того, что рабочий класс должен поддерживать именно марксистскую политику, осуществляется Лениным «от обратного». Рабочее движение не может поддерживать политику своего классового врага. Не имея собственной политической линии и просто поддерживая либеральную оппозицию, пролетариат будет служить интересам буржуазии, «впадет в буржуазность»³⁰. Рабочий класс вообще склонен к «заражению» буржуазным сознанием. Но и социалистическое сознание — внешнее для пролетариата: «социалистического сознания у рабочих не могло быть. Оно могло быть привнесено только извне»³¹. Своими силами рабочий класс не может его выработать, поскольку не имеет теоретической подготовки. И это — верно.

Ленин справедливо напоминает, что учение социализма выросло не из пролетарского сознания, а как результат эволюции мысли интеллигенции, имущих классов. Из этого следует, что социализм, воспринимаемый как идеология пролетариата, соответствует не тому, к чему стремится пролетариат, а тому, в чем социалистическая интеллигенция видит его «объективные интересы». Так почему же такая идеология должна считаться пролетарской? Потому что в существующем обществе пролетарии бедствуют, и социализм предлагает уничтожить условия этого бедствования. Но в новом обществе перестанут бедствовать представители всех слоев малоимущих.

Суть разногласия Ленина с правыми социал-демократами — «поднимать рабочих до революционеров» или «опускаться непременно самим до "рабочей массы"»³². Следовательно, рабочий не является альфой и омегой марксизма. Рабочий класс является «могильщиком капитализма» лишь постольку, поскольку он поднялся до осознания марксистских истин. Он — средство осуществления марксистского проекта, который (в соответствии с идеями Маркса) соответствует интересам как рабочего класса, так и подавляющего большинства трудящихся.

Следовательно, если для совершения революции не хватает сил пролетариата, можно организовать и более широкие плебейские, полу-крестьянские массы. Важно лишь, чтобы центральную роль в коммунистическом движении продолжало играть пролетарское ядро.

Но, сближаясь с настроениями пролетарской стихии как практик, Ленин противостоит ей как носитель марксистского проекта. Он не может усомниться в том, что марксистское учение соответствует интересам рабочего класса в принципе. Нужно найти нечто в пролетариате, что препятствует осознанию им своих подлинных интересов. И это — как раз стихийность, которой нет места в плановом нетоварном обществе. Стихийный, не организованный партией пролетариат не может осуществить свою миссию. Его размывает мелкобуржуазная среда, его сознание — и то еще мелкобуржуазно. Раньше считалось, что уже капитализм, сама фабричная система делает пролетариев организованными. Но Ленин считает это совершенно недостаточным. Все зависит от партийной организационно-просветительской работы. Ленин видит в агитации работу, «сближающую и сливающую воедино стихийно-разрушительную силу толпы и сознательно-разрушительную силу организации революционеров»³³. Таким образом, именно эта органи-

зация, объединяющая не просто рабочих, а «сознательных рабочих», становится представителем пролетариата на общественной арене. Так выстраивается модель «пролетарской революции»: организация рабочего класса (марксистская интеллигенция + сознательные рабочие) руководит всем пролетариатом, а от его имени — также революционной частью крестьянства. От партии исходит организованность, которая все глубже проникает в тело стихии, и не дает этой стихии (даже союзной) размыть организованное ядро (формально-пролетарское).

Несмотря на свою критику стихийности, Ленин в 1917 г. покажет себя мастером управления стихийными настроениями. И здесь нет противоречия. Пока оппоненты Ленина в социал-демократическом движении критиковали его за боязнь стихийности, Ленин выстраивал организацию, которая будет способна этой стихией управлять. Ленин понимает, что революция — это стихия. Но он считает, что революция может быть успешной только тогда, когда этой стихией управляют и могут воспользоваться не только буржуазные элиты, но и «представители пролетариата».

Выдвижение ленинской модели коммунистического движения предлагало выход из стратегического тупика, в котором оказался Второй социал-демократический Интернационал. Теперь социал-демократии предстояло выбирать между дорогами Бернштейна и Ленина, и найти третий путь было все труднее.

Правая социал-демократия находит союзника в социал-либерализме и буржуазном модернизме (поддержка буржуазного прогресса, пока он не выработает своих возможностей), а левая — в крестьянстве, бунтующем против капиталистической экспансии, и национально-освободительном движении народов «периферии». Первый путь ведет к угасанию социалистического движения в социал-либерализме, к снятию цели, а второй — к подмене цели социализма задачей, которая стоит перед обществами «периферии» — индустриальной модернизацией. Это оттесняло на обочину те социалистические течения, которые скептически относились к индустриальному прогрессу, и в то же время делало пролетариат не столь важным элементом революции, как в классическом марксизме. Функции пролетариата могут выполнять и носители «пролетарского» учения, опирающиеся на более широкий и размытый антиимпериалистический социальный фронт, заинтересованный в модернизации. Модернизация — задача национальная, что позволило большевикам после завершения

«натиска» 1917—1922 г. сменить приоритеты, заняться строительством «социализма» (на деле — индустриальной этократии, социального государства) в одной стране.

Запад уходил вправо, от коммунизма Маркса к социал-либерализму Бернштейна, а Восток, нуждавшийся в форсированной модернизации, нашел новую надежду в ленинском марксизме, в коммунистическом движении.

Организационные споры, наложившись на межличностные отношения, вызвали раскол на большевиков и меньшевиков на II съезде РСДРП в 1903 г. Оба течения выступали за централизм и демократию, но большевики делали акцент на первом, а меньшевики — на втором, отождествляя при этом демократию и плюрализм.

Разногласия между большевиками и меньшевиками заключались в степени внутривнутрипартийного централизма и радикализма. Меньшевики видели опасность ленинского централизма в том, что он может привести к перерождению в авторитаризм. Но меньшевики не собираются отказываться от централизма вообще. Мартов тоже выступает за «централизованную организацию»³⁴. Чтобы не возобладал «формально-бюрократический принцип» организации, нужно, чтобы центральные органы партии находились под давлением «партийного "общественного мнения"»³⁵. Партия должна состоять из активных людей, которые постоянно давят на аппарат, заставляют его работать в соответствии со своими требованиями. Впрочем, такое давление актива на верхи партии было и у большевиков.

Централизм должен быть демократическим. Но и Ленин выступает за демократический централизм. Так в чем же разногласие? В текущей практике, когда Ленин, подобно фабричному менеджеру пытается избавиться от болтунов, а меньшевики пестуют плюрализм мнений? Но и те, и другие стремятся решить одну и ту же проблему: как создать эффективную политическую организацию (что с их точки зрения предполагало централизм), сохранив в то же время демократию и равноправие членов. Партия должна действовать как единый организм, который в то же время будет состоять из самостоятельных активных клеток. Но чем больше нагрузка на организм, тем меньше возможностей для автономии клеток.

Нюансы организационных идей большевиков и меньшевиков вытекают из более существенных стратегических разногласий. Концепция Ленина возлагает на партию огромную нагрузку форсирования прогресса. Меньшевики считают невозможным преодолеть капитализм без достаточных

предпосылок социализма. Большевики пытаются формировать предпосылки, заменять недостающие паллиативами. Пролетариат не организован? Нужно усилить организованность авангарда и радикализировать массы — чтобы учились скорее. Пролетариат малочислен — мобилизовать революционную энергию крестьянства. Позднее аналогично будет решаться проблема низкого культурного уровня, индустриальной модернизации, которая станет смыслом коммунистической политики после победы в гражданской войне. Прогресс можно форсировать. Для этого нужен организационный инструмент — централизованная партия как прообраз централизованного общества.

Ленин считал, что есть вещи поважнее демократии и свободы споров — тем более для коммуниста. В партии должно быть обеспечено «нечто большее, чем «демократизм», именно: полное товарищеское доверие между революционерами»³⁶. Партийная организация — это своего рода модель коммунистических отношений, их ячейка. Здесь коммунизм должен стать реальностью прежде, чем победит в обществе в целом. Отсюда недалеко до идей Мао Цзэдуна и Че Гевары, где партизанское боевое братство становится зачатком коммунистического общества, независимо от того, из кого класса пришли участники этого братства. Его атмосфера способна изменить бывшего представителя любого класса.

Западные социал-демократы, в том числе и левые, поддерживали меньшевиков, защищавших плюрализм и демократию (правда, нередко отступавших от них, когда большевики оказывались в меньшинстве). Даже представительница левого крыла германской социал-демократии Р.Люксембург писала о позиции Ленина: «Эта точка зрения... представляет собой систему ни перед чем не останавливающегося централизма, жизненным нервом которого является, с одной стороны, резкое ограничение и отделение организованного авангарда профессиональных активных революционеров от окружающей их неорганизованной, но революционно-активной среды, а с другой стороны, строгая дисциплина и прямое, решающее и категорическое вмешательство Центрального Комитета партии во все проявления жизни последней»³⁷.

Люксембург в 1904 г. была решительным критиком большевизма, а в 1918 г. стала матерью-основательницей Коммунистической партии Германии. Кто изменил свою позицию — Ленин или Люксембург, что позволило достичь сближения

между ними? В момент реальной революции разногласия (которые Люксембург не скрывала и после 1917 г.) казались вторичными по сравнению с общим революционным настроением левого марксизма³⁸. Однако разногласия Люксембург и Ленина носили стратегический характер. В 1904 г. Ленин — сторонник максимально возможного централизма (пусть и демократического), организованности. Его кредо — марксизм и организация революционеров. Люксембург видит в организационной программе Ленина бланкизм и противопоставляет ей не формальный демократизм и не «самодеятельное» воспитание, а самоорганизацию, прямое действие масс, следуя по стопам анархистов и синдикалистов: «Социал-демократическое движение — это первое движение в истории классовых обществ, которое во всех своих проявлениях, при любом ходе событий рассчитано на организацию и самостоятельное прямое действие масс. В этом плане социал-демократия создает совсем иной тип организации, чем прежние социалистические движения, например, якобинско-бланкистского типа»³⁹. Синдикалистское понимание организации ведет к преобладанию движения снизу, даже спонтанности над управляющей волей организационного центра.

Этот взгляд получит широкое распространение в западноевропейских секциях Коминтерна в период революционной волны 1917—1923 гг., а также в отклонившихся от компартий группах. Западные коммунисты будут развивать люксембургские идеи и позднее — их влияние можно встретить и у Грамши, и в неортодоксальном коммунизме второй половины XX века. Но этот уклон к анархизму не стал водоразделом западной и российской коммунистических традиций. На западе проявилось гораздо более сильное тяготение вправо, в покинутое лоно социал-демократии, а вот Ленин сделал важные шаги навстречу Люксембург, но не под ее влиянием, а под воздействием Первой российской революции. Наблюдая самоорганизацию масс и одобрительно воспринимая результат их творчества в виде Советов, Ленин увидел в этой организации необходимый баланс между спонтанностью и централизмом. Взаимодействие этих двух начал станет формулой большевизма в 1917—1918 гг.

Первая революция в России, Ленин и Троцкий

Первая русская революция в ее начале была охарактеризована социал-демократами как буржуазная. Это значит, что пролетариат в ней победить не может. Что же ему делать?

Поддерживать борьбу буржуазии против самодержавия? Или избрать какой-то свой курс? Но буржуазия борется вяло, пролетариат с первых дней вышел на авансцену событий. В то же время он малочислен и плохо организован. Куда социал-демократам звать «свой» класс?

Точка зрения значительной части меньшевиков заключалась в том, чтобы воспользоваться ситуацией для сплочения пролетариата и поддерживать борьбу либералов («буржуазии») за демократические свободы.

В работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин обличает стратегию меньшевиков на сближение с либеральным движением. Но и Ленин не является крайним радикалом в оценке задач пролетариата.

Если пролетариат не должен служить буржуазии, то он должен служить себе. И что он должен делать в этой ситуации?

Действовать на стороне буржуазии — значит укреплять силы классового врага. Ю.Мартов считает, что в этой революции социал-демократия должна действовать «в интересах классового сплочения пролетариата...»⁴⁰. В стране революция, а пролетариат должен заниматься тем же, что и в «мирное время» — сплочением своих сил. Что же, не участвовать в общедемократическом движении? Лев Троцкий откровенно отвечает на этот вопрос: необходимо «обособить революционный пролетариат»⁴¹. Более того: «Революция выдвигает пролетариат на первое место и передает ему гегемонию»⁴². «Буржуазия» (включая крестьянство) не в состоянии решить собственные задачи. Из этого вытекает необходимость «перманентной революции» (идея, высказанная еще Марксом). Позднее Троцкий так излагал свое понимание этой идеи: «Мудреное название это выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершить глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и

с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти»⁴³. Если под пролетариатом понимать радикальных марксистов, то можно признать, что Троцкий удачно предсказал динамику революции 1917—1922 гг.

Но изолированная сила имеет мало шансов добиться своих целей — это азы политики.

Ленин предлагает найти другого союзника вместо буржуазии и либералов. Пока демократический переворот не совершен, у крестьянства «гораздо больше общих интересов с пролетариатом в деле реализации политических форм, чем у «буржуазии» в настоящем и узком значении этого слова»⁴⁴.

Меньшевики были настроены антикрестьянски. Плеханов писал: «если Ленин идеализирует теперь трудового крестьянина, то он грешит тем самым грехом, в котором он обычно нас обвиняет: идеализацией буржуазии»⁴⁵. Ортодокс марксизма не видит никакой разницы между крестьянством и буржуазией: «Буржуазия есть буржуазия, подобно тому, как ребенок есть ребенок»⁴⁶. Можно подумать, что капиталист сам стоит у станка на своей фабрике, как крестьянин за плугом. Но позднее, под влиянием событий 1905 г. и Плеханов признает: «Крестьянство представляет собой резервную армию нашего освободительного движения»⁴⁷.

Таким образом, сформировались три тактики социал-демократии в демократической революции: участие в широком буржуазно-демократическом движении на стороне буржуазии, победа которой выгодна пролетариату (Плеханов, Мартынов и др.); самоизоляция рабочего класса ради его сплочения (Мартов, Троцкий); союз рабочего класса и крестьянства против самодержавия и буржуазии (Ленин и большевики).

Большевики доказывали, что пролетариат может быть «гегемоном» в буржуазной революции, делая за буржуазию ее работу. Следует пойти в новую атаку на самодержавие, чтобы поскорее доделать работу буржуазии и приступить к работе на себя. Этот радикальный взгляд соответствовал настроениям части рабочего класса, положение которого оставалось бедственным. Классовая схема подсказывала — если пролетарии требуют выступить, то выступление поддержит класс. Однако пролетариат не был един, он вообще не действовал как целое. Одни рабочие сражались на баррикадах, а другие участвовали в черносотенном движении.

Попытка свержения самодержавия в декабре 1905 г. окончилась неудачей. Ленин видел причины этого в плохой подготовке и координации, что как бы подтверждало оправдан-

ность его требования организационного централизма революционных сил. Но в октябре 1905 г. волна рабочего и крестьянского движения не управлялась из единого центра, а достигла успеха. Значит, причина поражения в другом. Декабрьское вооруженное восстание не было поддержано страной, да и большинством рабочих. Радикальный «авангард» оторвался от народной толщи.

В декабре революционный авангард рабочих оторвался от более консервативных масс. Но радикальный опыт воздействует на массы, давая заразительный пример. За первым натиском последует новый, самодержавие падет, и перед массами встанет вопрос о власти, который не удалось решить в декабре 1905 г.

В 1917 г. Ленин опубликует фразу, ставшую затем классической: «Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве»⁴⁸. В практическую плоскость этот вопрос встанет перед российскими социалистами в 1905 году.

Размах городской революции и общая дестабилизация империи из-за крестьянских и национальных выступлений давали социалистам новые шансы. Перед марксистами вставал вопрос о том, что делать в случае падения самодержавия. Просто отдать власть либералам, буржуазии, выступая в роли профлидеров, отстаивающих тактические задачи социальной защиты рабочих при сохранении капиталистического строя? Линейная концепция прогресса диктовала такое поведение с неизбежностью. Сначала — укрепить капитализм, решая социал-либеральные задачи. И только потом, через десятилетия — социализм.

Но быстрое развитие индустриального сектора в России, разрастание рабочего класса, еще в значительной степени маргинализованного, но оттого настроенного радикально, длительная традиция развития социалистического движения — все это способствовало постановке левыми социал-демократами вопроса о «перерастании» буржуазной революции в пролетарскую. Итак, ограничиться либеральными задачами, или приступить к решению «пролетарских», социал-этактистских?

Выбор зависел от ответа на вопрос о власти. Проще всего было ответить на этот вопрос эсерам: в случае падения самодержавия необходимо немедленно организовать революционную диктатуру (то есть диктатуру революционеров), которая, разгромив монархистов в гражданской войне, передаст власть всенародно избранному Учредительному собранию.

Для марксистов все было сложнее. С одной стороны, они боролись за свержение самодержавия, с другой стороны верность марксистской картине истории не позволяла им входить в правительство — оно же будет носить не пролетарский, а буржуазный характер. Эта историческая схема была не просто догмой, за ней стояли и прагматические политические интересы — социал-демократы не должны скомпрометировать себя непопулярными в пролетарской среде мерами, которые неизбежно будет проводить правительство в условиях становления капиталистического строя.

В то же время очевидно, что революционная диктатура может стать «обоюдоострым» инструментом. Если она будет находиться под влиянием социал-демократии, то может закрепить завоевания пролетариата, а если в ней возобладают противники социализма, она может пойти по пути подавления пролетарского движения и социал-демократии. Как бы и соблюсти чистоту принципов (не отвечать за непопулярные меры), и продвинуть через новую власть необходимые преобразования? Этот вопрос вновь разделил социал-демократию, породив дискуссию, которая смоделировала реальную ситуацию 1917—1918 гг.

Историк С.В.Тютюкин считает: «если для большевиков основной целью их политической деятельности был уже в 1905 г. захват хотя бы части (а лучше всей) политической власти, то меньшевики стремились прежде всего организовать и просветить рабочих, поднять их на защиту своих политических и экономических интересов, разбудить их инициативу и общественную активность»⁴⁹. Но одно другому вовсе не мешает. И большевики стремились организовать рабочих, пробудить их общественную активность. И меньшевики были готовы прийти к власти, когда для этого созреют предпосылки. И для большевиков, и для меньшевиков взятие власти не было «основной целью», самоцелью, а лишь инструментом в осуществлении марксистского коммунистического проекта. Различие заключалось в сроках. Большевики были готовы форсировать процесс с помощью власти, и, соответственно, брать ее уже в 1905 году. Но не они были наиболее радикальны в этом отношении, а меньшевики Троцкий и Парвус.

В марте 1905 г. Александр Парвус выступил за «правительство рабочей демократии»⁵⁰, бросив вызов стройной стратегии чинного движения к социализму через буржуазную демократию. Парвус выдвинул лозунг: «без царя, а правительство рабочее!» Эту идею поддержал Лев Троцкий. Она выте-

кала из стратегии самостоятельных действий пролетариата как наиболее организованной революционной силы. Троцкого не смущает, что в своем стремлении захватить власть над Россией социал-демократия будет изолирована от других революционных сил. Каких сил? Троцкий «в упор» их не видит. Он уверен, что кроме социал-демократов «на революционном поле никого нет»⁵¹. Троцкий самонадеянно выводит «наше революционное одиночество» из победы над эсерами. Он приписал марксистам не только победу, но и полное уничтожение эсеров (вот охранка-то позавидовала бы). Впрочем, эсеры продолжали в это время здравствовать и развиваться.

Троцкий был не одинок в своей некомпетентности. Мартов с удивлением прочитал заявление ПК ПСР, где говорилось, что «рабочий народ идет и дальше под знаменем партии с.-р.»⁵². А Мартов думал, что рабочие движутся под знаменами социал-демократии. Вышедшие из подполья партии с удивлением обнаруживали, что они не одиноки на «своем» поле. И некоторое время не верили глазам своим, считая лишь себя реальной силой.

Из ложной посылки о «революционном одиночестве» социал-демократов у Троцкого вытекает целый веер выводов: «где нас нет, там революция лишена организации и руководящих элементов...»; «у нас нет социальной почвы для самостоятельной яacobинской демократии...»⁵³ Непролетарские силы не могут выдвинуть вождей.

Хорошо, можно быть настолько несведущим, чтобы не заметить эсеров. Но есть и другие лидеры, которых обстановка 1905 г. выдвигала на арену истории. Гапона-то нельзя было не заметить, тем более, что и после 9 января он сохранял влияние в рабочем движении. Троцкий решает проблему так: Гапон, который «явился одной из блестящих внезапностей революции», собирается примкнуть к «одной из социалистических партий». «Выбор Георгия Гапона не труден, ибо этих партий только одна»⁵⁴. Гапон быстро опроверг Троцкого, сблизившись с эсерами и принявшись ковать блок всех социалистов. Эта инициатива сначала получила поддержку большевиков, эсеров и национальных социалистических партий. Но затея была обречена на неудачу — социал-демократы опасались оказаться под контролем «личности, стоящей над партиями» или того хуже — эсеров. Но Ленин все же зашел на созванную Талоном конференцию — он искал партнеров из среды «мелкой буржуазии»⁵⁵.

Троцкий уверен, что больше таких «внезапностей», как Гапон, не предвидится. Ленин называет его за это «пустозвоном». Если революция напомним 1789 год, то она поднимет к «героическим усилиям» и историческому творчеству «гигантские массы», из рядов которых выйдет множество «Гапонов»⁵⁶.

Ленин прав. Будет еще много «внезапностей» — от Хрусталева-Носаря до лейтенанта Шмидта. Каждый раз во главе движения оказывается не лидер какого-нибудь ЦК, а выдвиженец поднявшейся массы. И Октябрьская стачка — творение не партий, а массы, организованной профсоюзами.

Но Троцкий игнорирует эту самоорганизацию, его волнует вакуум верховного руководства революцией. Он настаивает: никаких признаков появления якобинцев нет, и «черновую работу» придется взять на себя⁵⁷. Если марксисты стремятся к победе революции, то им, как наиболее организованной революционной силе нужно брать власть, чтобы обеспечить «разоружение реакции и вооружение революции»⁵⁸

Во Временное правительство войдут те, кто будут руководить массами в момент восстания. Поскольку самодержавие свергнут рабочие массы, то и руководить ими будут социал-демократы. Не отдавать же после этого власть либералам.

Троцкий заключает: «революционное развитие влечет пролетариат, а с ним — р. с. д. раб. партию, к временному политическому господству.

Если она решит отказаться от него, ей необходимо предварительно отказаться от тактики, рассчитанной на:

- а) революционное развитие событий,
- б) руководящую роль в ней пролетариата,
- в) руководящую роль Рос. С.Д. Раб. Партии в пролетариате»⁵⁹.

Таким образом была сформулирована позиция левого течения в коммунизме — партия пролетариата должна брать власть при любой возможности, независимо от наличия предпосылок, и навязывать свою волю остальному обществу («левые уклоны» в коммунистическом движении возникали и раньше, начиная с группы Виллиха-Шапера в Союзе коммунистов, но Троцкий, а затем Бухарин сделали «левый коммунизм» долгосрочным и влиятельным фактором идейной жизни).

Ленин поддержал постановку вопроса о приходе социал-демократов к власти, но подошел к вопросу прагматически: дело ведь не только в том, как захватить власть. Ее нужно еще

и удерживать. А прочной может быть только «революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа»⁶⁰. Но пролетариат не обладает этим большинством.

Значит, возможна «революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»⁶¹. Крестьянство показало свой революционный характер. А раз так, оно может быть союзником пролетариата. Классовая схема трансформируется в политическую. Если меньшевики, исходя из буржуазного характера революции, тяготеют к союзу с либералами, то большевики — исходя из задачи установления рабоче-крестьянской революции — к союзу с эсерами.

Ленин считает, что Временное революционное правительство «может быть только диктатурой», то есть организацией не «порядка», а войны.

«Кто идет штурмом на крепость, тот не может отказаться от продолжения войны и после того, как он завладеет крепостью»⁶². Участие социал-демократов в правительстве преследует две цели: «беспощадная борьба вместе с революционной демократией против всех контрреволюционных попыток» и «отстаивание самостоятельных классовых целей пролетариата»⁶³. Собственная задача пролетариата в этой революции — «создать себе действительно широкую и действительно достойную XX века арену борьбы за социализм»⁶⁴. Для этого не следует ограничивать себя в средствах.

Пока Ленин считает, что постановка в повестку дня социалистического переворота — непозволительная идея эсеров⁶⁵. В 1917 г., когда самодержавие падет, Ленин сочтет идею «позволительной».

Выдвинув идею рабоче-крестьянского правительства, Ленин не забывает о ее переходности, и не исключает возможности борьбы пролетариата (то есть социал-демократии) с этим правительством. Давление извне позволит продвигать политику революционного правительства влево, а страну таким образом — к решению пролетарских задач (эта линия будет осуществляться большевиками весной-летом 1917 г.). Созванный большевиками III съезд РСДРП провозгласил: «Независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократов во Временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на Временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции»⁶⁶. Однако,

поскольку мелкобуржуазные политики не смогут долго двигаться в этом направлении сами, модель такой диктатуры, действующей под давлением снизу, неизбежно приведет к власти левых социал-демократов, то есть большевиков и их союзников.

Создать правительство «для защиты завоеваний» — полдела в борьбе за власть. А вот кто защитит само это правительство? Якобинская модель власти, когда правящие революционеры опираются на подвижные революционные массы, неустойчива. Ленин ищет возможность воздвигнуть более надежную конструкцию власти, тем более, что рабоче-крестьянская почва кажется еще более зыбкой, чем чисто пролетарская. Сама жизнь подсказала ответ.

Трудящиеся, опираясь на свою общинную традицию, практически без подсказки социалистов создали систему своей самоорганизации — советы. Идеологи освободительного социализма оказались здесь не учителями масс, а пророками, удачно предсказавшими, как должна выглядеть политическая система, выстроенная трудящимися снизу.

Советы стали контр-властью. В этом отношении характерно одно из высказываний забастовщиков: «Тогда приказано было бастовать, мы и забастовали, а теперь приказано требовать — мы требуем». — «Кто приказал?» — «Правительство». — «Какое правительство?» — «Новое правительство»⁶⁷. Забастовщики воспринимали советы и стачкомы как власть, правительство. Это явление давало хорошую почву для большевистской стратегии выстраивания новой системы власти как организации трудящихся. Казалось, что на этом пути можно интегрировать стихию и организованность. Ленин поддержал Советы как проявление социального творчества рабочих, а затем — как организационную основу будущей диктатуры пролетариата. А Троцкий даже лично включился в рискованную работу альтернативного правительства в Петербурге. Этот эпизод дал ему авторитет, очень пригодившийся в 1917 году.

Теперь у левых социал-демократов (у будущих коммунистов) появился рычаг, с помощью которого можно было соединить руководящий центр («Временное» революционное правительство) и самоорганизацию масс — Советы.

Оказавшись перед лицом революции, которая по схеме должна была быть буржуазной, а на практике пошла дальше, левые марксисты обратились к марксовой идее непрерывной

революции — все более глубокой радикализации революционного процесса, охватывающего все больше стран.

Плеханов, в других случаях ссылавшийся на «основоположников» как на истину в последней инстанции, на этот раз уверен, что в 1848 г. Маркс ошибался с идеей непрерывной революции, так как он сам признавал, что капитализм еще имел резервы развития и после 1848 г. Значит, в 1848 г. социалистическая революция была преждевременной.

Время для атаки на капитализм наступает, когда к этому готов пролетариат, даже если капитализм еще может развиваться. Маркс воспринял Коммуну как шанс на социалистическую революцию. А ведь у капитализма во Франции еще сохранялись резервы роста.

Ленин опирается на эти взгляды Маркса-революционера в борьбе с выжидательной и фаталистичной марксистской «ортодоксией». Нужно помочь решению капиталистических задач «сверху», со стороны революционного правительства. Более того, в случае успеха «начнем переходить к социалистической революции»⁶⁸. Ссылаясь на Маркса, Ленин провозглашает: «Мы стоим за непрерывную революцию»⁶⁹. Основание такой надежды — грядущая европейская социалистическая революция.

И большевики, и Троцкий откликнулись на одну реальность — Россия при всей своей отсталости вырывалась в авангард революционного движения. Этому, если отвлечься от марксистской схемы, существовало вполне объективное объяснение — Россия была лидером среднеразвитых стран Старого света. Среднеразвитые страны в начале XX века переходили к индустриальному обществу, что было чревато потрясениями и, следовательно, возможностью поиска новых путей в будущее.

Из этого вытекает, что революция в России и в неразвитых странах в целом должна добиться каких-то успехов самостоятельно, до того, как скажет свое слово пролетариат Запада. Значит, нужна не только стратегия разрушения самодержавно-помещичьего строя и расчистки поля для развития капитализма. Нужно сделать что-то, что вдохновит социалистическое движение во всем мире.

Из этого следовало, что в случае успеха революционной диктатуры она вовсе не должна сдавать власть либералам. Социалисты должны заняться своим прямым делом — организацией социализма. Но этот вывод еще противоречил схеме, по которой социализм как общество родится в наиболее

развитых индустриальных странах. С победой революции на Западе Россия, выполнив свою миссию, снова должна оказаться периферией Запада — на этот раз социалистического. В 1917—1922 г. эта стратегия столкнулась с непреодолимым препятствием — марксисты победили в борьбе за власть в России, но не победили на Западе.

В своей лекции о революции 1905 года, прочитанной в январе 1917 года, Ленин говорит о ее «пролетарском характере в особом значении этого слова» (вслед за Р.Люксембург он ссылается не на задачи революции, а на ее движущие силы и методы). Ленин теперь предпочитает модель Великой французской революции и подчеркивает отличие буржуазной революции от буржуазно-демократической. В последней пролетариат как авангард революции может пойти дальше собственно буржуазных задач. Возможность такого прорыва непосредственно не связана с уровнем развития России, так как «ни в какой стране мира, даже в самых передовых странах, вроде Англии, Соединенных Штатов Америки, Германии мир не видал такого грандиозного стачечного движения, как в России в 1905 г.»⁷⁰. Это значит, что Россия при определенных условиях может раньше развитых стран ступить на неизведанную землю, лежащую за пределами «буржуазных задач». Что это за земля, каков характер этого общества, будет ли это «диктатура пролетариата» или что-то другое? Эти вопросы Ленин предпочел разрешать экспериментальным путем. Но он надеется, что после прихода к власти пролетарской партии (в союзе с мелкобуржуазными революционерами) возврата к капитализму уже не будет.

Эта позиция предопределила сближение Ленина и Троцкого в 1917 г. (что расчистило нишу левого коммунизма сначала для «отзовистов», а затем для Н. Бухарина и его сторонников) и окончательный разрыв коммунистов и социал-демократов. Некоторое время разрыв сдерживался слабеющим авторитетом II Интернационала, но после его краха в 1914 г. коммунисты отправились в самостоятельное плавание по бурным водам XX века.

1917 год: Ленин и Каменев

1917 г. в России началась революция. Вышедшие на улицы рабочие быстро вспомнили опыт 1905 г. и стали создавать Советы. Для коммунистов открылось обширное поле деятельности. Но Советы возглавили умеренные социалисты.

Революция 1917 г.⁷¹ развивалась в условиях нарастающего социально-экономического кризиса, отягощенного затянувшейся войной. В результате революция сразу пошла вглубь общества, меняя социальную ткань. По мнению Д.О.Чуракова «о российской революции можно было бы говорить как о "революции самоуправления"... Но, к сожалению, временами отчетливо намечавшийся союз различных органов самоуправления не стал прочным каркасом будущей государственности»⁷². Точнее говорить о «революции самоорганизации», так как массовые организации, сотнями возникавшие или выходявшие из подполья после революции, редко переходили собственно к самоуправлению. Они пока не брали управление в свои руки, а предпочитали контролировать управленцев и оказывать на них давление. Петроградский совет, имевший наибольшее политическое влияние, весной-летом действовал все же не как орган власти, а как авторитетная общественная организация: он готовил и лоббировал проекты решений правительства и его органов, рассылал «пожарные команды» по урегулированию многочисленных социальных конфликтов, координировал работу профсоюзов и фабзавкомов, воздействовал на массы с помощью воззваний и влиятельных агитаторов⁷³. Пока правительство шло навстречу (или обещало пойти навстречу) предложениям главного органа «демократии», пока городские низы были согласны подчиняться советской дисциплине — эта система сдержек стабилизировала революционный социальный порядок.

Углубление кризиса и неспособность правительства даже начать социальные преобразования, чтобы переломить ситуацию, порождали массовое отчаяние, стремление к быстрым и решительным мерам, качественно изменяющим общество — социальный радикализм. Силой, которая взяла на себя лидерство радикально настроенных солдатских и рабочих масс, стали большевики. В дальнейшем коммунисты многих стран пытались повторить их опыт, но при этом забывали, насколько уникальна была ситуация в России в 1917 г.

Особое значение для судеб революции имело возвращение в страну вождя большевиков В.Ленина. Троцкий позднее писал: «Остается спросить, и это немаловажный вопрос, хотя поставить его легче, чем на него ответить: как пошло бы развитие революции, если бы Ленин не доехал до России в апреле 1917 года»⁷⁴. Действительно, Ленин своим политическим искусством и волей значительно усилил радикальную составляющую революции. Без него большевики и меньшевики

могли объединиться в социал-демократическую партию, что ослабило бы ударную силу большевизма. Ниша лидерства в среде наиболее радикальных масс перешла бы к анархистам (эта угроза слева преследовала большевиков весь 1917 год), и организованность этой силы была бы значительно меньше. В то же время без Ленина были бы выше шансы на консолидацию сторонников социальных реформ в спектре от Каменева до Чернова. Без Ленина лидером революции был бы Чернов, но вполне возможно, что коалиция умеренных социалистов, поправев после подавления анархистских бунтов, не удержалась бы под ударами контрреволюции. У Чернова, Каменева, Троцкого, левых эсеров не было такой воли в борьбе за власть, как у Ленина. Ленин доказал свою способность проводить намеченную стратегию, его оппоненты проиграли. Проиграли бы они более слабым противникам, чем Ленин (таким как Корнилов, Милюков, Керенский)? Или, столкнувшись с трудностями в проведении реформ, сами стали бы прибегать к более авторитарной, репрессивной политике? Ведь участвовали же Каменев и Троцкий в проведении политики «военного коммунизма», и даже эсеровское правительство Комуча в условиях гражданской войны в 1918 г. прибегло к репрессиям. Но именно возможность избежать гражданской войны и составляла суть многопартийной социалистической альтернативы ленинской политике.

Сразу же по прибытии в Россию Ленин стал решительно менять соотношение политических сил. Вопреки сопротивлению более умеренных лидеров большевизма во главе с Львом Каменевым Ленин настоял на новом курсе — курсе на социалистическую революцию. Эта стратегия, изложенная В. Лениным в нескольких речах и «Апрельских тезисах», выглядела сверхрадикальной, так как предполагала ликвидацию в ближайшее время самих основ существующего общества.

Ленин считает, что, свергнув самодержавие, российская революция «дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», то есть до задач, которые он ставил в 1905 году. Революция «зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства»⁷⁵. Ленин таким образом готов ставить задачу коалиционной власти. Это значит, что и он мог стать частью широкой коалиции, но не социалистов и либералов, а только социалистов и примыкающих к ним демократов.

В «Апрельских тезисах» Ленин проповедует «необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок»⁷⁶. Совет — это «шаг к социализму», он может созвать Учредительное собрание и полностью реорганизовать общество так, что в нем не останется назначаемого чиновничества (только выборное), полиции и казарменной армии. Ленин призывает рабочих: «Пробуй, ошибайся, учись, управляй»⁷⁷.

Идея передачи всей власти советам воспринималась большинством умеренных социалистов как абсурд — ведь в Совете митинговали неизвестные люди из народа. Но советы быстро учились работе. Журналист В.Розанов, позднее известный консервативными взглядами, признавал, что в Совете «ораторы определенно лучше, нежели как были в Г. Думе», «речи вообще не для красноречия и даже не для впечатления, а именно — деловые, решительные, требовательные или — разъясняющие вопрос»⁷⁸.

Ленин тем временем ставит задачи, выработанные еще в 1905 г.: «Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»⁷⁹. Характерно, что Ленин видит причину перехода власти к буржуазии не в объективных социально-экономических условиях, а в субъективном факторе несознательности и неорганизованности пролетариата. Был бы рабочий класс сознательнее — взял бы власть сразу. Это (в отличие от экономической и культурной отсталости) партия большевиков может поправить, и тогда пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут власть, создав «Республику Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»⁸⁰.

Апрельские тезисы с точки зрения нынешнего левого почвенника С.Кара-Мурзы — это программа «продолжения некапиталистического пути развития в форме социализма». Он утверждает, что апрельские тезисы это «завершение большого пути Ленина», когда он перестает быть «ортодоксальным марксистом и европоцентристом»⁸¹. Написать такое мог только человек, ничего не читавший из написанного Лениным в 1917—1922 гг. о мировой революции. В самих апрельских тезисах нет ничего, что опровергало бы европоцентристскую картину движения к социализму с опорой на развитые страны. Ленин считал, что развитие России было как раз капиталистическим, и

именно поэтому можно ставить пост-капиталистические (а не просто некапиталистические) задачи. Ленин, повторим, не стал народником. Но он стремился действовать здесь и сейчас, чтобы с помощью потенциала периферии изменить соотношение сил в ядре системы империализма.

Ленин отходил от марксизма только с точки зрения ортодоксии теоретиков Второго интернационала. Концепция Ленина была охарактеризована газетой «Единство» (редактор Г.Плеханов) как «бредовая»⁸², игнорирующая условия места и времени. Плеханов утверждал: «устранение капиталистического способа производства никак не может стать у нас очередным историческим вопросом. Этому можно радоваться; этим можно огорчаться. Но кто не утопист, тот обязан руководствоваться этим в своей практической деятельности»⁸³. Плеханов был подержан большинством социал-демократических идеологов. Многие из них доживут до того времени, когда большевики сумеют практически извести в своей стране частную собственность и капиталистический рынок. Обстоятельства «места и времени» посмеялись над схемой поступательного изживания капитализма. Впрочем, позднее история посмеялась и над ленинизмом.

Социал-демократическая «Рабочая газета» писала в пере­довике о стремлении сторонников Ленина осуществить захват власти пролетариатом: «они будут восстанавливать против революции отсталое большинство населения страны, они будут прокладывать этим верную дорогу реакции»⁸⁴. Лидеры социал-демократов и эсеров продолжали оценивать большевизм в рамках одномерной логики революционного процесса. Здесь было место только прогрессивной революционной перспективе (демократия, затем постепенное вызревание социализма), неустойчивому настоящему, которое принадлежит «буржуазии» и выражающему ее интересы либерализму, и реакции (откат к военно-аристократической диктатуре). Устойчивое движение к новому обеспечивалось союзом либерализма и умеренного социализма. Радикальные, утопичные действия большевиков не могли увенчаться успехом в силу их «ненаучности». Они могли лишь привести к реакционному срыву, к усилению позиций консервативных сил. То, что большевизм может создать новую устойчивую антикапиталистическую систему, считалось невозможным.

Зато ленинская стратегия встретила понимание Троцкого и других левых социал-демократов-межрайонцев. То, к чему призывал Ленин, соответствовало идее непрерывной революции.

Дальнейшая радикализация взглядов Ленина привела к выделению в большевизме устойчивой ниши правых большевиков. В условиях 1917 г. правое крыло большевиков (Л.Каменев, Г.Зиновьев, Н.Рыков и др.) отстаивало концепцию большевизма 1905 г. — создание широкого фронта социалистов, рабочее-крестьянский союз. Хотя правое крыло сохранило влияние, на VII конференции большевиков победила линия Ленина. «Перерастание» революции в новую, социал-этангистскую фазу, получило в лице большевизма свой локомотив.

В 1917 г. перед страной встала дилемма — сохранение либерально-социалистической коалиции до Учредительного собрания или создание однородного (без кадетов) правительства «демократии» из всех советских партий, ответственного перед Съездом советов или его органами.

Первый путь был связан, прежде всего, с именем Керенского. Он привел к параличу социальных преобразований, так как либералы и левые социалисты в принципе не могли прийти к согласию по этому вопросу.

Второй путь с теми или иными оговорками поддерживали левые меньшевики, левые эсеры и правые большевики. Казалось, что такое «однородное социалистическое правительство» позволит решить задачи революции, при этом сохранив демократию и избежав гражданской войны.

Но сторонники левого правительства, принадлежавшие к разным флангам, не сумели согласовать свои планы (здесь сыграл огромную роль субъективный фактор — нерешительность одних политиков, маловлиятельность других, взаимное, часто чисто личное недоверие и неприязнь друг к другу у третьих). Каменев и Зиновьев, временами добиваясь преобладания в большевистском ЦК, не могли противостоять волевому напору Ленина и радикальным настроениям петроградского актива, которые настаивали: союз с соглашателями-социалистами будет только тормозить революцию. Но Ленин был достаточно прагматичен, чтобы все же допускать возможность союза с социалистами.

В начале июля и начале сентября 1917 г. Ленин еще мог быть вовлечен в лево-социалистическое правительство, что неизбежно повлияло бы на позицию партии большевиков. Ответственность политиков, входящих в правительство, делает их несколько правее, умереннее. И оба раза умеренные социалисты отказались от шанса договориться.

В июле 1917 г. вооруженная демонстрация солдат, матросов и рабочих под лозунгом «Вся власть Советам» привела к серьезному поражению радикалов⁸⁵.

Ленину пришлось уйти в подполье. Он на время отказывается от лозунга «Вся власть Советам!», поскольку «данные советы» не способны эту власть взять. В июле был упущен шанс добиться сближения между сторонниками советской демократии. В конечном итоге это предопределило готовность большевиков захватить власть самим и начать радикальный коммунистический эксперимент с опорой на одну собственную партию. Но именно после июльского поражения Ленин пишет работу «Государство и революция», проникнутую идеей организации общества на основе обновленных советов.

Государство и революция

Важнейшим программным требованием большевиков была власть советов. Превращение советов в источник власти сделало бы большевиков одной из правящих партий, которая могла бы добиваться радикальной политики без оглядки на кадетов. Большевики справедливо рассчитывали, что переход к радикальной политике быстро выведет их на первые роли в социалистическом правительстве.

Однако приверженность советам вытекала в это время не только из конкретных интересов партии в борьбе за власть. Несколько позднее, уже когда существующие советы, как казалось, оказались непригодными в качестве трамплина на пути к власти, В. Ленин изложил свое социально-политическое кредо в работе «Государство и революция». Эта концепция основана на идее власти советов. В 1917 г. принцип советов был для Ленина дороже политической конъюнктуры — он был готов отстаивать его даже тогда, когда большинство в советах не принадлежало его партии.

Отталкиваясь от текстов К.Маркса и Ф.Энгельса, Ленин формулирует свой государственный идеал так: «демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (= особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство»⁸⁶.

Такая прямая демократия означала бы передачу власти непосредственно органам самоуправления рабочих и крестьян, полную ликвидацию бюрократической надстрой-

ки: «Полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалования к обычной заработной плате рабочего», эти простые и "само собою понятные" демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму»⁸⁷. Ленин считает, что это будет уже «не государство чиновников, а государство вооруженных рабочих»⁸⁸. Это почти анархизм. Но только почти: «Маркс сходится с Прудоном в том, что оба они стоят "за разбитие" государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном, и с Бакуниным), ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте». Но при этом Маркс не федералист, а централист»⁸⁹. Характерно, что когда Бухарин указал на производственный централизм как основное различие марксизма от анархизма, Ленин счел эту мысль «неверной, неполной»⁹⁰. Централизм должен быть полным, но не государственным, а добровольным объединением, «слиянием» коммун⁹¹.

Начав борьбу «за власть советов», Ленин уже в 1918 г. сосредоточит всю полноту власти в едином правительственном центре, превратив советы в исполнительный аппарат. Такая диктатура государственной верхушки казалась временным явлением, но еще в 1917 г. Ленин четко разъяснил, когда, по его мнению, государство, контролирующее все стороны жизни общества, должно «отмереть»: «Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям»...»⁹² Правда, этот коммунистический принцип, по мнению Ленина, достигим в обозримой перспективе (но если нет — придется подождать и со свободой, и с «отмиранием» авторитарности).

Сам Ленин считает, что поскольку в структуры советского государства будут вовлечены миллионы простых людей, то оно будет донельзя демократическим. Но на долю масс в его системе выпадает всего лишь контроль за правильным выполнением решений планирующего центра. Контроль организованных в советы масс над управленцами представляется Ленину чрезвычайно простым: «Капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее, а на этой базе громадное большинство функций старой "государственной власти" так

упростились и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную "заработную плату рабочего", что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, "начальственного"»⁹³.

Ленин считал, что именно индустриальное общество способно упростить процесс управления (хотя на практике наблюдалось обратное). По существу, надежды, которые едва становятся осуществимыми на современном уровне коммуникаций начала XXI века, Ленин возлагал на технологический уровень индустриальной эпохи. Однако именно эта эпоха с ее высочайшей специализацией, создавала наихудшие предпосылки для контроля снизу за процессом управления и в то же время оптимальные условия для отрыва реальной власти от местных, низовых интересов. Это проявляется и в ленинской теории. Ленин вовсе не отказывается от максимального расширения полномочий самого государства, то есть централизованной структуры управления. Он выступает за всеобщее огосударствление экономики, за «строжайший контроль со стороны общества и со стороны государства за мерой труда и мерой потребления»⁹⁴. Всевидящее око, тотальный контроль. Поскольку все будут вовлечены в этот контроль, то сама функция управления уже не будет делом профессии. Все будут надзирать за правильностью выполнения указаний центра. Сильный управляющий центр должен опираться на «аппарат», состоящий не из чиновничества, а из выборных работающих органов «вроде советов»⁹⁵.

Такое политическое преобразование по мысли Ленина полностью преобразит социально-экономические отношения. Собственно, в самом «базисе» все уже готово для социализма: «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией»⁹⁶.

Программу «сегодняшнего дня» Ленин формулирует так: «экспроприация капиталистов, превращение всех граждан в работников и служащих одного «синдиката», именно: всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству действительно демократическому, государству Советов Рабочих и Солдатских Депутатов»⁹⁷.

Таким образом, в 1917 г. Ленин стремился к созданию нового государственного образования, в котором вся экономическая структура (включая потребление) будет подчинена управляющему центру, опирающемуся на систему демократических органов, контролирующих управленцев и правильность исполнения стратегических решений правящего центра. Достижение индустриального общества должны были обеспечить быстрое согласование интересов внутри этой системы. Когда эта надежда не оправдывается, и интересы трудящихся придут в противоречие с намерениями «центра», большевики установят авторитарную диктатуру, подавляющую выступления масс трудящихся, в том числе рабочих. Анархические одежды спадают с тела радикального марксизма. Нужды управления, которые на практике оказались гораздо сложнее, чем это казалось Ленину первоначально, заставят сохранить и старый (по структуре) бюрократический аппарат. А всеобщее огосударствление экономики приведет даже к его значительному расширению.

Комментируя Марксово определение диктатуры пролетариата как государства, представляющего собой «организованный в господствующий класс пролетариат», Ленин пишет: «по Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т.е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать»⁹⁸. В этом отношении Ленин потерпел поражение. Созданное им государство не могло не усиливаться, оно не собиралось отмирать и не имело в своем устройстве ничего, что могло бы его заставить отмирать. Но это не значит, что сама задача была нереалистичной. Ведь она ставилась и другими теоретиками социализма, которые предлагали более конкретные механизмы отмирания, встроенные в структуру государства. Просто Ленин отрицал последовательный федерализм, и потому поставленные в «Государстве и революции» задачи не могли быть реализованы силами большевиков. Для успеха левого проекта его большевистская трактовка должна была быть скорректирована другими левыми движениями — потенциальными союзниками большевизма на начальном этапе социалистических преобразований. Ведь только в союзе с другими левыми силами большевики действительно могли получить устойчивую поддержку большинства рабочих. А это по Ленину и по Марксу — обязательное условие существования диктатуры пролетариата.

Характеризуя процесс перехода к новому обществу, Ленин писал: «при переходе от капитализма к коммунизму подавление еще необходимо, но уже подавление меньшинства

эксплуататоров большинством эксплуатируемых. Особый аппарат, особая машина для подавления, "государство" еще необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством вчерашних наемных рабов — дело настолько сравнительно легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле»⁹⁹.

Интересно, что Ленин опубликовал свою работу тогда, когда в России уже шла одна из самых кровопролитных гражданских войн в истории страны. Почему Ленин не видел такого очевидного противоречия? Отвечая на этот вопрос, следует помнить, что Ленин мыслил в категориях мировой революции — всемирного столкновения «пролетариата» и «буржуазии», на фоне которого массовое кровопролитие в России оставалось всего лишь эпизодом. Именно запаздыванием мировой революции, которая должна была подкрепить недостаточные культурные и технологические ресурсы России, объяснялось как отступление от выполнения обещаний большевиков (вплоть до полного отказа от них), так и ожесточенность гражданской войны «из-за вмешательства империалистов». Идея мировой революции была универсальным решением всех теоретических проблем, возникавших в связи с невыполнимостью большевистской программы. Мировая революция должна была сделать невозможное возможным. А пока необходимо было стимулировать мировую революцию созданием в России принципиально нового революционного образования — Республики Советов. Ленин считал: «Задача пролетариата России — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе»¹⁰⁰.

Социалистический фронт или диктатура?

Но пока Ленин находился в розыске, возник новый шанс достичь соглашения большевиков и социалистов. После краха корниловского мятежа большевики вышли из изоляции — ведь они были одной из наиболее крупных организаций, участвовавших в борьбе против Корнилова. Более того, дальнейшее ухудшение экономической ситуации и неубедительность антибольшевистской агитации привели к значительному росту влияния большевиков в крупных индустриальных центрах.

Уже 31 августа начался процесс, который затем был расценен Лениным как «большевизация советов». Петросовет принял предложенную большевиками резолюцию «О власти». Она была составлена в умеренных тонах, характерных для правых большевиков, и рассчитана на компромисс с радикализировавшимися эсерами и меньшевиками. Резолюция требовала отстранения от власти цензовых элементов (а не только кадетов) и создания ее на новой основе. «Нетерпимы далее ни исключительные полномочия Временного правительства, ни его безответственность. Единственный выход — в создании из представителей революционного пролетариата и крестьянства власти», которая провозгласит демократическую республику, отменит частную собственность на землю и передаст ее в распоряжение крестьянских комитетов, введет в общегосударственном масштабе рабочий контроль, национализирует важнейшие отрасли, введет налоги на сверхдоходы, отменит тайные договоры и др.¹⁰¹ Практически все эти требования уже высказывались лидерами меньшевиков и эсеров. Такие предложения большевиков были явным шагом к компромиссу с социалистами.

Ленин тоже оценил открывшиеся возможности. В первых числах сентября Ленин выступил с серией статей, открывавшихся работой с откровенным названием «О компромиссах». Ленин писал: «Союз большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии... испытан только по одному фронту, только в течение пяти дней, 26—31 августа, во время корниловщины, и такой союз дал за это время полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистической и кадетской контрреволюции, что гражданская война с этой стороны развалилась в прах, превратилась в ничто в самом начале, распалась до какого бы то ни было "боя"...

Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»¹⁰². Таким образом будет «возможно и вероятно» мирное развитие революции.

Но умеренные социалисты оттолкнули протянутую руку. 8—10 сентября «Рабочая газета» и «Дело народа» выступили с критикой ленинской инициативы.

Уже при обсуждении большевистской резолюции лидеры социалистов стали демонстративно искажать ее содержание, подчеркивая свои разногласия с большевиками. Так, Церетели, опровергая ее, стал доказывать, что нельзя передавать власть одному пролетариату, хотя большевики выступили за власть рабочего класса и крестьянства. Представитель эсеров Болдырев стал спорить с аграрным пунктом резолюции, который практически повторял предложения Чернова. Это выглядело как ревность¹⁰³.

Такая реакция свидетельствовала, что умеренные социалисты не готовы к созданию реального левого фронта. Победа большевиков в Петросовете была еще неустойчивой — в голосовании приняло участие меньше половины депутатов, так как большинство членов солдатской секции отсутствовало — ведь еще сохранялась угроза наступления корниловцев.

И тогда эсеровско-меньшевистский президиум Петросовета вместо поиска компромисса попытался перейти в контрнаступление. Он подал в отставку, чтобы заставить депутатов отказаться от поддержки большевиков. В ответ Троцкий и Каменев выдвинули проект создания президиума не большинством совета, как раньше, а из представителей всех фракций. Таким образом они получили поддержку малых фракций и моделировали будущую советскую коалицию. Но меньшевики и эсеры не оценили и этой уступки.

Троцкий и Каменев стремились к сдвигу власти в Петросовете, но лидеры меньшевиков и эсеров, поставив на карту свои посты в президиумы, спровоцировали серьезный сдвиг.

9 сентября, когда в Петросовете собрался убедительный кворум — 1000 депутатов, большевики одержали решительную победу. Их резолюцию поддержали 519 депутатов. 25 сентября Петросовет возглавил Троцкий.

Большевизация Петросовета не облегчила дело компромисса — умеренные социалисты, потерпев поражение, не желали дальше отступать. Теперь большевики согласились бы только на роль равноправных партнеров, а на это «водители демократии» не рассчитывали. Эсеры и меньшевики лишь один раз убедились, что их позиции в советах ослабевают, что на советы опасно опираться правительству. Но, разумеется, не это тактическое поражение определило позицию социалистов.

Сложившаяся в сентябре ситуация рассматривалась в партии большевиков по-разному. Умеренная часть руководства РСДРП(б) добилась фактического восстановления лозунга «Вся власть советам!». В то же время воплощение в жизнь этого лозунга до II съезда Советов было уже невозможным.

Как только появились первые признаки того, что социалисты все же не пойдут на создание однородного правительства, Ленин снова резко повернул политический руль и взял курс на вооруженный захват власти. Следовало торопиться. Нужно было до выборов в Учредительное собрание продемонстрировать стране, кто способен на практике предпринять решительные меры по борьбе с кризисом. Это может обеспечить большевикам поддержку широких масс, прежде всего рабочих, победу и на всеобщих выборах, и в советах, которые станут основой новой системы власти.

Идее многопартийной советской власти Ленин противопоставил план установления авторитарной диктатуры, опирающейся на те советы, которые поддержат военный переворот. Диктатура радикального крыла большевиков, опирающаяся на «свои» советы и воинские части должна запустить необратимый процесс «пролетарской революции».

Идея немедленного восстания, на которой Ленин настаивал начиная с 14 сентября, первоначально не получила поддержки партийного руководства. Н.Бухарин вспоминал о первой реакции на ленинские письма с призывом к восстанию: «Мы все ахнули, никто не знал, что делать. Все недоумевали первое время»¹⁰⁴. ЦК постановило не оглашать ленинские письма. Но информация о его позиции постепенно распространялась в партии. Радикальные партийные массы были готовы к немедленному выступлению, даже если это грозило большевикам поражением. В обстановке 1917 г. политическое искусство требовалось не для того, чтобы применить насилие, а для того, чтобы его избежать.

Итоги Демократического совещания означали крах политической линии Каменева. Троцкий оперативно переориентировался на подготовку восстания с порой на Петросовет, который он как раз возглавил. 7 октября при открытии Предпарламента большевики демонстративно покинули его.

Под давлением снизу 10 октября ЦК поддержал курс на вооруженное восстание. Однако часть ЦК РСДРП(б) продолжала сопротивляться этому курсу — неудача вооруженного восстания на этот раз могла привести к полному разгрому

партии. Наиболее последовательно эту позицию отстаивали Л.Каменев и Г.Зиновьев: «мы глубочайшим образом убеждены, что объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции... Дело идет о решительном бое, и поражение в этом бою было бы поражением революции... Партия пролетариата будет расти... И только одним способом может она прервать свои успехи — именно тем, что она в нынешних обстоятельствах возьмет на себя инициативу выступления и тем самым поставит пролетариат под удары всей сплотившейся контрреволюции, поддержанной мелкобуржуазной демократией. Против этой губительной политики мы подыдем голос предостережения»¹⁰⁵. Правые большевики считали, что изоляция радикальной части пролетариата от большинства трудящихся приведет к перерождению и физическому поражению партии. Вооруженное восстание большевиков независимо от его удачи вело к срыву перспективы многопартийного советского правительства, за которую выступали не только правые большевики, но и левые социалисты.

Но руководство социалистов само не шло на создание левой советской коалиции. Вместо новой Парижской коммуны получалась новая «луиблановщина». В этих условиях отказ от захвата власти в 1917 г. «обрекал» партию большевиков на роль левой оппозиции в парламентском государстве, которое сохраняет свое «буржуазное» качество. Поэтому линия Каменева и Зиновьева в условиях октября 1917 г. откладывала дальнейшее продвижение к социализму на неопределенный срок, до следующей революции. Эта позиция в октябре 1917 г. выглядела как осторожная, в 20-е гг., после победы большевизма, уже казалась предательством, что стало важным «компроматом» на двух крупных деятелей большевизма.

В брошюре «Удержат ли большевики государственную власть» Ленин доказывал, что власть надо брать безбоязненно, потому что «наша революция непобедима, если она не будет бояться сама себя, если она вручит всю полноту власти пролетариату, ибо за ним стоят еще неизмеримо большие, более развитые, более организованные всемирные силы пролетариата, временно придавленные войной, но не уничтоженные, а, напротив, умноженные ею»¹⁰⁶. Надежда на мировую революцию должна компенсировать любые сомнения, любой дефицит поддержки внутри страны.

В ходе напряженной внутрипартийной борьбы радикальное течение возобладало, но и умеренные большевики сохранили влияние. В этих условиях центральной фигурой в руководстве ЦК оказывается недавний меньшевик Л.Троцкий, политический вес которого вырос еще и потому, что этот ветеран советского движения занял пост председателя Петросовета. Троцкий поддерживал идею скорейшего захвата власти, но настаивал, что этот акт должен быть совершен от имени Съезда советов и потому приурочен к нему. Таким образом, позиция Троцкого оказалась между линиями Ленина (захват власти военными силами радикальных большевиков) и правых большевиков (а также левых эсеров). В итоге линия Троцкого возобладала — большевики взяли курс на «мирное» и в какой-то степени даже «конституционное» восстание с опорой на Съезд советов. Съезд был удобным политическим прикрытием переворота, так как лозунг «Вся власть советам» к этому времени вновь приобрел большую популярность. В то же время переход власти не просто к большевикам, а к новому радикальному советскому большинству придавало событиям характер низового движения в масштабах страны, которое сопровождается верхушечным переворотом. В конце 1917 г. — начале 1918 г. лидерам большевиков приходилось делить власть с более широким в идейном отношении движением, поддерживавшим советы на местах. Но оно же обеспечило советской власти победу в скоротечной гражданской войне осенью 1917 г.

Большевики стремились представить захват власти как ответ на угрозу реакции, и поведение Керенского как нельзя лучше способствовало этому. Он продолжал считать, что обладает военным перевесом над большевиками. 24 октября правительство объявило о закрытии большевистской прессы и приступило к стягиванию войск. По мнению А.Рабиновича, «восстание в том виде, в котором его представлял себе Ленин, стало возможным только после того, как правительство предприняло прямое наступление на левые силы... Массы в Петрограде, которые в той или иной степени поддерживали большевиков, выступавших за свержение временного правительства, делали это не потому, что как-то симпатизировали идее прихода к власти одних большевиков, а потому, что верили: над революцией и съездом нависла угроза»¹⁰⁷. Почему А.Керенский допустил столь сейчас очевидную ошибку, атаковав большевиков как раз в тот момент,

когда это больше всего соответствовало их планам и когда у Временного правительства фактически не было реальных сил? Керенский объясняет это тем, что он был дезинформирован офицерами штаба Петроградского округа, добивавшихся таким образом падения правительства с тем, чтобы потом разгромить большевиков и установить авторитарный режим¹⁰⁸. Но и действия Керенского в этих условиях носили авторитарный характер. В условиях подъема революции и замораживания преобразований это вело к изоляции Керенского от поддержки слева, в то время как корниловская история лишила его и поддержки справа. Большевистский переворот протекал в условиях относительного равнодушия тех сил, которые спустя год будут вести с большевиками войну не на жизнь на смерть. А осенью 1917 г. «расчетливые» политики были уверены, что большевистская авантюра не может продлиться долго. Правительство Ленина или она падет под ударами контрреволюционеров, или уступит власть Учредительному собранию.

25 октября большевики перешли в контрнаступление при поддержке левых эсеров и анархистов. Большая часть Петроградского гарнизона сохраняла нейтралитет. Никто не хотел умирать.

Одновременно с переворотом проходила работа II съезда советов. На его открытие прибыло не менее 739 делегатов, из которых большевиков было только 338. Эта конфигурация давала явные преимущества правым большевикам и левым эсерам, которые оказывались в центре политического спектра съезда.

Но представители меньшевиков и эсеров покинули съезд в знак протеста против начавшегося переворота. С ними ушла не половина, а лишь менее трети делегатов, так как левые эсеры и меньшевики-интернационалисты остались. С учетом вновь прибывших делегатов на съезде осталось 625 депутата, представлявших 402 совета. Теперь съезд представлял около половины советов страны.

После ухода правого крыла на съезде были представлены два течения — радикальное (часть большевиков и анархистов) и компромиссное (умеренные большевики, левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, лидеры профсоюза железнодорожников Викжель). Если Ленин и его сторонники считали необходимым взять власть силами своей партии, то значительная часть делегатов, поддерживая идею власти советов в принципе, видела в однопартийной радикальной

власти угрозу раскола трудящихся классов, гражданской войны и реакции. Для них Октябрьский переворот был средством создания ответственного перед советами многопартийного социалистического правительства. Левые эсеры считали эту задачу вполне выполнимой: «Не большевики повинны в том, что они остались одинокими. Другая часть демократии не обнаружила готовности к объединению. Наша задача — быть посредниками между теми социалистическими элементами, которые покинули съезд советов, и между большевиками. Программа, намеченная новой властью в общем и целом могла бы объединить вокруг себя всю революционную демократию. Живое доказательство этого — последний день перед переворотом, когда на заседании Предпарламента были приняты декреты о мире и о земле»¹⁰⁹, — заявил на съезде один из лидеров левых эсеров В. Карелин. Действительно, ко времени Октябрьского переворота лидеры эсеров и меньшевиков не имели принципиальных возражений против первых декретов II съезда. Но, в отличие от своих левых коллег, центристы в ПСР и РСДРП считали, что реальные результаты революционного процесса определяются не столько программными заявлениями, сколько соотношением сил. Умеренные социалисты также, как и в июле, не собирались уступать вооруженному давлению. Признание правомерности Октябрьского переворота означало бы для них перспективу превратиться в младших партнеров большевиков, придаток режима, опирающегося на радикальное меньшинство и тыловые гарнизоны.

По мнению американского историка, «восстание, происшедшее 24—25 октября, имело важнейшее историческое значение, поскольку, побудив большинство меньшевиков и эсеров покинуть II съезд советов, помешало созданию на съезде социалистического коалиционного правительства, в котором умеренные социалисты могли бы занять сильные позиции. Благодаря этому оно проложило путь к созданию Советского правительства под полным контролем и руководством большевиков»¹¹⁰. Спровоцировав вооруженным выступлением уход умеренных социалистов, большевики не просто обеспечили себе разовый перевес на съезде, а сумели отождествить власть своей партии (первоначально — с младшими, ведомыми союзниками) с властью советов. Советская власть стала псевдонимом коммунистического режима.

Таким образом, и в июле, и в спорах большевиков в сентябре-ноябре, и на II съезде обсуждались две модели революции.

Либо проведение социальных преобразований с опорой на большинство трудящихся (как организованное в советы, так и нет). Это было возможно в случае компромисса между эсерами, меньшевиками и большевиками на платформе немедленного начала аграрной реформы (с последующим утверждением ее принципов авторитетом Учредительного собрания), государственного регулирования с одновременным расширением участия работников в управлении производством. Либо — проведение аналогичных преобразований силами радикального меньшинства «демократии», опирающегося на недостроенную советскую систему и кадры активистов, лучше приспособленные к социально-политической конфронтации, чем к организации производства и обмена. Коалиционная конфигурация «однородного социалистического правительства» советов могла стать основой для целостного синтеза социалистической традиции и «разделения обязанностей» между направлениями. Но такому развитию опыта Парижской коммуны не суждено было сбыться.

Большевики представляли собой узкий социально-политический спектр, но популярная идея советской власти помогла им опираться на широкое низовое радикальное движение, не управляемое из партийных центров. Однако его влияние на верхи режима ослабевало с каждым месяцем. Система согласования социальных интересов была разрушена, конфликты стремительно нарастали, страна скатывалась к широкомасштабной гражданской войне, которая сама по себе грозила разрушить и без того слабые предпосылки социализации.

Когда партия большевиков захватила власть в Петрограде, мало кто из их противников думал, что это надолго. Сами большевики утверждали, что взяли власть до Учредительного собрания и готовы разделить ее с другими левыми партиями. Петроград тут же был парализован забастовкой служащих. Эта первая кампания гражданского неповиновения большевистской эпохи вошла в историю как «саботаж», Антибольшевистские действия в столице координировались Комитетом спасения Родины и революции (КСРР), созданным правыми социалистами Н.Авксентьевым, А.Гоцем и др. начались боевые действия между сторонниками советской власти и временного правительства.

Еще на съезде советов Всероссийский Исполком железнодорожного профсоюза (Викжель), контролируемый соци-

ал-демократами и беспартийными рабочими, заявил о необходимости примирения враждующих сторон. 28 октября начались консультации между большевиками и Викжелем. Под угрозой всеобщей стачки Викжель заставил сесть за стол переговоров представителей большевиков, КСРР и социалистических партий. Стремясь прекратить гражданскую войну, Викжель приостановил переброску войск по железной дороге. Страна вновь получила шанс выйти из кризиса без всеобщего кровопролития. В планы железнодорожников входило создание однородного социалистического правительства, которое отличалось бы от прежнего отсутствием кадетов и наличием большевиков. В центре такого правительства могли оказаться уже не экстремисты-большевики, а более умеренные эсеры и их лидер В.Чернов. Под давлением Викжеля даже КСРР согласился на однородное социалистическое правительство и отказался от поддержки Керенского¹¹¹.

Предложение переговоров было для большевиков спасительной передышкой. Это, впрочем, не значит, как полагает Д.Суэйн, что «большевики все еще были готовы к компромиссу». Автор аргументирует свою позицию соответствием взглядов таких деятелей, как Ю.Мартов и Л.Каменев, считая ее доказательством близости позиций большевиков и меньшевиков¹¹². Но умеренные большевики и левые социалисты еще не представляли доминирующих тенденций в своих партиях. Лидеры СНК и ВРК, получившие полноту власти, не собирались от нее отказываться: «Ни Ленин, ни я не возражали вначале против переговоров о коалиции с меньшевиками и эсерами, при условии прочного большинства за большевиками и признания этими партиями власти советов, декретов о земле и мире и т.д.»¹¹³. Социалистам предлагалось стать младшими партнерами большевиков, совершивших военный переворот.

После неудачи подготовленного ими выступления юнкеров, социалисты из КСРР явились на переговоры, но тоже не были настроены примирительно. Оказавшись неспособными развернуть вооруженное сопротивление, они не без оснований чувствовали за собой поддержку большинства граждан страны и поэтому требовали, чтобы новое социалистическое правительство было свободно от путчистов-большевиков. А.Гоц и Н.Авксентьев недооценивали того, что за большевиками стоят широкие массы солдат и голодных, отчаявшихся рабочих, которых тоже необходимо включить в новую систему власти. Но это понимали В.Чернов и левые

социал-демократы Ю.Мартов и Ф.Дан. Они настояли на компромиссе — правительство Чернова с большевиками и без кадетов.

Этот проект устроил и большевистскую делегацию во главе с Л.Каменевым. Гражданская война прекращается, большевики получают доступ к власти в коалиции с социалистами, которые сочувственно относятся к советам (но не их монополии на власть) и лучше большевиков могут провести декрет о земле. Перспектива расправы над организаторами восстания исчезает сама собой. Общее нежелание ввязываться в гражданскую войну обеспечит новой коалиции широкую поддержку, тем более, что со стороны будущих членов правительства не будет возражений и против мирных переговоров с немцами.

Эти условия, однако, вызвали взрыв возмущения со стороны Ленина и Троцкого — им в новом правительстве места не отводилось. Срыв переговоров означал отказ от сотрудничества с большинством населения страны, представленным прежде всего эсерами, раскол многопартийных советов, в конечном счете — путь к гражданской войне и террору — орудиям политики, отвергающей соглашения. Пока шли переговоры, большевики начали аресты социалистов и профсоюзных деятелей, закрытие либеральных и социалистических газет, против чего протестовали даже рабочие. Важную роль в формировании позиции большинства большевистского ЦК имело и то обстоятельство, что переговоры разворачивались в момент завершающей фазы предвыборной кампании. В этот момент было важно не «потерять лицо», не упустить голоса радикализированных масс.

Несмотря на то, что «соглашателей» поддержали многие старые большевики, из которых еще не «выветрился» дух социал-демократии, Ленин собрал большинство. ЦК большевиков отверг соглашение. Партия была готова к войне. «Правые» большевистские лидеры Л.Каменев, А.Рыков, В.Милютин, Г.Зиновьев и В.Ногин даже вышли в знак протеста из ЦК 4 ноября. Однако покинуть родную партию они не решились и вскоре вернулись с повинной. Большевикам все же удалось перебросить подкрепления в Москву и подавить сопротивление. В ноябре-декабре 1917 г. тыловые гарнизоны и вооруженные дружины большевиков захватили власть в большинстве крупных городов России. Эта серия переворотов была названа «триумфальным шествием советской власти». Многомиллионные массы крестьян отнеслись

к этим событиям относительно равнодушно — ждали выборов в Учредительное собрание.

Таким образом, потерпели поражение политические силы как внутри, так и вне большевистской партии, которые выступали за создание широкой левоцентристской коалиции, представляющей большинство населения. Конфронтационные методы, избранные большевиками, быстро привели к образованию диктатуры, которую поддерживало лишь меньшинство граждан России.

Разворот Ленина

Позиции сторонников компромисса между социалистами ослабли и потому, что партия эсеров раскололась слева от центра — ушли левые эсеры, которые вскоре вступили в коалицию с большевиками. Новая власть оформилась почти демократично — двухпартийное советское правительство, часть крестьянских советов поддержали новую власть вопреки сопротивлению эсеров. Чернов оказался левым в собственной партии, и его позиции тоже ослабли. Ладно, раз большевики ни с кем не желают считаться, спросим мнение народа. Чернов и партия эсеров сосредоточилась на предвыборной агитации. Сопротивление большевистской диктатуре на время ослабло. Левые радикалы вообще не считали новый режим диктатурой, а те, кто правее, считали, что она временная. Выборы в ноябре 1917 г. принесли умеренным социалистам больше половины голосов. Кажется, противники могут остановить часы — предвыборная кампания с оружием в руках окончена, народ сказал свое слово. Правда, почти четверть избирателей поддержала большевиков...

Большевики и левые эсеры не собирались сдаваться. Ленин не высоко ставил мнение крестьянства и интеллигенции (впрочем, и рабочие манифестации он разгонял силой).

6 января 1918 г. было силой закрыто Учредительное собрание. Теперь большевики и левые эсеры считали только советы легитимной властью. Остальные политические силы, не согласные с этим (в том числе и социалисты) стали готовиться к вооруженному сопротивлению. Разгон Учредительного собрания стал продолжением курса, который вел к гражданской войне.

Российская революция была мощным движением огромных людских масс, которые стремились изменить свою

жизнь к лучшему. Эта революция первоначально ставила перед собой три важнейших цели: народовластие, политическую свободу («волю») и социальную справедливость. Справедливость понималась как передача в полное распоряжение земли крестьянам, а фабрик — рабочим. Рабочие, крестьяне и интеллигенты считали, что народовластие обеспечит переход к свободному труду на своей земле и своих предприятиях. Разогнав Учредительное собрание, большевики нанесли удар по народовластию. Еще раньше они ограничили политические свободы граждан, в том числе и рабочих, от имени которых выступали. Большевики проводили аресты недовольных и на время прекратили пере выборы в советы, чтобы не потерять большинство в них. Но, укрепив свою диктаторскую власть, большевики надеялись провести социальную революцию, сделав отношения между людьми более справедливыми. В политике большевиков образовалось противоречие между политическим и социальными задачами революции.

До середины 1918 г. радикальные массы не замечали это противоречие, воспринимали его как россыпь досадных недоразумений, не замечая за деревьями леса. Люди, согласные с общим курсом режима, не склонны считать его диктатурой. Правительство действует так, как хочет народ — какая же это диктатура? Определенно, в 1917 г. Ленин рассчитывал на самоорганизацию масс, которые, лишь при общем руководстве коммунистов и их союзников, смогут создать основы коммунистических отношений. Ведь эти отношения в соответствии с теорией марксизма естественно вытекают из краха капитализма. Но жизнь оказалась сложнее, переход от капитализма к новому обществу вел через хаос, результаты самоорганизации разочаровывали. Нужно было выбирать — или самоорганизация, самоуправление, низовая демократия, или «строительство» нового строя, новой экономики, а значит — управление, подчинение, диктатура. Советская самоорганизация была для Ленина средством, а коммунизм — целью. Выбор было сделать легко.

В апреле, в разгар сложной политической борьбы, Ленин считает возможным переосмыслить многое из того, что было сформулировано им в 1917 г. Новое кредо Ленина называлось прозаично: «Очередные задачи Советской власти».

Перед Лениным и его партией стоит предложенная еще Марксом задача построения сверхцентрализованного нетоварного общества, своего рода единой мировой фабрики, в

которой страны обмениваются продуктами в соответствии с единым планом. В таком обществе не должно быть социальных противоречий, потому что все подчиняются создателям плана.

И это — задача ближайшего будущего. На повестке дня стоит «созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»¹¹⁴.

Утопия? Конечно утопично представление о том, что некий «планомерный» механизм может учесть все возможности и потребности людей (даже если им управляют идеально умные и честные люди). Но Ленин не был утопистом — он вовсе не придерживался догм. Он был готов пойти на значительные изменения программных целей ради того, чтобы удержать свою партию у власти до момента, когда радикальное преобразование общества, создание единого хозяйства с «планомерным производством и распределением продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей» станет возможным. Ленину не довелось дожить до этого времени, но его работа помогла создать предпосылки для тоталитарного эксперимента 30-х гг. Первую попытку подобного рода Ленин планировал уже в 1918 г.

Для начала необходимо стабилизировать обстановку в промышленности, где после поддержанной большевиками «красногвардейской атаки на капитал» царил хаос. Сразу же после большевистского переворота, рабочие стали захватывать фабрики в свои руки. Но если до октября в таких случаях они пытались организовать производственное самоуправление и хозяйничать самостоятельно, то теперь им присылали красного комиссара, представителя советского правительства, который должен был заменить капиталиста. Поскольку красные директора смыслили в производстве еще меньше рядовых рабочих, производство замирало. Отход от принципа «фабрики — рабочим» в пользу беспорядочной национализации оказался губителен для промышленности.

Махно в своей глубинке тоже «налаживал связи». Но для начала он считал нужным установить экономические отношения конкретных рабочих и крестьян «по горизонтали». Этот путь плохо согласовывался с ленинской стратегией планомерного производства и распределения сразу для всех.

Ленин предлагает прекратить беспорядочную «красногвардейскую атаку» на капитал. Беспорядочная национализация не создает стройной системы, которой легко управлять. Но «в войне против капитала движения вперед остановить нельзя... продолжать наступление на этого врага трудящихся безусловно необходимо»¹¹⁵ — начинается национализация целых отраслей.

На национализированных предприятиях уже вводятся по настоянию Ленина так называемые «Брянские правила» распорядка, устанавливающие режим беспрекословного подчинения начальству.

Ленин требовал от рабочих и служащих: «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде...»¹¹⁶. Если рабочий не захочет с энтузиазмом работать на нового хозяина — государство-партию — то он уже не рабочий, а хулиган — в такой же степени враг, как и эксплуататор: «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов»¹¹⁷. Чтобы не было сомнений в том, как надо их подавлять, Ленин пишет о «поймке и расстреле взяточников и жуликов и т.д.»¹¹⁸

Огромным государственным хозяйством кто-то должен управлять. Саботаж служащих стихает, а бюрократия растет, как на дрожжах. Но, по мнению Ленина, «русский человек — плохой работник, по сравнению с передовыми нациями». Научить его работать может «последнее слово капитализма в этом отношении, система Тэйлора...» (конвейерная система, доводящая до максимума отчуждение человека в процессе производства). «Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области»¹¹⁹. Рабочий должен был стать послушным инструментом в руках управленца. Стихийность и спонтанность должна смениться порядком и управлением.

А стихия революции все еще видела Ленина своим вождем.

Установленный большевиками режим под флагом диктатуры «пролетариата» утверждал классовое господство технократии и бюрократии. Новой по составу, менее компетентной, но более решительной в достижении собственных социальных целей благодаря партийной сплоченности и милитаризации. Вплоть до начала большой гражданской войны в мае-июне 1918 г. в политике большевиков чувствовался

лось и стремление к компромиссу с капиталистическими управленцами-технократами. Это вызывало возмущение левых коммунистов, левых эсеров и анархистов. Близился кризис левого блока, установленного в дни Октябрьского переворота. Но разразился он по другому поводу — в ходе острой дискуссии по поводу того, можно ли капитулировать перед Германией и заключить «похабный» Брестский мир.

В этом вопросе произошло расслоение коммунистической стратегии, которая соединяла антиимпериализм и программу строительства нетоварного плановой экономики. До 1918 года связь этих двух сторон казалась неразрывной — победить империализм и построить новое общество на его развалинах. Пока нет побед — не получится и социализма. Предложения демократического мира, выдвинутые большевиками в Бресте, должны были обеспечить важную моральную победу над империализмом. Но германский империализм не собирался уступать. И тогда пришлось выбирать. Ленин считал, что можно пойти на любой мир, чтобы начать строить социализм. И тогда конструктивный пример обеспечит мировое торжество коммунистических идей. Левые коммунисты во главе с Бухариным и левые эсеры считали, что капитуляция перед империализмом исключает продвижение к новому обществу. Россия будет зависима от империализма, который к тому же отнимает у России часть ресурсов, без которых вообще нельзя возродить экономику. Левые эсеры понимали также, что выполнение немецких условий углубит продовольственный кризис, и расплачиваться придется крестьянству, интересы которого левые эсеры и представляли в рабоче-крестьянском союзе,

Троцкий пытался сблизить позиции левых и правых большевиков с помощью рискованных внешнеполитических шагов. Его дипломатия кончилась провалом, и после некоторых колебаний Троцкий встал на сторону Ленина. Включив механизм партийной дисциплины, Ленин отвоевал партию большевиков и добился заключения и ратификации позонного мира. Левые эсеры покинули правительство. В июле 1918 г. конфликт большевиков и левых эсеров закончился разгромом последних, и диктатура стала однопартийной.

По этому пути от коалиции с попутчиками к твердой однопартийной диктатуре пройдут все коммунистические партии (даже те, кто формально сохраняют многопартийность с бесправными партиями и включают часть лидеров социалистической партий в правящую партноменклатуру).

Крестьянство в «рабоче-крестьянском союзе» оставалось, страдательным членом, особенно после распада союза большевиков и левых эсеров. Коммунисты в странах Третьего мира во второй половине XX века уже были готовы отодвинуть в сторону «пролетарский характер» революции и формировать свои армии и партийные аппараты из крестьян. В конечном итоге технологически марксистский коммунизм и народничество пришли к общей схеме: лидерство интеллектуалов, разночинная организация, опора на активные массы трудящихся — рабочих (по возможности) и крестьян.

Когда интересы городской революции вошли в конфликт с интересами большинства крестьян (среднего и зажиточного), большевики решились на раскол социальной базы революции, что объективно имело контрреволюционные последствия. 13 мая 1918 г. был принят декрет «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию», известный как Декрет о продовольственной диктатуре. Теперь продовольствие отчуждалось у крестьян насильственно по символической цене. Создавались продотряды — голодные рабочие должны были сами идти войной на деревню, разжигая там огонь классовой борьбы. Опорой «пролетариата» (в действительности — городских деклассированных слоев) становился «брат по классу» — бедняк, который не смог создать крепкое хозяйство даже после получения земли. Впоследствии, объединившись в июне 1918 г. в комбеды, бедняки станут новыми эксплуататорами деревни — они будут получать половину отобранного у крестьян хлеба. Объективно это решение было контрреволюционным в отношении революционному процессу передачи земли крестьянству.

Попытки советов Саратовской, Самарской, Симбирской, Астраханской, Вятской, Тамбовской, Казанской губерний сопротивляться продовольственной диктатуре были пресечены. Усилились чистки советов, начались их разгоны. 27 мая был принят декрет ВЦИК СНК, ставший шагом к ликвидации власти советов на местах. Местные продорганы подчинялись наркомату продовольствия. Затем и другие органы советов были подчинены наркоматам. Таким образом, ликвидировалась сама власть советов, ради которой совершалась «Октябрьская революция». Общество теряло легальные пути сопротивления действиям правительства. Широкомасштабная гражданская война становилась неизбежной.

После заключения Брестского мира основная тяжесть продовольственной диктатуры должна была лечь на крестьян Поволжья, Северного Кавказа и Сибири. Получив землю, они теряли ее плоды. Между тем через Сибирь эвакуировались во Францию корпус бывших военнопленных чехословаков, руководители которых были близки по взглядам к социал-демократам. В конце мая местные большевистские власти попытались разоружить некоторые чешские части. В ответ они восстали. К чехословакам присоединились боевые дружины эсеров, мобилизовавшие в повстанческую армию тысячи крестьян. Часть Поволжья, Сибирь и Урал перешли под власть «Комитета членов Учредительного собрания» (Комуч) и других антибольшевистских правительств. На этом этапе противники большевиков выступали за осуществление демократических задач революции, но в условиях гражданской войны они и сами не соблюдали демократических норм. Отношение к социальным задачам оставались таким же, как и во время Временного правительства — выжидательным. Если Комуч и правительство Директории пытались сохранять «завоевания революции», то после колчаковского переворота в ноябре 1918 г. Советской республике противостоял откровенно контрреволюционный фронт «белых».

С началом гражданской войны развернулась политика ускоренной замены рыночных отношений государственным управлением и распределением получила название «военного коммунизма». Создавая его, большевики решали две задачи: создавали основы нового общества, как казалось — принципиально отличного от капитализма, ликвидирующего эксплуатацию человека человеком, и концентрировали в своих руках все ресурсы, необходимые для ведения войны. Комментируя социальную модель большевизма, лидер ПСР В.Чернов писал: «Это колоссальная машина, в которую история подает наличных людей, с их слабостями, навыками, страстями, мнениями, как человеческое "сырье", подлежащее беспощадной переработке. Из нее они выйдут, удостоверяемые "личной годностью", каждый на свою особую жизненную полочку, штампованные, с явным клеймом фабричного производства. Они частью попадают в отдел по утилизации отбросов; остаток подлежит беспощадному уничтожению»¹²⁰. Для стабилизации диктатуры был развернут массовый террор, направленный не только против старой элиты, но и против широких слоев трудящихся.

Редактор «Известий» Ю.Стеклов признавал среди своих: «Никогда, даже в злейшие времена царского режима, не было такого бесправия на Руси, которое господствует в коммунистической Советской России, такого забитого положения масс не было. Основное зло заключается в том, что никто из нас не знает, чего можно и чего нельзя. Сплошь и рядом совершающие беззакония затем заявляют, что они думали, что это можно. Террор господствует, мы держимся только террором»¹²¹.

Напряжение гражданской войны привело к слиянию большевистских фракций. И правые, и левые большевики теперь должны были просто выжить. Поражение в гражданской войне означало неизбежную гибель или эмиграцию. В ходе этой амальгамы часть правых и левых большевиков менялись местами (отчасти в силу личного развития — с возрастом Бухарин правел, а Каменев и Зиновьев утверждались в ортодоксии).

В условиях, когда промышленность была разрушена, и работали только предприятия, ремонтировавшие транспорт и вооружения, главным ресурсом была продукция сельского хозяйства, продовольствие. Необходимо было накормить бюрократию, рабочих и военных. При этом большевистская власть была против того, чтобы горожане свободно покупали продовольствие у крестьян, ведь в этом случае преимущества получали более состоятельные люди, сохранившие накопления и имущество, которое можно было обменять на хлеб. Большевистская власть опиралась на наиболее обездоленные слои населения, а также на массу красноармейцев, партийных активистов и новых чиновников. Преимущества при распределении продовольствия должны были получать именно они. Торговля была запрещена, вводилась система «пайков», при которой каждый человек мог получать продовольствие только от государства. Эта система создавала абсолютную зависимость человека от государства.

В январе 1919 г. был введен колоссальный продовольственный налог — продразверстка. С его помощью из крестьян удалось выколотить больше хлеба — за первый год продовольственной диктатуры и начала продразверстки (до июня 1919 г.) было собрано 44,6 млн пудов хлеба, а за второй год (до июня 1920 г.) — 113,9 млн пудов. Напомним, что только за ноябрь 1917 г. еще не разгромленный продовольственный аппарат Временного правительства собрал 33,7 млн пудов¹²² — без расстрелов и гражданской войны в деревне.

Куда шло это продовольствие? Значительная его часть просто сгнивала: «Из Сибирской, Самарской и Саратовской губернских организаций, закупающих ненормированные продукты, везут мерзлый картофель и всякие овощи. В то же время станции Самаро-Златоустовской и Волго-Бугульминской железных дорог завалены хлебом в количестве свыше 10 млн пудов, которые за отсутствием паровозов и вагонов продорганам не удается вывезти в потребляющие районы и которые начинают уже портиться»¹²³.

Попытка «прорыва в будущее» с помощью грубого насилия и тотальной централизации обернулась провалом в прошлое. Вместо посткапиталистического общества получилось дофеодалное — доиндустриальная деспотия, в которой корпорация поработителей собирала дань с крестьян, убивая сопротивляющихся.

Система «военного коммунизма» вызвала массовое недовольство рабочих, крестьян и представителей интеллигенции. Сопротивление «военному коммунизму» на территории советских республик объективно носило революционный характер, оно как правило развивалось под советскими лозунгами.

Можно говорить о Крестьянской войне 1918—1922 гг. — самой масштабной в истории нашей страны. В отличие от крупных волн крестьянских восстаний (таких как события 1861 — 1862 гг. и 1928—1932 гг.) крестьянские войны имеют один или несколько постоянных очагов, с которыми государство не может справиться в течение длительного времени — большей части войны. Но война разливается шире этих очагов, вспыхивает множеством более скоротечных, но нередко более массовых восстаний¹²⁴.

Сопровождавшие большевистскую революцию разрушения и общественные катаклизмы, отчаяние и невиданные прежде возможности социальной мобильности порождали иррациональные надежды на скорую победу коммунизма. Радикальные лозунги большевизма дезориентировали другие революционные силы, не сразу определившие, что РКП(б) преследует цели, обратные задачам антиавторитарного крыла Российской революции. Аналогичным образом были дезориентированы и многие национальные движения. Противники большевиков, представленные «белым» движением, рассматривались крестьянскими массами как сторонники реставрации, возвращения земли помещикам. Большинство населения страны было в культурном отношении

ближе большевикам, чем их противникам. Все это позволило большевикам создать наиболее прочную социальную базу, обеспечившую им победу в борьбе за власть.

В 1921 г., когда основные белые армии потерпели поражение, встал вопрос об отказе от чрезвычайных мер. Часть партии сочла, что настала пора вернуть власть рабочему классу Организация всего рабочего класса — профсоюзы. После того как Троцкий предложил «перетряхнув» (почистив) профсоюзы, сделать их государственными органами, возмущалась профсоюзная верхушка. В РКП(б) развернулась дискуссия о профсоюзах. Искренние коммунисты, грезившие отмиранием государства, освобождением личности, прямой демократией и другими лозунгами, которые марксизм позаимствовал у идеологии просвещения и анархизма, требовали реформ после окончания войны с «белыми». Рабочая оппозиция во главе с А. Шляпниковым и А. Коллонтай в соответствии с программой партии предлагали передать власть съездам производителей, отказавшись от диктата Совнаркома, ЦК и карательных органов. Идея передача значительной власти профсоюзам выдвигалась и группой «Демократического социализма», но в иной модификации.

Между децистами и рабочей оппозицией существовали острые противоречия. Дело в том, что децисты отстаивали позиции региональных партийных кланов, против авторитаризма которых на местах боролись рабочие оппозиционеры, выступавшие с эгалитаристских позиций.

Бухарин пытался найти компромиссные варианты между сторонниками самоуправления и централизации. Дискуссия о профсоюзах, которая на деле стала спором о том, каким станет режим после войны. Но Ленин считал такие реформы излишними в условиях, когда стабильность большевистского режима не гарантирована. Тем более, что он скептически относился к производственному самоуправлению и рассматривал профсоюзы, как «приводной ремень» от партийного центра к рабочему классу, а не наоборот. X съезд партии привычно проголосовал за позицию Ленина и по его предложению запретил фракции и группировки в РКП(б)¹²⁵.

После поражения белого движения борьба против «военного коммунизма» вспыхнула с новой силой. 1921 г. стал пиком кризиса «советской власти», известного также как «третья революция».

Разгром белого движения привел к вступлению Российской революции в новую фазу. Анархисты и левые эсеры на-

деялись, что исчезновение угрозы реставрации приведет к «третьей революции» (по аналогии с Февральской и Октябрьской), в ходе которой народ свергнет большевистскую диктатуру. И действительно, в 1920—1921 г. разразился острый социально-политический кризис, который знаменовал финал Российской революции. Антоновское восстание разлилось почти по всей Тамбовской губернии. Махновское движение после тяжелой для него зимы готовилось к наступлению на Харьков. Вспыхнуло крестьянское восстание в Западной Сибири и быстро охватило огромную территорию и ряд городов — Ишим, Петропавловск, Тобольск и др. И везде восставшие и забастовщики требовали прекращения продразверстки, свободы торговли, ликвидации большевистской диктатуры, разрешения частной собственности. Кульминацией этой фазы революции стало Кронштадтское восстание моряков и рабочих, которое началось с рабочих волнений.

Несколько месяцев их власть висела на волоске. В этих условиях Ленин делает резкий поворот вправо — к новой экономической политике. Это позволило сохранить власть коммунистов, но привело к отступлению от программы «Очередных задач...», от проекта быстрого введения нетоварной плановой экономики. Теперь предстояло искать новые пути к социализму.

20-е гг.: как строить социализм?

Политические дискуссии среди большевиков и их последующее взаимоуничтожение — хорошо исследованная тема. Однако в центре внимания исследователей находится «технология власти», по отношению к которой дискуссии идеологов большевизма играют вторичную роль. Среди современных авторов распространено стремление разглядеть сущность большевизма помимо его идеологического содержания, отмежевать компартию 20-х гг. от «идеологической архаики прошлого века, унаследованной от марксизма»¹²⁶, приписав партии Ленина «реальную историческую миссию», которая в духе либерально-державной идеологии сводится к индустриальной модернизации.

Попытка игнорировать идеологию участников исторических событий существенно обедняет историческую картину. «Отмежевав» партию большевиков от «святоотеческих первооснов коммунистической идеологии XIX века»¹²⁷,

С.А.Павлюченков может без должного внимания относиться к идеологическим моделям лидеров большевизма, вольно сводя мотивы их действий к дележу «пирога власти», «позитивному государственному поведению», «архаичным» стереотипам поведения и чему-то совсем мистическому вроде «воплощенного и обузданного русско-еврейского духа революции, который постоянно потрясал своими окровавленными...»¹²⁸. На фоне подобных публицистических упражнений модернизация представляется неким фатальным прогрессивным процессом, очищающим политическую сцену от «духов революции», не вписывающихся в «государственную миссию».

Правда, без анализа марксистской «архаики» остается непонятным, почему именно коммунистический режим, а не изначально централизованная Российская империя, справился с задачей модернизации. Публицистические ссылки С.А.Павлюченкова на то, что империя обросла «самоценной ржавчиной» и сословными предрассудками, мало что объясняют, так как коммунистический режим так же быстро оброс паразитической социальной «ржавчиной» и сословностью.

Между тем марксизм хотя и предполагает модернизацию, не сводится к ней. Индустриальная реорганизация не самоцель для него. СССР не стал просто индустриальным обществом именно в силу стремления марксистов к преодолению социальных противоречий. Этим советская модель качественно отличается как от других моделей индустриального общества, так и от абсолютизма Российской империи. Речь шла не просто о государственной централизации, и не просто о модернизации, а о создании еще невиданного общества с максимально централизованным обществом и максимально снятыми социальными противоречиями. Этот социальный эксперимент производился не ради логических построений, а ради преодоления кризиса спонтанно развивающегося капитализма — вполне реального тупика либеральной модернизации начала XX в.

Идеал социалистического и коммунистического общества предполагает преодоление классовых различий, централизованное регулирование хозяйства, равенство социальных возможностей. При всей проблематичности достижения этого идеала, XX в. продемонстрировал движение в эту сторону от либерального идеала, господствовавшего в начале столетия. И советский государственный «социализм», и западные модели «государственно-монополистического

капитализма» привели к возникновению «социального государства» — системы перераспределения ресурсов и централизованного регулирования экономики, которые обеспечивают заметное смягчение социального расслоения. Без этого эффекта «социального государства» индустриальная модернизация теряет человеческий смысл и может обосновываться только военно-политическими амбициями. В борьбе 20-х гг. военно-политические (державные) и социальные (вытекающие из социалистической идеологии) мотивы играли равноправную роль. Первые были не более «рациональны», чем вторые, и без внимания к идеологическим корням большевизма понять его роль в XX в. невозможно.

Марксистские исследователи, напротив, уделяют особое внимание соответствию позиций «спорщиков» 20-х гг. марксистским догматам¹²⁹. Сегодня вопрос о соответствии взглядов Зиновьева, Бухарина, Сталина и Троцкого утверждениям Маркса и Ленина уже не служит основанием для оценки того или иного идейного утверждения. Однако идеологические разногласия — ключевая тема для понимания нараставших противоречий среди учеников и продолжателей дела Ленина. От исхода их споров зависело направление развития страны, и от реакции страны на действия коммунистических лидеров зависел исход их споров. При всей важности технологии фракционной борьбы, личных амбиций и конфликтов, мы сосредоточимся на другом — на выделении в единой идеологической школе ленинизма течений с различными стратегиями преобразования общества.

Сила марксизма, а в его рамках — и ленинизма заключалась в синтезе политической организации и теоретической школы. Лидеры большевистской партии руководствовались долгосрочной стратегией и социальными принципами, имевшими научно-логическое обоснование. Наряду с очевидными преимуществами это имело и важный недостаток — дискуссии могли привести к расколу политической организации. Между тем приход большевиков к власти поставил перед ними множество новых вопросов, на которые у социал-демократов до 1917 г. не было ясных ответов. Политические решения принимались большевиками в условиях постоянного мозгового штурма. Дискуссии были легальным инструментом не столько согласования интересов (наличие отдельных интересов в большевистской партии отрицалось), сколько поиска оптимального решения практических проблем с помощью «единственно верной» марксистской методологии. Наличие «научного

руководителя», верховного авторитета именно в области методологии — Ленина — позволяло быстро определяться с решением, которое признавалось в итоге верным. Исчезновение такого авторитета разрушало механизм, смягчавший столкновение интересов и мнений, неизбежно усиливавшееся в условиях укрепившейся в 1922 г. монополии коммунистов на власть. Они становились не только субъектом политики, но и объектом социального давления — только через структуру нового режима можно было теперь лоббировать интересы разных слоев общества.

Это давление делало распад школы неизбежным и в случае сохранения Ленина в качестве верховного авторитета либо быстрой замены его на другой авторитет, готовый ленински мириться с некоторым плюрализмом в партии, например на Троцкого. Поставив перед страной задачи беспрецедентной модернизации, коммунистическая партия должна была решать теоретические проблемы, принципиально не решаемые в рамках большевистской идеологии. А их практическое значение возрастало по мере попыток приблизиться к социализму.

Ученикам Ленина казалось, что «единственно научная» методология позволит решать любые задачи, но научная дискуссия требует времени и рациональности даже тогда, когда под угрозой оказываются догматы. Однако политика требует быстроты решения, а к относительно общим догматам марксизма вскоре добавились более узкие рамки ленинизма. Это сковывало анализ ситуации, делало идеологическую картину все более искусственной и жесткой. Однако это не значит, что она не была связана с реальностью, которая властно вторгалась в «виртуальный» мир коммунистов с нескольких направлений: устойчивость НЭПа и возможность накопления в интересах индустриализации, рост влияния чиновничества и недостаточность культурного уровня населения, внешнее давление и реакция населения на мероприятия власти. Какое бы решение не принималось для преодоления очередного кризиса, победа редко была полной, и всегда оставались недовольные, продолжавшие спорить. А оппозиция в партии, обладающей монополией на власть — это проводник социальных интересов, которые не совпадают с линией руководящего ядра партии. Неизбежность ошибок, издержек решения дает оппозиции дополнительную социальную опору среди недовольных и убийственную аргументацию. Это ведет к политическому

плюрализму, который исключает предусмотренный марксизмом централизм.

Победа марксистской идеологии государственного социализма давала России шанс воспользоваться методом максимальной централизации ресурсов, максимального отчуждения ресурсов у общества ради индустриальной модернизации и создания социального государства. Такое отчуждение было несовместимо с целями, которые ставили перед социализмом его теоретики в XIX в. — отказ от деления на классы. Даже «социальное государство» качественно отличается от любой социалистической модели. Конфликт между социалистическими ценностями и задачами индустриальной модернизации терзал идеологическую совесть коммунистов, способствовал разделению партии на фракции.

Безусловной аксиомой для Ленина и его последователей был пролетарский характер большевизма как такового. Сам теоретик (Ленин и каждый из его последователей в отдельности) считал себя выразителем воли пролетариата, а своих противников — выразителями уклона от этой пролетарской позиции в сторону капитализма. Поскольку доказать капиталистический характер «неправильных» социалистических идей было бы затруднительно, то со времен Маркса было принято определять характер идеологических «ересей» как мелкобуржуазный.

Неспособность четко осознать собственное место в социальной структуре препятствовала выработке реалистичной стратегии преобразований. Тем не менее, Ленин сделал в этом направлении все, что мог, чему способствовала и его болезнь — способность отстраниться от текущей социальной роли и снова стать не только практиком, но и теоретиком.

Он начал осознавать, что результатом революции стало господство не пролетариата и даже не большевистской верхушки, а бюрократии, едва сдерживаемой тонким слоем руководителей. В этом тонком слое каждый человек приобретал для марксиста значение выразителя общественного явления. Сталин, с которым у Ленина нарастал и личный, и политический конфликт, является для него вождем аппарата и его типичным представителем. Ленин с ужасом обнаруживает, что «наш аппарат, в сущности унаследован от старого режима» «и только чуть-чуть подмазан советским миром»¹³⁰. А ведь это аппарат власти, господствующий в стране. Лидеры

коммунистов говорят и действуют от имени рабочего класса: «тов. Каменев во всех чиновниках, назначенных из Москвы самым бюрократическим образом, видит пролетариат»,¹³¹ — иронизировал оппозиционный коммунист Г.Мясников над идеологией правящей верхушки. Ленин также считает, что советское государство выражает волю рабочих и отчасти крестьян, а партия — сущностные интересы рабочего класса.

Социальный характер большевизма остается спорным до сих пор. Исследователи обращают внимание на такие факторы, как быстрый рост маргинальных слоев (в том числе солдатской массы, оторванной от социальных корней старого общества многолетней войной), а также на роль радикальной интеллигенции, увлеченной технократическим мировоззрением и стремящейся превратиться в технократическую элиту, осуществляющую рациональное преобразование общества. Это явление, типичное для стран Запада первой половины XX века, приняло в России крайние формы. Большевизм можно охарактеризовать как синтез радикально-технократической интеллигенции и маргинальных слоев, стремящихся к восстановлению своей социализации. Не случайно в большевистских документах наряду с «пролетариатом» в положительном контексте употребляется «плебейство» (чтобы не употреблять негативно окрашенный марксистский термин «люмпен-пролетариат»). Во всяком случае, реальный большевизм был социально гетерогенен, что не способствовало монолитности коммунистической партии.

В 1923—1924 гг. была введена система номенклатуры — списки должностей, на которые назначаются люди, утвержденные высшестоящими партийными органами. Постепенно клеточки чиновничьей структуры заполняют новые люди. Они наберутся опыта. Но сами клеточки, несмотря на все перестановки, останутся старыми. Унаследованными от российской империи.

Обсуждая характер общественного строя, сложившегося в СССР, М.Джилас назвал господствующий при «социализме» слой «новым классом». Согласимся с Лениным — это был старый класс, унаследованный от царской России и «чуть-чуть подмазанный советским миром». Этот господствующий класс стар как цивилизация, это — бюрократия или, шире, этакратия (от слова «государство»), в которую входит и консервативная бюрократия, и динамичная техно-

кратия. Но при социализме господствующего класса не должно быть по определению. Иначе это не социализм. Большевики строили не социализм, а этакратическое индустриальное общество, тотальное господство класса бюрократии над обществом и природой.

Высшей властью в ЦК пользуется Политбюро, то есть узкая группа партийных вождей, которые одни и знают, в чем состоят стратегические интересы рабочего класса. Впрочем, как следует из последних работ Ленина, понимание задач, которые стоят перед партией, у коммунистов было очень смутным. В самом общем виде эти цели определялись марксизмом как социализм — общество без классов и государства. Марксистско-ленинская идея социализма предусматривала в качестве перехода к зрелому коммунистическому обществу создание сверхцентрализованного индустриального общества, в котором не остается места для частных интересов. Пролетарский характер таких целей вызывает сомнения. Этот идеал скорее является технократическим. Если аппарат власти, чиновничество, бюрократия, будут плохо исполнять распоряжения правящей технократической олигархии, то режим окончательно станет консервативно-бюрократическим. Произойдет сращивание бюрократии с буржуазией, революционные цели будут забыты, а сами революционеры устранены, как это произошло в термидоре 1794 г. с якобинцами. «Термидор» — символ перерождения революции — стал страшным призраком большевизма. Но здесь большевистские теоретики остаются во власти одномерной социальной картины, в которой движение возможно лишь в одном направлении вперед (к коммунизму) или назад (к буржуазной реакции), и возникновение какого-то третьего общества (этакратического) невозможно.

Прочитав последние письма и статьи Ленина, французский историк Э. Карер д'Анкосс пришла к выводу: «Ленин, так прекрасно видящий пороки, не смог предложить лекарств от них, которые выходили бы за очерченные им рамки»¹³². Между тем тексты статей Ленина свидетельствуют о прямо обратном. Смутно очертив «пороки», опасность, связанную с бюрократизацией, Ленин тут же принялся разрабатывать лекарства. Часть предложений Ленина носит административно-бюрократический характер и потому заведомо неэффективна в борьбе с «бюрократизмом». Но другая часть связана с проблемой культуры, значение которой выходит далеко за рамки классовой схемы Ленина.

Чтобы страна развивалась в направлении, указанном стратегами большевизма, аппарат должен быть более эффективным и исполнительным. Руководство большевистского центра, вооруженного «единственно научной теорией», должно было дать куда более успешные результаты, чем те, которые имелись к 1922 г.

Существовали важные нюансы в подходах к этой проблеме. Ленин видит причины того, что дела идут вкривь и вкось, в недостатке культурных и исполнительских качеств чиновников. Сталин — только исполнительских. Рост общекультурного уровня человека ведет к склонности «рассуждать», что видно по поведению более культурной части большевистской элиты, с которой привык работать Ленин. Для Сталина четкое исполнение требований центра — требование момента, ключевая ведомственная задача возглавляемой им структуры. Но постепенно она вырастает в стратегию, внутренне логичную позицию. Если носителем стратегии является большевистский центр, то исполнение его указаний должно быть беспрекословным, без демократического обсуждения и привнесения новаций «снизу». Для Ленина и Троцкого, воспитанных на спорах о демократической составляющей социализма, было важно, чтобы исполнители хотя бы понимали исходящие свыше сигналы, а для этого — чтобы существовала культура обсуждения этих решений среди тех, кто проводит решения в жизнь, среди большевиков.

Проблема кадров, таким образом, оказывается ключевой и заставляет Ленина вернуться к теме культурных предпосылок социализма, от которой он «отмахнулся» в 1917 г.

Если грамотных кадров не хватает даже для государственного аппарата, то где найти их для совершенствования промышленности и культурного ведения сельского хозяйства? Ознакомившись со статистикой образования, Ленин печально констатирует: «даже с буржуазной культурой дела у нас обстоят очень слабо»¹³³. В качестве лекарства Ленин предлагает лучше оплачивать учителей, оказывать шефскую помощь селу со стороны горожан (хотя уровень культуры рабочих также был крайне низок, и крестьяне часто могли дать рабочим фору).

Ленинские планы грандиозней царских, даже петровских. Из аграрной страны он надеется создать индустриальную державу, да еще управляемую по единому плану. Уже создан планирующий орган — Госплан. Он состоит из чиновников и экспертов-спецов. Троцкий предлагал придать Госплану

законодательные функции, чтобы разработанные им планы имели силу закона. Ленин категорически возражал. Дело в том, что «подавляющее большинство ученых, из которых, естественно, составляется Госплан, по неизбежности заражено буржуазными взглядами и буржуазными предрассудками». ¹³⁴ Почему? Потому что ученые в большинстве своем не разделяют большевистской идеологии, видят ее многочисленные недостатки.

С таким объяснением Ленин, конечно, не был согласен. Буржуазия «подкупала» интеллигенцию. А сейчас ее «подкупает» рабочий класс, но сознание меняется медленно. Многие спецы состояли в антибольшевистских партиях кадетов, эсеров и меньшевиков (две последние — социалистические, то есть не буржуазные, а, как считали большевики — мелкобуржуазные). Они выступали за демократический социализм. Партии эти организационно разгромлены, но интеллигенция не торопится менять свои взгляды, в том числе и политические. Спецы оказывают давление на большевистских чиновников, пользуясь перевесом в знаниях.

«Солью на раны» для Ленина стала книга меньшевика Н.Суханова «Записки о революции». Суханов напомнил, что меньшевики с самого начала предупреждали: в России еще не вызрели предпосылки для создания социализма — экономически передового, демократического, бесклассового строя. Уровень цивилизованности пока не тот. В статье «О нашей революции (по поводу записок Суханова)» Ленин возражает: «Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?» ¹³⁵ Изгнание старой элиты не является предпосылками цивилизованности — ведь эти люди являются носителями накопленного потенциала культуры. Вместе с помещиками и капиталистами уехали или были сознательно высланы из страны тысячи ведущих деятелей культуры. Ленин надеется, что, завоевав власть, можно затем форсировать культурное развитие с помощью государственных рычагов. Он объявляет работу в области культуры приоритетом внутренней политики.

Социально-экономическое содержание этой проблемы рассматривается Лениным в статье «О кооперации». Основной ленинской стратегии движения к социализму является НЭП — сочетание рыночных отношений с государственным регулированием при огосударствлении промышленности.

Но рыночная стихия в крестьянской среде приводит к постоянному выделению и усилению сельской буржуазии, которая смыкается с городским частником и спецами, составляя конкуренцию неповоротливой, «никуда не годной» советской бюрократии.

Нужно, чтобы крестьянин не превращался в сельского буржуа, а шел к социализму, причем сам, снизу, без принуждения. Чтобы решить эту задачу, Ленин возвращается к народнической идее сочетания частного и общественного интереса в самоуправляющейся организации — кооперативе. Но кооператор должен быть цивилизованным, культурным, иначе кооперация опять превратится в формальную бюрократическую структуру. Поэтому Ленин увязывает воедино две задачи: «задачу переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится» и задачу «культурной работы для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическую цель, преследует именно кооперирование»¹³⁶. Культурно хозяйствовать крестьяне научатся именно в кооперации. Этот процесс должен быть добровольным и органичным — хозяйственную цивилизованность нельзя насадить. На это уйдет целая эпоха.

Поворот к культуре и кооперативному самоуправлению означал отказ от прежнего большевизма, игнорирующего культурный уровень страны и социалистический характер крестьянского самоуправления. Ленин признал «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»¹³⁷. Он даже дал новое определение социализма: «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией»¹³⁸. Ленин не отказывается от индустриальной основы социализма и его мирового характера, хотя и выстраивает их по-новому. В работе «Лучше меньше, да лучше» он ставит задачу индустриального строительства на первый план по сравнению с мировой революцией, когда «продержаться» до мировой революции удастся уже не как мелкокрестьянской стране (то есть, с точки зрения марксизма — не готовой к социализму), а стране «на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии»¹³⁹. Если мировая революция не позволяет построить современную индустрию (с точки зрения марксизма — неизбежный спутник социализма), опираясь на возможности социалистического Запада, то нужно строить эту важнейшую предпосылку социализма своими силами, сделать то, что не

сумел сделать социализм. Таким образом, капиталистическая задача строительства индустриального общества стала считаться важнейшей социалистической задачей, а затем создание государственной промышленности стало отождествляться с созданием социализма. Эта логическая подмена знаменовала отход коммунистического движения от социализма в изначальном значении слова.

В то же время новая стратегия Ленина делала и шаг навстречу другим социалистическим течениям. Теперь движение к социализму приобретало эволюционный характер, что сближало большевизм с проклинаемым им социал-демократическим оппортунизмом. Отчасти это была идейная капитуляция перед народничеством и меньшевизмом. По мере роста рыночной культуры жителей они становились бы все менее управляемыми и все более самоуправляемыми. В этом содержалась угроза для партийно-государственной бюрократии. Но угроза эта легко устранялась — под партийным контролем кооперация превращалась в еще один «приводной ремень» от правящего центра к трудящимся, от промышленности к сельскому хозяйству. «Командные высоты» в России оставались в руках чиновничества. Перечислив такие факторы, как «власть государства на все крупные средства производства» (то есть управление их не капиталистической, а бюрократической элитой), «власть государства в руках пролетариата» (то есть в руках группы технократов, считающих себя вождями пролетарской партии), союз рабочего класса и крестьянства (то есть уступки правящей группы крестьянскому большинству страны), Ленин спрашивает: «разве это не все необходимое для построения социалистического общества?»¹⁴⁰ И отвечает на этот вопрос положительно.

Несмотря на некоторые уступки народничеству, Ленин остается марксистом. Государственные предприятия он называет предприятиями «последовательно-социалистического типа». Кооперация должна служить развитию индустриальной мощи государства, с которой и отождествляется социализм. Но государственная промышленность не упраздняет ни классового разделения, ни угнетения, ни отчуждения работника от средств производства.

Где взять средства на строительство промышленности? Экономя на аппарате, продумывая экономические решения и повышая их эффективность, «ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития

нашей крупной машинной индустрии...»¹⁴¹. А если экономичных средств не хватит? Ленин обходит этот вопрос, который вплотную встанет перед партией в середине 20-х гг. Выяснится, что не промышленность будет помогать крестьянству, а крестьянство через силу финансировать строительство промышленности. К этому неминуемо вела логика «государственного социализма», которую Ленин пытался смягчить элементами кооперативного социализма.

Демократия для своих

Подавив сопротивление крестьянства в гражданской войне, бюрократическая диктатура могла найти ресурсы для своих грандиозных планов только за счет этого крестьянства. В этом заключалась суть «построения социализма в одной стране», которую начал теоретически обосновывать Ленин.

Это исключало не просто демократию, но и политический плюрализм для крестьян, режим, поддерживающий такую стратегию, мог быть только авторитарным. Но полемика о демократии «для своих» продолжалась. Ее защитником был Троцкий. 5 декабря 1923 г. в Политбюро была согласована резолюция «О партийном строительстве» (с некоторыми поправками ее подтвердит XIII конференция партии), в которой говорилось: «Рабочая демократия означает свободу открытого обсуждения, свободу дискуссии, выборность руководящих должностных лиц и коллегий». Резолюция осуждала бюрократизм за то, что он «считает всякую критику проявлением фракционности»¹⁴².

Для Троцкого резолюция 5 декабря была победой, которую нужно было развивать. Он пишет развернутую статью «Новый курс», в которой излагает взгляды, получившие затем название троцкизма. Сам Троцкий неоднократно отрицал, что «троцкизм» существует. Себя Троцкий считал ленинцем. Но одно другому не мешает — также, как в рамках марксизма выделился ленинизм, так и в рамках ленинизма стали выделяться различные идейные течения, и троцкизм стал одним из них.

В своей статье Троцкий утверждает, что резолюцией 5 декабря партия провозгласила «Новый курс». Это уже интриговало читателя — не идет ли речь о новом НЭПе — уже политическом. «Новый курс, провозглашенный в резолюции ЦК, в том и состоит, что центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, ныне, при новом курсе, должен быть передвинут в сторону активнос-

ти, критической самодеятельности, самоуправления партии, как организованного авангарда пролетариата». Троцкий ставит задачу: «партия должна подчинить себе свой аппарат»¹⁴³. Автор подвергает бюрократизм резкой критике, развивая положения ленинских статей о связи бюрократизма и недостатка культуры масс, но неожиданно переносит эту проблему в плоскость взаимоотношения поколений: «Убивая самодеятельность, бюрократизм тем самым препятствует повышению общего уровня партии. И в этом его главная вина. Поскольку в партийный аппарат входят неизбежно более опытные и заслуженные товарищи, постольку бюрократизм аппарата тяжелее всего отзывается на идейно-политическом росте молодых поколений партии. Именно этим объясняется тот факт, что молодежь — вернейший барометр партии — резче всего реагирует на партийный бюрократизм»¹⁴⁴. Демократия — и средство превращения партии в культурный авангард (именно о культурном уровне идет речь), и возможность давления менее опытных, но более творческих кадров на более опытную, но и догматичную олигархию.

Противники Троцкого оценили именно вторую составляющую, увидели в этом попытку «развенчать старую гвардию и демагогически пощекотать молодежь для того, чтобы открыть и расширить щелочку между этими основными отрядами нашей партии»¹⁴⁵. Троцкий считал, что демократия ведет не к конфликтам, а к взаимодействию, культурному взаимопроникновению: «Только постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим, в рамках партийной демократии, может сохранить старую гвардию, как революционный фактор. Иначе старики могут окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма»¹⁴⁶. Получается, что не старики, впадающие в аппаратный бюрократизм, должны учить подрастающие кадры, а подрастающие кадры — стариков. Троцкий и сам выражал готовность учиться у молодежи. Коснувшись этой темы, Сталин намекнул Троцкому, что большевистская «старая гвардия» не относит его к своим рядам: «Троцкий, как видно из его письма, причисляет себя к старой гвардии большевиков, проявляя тем самым готовность принять на себя те возможные обвинения, которые могут пасть на голову старой гвардии, если она в самом деле встает на путь перерождения... Но я должен защитить Троцкого от Троцкого, ибо он, по понятным причинам, не может и не должен нести ответственность за возможное перерождение основных

кадров старой большевистской гвардии»¹⁴⁷. «Понятные причины» — это то обстоятельство, что Троцкий вступил в партию большевиков в 1917 г. Массам, привыкшим видеть в Троцком одного из вождей большевистской революции, было неведомо, что он долго боролся с ленинским диктаторством, был меньшевиком. Так возникла опасная для Троцкого тема его меньшевистского прошлого. Отвечая на эти обвинения, Троцкий пишет в своей брошюре, вышедшей накануне январской партконференции 1924 г.: «я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути. Я шел к Ленину с боями, но я пришел к нему полностью и целиком»¹⁴⁸.

Покушение на партийный аппарат, на его власть и стабильность, было недопустимо для большинства Политбюро. Оно восприняло это как «лозунг ломки аппарата»¹⁴⁹. Массы рабочих и молодежи, заполняющие партийно-государственные кабинеты, вытесняющие оттуда чиновников, пусть эгоистичных, но хоть как-то научившихся работать. Кошмар дезорганизации. Но проблема собственных социальных интересов аппарата, поставленная в партии большевиков Лениным, развернутая Троцким, и после поражения оппозиции висела над вождями дамокловым мечом. Потом ее придется решать Сталину. Все стратеги коммунистического движения сталкивались с этой проблемой. Они либо пытались бороться с бюрократическим классом, как Ленин, Троцкий, а затем и Сталин, либо подстраивались под него, как Брежнев. Но в рамках государственного социализма с его экономическим централизмом и политической авторитарностью, влияние самостоятельных социальных интересов бюрократии доминировало неизбежно — несмотря на идеологические схемы и кровавый террор.

Подготовленных кадров не хватает. Троцкий предлагает выдвигать новичков снизу, как носителей мнения масс. Сталин считает необходимым подбирать их сверху, при условии лояльности руководящей группе, постепенно обучать административно-управленческому делу. Только так можно оградить руководящее ядро от «заражения мелкобуржуазной стихией», то есть интересами различных слоев общества, чуждыми большевистской стратегии. Иначе — отклонение от пути строительства коммунизма. Троцкий считает, что такое перерождение будет возможно при условии нарастания влияния частного капитала, его «смычки» с крестьянством и оторвавшейся от пролетариата частью аппарата. Это — ос-

нова для «термидора». В этом — опасность НЭПа и бюрократизации. Поэтому Троцкий выступает одновременно за рост внутрипартийной демократии и усиление давления на рыночную стихию, против экономической и политической демократии вне партии. Но он не предлагает конкретных механизмов внутрипартийной демократии, кроме некоторой свободы группировок. Сталин отстаивает принципиально иной взгляд на демократию: «Самая большая опасность, — говорит Троцкий, — заключается в бюрократизации партийного аппарата. Это тоже неверно. Опасность состоит не в этом, а в возможности реального отрыва партии от беспартийных масс»¹⁵⁰. Даже бюрократическая партия, если она проводит политику в интересах рабочего класса (Сталин не говорит здесь о крестьянстве, но явно имеет его в виду), может существовать и развиваться. А демократически организованная партия, потерявшая связь с классом — нет. Политической идеей Сталина и его союзников становится просвещенный авторитаризм партийной олигархии. Альтернатива Троцкого — просвещающийся в демократической полемике широкий партийный авангард общества. Но и этот авангард претендует на авторитарное господство. Суть разногласий, таким образом, не в отношениях власти и общества, а в отношениях внутри правящего слоя. Никакого гражданского общества, поглощения обществом власти (как можно трактовать некоторые высказывания Маркса) не предусматривается. Власть, выработав так или иначе свою стратегию, преобразует общество, а не наоборот. Власть в большевистской доктрине 20-х гг. является субъектом, а общество — объектом. В реальности же социум продолжал воздействовать на систему власти в разных направлениях, способствуя росту разногласий среди большевиков.

14 декабря 1923 г. была официально объявлена дискуссия, с разгромными статьями против Троцкого и его союзников выступили Сталин, Бухарин, Каменев, Зиновьев и другие авторы. Против Троцкого сплотились разнородные социально-политические силы. Во-первых, это были и последовательные сторонники расширения рыночных отношений на основе НЭПа, впоследствии известные как «правые». Через правых свои интересы отстаивали и рабочие, выступавшие в защиту своих интересов против технократической интенсификации труда, и технократы-«спецы», отстаивающие рациональные методы выработки планов модернизации, надеявшиеся на постепенное, возвращение большевизма к

эволюционному пути через капитализм в сторону социализма (их влиянию были подвержены такие руководители, как Рыков и Дзержинский), и крестьяне, апеллировавшие к «все-союзному старосте» Калинину и в прессу, и часть армии, связанная с крестьянскими массами. Неорганизованный и противоречивый характер этого воздействия способствовал размытости установок «правых». Для небольшевистских масс революционные идеи Троцкого грозили новыми потрясениями, от которых страна устала. Бухарин был настроен против Троцкого как идеолог против идеолога — их стратегия развития НЭПа была действительно различной, что станет очевидно позднее. Во-вторых, члены «триумvirата» (Зиновьев, Каменев и Сталин) не любили Троцкого лично, как выскочку, пришедшего в партию «на готовенькое», а теперь претендующего на роль ее стратега и лидера, на развитие идей их учителя Ленина. Руководителей партии раздражало стремление оппозиционеров рассуждать о стратегии, критиковать курс, вместо того, чтобы выполнить порученное дело. Они были хранителями традиций старого большевизма.

Против Троцкого было настроено большинство большевистской бюрократии, опасавшейся его стремления «обновить» кадры и ограничить власть «назначенцев» с помощью выборов руководителей «некомпетентной массой». Зато лозунги Троцкого пользовались популярностью среди коммунистической интеллигенции, студентов, военных, некоторой части беднейших слоев населения, которая успела вникнуть в ход дискуссии. Конечно, это социальное разделение не было жестким. Троцкого поддерживала часть спецов, увлеченная его демократической риторикой и защитой эффективного планирования хозяйства. Против Троцкого выступали и молодые коммунистические кадры, и военные. Много определялось и личными взглядами человека, его склонностью к спорам (у многих сам факт дискуссии вызывал раздражение), лояльностью к власти, карьеризмом, прошлым: с кем вместе служили во время гражданской войны, кто кого обидел, а кого продвинул на высокий пост.

Итоги дискуссии с Троцким были подведены на XIII партконференции 16—18 января 1924 г. С докладом выступил Сталин. «Большевизм не может принять противопоставления партии партийному аппарату»¹⁵¹, — воздвигает Сталин пограничный столб, отделяющий сталинизм от троцкизма. Аппарат — это не бюрократия, а лучшие люди партии, ее выборные органы. Чиновничество теперь будет прятаться за выборными орга-

нами, подбирая их состав. А воля выборных органов будет определяться большинством Политбюро. Оно выпускает документы от имени ЦК партии. И если Троцкий не согласен с большинством партийной олигархии, он действует против ЦК, против партии. Иная точка зрения, по мнению Сталина — это «бесшабашный анархо-меньшевистский взгляд». Нет, Троцкого еще нельзя «ставить на одну доску с меньшевиками». Пока. Но Сталин напоминает, что Троцкий вчера еще боролся «с большевизмом рука об руку с оппортунистами и меньшевиками»¹⁵². Так что не ему учить большевистскую гвардию. Сталин вопрошал зал: «существует ли ЦК, единогласные решения которого уважаются членами этого ЦК, или существует лишь сверхчеловек, стоящий над ЦК, сверхчеловек, которому законы не писаны... Нельзя проводить две дисциплины: одну для рабочих, а другую — для вельмож»¹⁵³. По Сталину Троцкий — не борец за демократию, а кандидат в сверхчеловеки, раскольник и нарушитель партийной дисциплины.

Не бюрократизация, а фракционность, раскольничество — главная опасность. Троцкий выводит фракционные споры из произвола партийного аппарата, который не позволяет разногласиям свободно разрешаться. Сталин возражает: «Это немарксистский подход, товарищи. Группировки у нас возникают и будут возникать потому, что мы имеем в стране наличие самых разнообразных форм хозяйства...» В стране есть и капитализм, и государственное хозяйство, в партии состоят представители разных социальных слоев. «Вот причины, если подойти к вопросу марксистски, причины, вытягивающие из партии известные элементы для создания группировок, которые мы должны иногда хирургическим путем обрезать, а иногда в порядке дискуссии рассасывать идейным путем»¹⁵⁴. Сталинский взгляд на эту проблему был глубже и страшнее троцкистского. Партия, обладающая монополией на власть, подвергается давлению со стороны разных социальных групп. И она не должна поддаваться этому давлению. Она должна быть «монолитной организацией, высеченной из единого куска»¹⁵⁵, чтобы ликвидировать противоречия, существующие в обществе, и само общество превратить в коммунистический монолит. Проводниками чуждых влияний являются группировки. Разногласия, возникающие на почве любых идейных споров — это основа для растаскивания партии в разные стороны. Конечно, лучше товарищей убедить. Но если они упорствуют — хирургический путь, отсечение сначала от руководства, а потом и от партии.

Для большевиков этот сталинский подход был в диковинку. При Ленине они привыкли спорить. Ленин, который был остроумным полемистом и теоретически возвышался над своей «старой гвардией», создал в партии традицию споров, которые заканчивались его, Ленина, решением. Это позволяло ему лучше контролировать ситуацию, выяснять мотивы недовольства, давало возможность соратникам генерировать идеи. То, что не принимал Ленин, не принимали и партийные съезды. Партийное единство сохранялось. Но инакомыслящих не наказывали, они не боялись споров. Ленин был готов «топнуть ногой», в решающие моменты запретить группировки, но при дефиците преданных большевизму кадров он не разбрасывался ими.

Теперь, без Ленина, такого «верховного судьи» у партии не было. Зато в партию начался приток карьеристов, которые могли выполнять бюрократические функции и заменять идейных большевиков. Подчинение становилось большей добродетелью, чем генерирование идей. Новые идеи могли стать источником долгосрочных разногласий — вожди не могли убедить друг друга и не считали, что кто-то имеет право на последнее слово. «Воля партии», выраженная съездами и конференциями, была фальсифицирована аппаратом, и поэтому заставляла оппозиционеров подчиняться только формально, не убеждая их. В этих условиях требовался иной партийный режим. Вместо многообразия мнений в рамках большевистской доктрины — монолит.

Для руководящей работы не годятся творческие люди, которые привыкли спорить, для кого обновление идей — стиль жизни. Победа Троцкого в 1923 г. означала бы сохранение ленинского режима в партии хотя бы потому, что он был склонен к обновлению идей и любил полемику. Но эти порядки в партии не соответствовали характеру бюрократического режима, который создали большевики в стране. Ленинский режим был неустойчив из-за противоречия между режимом в партии и в стране. Сталин с его стремлением к организованности и монолитности придавал системе должную органичность. Но привыкшие к дискуссиям с Лениным большевики не признавали право Сталина менять режим, они понимали полезность дискуссий, в то время как генсек понимал их опасность для диктатуры в новых условиях. Понимал он и опасность лично для себя, потому что его сила (как и сила компартии, как и предполагавшаяся сила коммуниз-

ма) была в централизованной организации, а не в полемических упражнениях.

При этом сила Сталина была в монолитности его мировоззрения. «Гениальность» Ленина предполагала однозначность его догматов. Будучи большевиками, оппозиционеры тоже признавали эту гениальность. И Сталин задавал вечным спорщикам убийственный вопрос: «почему Преображенский не только в период Брестского мира, но и впоследствии, в период профдискуссии, оказался в лагере противников гениальнейшего Ленина? Случайно ли все это? Нет ли тут некоторой закономерности?» Преображенский с места крикнул: «Своим умом пытался работать». Ах, так. Сталинский ответ полон сарказма: «Это очень похвально, Преображенский, что вы своим умом хотели работать. Но глядите, что получается: по брестскому вопросу работали вы своим умом, и промахнулись; потом при дискуссии о профсоюзах опять работали своим умом и опять промахнулись; теперь я не знаю, своим ли вы умом работаете, или чужим, но ведь опять промахнулись будто»¹⁵⁶. Смех в зале. Партийные делегаты смеялись над Преображенским, который работал своим умом, а не умом вождей. И поделом. Потому что большевики-оппозиционеры всегда по завершении дискуссии признавали правоту Ленина, даже в тех случаях, когда не были в ней уверены.

В первой половине 20-х гг. Сталин еще не планировал уничтожать участников партийных группировок, но уже пришел к выводу о неисправимости их лидеров. Раз поведение оппозиционеров закономерно, на них уже нельзя положиться, и они должны быть отсечены от руководства и трудоустроены где-то в среднем звене управления, как спецы. А партийное руководство должно состоять из тех, кто подчиняется быстро согласовываемым решениям. «Руководящее ядро» должно быть монолитным. Это был сталинский новый курс.

Социализм в одной стране?

В мае 1924 г. Сталин выпустил брошюру «Об основах ленинизма», в которой утверждал: «Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, — для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран»¹⁵⁷. Но вскоре, обратив внимание на ленинские слова в статье

«О кооперации», Сталин понял, что можно выступить с более смелым взглядом на социализм, чем даже Троцкий, и при этом по-прежнему заниматься хозяйственной организационной работой, а не рискованными революционными действиями в Западной Европе. В декабре 1924 г., под аккомпанемент очередного обстрела Троцкого коммунистическими теоретиками, Сталин выпустил работу «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», в которой утверждал, что еще до падения империализма в мире возникнут «очаги социализма»¹⁵⁸. Цитируя Ленина, Сталин и Бухарин утверждали, что в СССР можно построить социализм, даже если развитые страны не станут социалистическими. Но только во время апрельской конференции 1925 г. эта идею примет большинство ЦК.

«Критики сталинской доктрины явно и неявно изображались как робкие, слабохарактерные люди, с подозрительностью относящиеся к русскому народу, не верящие в его способности и в силу его духа»,¹⁵⁹ — считает историк Э.Карр. Троцкого и его сторонников тревожило, что «осажденная крепость», которую представлял из себя СССР в окружении капиталистических стран, сохранялась на многие годы. Именно она должна была стать основой социализма. Такой социализм неизбежно был бы искажен дополнительной авторитарностью «осажденной крепости», пронизан культурным наследием царской России. И главное — сохранялось технологическое превосходство империализма и зависимость рыночной экономики НЭПа от мирового капиталистического рынка. Будет ли построенное в итоге общество социализмом, то есть обществом без классов и эксплуатации, превосходящее по экономическим показателям передовые капиталистические страны?

В 1905 г. Троцкий «обогнал» марксистскую мысль того времени, сделав вывод о возможности начать социалистическую революцию в отсталой стране, где только что началась буржуазная революция. В 1922 г. Троцкий напомнил об этом открытии «перманентной революции»: «Мудреное название это выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат... Для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не

только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения... с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти»¹⁶⁰. Троцкий был горд, что так и вышло, и даже Ленин, хоть и не сразу, а в 1917 г., фактически согласился с идеей «перманентной революции», не взяв лишь название и прикрывая столкновение с крестьянством речами о союзе с ним. Троцкий был первым, кто сказал, что пролетарскую революцию можно начать в России раньше, чем в Европе, что можно начать строительство социализма. Теоретик, оказавшийся правым в споре с самим Лениным — это ли не первый кандидат в стратеги партии. А теперь Троцкому ставят в вину его разногласия с Лениным те самые люди, которые на первых порах выступали против перерастания буржуазной революции в социалистическую (Сталин, Каменев) и даже против проведения самого Октябрьского переворота 1917 г. (Каменев и Зиновьев). Более того, противники Троцкого, опираясь на несколько фраз Ленина, теперь делают еще более смелый шаг, чем сам Троцкий — движение к социализму в России можно не только начать, но и закончить раньше, чем в остальном мире.

Кто они такие, чтобы учить его марксизму? Троцкий, уставший от напоминаний о его меньшевизме, решает напомнить партии о прошлом своих гонителей. Истинной проверкой революционеру является не лояльность вождю, а сама революция. Самое важное — кто как вел себя в Октябре 1917 г.

В это время как раз выходил в свет очередной том сочинений Троцкого, в котором были собраны его статьи 1917 г. В предисловии к этому тому «Уроки Октября» он изложил свой взгляд на события Октябрьского переворота. Троцкий не стал лакировать историю событий, цинично изложив механизм заговора так, как он ему виделся. Это был хороший повод и для того, чтобы напомнить партии предысторию революции, которая стала превращаться в оружие партийной борьбы.

В «Уроках Октября» организатор Октябрьского переворота напомнил о том, что так гордящиеся своим большевизмом и ленинизмом Каменев и Зиновьев были против свержения временного правительства. В решающий момент лидеры «старой гвардии», «чудовищно недооценивая силы революции»,¹⁶¹ повели себя как меньшевики, а бывший меньшевик Троцкий (в тот момент председатель Петросовета) сыграл в организации переворота даже большую роль,

чем сам Ленин. Напоминая своим противникам об их неблагоприятном (с большевистской точки зрения) прошлом, Троцкий пытался принудить их прекратить поток обвинений против него самого в былом меньшевизме: «изучение разногласий ни в каком случае не может и не должно рассматриваться как направленное против тех товарищей, которые проводили ложную политику»¹⁶². Но он добился обратного эффекта.

Репутация Зиновьева и Каменева была серьезно подорвана. Члены «руководящего коллектива» были возмущены ходом Троцкого. Хотя первыми к теме прошлого стали обращаться противники Троцкого, таких резких разоблачений они не допускали. Теперь против Троцкого был выброшен весь возможный компромат, в дело пошли архивы Ленина, которые как раз разбирал Каменев при подготовке собрания сочинений вождя. Были опубликованы письма Ленина и Троцкого с оскорблениями друг друга в период их вражды в 1912—1916 гг. В них Ленин называл Троцкого «иудушкой», а Троцкий Ленина — профессиональным эксплуататором отсталости в рабочем движении.

В этой «литературной» дискуссии противники Троцкого решили воспользоваться случаем, чтобы скомпрометировать его именно как теоретика, доказав, что троцкизм является течением, враждебным ленинизму.

Откуда недоверие к лидерам большевизма, их дискредитация, которой занялся бывший меньшевик Троцкий? Сталин выводит из его меньшевистских корней терпимость к разногласиям, противостоящую искомой монолитности: «Троцкизм есть недоверие к большевистской партийности, к ее монолитности... Троцкизм в области организационной есть теория сожительства революционеров и оппортунистов, их группировок и группировочек в недрах единой партии»¹⁶³.

Понимая, что организационный перевес на стороне его противников, Троцкий не отвечал, хотя и готовил материалы для ответа. Троцкий отмежевывается от «нескромного» утверждения, что «будто Ленин или большевистская партия пришли к «моей» формуле революции, убедившись в ошибочности собственной формулы»¹⁶⁴. Но его противники не желали останавливаться на признании «сходства» идей Троцкого и Ленина, они доказывали их принципиальное различие. В резолюции пленума ЦК, завершившего эту дискуссию, «перманентная революция» была охарактеризована как «стремление перескочить через крестьянство»¹⁶⁵. Неверие

Троцкого в идеологическое прикрытие, которое использовал Ленин в борьбе против крестьян в период военного коммунизма, было использовано старыми большевиками, чтобы представить «перманентную революцию» антибольшевистской теорией. Сокрушая «перманентную революцию», Сталин утверждает: нельзя рассматривать Октябрьскую революцию «как нечто пассивное, призванное лишь принять поддержку извне»¹⁶⁶. Эта формула призвана подчеркнуть, что коммунистическое движение не отказывается от активного вмешательства в мировые процессы. В 1924—1927 г. между двумя фракциями ленинской школы будет вестись борьба по поводу методов установления контроля над Китаем, но не в связи с самой целесообразностью борьбы за Азию. В отличие от Троцкого, Сталин не ставит успех строительства социализма в зависимость от международных успехов коммунистического движения. Логика Сталина не позволяет ему проводить различие между индустриальной модернизацией СССР и строительством социализма, логика его противников — соглашаться с таким отождествлением. При всех личных разногласиях аргументы Троцкого были достаточно убедительными для Каменева и Зиновьева. При всех уязвленных личных амбициях и личной неприязни к Троцкому, эти старые большевики были вынуждены переходить на его точку зрения. Идейные соображения для них были важнее личных.

В 1924 г. вышла книга, которая вполне отвечала представлению большинства Политбюро об экономической программе троцкизма — «Основной закон социалистического накопления» Л. Преображенского. Автор цинично описал то, что большевистская диктатура делает с крестьянством: «Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства..., тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства...»¹⁶⁷ Слово «эксплуатация», ненавистное большевикам, тем не менее точно характеризовало отношения бюрократии (прикрывающейся именем пролетариата) и крестьянства. Это больно ударило по самолюбию вождей — они не хотели признать себя эксплуататорами: «Только в одном случае формулировки товарища Преображенского оказались бы правильными. А именно тогда, когда речь шла бы не о движении к бесклассовому коммунистическому обществу, а к закреплению навеки

пролетарской диктатуры...»¹⁶⁸ — возмущенно отвечает Преображенскому Бухарин. Если заменить слово «пролетарская» на «бюрократическая», условие Бухарина уже стало совершившимся фактом. Но признать это Бухарин не мог. Теоретик партии верит в союз с крестьянством, и готов защищать его интересы, надеясь, что оно дорастет до коммунистического понимания жизни, «превратится в человека»: «Грубо говоря: тов. Преображенский предлагает пролетариату зарезать курицу, несущую золотые яйца, и исходит притом из того соображения, что кормить курицу — это значит заниматься филантропией. Замечательная хозяйственная сообразительность.

Но крестьянство — это для пролетариата такая "курица", которая должна превратиться в человека»¹⁶⁹.

Критикуя Преображенского, Бухарин рисует свою картину движения к социализму, которую он затем будет развивать во многих работах. Бухарин верит, что государственное плановое хозяйство и полугосударственная кооперативная организация эффективнее частного хозяйства, и смогут вытеснить его: «Постепенно, с вытеснением частных предпринимателей всевозможного типа и их частных хозяйств и по мере роста организованности и стройности хозяйства государственно-кооперативного, мы будем все более и более приближаться к социализму, т.е. к плановому хозяйству, где все принадлежит всем трудящимся и где все производство направлено на удовлетворение потребностей этих трудящихся»¹⁷⁰. То, что бюрократизированное хозяйство может так и остаться менее эффективным, чем частное, он не учитывает. Бухарин преувеличивает грядущие темпы хозяйственного роста промышленности, которая поможет быстрому росту сельского хозяйства.

Между тем предреволюционный кризис сельского хозяйства не был преодолен. В деревне росло перенаселение. Помещичьих земель не хватило, чтобы трудоустроить всех крестьян. Росла деревенская безработица, промышленность развивалась слишком медленно, чтобы откачивать излишнюю рабочую силу. Это воспроизводило бедность. Несмотря на то, что крестьянство получило землю, раздел ее на множество мелких участков делал хозяйство маломощным. Крестьяне могли прокормить себя, но на нужды города оставалось немного. Чтобы обеспечить подъем крестьянского хозяйства, было решено снять административные ограничения на крестьянское предпринимательство.

Октябрьский пленум партии выдвинул лозунг «Лицом к деревне!», готовились уступки крестьянству. Лидеры партии призывали крестьян не бояться советской власти, укреплять хозяйство настолько, насколько можно, не боясь обвинений в кулачестве. Смелее всех выступил Бухарин на Московской губернской конференции 17 апреля 1925 г.: «В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство»¹⁷¹. Ему вторил будущий «верный сталинец» Чубарь: «Надо четко и ясно сказать, что крестьянин может богатеть сколько угодно, пусть богатеет, и от этого будет богатеть вся советская страна»¹⁷².

Но для Бухарина праздник был испорчен. Сталин отмежевался от лозунга «обогащайтесь», а затем заставил Бухарина признать его неправильность. Сталин, таким образом, показал, что как теоретик он — выше Бухарина. Но тогда это казалось лишь незначительным эпизодом.

Между тем даже некоторого повышения сельскохозяйственного производства было недостаточно, чтобы государство могло получить ресурсы для проведения индустриализации. В ответ на предложение Кагановича повысить экспортные цены на хлеб Каменев отвечает: «И мы бы не прочь... если Нью-Йорк и Лондон позволит». «Вот в том-то и дело!» — восклицает Троцкий, который уже давно предупреждал, что без мировой революции НЭП не может быть устойчивым. Каменев тем временем продолжил свою мысль: «А там... нет ни Политбюро, ни Совнаркома...»¹⁷³ Пока в Лондоне и Нью-Йорке нет советской власти, а в СССР преобладают рыночные отношения, говорить о реалистичных планах (а значит и о марксистском социализме) не приходится. То мировая конъюнктура, то крестьянство будут поправлять советское правительство, вносить «поправки крестплана к нашему Госплану»¹⁷⁴, — как говорил министр финансов Г.Сокольников. Крестьяне дадут хлеб только в обмен на промышленные товары.

«Начиная с этого, проблемы индустриализации становятся центральными в партийных дискуссиях 1926—1927 гг.»¹⁷⁵, — пишет историк С.В.Цакунов. Очевидно, что и прежде индустриализация была одной из центральных проблем большевистской стратегии. Но именно в 1926—1927 гг. НЭП столкнулся с «заколдованным кругом», который можно было преодолеть только с помощью индустриализации, и который, в то же время, препятствовал ей: крестьяне предоставляют продовольственные ресурсы в обмен на промтовары, но получить достаточное количество качественных промтоваров

возможно, если в промышленности значительно увеличится производительность труда. А для модернизации промышленности нужны продовольственные ресурсы. Часть их пойдет на обеспечение растущих городских слоев, а часть — на экспорт. Продовольствие — промтовары — продовольствие.

Экспортной стороной этого «замкнутого круга» была проблема технологий, вытекавшая из стремления провести модернизацию «в одной стране». Техническое переоснащение промышленности требует строительства машиностроительных, металлургических и энергопроизводящих предприятий в СССР. Но для этого нужно ввозить технологии и оборудование из-за рубежа. А для этого — вывозить сельскохозяйственную продукцию. Крестьяне «меняют» продовольствие на промтовары — для роста производства промтоваров нужна модернизация — для модернизации нужны технологии — базовые технологии можно купить на Западе — Запад «меняет» их на продовольствие. Опять «заколдованный круг». Трудности в получении продовольствия ставили в тупик проект индустриализации, а медленные темпы промышленной модернизации лишали государство в условиях НЭПа возможности получить необходимые для индустриализации ресурсы. Этот стратегический кризис и стоит в центре всех дискуссий 1926—1927 гг. Это и проблема индустриализации, и проблема кризиса хлебозаготовок, и проблема «построения социализма в одной стране». Их связь неразрывна. Это — проблема получения ресурсов для модернизации.

Заявив о строительстве социализма в одной стране, Сталин должен был идти «на поклон» к капиталистическому Западу и к крестьянству. Каменев, Зиновьев и Троцкий считали такой путь недалеким. Различие во взгляде на стратегию быстро стало выливаться в мелкие конфликты внутри «руководящего коллектива», которые накапливались с каждым месяцем. Высшей инстанцией в этих спорах оставался Ленин. После его смерти началась борьба за место лучшего толкователя.

Через год после смерти Учителя Зиновьев решил суммировать его взгляды в двух работах: в статье «Философия эпохи» и книге «Ленинизм». «Философия эпохи» по Зиновьеву заключается в равенстве. НЭП основан на допущении неравенства. Следовательно, «Нэп наряду с тем, что мировая революция откладывается, среди других опасностей таит в себе опасность перерождения».¹⁷⁶ Перерождение пролетарской диктатуры заключается в расслоении населения на бедных и

богатых, в «термидоре». Зиновьев считал, что нужно нейтрализовать крестьянство, которое объективно противостоит пролетарской диктатуре. Теперь его можно было, как и Троцкого, обвинить в подрыве «союза» с крестьянством. Но левое крыло Политбюро не верило в этот «союз». Они не верили в союз с крестьянством, в котором видели усиление сельской буржуазии. Каменев говорил по этому поводу: «хлеб в большей доле у такого нашего "союзника", который, пожалуй, упрется и который может сопротивляться»¹⁷⁷.

«Философия эпохи» резко расходилась с теорией построения социализма в одной стране. По мнению Сталина, в статье «есть деревенская беднота, есть кулак, есть капиталист, есть выпады по адресу Бухарина (атаковать союзника по фракции публично — это настоящее преступление в глазах Сталина — А.Ш.), есть эсеровское равенство (Сталин знает, что равенство Зиновьева — не эсеровское, не крестьянское, а бедняцко-пролетарское. Сталину нужно заранее защититься от упреков в близости собственной позиции к эсеровской — А.Ш.), есть Устрялов, но нет середняка и кооперативного плана Ленина, хотя статья и называется "Философия эпохи". Когда тов. Молотов прислал мне эту статью (я был тогда в отъезде), я ответил грубой и резкой критикой. Да, товарищи, человек я прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю»¹⁷⁸. Сталин бравировал своей грубостью, которая ставилась ему в вину Лениным. Оборачивая грубость из тяжкого обвинения в достоинство, Сталин дезавуировал «завещание» Ленина о своем устранении.

Статья Зиновьева была подвергнута суровой правке со стороны членов Политбюро. 19 сентября она вышла в правленном виде. В тот же день Зиновьев, Каменев, Крупская и Сокольников направили остальным членам Политбюро письмо с резкой критикой взглядов Бухарина и его школы, которые допускают «расширительное толкование решений XIV всесоюзной партконференции в сторону замазывания классовой борьбы в деревне, замазывания роли и роста кулака»¹⁷⁹. «Замазывание» означало отказ от классового анализа, от остатков научности в марксистско-ленинской идеологии, преувеличение целостности общества и, следовательно, близости к социализму. И хотя Зиновьев и Каменев также «замазывали» роль бюрократии, бухаринская идеология «гражданского мира» их также не устраивала. В ответ Бухарин, Дзержинский, Калинин, Куйбышев, Молотов, Рыков, Рудзутак, Сталин и Томский («девятка») ответили

письмом с хлестким названием: «О фракционной платформе четырех»: «По существу дела документ является лицемерным и беспринципным», его цель — «создать кризис»¹⁸⁰. «Девятка» припомнила «четверке» все споры, которые возникали между ними в 1925 г. Перед октябрьским пленумом ЦК 1925 г. большинство и меньшинство Политбюро с трудом договорились не выносить свои разногласия на свет Божий. Резолюция ленинградской губернской организации была согласована Зиновьевым с большинством Политбюро. В знак примирения Бухарин 13 ноября признал ошибочность своего лозунга «обогащайтесь».

Раз Бухарин может так ошибаться, он — негодный теоретик. А кто — годный? В это время началась публикация в Ленинграде книги «Ленинизм», в которой Зиновьев излагал те же взгляды, что в «Философии эпохи», обосновывая их множеством ленинских цитат. Зиновьев напоминает ленинские цитаты, направленные против крестьянства. К социалистической революции (не то что к социализму) нужно идти с беднейшими слоями деревни, а не с крестьянством. Сталин «кроет» эти цитаты своими — о союзе с середняком против кулака и, конечно, о кооперативном пути к социализму. Начинается война цитат. Подумать, что Ленин мог быть не прав, было также недопустимо, как для средневековых католиков — усомниться в истинности Евангелия.

«Ленинизм» был попыткой вернуть официальную идеологию к идеологической чистоте военного коммунизма. Зиновьев приводит цитаты времен гражданской войны. НЭП — вынужденная рыночная реальность, «государственный капитализм», но нельзя отступать в идеологии от славного прошлого ленинизма. Отсюда — хлесткие и жесткие антикрестьянские формулы Ленина, которые приводятся в «Ленинизме». Крестьянство для большевиков не может быть источником социализма, это — народничество, не марксизм. Каменев, Зиновьев и Троцкий вслед за Марксом считают, что государственная промышленность — это только предпосылка для возникновения социализма, а Сталин и Бухарин вслед за Лениным — что эти предприятия уже носят социалистический характер. «Путать» бюрократическое управление и социализм было необходимо, чтобы вообще называться строителями социализма, когда единственным антикапиталистическим достижением по сравнению с царской Россией была передача промышленности в казенную собственность. Но ведь на этих предприятиях продолжали эксплуатировать рабочих.

Мечта о социализме постепенно подменялась промышленным развитием, зато можно было отчитаться об успехах в строительстве нового общества. Каменев говорил: «великая ложь заключается в том, чтобы Россию нэповскую объявлять уже Россией социалистической... Рабочие-то хорошо знают и чувствуют разницу между Россией нэповской и Россией социалистической»¹⁸¹. Каменев, Зиновьев и Троцкий считали недопустимым полное отождествление государственного сектора с социалистическим, для них социализм оставался прекрасным будущим всеобщего равенства и братства. В полемическом задоре они преувеличивали «оппортунизм» своих противников, которые не отождествляли НЭП и социализм. В СССР социализмом будет объявлено общество, где частная собственность будет полностью вытеснена государственной.

Сталин был человеком более практического склада. На будущий год он опубликует ответ на зиновьевский «Ленинизм» «Вопросы ленинизма». Американский исследователь Р.Такер, критикуя Сталина за примитивное, догматическое толкование ленинской теории, признает: «несмотря на то, что сочинение не блистало изяществом мысли, оно несло в себе довольно мощный заряд. С его страниц вещал безапелляционный проповедник ленинизма, в совершенстве владеющий своим предметом, обладающий твердыми убеждениями и умеющий их защищать... Ленин-теоретик нашел своего систематизатора»¹⁸². Это было то, что нужно полуграмотной массе партийцев, но вызвало негодование более глубоких идеологов Троцкого, Преображенского и подобных. Это было то, что вызвало ревность «хранителей догмы» Зиновьева и Каменева. Из идеологов лишь Бухарин относился к догматизму Сталина спокойно, думая, что имеет место разделение труда — вырабатывает стратегию Бухарин, популяризирует ее Сталин.

Незадолго до съезда партии, 5 декабря 1925 г. собралась Московская губернская партийная конференция. Ее вел сторонник Бухарина Угланов, доклад от ЦК делал «правый» Рыков, но в президиуме сидел и единомышленник Зиновьева Каменев, председатель Моссовета. Однако Каменев был слишком занят работой на других постах, и упустил из виду усиление его противников в Москве. Каменев после октябрьской договоренности со Сталиным думал, что «мы все-таки добились того, что на партийный съезд мы идем с единогласно принятыми резолюциями по всем основным вопросам нашего строительства»¹⁸³. Он был разочарован. Один за другим выступающие начали громить зиновьевцев, обвиняя их в

неверии в возможность социалистического строительства и даже «аксельродовщине». Эта обидное для большевиков слово попало и в итоговую резолюцию, что было особенно неприятно — это было сравнение с меньшевиком, с врагом: «Меньшевик Аксельрод проповедовал двадцать лет назад широкую рабочую партию в противовес большевистской организации», — возмущенно комментировала конференция ленинградской организации. Но сейчас совсем другая обстановка, и обвинения в меньшевизме — оскорбительны. «Дико звучит обвинение ленинградской организации в ликвидаторском безверии в тот момент, когда у нас кипит как никогда строительская социалистическая работа, растут, закаляются пролетарские силы»¹⁸⁴, — отвечали москвичам обиженные ленинградцы, подводя первые итоги новой дискуссии.

Война была объявлена. Между центральным органом РКП(б) газетой «Правда» и «Ленинградской правдой» началась острая полемика, которая является примером сочетания схоластики с попыткой обсуждать поставленные жизнью проблемы¹⁸⁵.

Эти дискуссии вылились на партию внезапно. Решающее столкновение между большинством Политбюро и «новой оппозицией» Зиновьева и Каменева произошло на XIV съезде партии 18—31 декабря 1925 г. В докладе Сталин изложил господствующую точку зрения: «мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну страной экономически самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке...»¹⁸⁶. Это — залог движения к социализму. Зиновьев не против этого движения. Суть разногласия в другом: «Бесспорно, и всем ходом нашего хозяйственного развития доказано, что мы действительно строим социализм в нашей стране. Мы спорим лишь о том, можно ли окончательно построить социализм... в одной стране, и при том не в такой стране, как Америка, а в нашей, крестьянской»¹⁸⁷. Каменев, конкретизируя суть разногласий, говорил, что Бухарин и Сталин видят «главную опасность в том, что есть политика срыва нэпа, а мы утверждаем, что опасность в приукрашивании нэпа»¹⁸⁸.

Стороны требовали друг от друга покаяться в прошлых ошибках (в том числе и тех, которые «ошибающиеся» признали), обильно цитировали Ленина. Крупская корила Бухарина за лозунг «обогащайтесь», который был «обращен к тому слою, с которым мы боролись во время революции»¹⁸⁹. Бухарин привычно напомнил о поведении Зиновьева и Каменева в 1917 г.

Споры уже ничего не решали — позиции делегатов были известны заранее — ленинградская оппозиция плюс Каменев, Сокольников и Крупская с одной стороны, все остальные делегаты, подобранные аппаратно — с другой. И Троцкий, не сказавший ни слова.

Съезд осудил два уклона: «состоящий в недооценке дифференциации в деревне, не видящей опасностей, связанных с ростом кулачества», и другой — затушевывающий «борьбу за середняка... как основной организационной формы движения деревни к социализму»¹⁹⁰. С ним нужно было бороться особенно упорно, ибо второй уклон грозил «возвратом к политике раскулачивания». Через четыре года уклонистами станут противники раскулачивания.

Пределы НЭПа

Дискуссии 1923—1925 гг. поставили все основные проблемы, которые затем горячо обсуждались большевиками в ходе борьбы объединенной левой оппозиции против коалиции сталинистов и «правых». Несмотря на то, что оппозиция была разгромлена организационно-полицейскими мерами, ее идеологический распад почти совпал с кризисом НЭПа. Борьба имела смысл, пока не выявился практический результат. Достигнув пределов своего роста, НЭП показал, что расчеты Бухарина не оправдались, Сталин принял аргументы оппозиции в части форсирования индустриализации, а Бухарин (по мере своего поражения в аппаратной борьбе 1928—1929 гг.) — в части критики бюрократии и авторитарного партийного режима.

Когда большевики проиграли избирательную компанию 1917 г. эсерам, Троцкий был в первых рядах тех, кто предлагал разогнать «говорильню» Учредительного собрания. Но это была «их», мелкобуржуазная говорильня, а теперь нужно бороться за «нашу» пролетарскую демократию, право на обсуждение, дискуссию. При этом Троцкий был далек от идеи предоставить демократию вне партии хотя бы рабочим. Мнение пролетариата по Троцкому могла выражать только партия.

Более последовательную демократическую программу выдвинула группа «Демократического централизма» Т.Сапронова и В.Смиронова (группа 15-ти — по числу подписей старых большевиков под их платформой «Под знамя Ленина», вышедшей в июне 1927 г.).

Они применили к сложившейся ситуации свои предложения, выдвинутые еще во время профсоюзной дискуссии 1921 г., когда решалось — какой быть социальной системе Советской России по окончании гражданской войны. Тогда идеи производственной демократии были похоронены под прессом ленинского авторитета. Теперь, когда производственный и государственный авторитаризм зримо вел к бюрократизации, «демократические централисты» решили напомнить партии и рабочим о своих предложениях: «Внутренний распорядок на фабрике должен быть изменен в сторону его демократизации. Должен быть твердо проведен курс... на усиление участия рабочей массы в управлении производством. В этих целях: .

а) при назначении директоров заводов и их помощников предполагаемыми высшими хозяйственными органами кандидатуры должны становиться на обсуждение общих или цеховых собраний рабочих, которые могут выдвигать и собственные кандидатуры.

Окончательное назначение может быть сделано лишь после такого обсуждения, на основании учета отношения рабочих к выдвигаемой кандидатуре и предложений общих собраний;

б) при директоре завода должно быть создано постоянное совещание из высшей администрации, представителя производственного совещания и представителей рабочих, выбираемых на общих собраниях рабочих. Решения этого совещания не являются обязательными для директора, но все основные вопросы деятельности предприятия должны обсуждаться на нем так, чтобы выборные от рабочих были вполне в курсе дел предприятия, а администрация знала отношение рабочих к проводимым мероприятиям. Та же система должна быть проведена и в крупных цехах;

в) вместо теперешней пестроты в организации производственных совещаний, должна быть всюду проведена выборность этих совещаний и подотчетность рабочим. Работа их должна быть теснейшим образом связана с работой упомянутых выше постоянных совещаний при директоре завода»¹⁹¹.

Сапронов, Смирнов и их сторонники были настроены в отношении Сталина гораздо решительнее и критиковали осторожность Троцкого: «Цитаделью правой опасности является сталинская группа и подчиненный ей партаппарат (из этого исходила вся оппозиция перед дискуссией 1926 г.),

оппозиция Зиновьева-Троцкого неоднократно ориентировала партию на то, что сталинская группа может сама начать бороться с правой опасностью»¹⁹². На первый взгляд, в этом споре правы оказались троцкисты. Впоследствии Сталин под давлением обстоятельств отказался от «термидорианской» экономической политики. Для части троцкистов это станет сигналом для примирения с ним. Но «демократически централисты» оказались дальновиднее в другом — «полевание» Сталина не остановит политического «термидора», вытеснения старых большевистских лидеров из политической жизни. «Объединенная оппозиция» отмежевалась от «слишком» демократических предложений 15-ти.

Так сформировались крайние позиции идейного спектра ленинской школы. С одной стороны — полный индустриальный централизм, к которому стремился Сталин, с другой — совещательная производственная демократия, участие работников в управлении и ограниченная демократия вне предприятия. Дальнейшее развитие в сторону демократии вело уже за пределы марксизма в сферу народнических и анархистских идей. Реальное коммунистическое движение будет развиваться именно в этом спектре — от тоталитарных моделей до югославского эксперимента. Уже дискуссии 1923—1929 гг. имели огромное международное значение, так как Москва была центром Коминтерна. Аппарат Коминтерна, которым до 1926 г. руководил Зиновьев, был вовлечен в полемику. Каждая из фракций ВКП(б) нашла своих сторонников в компартиях других стран. Логика фракционной борьбы оказала большое воздействие на определение курса Коминтерна в Китае в разгар революции в этой стране в 1927 г.

Раскол коалиции Сталина и Бухарина и последовавшая «борьба под ковром» не внесли новых элементов в идеологию большевизма. Речь шла лишь о том, насколько можно уступать программе оппозиции под натиском кризиса НЭПа. Однако в условиях этого кризиса недостаточными были и предложения левых. Были необходимы системные перемены. Поскольку логика развития большевизма исключала качественный сдвиг в пользу демократии и плюрализма, то Сталин с его последовательной концепцией монолитного централизованного общества имел очевидные преимущества в борьбе с Бухариным. В 1929 г. именно этот подход позволил Сталину найти решение проблемы ресурсов: самоуправляемое, и потому чуждое государственно-индустриальной системе крестьянство должно было быть заменено на

пролетариев сельского труда – колхозников. Эта новация, формально опиравшаяся на ленинский лозунг кооперации, определила направление развития страны в сторону форсированной тоталитарной модернизации¹⁹³. Идеи социализма были лишними в этой борьбе, речь шла лишь о более или менее эффективной замене частнособственнического господства и отчуждения на государственное, которое лишь позднее позволит поставить вопрос о снижении степени отчуждения.

Идеологический спор большевиков, разумеется, не закончился со смертью основных участников полемики. В эпоху краха «реального социализма» дискуссии, сопровождавшие его рождение, получили вторую жизнь.

После того, как идеологи Перестройки увидели в НЭПе предысторию своих идей, его некоторое время идеализировали как вариант «рыночного социализма». Затем наступило время либеральных экономистов, которые, проанализировав экономическую модель НЭПа, подтвердили худшие подозрения троцкистов. Скептики указывали не только на низкие экономические показатели НЭПа, угасающие темпы его развития, но и на невозможность проведения ускоренной индустриализации в условиях сочетания административно-бюрократического руководства промышленностью с частновладельческим сельским хозяйством¹⁹⁴.

Превращение Сталина из сторонника концепции Бухарина в ее противника было вызвано прежде всего тем, что политика НЭПа не давала «обещанного» результата. Сохранение модели НЭПа вело бы к свертыванию планов ускоренной индустриализации, усилению роли крестьянства в обществе и в перспективе — к падению монополии большевиков на власть и на «командные высоты экономики». Подобного рода эволюция этатизма неоднократно происходила затем в странах Третьего мира.

Апологеты НЭПа, продолжая уже в наше время защищать бухаринские позиции, считают, что чисто политический фактор, «схватка за единовластие» «причинила невосполнимый урон практике начинавшегося движения на рельсах нэпа, делу индустриального преобразования страны»¹⁹⁵. Комментируя эту позицию историка В.С. Лельчука, М.М.Горинов иронизирует: «То есть, экономическим аргументам оппонентов (об износе основного капитала, дороговизне нового строительства, низкой эффективности производства и т.д.) исследователь противопоставляет... свертывание внут-

рипартийной демократии»¹⁹⁶. Позиция Лельчука несколько сложнее. Он видит причины отказа от НЭПа в политической сфере, так как не находит для этого экономических причин, считает, что превращение российского общества в индустриальное было экономически возможно при сохранении НЭПа. Но не объясняет — как. Не сумел объяснить этого и Бухарин в своих «Заметках экономиста». Ни в 20-е, ни в 90-е гг. апологеты НЭПа не сумели найти источник ресурсов для продолжения движения «на рельсах нэпа» в направлении индустриализации. Свертывание внутрипартийной демократии здесь не при чем, ведь победа Бухарина над Троцким была обеспечена недемократическими методами, а кризис НЭПа сопровождался отказом самого Бухарина от ряда «правых» позиций, которые он отстаивал в середине 20-х гг. Практика заставила даже Бухарина сдвигаться «влево», в сторону предложений левой оппозиции. «В одной стране» оказалось недостаточно ресурсов, чтобы в условиях господства большевистской бюрократии построить не только социализм, но и индустриальное общество. В СССР были ресурсы для построения современной индустрии, но в конкретной ситуации НЭПа не было предпосылок для их рационального использования. В условиях господства малокультурной коммунистической бюрократии, плохо разбиравшейся в рыночной экономике и индустриальных технологиях, в условиях низкой технологической культуры работников индустриализация проводилась с большими потерями ресурсов, что без поддержки извне приводило к огромному их дефициту. Это обрекало модель индустриализации «на рельсах нэпа» на провал. Можно согласиться с И.Б. Орловым в том, что «Принятый в конце 20-х гг. курс был следствием не только авторитарных наклонностей значительной части руководства. Он был актом отчаяния людей, поставленных перед выбором: медленная агония или отчаянная попытка вырваться из отсталости, несмотря на возможные жертвы населения»¹⁹⁷.

Споры «экономистов» и «апологетов» во многом вызваны недостаточным учетом неразрывной связи экономических и политических процессов в условиях преобразований, проводившихся большевиками. Эта статистская форсированная модернизация неизбежно предполагала концентрацию власти. Одно без другого было невозможно. «Рельсы НЭПа» не давали государству того, что оно провозгласило своей задачей, но ведь именно это государство с этими задачами и составляло один из системообразующих элементов НЭПа. Уход

с «рельсов нэпа» был неизбежен, но он мог произойти как в сталинском направлении, так и в прямо противоположном — небольшевистском. И здесь даже «правый уклон» оказался бы слишком этатистским, слишком связанным ленинскими догматами.

Развитие экономического и политического плюрализма означало отказ от большевистской стратегии. В этом случае стратегия развития страны могла сдвинуться в двух направлениях. Первое: к народнической стратегии «общинного социализма», где плюрализм и демократия увязаны с традиционными институтами страны и задачами социалистической трансформации, при которой индустриальная модернизация вторична по сравнению с задачами экономической демократии и социального государства. Второе: к либеральной (как вариант — умеренно социал-демократической) модели, которая подчиняет развитие страны нуждам более развитых индустриальных стран Запада. Возможные результаты такой альтернативы спорны, но одно несомненно: переход к индустриальному обществу в таких странах, как Мексика, потребовал гораздо меньших жертв, чем в России. При всей неизбежности отказа от «рельсов нэпа», вариантов развития было множество, но только модель Сталина давала реальный шанс на сохранение марксистской модели централизованного управления экономикой, на ускоренную индустриальную трансформацию общества, на «спасение» от размывания советской системы «капиталистическим окружением». Платой за это было разрушение неиндустриальное хозяйства и распространение на все общество индустриально-управленческих принципов, тоталитаризм и бюрократическое классовое господство. А «размывание» все же произошло несколько десятилетий спустя.

Дискуссии 20-х гг. стали первым опытом обсуждения стратегии создания альтернативного капитализму общества в ходе ее практической реализации. В ходе этих дискуссий, несмотря на авторитарный порядок определения победителя, был выдвинут широкий спектр вариантов преодоления капитализма с помощью усиления государства. Споры Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и др. предвосхитили идейные столкновения, связанные с именами Мао Цзэдуна, И.Тито, М.Горбачева и др. — с поправкой на специфику стран и международной ситуации. Но сама эта специфика вмешивалась в ситуацию по тем же правилам, что и в обстановке НЭПа.

Потерпев поражение, большинство идеологов коммунистических течений формально признали поражение. Но их никто не убедил в правоте Сталина. Просто публичная дискуссия сменилась «борьбой под ковром». Итогом этой борьбы стал Большой террор.

В 30-е гг. идейное древо коммунизма сжалось в СССР до тонкого, но прочного стержня сталинизма. Но за пределами «социалистического отечества» продолжали действовать антисталинские коммунисты, да и Коминтерну приходилось маневрировать между правой и левой политикой, оглядываясь на конкуренцию «троцкистов» и повороты советской внешней политики. В 1938 г. Троцкий и его сторонники создали новый Интернационал. Но сторонники Троцкого нигде не добились такого успеха, как коммунисты. В зависимости от ситуации коммунисты могли использовать и курс правых большевиков 1917 года (политика Народного фронта), и наработки Троцкого — например, ставка Мао Цзэдуна на молодежь с одной стороны, и сочетание коммунистической диктатуры с производственным самоуправлением в титовской Югославии — с другой.

Советское общество в своем развитии прошло несколько стадий, и тоталитарный режим 30—50-х гг. был только одной из них. Но последующая история эрозии тоталитарного режима, начавшаяся в 1956 г., не давала новой модели общества. Это был переход от тоталитаризма к авторитарному режиму, бюрократическому рынку и «социальному государству», максимально монополизированному варианту государственно-монополистического индустриального общества. Это был путь конвергенции, сближения с капиталистическим миром, где тоже существовали государственно-монополистические индустриальные общества, но несколько менее монополизированные и плюралистичные.

В своей борьбе за монолитность партии Сталин уничтожил идеологов разных коммунистических направлений, но сами эти направления не исчезли и не могли пропасть. Они отложились в советской культуре, они вытекали из двойственности идей Маркса, сочетавших ультра-централизм с идеей самоорганизации рабочих, они воспроизводились многообразием ситуаций тех стран, где коммунистам удавалось повести за собой массы, доведенные до отчаяния капитализмом.

Примечания

- ¹ Об анархистской теории подробнее см.: Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М., 2007.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.1. С.380.
- ³ Там же. Т.4. С.446.
- ⁴ Там же. С.446-447.
- ⁵ Шубин А.В. Указ. соч. С.305-322.
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.18. С.90.
- ⁷ См.: Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М., 1989. С.314, 482-486.
- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С.5-6.
- ⁹ Там же. С.27.
- ¹⁰ Там же. Т.18. С.57.
- ¹¹ Там же. Т.41. С.330.
- ¹² Там же. Т.3. С.68.
- ¹³ Там же. Т.7. С.261.
- ¹⁴ Там же. Т.1. С.427.
- ¹⁵ Там же. С.513.
- ¹⁶ Там же. Т.2. С.63.
- ¹⁷ Там же. Т.1. С.426.
- ¹⁸ См., например: Бем-Баверк О. Критика теории Маркса. М., 2002.
- ¹⁹ Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М., 1991. С.16.
- ²⁰ Чернов В.М. Конструктивный социализм. М., 1997. С.4.
- ²¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Указ. соч. С.415-424.
- ²² Чернов В. Указ. соч. С. 112-113.
- ²³ См. Люксембург Р. Накопление капитала. М., 1934.
- ²⁴ И сейчас в постсоветской публицистике миф о победе марксизма в идеологических спорах начала века не просто воспроизводится, но доводится до абсурда: «В начале века марксизм в России стал больше, чем теорией или даже учением: он стал формой общественного сознания в культурном слое» (Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Кн.1. М., 2002. С.10). Таким образом, в представлении С.Кара-Мурзы из «культурного слоя» исключается вся немарксистская мысль от либералов до народников. Интерес к марксизму был широким, но господство марксизма «в культурном слое» было достигнуто только после красного террора и «философских пароходов».
- ²⁵ Михайловский Н.К. ПСС. Т.7. Стб.922.
- ²⁶ Шанин Т. Революция как момент истины. 1905—1907 — 1917—1922. М., 1997. С.441.
- ²⁷ Там же. С.467.
- ²⁸ Ленин В.И. ПСС. Т.12. С.81.
- ²⁹ Там же. Т.6. С.39.
- ³⁰ Там же. Т.А. С.373.
- ³¹ Там же. Т.6. С.30.
- ³² Там же. С.131.

- ³³ Там же. Т.6. С. 175.
- ³⁴ «Искра». За два года. Т.2. С.117.
- ³⁵ Там же. С. 119.
- ³⁶ Ленин В.И. ПСС. Т.6. С. 141.
- ³⁷ Цит. по: Каутский К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству Большевизм в тупике. С. 152—153.
- ³⁸ Забавно, что Каррер д'Анкосс выводит дальнейшие конфликты Ленина и Люксембург из злопамятности Ленина, не забывшего обиду 1904 г. (С.73). Такому примитивному объяснению помогает стереотип «восточной дикости», отработанный биографами Сталина, чуть ли не все действия которого в 20—30-е гг. объясняются злопамятностью. Ленин под пером французского академика тоже превращается в коварного злопамятного дикаря. Одно непонятно — почему Ленин то и дело сближается с Люксембург, когда их идеи оказываются близкими, и в итоге Люксембург становится организатором компартии Германии, получавшей помощь большевиков.
- ³⁹ Цит. по: Фляйшер Г. Между Марксом и Лениным. Роза Люксембург и русская революция // Германия и русская революция. 1917-1924. М., 2004. С.131.
- ⁴⁰ «Искра». За два года. Т.2. С. 179.
- ⁴¹ Цит. по: Ленин В.И. ПСС. Т. 10. С. 17
- ⁴² «Искра». За два года. Т.2. С. 176.
- ⁴³ Троцкий Л.Д. 1905 год. С.4-5.
- ⁴⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 10. С.9.
- ⁴⁵ Плеханов Г.В. Сочинения. Т. 15. С. 121.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. С. 13.
- ⁴⁸ Ленин В.И. ПСС. Т.31. С.145.
- ⁴⁹ Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С.7.
- ⁵⁰ Цит. по: Ленин В.И. ПСС. Т. 10. С. 18.
- ⁵¹ «Искра». За два года. Т.2. С. 172.
- ⁵² Там же. С. 178.
- ⁵³ Там же. С. 173.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Подробнее см. Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С.46—47.
- ⁵⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 10. С. 19.
- ⁵⁷ «Искра». За два года. Т.2. С. 173.
- ⁵⁸ Там же. С. 174.
- ⁵⁹ Там же. С.176.
- ⁶⁰ Ленин В.И. ПСС. Т.10. С.18.
- ⁶¹ Там же. С.20.
- ⁶² Там же. С.129.
- ⁶³ Там же. С. 125.
- ⁶⁴ Там же. С. 19.
- ⁶⁵ Там же. С.23.
- ⁶⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 4.1. М., 1954. С.78.

- ⁶⁷ Первая революция в России. Взгляд через столетие. С.205-206.
- ⁶⁸ Ленин В.И. ПСС. Т.11. С.222.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Ленин В.И. ПСС. Т.30. С.306-328.
- ⁷¹ Говоря о революции 1917 г., мы имеем в виду революционный процесс, который начался в этом году, но продолжался и позднее. Хронологические рамки революции спорны, наиболее убедительной представляется датировка Великой российской революции 1917-1922 гг.
- ⁷² Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998. С.75-77.
- ⁷³ См. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. М., 1993—2003.
- ⁷⁴ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С.332.
- ⁷⁵ Ленин В.И. ПСС. Т.31. С.154-155.
- ⁷⁶ Там же. С. 107-108.
- ⁷⁷ Там же. С. 109.
- ⁷⁸ Цит. по: Архипов И.Л. Российская политическая элита в феврале 1917 г. Психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С.216.
- ⁷⁹ Ленин В.И. ПСС. Т.31. С.114.
- ⁸⁰ Там же. С.115.
- ⁸¹ Кара-Мурза С. Указ. соч. С.53.
- ⁸² Единство. 5 апреля 1917 г. Информационное сообщение.
- ⁸³ Плеханов Г.В. Год на Родине. Париж, 1929. С.214-215.
- ⁸⁴ Опасность с левого фланга // Рабочая газета. 6 апреля 1917 г.
- ⁸⁵ Подробнее см.: Рабинович А. Кровавые дни. М., 1992.; Шубин А.В. Указ. соч. С.623-637.
- ⁸⁶ Ленин В.И. ПСС. Т.33. С.42.
- ⁸⁷ Там же. С.44.
- ⁸⁸ Там же. С.97.
- ⁸⁹ Там же. С.53.
- ⁹⁰ Там же. С.333.
- ⁹¹ Там же. С.53.
- ⁹² Там же. С.96.
- ⁹³ Там же. С.44.
- ⁹⁴ Там же. С.97.
- ⁹⁵ Там же. С.91.
- ⁹⁶ Там же. Т.34. С. 192.
- ⁹⁷ Там же. Т.33. С.97.
- ⁹⁸ Там же. С.24.
- ⁹⁹ Там же. С.90.
- ¹⁰⁰ Там же. Т.27. С.49.
- ¹⁰¹ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Т.4. С.246.
- ¹⁰² Ленин В.И. ПСС. Т.34. С.221-222.
- ¹⁰³ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Т.4. С.256, 265-266.
- ¹⁰⁴ Пролетарская революция. 1922. №10. С.319.
- ¹⁰⁵ Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 г. — февраль 1918 г. М., 1958. С.87-92.

¹⁰⁶ Ленин В.И. ПСС. Т.34. С.330.

¹⁰⁷ Рабинович А. Большевики приходят к власти. М., 1989. С.334.

¹⁰⁸ Керенский А. Гатчина. М., 1990. С.6.

Ю9 Второй Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов (25—26 октября 1917 г.). Сборник документов и материалов. М., 1997. С.62.

¹¹⁰ Рабинович А. Указ. соч. С.333—334.

¹¹¹ Суэйн Д. Перед схваткой (по поводу проблемы «третьего пути») // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С.77.

¹¹² Там же. С.72, 78.

¹¹³ Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций. М., 1990.

С.118

¹¹⁴ Ленин В.И. ПСС. Т.36. С.171.

¹¹⁵ Там же. С.176.

¹¹⁶ Там же. С. 174.

¹¹⁷ Там же. С. 196.

¹¹⁸ Там же. С. 182.

¹¹⁹ Там же. С.189-190.

¹²⁰ «Че-Ка». Берлин, 1922. С. 14.

Ц1 цит по: Павлюченков С.А. Крестьянский Брест или предстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 104.

¹²² Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С.366.

¹²³ Правда. 1.03.1919.

¹²⁴ Подробнее см.: Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; Шубин А.В. Анархия — мать порядка. М., 2005.

¹²⁵ Подробнее см.: X съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С.819-826; Ленин В.И. ПСС Т.42. С.264-302.

¹²⁶ Россия нэповская. Исследования. М., 2002. С. 184. Любопытно, что прежде С.А.Павлюченков являл понимание современного контекста коммунистической идеологии: «Советский коммунизм и западный капитализм, по всей видимости, являлись двумя различными модификациями единой индустриальной стадии развития цивилизации». Если речь идет о двух вариантах современности (модерна), то какая уж тут «архаика». Коммунистическая идеология определяет направление решения вполне современных задач: «Коммунизм, возникший как теоретическое отрицание частной собственности и товарных отношений, связывал освобождение человечества от их разрушительных, негативных свойств с решительным уничтожением частной собственности». (Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С,9, 14). Вероятно, эволюция части исследователей отечественной истории от рационализма к постмодернизму, зримо развернувшаяся после выхода в 1997 г. книги В.П.Буладкова «Красная смута», происходит быстрыми темпами.

¹²⁷ Россия нэповская. С. 183.

¹²⁸ Там же. С.169-170.

¹²⁹ См. Васецкий НА. Троцкий: опыт политической биографии. М., 1992; Роговин В. Была ли альтернатива? М., 1992; Краус Т. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота. 1917-1928. Будапешт, 1997.

¹³⁰ Ленин В.И. ПСС. Т.45. С.347, 357.

¹³¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 71. ДА Л.24.

¹³² Э. Карер д'Анкосс. Ленин. М., 2002. С.328.

¹³³ Ленин В.И. ПСС. Т.45. С.363.

¹³⁴ Там же. С.352.

¹³⁵ Там же. С.381.

¹³⁶ Ленин В.И. ПСС. Т.45. С.376.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. С.373.

¹³⁹ Там же. С.406.

¹⁴⁰ Там же. С.370.

¹⁴¹ Там же. С.405.

¹⁴² Там же. С. 148.

¹⁴³ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 199.

¹⁴⁴ Там же. С.200.

¹⁴⁵ Сталин. Сочинения. Т.5. С.387.

¹⁴⁶ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С.201.

¹⁴⁷ Сталин И. Сочинения. Т.5. С.384-385.

¹⁴⁸ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 192.

¹⁴⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т.3. С.154.

¹⁵⁰ Сталин И. Сочинения. Т.6. С.231, 226-227.

¹⁵¹ Там же. С. 15.

¹⁵² Там же. С. 16-17.

¹⁵³ Там же. С. 14.

¹⁵⁴ Там же. С.22.

¹⁵⁵ Там же. С.23.

¹⁵⁶ Там же. С.35.

¹⁵⁷ Сталин И. Сочинения. Т.8. С.61.

¹⁵⁸ Сталин И. Сочинения. Т.6. С.400.

¹⁵⁹ Карр Э.Х. Русская Революция. М., 1990. С.84-85.

¹⁶⁰ Цит. по: Сталин И. Сочинения. Т.6. С.366-367.

¹⁶¹ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С.269.

¹⁶² Там же. С.283.

¹⁶³ Сталин И. Сочинения. Т.6. С.249-250.

¹⁶⁴ Архив Троцкого. М., 1990. Т.1. С.124.

¹⁶⁵ КПСС в резолюциях... Т.3. С.325.

¹⁶⁶ Сталин И. Сочинения. Т.6. С.401.

¹⁶⁷ Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Е.А.Преображенский, Н.И.Бухарин. Пути развития: дискуссии 20-х гг. Л., 1990. С. 104.

¹⁶⁸ Новое открытие о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок (к вопросу об экономическом обосновании троцкизма) // Там же. С. 181.

¹⁶⁹ Там же. С. 193.

- ¹⁷⁰ Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 191.
- ¹⁷¹ Там же. С.136.
- ¹⁷² Цит. по: Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994. С.126.
- ¹⁷³ РГАСПИ. Ф.323. Оп.2. Д. 16. Л.85.
- ¹⁷⁴ Там же.Л.75.
- ¹⁷⁵ Цакунов С.В. Указ. соч. С. 159.
- ¹⁷⁶ Карр Э.Х. Указ. соч. С 91.
- ¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф.323. Оп.2. Д. 16. Л.39.
- ¹⁷⁸ Сталин И. Сочинения. Т.7. С.375.
- ¹⁷⁹ РГАСПИ. Ф.323. Оп.2. Д.97. Л.59.
- ¹⁸⁰ Там же.Л.65.
- ¹⁸¹ Там же.Д.16.Л.41.
- ¹⁸² Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и личность. М., 1991. С.291.
- ¹⁸³ РГАСПИ. Ф.323. Оп.2. Д.16. Л.36.
- ¹⁸⁴ Декларация, принятая XXII Ленинградской губернской конференцией РКП(б) // Ленинградская правда. 16 декабря 1925.
- ¹⁸⁵ Подробнее см.: Шубин А.В. Вожди и заговорщики. Политическая борьба в СССР в 20-30-е гг. М., 2003. С.106-109.
- ¹⁸⁶ Сталин И. Сочинения. Т.7. С.299.
- ¹⁸⁷ Четырнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С.98
- ¹⁸⁸ Там же. С.252.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 159.
- ¹⁹⁰ КПСС в резолюциях... Т.3. С.431.
- ¹⁹¹ Архив Троцкого. Т.3. С. 160.
- ¹⁹² Там же. С.207-208.
- ¹⁹³ Подробнее см.: Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологии, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С.69.
- ¹⁹⁴ Тоталитаризм в Европе XX века. С.68—69; Горинов М.М. Советская история 1920—30-х годов: от мифов к реальности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С.243.
- ¹⁹⁵ Наше Отечество (Опыт политической истории). Т.2. М., 1991. С.244.
- ¹⁹⁶ Горинов М.М. Указ. соч. С.246. Развивая тему неблагоприятности демократии для промышленного развития «на рыночной основе», М.М.Горинов увлекается примерами из истории Перестройки и реформ в Китае, не «отвлекаясь» на выяснение вопроса о глубочайших различиях в стадии развития «сравниваемых» обществ.
- ¹⁹⁷ Россия нэповская. С.398-399.

Александр Шубин

ЧЕ ГЕВАРА. КОНДОТЬЕР КОММУНИЗМА

Его портрет украшает рекламу потребительских товаров. По местам его боевой славы в Боливии ходят туристические маршруты — еще одно ответвление туристического бизнеса. Между тем значение Эрнесто Че Гевары не уместается в рамки романтических историко-культурных воспоминаний — как крепости крестоносцев на Кипре или мумии фараона в Эрмитаже. Че — символ вооруженной борьбы против империализма, и пока жив империализм, образ Че Гевары будет сохранять присутствие в настоящем.

Фабула жизни Эрнесто Гевара Серны зиждется на двух кульминациях. Звездный час кубинской революции, когда революционные бородачи были поддержаны широкими массами кубинцев (на какое-то время даже большинством), и трагическая боливийская экспедиция 1967 г., закончившаяся гибелью команданте. Сравнение этих двух эпизодов мировой истории неизбежно выдвигает вопрос о способности радикального революционного ядра заручиться поддержкой народных масс — в условиях Латинской Америки — крестьянства. Вечное несовершенство мира генерирует огромное количество радикальных личностей, которые хотели бы одним рывком изменить опустылевшую действительность. Но немногим удается убедить в своей правоте тысячи и миллионы людей, без которых истории нельзя придать должного импульса. Однажды Че был среди тех, кому удалось победить. Он стал теоретиком вооруженной революционной борьбы. А затем странным образом нарушил свои же собственные правила и погиб. В этом — и загадка, и источник мифов, и научная проблема — вооруженные радикалы и массы.

XX век полон мощными социальными взрывами, и немалую роль в них играют крестьянские массы. Революционный потенциал этого класса явился предметом пристального внимания Че Гевары, который избрал крестьянство сред-

ством достижения своих идеалов путем партизанской войны. Этот метод немислим без крестьянской поддержки¹.

Важным средством вовлечения крестьян в революцию, ее экономической основой является аграрная реформа². Необходимость земельного передела действительно было наиболее очевидным крестьянским требованием в Латинской Америке середины 50-х годов. Но в 60-е годы это требование становится менее актуальным. Не без влияния Кубинской революции по континенту прокатывается волна аграрных реформ разной степени радикальности. Результаты оказались несколько неожиданными. Нарушения сельскохозяйственного процесса, разрушительные действия крестьян и помещиков, прекращение интенсификации производства не только помещиками, но и крестьянами, не имеющими специальных знаний, затраты большого количества времени и сил на политическую борьбу — все это приводило к негативному эффекту аграрных реформ: урожайность пшеницы в Перу в 1963—1966 годах снизилась на 9 процентов, в Венесуэле, где реформы проходили мягче, компенсируясь «нефтедолларами», — на 4 процента. А в Колумбии, где фактически шла гражданская война, а реформы задерживались, наблюдается за тот же период рост на 45%. Аграрная реформа не решила таких проблем Латинской Америки, как аграрный голод, нищета, неграмотность, болезни, хотя радикальный земельный передел и облегчил положение с продовольствием³.

Э. Че Гевара понимал, что земельный передел не решает основных проблем континента. Это — лишь первый шаг, своего рода приманка. С середины 50-х годов Гевара считал себя марксистом⁴. Его стратегической задачей становится как ликвидация империалистической эксплуатации, так и общества материальных стимулов: «Общее стремление, объединяющее нас в марше к будущему, — это победа над империализмом... Свобода имеет место тогда, когда империалистическое экономическое доминирование перестает практиковаться на людях»⁵. «Тот, кто преследует сумасбродную идею добиваться реализации социализма с помощью изношенных средств, оставленных капитализмом (прибыль как базовый экономический элемент, производство прибыли, индивидуальная материальная заинтересованность и так далее), придет к гибельному концу»⁶.

Эта недвусмысленная позиция команданте очевидно противоречит социальным устремлениям крестьянства с его «мелкобуржуазным духом»⁷, то есть самоуправляемым,

самофинансируемым хозяйством. Решить проблемы крестьян, по мнению Че Гевары, можно только привив им «нематериальные стимулы», такие как сознание долга и новый революционный способ мышления⁸.

Как совместить экономические интересы движущей силы революции — крестьянства и стратегические идеалы команданте? На Кубе он осторожно сообщает отдельным крестьянам о них, тем более, что планы Че Гевары в этот период еще не сформулированы так четко, как в 1963—1965 годах. Но уже в 1957 году команданте считает, что «спасение мира находится за так называемым «железным занавесом», то есть в СССР⁹. В 1957—1960 годах Че Гевара не высказывает этого пристрастия публично, что дало основание Д.Джеймсу обвинить его в макиавелизме¹⁰. В действительности Че разделял обычную для коммунистов теорию постепенного перехода от «буржуазно-демократических» задач к «социалистическим». Но постепенно «досоциалистическая» стадия революции становилась все менее актуальной. Укрепление капитализма в борьбе с феодализмом создавало сложности для дальнейших социалистических преобразований.

План Боливийской экспедиции показывает, что команданте пытается смягчить это противоречие, начав боевые действия в стране, где «буржуазный» лозунг аграрной реформы заведомо неактуален. Рассчитывая опереться на социальные слои, недовольные обществом, уже прошедшим через этап аграрной реформы, на социальные противоречия внутри крестьянства¹¹, Че Гевара планировал развернуть в Боливии изначально антикапиталистическое движение. При этом он очевидно недооценил прочность режима Р.Барьентоса, базирующегося не только на военной силе, но, в отличие от режима Ф.Батисты¹², и на тесной политической и культурной связи с организованным крестьянством страны¹³.

В 60-е гг. Че приходит к выводу, что для вовлечения крестьян в социалистическую революцию материальные стимулы должны замещаться моральными. Определяющим для Э. Че Гевары является нарушение «принципа справедливости»¹⁴, воспринятого от мартизма Ф.Кастро и означающего народовластие и отсутствие нищеты¹⁵.

У кубинских партизан идея народовластия означала опору на все крестьянство, что могло поставить революционный авангард под контроль «кампесино». Пока речь шла о свержении Батисты, о демократии, интересы «бородачей» и народа совпадали. А после прихода к власти, когда фидели-

стам понадобился «новый человек», идеально подчиненный целям революции — интересы разошлись. В итоге кубинские руководители приходят во второй Гаванской декларации к выводу: «Но крестьянство — это класс, который в силу своей культурной отсталости и изоляции нуждается в политическом и культурном руководстве со стороны рабочего класса и революционной интеллигенции»¹⁶. Но во время партизанской войны, пока рабочая масса находится далеко от партизанского очага, революционная интеллигенция в лице повстанческого командования берет на себя руководящие функции. В то же время убедить крестьян в преимуществах общества «за железным занавесом» не так просто¹⁷, обнаруживаются и различия в самой системе ценностей крестьян и партизан. Все это заставляет Че Гевару быть осторожным с «предрассудками» кампесино, но в то же время делает особенно актуальной проблему организационной независимости революционного руководства от крестьянской массы как в ходе войны, так и после победы.

Решение этой проблемы кубинские лидеры увидели в разрыве с парламентской демократией. До прихода руководителей повстанческой армии к власти борьба велась под знаменем восстановления Конституции 1940 года и проведения всеобщих выборов. В своей знаменитой речи «История меня оправдает», которая по его собственному утверждению является «основополагающим документом нашей борьбы»¹⁸, Ф.Кастро строил свое обвинение режима на том, что «Батиста не восстановил конституции, не восстановил гражданских свобод, не восстановил конгресса, не восстановил прямого избирательного права...»¹⁹ Апеллируя к республиканскому законодательству, Ф.Кастро говорил: «Всякий, кто пытается не допустить или нарушить осуществление всеобщих выборов, подлежит лишению свободы на срок от 4 до 8 лет»²⁰. Нарушение принципа разделения властей явилось одним из главных оснований штурма Монкады: «Мы подняли восстание против одной только власти, незаконной власти, которая узурпировала и объединила законодательную и исполнительную власть в стране»²¹. Этот пафос первоначально поддерживает и Э. Че Гевара. Гибель парламентской республики в Гватемале произвела на него большое впечатление: «Я видел, как демократия была разрушена в Гватемале, и когда я встретил в Мехико Фиделя, я считал своим долгом помочь ему разрушить диктатуру»²². Но опасность потери власти в ходе всеобщих выборов существенно

меняет оценки. Уже 27 января 1959 года Э. Че Гевара выступает с программой «вооруженной демократии», которая обосновывает необходимость власти Повстанческой Армии²³. Эта теория стала одним из обоснований отказа от выборов в пользу власти активного меньшинства. Революционное яро, не скованное предрассудками и «отсталостью» народа, решительно повело «Остров Свободы» в самую гущу геополитической борьбы.

Поскольку возникающий в результате режим был признан его творцами «народовластием», вся остальная Латинская Америка таким народовластием не обладала и потому нарушала «принцип справедливости». Это дало Че Геваре возможность уже в 1960 году прийти к выводу о том, что условия для революции практически в любой стране Латинской Америки могут быть созданы партизанским очагом: «...не всегда нужно ждать, пока созреют все условия для революции: повстанческий центр может сам их создать»²⁴.

Какие предпосылки революции может создать партизанский очаг? В работе «Партизанская война: метод» Э. Че Гевара пишет о перспективах развертывания борьбы в странах парламентской демократии: «В условиях конфликта олигархия разорвет свои собственные контракты, сломает свою собственную поверхностную "демократию" и атакует людей. .. В этот момент вновь возникает вопрос: что делать? Наш ответ: насилие — не исключительное достояние эксплуататоров, когда эксплуатируемые хотят и могут использовать его в подходящее время»²⁵.

Итак, первое условие использования насилия против режима — это эскалация его репрессий против населения. Это условие партизанский центр может создать, только спровоцировав репрессии против населения, что реально случилось как на Кубе²⁶, так и в Боливии²⁷. Другими условиями революции, которые способен создать партизанский центр, может быть изменение сознания народа. Третье условие — практический пример того, что с властями можно вести эффективную борьбу: «Мы поняли, что совершали тактические ошибки, и что движению не доставало некоторых важных субъективных элементов: народ сознавал необходимость перемен, но ему не хватало веры в возможность их осуществления. Задача заключается в том, чтобы убедить его в этом»²⁸.

Эти условия революции объединяет вера Че Гевары в эффективность военных, силовых решений встающих перед революционным процессом проблем. Помимо традицион-

ного каудилистского эффекта военных успехов и обещаний социально-экономических реформ, в разработке которых совещательный голос крестьян играл немалую роль, укреплению власти партизанского руководства способствует и карательная политика. В Боливии эта ставка на силу очень быстро обращается против крестьян. Партизанские репрессии были призваны укрепить позиции отряда Че Гевары среди кампесино: «Поддержки от крестьян не получаем, хотя кажется, что при помощи преднамеренного террора нам удалось нейтрализовать среди них наиболее враждебно настроенных к нам. Со временем они поддержат нас»²⁹.

Карательные действия в отношении крестьян были связаны и с необходимостью организационно отгородиться от них не только после победы, но и в ходе борьбы, подчинить крестьянское население района партизанскому центру власти. На Кубе новая система власти, со своей юрисдикцией и командно-карательным механизмом, вступила в действие уже через полгода после начала военных действий³⁰.

Э. Че Гевара специально обосновывает необходимость казней крестьян в случае их отхода от движения и сотрудничества с властями³¹.

Несмотря на то, что Че Гевара одинаково строго оценивает качества и городского и крестьянского пополнения³², крестьяне должны, по его мнению, составлять основу партизанской армии. Одним из обстоятельств, определяющих этот выбор, может быть более низкий уровень политических знаний, который делает крестьян более удобным материалом для создания «нового человека», носителя новых идей, «революционного способа мышления». Поскольку этот способ противоречит обыденной крестьянской психологии, большую роль в «перековке» сознания играет сам партизанский очаг — могучее средство воздействия на личность. Картина аскетической коммуны — отряда, нарисованная в «Партизанской войне», иллюстрирует путь решения проблемы внешних социальных влияний, «разлагающих» авангард, и позволяет О.Иванову сделать вывод о том, что «в концепции Э. Че Гевары исчезает социальный носитель идеологии: им становится каждый боец за независимость и справедливость»³³.

Этот вывод нуждается в некоторой корректировке. Че Гевара продолжал считать, что сражается за интересы рабочего класса, выраженные в марксизме³⁴. Воспитательная роль «очага» («фоко») позволяет форсировать переход к борьбе за эти идеалы уже на стадии вооруженных действий.

Все это как нельзя лучше соответствовало планам Че Гевары в Боливии.

Сама структура отряда по мысли Че Гевары способна определить характер будущих общественных отношений. Начав боевые действия, Че Гевара не спешит активизировать контакты с крестьянами. Предварительно необходимо было «превратить партизанский отряд в группу железной силы, в которой каждый новый человек будет чувствовать после прибытия позитивное влияние группы»³⁵.

Это монолитное, чуждое бюрократизму³⁶, но в то же время строго централизованное ядро должно было принять ожидавшийся приток крестьян и выковать из боливийцев «их офицеров, их будущих экономистов, их администраторов и т.д.»³⁷

Для успешного выполнения этой задачи в партизанском лагере создается своего рода школа гармонично развитого человека³⁸, где, однако, признана только одна точка зрения, политические дискуссии запрещаются³⁹. Результатом такого «единомыслия» стало резкое ухудшение морального климата в отряде, закончившееся скандалом накануне боевых действий⁴⁰. Первые три недели войны помогают команданте консолидировать отряд, после чего он решается, наконец, активизировать контакты с населением.⁴¹

В советской историографии высказывалось мнение о том, что крестьяне первоначально «держались настороженно, недоверчиво, часто даже враждебно»⁴². Это утверждение позволяет предположить, что отношения крестьян и партизан от месяца к месяцу устойчиво улучшались, и Че Геваре не хватило* времени для вовлечения крестьян в борьбу. Однако дневник Че Гевары и других бойцов не дает оснований для таких выводов. 9 февраля Э. Че Гевара пишет: «Инти и Рикардо встретили несколько мальчишек и пошли в дом молодого крестьянина, у которого шестеро детей, он оказал им хороший прием и дал много информации»⁴³. Крестьяне дают партизанам информацию (записи 9, 10, 13 февраля), продают продовольствие, не спешат сообщить о партизанах властям. Цели движения еще совершенно непонятны им.

Однако по мере разъяснительной работы партизан, касающейся, прежде всего, преимуществ социализма⁴⁴, отношение крестьян остается прежним, а затем ухудшается. Долгое время команданте надеется на перелом в настроениях крестьян, но тщетно — в сентябре наступает прозрение, выразившееся в горькой фразе: «...крестьянская масса ни в чем нам не помогает, крестьяне становятся предателями»⁴⁵.

В чем основные причины катастрофы? Были ли шансы на продолжение борьбы после сентября 1967 г.? На второй вопрос Э. Че Гевара отвечает положительно: «Наиболее важная задача — уйти отсюда и найти более благоприятные зоны. Кроме того, надо наладить контакты, хотя весь наш аппарат в Ла-Пасе разрушен, и там нам также нанесли тяжкие потери»⁴⁶. Но зону, в которую в конце сентября вторгается Че Гевара, никак нельзя назвать более благоприятной с точки зрения поддержки крестьян, — это департамент Кочабамба, крестьянское самоуправление которого славилось давними связями с Р.Барьентосом. Но Че Гевара уже не делает ставку на крестьян. Он репрессирует крестьянских коррехидоров (старшин)⁴⁷ и стремится прорваться на запад, где можно опереться на городские оппозиционные организации.

Этот поворот был связан с серьезным переосмыслением взглядов Че Гевары на роль крестьянской армии в революции. Еще на Кубе выступал против городских союзников партизанского руководства (как антибатистовской иммиграции, так и «равнинного» подполья)⁴⁸, взаимоотношения с которыми по мнению команданте следовало строить на временной основе по принципу: «стратегию диктует тот, кто обладает силой»⁴⁹. Было ясно, что в случае успеха равнинной тактики новый центр власти, сформированный в горах, не сможет установить контроль над всей страной. Заметно преувеличивала роль Повстанческой армии в победе революции на Кубе и концепция трех этапов войны, которой Че Гевара пытается придать универсальный характер. При переходе от этапа к этапу («кочевой», «оседлый», стратегическое наступление), Че Гевара учитывает различные факторы, но доминирующим считает фактор военных успехов крестьянской армии⁵⁰. Заключительный этап войны рисуется Че Геварой как наступление регулярной повстанческой армии на линии фронта: «...возникает линия фронта, где происходят бои партизанской армии с войсками противника... Противник терпит поражение, приняв бой, навязанный ему партизанами на ими же продиктованных условиях. Перед угрозой полного поражения он капитулирует»⁵¹.

Эта картина серьезно расходится с реалиями Кубинской революции. К 1 января 1959 года повстанческая армия контролировала малую, хотя и важную часть страны, подобие фронта существовало в Орьенте и под Санта-Кларой, причем до самой Санта-Клары повстанцы добирались «на грузовиках и джипах», не встречая никакого фронта⁵². Из схемы Че

Гевары, навеянной опытом китайской революции⁵³, выпадают не только такие факторы, как разложение армии⁵⁴, но даже всеобщая забастовка, которая, по признанию Ф.Кастро, «передала власть в руки революции»⁵⁵.

Всеобщая забастовка и распад режима передали власть в руки широкой коалиции, в которой увенчанная победами Повстанческая армия хотя и находилась в преимущественном положении, но не была единственной силой. Это заставило Ф.Кастро пойти по пути постепенной трансформации возникшей коалиционной структуры в режим с одним центром власти. Постепенность этого процесса неминуемо оставляла на Кастровском режиме «родимые пятно» буржуазности, что не могло радовать Че. Создается впечатление, что в стратегической концепции Че Гевары больше китайского опыта, чем кубинского.

В Боливии Че Гевара пытается создать ситуацию, в которой революционное движение централизовано изначально. Для этого партизанскому отряду необходимо как можно меньше зависеть от союзников. На этом пути Че Гевара не останавливается перед разрывом с КПБ, когда ее руководитель М.Монхе начал претендовать на общее руководство движением⁵⁶. По этой же причине команданте откладывает укрепление контактов с синдикалистским лидером Х.Лечином⁵⁷, влияние которого в Боливии было велико.

Только после того, как ставка на собственные силы не удалась, Че Гевара начинает стремиться к установлению более прочных контактов с городом. Но время для возвращения к кубинской модели революции уже было упущено. Да и сама городская оппозиция после разгрома шахтерской милиции Р.Барьентосом в мае 1967 года вряд ли смогла бы помочь Че Геваре победить.

Как видим, этот просчет, которой Р.Дебре считает одной из главных причин гибели Э. Че Гевары⁵⁸, вызван более принципиальными соображениями команданте, связанными с его стратегическими замыслами. Он стремился не просто к свержению диктатуры и дальнейшему постепенному, оппортунистичному движению от капитализма. Замысел Че отличался от кубинского пути принципиально. В горах следовало вырастить из недовольных крестьянских слоев распространяющуюся по всей Латинской Америке⁵⁹ с партизанскими колоннами новую систему общественных отношений и власти⁶⁰. Не трансформация капитализма в социализм, а замена существующего общества новым, выросшим в горах.

Но ради чего все это? Мы уже видели, что стратегической задачей команданте было построение нетоварного социализма, общества моральных стимулов. Но на пути этого идеала стояли не только «предрассудки» простых людей, но и вся империалистическая система.

Уничтожить ее можно, втянув империализм в непосильные для него войны, множество «вьетнамов». Одним из таких «вьетнамов» должна стать Латинская Америка. Этот план созревает у кубинских лидеров в самом начале 60-х годов, и уже в 1962 году Че Гевара пишет: «Знамя восстания должно быть поднято, и это знамя по исторической необходимости должно быть континентальным по характеру. Андским Кордильерам предназначено быть Сьерра-Маэстрой Америки, как сказал Фидель»⁶¹.

Некоторое время Че Гевара скрывает континентальный характер борьбы в Боливии. Даже руководство КПБ узнало о нем только в середине февраля 1967 года⁶². Окончательно континентальные задачи войны прояснились в июле: «Мало хорошего и в тех заявлениях, что сделали Дебре и Пеладо. Особенно это касается признаний относительно обще-континентального характера партизанской борьбы, которых они не должны были бы делать»⁶³. Впрочем, секрета в этом не было уже после опубликования в Гаване статьи Че Гевары «Призыв к Триконтиненталу».

Интернациональный характер отряда, антиимпериалистическая и антиамериканская агитация — все это не способствовало росту авторитета партизан среди крестьян, которые, по выражению Дебре, «никогда не видели янки в своей жизни»⁶⁴. Местные кампесино вряд ли могли усмотреть в США источник своих бед, зато в партизанах могли видеть вполне конкретный пример иностранного вторжения. Партизаны, значительная часть которых прибыла из чужой страны, несли чуждую крестьянам культуру, чуждые идеи, да еще и не понимали их языка.

Язык кечуа, которым партизаны начали заниматься в лагере⁶⁵, в этом районе мало употреблялся, в то время как основной язык местных пеонов — гуарани — в отряде знал лишь один человек⁶⁶. В результате крестьяне воспринимали партизан не только как чуждых им людей, но и подчас просто не понимали, что они говорят⁶⁷. Грубые просчеты в этой области также не были случайны. В «Призыве к Триконтиненталу» Че писал об «интернациональном американском типе, значительно более законченном, чем такие же образования на других континентах»⁶⁸.

Разрыв с культурной средой театра военных действий, несомненно, стал важной причиной поражения, но сама эта причина обусловлена стратегией Че Гевары. Успех национально-освободительных лозунгов Ф.Кастро помог победе революции, но он же поставил партизанское руководство в зависимость от национальных социально-политических сил после 8 января 1959 года. Попытка Че создать новые общественные отношения как бы вне общества определяла разрыв со «старой» культурой страны. Поэтому поверхностным представляется высказанное Р.Дебре в 1970 году мнение о том, что «фундаментальным фактором, определившим поражение Че в Боливии была его недооценка национализма в привлечении поддержки повстанческого очага»⁶⁹. Фундаментальной причиной провала Боливийской экспедиции явился сам принцип навязывания народу сверхцентрализованной «справедливой» модели бытия. Неприемлемость самой этой модели сказалась в ходе идейной борьбы за умы и сердца крестьян.

Помимо лозунгов и доводов в пользу революции, о которых говорилось выше, Че Гевара основывал свою агитацию на лозунге освобождения: «Фундаментальным элементом этого стратегического финала становится тогда реальное освобождение людей»⁷⁰, — пишет Че в своем «Призыве к Триконтиненталу», напрямую связывая это освобождение с социалистической революцией. Но понятие «освобождение» означает лишь свободу от невидимых законов капитализма⁷¹, о которых команданте говорил в «Социализме и Человеке на Кубе». А во взаимоотношениях личности и общества определяющей становится категория «социального долга»⁷², в совокупности с централизованной моделью нетоварной экономики сводящая на нет свободу личности. Так вольно или невольно Че Гевара довел до логической завершенности модель господства государства и его бюрократии над человеком.

Пропаганда режима быстро заметила эту сторону воззрений Че Гевары и, сдобрив ее изрядным слоем клеветы, стала одерживать победы на идеологическом фронте. Один из крестьян вспоминал позднее: «Военные нам говорили, что партизаны хотят коммунизма, а при коммунизме, как нам объяснили военные, все становятся слугами государства, всех одевают в одинаковую одежду, семьи разрушаются. Нам говорили, что партизаны насилюют женщин, занимаются разбоем, убивают всех, кто не служит им, а главное, нас убеж-

дали, что они прибыли превратить нас в рабов. А я люблю свободу...»⁷³.

Идеи Че Гевары, которые были проанализированы в этой работе — это своего рода квинтэссенция теорий форсированной насильственной централизации общества. И вполне естественно, что ее элементы присутствуют во всех теоретических построениях современности, которые стремятся к централизации общества с оружием в руках.

Но социальный смысл этих взглядов и источник их жизни лежит глубже. Социальные проблемы развивающихся стран порождают значительные деклассированные слои, вытесняя в эту сферу все большее число людей. Проблема «лишних людей», не находящих свое место в обществе по экономическим или политическим причинам, обостряется не только в Латинской Америке. Попытки решить все проблемы путем проведения реформ из государственного центра всегда ущемляют какие-то слои населения. Перераспределительные процессы, характерные для государственной политики второй половины XX века, также множат число «обделенных». На почве всех этих социальных явлений вырастает политический экстремизм — стремление с оружием в руках захватить государственный центр и «исправить» его политику в соответствии со своими представлениями о справедливости.

Любое ухудшение социального положения трудящихся, расширение деклассированных слоев, эскалация произвола со стороны властей — и экстремистские группировки начинают перерастать в массовые движения. Но даже в период относительного благополучия эти группировки постоянно воспроизводятся и поднимают на щит имя Э. Че Гевары.

Влияние Че Гевары в Латинской Америке распространялось по многим направлениям. Его взгляды завоевывали военные и молодежные организации компартий, порождая в них внутренние смуты⁷⁴, его методы брали на вооружение наиболее нетерпеливые отряды антиимпериалистических течений от левых перонистов⁷⁵ до троцкистов, так как по справедливому замечанию известного троцкиста Х.Марторелла, «Партизанские операции говорят громче, чем тонны бумаги»⁷⁶.

Громче всего партизанские операции прозвучали в Никарагуа. Гибель Че Гевары не остановила никарагуанских революционеров. «А в начале октября Латинская Америка и весь третий мир переживают трагическое событие: погибает

Че Гевара. До этого были и другие потери. Сегодня можно сказать, что их героические примеры звали на борьбу до победы или смерти, но вместе с тем они способствовали и возникновению негативных настроений, преувеличению трудностей партизанской жизни, хотя они действительно немалые. Погибали видные руководители, но дело их жило»⁷⁷, — писал К.Фонсека. В этом высказывании содержится очень важная мысль — гибель Че Гевары может бросить тень лишь на техническую сторону метода команданте, но цели его достойны воплощения в жизнь. Никарагуанский Сандинистский фронт национального освобождения исправил технологию метода и пришел к власти, но самое тяжелое испытание — испытание победой, показало, что метод сам по себе несет в себе элементы результата. Военная организация, пришедшая к власти, неизбежно использует централизаторские, авторитарные, типично бюрократические методы правления, тормозящие продвижение к демократическим целям. Продовольственная диктатура, вытеснение политических оппонентов из сферы власти, попытка решительной интеграции национально-культурных меньшинств не дали Никарагуа ни мира, ни процветания. Сандинистская революция оказалась ценна не столько результатами (относительно скромным продвижением по пути социального государства), сколько романтикой целей. Этот романтический миф позволил сегодня сандинистам вернуться к власти без войны, но это — уже другие сандинисты.

Сохраняются, конечно, и старые подходы. В колумбийской сельве продолжается повстанческая борьба, слегка переплетенная с бизнесом. Бойцы должны чем-то жить в ожидании новой идеи. Старая модель государственного социализма показала свою слабость, а новая еще не родилась. Государственный социализм неизбежно превращает страну в собственность бюрократии, и дальнейший «термидор», превращение радикалов в сытых собственников — становится лишь вопросом времени. Это произошло в России, Никарагуа, в Китае. Марксистская модель диктатуры пролетариата позволяет осуществить модернизацию и создать социальное государство — что уже немало. Но она не дотягивает до социализма.

Но Че остается «в игре» — как символ неизведанных путей. Он не успел реализовать свою модель — в этом источник мифа Че. Но в целом, идея замены элиты страны «новыми людьми», выращенными в партизанском «очаге»,

была опробована, и не раз: в Китае, во Вьетнаме, особенно наглядно — в Кампучии. И каждый раз дорога Че-Мао вела в тупик и далее — к «термидору». На Кубе, где революция развивалась не по Че Геваре, социальное государство пока держится. Венесуэла, дозревшая до строительства социального государства, вселила в сторонников старого государственного социализма новую надежду. Но пока радикальные речи не сопровождаются решением социалистических задач в Венесуэле. Часы государственного социализма все еще ведут обратный отсчет.

Че погиб накануне мирового социального взрыва 1968 года, отдав жизнь за идею. «Умрешь не даром. Дело прочно, когда под ним струится кровь». Смерть в горах породила миф, желание продолжить прерванное дело. А тут как раз начался «год баррикад». Не Сапата, не Троцкий, не Ганди и не Хо Ши Мин, а именно он — в лихом берете и с устремленным вдаль взором — оказался символом нового поколения, которое не выбрало «Пепси». Высокие этические цели и готовность к жертве — вот что привлекало к образу Че миллионы людей, действия которых были гораздо ближе к методам Ганди, чем Че. Но была и безусловная общность — радикализм.

«Концепция коммунизма Че была объединена в мае 1968 года с маркузеанской критикой капиталистической цивилизации, с определенными аспектами культурной революции в Китае, с троцкистской критикой бюрократии. Смещение этих компонентов привело к необычайному взрыву»⁷⁸. Сочетание ряда идей Че Гевары с троцкизмом и маоизмом могло быть вполне органичным. В 1968 году на первый план вышло объединяющее этих теоретиков стремление к уничтожению бюрократии при сохранении централизма власти. Интересно, что и в политике Че Гевара старался занимать «третью» позицию в конфликте КПК и КПСС. В речи в Алжире он критикует и СССР, и КНР⁷⁹. В Боливии он рассчитывает на помощь обеих стран⁸⁰.

Раздумья, наступившие за Красным маем, заставили переосмыслить эффективность методов Че Гевары, тем более, что освещенное трагическими судьбами Ганди и М.Л.Кинга «второе рождение» массовых ненасильственных действий в 60-е годы дало, например, в США гораздо более зримый результат, чем вооруженная борьба «Черных пантер». Осмысление идей Че Гевары вновь выводило на первый план его цели, все более расходящиеся со временем. В 70-80-е годы

нарастает влияние идей самоуправления, прямых гражданских инициатив, децентрализации и автономии, распыленной власти. Рост политического сознания людей, при всей неравномерности этого процесса в социальном и географическом плане, оставляет все меньше возможности тем, кто пытается на волне массового народного движения навязать народу идеи меньшинства.

Впрочем, речь идет о меньшинстве в единственном числе, потому что большинство населения — это электоральная абстракция. Большинство состоит из меньшинств, и ненасильственный путь к новому обществу — это «партизанские тропы» меньшинств, выходящих из «империалистического окружения» не единым фронтом, а небольшими группами. И если забыть о тоталитарном ядре взглядов Че Гевары, то гражданским движениям можно «взять на вооружение» многие его тактические идеи. В конце концов, Че не был банальным экстремистом (радикалом только в вопросах метода), но и радикалом идеи, мечтавшем об обществе, построенном на этическом регулировании. Трагедия Че заключалась в попытке привести человечество к такому обществу через насилие. А это ведет к неизбежному тоталитарному финалу или поражению. Я понимаю, что если из такой системы взглядов вычленить насилие, то она рухнет. И все же даже на развалинах былых империй строят новые города. На развалинах теории революционного насилия можно найти блестящие идеи, которые могут пригодиться сторонникам свободы и солидарности. Не случайно, организуя митинги в 1988—1990 гг., неформалы использовали советы Че: продумывали пути отхода, альтернативные маршруты, возможности внезапного действия и психологического воздействия на противника. Важной идеей Че остается «очаг» — небольшой социум, созданный в сельской местности и воспитывающий человека, привыкшего к более моральным социальным условиям, чем существующие в «большом мире». Че мечтал, как почкующиеся очаги будут разрастаться по стране, и вытеснять существующие общественные отношения. В последние дни своей жизни он понял, что успех здесь возможен только в связи с существующими гражданскими движениями. И без насилия — добавим от себя. Очаги-поселения — идея, завоевавшая себе путевку в XXI век. Но и здесь идеи команданте нуждаются в корректировке, особенно если учесть неблагоприятный моральный климат в его отряде.

Иногда наследие команданте полезно вспомнить, но в действительности новый мир прорастает прежде всего в другой субкультуре. Знамя радикализма не способствует конструктивной работе. С разной скоростью в различных странах и слоях общества (это зависит и от исходного уровня политической культуры, и от конкретных поворотов социально-политической ситуации) вслед за культом сильных личностей приходит осознание того, что решение проблем современных общественных систем исходит не от отдельных героев и даже не от гигантских государственных или антигосударственных (мафиозных, революционных) систем, а от небольших объединений людей, вызревающих в ткани гражданского общества.

Примечания

- ¹ Че Гевара Э. Партизанская война. М., 1961. С. 13-14.
- ² Там же. С.40.
- ³ Фадеев Ю.А. Боливия: революция и контрреволюция. М., 1966. С. 66.
- ⁴ Lovy M. Marxism of Che Guevara. 1973. P. 120.
- ⁵ Che Guevara E. A common aspiration: overthrow of imperialism unites Cuba with Africa and Asia. Habana, 1965. P. 3—4.
- ⁶ Che Guevara E. Selected works. Cambridge, 1970. P. 127.
- ⁷ Lovy M. Op. cit. P.90.
- ⁸ Ibid. P.64.
- ⁹ Героическая эпопея: от Монкады до Плайя-Хирон. М., 1978. С.191.
- ¹⁰ James D. E.Che Guevara. Biography. 1969. P.94.
- ¹¹ The Complete Bolivian Diaries of Che Guevara, and Other Captured Documents. New York, 1968. P.82, 114.
- ¹² Р.Барьентос — диктатор Боливии в 1964-1969 гг., Ф.Батиста — диктатор Кубы в 1952—1958 гг.
- ¹³ См.: Гончарова Т.В. Индеанизм: идеология и политика. М., 1979; Фадеев Ю.А. Указ. соч. С. 156.
- ¹⁴ Че Гевара Э. Партизанская война. С. 115.
- ¹⁵ Подробнее см.: Кастро Ф. История меня оправдает // Героическая эпопея: от Монкады до Плайя-Хирон. С.57, 63.
- ¹⁶ Кастро Ф. Речи и выступления 1961-1963 гг. М., 1963. С.807.
- ¹⁷ Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны.С.87—88.
- ¹⁸ Героическая эпопея... С. 108.
- ¹⁹ Там же. С.91.
- ²⁰ Там же. С.82.
- ²¹ Там же. С.52.
- ²² The legacy of Che Guevara. A documentary study by D.C.Hoges. 1977. P.15.

²³ «Che» Guevara on relation. Edited and by an introduction by J.Tallinn. Coral Cables, 1969. P.76-77.

²⁴ Че Гевара Э. Партизанская война. С.11.

²⁵ Che Guevara E. Obras. V.I. P.166.

²⁶ См., например: Че Гевара Э. Эпизоды... С.35, 158.

²⁷ The Complete Bolivian Diaries... P. 164.

²⁸ Цит. по: Григулевич И.Р. Э. Че Гевара и революционный процесс в Латинской Америке. М., 1984. С.64-65.

²⁹ The Complete Bolivian Diaries... P. 151.

³⁰ См.: Че Гевара Э. Эпизоды... С.68.

³¹ Там же. С.132.

³² Там же. С.57, 96.

³³ Иванов О. Концепция революции//Латинская Америка. 1988. №6. С.60.

³⁴ Che Guevara E. Eseritas y discursos. V.9. P. 30.

³⁵ The Complete Bolivian Diaries... P288.

³⁶ Ibid. P.293.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid. P.299.

³⁹ Ibid. P. 106.

⁴⁰ Ibid. P.128-129.

⁴¹ Ibid. P.250.

⁴² Григулевич И.Р. Указ. соч. С. 187.

⁴³ The Complete Bolivian Diaries... P.111.

⁴⁴ The Complete Bolivian Diaries... P.215; Куль А., Глес Ф. Партизанскими тропами Че // Куба. 1988. №3. С.9.

⁴⁵ The Complete Bolivian Diaries... P219.

⁴⁶ Ibid. P.219-220.

⁴⁷ Ibid. P.214, 216.

⁴⁸ См.: Че Гевара Э. Эпизоды... С. 165, 205, 206. Здесь Че в своих оценках расходится с официальной позицией «Сьерры» (см.: Ларин Е.А. Повстанческая армия в" Кубинской революции. М., 1976. С.153).

⁴⁹ Че Гевара Э. Эпизоды... С. 158.

⁵⁰ Че Гевара Э. Эпизоды... С. 155; Че Гевара Э. Партизанская война. С.77-79.

⁵¹ Че Гевара Э. Партизанская война. С.79.

⁵² От Сьерра-Маэстры до Гаваны. М., 1965. С.235-237.

⁵³ По своему собственному признанию, Че «усвоил много вещей» из «Военных записок» Мао Цзэдуна (Che Guevara E. Selected works. P.368). Действительно, их концепции войны во многом близки. См.: Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т.2. С. 155-161.

⁵⁴ См.: Героическая эпопея... С.215.

⁵⁵ Кастро Ф. Речи и выступления. М., 1960. С. 162.

⁵⁶ The Complete Bolivian Diaries... P.95-96, 293.

⁵⁷ Debrey R. Che's guerilla war. L., 1975. P. 134.

⁵⁸ Ibid. P.20.

⁵⁹ The Complete Bolivian Diaries...

⁶⁰ Debrey R. Op. cit.

- ⁶¹ Che Guevara E. Selected works. P.86.
- ⁶² The Complete Bolivian Diaries... P. 144.
- ⁶³ Ibid. P. 181.
- ⁶⁴ Debrey R. Op. cit. P.130.
- ⁶⁵ The Complete Bolivian Diaries... P. 101.
- ⁶⁶ Debrey R. Op. cit. P.90.
- ⁶⁷ The Complete Bolivian Diaries... P. 144.
- ⁶⁸ «Che» Guevara... P. 157.
- ⁶⁹ The legacy... P.38.
- ⁷⁰ «Che» Guevara... P. 159.
- ⁷¹ Ibid. P.131.
- ⁷² Ibid. P. 136.
- ⁷³ Григулевич И.Р. Указ. соч. С.205-206.
- ⁷⁴ The legacy... P. 155.
- ⁷⁵ Ibid. P. 188.
- ⁷⁶ Ibid. P. 167.
- ⁷⁷ Идейное наследие Сандино. М., 1982.
- ⁷⁸ По: Lovy M. Op. cit. P. 117.
- ⁷⁹ Che Guevara E. A common... P.5.
- ⁸⁰ The Complete Bolivian Diaries... P.286.

ЧАСТЬ III. МЕЖДУ ФАШИЗМОМ И КОММУНИЗМОМ

Александр Север

КРАСНЫЕ В НСДАП

Социалистическая составляющая присутствовала в идеологии НСДАП с самого ее основания. Можно сказать, что изначально это была партия с четко выраженными левыми, рабочими тенденциями. По крайней мере, центральный партийный орган НСДАП (в то время это был еще «Мюнхенер беобахтер») писал 31 мая 1919 года относительно требований текущего момента, что «они укладываются в рамки требований других левых партий».

Особенно сильны социалистические тенденции среди нацистов были в начале 20-х годов XX века на Северо-Западе Германии, в Рурской области, в Гамбурге — важных индустриальных центрах с многомиллионным рабочим классом, где образовалась фактически полусамостоятельная национал-социалистическая организация, центр которой находился в Гамбурге. О радикализме этой группы свидетельствует хотя бы такое высказывание ее лидера, гамбургского гауляйтера, Альберта Фолька: «Ввиду того, что рабочие чувствуют себя носителями переворота ноября 1918 года, более того — рассматривают новый государственный строй как успех своих усилий, мы никогда не завоюем их доверия, если будем приписывать нужду и унижения только революции». А ведь на Юге, в Баварии, на проклятых в адрес Ноябрьской революции строилась вся нацистская пропаганда.

Однако в качестве фракции, конкурирующей в борьбе за власть в НСДАП с мюнхенским руководством, левонацистское направление оформилось лишь в середине 20-х годов. Бесспорными и наиболее известными лидерами этого течения стали братья Грегор и Отто Штрассеры. Интересно, что пришли они в НСДАП фактически, что называется, с «противоположных сторон баррикады» — Отто слева, а Грегор — справа.

Старший, **Грегор** (1892—1934), владелец аптеки в Ландсхуте (Бавария) и обер-лейтенант Первой мировой войны,

сформировал в своем городе «фрайкор (добровольческий корпус) Ландсхут» — одно из многочисленных реакционных милитаристских формирований того времени, принял участие в «капповском путче» в Баварии. В феврале 1920 года (незадолго до путча) он влил свой «фрайкор» в СА, тем самым создавая первое формирование штурмовиков за пределами Мюнхена. Он же создает в Нижней Баварии партийную группу НСДАП и становится за это первым гауляйтером партии — ее руководителем в Нижней Баварии.

В это время младший брат, **Отто** (1896—1974), бывший лейтенант, а затем студент экономики в Берлине, вступает в СДПГ и становится сотрудником ее центрального органа, газеты «Форвертс», командиром трех «красных сотен» в рабочем пригороде Берлина Штеглиц, которыми ой командует при подавлении все того же «капповского путча» в марте 1920 года. Вскоре, однако, он демонстративно выходит из партии в знак протеста против разоружения революционного рабочего класса и нарушения правительственного обещания о роспуске «фрайкоров».

Очень быстро Грегор Штрассер становится вторым, после Гитлера, человеком в нацистском движении, одним из самых популярных ораторов. В начале 1925 года Гитлер поручает ему создание парторганизаций на Севере и Западе Германии и наделяет полной свободой действий. Грегор Штрассер сразу же обращается за помощью к брату. Тот еще в конце 1923 года вступает в НСДАП (партийный билет №25239) и становится его ближайшим помощником и главным пропагандистом его идей. В течение нескольких месяцев братья едва ли не с нуля повсеместно за пределами Баварии создают на Севере и Западе страны ячейки НСДАП, благодаря чему эпицентр влияния партии заметно переместился из крестьянской Баварии на индустриальный Северо-Запад.

Отто Штрассер сразу же занялся выработкой новой программы (взамен гитлеровских «25 пунктов») и превращением северных и западных организаций НСДАП в проводников своих идей. Пользуясь предоставленной ему свободой действий, Грегор Штрассер назначает гауляйтеров по собственному усмотрению, практикует демократические выборы руководителей среднего и низового звена, благодаря чему большая часть гауляйтеров, за исключением южногерманских, были сторонниками братьев. В итоге внутри НСДАП образовалось направление, представленное северогерманскими организациями и отличное от «мюнхенского руководства».

Наибольшую поддержку Штрассерам оказывали гауляйтеры **Аксель Рипке** и **Карл Кауфман** (Рейнланд-Норд), **Эрих Кох**, **Франц Пфедфер фон Саломон**, **Йозеф Вагнер** (Вестфалия), **Эрих Розикат** и **Гельмут Брюкнер** (Силезия), **Карл Рёвер** (Ольденбург), **Мартин Мучман** и **Хельмут фон Мюкке** (Саксония), **Йозеф Бюркель** (Рейнпфальц), **Эрнст Шланге** (Берлин), **Хинрих Лозе** (Шлезвиг-Гольштейн), **Теодор Вален** (Померания), **Фридрих Гильдебрандт** (Мекленбург) и другие.

Ближайшим помощником и идеологом братьев является выходец из рейнской рабочей семьи, член НСДАП с 1923 года, доктор **Йозеф Геббельс**. Прошедший жестокую школу жизни, обладавший несомненными способностями, он явился настоящей находкой для Грегора. Показательно, что Геббельс, прежде чем окончательно примкнуть к нацистам, довольно долго колебался между ними и Компартией Германии (КПГ), в его окружении той поры было много коммунистов. Именно Геббельс стал редактором журнала «Национал-социалистише брифе», главного теоретического органа левого, социалистического крыла, и секретарем Грегора Штрассера.

Последний между тем не терял времени зря и уже 10—11 сентября 1925 года на совещании своих сторонников в Хагене провозгласил образование «Рабочего содружества северо- и западногерманских гауляйтеров НСДАП», поручив управление его делами Геббельсу. Теоретическим органом «Рабочего содружества» стали вышеупомянутые «Национал-социалистише брифе», выходявшие с 1 октября 1925 года. Геббельс в своих дневниках называл их «оружием борьбы против склеротических бонз в Мюнхене» и провозгласил Грегора Штрассера «силой, противостоящей бонзам». Задачу «Рабочего содружества» Геббельс видел в том, чтобы «усилить значение собственной позиции в национал-социалистическом движении и выработать альтернативу пагубному мюнхенскому направлению». В своем журнале он первым делом открыл дискуссию по рабочему вопросу, продолжавшуюся до 1930 года.

Таким образом, уже в конце 1925 года возникла сплоченная, организованная оппозиция по отношению к гитлеровскому руководству НСДАП. Причем оппозиция эта открыто рекламировала себя в качестве левой фракции партии и проводила свою, отличную от гитлеровского руководства в Баварии линию как по второстепенным, тактическим (поддержка КПГ во время референдума о конфискации собственности князей), так и по принципиально важным, стратегическим вопросам (требование создать свой боевой «нацист-

ский» профсоюз). Эта оппозиция собирала членские взносы от входивших в нее земель — «гау» (Саксония, Силезия, Вюртенберг, Баден в их числе), их гауляйтеры получали от руководства оппозиции руководящие циркуляры.

В чем же состояли идеологические расхождения между левой фракцией и гитлеровской группой? Штрассеровцы выступали за социализм, но не за реформистский «сотрудничающий с капиталом социализм СДПГ» и не за «антинациональный социализм КПП», а за «национальный социализм». Этот их «немецкий социализм» носил в соответствии с национальными традициями явно выраженный этатистский характер. Наиболее точную и лапидарную формулировку дал Геббельс в своей статье 1 сентября 1925 года в центральном органе НСДАП «Фёлькишер беобахтер» — *«Будущее принадлежит диктатуре социалистической идеи в государстве»*. В ней Геббельс, главный теоретик левой фракции, пропагандировал национально ориентированный революционный социализм, который через абсолютизацию идеи тоталитарной власти, идею мощного государства, разумеется пролетарского государства, ревизовал интернационалистский марксизм. Интересно, что и Компартия Германии (КПП) стала выдвигать внешне схожие лозунги пятью годами позднее, причем немедленно была подвергнута за них жесточайшей критике со стороны Льва Троцкого.

Именно в этом смысле (борьба за немецкий «национал-социализм») следует понимать заявление Грегора Штрассера, что идеалом для него являются Август Бебель и вообще немецкое социал-демократическое движение до Первой мировой войны. С КПП его разделяла полная финансовая и политическая зависимость компартии от Москвы и наличие в ней большого числа евреев, особенно в ее руководстве.

Основными политическими требованиями Грегора Штрассера в это время являлись:

- высокие промышленные и аграрные пошлины;
- автаркия народного хозяйства;
- самое интенсивное обложение посреднических прибылей;
- корпоративное построение хозяйства;
- борьба против «желтых» профсоюзов;
- революционная оборона (читай — наступление) в союзе с СССР против империалистов Запада.

По последнему пункту он писал в передовице «Фёлькишер беобахтер»: *«Место Германии на стороне грядущей России, так как Россия тоже идет по пути борьбы против Версаля, она —*

союзник Германии». Свой внешнеполитический курс Грегор Штрассер навязывал всей партии, и «восточная политика» НСДАП, в отличие от курса Гитлера на союз с Италией, сохранялась вплоть до 1930 года, причем диктовалась она не просто антиверсальскими резонами, корни лежали глубже. Так, Геббельс в своей весьма характерно названной статье «Беседа с другом — коммунистом», помещенной в «Фёлькишер беобахтер», пишет: *«Мне нет необходимости разъяснять своему другу-коммунисту, что для меня народ и нация нечто иное, чем для красная с золотой цепочкой от часов на откормленном брюшке. Русская Советская система, которая отнюдь не дожидается последние дни, тоже не интернациональна, она носит чисто национальный русский характер. Ни один царь не понял душу русского народа, как Ленин. Он пожертвовал Марксом, но зато дал России свободу. Даже большевик-еврей понял железную необходимость русского национального государства»*. Интересно здесь то в первую очередь, что написано это в 1925-м, а не, допустим, в 1939 году и относится к Ленину, а не к Сталину.

Показательно также, что Штрассер решительно выступал против антибольшевизма, так как считал его «классическим примером искусной работы капитализма: ему (капитализму. — Авт.) удастся запрячь в свою борьбу против антикапиталистического большевизма и такие силы нации, которые не имеют ничего общего с капиталистической эксплуатацией».

Как более динамичная, растущая сила в НСДАП, левая фракция вполне естественно стремилась к тому, чтобы ее программа была принята всей партией. 22 ноября 1925 года на конференции «Рабочего содружества» в Ганновере, на которой были представлены одиннадцать гау, среди прочих присутствовали такие влиятельные гауляйтеры, как **Эрих Кох** (Рур), **Йозеф Вагнер** (Вестфалия), **Хинрих Лозе** (Шлезвиг-Гольштейн), **Хельмут Брюкнер** (Силезия), **Фридрих Гильдебрандт** (Мекленбург), **Карл Кауфман** (Рейнланд-Норд), **Франц Пфедфер фон Саломон** (Вестфалия), **Эрист Шланге** (Берлин), **Бернхард Руст** (Ганновер), **Карл Рёвер** (Ольденбург), **Йозеф Тербовен**, **Роберт Лей** (Кёльн) и ряд других.

Грегор Штрассер открывает дискуссию по вопросам партийной программы. Он представляет проект Отто Штрассера и поручает Геббельсу и Карлу Кауфману разработать еще один вариант программы. 11 декабря 1925 года проект Отто Штрассера рассылается для ознакомления во все гау, входящие в «Рабочее содружество», с просьбой обсудить и высказывать свое мнение. Он конкретизировал старую гитлеров-

кую программу «25 пунктов», дополнив ее в тех частях, которые касались социальных вопросов, в особенности положения рабочего класса, — предусматривалось установление новых экономических отношений, экспроприация промышленного капитала, с передачей 30% акций всех промышленных акционерных обществ в собственность рейха, а 10% — рабочим этих же предприятий, причем последним гарантировалась такая же доля при распределении доходов и места в наблюдательных советах. Еще более радикальной была программа в отношении сельскохозяйственных рабочих — предусматривалась экспроприация помещичьей земли и раздача ее им.

24 января 1926 года в Ганновере на квартире местного гауляйтера Бернхарда Руста состоялась третья конференция «Рабочего содружества» с участием гитлеровского эmissара Готфрида Федера. На ней обсуждается штрассеровская программа, причем левые нацисты были полны решимости отстаивать свой курс. Так, Бернхард Руст заявил, что Гитлер северо-западным партийным организациям «не указ», «у нас нет папы — как решило большинство, так и будет» (интересна религиозная подоплека этой фразы. Очевидно, подсознательно «северяне»-протестанты испытывали неприязнь к католическому мюнхенскому руководству), Фридрих Гильдебрандт, гауляйтер Мекленбурга, воскликнул: «Долой мюнхенских реакционеров! Долой прислужников князей!» (сам Гильдебрандт был лидером местного национал-социалистического союза сельскохозяйственных рабочих и одним из наиболее радикальных сторонников братьев Штрассеров). А доктор Геббельс договорился даже до того, что предложил «исключить мелкого буржуа Адольфа Гитлера из НСДАП». Однако пойти на разрыв участники конференции не решились, отложив развязку на 14 февраля 1926 года, дату намеченного руководством НСДАП совещания в Бамберге.

Следует отметить, что среди гауляйтеров Северо-Запада не было полного единодушия. Всегда существовала «большая пестрота взглядов». Наряду с «ведущим социалистом» в НСДАП Грегором Штрассером здесь был поддерживающий Гитлера Роберт Лей, который «по-человечески чувствовал положение рабочих», однако его «социализм» был «родственен классическому идеалу гуманности», и Эрих Кох — «один из решительнейших социалистов», которого от КПГ отделил лишь его антисемитизм.

В этой ситуации Гитлер, мастер закулисных партийных махинаций, хорошо подготовился к предстоящему столкновению.

Назначая конференцию в Бамберге, он хорошо понимал, что в связи с отсутствием средств многие «северяне» на нее приехать не смогут — так и вышло. Денег на билет смогли набрать только для Геббельса. Сам Грегор Штрассер приехал бесплатно, как депутат рейхстага. В то же время Гитлер сумел собрать максимальное число своих сторонников, их были не десятки, как на конференции в Ганновере, а сотни. Фюрер публично разорвал программу Штрассера и объявил, что конференция в Ганновере была незаконной. Выступил также Готфрид Федер, но критиковавший «большевистские тенденции» в программе штрассеровцев. Но леворадикальный проект Отто Штрассера не обсуждался на конференции — сам же Грегор Штрассер отозвал его, чувствуя неравенство сил. Иуда Геббельс поддержал Гитлера, так как тот произвел на него неизгладимое впечатление. Отныне, особенно после того, как 26 октября 1926 года Гитлер назначил его гауляйтером Берлин-Бранденбурга, он проводил свою собственную политику, фактически расколов левое крыло на две части. Группа Штрассера никогда не смогла простить Геббельсу этой «неслыханной измены своим друзьям», как выразился гауляйтер Рура Франц Пфедфер фон Саломон.

Произошли и другие кадровые перестановки, коснувшиеся прежде всего пролетарского Рура — оплота левых нацистов. Тот же Пфедфер переехал в Мюнхен, став руководителем местных «штурмовиков» (СА). Карл Кауфман переведен гауляйтером в Гамбург, а Эрих Кох (будущий палач Украины) — в Восточную Пруссию.

Закрепляя свою победу, Гитлер разослал 1 июня 1926 года из Мюнхена директиву о роспуске «Рабочего содружества». В партии был введен принцип фюрерства, отныне гауляйтеров назначал сам Гитлер, демонстративно была провозглашена неизменность первой программы партии (так называемых «25 пунктов»), которой, кстати говоря, Гитлер не очень дорожил, считая ее устаревшей.

Однако полного разгрома штрассеровской фракции не произошло. Левые сопротивлялись. 1 марта 1926 года, сразу после бамбергского поражения, братья Штрассеры основали в Берлине издательство «Кампфферлаг» и развернули широкую пропагандистскую кампанию. Начались обмены любезностями. Весьма характерна была появившаяся в это время статья Эриха Коха, в которой ни разу не упоминался Иозеф Геббельс, но рассказывалось на исторических примерах о гнусности, коварстве и ничтожестве всякого рода калек и уродцев, занимавшихся политической деятельностью.

Гораздо более серьезным делом, нежели газетные уколы, был созыв в июле 1926 года под нажимом левых специальной конференции партии по вопросу о создании своего нацистского профсоюза. И хотя от штрассеровцев им так и не удалось добиться создания боевой рабочей организации, в следующем, 1927 году на Нюрнбергском партийном съезде они вновь выдвинули свои «пролетарские» требования, продолжая на страницах контролируемой левыми нацистами печати («Национал-социалистише брифе», «Рейхсварт») оживленную дискуссию по этому вопросу. При этом полностью игнорировалась антипрофсоюзная позиция Гитлера, изложенная в «Майн кампф». Лидер столичной парторганизации Геббельс, который хотя переметнулся в организационном плане на сторону фракции Гитлера, все же длительное время сохранял свои левые убеждения. Он решительно выступал в поддержку забастовочной борьбы. В своей статье «Стачка», помещенной в издаваемой им газете «Ангриф» 10 февраля 1930 года, он приветствовал забастовки как средство борьбы против «системы» и «плохих капиталистов».

В 1927 году под его влиянием появилась первая нацистская группа на крупном предприятии — это был «национал-социалистический союз избирателей» на заводе «Берлинер Кнорр-Брамзе А.Г.», переименованный вскоре в «Национал-социалистический Боевой Рабочий Союз». Вслед за этим одна за другой стали появляться подобные организации на крупнейших предприятиях (заводы Сименса, Борзига, «АЭГ», Берлинское транспортное общество «Фауг» и т. д.). В конце 1928 года их было свыше пятидесяти. Главным их организатором являлся энергичный и талантливый 23-летний заместитель Геббельса по руководству берлинской парторганизацией Рейнгольд Мухов и его помощники Вальтер Шуман и Иоганн Энгель. Создавая свою организацию по принципу производственных ячеек, Мухов копировал опыт КПГ. Он писал: «Главной задачей... является превращение рабочих в правящий слой нового государства». В конце концов Гитлер вынужден был смириться, и на Нюрнбергском съезде 1929 года было принято решение создать свою общегерманскую рабочую организацию.

1 мая 1930 года — день официального провозглашения НСБО — Национал-социалистической организации производственных ячеек. Именно в это время НСДАП резко усиливает свое влияние среди рабочего класса. На выборах 1930 года за нее голосовали 2 миллиона рабочих, 200 тысяч рабочих состояли в СА. Среди членов НСДАП их доля достигала

28% (почти в два раза больше, чем доля рабочих, состоящих в КППГ; коммунистов недаром называли партией безработных).

Помимо борьбы по профсоюзному вопросу, штрассеровцы наращивали свою пропагандистскую работу. Во второй половине 30-х годов издательство братьев Штрассеров «Кампфферлаг» начинает выпускать массовым тиражом восемь журналов и газет, самая крупная из которых — «Берлинер арбайтер цайтунг». Вместе с ней в марте 1926 года начинает выходить «Дер Национале социалист», а вслед за ними «Сакшишер беобахтер» и два журнала — «Национал-социалистише брифе» и «Фауст». Через эти газеты и журналы штрассеровцы ведут нападки на представителей крупного капитала, особенно на Шахта, что вызывает новые санкции со стороны Гитлера — 23 апреля 1927 года он лишает главный рупор левых, журнал «Национал-социалистише брифе», статуса официального органа партии, оставляя за ним право печатать лишь дискуссионные материалы и научные публикации.

Не все левые нацисты сдались после Бамбергской конференции в феврале 1926 года без боя, как братья Штрассеры. Довольно большая группа революционных нацистов во главе с «Хейнцем» (Карл Гвидо Оскар) Хауенштайном, Фрицем Канненбергом и Эрихом Тиммом выступила тогда против Гитлера и 15 сентября 1926 года была исключена из партии. После закулисных переговоров с Отто Штрассером, который в тот момент отказался последовать за ними, эта группа 24 ноября 1926 года провозгласила создание Независимой Национал-социалистической партии Германии (УНСПД) и ее боевой организации — «Союза друзей Шлагетера» (аналог СА). В ее создании приняли участие представители левых нацистов Берлина, Халле и Лейпцига. УНСПД выпускала свой орган в Дрездене — еженедельную газету «Дойче фрайхат» и насчитывала 1,5 тысячи членов. Идеологически группа базировалась на признании тезисов о народном социализме и провозглашения Великогерманской Советской республики, достижимой в результате классовой борьбы, социализации частной собственности, социальной и национальной революции.

В начале 1927 года УНСПД обратилась с призывом к «товарищам из Союза красных фронтовиков» (РФК — военизированная организация Компартии), в котором предлагала вести совместную борьбу против общих врагов — капиталистов и сторонников «буржуазного» фашизма, так как многие цели и классовые позиции обеих организаций совпадают.

Не получив широкой поддержки среди рабочих, организация в конце 1927 года распалась, большинство ее членов вернулось в НСДАП, занимая по-прежнему крайне левые позиции в ней и активно действуя в руководстве НСБО (организация национал-социалистических производственных ячеек) и штурмовиков (СА).

К этому времени в результате резкого роста НСДАП и ее электората, причем именно на Севере и Западе Германии, влияние самого Грегора Штрассера в партии и позиции его фракции резко улучшились. Этому способствовал и переход в НСДАП ряда представителей революционного крыла долгое время конкурировавшей с ней праворадикальной «Немецко-фёлькишеской партии свободы», в частности ее депутатов в рейхстаге Эрнста Графа цу Ревентлова, Константина Хирля, Вильгельма Кубе и Франца Штёра. Ревентлов со своей газетой «Рейхсварт» становится наряду с Отто Штрассером главным пропагандистом и идеологом левых нацистов. Выступая на Нюрнбергском съезде партии в августе 1927 года, он заявил: «Мы не должны забывать, что мы национальные социалисты, и поэтому никогда не должны проводить такую внешнюю политику, которая служит или могла бы служить капиталистическим интересам». Константин Хирль по поручению Гитлера создает и возглавляет в Мюнхене 2-й организационный отдел партии. В его рамках действует «отдел экономической политики» — один из бастионов левых, возглавляемый Отто Вагенером, близким другом братьев Штрассеров. Роль этого отдела особенно возросла после того, как в июне 1932 года Грегор Штрассер был назначен Гитлером имперским оргсекретарем НСДАП.

Штрассеровцы и в конце 20-х годов, как уже указывалось, продолжали пропаганду своих левых, социалистических идей, как будто и не было поражения в Бамберге. Так, в своем очередном проекте правительственной программы, который они пытались навязать всей НСДАП в 1929 году, Отто Штрассер писал: «НСДАП является социалистической партией. Она знает, что свободная германская нация может возникнуть лишь путем освобождения трудящихся масс Германии от всяческих форм эксплуатации и угнетения. НСДАП является рабочей партией. Она стоит на точке зрения классовой борьбы трудящихся против паразитов всех рас и вероисповеданий». Далее он разъяснял, что партия выступает за «народное советское государство», и повторял известный

тезис о «революционной обороне против империалистических государств в союзе с СССР».

В июне 1927 года в «Национал-социалистише брифе» была напечатана большая программная статья Дитриха Клакгеса, ставшего позднее ближайшим сподвижником Отто Вагенера по «отделу экономической политики», — «Чего хочет национал-социализм». В ней Клакгес в негативных тонах расписывал «господство либерально-капиталистического государства и экономическую монархию», давал резкую критику капитализма, который «планомерно злоупотребляет собственностью на средства производства, отдал богатство и собственность в руки хапуг», а создателей материальных ценностей «поверг в нищету и беды». «Это капитализм, подавив сознательный труд, лишил нацию мира внутри страны и сделал безоружной для отражения нападения извне». В подобном духе продолжал выступать и лидер левых Грегор Штрассер: «Мы социалисты. Мы враги, смертельные враги нынешней капиталистической системы».

В мае 1929 года пресса штрассеровского издательства «Кампфферлаг» в союзе с прессой компартии в рамках пропагандистской кампании против подписания репарационного «плана Юнга» выступила с резкой критикой традиционных союзников НСДАП из правоконсервативного и «социал-революционного» лагеря (Немецкой национальной народной партии Гутенберга, «Стального шлема» и т.п.). Брошенное им штрассеровцами обвинение в том, что они являются «подручными американского финансового капитала» и поэтому предпочитают союз «между германской и американской буржуазией своей связи с судьбой нации», полностью совпадало с аналогичными обвинениями тех же сил со стороны КПГ.

Критикуя гитлеровское руководство за отказ от революции, за соглашательство с клерикалами и монархистами, за коррупцию и зависимость от капитала и правых, за принятие в партию принца Августа-Вильгельма, за участие в коалиционном правительстве Тюрингии, штрассеровское крыло партии стремилось «открыть путь для социалистических преобразований в Германии» путем «отрыва» Гитлера от его союзников из правого лагеря.

На базе борьбы против союза с крупным капиталом и правыми партиями «решительно социалистическое левое крыло НСДАП» вновь консолидируется и ведет свою пропаганду «приблизительно в стиле КПГ». Показателен конфликт в руководстве саксонской парторганизации. Когда на выборах

1929 года нацисты получили здесь достаточно мест для того, чтобы создать коалиционное правительство, лидер фракции НСДАП капитан-лейтенант в отставке Хельмут фон Мюкке направил 29 июня того же года письмо Гитлеру, в котором предлагал создать это правительство в коалиции с КПП и СДПГ. Гитлер решительно отверг этот план, настаивая на коалиции с правыми. Он сместил фон Мюкке и назначил лидером фракции его личного врага капитан-лейтенанта в отставке Манфреда фон Киллингера. В ответ на это фон Мюкке 10 июня вышел из партии, обвинив ее в том, что она «продалась капиталистам», и устроил скандал в прессе, разоблачив роль фабриканта и гауляйтера Саксонии Мартина Мучмана.

Можно согласиться с Альфредом Розенбергом, что весной 1930 года левые нацисты, коммунисты и левые социал-демократы были малоразличимы, «представляли революционное движение в Германии».

1 августа 1929 года Отто Штрассер опубликовал в «Национал-социалистише брифе» свои знаменитые «14 тезисов германской революции», дав старт очередному наступлению левых на старую программу партии. По крайней мере половина этих тезисов носила ярко выраженный антикапиталистический характер и могла, с таким же успехом, принадлежать КПП.

В апреле 1930 года верная своей антикапиталистической линии группа Штрассера, как она это делала и раньше, решительно поддержала забастовку саксонских металлистов, требуя при этом боевого сотрудничества с КПП. Все это вызвало крайне негативную реакцию группировавшегося вокруг Германа Геринга правого крыла НСДАП. Геринг выразил протест против деятельности издательства «Кампфферлаг» и потребовал передать издательство руководству нацистской партии. Этого хотел и Гитлер. Можно согласиться с тем мнением, что в этот период он стремился убедить буржуазные силы, занимавшие командные высоты в Веймарской республике, особенно руководителей рейха и экономики, в своей лояльности. При всех обстоятельствах он должен был помешать тому, чтобы социалистическое крыло его собственной партии испортило этот «гешефт». 21 мая 1930 года состоялись переговоры Гитлера с братьями Штрассерами в берлинском отеле «Сан-Суси», во время которых Гитлер предложил Отто (владельцу издательства) выкупить его, предлагая в обмен мандат депутата рейхстага, на что тот ответил категорическим отказом. В данной ситуации Отто рассчитывал на предварительную договоренность с Ревентловом, Кохом и

другими своими единомышленниками, которые обещали ему в случае конфликта выйти из партии и создать по примеру 1926 года Независимую НСДАП, в нее обещали вступить многие националистические, «социал-революционные» группы вне НСДАП, разделявшие «14 тезисов» Отто, например «национал-большевистская» группа «Революционных национальных социалистов» Карла Отто Петеля.

Однако Гитлер не дал времени на организацию, объединение и перегруппировку сил левых нацистов. По его приказу берлинский гауляйтер Йозеф Геббельс, который до сих пор, несмотря на «бамберское предательство», продолжал лавировать между обеими фракциями, дает распоряжение принять организационные меры против штрассеровских изданий и лидеров штрассеровцев.

4 июля 1930 года, спустя четыре дня после бурного собрания членов партии берлинской гау, на котором Геббельс зачитал письмо Гитлера с требованием «очистить гау от этих элементов», Отто Штрассер с группой ближайших соратников выходит из партии, опубликовав в прессе своего издательства манифест «Социалисты покидают НСДАП». Спустя несколько дней появился другой программный манифест, «Министерские кресла или революция?». Эти документы в значительной мере способствовали тому, что уже существенно позднее широко распространилась легенда о полном отказе НСДАП в 1930 году от левой ориентации, поражении левого крыла в ней. Это не совсем так. Ведь в 1930 году ни Эрнст Граф цу Ревентлов, ни Эрих Кох, ни Отто Вагенер, ни тысячи других левых нацистов из партии не вышли (не говоря уже о самом Грегоре Штрассере), рассчитывая, как и в 1926 году, продолжить борьбу с Гитлером внутри партии. Какое-то время казалось, что они и на этот раз оказались правы — в июле 1932 года, как уже отмечалось, Грегор Штрассер, отмежевавшийся в свое время от брата, был назначен имперским оргсекретарем НСДАП. Это была, однако, как показали последующие события, пиррова победа.

После ухода революционно ориентированной группы Отто Штрассера «даже самые недоверчивые из капиталистов перестали считать НСДАП партией левых». В нее окончательно поверила и мелкая буржуазия, которая «в любой стране ничего не боится так сильно, как потери своего общественного статуса путем превращения в рабочих».

В группе Отто Штрассера, вышедшей из партии 4 июня 1930 года, было поначалу всего 25 человек, в основном из про-

летарского берлинского района Нойкёльн. Вскоре к ним присоединилось несколько сот руководящих функционеров НСДАП. Среди них бывший вожак «фрайкора» и руководитель кюстринского путча «черного рейхсвера» в октябре 1923 года майор Эрнст Бруно Бухруккер, руководитель бранденбургской «школы национал-социалистских фюреров» Вильгельм Корн, сотрудник «Кампфферлаг» Герберт Бланк, силезский руководитель «Революционного крестьянского движения» Рихард Шапке, заместитель гауляйтера НСДАП Бранденбурга Рудольф Рём и гауляйтер Мекленбурга Фридрих Гильдебрандт, впрочем, последний вскоре вернулся к Гитлеру. Эта группа называла себя поначалу Революционной рабочей партией — Оппозиционной или НСДАП-Оппозиционной, по аналогии с отколовшейся годом раньше от КПП фракцией «правых», так называемой КПП/О. Это было не случайно — Отто Штрассер и его друзья были сторонниками сближения с компартией, а после принятия последней 24 августа 1930 года национально ориентированной «Программы национального и социального освобождения германского народа» полностью с ней солидаризовались. Любовь не была взаимной, Компартия Германии (КПП) с самого начала враждебно отнеслась к группе Отто Штрассера, объявив ее даже более вредной и опасной, чем сама НСДАП. Впрочем, так же она отнеслась и к левосоциалистической САП (Социалистической рабочей партии), более опасной, по мнению патентованных наследников Карла Маркса и Розы Люксембург, чем СДПГ. В списке «врагов народа» группа Отто Штрассера заняла, таким образом, лишь пятое место, после авторитарного («фашистского») правительства канцлера Генриха Брюнинга — это был «главный фашист», САП, СДПГ, консервативных националистов, опережая, однако, по вредности «антикапиталистическую» (по терминологии «Роте Фане») НСДАП. Впрочем, это не мешало коммунистам всюю использовать штрассеровцев для разложения НСДАП.

Хотя для группы Отто Штрассера такое враждебное отношение со стороны КПП явилось весьма неприятным сюрпризом, было решено все же перейти к дальнейшему партстроительству с перспективой союза с КПП. Довольно долго дебатировался вопрос о названии новой партии, предлагалось: «Национальные большевики», «Революционные немецкие социалисты», «Союз борьбы немецких социалистов». В конце концов сошлись на идентификации себя как «революционных национал-социалистов». 8 июля 1930 года было

провозглашено создание новой партии — «Боевого содружества революционных национал-социалистов» (КГРНС) (интересно, что венский филиал группы назывался Немецко-национальной Коммунистической партией). В руководство новой партии вошли, помимо постоянной революционной «тройки» — Штрассер, Бланк, Бухруккер, — Вильгельм Корн (агитпроп), Рудольф Рем и Гюнтер Кюблер (оргруководители), Артур Гроссе и Рихард Шапке (работа с молодежью). Эмблемой организации избрали пересекающиеся меч и молот, флаг — черный, позже добавили свастику. Было подчеркнуто, что новая партия выступает за революционный национал-социализм, против компромиссов и коалиций с партиями крупного капитала, имеет антиимпериалистический характер. Хотя почти сразу к новой организации примкнуло несколько сот функционеров НСДАП и СА, момент для образования партии был явно неудачен. Во-первых, вскоре (в сентябре) прошли выборы в рейхстаг, на которых КПП и особенно НСДАП резко увеличили свое влияние. Во-вторых, в этих условиях левые нацисты, в большинстве своем, не решились порвать с Гитлером. И, в-третьих, КПП, приняв новую программу и сделав тем самым решительный поворот к средним слоям и опасаясь конкуренции со стороны «революционных национал-социалистов» Отто Штрассера, повела на них решительную атаку. В этой ситуации значительная часть новой партии, среди которой (4 октября 1930 года) Рудольф Рем и Вильгельм Корн — два из трех секретарей организации — по орг- и агитпропработе, в феврале 1931 года — лидер национал-социалистического рабоче-крестьянского молодежного союза Артур Гроссе, выходят из нее и вливаются в КПП.

Летом-осенью 1930 года «Боевое содружество революционных национал-социалистов» насчитывало около четырех тысяч членов. Из них: в Руре — 1,5–2 тысячи, в Берлине — несколько сотен, в Бранденбурге — менее тысячи, в Саксонии — 1–1,5 тысячи и в Мекленбурге — 200 человек.

Особенно чувствительным для Отто Штрассера было предательство мекленбургского гауляйтера, боевого и динамичного лидера местного национал-социалистического союза сельскохозяйственных рабочих Фридриха Гильдебрандта, который поначалу вышел из состава НСДАП, но вскоре, сговорившись за спиной Отто Штрассера с Гитлером и получив какие-то подачки от «мюнхенцев», вернулся в НСДАП.

Первый имперский конгресс новой партии 26 октября 1930 года в Берлине производил жалкое впечатление. Присутство-

вало только 17 делегатов, скромно провозгласивших себя «школой младших офицеров немецкой революции». Был избран исполком в составе **Отто Штрассера**, майора **Эрнста Бруно Бухруккера** (1878-1966) и **Герберта Бланка** (1899-1958), Ответственными за работу с молодежью были назначены **Рихард Шапке** (1897-1940) и **Альфред Франке-Гриш**. Работу с прессой возглавили **Ойген Моссаковский** и **Бланк**. Бюро по внешней политике возглавил доктор **Карл Хеймзот**. В бюро внутренней политики вошли **Моссаковский**, **Хорст Вауер**, **Ульрих Ольденбург**, **Тешнер** и **Готтхард Шильд**. Однако вскоре рады партии начали расти, в основном за счет выходцев из родственных по духу национал-революционных движений, таких, как «Союз Оберланд», «Вервольф», «Союз Артаманов», «Младогерманский орден», «Революционное крестьянское движение», «Стальной шлем», и даже за счет членов КПГ. Новую партию поддержали круги, группировавшиеся вокруг газеты «Ди Тат», которую возглавляли Ганс Церер и Фердинанд Фрид. Если в июле 1930 года в новой организации было около тысячи членов, а после сентябрьского раскола еще меньше, то в апреле 1931 года их стало уже 6 тысяч.

Неожиданно большое пополнение получил Отто Штрассер из рядов СА, в которых в начале 30-х годов происходило перманентное брожение. Штурмовые отряды (СА), военизированные отряды НСДАП, были созданы 3 августа 1921 года под названием «группы порядка» на базе некоторых праворадикальных «фрайкоров». Первым руководителем СА стал Эмиль Морис. 4 ноября 1921 года формирующиеся отряды официально получили название Штурмовых отрядов (СА). 28 ноября 1923 года проведен первый парад СА, во время которого были вручены штандарты первым четырем только что сформированным отрядам: «Мюнхен», «Мюнхен II», «Нюрнберг» и «Ландсхут». После «пивного путча» СА вместе с НСДАП были запрещены, но продолжали незаконно действовать под названием «Фронтбан». В феврале 1925 года они вновь были легализованы.

К этому времени «Фронтбан» возглавлял капитан Эрнст Рём, выпущенный из тюрьмы сразу же после суда над нацистскими лидерами. Рём, как известно, был сторонником объединения НСДАП с многочисленными праворадикальными «фёлькишескими» группами в рамках «Национал-социалистической партии свободы» (НСПС) под руководством генерала Людендорфа (эту же идею разделял и Грегор Штрассер). Однако после освобождения Гитлера из тюрьмы (20 декабря

1924 г.) он объявил о восстановлении НСДАП. Тем самым Гитлер дезавуировал Штрассера и Рема, а заодно и развалил новую партию. 12 февраля 1925 года Грегор Штрассер заявил о выходе из «Национал-социалистической партии свободы» и восстановлении своего членства в НСДАП, после чего НСПС вскоре распалась. Наивный и несколько туповатый капитан Эрнст Рём продолжал упорствовать. 16 апреля 1925 года он предпринял последнюю попытку переубедить Гитлера сохранить хотя бы «Фронтбан», как парамилитаризованное объединение всех праворадикалов, однако переданный им с этой целью меморандум Гитлер оставил без ответа. 1 мая 1925 года Рём объявил о своем отказе от руководства «Фронтбаном» и от возложенного на него Гитлером в качестве альтернативы командования СА, а также о выходе из «всех политических союзов и объединений». В 1928 году он уехал военным советником в Боливию и вернулся оттуда только к 1 января 1931 года, когда Гитлеру потребовался новый руководитель (формально — начальник штаба) СА.

«Фронтбан» временно возглавил руководитель его «Группы Центр» Вольф Генрих фон Гельдорф. Однако 22 сентября 1925 года и он вышел из организации.

Что касается СА, то до начала 1926 года они временно находились в подчинении местных гауляйтеров, а в январе 1926 года «комиссарские» функции в них перенял капитан в отставке Дресслер, пока в июле того же года, по указанию Гитлера, их не возглавил «штрассеровец» Франц Пфедфер фон Саломон. В 1928 году он разделил территорию Германии (плюс Австрия) на семь «групп», поставив во главе каждой оберфюрера: капитана Вальтера Стеннеса («Ост» — Берлин), майора Пауля Динклаге («Норд» — Ганновер), подполковника Курта фон Ульриха («Вест» — Кассель), капитан-лейтенанта барона Манфреда фон Киллингера («Центр» — Дрезден), майора Августа Шнейдхубера («Зюйд» — Мюнхен), обер-лейтенанта Виктора Лютце («Рур» — Эльберфельд) и капитана Германа Решни (Австрия).

Очень скоро Гитлер понял, что из боевого офицера Франца Пфедфера не удастся сделать послушную марионетку, как из колченогого уродца доктора Геббельса. Штурмовики постоянно превращались в один из главных бастионов «левого» крыла НСДАП, источник постоянной головной боли для «мюнхенских бонз».

Это брожение тайно поддерживали «верховный фюрер СА» и по совместительству Гитлерюгенда — Франц Пфедфер фон

Саломон и его начальник штаба Отто Вагенер — оба сторонники Грегора Штрассера. Лидером недовольных был заместитель «верховного фюрера СА — Ост» капитан Вальтер Стеннес. В начале апреля 1931 года он организовал настоящий путч (второй по счету, первый Гитлер «простил») в Берлине, захватив резиденцию гауляйтера не на шутку перепугавшегося Геббельса и редакцию газеты «Ангриф». С большим трудом, с позорным привлечением полиции, путч удалось подавить, штурмовики, участвовавшие в нем, были исключены из партии и образовали «Национал-социалистическое боевое движение Германии» (НСКД) во главе с Вальтером Стеннесом, насчитывающее поначалу примерно 8—10 тысяч человек. Однако очень быстро число сторонников Стеннеса стало сокращаться, и спустя пару месяцев скопилось до двух тысяч человек.

Новое движение, хотя и не сразу, стало сотрудничать с группой Отто Штрассера. Оно признало политическое руководство «революционных национал-социалистов», а «14 тезисов германской революции» приняло в качестве своей программы. К этому времени в группе Отто Штрассера, помимо молодежной организации (Национал-социалистический рабоче-крестьянский молодежный союз), действовал и аналог «Союза красных фронтовиков» или СА — так называемые «Революционные бойцы», которых после выхода из тюрьмы возглавил бывший обер-лейтенант рейхсвера Ганс Вендт. Вендт был одним из трех офицеров рейхсвера, осужденных в 1930 году на Ульмском процессе по делу о национал-социалистической агитации в армии. (Второй из осужденных офицеров — лейтенант Ганс Людин — остался в НСДАП, стал одним из вождей СА и чудом не погиб во время «ремовского путча», а третий — лейтенант Рихард Шерингер — вступил в КПП.)

После присоединения к ним группы капитана Вальтера Стеннеса «Революционные национал-социалисты» распространили свою деятельность практически на всю страну. Крупные организации действовали в Берлине, Гамбурге, Ганновере, Эйзенахе, Готе, Лейпциге, Брауншвейге, Бреслау и особенно в гау Мекленбург-Любек и Бранденбург (в них на сторону Отто Штрассера перешло большинство местных членов НСДАП). К новой организации примкнули такие «старые бойцы», как бывший адъютант Гимmlера по руководству СС — Ганс Густерт и руководители восточных региональных организаций СА — Герман Титъенс, Ханс Люстиг и Курт Крэмзер.

Новую партию назвали «Национал-социалистическое боевое содружество Германии» (НСКД). Она насчитывала до 10 тысяч участников. Штрассер стал ее политическим лидером, а капитан Стеннес — военным. В руководство НСКД вошли как штрассеровцы — Бухруккер, Бланк, Кюблер, так и бывшие сторонники Стеннеса — Вальтер Ян и другие. Центральным органом стала газета «Дойче революцион» (Немецкая революция) — редакторы Штрассер и Ульрих Ольденбург. Однако продолжали выходить и стеннесовские «Рабочий, крестьянин, солдат» и «Национал-социалистише монтагсблатт». Была создана новая молодежная организация — «Революционная рабоче-крестьянская молодежь». Свой профсоюз — аналог НСБО, во главе с берлинским рабочим Геккером. А также отдел помощи политзаключенным во главе с капитаном полиции Гансом Мигге. Однако стабилизировать положение новой организации не удалось. Происходит новый раскол, и на сей раз, помимо оттока части членов в КПГ и НСДАП, создаются две конкурирующие левонацистские организации.

Первой, в августе 1931 года, из движения вышла левая фракция во главе с Ульрихом Ольденбургом, которого поначалу поддержал и бывший обер-лейтенант Ганс Вендт (впрочем, Вендт вскоре ненадолго вернулся к Штрассеру, но лишь для того, чтобы спустя несколько месяцев окончательно перейти к Ольденбургу), популярный вожак нацистской, а затем штрассеровской ячейки в пролетарском пригороде Берлина «Красном Веддинге» Готтхард Шильд и бывший капитан-лейтенант, герой Первой мировой войны Хельмут фон Мюкке (в свое время Мюкке, будучи лидером фракции НСДАП в саксонском ландтаге, сделал вопреки Гитлеру попытку создать коалиционное правительство из НСДАП, СДПГ и КПГ). Ольденбург, будучи главным редактором «Дойче революцион», сделал ее органом своей группы, которая имела двойное членство — помимо нелегальной организации — «Союз борьбы немецких революционеров» (КГДР), во главе с самим Ольденбургом существовало и официальное «Немецкое социалистическое боевое движение» (Мюкке, Шильд). Как и Отто Штрассер, они выступали за Великогерманскую рабоче-крестьянскую социалистическую республику, за революционный союз с СССР, однако критиковали его за «буржуазное» понимание социализма как общественной собственности с долевым разделением: рейху — 30%, рабочим — 10%, землям — 6%, общинам 5%, ос-

тальное — частным владельцам. Пурист Ольденбург считал, что эта теория ничего общего с социализмом не имеет. Его соратник лейтенант Ганс Вендт, окончательно порвав со Штрассером, отвечал за боевую работу организации. Для этого он создал в Берлине анархотеррористическую группу (40—50 человек) и установил контакт с аналогичной организацией некоего Климашевского «Восточнопрусская боевая молодежь» (200 человек). Однако широкого резонанса эта деятельность не имела, слишком сильны были конкуренты.

В сентябре 1931 года откололась от организации Отто Штрассера и группа Вальтера Стеннеса, конституировавшись в «Независимое национал-социалистическое боевое движение Германии» (УНСКД), со своим органом «Национал-социалистише монтагсблатт».

Все это привело к тому, что ко 2-му имперскому конгрессу «революционных национал-социалистов» (2—4 октября 1931 года) в их рядах осталось всего 2,5 тысячи членов. На конгрессе было решено вернуть себе старое название — «Боевое содружество революционных национал-социалистов» (КГРНС), а в исполком помимо старых его членов — Штрассера, Бухруккера и Бланка — были выбраны два левых радикала — Ганс Вендт и Вальтер Пагель. Однако Отто Штрассер не унывает, он выдвигает предложение объединить все праворадикальные, национал-революционные, левонационал-социалистические и национал-большевистские организации в так называемый «Черный фронт», что и происходит 20 ноября 1931 года в Берлине. В этот пестрый союз входят группа Вальтера Стеннеса — УН СКД, а также «Бунд Оберланд», «Вервольф», «Ландфолькбунд» и другие группы, они называют себя «школой офицеров и унтер-офицеров немецкой революции». Поддержку им оказывают национал-революционные и «национал-большевистские» издания типа «Ди Тат», «Видерштанд», «Комменден», «Ди юнге маншафт». Главным агитационным призывом нового объединения стал старый штрассеровский лозунг «За немецкую народную революцию!» (впрочем, позаимствованный к тому времени т. Эрнстом Тельманом). Еще с сентября 1931 года Отто Штрассер начал издание своей новой газеты «Шварце фронт» («Черный фронт»). Конкретизируя понимание лозунга «народной революции» применительно к текущему моменту, он провозглашает в своей газете: «С нами за революционное правительство Грегора Штрассера, Ревентлова, Зеверинга, Хельтермана и Шерингера!» Если расшифровать, получается

коалиционное правительство левых нацистов (Грегор Штрассер, Ревентлов), «боевых» социал-демократов (Зеверинг, Хельтерман) и «национально ориентированных» коммунистов (Шерингер). Интересно, что, как широко известно, в декабре 1932 года эту же идею «рабочего правительства» с опорой на социал-демократические профсоюзы попытался осуществить тогдашний канцлер генерал Шлейхер, представитель рейхсвера, причем, как и Отто, он делал ставку на новый раскол НСДАП, рассматривая Грегора Штрассера как «рабочего политика», но отказывая в этом Гитлеру.

В это время теснее всего «революционные национал-социалисты» сотрудничают с компартией. Они совместно участвуют в забастовках, бойкотах, демонстрациях, драках со штурмовиками (в рядах «Союза борьбы против фашизма», сменившего запрещенный «Союз красных фронтовиков»), а также в различных совместных комитетах, типа Комитета за освобождение лидера крестьян-террористов Клауса Хейма, «Комитета Шерингера» (один из вышеупомянутых трех офицеров-нацистов, которому после вступления в КПП набавили срок) и других. Постоянно проводились совместные собрания и открытые дискуссии с участием таких видных деятелей КПП, как, Вилли Мюнценберг, Хейнц Нойман, Вернер Хирш, а от «революционных национал-социалистов» — Отто Штрассер, Ойген Моссаковский.

7—10 сентября 1932 года в Лойтенберге происходил 3-й имперский конгресс «революционных национал-социалистов». Присутствовало около двухсот делегатов, которым была презентована новая боевая организация партии, т.н. «Черная гвардия» (очевидно, на этот раз Штрассер решил скопировать не СА, а СС). Тем не менее утечка членов из организации продолжалась, они по-прежнему переходили в КПП, а со второй половины 1932 года и в НСДАП (это было вызвано тем, что после улучшения франко-советских отношений Москва потребовала от КПП свернуть свой так называемый «Шерингер-курс», который был направлен на привлечение националистически настроенных средних слоев и отличался крайне антифранцузской и антиверсальской направленностью).

К Гитлеру, в частности, вернулись последний из секретарей партии первого состава Гюнтер Кюблер, член второго секретариата Герберт Бланк. В компартию, к Эрнсту Тельману, ушли пять бывших фюреров Гитлерюгенда и активистов штрассеровского движения — Томас Крюгер, Фридрих

Копп, Рихард Шмид, Ойген Хартман, Эдит Ноак, член второго секретариата Вальтер Пагель, руководитель мюнхенской группы Фридрих Беер. Оставшаяся небольшая группа революционных национал-социалистов во главе с Отто Штрассером тем не менее и после прихода Гитлера к власти продолжала активную деятельность (в своем списке «врагов народа» Гитлер ставил ее на почетное первое место). Центр ее переместился в Прагу, где выходит сначала (с марта 1933 года) «Дер Шварце Зендер», а с февраля 1934 года — «Дойче революцион».

30 января 1934 года Отто Штрассер объявляет в Праге о создании «Комитета действий германской революции» в качестве контрправительства в эмиграции и центра всех оппозиционных сил. В начале 1936 года Отто Штрассер явился лидером охватившего довольно широкие круги эмиграции так называемого «Германского народно-социалистического движения», в котором приняли активное участие бывшие коммунисты (Ганс Яегер, Макс Зиверс, Эрих Волленберг, Рудольф Мёллер-Досталя), социал-демократы (Карл Хельтерман, Венцель Якш, Вильгельм Зольман, Отто Бухвиц), небольшие левые группы (Ойген Брем, Курт Хиллер) и оппозиционные нацисты (Генрих Грунов, Герман Мейнен, Герман Раушнинг). Под редакцией Рихарда Шапке и Отто Бухвица выходит орган движения «Фёлькише Социалистише блеттер». В 1937 году он создает «Германский фронт против гитлеровского фашизма», а в 1941 году «Движение за свободу Германии» и «Немецкий Национальный Совет». Вплоть до своей смерти в ФРГ, куда он вернулся в середине 50-х годов, Отто Штрассер создавал небольшие сектантские группы типа «Союза немецких социалистов» или «Независимой рабочей партии».

Однако вернемся к НСДАП. Как мы уже отмечали, борьба за левый, социалистический курс продолжалась в ней и после ухода Отто Штрассера. Изгнав его, Гитлер тем не менее длительное время проявлял «сдержанность» в отношении представителей левых и стремился использовать их в своих целях и дальше. Очередное обострение фракционной борьбы произошло в декабре 1932 года, после того как Грегор Штрассер принял участие в попытке генерала фон Шлейхера сформировать «рабочее правительство» из представителей рейхсвера, СДПГ и контролируемых ею профсоюзов, а также социалистического крыла НСДАП. Под последним подразумевались 63 депутата рейхстага, близких к Грегору, —

Эрнст Граф цу Ревентлов, Франц Штёр, Карл Кауфман, Константин Хирль, Отто Вагенер и другие. Однако Гитлер пресек эту акцию Штрассера, причем большинство сторонников последнего в очередной раз предало своего лидера. 9 декабря Грегор Штрассер был отстранен от всех постов в партии. Вместе со Штрассером попал в опалу и поддержавший его Готфрид Федер. Однако «антипартийная группа Штрассера — Федер» отнюдь не сложила оружия. После неудачных в общем для НСДАП выборов в округе Липпе (январь 1933 года) здесь произошло очередное выступление социалистического крыла против центрального руководства. В результате группенфюрер СА Средней Франконии Вильгельм Штегман был отстранен Гитлером и Ремом от своих обязанностей, несмотря на то что в его поддержку выступила вся земельная организация СА. 13 января в «Фёлькишер беобахтер» сообщили о выходе из НСДАП руководителя округа Липпе, который при этом заявил, что «партия продолжает парламентскую болтовню вместо того, чтобы уничтожить Веймарскую систему», выступил с обвинениями против «партийных бонз», против «немыслимого византизма», против «постоянной грызни, клеветы, интриг, обострений и т.д.», которые привели к отстранению Грегора Штрассера. На состоявшемся в том же месяце партийном съезде имела место бурная дискуссия со сторонниками штрассеровского направления по всем центральным вопросам.

Следующим поражением левых был разгром руководства нацистского профсоюза — НСБО. Еще летом 1933 года наиболее радикальные активисты НСБО были изгнаны из организации. Некоторые из них даже попали в концлагеря как «марксистские агенты». 5 августа 1933 года по требованию Гитлера лидер НСБО Рейнгольд Мухов вынужден был прекратить прием в организацию (которая достигла к этому времени 1 млн 300 тысяч членов плюс 300 тысяч кандидатов, а в молодежную организацию влились Гитлерюгенд). НСБО была объявлена «школой руководящих кадров Немецкого трудового фронта» (ДАФ), созданного 10 мая 1933 года под руководством Роберта Лея. В рамках Немецкого трудового фронта все рабочие организации были объединены во Всеобщий союз немецких рабочих во главе с Вальтером Шуманом. Вскоре погиб Мухов, по официальной версии, «в результате неосторожного обращения с оружием», а 23 августа 1934 года, уже после разгрома штурмовиков, были сняты со своих постов как «саботажники» его ближайшие сотрудни-

ки — Брукнер, Крюгер и Хауенштайн. 18 сентября был изгнан руководитель отдела прессы и пропаганды ДАФ, в прошлом главный пропагандист НСБО Карл Буш.

Как поразительно судьба Рейнгольда Мухова и судьба его любимого детища — НСБО напоминает судьбу советского коммунистического профсоюза ВЦСПС и его лидеров Юрия Лутовинова и Михаила Томского. Они, как известно, покончили жизнь самоубийством, первый в 1924-м, второй в 1936 году, а ВЦСПС превратилась из «школы коммунизма» в фактически государственную структуру ленинско-сталинского режима.

Другой массовой организацией, в которой левые имели сильные позиции, были «штурмовые отряды» (СА). Еще летом 1933 года в рядах штурмовиков стало проявляться недовольство «остановкой революции». Происходили «бунты» активистов СА в Берлине, Гамбурге, Франкфурте-на-Майне, Дортмунде, Эссене, Дрездене, Касселе, Кенигсберге, Фрайбурге. Они привели к массовым чисткам в организации. В августе 1933 года были распущены все отряды СА во Франкфурте-на-Майне, только в Берлине исключено 3870 человек, а всего к концу 1933 года из организации было изгнано 200 тысяч штурмовиков.

О позиции руководства СА в этот период можно судить по выступлениям и статьям Эрнста Рема. В своей статье, опубликованной в теоретическом органе НСДАП «Национал-социалистише монатсхефте» в июне 1933 года, он писал об особом положении СА и СС в новом государстве и требовал продолжения революции: *«СА и СС не потерпят, чтобы германская революция заснула на пороге»*. В августе 1933 года, выступая перед 80 тысячами штурмовиков на Темпельгофском поле в Берлине, Рем заявил: *«Тот, кто думает, что задача СА уже выполнена, должен будет привыкнуть к мысли, что мы еще существуем и намерены остаться на своих постах, чего бы это нам ни стоило»*. В феврале 1934 года он направил кабинету министров письмо с предложением «заменить рейхсвер Народной армией» (старое требование всех левых нацистов, коммунистов и национал-большевиков), влив в нее отряды СА и образовав специальное министерство, которое возглавляло бы как Народную армию, так и военизированные организации, союзы фронтовиков и т. д. О том, кто мог бы возглавить это министерство, Рем из скромности умолчал. Выступая 18 апреля 1934 года перед представителями дипломатического корпуса и журналистами, неделю спустя

после знаменитых переговоров Гитлера с руководством рейхсвера генералами Бломбергом и Фричем и адмиралом флота Редером на борту броненосца «Дойчланд», Рём фактически дезавуировал фюрера, сделав особый упор в своей речи на социалистических требованиях СА: «Мы совершили не просто национальную революцию, а национал-социалистическую революцию, причем особый упор мы делаем на слове «социалистическую». Затем Рём обрушился на «реакционеров», примазавшихся к нацистскому движению, пообещав, что бойцы СА выведут их всех на чистую воду: *«Боец в коричневой рубашке с первых дней маршировал по дороге революции, и он ни на шаг не сойдет со своего пути, пока не будет достигнута конечная цель».*

Это были не просто слова. Одновременно руководство СА, якобы для охраны своих штабов, создало специальное подразделение, открыто вооруженное винтовками и пулеметами. После гибели Рема в подвалах штаб-квартиры СА в Берлине обнаружили больше пулеметов, чем было у всей прусской полиции.

В начале июня 1934 года руководство СА решило активизировать свою работу среди рабочих. Глава политического отдела СА проник на территорию завода Круппа и обратился к рабочим с подстрекательской речью, призывая прекратить работу, что они и сделали. Все это вызвало массированную атаку на Гитлера со стороны правоконсервативных кругов. Застрельщиком ее выступил вице-канцлер фон Папен. Выступая с речью в Марбургском университете 17 июня 1934 года, Папен заявил: «Руководство партии должно следить за тем, чтобы в стране не развернулась вновь под новыми знаменами классовая борьба. Мы осуществили антимарксистскую революцию не для того, чтобы проводить в жизнь программу марксизма... Тот, кто угрожает гильотиной, сам попадет под нож». 20 июня Папен пришел к Гитлеру и угрожал ему своей отставкой и отставкой двух министров-консерваторов — фон Нейрата, министра иностранных дел, и фон Крозигка, министра финансов. На следующий день на приеме у президента Гинденбурга военный министр Бломберг угрожал Гитлеру введением чрезвычайного положения. 25 июня главнокомандующий сухопутными войсками Фрич объявляет боевую тревогу в рейхсвере, отменяет отпуска, солдатам приказывает оставаться в казармах. Вслед за этим Рема исключают из Германского союза офицеров. 30 июня в Бад-Висзее близ Мюнхена должно было состояться совещание высшего руководства СА.

В ночь на 30-е руководимые Гитлером части СС начали операцию, вошедшую в историю как «ночь длинных ножей». Все руководство СА, все руководители отделов были уничтожены. Погибли: сам Эрнст Рём, Эдмунд Хейнес, Фриц Риттер фон Крауссер, Петер фон Хайдебрек, Август Шнейдхубер, Карл Эрнст и многие другие. Новым руководителем СА был назначен переметнувшийся на сторону Гитлера Виктор Лютце, не имевший никакого политического веса.

Одновременно был арестован и убит **Грегор Штрассер**. Но Гитлер нанес удар не только по левым. Он припугнул и правых. Были убиты: генерал **Курт фон Шлейхер** и его жена, ближайший помощник Шлейхера генерал **Фердинанд фон Бредов**, руководители католического движения **Эрих Клаузенер**, **Адельберт Пробст**, **Герберт фон Бозе**, идеологи папеновского «клуба господ» **Вальтер Шотте** и **Эдгар Юлиус Юнг**, автор марбургской речи фон Папена. Пытались убить (а может быть, просто запугать) крупнейших деятелей Веймарской республики — **Франца фон Папена**, **Генриха Брюнинга**, **Готтфрида Тревирануса**, **Вильгельма Грёнера**. Всего было уничтожено 1184 человека (по другим данным, раз в десять меньше). Среди убитых были также несколько коммунистов и эсэсовцев.

Интересно, что и после гибели Эрнста Рема в рядах СА действовала левая группа, так называемая «Колонна Шерингера», издававшая свой бюллетень «Красный штандарт». Эта группа имела тесные контакты с военно-политическим аппаратом КППГ (а может быть, и была инспирирована им), во главе которого стоял бывший офицер кайзеровской армии Ганс Киппенбергер.

Одновременно с разгромом левого руководства НСБО и СА Гитлер принял контрмеры и против излишне поспешных и радикальных действий левых в области управления экономикой. Придя к власти, многие национал-социалистические функционеры из штрассеровского крыла начали активно вмешиваться в дела крупного капитала. Это делали Отто Вагнер, Андриан фон Рентельн, Готфрид Федер, Вальтер Дарре и другие. Например, Вагнер пытался диктовать Объединению германских работодателей свои законы. Рентельн, став президентом Объединения торговых палат, начал кампанию против крупных универсальных магазинов. Гитлер решительно пресек эти попытки, что не помешало ему в будущем расширить свой контроль над экономикой, делая это более гибко. Была проведена чистка среди функционеров НСДАП. Почти 20% из вступивших в партию до 1933 года (в Берлине — свыше

50%) были сняты со своих постов. До конца года почти 80% партийных функционеров было рекрутировано из тех, кто вступил в партию после 1933 года. Была проведена чистка национал-социалистического союза студентов, особенно его организаций в Берлине и Галле.

Таким образом, мы видим, что и в первой половине 30-х годов в рядах НСДАП шла ожесточенная борьба между двумя линиями в ее руководстве, каждая из которых делала упор на первой или второй части словосочетания «национал-социализм», условно говоря, между «фашистом» Гитлером и «социалистом» Грегором Штрассером. В лице последнего мы видим сторонника национально ориентированного государственного социализма, абсолютизирующего идею пролетарского государства, идею власти. Нам могут возразить, что подобная концепция социализма не имеет ничего общего с «интернациональным марксизмом» коммунистов, которому присущи якобы как раз антитоталитарные, антиэтатистские позиции. Однако пусть нам покажут пример осуществления коммунистами такого социализма. Да и вообще, после исключения «троцкистов» и «правых» (тоже весьма относительных плюралистов и демократов) из ряда коммунистического движения и их полного провала на политической арене говорить об «интернациональном марксизме» в коммунистическом движении следует достаточно осторожно.

Почему же Штрассеры проиграли в своей борьбе? Почему обаятельнейший гигант, оратор, высокоодаренный и многознающий Грегор спасовал перед нелепым «богемским ефрейтором»? Думается, ответ надо искать в присущих Гитлеру свойствах харизматического лидера, которые вовремя почувял своим художническим чутьем Геббельс, сделав выбор в феврале 1926 года. Этот «харизматический источник власти» обеспечил Гитлеру победу во всех фракционных конфликтах.

Что мы имеем в виду? После национальной катастрофы Первой мировой войны в Германии проходил тяжелейший структурный кризис, затянувшийся в результате событий 1923 года и после небольшого периода экономического подъема перешедший в великий экономический кризис конца 20-х — начала 30-х годов. В результате всех этих событий произошла утрата нормальных социальных связей, классовой определенности, осознания общности интересов и, как следствие, утрата интереса к конкретным, то есть прагматическим целям. Люди находились в состоянии фрустрации, они лишились своего «я», потеряли самоуважение. Таких

людей легко мобилизовать и объединить харизматическим лидерам, выдвигающим свой гигантский, утопический миф. Этот миф становится новым «я» для человека, который находит в нем положительную самооценку. Главная трудность заключается в том, чтобы найти наиболее адекватную ситуации и национальным особенностям страны форму мифа. Учитывая исторически сложившийся в Германии этатизм и связанный с ним высокий уровень патернализации общества, сделать это было несложно. Но вставал вопрос о том, какую — классово-пролетарскую или национально-шовинистическую — окраску должен носить миф. Здесь речь, главным образом, шла о привлекательности этих двух форм для тех или иных социальных групп (пусть и находящихся в аморфном состоянии вследствие кризиса, но не утративших полностью политические пристрастия). Так как Грегор Штрассер действовал на Севере и Западе Германии, где традиционно высок уровень индустриализации, и главную его опору составляли рабочие, естественно, ему был ближе первый вариант мифа. Однако Гитлер сделал ставку на средние слои. И не только потому, что они преобладали в Баварии. Он понял, что лишь средние слои могут выполнить роль гегемона, повести за собой и буржуазию, и рабочих, и крестьян, и рейхсвер, и домохозяек, и безработных и т.д., наиболее адекватно совместить интересы всех этих групп. Он верно нащупал главную точку, по которой следовало бить, — Версальский мир и, таким образом, придал мифу черты «святого дела». Кроме того, будучи художественно одаренным человеком, он идеально подходил на роль лидера — ведь тоталитарные движения всегда квазиартистичны, а его неполноценность в искусстве (провалился на экзаменах в Академию художеств) укрепила в нем фанатизм и самоуверенность.

Другим тоталитарным движением, чрезвычайно близким, родственным революционному национал-социализму Отто Штрассера и пытавшимся также играть самостоятельную роль в радикальном движении (наряду с КПП и НСДАП), был национал-большевизм. Как известно, Первая мировая война привела к краху авторитарную кайзеровскую империю. Страны Антанты — страны западных демократий (Англия, Франция и США) — победили. Однако, по меткому замечанию Леонида Люкса, «следствием этой победы было восстание против Запада, протест против присущих Западу ценностных ориентации, заявленных с небывалым для подобных движений радикализмом».

Национал-большевизм как идеология, политическое движение и сообщество зародился в Веймарской Германии. Он являлся своеобразным синтезом германского правого национализма, уязвленного унижительной Версальской системой, французской оккупацией и еврейским «доминированием» в политике и экономике страны, с революционным пролетарским социализмом. Национал-большевизм стремился под красным флагом социальной революции и ориентации и в военном союзе с Советской Россией решить национальные проблемы Германии.

Датой рождения национал-большевизма является 1919 год. В атмосфере шока, вызванного подписанием позорного Версальского договора, кризиса всех государственных институтов, роспуска огромной армии, в стране появляются десятки милитаризованных союзов, так называемых добровольческих корпусов («фрайкоров»). Строго секретные, до зубов вооруженные «фрайкоры» считали себя «черным рейхсвером», то есть тайной армией Германии, действующей вопреки Версальскому договору. Однако связь их с рейхсвером была весьма условной, так как в значительной мере зависела от личности лидера («фюрера») — вчерашнего героя, превратившегося в озлобленного, выбитого из привычной социальной роли авантюриста, как, впрочем, и его подчиненные. Среди этих людей находились многие будущие функционеры НСДАП, СА и СС (Эрнст Рём, Герман Геринг, Генрих Гиммлер, Грегор Штрассер и т. д.), но также и будущие коммунистические лидеры (Беппо Рёмер, Людвиг Ренн, Хартмут Плаас, Бодо Узе). Помимо необходимости сохранения тайной армии, были и другие причины существования «фрайкоров» — тут и борьба против «большевицкой заразы», и проведение военной подготовки молодежи, и в первую очередь наличие огромной массы бывших офицеров («200 тысяч безработных капитанов и лейтенантов»), не желавших, да и неспособных сразу же включиться в нормальную гражданскую жизнь и перебивавшихся случайными заработками, а то и криминалом до «лучших времен».

Помимо «фрайкоров» в большом количестве размножались традиционные для Германии «юношеские союзы», чаще всего с весьма реакционной, консервативной идеологией, и так называемые «фёлькишеские» партии и организации (движение «фёлькише»-народников) с националистической, антисемитской окраской. Все они послужили питательной средой для возникновения как национал-социалистического, так и национал-большевицкого движения.

По своему социальному составу теоретики и лидеры национал-большевизма принадлежали к интеллектуальной элите — это прежде всего журналисты и публицисты (Эрнст Никиш, Карл Отто Петель, Вернар Лассе), университетские профессора (Пауль Эльцбахер, Ганс фон Хентинг, Фридрих Ленц,) военная интеллигенция (Бодо Узе, Беппо Рёмер, Хартмут Плаас), юристы и чиновники (Карл Трёгер, Франц Крюпфганц и др.).

Национал-большевизм возник не на ровном месте. Исходным материалом для его появления на свет послужило мощное и весьма сильное течение так называемых в Германии «консервативных революционеров» (строго говоря, выделяют «младоконсерваторов» — Артур Мёллер ван ден Брук, Освальд Шпенглер и др., а также «неоконсерваторов» — Эрнст Юнгер, Эрнст фон Саломон, Фридрих Гильшер и др.) и связанное с ним «национально-революционное движение» (иногда называется и социал-революционным). Это течение появилось вследствие кризиса традиционного консервативного типа сознания, вызванного крахом кайзеровской империи и структурными реформами всей общественно-экономической жизни Германии, отразившимися на судьбе элиты. Большая часть этой элиты эволюционировала в сторону навязанного Антантой немцам либерализма, отказываясь от второстепенного в своем статус-кво во имя сохранения главного. Другая же группа (в основном, естественно, из интеллектуальной элиты), наоборот, резко ушла вправо, как принято говорить, к правому радикализму, а вернее, к тоталитарной идеологии с ярко выраженной националистической окраской. В этой своей эволюции, вступающей в противоречие с объективным ходом развития общества, эта группа превратилась из консерваторов (т.е. защитников порядка) в его возмутителей, социальных критиков. Не имея уже поддержки экономической элиты, они меняли социальную базу, стремясь опереться на как можно более широкий спектр сил. Для этого они перехватывают у левых их популярные и броские лозунги.

В 1918—1919 годах в Германии происходит именно такой процесс, возникают первые группировки и организации, постепенно вырабатывавшие платформу «консервативной революции». Главным в идеологическом комплексе «консервативных революционеров» и порожденного ими более массового, политизированного и поэтому более радикального «национально-революционного движения» была задача перечеркнуть позор Версальского договора и навязанной Германии

Веймарской республики, восстановить могущество и военный потенциал страны. Вместо неспособного к выполнению этой задачи «слабосильного» государственного аппарата буржуазно-демократической республики во главе страны должна была стать сильная военно-политическая элита. Чрезвычайно важной была также идея цезаризма и фюрерства. Свою ненависть к Веймарской республике «консервативные, национальные и социал-революционные» публицисты распространяли на всю цивилизацию Запада, которая ассоциировалась у них с гуманизмом, демократией, интеллектуализмом и либерализмом.

Так как для еще кайзеровской империи, особенно времен Первой мировой войны, и для служившей для них эталоном Пруссии времен Фридриха II были весьма характерны этатизм (форма общественного устройства, при которой государству принадлежат важнейшие функции) и вытекающий из него высокий уровень государственного патернализма, «национал-революционеры» выступали за социализацию средств производства и за принцип «народной общности» в экономике. Еще Йозеф Геббельс писал в свое время: *«Наш социализм, как мы его понимаем, — это самое лучшее прусское наследие. Это наследие прусской армии, прусского чиновничества»*. Исходя из этих идей так называемого «прусского социализма», Освальд Шпенглер писал, что «старопрусский дух и социалистическое мировоззрение, ныне находящиеся в смертельной вражде, на деле одно и то же», хотя к марксизму, как еврейской западне для отвлечения пролетариата от его долга по отношению к нации, «национал-революционеры», как часть национал-большевиков, относились враждебно. Это не относилось к Ленину и Сталину, но относилось к «еврею-космополиту» Льву Троцкому. Известен даже случай, когда в середине 20-х годов трое студентов — «национал-революционеров» прибыли в СССР с целью покушения на него. Очень ценился среди «национал-революционеров» советский опыт первых пятилеток и централизации управления экономикой. Эрнст Юнгер, к примеру, писал в эссе «Тотальная мобилизация» (1931), что советские пятилетки *«впервые показали миру возможность объединить все усилия великой державы, направив их в единое русло»*. Популярной была и идея экономической автаркии, особенно ярко изложенная в книге члена кружка, сложившегося вокруг национал-революционного журнала «Ди Тат», Фердинанда Фрида «Конец капитализма» (1931).

Главным средством, с помощью которого «национал-революционеры» стремились достичь своих целей, было насилие. Как писал в одной из своих статей главный редактор «Ди Тат» Адам Кукхоф, «единственное средство изменения данного социального и политического состояния — это насилие, возможное лишь как насилие масс, насилие, следовательно, путь Ленина, а не путь Социалистического Интернационала».

Всех «национал-революционеров» объединяли ненависть к Версальской системе, которая представлялась им чем-то вроде антантовского оккупационного режима, и стремление сокрушить ее при опоре на Советскую Россию. Была выдвинута идея «пролетарского национализма», согласно которой все народы делятся на угнетенные и господствующие — «молодые» и «старые», причем к «молодым» относятся Германия, Россия и другие народы «Востока». Они, по мысли «национал-революционеров», являлись «жизнеспособными» и обладающими «волей к борьбе» (не случайно «национал-революционеры» с энтузиазмом отнеслись к проведению в Берлине в 1927 году учредительной конференции Лиги против империализма, инспирированной Коминтерном). Эта идея борьбы «пролетарских наций» против «буржуазных» была отнюдь не нова, еще в начале века ее развивали итальянские националисты. В 1923 году Артур Мёллер ван ден Брук писал: *«Мы — народ в узах. Тесное пространство, в котором мы зажаты, чревато опасностью, масштабы которой непредсказуемы. Такова угроза, которую представляем мы, — и не следует ли нам претворить эту угрозу в нашу политику?»*

Смещаясь все далее влево, «национал-революционеры» выдвинули тезис о том, что добиться национального освобождения можно, лишь предварительно достигнув социального и что сделать это может только немецкий рабочий класс (центральная, главная книга Эрнста Юнгера так и называлась — «Рабочий» (1932).

Если суммировать основные идеи «национал-революционеров», то можно вычлениить, во-первых, негативное отношение к гуманизму, либерализму (по ван ден Бруку, либерализм — «моральный недуг народов» — являет собой свободу от убеждений и выдает ее за убеждение), демократии и «зараженному» ими марксизму и, наоборот, позитивное отношение к этатистскому социализму («прусский социализм»), авторитарности, иерархическому принципу; во внешней политике — «восточная ориентация» (т.е. Советский Союз против Антанты). Их героями являлись Фридрих II и Гегель, Клаузевиц и Бисмарк.

Национал-большевики, после отделения от «национал-революционного» движения, добавили к этому списку Ленина и Сталина, некоторые Маркса, к числу неприемлемых для себя течений добавили фашизм и нацизм («переродившийся» после 1930 года), а в позитив занесли классовую борьбу, диктатуру пролетариата, социальную и экономическую революцию, систему Советов, всеобщую народную армию («Красная армия вместо рейхсвера»), впрочем, к Советам и Красной армии положительно относилось и большинство «национал-революционеров». Нетрудно заметить, что «национал-революционное» движение по многим пунктам совпадало с двумя русскими эмигрантскими течениями — «сменовеховством» и особенно «евразийством». Для всех них были характерны антидемократизм, национализм, критика недавнего прошлого ради более древнего, имперские геополитические амбиции, идеократия. Совпадения были не случайны, между журналами «Евразия» и «Ди Тат» существовали самые тесные связи.

Многие участники «национал-революционного» движения впоследствии примкнули к нацистам (Август Винниг, Ганс Герд Техов, Франц Шаувеккер), левым нацистам (группе Отто Штрассера), пройдя через нацизм, встали в «аристократическую» оппозицию к нему (Герман Эрхардт, Эрнст Юнгер, Эрнст фон Саломон), стали коммунистами (Арнольд Броннен, Адам Кукхоф). Примерно четверть от общего числа публицистов и вожаков «неоконсерваторов» стали национал-большевиками (Эрнст Никиш, Карл Отто Петель, Вернер Ласс, Хартмут Плас, Ганс Эбелинг). В самом национал-большевистском движении это (условно и приблизительно) составило три четверти его участников, остальные национал-большевики пришли из левого, коммунистического лагеря.

Основной теоретический постулат национал-большевизма — концепция об особой всемирно-исторической роли угнетенной (она же революционная) нации в процессе борьбы за построение тоталитарного национального социализма. При этом национал-большевики абсолютизировали национальный фактор, выступали за проведение социальной революции и построение общества «национального социализма» ради грядущего национального величия Германии. Они призывали соединить основные революционные и консервативные идеи (в том числе большевизм и «пруссачество»), установить «диктатуру труда» в виде власти наиболее достойных социальных групп — рабочих и военных, провести национали-

зацию основных средств производства, ввести плановую систему хозяйства, автаркию, создать сильное милитаристское государство, которым управляют фюрер и партийная элита.

Для понимания феномена национал-большевистского движения необходимо отметить и еще один момент — это наличие в руководстве рейхсвера сильной группы, выступающей за советско-германское сотрудничество. Ее вдохновителем и наиболее активным сторонником был генерал Ганс фон Сект, главнокомандующий рейхсвером. Единомышленниками Секта в этом вопросе были военный министр Отто Гесслер, начальник оперативного (фактически Генерального) штаба Отто Хассе. Во время польско-советской войны (до поражения под Варшавой) Сект даже считал возможным в союзе с Красной армией ликвидировать Версальскую систему. Он установил контакт с Председателем РВС Республики Львом Троцким. Этой позиции Сект придерживался и в дальнейшем, изложив ее в своих брошюрах «Будущее германского рейха» (1929), «Мысли солдата» (1929), «Рейхсвер» (1933). Вплоть до начала войны с СССР в 1941 году идеи Секта развивали в своих работах и другие рейхсверовские генералы и теоретики — Фалькенгейн (1937), Георг Ветцель (1937), фон Метч (1938), Кабиш (1939), барон Вессель фон Фрейтаг-Лорингхофен (1939—1940). Да и в программных выступлениях НСДАП «восточная ориентация» сохранялась вплоть до 1930 года.

Пионером немецкого национал-большевизма можно считать **Пауля Элицбахера** (1868—1928), профессора, доктора права, ректора Берлинской Высшей школы коммерции, депутата от Немецкой Народной партии, члена национально-германской фракции. 2 апреля 1919 года Элицбахер поместил в газете «Дер Таг» («День») статью «Последнее средство», которую можно считать первым изложением идей национал-большевизма. В ней и ряде других публикаций он призывал соединить большевизм и пруссачество, ввести в Германии Советскую систему, осуществить социализацию, установить тесный союз с Советской Россией и Советской Венгрией, чтобы совместно с ними дать отпор Антанте. Россия и Германия будут вместе, по его мнению, защищать от агрессии Запада Китай, Индию и весь Восток. Это будет новый мировой порядок. «Большевизм означает не смерть нашей культуры. А ее спасение», — заключил Элицбахер. В опыте русских большевиков берлинского профессора заинтересовали идея диктатуры пролетариата, система Советов

и социализация средств производства. Статья получила широкий отклик. Один из руководителей Немецкой национальной народной партии (НННП), знаменитый историк и специалист по Востоку Отто Гётч также выступил за тесное сотрудничество с Советской Россией. Член партии Центра министр почт И. Гисбертс заявил 8 мая 1919 года, что Версаль дает немцам «только один выход: немедленное заключение мира с Россией и сознательное приглашение большевистских войск в Германию». В ответ на это заявление в органе Союза сельских хозяев «Дойче Тагесцайтунг» была опубликована статья «Национальный большевизм». С этого времени в Германии вошел в оборот термин «национал-большевизм». Сам Пауль Эльцбахер в том же году издал брошюру «Большевизм и немецкое будущее». Правление его партии осудило эти публикации, и в ноябре 1919 года он вышел из НННП. Позднее он был близок к Компартии Германии (КПГ), в 1923 году вступил в инспирированную Коминтерном Международную рабочую помощь.

В том же 1919 году вышла брошюра другого профессора и национал-большевика — Ганса фон Хентига. Она называлась «Введение к германской революции». Позднее, в 1921 году, фон Хентиг издал «Немецкий манифест», который явился наиболее ярким и четким изложением национал-большевистских идей в начале 20-х годов.

Ганс фон Хентиг (1887—1970), профессор криминалистики, бывший во время войны офицером, активно участвовал в антиверсальской кампании и, живя в Баварии с мая 1919 года, сильно влиял на руководство Баварского окружка КПГ. В 1922 году фон Хентиг установил контакты с лидером коммунистов Генрихом Брандлером и вскоре стал военным советником в аппарате КПГ. Через брата-дипломата он имел связи с рейхсвером и вместе с лейтенантом Швертером готовил в Тюрингии «красные сотни» в период «Германского Октября».

Вообще же в этот период близкие к национал-большевизму идеи буквально носились в воздухе. Так, Октябрьский переворот и политический гений Ленина приветствовал Максимилиан Гарден, издатель популярнейшего еженедельника «Ди Цукунфт», в своем двухтомном труде о современной истории «Война и мир» (1918). Крупнейший политик и промышленник Германии начала XX века Вальтер Ратенау в эссе «Кайзер. Размышления» (1919) с воодушевлением писал о «перспективах социализма». Современность он срав-

нивал с великим переселением народов, констатируя выход на политическую арену народных масс. Будущее Европы, по мнению Вальтера Ратенау, определяется «практической идеей», идущей с Востока, идеей социалистического переустройства общества.

В организационном плане национал-большевистские идеи первой попыталась воплотить в жизнь группа бывших левых радикалов, а позднее коммунистов, во главе с Генрихом Лауфенбергом и Фрицом Вольфгеймом (интересно, что происходило это в Гамбурге, этой «левой столице» Германии). В годы Первой мировой войны старый историк рабочего движения Генрих Лауфенберг и его молодой помощник, успевший побывать в США и пройти школу борьбы в анархо-синдикалистской организации «Индустриальные Рабочие Мира», Фриц Вольфгейм возглавляли левое крыло гамбургской организации СДПГ, так называемую группу «левых радикалов».

После ноябрьской революции 1918 года Генрих Лауфенберг некоторое время возглавлял местный гамбургский Совет рабочих, солдат и матросов. Вместе с Вольфгеймом он принимал активное участие в образовании КППГ, а после ее раскола перешел в Коммунистическую рабочую партию Германии (КАПД), в которую перешло до 40% состава КППГ. Лауфенберг и Вольфгейм призывали немецких рабочих к национальной защите Германии революционными средствами против империализма Запада. Призывали к немедленной народной войне в союзе со всеми патриотическими силами. Целью войны провозглашалось создание Германской Коммунистической Советской Республики. При этом в понятие «патриотические силы» включались все националистические элементы буржуазии, вплоть до самых реакционных.

Хотя в том же 1919 году и некоторые лидеры КППГ (в первую очередь Иоганн Книф, Карл Радек, Генрих Брандлер) также были не прочь поиграть на антиантантовских настроениях, так далеко никто из них не заходил. В апреле 1920 года по требованию Коминтерна Лауфенберг и Вольфгейм были исключены на этот раз уже из Коммунистической рабочей партии (КАПД). После чего в июле 1920 года, вместе с примкнувшим к ним бывшим редактором «Ди Роте Фане» Фридрихом Венделем (из Берлина), создали «Союз коммунистов». В сентябре этого же года новая организация приняла экономическую программу в духе «обобществленного хозяйства» Сильвио Гайзеля, проводившуюся в Баварской Советской Республике. Просуществовал «Союз коммунистов» до 1931

года, постепенно растворившись в созданном им же «Рабочем содружестве по истории и политике» (действовало с июня 1929 года при участии левых нацистов, вроде Рихарда Шапке, и национал-большевиков из правого лагеря, вроде Карла Отто Петеля). В том же 1920 году под влиянием и при непосредственном участии Лауфенберга и Вольфгейма среди офицеров прибывших в июле 1919 года в Гамбург колониальных частей генерала Пауля фон Леттов-Форбека создается «Свободная ассоциация по исследованию германского коммунизма», во главе которой стоят известные публицисты националистического толка, братья Альбрехт Эрих и Герхард Гюнтеры. «Большое число бывших немецких офицеров, большей частью молодого поколения, придерживалось этого направления, к нему примкнул и целый ряд людей с академической подготовкой, которые по законам логики и по аналогиям с точностью знали и утверждали, что этот путь безусловно ведет к исцелению», — писал о национал-большевизме Эрнст Граф цу Ревентлов, один из главных протагонистов «социал-революционного» и левонацистского движения в Веймарской республике, в своей брошюре «Фёлькише коммунистическое единство?» (1924).

Другой свидетель событий, Герман Грефе, писал в книге «Исследования Советов» (1934), что национал-большевики принадлежали к тем людям, «которые в первую очередь ценили военный порядок и централизованное хозяйство».

Среди сторонников «Свободной ассоциации по исследованию германского коммунизма» были такие крупные фигуры, как Артур Мёллер ван ден Брук, правительственный советник Севин, Вильгельм Стапель и тот же Ревентлов. Член «ассоциации», советник юстиции Ф.Крюпфганс в августе 1920 года под влиянием впечатления от наступления Красной армии на Варшаву выпустил имевшую широкий резонанс брошюру «Коммунизм как немецкая национальная необходимость. Открытое письмо генерал-майору фон Леттов-Форбеку» (1920). Позднее, в 1924 году, братья Гюнтеры вместе с Вильгельмом Стапелем (издатель «Дойче Фолькштурм») и Вильгельмом Гревсом создали в Гамбурге «Националистический клуб» (журнал «Немецкий фронт»), а с конца 20-х годов издавали журнал с характерным названием «Молодая команда», близкий по направлению к национал-большевизму.

Пиком деятельности самого «Союза коммунистов» был март 1921 года — неудачная попытка путча со стороны КПГ, поддержанная КАПД, когда «Союз коммунистов» предложил

создать единое военное и политическое руководство, включив в него группу своих «военспецов» (майора Анкера, майора Клингера, Зеегера, Линдемана и других). В гамбургском восстании октября 1923 года «Союз коммунистов» не участвовал, так как большинство его членов, во главе с Вольфгейном, еще в августе было подвергнуто превентивному аресту.

В 1920—1921 годах национал-большевизм распространился и среди баварских коммунистов, где под влиянием Ганса фон Хентинга секретарь парторганизации Отто Томас и депутат ландтага Отто Граф пропагандируют его идеи в местной партийной «Новой газете». Они вступают в сотрудничество с одним из самых реакционных и националистических «фрайкоров» — «Оберланд» и его лидером капитаном «Беппо» (Йозеф Николаус) Рёмером. Однако в 1921 году Отто Томас и Отто Граф были исключены «Централе» КПГ из партии как «оппортунисты». Несмотря на это, контакты коммунистов и «фрайкоровцев» продолжаются, например во время боев в Верхней Силезии в том же 1921 году.

Первый пик влияния национал-большевистских идей приходится на 1923 год. Это время острого кризиса, вызванного оккупацией Рура франко-бельгийскими войсками. Марка упала настолько, что практически вышла из обращения, все торговые операции совершались в золоте или в валюте, заработная плата рабочих была на четверть ниже довоенной, в городах безработица, голод, анархия. Обнищавшие армия и полиция также находились в полном упадке. Коммунисты занимают важнейшие посты в фабзавкомах и комитетах контроля, формируют «пролетарские сотни» (их насчитывалось около 900, примерно 10—20 тысяч участников только в Саксонии). В это время они принимают на вооружение так называемый «курс Шлагетера» (названный так по имени Альберта Лео Шлагетера, бывшего офицера, героя войны, расстрелянного французами за организацию диверсий, в прошлом «балтикумовца» и «капповца»), курс на сотрудничество с германскими националистами. Он был провозглашен Карлом Радеком на заседании расширенного пленума Исполкома Коминтерна (ИККИ) в речи, посвященной памяти Шлагетера. *«Мы не должны замалчивать судьбу этого мученика германского национализма, — заявил Радек, — имя его много говорит немецкому народу... Шлагетер, мужественный солдат контрреволюции, заслуживает того, чтобы мы, солдаты революции, мужественно и честно оценили его... Если круги германских фашистов, которые захотят честно*

служить немецкому народу, не поймут смысла судьбы Шлагетера, то Шлагетер погиб даром... Против кого хотят бороться германские националисты? Против капитала Антанты или против русского народа? С кем они хотят объединиться? С русскими рабочими и крестьянами для совместного свержения ига антантовского капитала или с капиталом Антанты для порабощения немецкого и русского народов?.. Если патриотические группы Германии не решатся сделать дело большинства народа своим делом и создать таким образом фронт против антантовского и германского капитала, тогда путь Шлагетера был дорогой в никуда».

Речь Карла Радека вызвала сенсацию среди немецких правых. Эрнст Граф цу Ревентлов и другие вожаки «национал-революционного» движения стали обсуждать возможность сотрудничества с КПГ, а «Ди Роте Фане» предоставляла им место для выступлений. Коммунисты выступали на собраниях НСДАП, а нацисты на собраниях КПГ. Так, на одном из них бывший второй председатель НСДАП Оскар Кернер заявил, что национал-социалисты хотят объединить всех немцев, настроенных против капитализма, что даже в принципиальных областях у них много общего с КПГ, например, в том, что надо положить конец «хищничеству матерых волков биржи». Одновременно по приглашению Штутгартской организации НСДАП на ее собрании выступил депутат от КПГ Герман Реммеле. Речь Карла Радека с восторгом приветствовала Клара Цеткин. Рут Фишер, лидер левой фракции компартии, призывала к борьбе против еврейского капитала, а нацисты и «фёлькише» к борьбе против евреев в КПГ, обещая взамен свою поддержку (интересно, что Карл Радек и Фриц Вольфгейм были евреями). Появились такие брошюры, как «Свастика и советская звезда. Боевой путь коммунистов и фашистов» (1923), на обложке которой красовались два вынесенных в заглавие предмета, или «Шлагетер. Дискуссия между Карлом Радеком, Паулем Фрейлихом, Эрнстом Графом цу Ревентловом и Мёллером ван ден Бруком» (1923) — двое первых лидеры КПГ, а вторых — «национал-революционного» движения.

Коммунисты и националисты всех мастей рука об руку боролись против французов в Руре (лидер военно-политической организации КПГ здесь Анри Робинсон («Гарри»), в 1942 году арестованный в Париже и казненный гестапо как резидент ГРУ), активно сотрудничали в Восточной Пруссии, где бывший офицер, один из руководителей военно-поли-

тического отдела КПГ Эрих Волленберг, наладил сотрудничество с «фрайкором» «Оргеш».

Однако в конце того же 1923 года в руководстве КПГ начала преобладать линия на свертывание сотрудничества с националистами. Они были объявлены «слугами крупного капитала», а не «бунтующими против капитала мелкими буржуа», как считали Пауль Фрёлх, Герман Реммеле и другие сторонники сотрудничества. Тут не в последнюю очередь сыграл свою роль непреодолимый для нацистов и «национал-революционеров» патологический антисемитизм; надо учитывать, что, несмотря на пятикратную (!) смену руководства КПГ в Веймарской Германии, в каждом из них евреи составляли огромный процент, фактически доминируя, но оставаясь на втором плане (еврейка Роза Люксембург при немце Карле Либкнехте, затем единолично еврей Пауль Леви, еврей Альберт Тальгеймер при немце Генрихе Брандлере, еврей Аркадий Маслов при Рут Фишер, еврей Хейнц Нойман, а затем Вернер Хриш при Эрнсте Тельмане), это же относилось и к инструкторам, представителям и советникам Коминтерна в Германии (Карл Радек, Яков Рейх — «товарищ Томас», Август Гуральский — «Кляйне», Бела Кун, Михаил Грольман, Борис Идельсон и др.).

Однако идеи национал-большевизма продолжали распространяться среди националистических организаций. В начале 20-х годов число последних резко увеличилось, так как многие «фрайкоры» преобразовались в гражданские «союзы». Некоторые из них при этом быстро левели, радикализировались, приобретая ярко выраженный национал-большевистский характер.

Наиболее известный своим радикализмом из подобных союзов — «Бунд Оберланд». Он берет свое начало из так называемого «Боевого союза», образованного в Мюнхене в 1918 году членами пресловутого оккультно-реакционного «общества Туле» для борьбы против левых сил в Баварии. В апреле 1919 года, накануне свержения Баварской Советской республики, нелегально-террористический «Боевой союз» был преобразован во «фрайкор» и принял самое активное участие в кровавом подавлении революции. В следующем году отряды «Оберланда» (в это время несколько десятков тысяч) сражаются против «Красной армии Рура» после «капповского путча» 20 марта, в мае 1921 года они дерутся с поляками в Верхней Силезии, а в ноябре 1923 года активно участвуют в гитлеровском «пивном путче», входя вместе с геринговскими

СА и рёмовским «Союзом имперского военного флага» в «Рабочее содружество отечественных боевых союзов». В этот период на счету «оберландовцев» обвинения в многочисленных финансовых аферах, грабежах, убийствах политических противников.

Основателями «союза» были трое братьев, бывших офицеров, Рёмеров, один из которых — **Йозеф Рёмер** («Беппо») (1892—1944) является военным лидером «фрайкора». Формальным лидером (председателем) был крупный правительственный чиновник Кнауф, однако в августе 1922 года Рёмер выгнал его из «фрайкора» «за сотрудничество с буржуазией», а новым председателем организации стал доктор Фридрих Вебер, широко известный тем, что во время «мюнхенского путча» шел рядом с Гитлером, а потом сидел в соседней камере с ним. Однако Рёмер разругался и с ним, в результате чего в начале 1923 года фактически существовало два союза «Оберланд». После путча деятельность «Оберланда» была запрещена, а после снятия запрета в начале 1925 года уже официально были образованы две организации — «Бунд Оберланд» Фридриха Вебера и «Старый союз Оберланд» во главе с капитаном Беппо Рёмером и «Лулу» (Людвиг) Острайхером. Однако деятельность второго союза продолжалась недолго, так как летом 1926 года Рёмер был арестован полицией во время встречи с коммунистом Отто Брауном, руководящим сотрудником нелегального военно-политического аппарата КПП и советским разведчиком. Это вызвало кризис в организации, и часть ее членов во главе с «Лулу» Острайхером примкнула к НСДАП, а другая группа, верная Беппо Рёмеру (лейтенант Карл Дибич и другие), спустя некоторое время перешла в КПП.

«Бунд Оберланд» во главе с Фридрихом Вебером в 1926 году принял революционно-националистическую программу Мёллера ван ден Брука и создал параллельный союз, так называемое «Товарищество III рейх», председателем которого стал видный национал-большевик Эрнст Никиш. В 1929 году, как и рёмеровская организация, примерно три четверти союза во главе с Вебером вступило в НСДАП, а оставшиеся приблизительно 500 человек в сентябре 1930 года, накануне выборов в рейхстаг, призвали голосовать за КПП, опубликовав незадолго до этого «Программу национального и социального освобождения германского народа» (то же сделали и многие другие националистические объединения). В 1931 году «Бунд Оберланд» организованно слился с круж-

ком национал-большевика Эрнста Никита и принял название «Товарищество Сопротивления». Организация имела отделения в Берлине, Мюнхене, Дрездене, Бреслау, Лейпциге, Гамбурге, Нюрнберге.

Беппо Рёмер и его люди в 1931 году уже открыто объявили о своей приверженности коммунизму и поддержке КПГ. После разгрома СА во время «ночи длинных ножей» в 1934 году Рёмер был арестован, а после выхода на свободу создал из бывших «оберландцев» нелегальную организацию «Революционных рабочих и солдат» (РАС). Используя свои личные контакты с такими людьми, как генералы Эдуард Дитель, Роберт Риттер фон Грейм, Курт фон Хаммерштейн-Экворд, генерал-фельдмаршал Вильгельм Лист, он продолжал заниматься шпионажем в пользу СССР. В конце концов Рёмера вновь арестовали и вместе с такими весьма экзотическими персонажами, как судебный советник из МИДа Норберт Мумм фон Шварценштейн и промышленник Николаус фон Халем, казнили по обвинению в покушении на Гитлера.

История «Бунда Оберланд» не очень типична для других парамилитаристских националистических союзов 20-х годов, порой гораздо более многочисленных. Так, «Младогерманский орден» в 1928 году насчитывал по разным оценкам 30—70 тысяч членов, «Вервольф» — 14—15 тысяч, «Бунд Танненберг» — 7—8 тысяч, «Викинг» — 6—8 тысяч, не говоря уже о таком гиганте, как «Стальной шлем» — несколько сот тысяч членов (для сравнения, реальная численность военизированной организации КПГ — Союза Красных фронтовиков (Рот Фронт Кампфбунд — РФК) — 76 тысяч). Некоторые из этих союзов были также, как «Оберланд», подвержены национал-большевицкой ориентации. Прежде всего, это относится к «Викингам» и «Вервольфам».

Большое распространение идеи национал-большевизма получили в весьма активном в Веймарской республике крестьянском движении, сопровождаемом актами насилия и террора. Многие его лидеры, такие, как Бодо Узе, Бруно фон Саломон, Хартмут Плаас, в начале 30-х годов примкнули к КПГ, все они были в прошлом офицерами, «фрайкоровцами», прошли через национальные союзы или членство в НСДАП.

Начало 30-х годов было пиком немецкого национал-большевизма. Это было связано с началом нового мирового социально-экономического кризиса, который имел для Германии гораздо более тяжелые последствия, чем для других стран.

Центрами национал-большевизма становятся небольшие кружки и организации вокруг издающихся ими же газет и журналов. Если в 20-е годы национал-большевистские авторы сотрудничали в близких им по духу «национал-революционных изданиях, таких, как «Ди Тат», «Коменден» («Грядущее»), «Формарш» («Наступление»), теперь они издают свои периодические издания — наиболее известные среди них: «Видерштанд» («Сопротивление»), руководитель — Эрнст Никиш (1889—1967), «Умштюрц» («Ниспровержение») — Вернер Ласс (р. 1902), «Гегнер» («Противник») — Харро Шульце-Бойзен (1909—1942), «Социалистише Натион» — Карл Отто Петель (1906-1975) и «Форкемпфер» («Передовой боец») — Ганс Эбелинг (1897-1968), Фридрих Ленц (1885-1968), общий тираж которых в начале 30-х годов достигал 25—40 тысяч экземпляров. Совокупное число активистов этих организаций — около пяти (максимум десять) тысяч человек. Кроме того, к национал-большевистским организациям примыкали «Немецкое социалистическое боевое движение» Готтхарда Шильда, «Немецкий социалистический рабоче-крестьянский союз» Карла Бааде и «Младопрусский союз» Юппа Ховена, отколовшиеся от нацистского и «фёлькишеского» движения.

Все эти национал-большевистские организации имели свои особенности. Так, «Видерштанд» Эрнста Никиша выступал в основном по внешнеполитическим вопросам, ратуя за «германо-славянский блок от Владивостока до Флессингена», «Форкемпфер» делал упор на преимущества плановой экономики, «Умштюрц» ратовал за «аристократический социализм» (большой популярностью здесь пользовалась работа В.И.Ленина «Что делать?»). «Социалистише Натион» пытался соединить идеи классовой борьбы, диктатуры пролетариата, системы Советов с национализмом. «Гегнер» пропагандировал ненависть к Западу и призывал германскую молодежь объединяться с пролетариатом для революции.

Огромную роль в идеологии и деятельности этих групп играли личности их вожakov. Кроме самого известного из них — Эрнста Никиша, который начинал политическую деятельность в рядах правой социал-демократии, все они были выходцами из ультранационалистического, крайне правого лагеря.

Помимо этих пяти, чисто национал-большевистских групп, была и одна, так сказать, псевдонационал-большевистская. Она называлась «Рабочий кружок «Ауфбрух», по названию журнала, выходившего с июля 1931 года. Во главе

журнала и кружка стояли бывшие лидеры «Оберланда» капитан Беппо Рёмер и лейтенант Карл Дибич, а также капитаны Герхард Гизеке и Эгон Мюллер, бывший «балтикумовец» Александр граф Стейнбок-Фермор, писатели Людвиг Ренн и Бодо Узе, бывшие функционеры НСДАП, а затем руководители штрассеровских «революционных национал-социалистов» — Рудольф Рем и Вильгельм Корн. В эту группу входило до 300 активистов, которые действовали в Берлине и 15 германских землях. Эта организация бывших офицеров-фрайкоровцев и нацистов была полностью контролируема КПГ и служила ей средством переманивания командных кадров для своих боевиков с целью создания ударного кулака в борьбе за власть. Появление этой группы было связано с так называемым «курсом Шерингера», проводимым КПГ с августа 1930-го по октябрь 1932 года, курсом на привлечение в КПГ средних слоев, сопровождавшимся выдвижением резких антиверсальских лозунгов.

В своей новой «Программе национального и социального освобождения немецкого народа» КПГ провозглашала: *«Мы, коммунисты, заявляем, что после свержения власти капиталистов и помещиков, после установления диктатуры пролетариата в Германии... будем проводить следующую программу, которую мы противопоставляем национал-социалистической демагогии: мы расторгаем грабительский Версальский «мирный договор» и план Юнга и аннулируем международные долги и репарационные платежи. Придя к власти, мы безжалостно покончим с банковскими магнатами, проведем пролетарскую национализацию банков и аннулируем задолженности немецким и зарубежным капиталистам... Лишь молотом пролетарской диктатуры можно разбить цепи плана Юнга и национального угнетения... Поэтому мы призываем всех трудящихся, которые все еще находятся во власти фашистских обманщиков, вступить в ряды армии пролетарской классовой борьбы...»*. В соответствии с этой программой коммунисты попытались переманить на свою сторону «революционно-пролетарские» элементы из лагеря нацистов.

19 марта 1931 года депутат рейхстага от коммунистов и одновременно руководитель военного аппарата Ганс Киппенберг зачитал рейхстагу длинное послание лейтенанта в отставке Рихарда Шерингера. В нем осужденный за нацистскую пропаганду в армии офицер заявил о резком изменении своих взглядов. «Когда мы, ульмские офицеры, содействовали распространению в армии идей национального и

социального освобождения, — говорилось в написанном в тюрьме Гольнов заявлении, — по доносу был издан приказ о нашем аресте. После семимесячного предварительного заключения в Лейпциге мы были приговорены к полутора годам заключения в тюрьме... Мы... считали НСДАП олицетворением наших идей. Кто сравнивает сегодня практическую политику национал-социалистических руководителей с их радикальными идеями, тот видит, что их действия сильно противоречат тому, что они говорят и пишут и что мы от них ожидаем». Затем следовали 9 пунктов, в которых Шерингер доказывал, что руководители НСДАП в последние месяцы отказались от социализма. Эти доказательства были явно написаны под диктовку его коммунистических товарищей по заключению и заканчивались утверждением, что нацистское руководство явно доказало свой реакционный характер. И совсем в коммунистическом духе Шерингер продолжал: «Капиталистические западные державы вновь сплотились для подавления и эксплуатации трудящейся Германии и для агрессии против русской Советской республики... Лишь в союзе с Советским Союзом, после разрушения капиталистической системы в Германии, мы можем быть свободными. Поэтому я отказываюсь окончательно от Гитлера и фашизма и как солдат вступаю в ряды истинного пролетариата!» Исходя из вышеизложенного, Шерингер делал логический вывод: «Ближайшая задача — подготовка народной революции в Германии, отмена договоров о контрибуциях и революционная война против возможной интервенции капиталистических западных держав».

Под влиянием этого нового курса в КПП перешло большое количество национал-большевиков, бывших фрайковцев и нацистов, руководителей националистического молодежного (Эберхард («Туск») Кёбель, Герберт Бохов, Ганс Кенц и др.) и крестьянского движения (т.н. «Ландфолькбевергунг»). КПП резко увеличила как свою численность, так и количество получаемых на выборах голосов.

Однако надо отметить, что все же несравнимо большее количество бывших «фрайковцев» и членов националистических «союзов» перешло в НСДАП и СА, особенно во второй половине 1932 года. Это было связано не в последнюю очередь с тем, что к тому времени «курс Шерингера» КПП фактически был снят с вооружения. В Москве после прихода к власти правительства «западника» Франца фон Папена приняли решение переориентироваться на союз с Франци-

ей, в связи с франко-советским сближением руководство КПГ получило приказ из Москвы сворачивать свою кампанию против Версаля.

После прихода Гитлера к власти национал-большевистское движение было ликвидировано. В том виде, как оно существовало в Веймарской республике — в виде пропагандистских групп, оно существовать дальше не могло. Участники его эмигрировали (Карл Отто Петель, Ганс Эбелинг) или подверглись репрессиям (Эрнст Никиш). Журнал «Видерштанд» («Сопротивление»), издававшийся Никишем, был закрыт в декабре 1934 года. В 1937 году гестапо арестовало около сотни сторонников Никита. Сам он в 1939 году был приговорен народным судом к длительному сроку тюремного заключения. Однако неожиданный успех национал-большевистское движение имело на другом поприще — а именно в шпионаже в пользу СССР. Знаменитую берлинскую «Красную капеллу» возглавляли три человека — все бывшие национал-большевики: Харро Шульце-Бойзен (бывший редактор «Гегнер»), Арвид Харнак (1901—1942) (секретарь «Арбплана» — «Сообщества по изучению советского планового хозяйства» — одной из национал-большевистских организаций, которую вдохновляли идеи профессора Фридриха Ленца) и Адам Кукхов (1887—1943) — бывший редактор «Ди Тат». Шпионажем в пользу СССР занимались также Беппо Рёмер со своими бывшими «оберландовцами», Герберт Бохов и другие, на разведаппарат КПГ работали Ганс Эбелинг и доктор Карл Хеймзот, имевший, кстати говоря, в советской разведке забавный псевдоним «доктор Хитлер».

Кроме того, идеи национал-большевизма оказали определенное влияние на группу полковника Клауса Штауфенберга, что неудивительно, ибо сами братья Штауфенберги в юности находились под большим влиянием идеологии «консервативной революции».

Почему же идеи национал-большевизма не получили большего размаха в Веймарской республике и движение это не перешагнуло рамок относительно немногочисленных кружков и групп (хотя в начале 1933 года в Берлине Эрнст Никиш, Карл Отто Петель и др. сделали попытку выставить единый национал-большевистский избирательный список во главе с лидером крестьян-террористов Клаусом Хеймом, Карл Отто Петель одновременно опубликовал «Национал-большевистский манифест», но было уже слишком поздно).

По нашему мнению, причин здесь несколько. Во-первых, большую часть потенциальных сторонников национал-большевизма все время привлекала к себе НСДАП, особенно в своем штрассеровском варианте, кроме того, после раскола 1930 года многие из них прямо вступили в организацию «революционных национал-социалистов» Отто Штрассера. Во-вторых, принятие КПП в августе 1930 года «Программы национального и социального освобождения германского народа» (т.н. «Шерингер-курс») и тезиса о «народной революции» увело от национал-большевизма в ряды компартии значительную часть вожаков и активистов (Беппо Рёмер, Бруно фон Саломон, Бодо Узе, Карл Дибич и многие другие), а также возможных избирателей. В-третьих, отсутствие в рядах национал-большевистского движения такого «харизматического» лидера, как Адольф Гитлер, или даже таких ярких, значительных политиков, как нацисты Грегор Штрассер, Герман Геринг, Йозеф Геббельс, или коммунисты Хейнц Нойман, Вилли Мюнценберг, Герман Реммеле, привело к раздроблению движения, отсутствию четкой организации на деле (на словах подобных призывов хватало). Думается, даже в случае объединения всех национал-большевистских групп с «революционными национал-социалистами» Отто Штрассера, а также другими левонацистскими группами типа Хельмута фон Мюкке, Ульриха Ольденбурга, Вальтера Стеннеса и т.д. у них в силу вышеизложенных причин не было никаких шансов стать массовым движением в конкретной ситуации того времени. Для достижения стадии объединенного движения, как было показано ранее, нужна более высокая зрелость объективных и субъективных причин, его определяющих.

Этого никак не скажешь о КПП. Эта партия в качестве конкурирующего с НСДАП тоталитарного движения реально могла претендовать на власть в Германии. Для читателя отношение партии Розы Люксембург к конкурирующему с нацистами тоталитарному движению может показаться несколько странным, поэтому вот лишь несколько общеизвестных фактов из истории Веймарской республики, показывающих, насколько идиотскими выглядят убеждения некоторых «историков» в том, что предотвратить приход Гитлера к власти мог союз КПП и СДПГ — «единый фронт» против нацизма. В 1925 году на президентских выборах КПП выставляет своего кандидата (Эрнста Тельмана) и во многом способствует этим победе Гинденбурга (его поддерживала НСДАП и крайне правые партии) над кандидатом Народного блока (куда входили

СДПГ и либералы). В конце 20-х — начале 30-х годов в Германии не было ни одного серьезного случая сотрудничества на руководящем уровне КППГ с СДПГ, при том, что совместные акции коммунистов с НСДАП, не говоря уже о «левых» нацистах и национал-большевиках, имели место, и довольно часто. Например, совместный митинг в Берлине 20 октября 1930 года, где выступали коммунист Хейнц Нойман и нацист Йозеф Геббельс (присутствовало 300 членов КППГ и 1200 членов НСДАП), отнюдь не был единичным явлением, подобные митинги, дискуссии в Берлине проводились неоднократно. Имели они место и в других городах — например, в Бремене и Биефеле в начале 1931 года. Особенно известна борьба обеих партий против Прусского правительства, возглавлявшегося СДПГ В августе 1931 г. КППГ и НСДАП вместе голосовали за референдум по вопросу о его роспуске; в апреле 1932 года в «Роте Фане» был выдвинут провокационно звучащий лозунг «Красный натиск на «Красную Пруссию», после чего в июне 1932 года при помощи КППГ нацист был избран председателем прусского ландтага, а в июле того же года канцлер фон Папен, опираясь на парламентское большинство из НСДАП, КППГ и правых, ликвидировал социал-демократическое правительство Пруссии. Широко известна и забастовка транспортных Берлина 3—7 ноября 1932 года, совместно проведенная КППГ и НСДАП.

Параллели между КППГ и НСДАП достаточно очевидны. Необходимо, однако, от выявления лежащих на поверхности параллелей перейти к анализу исторических и особенно социальных корней тоталитарных движений во всех его вариантах.

КППГ отнюдь не была в начале 30-х годов «партией рабочего класса», как это долгое время пытались представить. Другое дело, что она стремилась стать ею, но ведь это же можно сказать и о национал-большевиках, штрассеровцах и даже НСДАП.

Даже в относительно благополучном 1927 году только 53,2% членов КППГ имели работу (в 1928 - 63,3%, в 1929 - 51,9%). Затем и без того огромный процент безработных членов партии катастрофически возрос, таким образом можно согласиться с мнением немецкого историка Г.А. Винклера о том, что КППГ «была партией безработных».

В феврале 1932 года в КППГ из 360 тысяч членов (в 1929 году их было 116 тыс.) лишь 11% являлись рабочими. Весной 1932 года из 6,8 млн немецких рабочих лишь 55 тысяч были членами КППГ. Причем в 1929—1932 годах новых ячеек

на предприятиях не появлялось, и «на крупных предприятиях организованной работы КПГ не велось». Левая профсоюзная организация, фактически руководимая КПГ, — так называемая «Ревпрофоппозиция» (РПО) — насчитывала в 1932 году только 35 тысяч членов, меньше, чем НСБО (профсоюз НСДАП).

Таким образом, мы видим, что на рубеже 1929—1930 годов в Германии в результате кризиса сложились два мощных тоталитарных движения. Они включали в себя НСДАП и некоторых ее союзников из правого лагеря, а также КПГ, национал-большевистские группы. Два основных мифа питали эти движения: расово-националистический — преимущественно гитлеровское крыло НСДАП и отчасти ее союзники из правых партий, — и социалистический, пролетарский — КПГ, национал-большевики, штрассерозское крыло НСДАП.

Почему же победил первый? Во-первых, левый миф был ориентирован только на «народные массы», а расово-националистический — помимо «массы» и на группы экономической и военной элиты, которые он стремился если не поставить себе на службу, то хотя бы заставить занять нейтральные позиции; не последнюю роль здесь играл и внешнеполитический аспект — ориентация левого мифа на союз с СССР вела к подрыву национальной независимости и была неприемлема.

Кроме того, только НСДАП имела тоталитарного харизматического лидера — Гитлера. Дальнейшее, как говорится, история. Недаром книга главного национал-большевистского идеолога Германии Эрнста Никиша, вышедшая в 1932 году и выдержавшая пять изданий, называлась «Гитлер. Злой немецкий рок».

Национал-большевизм в Германии представлял собой уникальное явление. Однако и в других странах существовали группы подобной ориентации. Вот лишь несколько примеров.

1. **Швеция.** Шведская секция Коминтерна (т.е. Компартия Швеции) в 1929 году на X пленуме Исполкома Коминтерна была исключена из III Интернационала за «правый уклон». Ее руководство, во главе которого стояли два члена самого ИККИ — Нильс Флюг и Карл Чильбум, выступило против нового курса «класс против класса» и против неограниченного диктата Сталина. В начале 30-х годов эта исключенная организация объединилась с маленькой левой социал-демократической группой и приняла название Социалистическая партия Швеции. На всех выборах в 30-е годы она получала больше голосов, чем воссозданная сталинистами компартия.

Однако во 2-й половине 30-х годов эта группа, которая и после выхода из Коминтерна называла себя марксистско-ленинской организацией, проделала стремительную эволюцию к нацизму. Причем не только идеологически, но и чисто практически. Ее руководители поддерживали связи с германским посольством и получали от него деньги на издание своей газеты.

Недовольные этим Чильбум и другие лидеры партии вернулись в Социал-демократическую партию Швеции, в то время как Флюг (кстати, один из основателей Коммунистического интернационала молодежи) стал ярым нацистом и в 40-е годы Социалистическая партия выступала как крупнейшая нацистская организация Швеции, пытаясь объединить все другие мелкие нацистские группы под своим руководством. В годы Второй мировой войны она подвергалась преследованиям со стороны шведского правительства за активную прогерманскую деятельность.

2. **Италия.** Широко известен тот факт, что Бенитто Муссолини и подавляющее большинство главарей итальянского фашизма были выходцами из Социалистической партии Италии, причем из ее революционно-левого крыла. Того самого крыла, на базе которого в Италии, как и в других странах, образовалась коммунистическая партия. Но гораздо менее известен тот факт, что многие коммунисты перешли в фашистское движение. Наиболее яркий пример — Николо Бомбаччи, один из основателей и фактических лидеров Компартии Италии начала 20-х годов. Он входил в Исполком Коминтерна, приезжал на все его конгрессы в Москву (кроме 1-го), встречался с Лениным. Вплоть до недавнего времени его тщательно вырезали со всех фотографий, где он был запечатлен рядом с Лениным. Как и Флюг, только ранее, он вступил в конфликт с руководством Коминтерна и, в конце 20-х годов, вернулся в Италию из эмиграции. В Италии он редактировал небольшой левофашистский журнал «Прометео» (левая фракция фашистской партии во главе с Джузеппе Боттаи, мало отличавшаяся по своей идеологии от компартии, активно действовала в Италии на протяжении 20—40-х годов). В 40-е годы Бомбаччи стал секретарем фашистской партии и, вместе с Муссолини, автором второго и последнего фашистского манифеста. Вместе с дуче он был и казнен.

Интересен и такой факт. Тайная террористическая группа в рядах фашистской партии, инспирированная Муссолини для расправ со своими политическими оппонентами и

известная советским кинозрителям по фильму «Убийство Маттеоти», называлась, ни много ни мало, «ЧК из Виминале». Что такое ЧК — советскому читателю объяснять не надо. А Виминале — это ставшее нарицательным название министерства внутренних дел Италии.

В середине 30-х годов среди молодых левых фашистов сложилась группа так называемых «диссидентов», или «универсальных фашистов», которая группировалась вокруг сына Муссолини Витторио и очень восхищалась социалистическим строительством в СССР, особенно Сталиным. Папа Муссолини был очень недоволен, он разогнал эту группу, однако часть ее членов сразу перешла в компартию, а другие создали так называемую «Революционную Социалистическую партию» и перешли в ИКП после войны. Многие из этих фашистов-диссидентов входили затем в ее высшее руководство.

3. Франция. Французский случай национал-большевизма особенно известен. Его основателем был Жак Дорио, рабочий-металлург, основатель и руководитель французского комсомола, а затем член Политбюро и секретарь ЦК французской компартии (ФКП), мэр «красного пригорода» Парижа Сен-Дени, часто попадавший в тюрьму за участие в разного рода беспорядках и поэтому весьма популярный в СССР. В начале 30-х годов он был конкурентом туповатого Мориса Тореза в борьбе за лидерство в партии, однако совершил непростительную ошибку. За полгода до того, как пришел приказ из Москвы, выступил инициатором политики Народного фронта, чем Торез и воспользовался, с позором выставив Дорио из партии. После чего тот создал так называемую «Народную партию Франции», которая своей структурой полностью копировала ФКП, только слово «коммунистическая» везде было заменено на «народная». Эта партия была одной из крупнейших фашистских партий в мире, сам Дорио активно сотрудничал с гитлеровскими оккупантами. Он приезжал на Восточный фронт подбодрить французских добровольцев, да и погиб во время бомбежки, одетый в форму офицера германской армии. А ведь в свое время дружил с Лениным, Сталиным, Мао Цзэдуном.

В его организацию входили очень многие бывшие коммунисты, в том числе члены ЦК и Политбюро. Были во Франции и другие фашистские группы, созданные коммунистами. Тоже рабочий, как и Дорио, тоже член Политбюро и секретарь ЦК ФКП, третий человек в партийной иерархии, Марсель Життон, после подписания советско-германского пакта

порвал с ФКП и создал Нацистскую рабоче-крестьянскую партию. Ему, однако, тоже не повезло. Он попал в список бывших депутатов-коммунистов, подлежащих уничтожению за протест против «пакта Молотова-Риббентропа». В сентябре 1941 года члены военной организации ФКП застрелили его в Париже. Сама французская компартия после начала Второй мировой войны выступила как предательская организация, выдвинув лозунг братания с германскими солдатами, свержения французского правительства и создания новой «Парижской Коммуны» из «патриотических элементов». Очевидно, подразумевались французские фашисты и сама ФКП. Торез и другие вожаки дезертировали из армии и сбежали в Москву, причем рядовым членам партии было разъяснено, что они руководят нелегальной борьбой во Франции. Неудивительно, что компартия подверглась заслуженным репрессиям. Многие ее активисты были интернированы, однако после прихода немцев выпущены на свободу.

ФПК пыталась сотрудничать с новыми властями и даже наладить легальный выпуск своей газеты «Юманите», постоянно пропагандируя идею «национального правительства». Только после 22 июня 1941 года, получив приказ из Москвы, она начала активную борьбу с оккупантами.

Можно сделать некоторые выводы.

Так как в идеологии национал-большевистского течения переплелись идеи левого (коммунизм) и националистического фашистского тоталитаризма, национал-большевизм позволяет найти несколько типологических особенностей обоих движений. Безусловно, это не политические партии, а именно тоталитарные движения, и для понимания причин их возникновения необходимо обращаться не только к социально-экономическим, но и вытекающим из них психологическим причинам.

Главное условие их возникновения — это тотальный кризис всех форм общественного уклада, осложненный переходом от одного типа государственного управления к другому (от авторитаризма к демократии, например). Второе условие — это резкое обострение национального чувства, вызванного унижением от катастрофического, тоталитарного поражения в войне. Третье — это наличие в данном обществе традиций этатизма и патернализма (т.е. победить тоталитарные движения могут отнюдь не в любой стране). Кроме того, необходимо наличие большой аморфной составляющей социальной структуры (граничащей с бесклассовостью). Человек

в этом обществе находится в состоянии фрустрации, утрачивает положительную самооценку, лишается своего «я». Ему необходимо вновь обрести систему ценностей, так называемый «смысл жизни», и достаточно легко его обрести в каком-нибудь мифе. Миф может быть пролетарско-коммунистический, национальный и т.д., в том числе в качестве разновидности, например, национал-большевистский, что показывает, как легко переходить из одного мифа в другой.

Основная задача тоталитарного мифа — направить негативистскую энергию, собравшуюся в обществе, на создание некоего идеального мира в будущем («новый порядок» — любимый термин как фашистов, так и коммунистов). Черни этот миф дает иллюзию участия в истории, а интеллектуалам видимость слияния с народом, нацией.

Этот миф должен быть:

утопическим;

его Должен провозглашать некий вождь;

необходимы некие мученики, погибшие за миф, некие образцы и примеры из истории (Парижская Коммуна, Фридрих II и т.п.), а также всевозможная атрибутика.

Для руководства этим движением, охваченным мифом, необходимы люди, обладающие художественными способностями, так как это, безусловно, квазиартистические движения. Причем основатели их должны быть людьми очень одаренными (типа *Рериха* или *Толкиена*), чтобы силой своего гениального воображения очаровать, привлечь к себе массы или, по крайней мере, большие группы людей (Карл Маркс, к примеру), а «фюреры» должны быть из не реализовавших себя в искусстве людей (*Муссолини, Гитлер, Сталин, Троцкий*, все без исключения лидеры национал-большевизма) — чувствуя свою творческую неполноценность, они лишь укрепляются в своей «вере». Кроме того, большую роль играет социальная и национальная неполноценность (*Гитлер, Сталин, Жириновский* и т.п.). Таким образом, это своеобразная «антиэлита» общества, которая существует везде и всегда, но лишь в период структурного кризиса, в обществе, отягощенном этаким наследием, может быть социально опасна.

Что дает человеку участие в тоталитарном движении? Вопрос, как говорится, интересный. Купленные с потрохами правящими классами так называемые академические «ученые»-историки-культурологи-социологи и прочие, по меткому определению Руслана Имрановича, «дурачки, называющие себя политологами», обычно внушают населению,

что участие в тоталитарном движении дегуманизирует человека, так как его фанатичная «вера» дает ему право на любое преступление, уводит его от реальной жизни, обманывает его, и поэтому, в результате, обрекает на гибель.

Независимые (от грантов и других форм подкупа) исследователи считают, что участие человека в тоталитарном движении придает его жизни подлинный смысл, возможность реализовать свои скрытые способности, обрести истинных друзей и реальные авторитеты, превратиться из жертвы закулисных манипуляций в творца истории.

Реализация тоталитарного мифа приводит к установлению тоталитарных режимов с общими чертами как для левого, так и для национального мифа:

1. Официальная, всеобъемлющая идеология, нацеленная на создание идеального порядка и нового типа личности.

2. Контроль за личной жизнью индивидов, подмена индивидуальных (зачастую интимных) интересов общественными.

3. Постоянное подавление любой оппозиции, особенно инспирируемой извне.

4. Иерархическая однопартийная система, требующая безусловного послушания, которое является проекцией послушания и иерархии в движении до прихода к власти.

5. Контроль за средствами массовой информации и образованием с целью постоянной мобилизации граждан.

6. Ликвидация традиционного буржуазного парламентаризма, при котором успех на выборах зависит от количества денег, а не способностей у кандидатов.

7. Автаркия и отказ в свободе выезда за границу.

8. Централизованная и плановая экономика с контролируемым потреблением.

9. Личная диктатура вождя.

По нашему мнению, допустимо предположить, что все эти качества, присущие гитлеровскому режиму, были бы с той же жестокостью осуществлены в Германии и руководством КПГ или революционными национал-социалистами и национал-большевиками, в случае их прихода к власти, для чего первые должны были быть менее зависимы от Москвы, а вторые более оригинальны, бесстрашны и активны.

Вадим Лифшиц

ФЕНОМЕН «НЕОСОЦИАЛИЗМА» В МЕЖВОЕННОЙ ЕВРОПЕ

«Социал-фашизм» или новая социал-демократия?

Системный кризис, пережитый социал-демократическим движением между двумя мировыми войнами, был связан не только с потрясением устоев европейского гражданского общества, в котором социал-демократия только и способна существовать, но и с появлением новых, революционно-тоталитарных антикапиталистических движений, предложивших свои версии «социализма» (классово-авангардистскую диктатуру в СССР, национал-авангардистскую в Италии и особенно в Германии). Социал-демократия оказалась жестко зажата между коммунизмом и фашизмом. И хотя СДП в основном преодолели трудности обновления на традиционных рельсах демократического социализма (более радикального в Южной Европе, более умеренного — в Северной), крупные пласты социализма смыкались с тоталитарными конкурентами. Одни, догматизируя марксизм, сближались с коммунистами, другие, отходя от марксизма, интегрировались в фашизм.

Ко второй категории относилось течение неосоциалистов, идейные основы которого сформулировал лидер Бельгийской рабочей партии Анри де Ман. В его книге «По ту сторону марксизма» закладывались опорные конструкции новой социальной философии:

— перенос идеологического «центра тяжести» с экономической проблематики на морально-этическую: высвобождение духовных энергий трудового народа, гуманистическое преобразование социальных отношений в духе свободы, справедливости, братства и сотрудничества;

— сильное корпоративно-социалистическое государство, регулирующее общественные отношения в интересах трудящихся;

— новая концепция социалистической экономики: национализация монополизированной крупной промышленности и кредитной системы при сохранении мелких и средних производств в частных руках — но при включении их в систему общенационального планирования (экономические воззрения неосоциалистов зачастую кодировались термином «План»);

— корпоративное управление социалистическим сектором;

— государственные социальные гарантии: сокращение рабочего времени, повышение трудовых доходов, социальное страхование и т.д.;

— национальный патриотизм как духовная самоценность и как «защитный вал», ограждающий вынужденно автаркичную социалистическую экономику.

Идеи Анри де Мана были решительно осуждены коммунистами, усмотревшими в них «буржуазно-фашистский реформизм». Враждебную настороженность проявило и большинство социал-демократов — из-за отхода от марксизма и очевидного сходства с экономической системой фашистской Италии (национализм, корпоративизм, автаркия и т.д.). Но часть социалистов поддержала эту далеко идущую идеологическую реформу. Наиболее сильная поддержка была встречена во Франции.

Чтобы понять, почему именно здесь, полезно кратко очертить французские антисистемные силы межвоенного периода.

Французская компартия — идеологически вполне ортодоксальная — обладала рядом позитивных особенностей, в полной мере проявившихся под руководством Мориса Тореза и Жака Дюкло. С начала 1930-х гг. центральное место в ее политике фактически заняли защита парламентарных свобод от консервативно-авторитарных сил, борьба за социальные реформы «в рамках капитализма» и внешнеполитическое противостояние гитлеровской агрессии. В массовом сознании французский коммунизм виделся не столько тоталитарным движением большевистского «нового типа», сколько «покрасневшим радикализмом», неким продолжением якобинства, относительно органичным для национальной политической традиции. Торез и Дюкло приложили максимум усилий для сохранения этого выгодного коммунистам имиджа, подчеркивая верность ФКП республиканским ценностям, демократии, национальным интересам Франции, предлагая тесное сотрудничество буржуазно-демократическим силам и

жестко пресекая деятельность ортодоксально-большевистских «сектантов» в ФКП (как правило, обвинявшихся в троцкизме). Апогеем этой политики стало участие французских коммунистов в левоцентристском Народном фронте с его общедемократической программой.

Французский фашизм также явно не соответствовал классическим образцам. «Мятежные лиги» — «Французское действие», «Патриотическая молодежь», «Французская солидарность», «Франсисты» — занимали не консервативно-революционные, а правоконсервативные позиции, стремясь воссоздать феодально-клерикальный «старый режим» («Французское действие» Шарля Моррасса прямо выступало за реставрацию монархии). Первоочередными их установками было максимальное усиление исполнительной власти, отмена политических свобод, постепенная ликвидация парламентаризма. Нечто сходное с их идеалом осуществилось при вишистском режиме маршала Филипа Петэна.

Узкая социальная база фашистских лиг в основном к осколкам феодальной аристократии, ультраконсервативным кругам чиновничества и офицерства, ортодоксальным клерикалам и правоэкстремистски настроенным финансистам и промышленникам. Военизированные крылья «мятежников» (типа «Королевских молодчиков» из «Французского действия») рекрутировались из молодежи названных социальных групп и люмпенов, привлеченных идеологией и практикой социального патернализма. Единственным массовым движением, в которое активно внедрялись фашисты, был союз ветеранов I Мировой войны «Боевые кресты» — сильный организационно и морально («Едины как на фронте!»), но весьма аморфный идеологически. Феодально-реставраторская идеология решительно отторгалась не только французским пролетариатом, но и мелкобуржуазными массами, верными демократическим традициям и политическим идеалам 1789 г. Миллионы крестьян, ремесленников, мелких предпринимателей и торговцев, социальный статус, политическое влияние и экономические возможности которых были завоеваны Великой Французской революцией, ненавидели «старый режим» и были опорой лево буржуазной партии радикалов, костяком Третьей республики.

Консервативно-клерикальный французский фашизм не соединял революционной идеологии с массовым движением и потому не обладал «мотором», подобным тому, что привел к власти НСДАП или «Фашо ди комбати-

менто» (соответственно, абсолютно закономерным оказался провал антиреспубликанского путча 6 февраля 1934 г.). Однако фашистская революционность была востребована в начале 1930-х гг. в кругах СФИО — массовой соцпартии, связанной с рабочим движением и влиятельной в мелкобуржуазных средних слоях. Эту роль сыграли неосоциалисты, лидеры которых во главе с Марселем Деа и Адриеном Марке прорвали кольцо «старомарксистской» догматики, замыкавшей партию в устаревшей системе координат. Взамен они глубоко развили идеи де Мана.

После раскола 1920 г., когда радикальное крыло партии образовало ФКП, в СФИО преобладали центристы во главе с Леоном Блюмом и Полем Фором. Их идеология продолжала марксистскую традицию в интерпретациях Жана Жореса и Жюля Геда. В принципе признавая социалистическую революцию и диктатуру пролетариата, центристы относили их на неопределенное будущее — в зависимости от созревания «объективных условий» (как известно, так и не «дозревших»). В практической политике СФИО вела парламентскую и внепарламентскую борьбу за укрепление демократических институтов, расширение социальных и профсоюзных прав, отстаивала текущие потребности трудящихся (причем приоритет отдавался парламентской деятельности). Периодически социалисты вступали в коалицию с партией радикалов.

Идейно-политические установки Л.Блюма разделяли «захват власти» (диктатура пролетариата прерывает конституционную законность на период социалистических преобразований) и «исполнение власти» (работа социалистов по социальному реформированию общества в рамках парламентской системы). Именно последнему Блюм отдавал приоритет, сохраняя ритуальную приверженность марксизму, но отвергая политический радикализм, не говоря о революционном насилии.

Левое крыло СФИО опиралось на партийные структуры Парижа. Левые социалисты во главе с Жаном Жиромским требовали претворять марксистский «символ веры» в политическую практику, перенести центр тяжести партработы с парламентской деятельности на развертывание массового революционного движения. Они ориентировались на тесный союз с ФКП, отстаивали жесткие классовые приоритеты. Говоря о резком обострении классовых антагонизмов, Жиромский полагал их естественным политическим отражением

единый фронт с коммунистами на основе марксистской общности, а не коалицию с радикалами на основе текущих политических совпадений.

Правое крыло СФИО, популярное в центральных и южных департаментах страны, возглавлял Пьер Ренодель. Его опору составляли мелкие буржуа, отошедшие от партии радикалов и рассматривавшие французский социализм как наиболее последовательную силу республиканской демократии. Именно защита и укрепление парламентско-демократических институтов, а не социально-экономические реформы, представляли наибольшую ценность для правых социалистов. Для взглядов Реноделя были характерны национал-патриотизм, идея классового сотрудничества, принципиальный политический оппортунизм, связанный со стремлением как можно скорее принять участие в правительственном «исполнении власти» — предпочтительно в блоке с радикалами.

Именно принципиальный прагматизм Реноделя обрекал правое крыло СФИО на длительный застой, поскольку не основывался на динамичной идеологеме, не был приспособлен для проникновения в массы и во многом отталкивал электорат. Положение, однако, резко изменилось после того, как на рубеже 1920-х — 1930-х гг. идейная гегемония «правой СФИО» перешла к неосоциалистам, создавшим новое «идеополе».

Точка зрения, относящая неосоциалистов к правой социал-демократии, представляется ошибочной. Марсель Деа и Пьер Ренодель олицетворяли не только совершенно разные типы политической ментальности — идеологический динамизм, политический напор, «революционно-энергетический» темперамент против традиционности, силы авторитета, осторожности, заботе о стабильности, — но и весьма различные мировоззрения. Если Ренодель или Александр Варенн (впоследствии отошедший от СФИО и примкнувший к левым республиканцам) действительно соответствовали характеристикам правой ориентации, то неосоциализм, скорее, представлял собой разновидность социалистического «Третьего Пути», основанную на консервативно-революционных идеях (синтез социализма и фашизма — это политическая реальность не только 1930-х гг., хотя сталинское понятие «социал-фашизма» было абсолютно ложным, поскольку относилось к совершенно иному движению, гораздо более антифашистскому, нежели коммунизм).

Лидеры неосоциалистов принадлежали, судя по всему, к тому типу радикальных, жестких и амбициозных политиков, которых в современной России называют «молодыми волками». Их ведущим идеологом и политическим лидером был Марсель Деа; наибольшую активность в государственной политике проявлял Адриен Марке — мэр Бордо и министр труда в «правительстве сильной руки» Гастона Думерга; социальную философию и политэкономии неосоциализма разрабатывали Андре Филип и Люсьен Лора; как партийный оратор выделялся Бартеlemi Монтаньон... Основы политической идеологии течения были сформулированы в работе Деа «Перспективы социализма» и многочисленных публикациях газеты «Новый социализм».

Для Деа и его соратников был характерен непримиримый антикоммунизм и антисоветизм, они вели бескомпромиссную борьбу против большевистской идеологии, французского носителя которой видели в ФКП. Неосоциалисты считали большевизм не столько антикапиталистической силой, сколько врагом европейской цивилизации, той «западной христианской традиции», частью которой Деа считал идею социализма. Ярко и со страстью описывал он ужасы террора, разрушения и порабощения которые несет Европе большевистская революция. Несколько лет неосоциалисты успешно внедряли в документы и практику СФИО положения о беспощадной борьбе против ФКП (даже в союзе с буржуазными партиями — что прямо запрещалось основными программными установками СФИО). Ненависть к коммунистическому тоталитаризму, готовность всеми средствами защищать идеалы свободы и гуманизма, сыграла важную роль в трагическом выборе Деа — усмотревшего «возрождение гуманизма» в государстве Б.Муссолини.

Деа и Филип уделяли много внимания анализу современного им капитализма и проектам его социалистического преобразования. Они сделали выводы об адаптации западного рабочего класса к системе, о его интеграции в индустриальное общество, об установлении прочной связи классовых интересов пролетария и капиталиста (поскольку технологическая рационализация производства привела к далеко идущим социальным трансформациям). Но, в отличие от правой социал-демократии, и даже от де Мана — приветствовавших эти процессы — французские неосоциалисты оценивали их скорее негативно, как укрепление системы экономической эксплуатации и социального угнетения (эти два

понятия, кстати, различались — эксплуатация воспринималась как служебный атрибут капитализма, угнетение — как абсолютное Зло).

Вследствие обуржуазивания рабочего класса, революционным авангардом общества были признаны средние слои (во Франции крестьяне, ремесленники, мелкие предприниматели и торговцы опережали по численности промышленный пролетариат, ненамного уступая всем наемным работникам). Представлялось, что политическая самоорганизация и антикапиталистическая борьба мелкой буржуазии только и способна вновь революционизировать «прирученный» капитализмом, деморализованный мировым экономическим кризисом и расколотый между враждующими партиями и профсоюзами пролетариат.

В мелкой буржуазии, прежде всего крестьянстве, Деа видел социальную силу, стоящую «вне капиталистической системы», последовательно демократическую и изначально социалистическую. Основами мелкобуржуазного социализма Деа считал:

— характерное для крестьянина и ремесленника единство труда и собственности;

— укорененность в социальном сознании трудового собственника гуманистического христианского мировоззрения;

— несомненный демократизм и патриотизм французского крестьянства и городского среднего класса.

Трудовой средний класс являлся в концепции Деа основой «антикапиталистического фронта», движущей силой социалистической «революционной эволюции», которую он противопоставлял и разрушительному большевистскому нашествию, и «бескрылому» центристскому социал-реформизму, и экономическому фетишизму марксистов, которые, заиклившись на преобразовании «заводских» производственных отношений, забывают о сложнейших механизмах общесоциального функционирования. Кстати, очевидная приверженность Деа традиционным социально-трудовым укладам, в частности крестьянскому, подтверждает консервативно-революционный характер его взглядов.

Как доктринальная основа социально-экономического устройства принимался корпоративизм — заметно продвинутой «вниз и вглубь» по сравнению с государством Муссолини. Прообраз социалистических корпораций Деа усматривал в картельных образованиях — трамплине экономической демократии, — хорошо приспособленных для широко-

го участия трудящихся в собственности и в управлении. Наряду с концепцией структурных преобразований собственности и управления экономикой, неосоциалистическая программа включала, разумеется, и комплекс первоочередных социально-защитных реформ, нашедший отражение в политике Народного фронта — строгое соблюдение гарантированного минимума заработной платы и 8-часового рабочего дня, введение оплачиваемых отпусков, социальное страхование за счет работодателей, государственная финансовая поддержка крестьянства и городских самостоятельных производителей, расширение профсоюзных прав и т.д.

Деа расчленил три ступени социализации экономики. На первом этапе социал-демократическое правительство социализирует экономическую власть, перехватывая у частного собственника право экономических решений с помощью системы «управленческих» и «контрольных» акций. Далее социализируется прибыль — в результате чего капиталист превращается в администратора, работающего за процент (здесь просматривается связь с идеями Сен-Симона, рассчитывавшего свести частную собственность к функции государственного поручения). Наконец, на третьем этапе социализируется собственность, переходящая в руки поощряемых государством рабочих кооперативов (здесь соединяется синдикалистская традиция Прудона с развивавшимися в те годы концепциями кооперативного социализма и корпоративизма). В духе Анри де Мана предполагалось включение автономных ячеек коллективного производства в систему общенационального планирования — обеспечивающего социальные гарантии, программирующего общие направления экономического развития, регулирующего общественные противоречия.

Поднимался на щит жесткий национализм, политически отлитый в идею сильного государства — выразителя национального духа, интегратора корпораций и внешнего защитника от чуждых экономических интервенций.

Но при всем том постепенно осложнились отношения неосоциализма и демократизма. Деа и его соратники считали себя последовательными демократами — именно защитой демократических свобод мотивировали они свой антикоммунизм. Однако ими было введено своеобразное понимание антифашистской борьбы. Видя в фашизме революционное движение средних слоев, отвечающее общественным потребностям в социальных реформах и в сильном государстве,

Деа призывал «опередить фашизм», перехватив его лозунги и концепции. Если правые Ренодель и Варенн постепенно сближались с радикалами; если неосоциалист Филип, несмотря на технократический уклон своих взглядов, «растворял» социализм в христианско-демократическом идеале; то Деа и Марке, начав с верности республиканским ценностям, постепенно сблизились с фашистскими лигами, противопоставляя парламентской системе авторитарную государственность и корпоративизм фашистского типа. Деа дошел до противопоставления социалистических задач общедемократическим, считая, что только сильная исполнительная власть способна достичь успеха в решении социальных проблем — едва ли не в «насаждении» экономической демократии.

Политическую практику неосоциалистов отличало стремление любой ценой включиться во власть — предпочтительно в союзе с левоцентристскими радикалами, — немедленно внедрять свою модель рычагами государственной машины. Именно «проломное» движение к власти ускорило откол неосоциалистов от СФИО. К тому же, их лидеры, особенно Деа и Марке, заработали в соцпартии негативную репутацию замкнутой агрессивной группировки, исповедующей сомнительную идеологию и ни перед чем не останавливающейся в борьбе за власть. Когда на съезде СФИО в июне 1933 г. Деа, Марке и Монтаньон выступили с изложением своих взглядов, они были отвергнуты большинством своей партии. При этом Ренодель, Варенн и другие правые не поддержали авторитарно-националистических лозунгов Деа.

В ноябре 1933 г. большинство депутатской фракции СФИО, в которой лидировали Деа и Ренодель, вопреки партийной установке, поддержало финансовую программу правительства радикалов. Почти одновременно Ренодель, Деа, Монтаньон и другие деятели их круга в публичных выступлениях обрушились на руководство СФИО — за догматизм и отказ от правительственного сотрудничества с радикалами. После этого лидеры неосоциалистов во главе с Деа и Марке, а также Ренодель и его сторонники были исключены из СФИО. Уже в декабре на идейной платформе неосоциализма была учреждена Социалистическая партия Франции — «Союз Жана Жореса», объединившая более 20 тыс. человек (около 15% численности СФИО) на идейной платформе неосоциализма. Однако самонадеянные расчеты создателей новой партии на гегемонию в социалистическом движении не оправдались — укорененные традиции СФИО

оказались сильнее напора «молодых волков». Часть основателей СПФ вернулась в «старый дом», другие отошли к радикалам, Деа и Марке эволюционировали к фашизму. Через полтора года Соцпартия Франции вместе с Республиканским союзом и мелкими социалистическими группировками создала Социалистический республиканский союз, участвовавший в создании и деятельности Народного фронта (основу НФ составил союз социалистов, коммунистов и радикалов).

Неосоциалисты сыграли интересную роль в составлении программы НФ. Их «Французский план» перекликался с концепциями Анри де Мана и с «Планом» близкого СФИО профсоюза ВКТ. «Планисты» выступили за национализацию банков и крупной промышленности, введение корпоративного управления социализированным сектором через специальный орган, формируемый профсоюзами, кооперативами, объединениями предпринимателей, обществами потребителей и государством. Эти проекты были, однако, заблокированы коммунистами, настаивавшими на том, чтобы ограничиться укреплением парламентско-демократических институтов, антифашистскими мерами и такими социальными реформами, как введение оплачиваемых отпусков, системы коллективных договоров, социального страхования, повышение зарплат, кредитование крестьян и мелких предпринимателей и т.д. Социалисты проявили себя в НФ гораздо радикальнее коммунистов, предлагая дополнить социально-защитную политику структурными реформами; неосоциалисты были наиболее последовательны в этих требованиях.

Парадоксально, но профашистские симпатии Деа и Марке становились все очевиднее именно в период их участия в общедемократическом Народном фронте. «Бег наперегонки» с фашизмом явно удавался — чему способствовали встречные шаги. Созданная в июле 1936 г. на основе «Боевых крестов» Французская социальная партия (ПСФ) Франсуа де ля Рока — руководителя февральского путча 1934 г. — начала осваивать социальный популизм и корпоративистские установки. Мощная структура «Боевых крестов», финансовые субсидии заинтересованных кругов, многие сотни тысяч членов (по некоторым данным, до трех миллионов) делали предпринятым крупный избирательный успех ПСФ на выборах, предстоящих — но не состоявшихся — в 1940 г.

В июне 1936 г. была учреждена Французская народная партия (ППФ), которая фактически стояла на платформе неосоциализма, но отличалась от СПФ своей массовостью — более 100 тысяч членов — и социальной мобильностью.

Во главе ППФ встал Жак Дорио, бывший член политбюро ФКП, лидер коммунистической молодежи и мэр рабочего предместья Парижа Сен-Дени — возможно, одна из самых противоречивых, ярких и вместе с тем отгалкивающих фигур новой политической истории Франции. Входя в число ведущих лидеров ФКП, Дорио ориентировался на национальный социализм, основанный на французских социально-политических традициях, не принимал подчинения Коминтерну, за несколько лет до создания Народного фронта вел переговоры о политическом союзе с лидерами социалистов и радикалов. Харизматическая популярность Дорио, его политическая воля, индивидуальная сила характера и очевидные амбиции напугали «соратников-соперников». Особые позиции по важным вопросам дали формальное основание добиться исключения Дорио из ФКП.

Взгляды Дорио и Деа — равно как и платформы ППФ и СПФ — практически не различались; главным идеологом ППФ был Поль Марион в свое время примыкавший к неосоциалистам СФИО (надо сказать, сам Дорио больше интересовался политической практикой, нежели социально-философскими проблемами). Костяк политактива ППФ составили выходцы из ФКП, СФИО, синдикалистских профсоюзов. Сюда же примыкали бывшие фашисты из «мятежных лиг», увидевшие в Дорио долгожданного динамичного лидера, человека из народа, подобного сыну кузнеца Бенито Муссолини. Одновременно доказаны связи ППФ с финансовыми структурами, симпатизировавшими странам фашистской «оси», а также с криминалитетом — в условиях острого политического кризиса Дорио считал расширившимися границы допустимого.

Программные установки ППФ — социальное представительство трудящихся (с приоритетом трудовых собственников и промышленно-технических работников — «истинной сущности нации» по Дорио), беспощадная борьба против угрозы коммунизма и господства финансовой олигархии, корпоративистский социальный идеал — являлись своеобразным французским аналогом раннего «Союза борьбы» Муссолини либо «Рабочего содружества» НСДАП Грегора Штрассера. ППФ характеризовалась авторитарно-популист-

скими идеологическими мотивами, жестким, напорным стилем пропаганды, активностью штурмовых отрядов, очевидным вождизмом. Все эти черты, связанные, в частности, с личностью лидера партии, помешали Дорио объединить ППФ, ПСФ и часть «мятежников» в борьбе против «200 семейств» финансовой олигархии и ФКП. Потенциальные партнеры по антикоммунистическому и антиолигархическому «Фронту свободы» опасались перспективы оказаться в подчинении у динамичного вождя ППФ.

Неосоциалисты (и особенно ППФ) сыграли мрачную роль во внешнеполитической сфере. Они выступали против оказания помощи Испанской республике, ошибочно усматривая в республиканцах однородную прокоммунистическую и просоветскую силу. Они активно — с принципиальных идейных позиций! — поддержали «мюнхенский сговор». Видя в Германии и Италии реализацию своих этатистских и корпоративистских идеалов, а также мощную антисоветскую силу, Дорио, Деа, Марке, и их единомышленники во II Мировой войне примкнули к нацистам и сотрудничали с ними во время оккупации.

Эти «парижские» коллаборационисты опережали «вишистских» в своей радикально прогитлеровской позиции. Деа предлагал маршалу Петэну создание массовой «партии национальной революции» по типу «Фашо ди Комбатименто» или НСДАП (на базе возглавленного им Национально-народного объединения), однако вишистские власти отклонили этот проект, угрожавший консервативно-патриархальным устоям их государственности. Дорио зашел еще дальше, не только возглавив на Восточном фронте легион французских добровольцев, но и сотрудничая с карательной машиной нацистов. После разгрома немецких войск во Франции, Дорио возглавил марионеточное правительство на германской территории и был убит в 1945 г. во время бомбардировки города Зигмарингена союзной авиацией. Деа скрылся после войны в итальянском католическом монастыре и умер в 1950 г. Ряд их сподвижников предстали перед трибуналами Свободной Франции, имели место и смертные приговоры. В то же время в Бельгии был осужден за коллаборационизм основоположник неосоциализма Анри де Ман.

Столь позорный финал психологически блокирует серьезные исследования неосоциализма. Ни одна социал-демократическая организация не проведет к нему своей генеалогии. Но, как отмечают объективные исследователи, целый

рад неосоциалистических тезисов прошел испытание временем и стал общим местом социал-демократических программ и политических установок.

Среди несомненных теоретических достижений неосоциалистов можно выделить отход от догматичного «экономического фетишизма», в целом свойственного марксистской социал-демократии, выдвижение социокультурных приоритетов политики. Был предложен новый алгоритм: главное — гуманизация социальных отношений, уничтожение угнетения, утверждение солидаризма, для чего и создают условия экономические преобразования, уничтожающие эксплуатацию.

Важнейшее значение имело социальное расширение социал-демократии политики на непролетарские слои трудящихся — мелкую буржуазию.

Перспективным — если не магистральным — направлением для новой социал-демократической мысли стало развитие неосоциалистами теорий социального корпоративизма. Ими был сделан шаг от «корпоративного государства» (в лучшем случае — верхушечные комбинации классовых элит, в худшем — фашистская система) к корпоративному обществу — взаимосвязанной сети солидарных общностей.

Все это нашло выражение в исторической практике социал-демократии. Многообразные средние слои давно стали элементом социальной базы социал-демократии наряду с промышленным рабочим классом — и прежде всего именно во Франции. Правительство французских социалистов во главе с Франсуа Миттераном и Пьером Моруа словно взялось в 1981-83 гг. за осуществление «Французского плана», национализируя крупные промышленные монополии и банки; расширяя на предприятиях права наемных работников. «Неоякобинское» течение СЕРЕС (ныне «Социализм и республика»), несмотря на приверженность марксизму, восприняло такие неосоциалистические установки, как сильное государственное вмешательство в социально-экономическую жизнь, соединение социалистической идеи с национал-патриотизмом, внимание к духовно-культурной проблематике, концепцию социализации прибыли. Разработки Деа по социализации собственности через производственную кооперацию развиты в экономических воззрениях левоцентристской фракции Пьера Моруа, а также в концепции «социальной экономики» Мишеля Рокара. Последнее особенно знаменательно — ведь именно либерал-со-

циалист Рокар занимает в ФСП наиболее антиэтатистские и интернационалистические позиции — и доказывает наличие социально-гуманистической составляющей в идеях неосоциализма.

Концепции «селективного прогресса» и «качества жизни», выдвинутые СДП Германии развивают принцип духовных приоритетов Анри де Мана.

Органы «функциональной демократии», созданные шведскими социал-демократами, являют собой вариант корпоративной системы, организующей социальное и хозяйственное жизнеобеспечение территории.

И, наконец, — что требует отдельного тщательного рассмотрения — борьба российской социал-демократии за демократизацию экономических отношений и за сохранение производственного потенциала страны объективно приведет ее все к тому же социал-демократическому корпоративизму. Во взглядах и позициях Деа и Дорио для нас особенно актуальны антикоммунизм, противостояние финансовой олигархии (в российских условиях сцепленной с госаппаратом), распространение кооперативно-трудовой собственности, «План корпоративного социального регулирования экономических процессов (являющий, кстати, оптимальную модель общенародного социального партнерства), обращение к национальным традициям в поисках путей общественных преобразований. Наконец, есть явная общность в типе политической ментальности, порождаемым реалиями Франции 1930-х и России 1990-х.

Но мы должны помнить и о концептуальных пороках неосоциализма, приведших к позорному краху после 1940 г. Идеология авторитарного этатизма привела к тому, что непоследовательность в отстаивании демократических принципов трансформировалась в откровенный антидемократизм. Деа и Марке не учли, что авторитарное государство не только удушает либеральные институты, но и подминает под себя корпоративные организации, что уничтожение демократических институтов неизбежно выхолащивает и ликвидирует также социальные завоевания — и поплатились за это.

Отдав приоритет правительственной администрации перед выборным народным представительством, выступив против парламентаризма, игнорируя самоценность демократических свобод, неосоциалисты закономерно покатались по наклонной плоскости (сыграл здесь роль и специфический

политический темперамент этих людей, особенно Жака Дорио — с их штурмовой прямолинейностью, эпатажным стилем поведения, выраженными авантюрными наклонностями). Важнейший урок, извлекаемый из их опыта социал-демократией — принципиальная равноценность социалистической и демократической составляющих. Ценности республиканской парламентской демократии непоколебимы для нашего движения. В этом — то принципиальная основа, на которой переосмысливает французский опыт российский новый социализм.

Неосоциалистические тенденции в доктрине и практике пилсудчины

«Я вышел из социалистического трамвая на станции Независимость», — долгое время считалось, что эта фраза в полной мере отражает политическую эволюцию Юзефа Пилсудского, бывшего народовольца и социалиста, закончившего во главе правоавторитарного режима. На основе этого представления сложилась настолько стройная картина, что само упоминание о Пилсудском как о левом деятеле, а о политической формации пилсудчины как об элементе левых сил, часто вызывает недоумение.

Но стройность нарушается хотя бы тем, что в действительности Пилсудский никогда не говорил этих слов (их приписал ему литератор А.Новачиньский). Остается фактом и то, что майский переворот 1926 г., приведший к власти режим «санации», был поддержан не только социалистами и профсоюзами, но и компартией Польши. Известна, наконец, ожесточенная ненависть к Пилсудскому со стороны правоконсервативных сил, доходивших в нападках на Маршала до абсурдных антисемитских высказываний. Созданные на основе биографии Ю.Пилсудского «белые» и «черные» легенды сильно затрудняют объективную оценку пилсудчины — важного явления польской и общеевропейской истории. Между тем, взгляды, идеи и дела пилсудчиков заслуживают изучения и осмысления. Их наследие сохраняет значение для современного социалистического движения, в том числе российского.

Термином «пилсудчина» можно обозначить следующие политические структуры, объединяемые концептуальной общностью идеологии и доктрины, а также личностью лидера: «новая ППС» 1893-1906 гг.; ППС-революционная фракция 1906-09 гг.; ППС и вооруженные формирования

польских легионов 1909–14 гг.; «Бельведерский лагерь» 1918–22 гг.; ППС и структуры Союза легионеров, ПОВ и примыкавших к ним организаций 1922–26 гг.; аппарат «санации», «Беспартийный блок сотрудничества с правительством», ППС-прежняя революционная фракция, «Лагерь национального объединения» 1926–39 гг.

Ю.Пилсудский родился 5 декабря 1867 г. в семье среднепоместного землевладельца. Для среды, в которой он воспитывался, были характерны национальный патриотизм, яростная враждебность к царизму, доходящая до безоглядной русофобии, преклонение перед традициями польской национально-освободительной борьбы, противопоставление царскому самодержавию республиканской идеи Речи Посполитой — своеобразной шляхетской демократии. С ранней юности Пилсудский органично воспринял эту систему взглядов и ценностей.

В политическую борьбу он включился во второй половине 1880-х гг., участвуя в молодежной антиправительственной фронде. В 1887 г. Юзеф оказался замешан в заговоре народовольцев, готовивших покушение на императора Александра III. Его старший брат Бронислав, один из главных обвиняемых на процессе Александра Ульянова, был приговорен к 15-летней каторге. Юзеф, роль которого в заговоре была малозначительна (выполняя «на подхвате» третьестепенные поручения он даже не имел представления о конечной цели) был сослан в Сибирь на пять лет.

В сибирской ссылке, украсившей последующую «агиографию» Пилсудского, завершилось его идейно-мировоззренческое становление. Дружба со старыми польскими революционерами, среди которых были ветераны разгромленного царскими властями «Великого Пролетариата», добавили к юношескому национал-романтизму социалистический мотив. Образ будущей независимой Польши обрел более четкие социальные очертания; его идеалом стало национальное единение на основе социальной справедливости, солидарный труд свободных людей во имя «Общего дела» — Речи Посполитой. Шляхетская демократия средневековой Польши с самого начала занимала важное место в его системе ценностей — но как общенациональное, а не узкословное достояние. Принял Пилсудский и идею пролетариата как доминирующей силы освободительной революции.

Поскольку среди социалистических учений того времени доминировал марксизм, Пилсудский обратился к работам

Карла Маркса, но с самого начала чувствовал подсознательное отторжение. Сам он объяснял это сложностью политэкономических построений, которые порой казались ему на грани абсурда. Однако в действительности причины этого стихийного антимарксизма были гораздо глубже. Жестко позитивистский принцип господства «мира вещей» над миром людей отвергался ментальностью национал-активиста, уповавшего на энергию сознательного действия, на преобразование, на силовую конструкцию. Характерно, что гораздо ближе оказались Пилсудскому французские раннесоциалистические мыслители-«утописты».

Отбыв ссылку, в 1892 г. Пилсудский вернулся в Польшу. Почти сразу он включился в подпольную работу созданной в это же время Польской социалистической партии (ППС), занявшись политической публицистикой, а затем изданием партийной газеты. Здесь он в полной мере проявил сильный организаторский талант при «раскрутке» подпольного издания, налаживании производственного процесса, частых перебазированиях, добычании бумаги и распространении. В этом качестве на него обратил внимание и выделил «патриарх» ППС С.Мендельсон, посетивший Польшу. К середине 1890-х гг. Пилсудский прочно вошел в руководящий состав партии. Как один из ведущих лидеров в 1900 г. он был арестован царскими властями. Симуляция невменяемости привела его в петербургскую психиатрическую больницу, откуда благодаря поддержке одного из врачей он совершил побег.

Логика непримиримой борьбы с Российской империей определила позицию польских социалистов в русско-японской войне. В 1904 г. делегация ППС во главе с Пилсудским посетила Токио, предложив японскому командованию организацию диверсий и терактов в обмен на помощь в формировании польской национальной армии. Японская сторона предоставила некоторые субсидии, однако, прислушавшись к советам политических противников ППС во главе с личным врагом Пилсудского Р.Дмовским, отказались от активного разыгрывания «польской карты».

На рубеже XIX—XX вв. в политической жизни Королевства Польского (часть Польши, отошедшая к России после разделов страны между тремя монархиями) доминировала консервативная «национальная демократия» — эндеция, занимавшая процаристские позиции. Представляя социальные интересы крупных землевладельцев и буржуазии, ориентированной на российский рынок, лидеры эндеков — З.Балиц-

кий, Я.Поплавский, Р.Дмовский — сознательно ограничивали польские национальные требования расширением автономии в составе империи, стремились максимально интегрироваться в российскую политическую систему. В Познани и Силезии — «землях прусского захвата» — эндеция активно пропагандировала антигерманские настроения, особенно в рабочей среде. Добиваясь объединения всех польских земель под властью романовской династии, эндеция считала царскую монархию мощным противовесом «антиславянских» устремлений Германии и надежным гарантом аристократической социальной иерархии.

Разумеется, эндеки враждебно относились к революционно-социалистическому движению и активно участвовали в подавлении революции 1905—07 гг., сотрудничая с царской администрацией. Важную роль сыграл в этом приблизительный польский аналог «черной сотни» — Национальный рабочий союз (НЗР), осуществлявший теракты против революционеров и еврейские погромы.

Противоположный лагерь — Польская социалистическая партия (ППС) — развивался по двум направлениям. «Старая ППС» была создана весной 1893 г. на основе марксистских организаций «Второго Пролетариата» и Союза польских рабочих — в целом продолжавших традицию «Великого Пролетариата» 1880-х гг., марксистского и интернационалистического по идеологии, склонного к терроризму в тактике. Спустя короткое время «старая ППС» преобразовалась в Социал-демократию Королевства Польского и Литвы — партию раннебольшевистского типа (впоследствии СДКПиЛ стала базовой структурой формирования польской компартии). Практически одновременное создание «новой ППС» было стимулировано деятельностью Заграничного союза польских социалистов, возглавляемого С. Мендельсоном. Приверженность марксистскому социализму, социальная ориентация на рабочий класс сочетались в «новой ППС» с идеологией «гминного» — общинного — социализма в духе Я.Домбровского и французских прудонистов, идеалом солидарного общества и самоуправляемой республики (снова Речь Посполита), первоочередным выдвижением задач национально-освободительной борьбы. Наряду с С.Мендельсоном, С.Грабским, С.Войцеховским, к лидерам партии относился Ю.Пилсудский. В начале XX в. ППС развернула подготовку к вооруженной борьбе. Интенсивно формировались боевые дружины, преимущественно из рабочих.

Во время первой русской революции Пилсудский возглавил военизированную структуру ППС. Боевые дружины социалистов совершили ряд терактов и экспроприации (крупнейшей из них — «безданской операцией» — Пилсудский руководил лично). На основе боевой организации Пилсудского в польском социалистическом движении оформилось крыло, сделавшее упор на вооруженную борьбу и самоизоляцию польского освободительного движения от общероссийского.

В 1906 г. произошел раскол ППС. Верх взяла группа «молодых», сблизившаяся с русским революционным движением. Сформировав партию ППС-левица, «молодые» сблизивались с СДКПиЛ. Сторонники Пилсудского, приняв название ППС-революционная фракция, утвердили вооруженную национально-освободительную борьбу в качестве главного приоритета. После фактического слияния «левицы» с СДКПиЛ революционная фракция вновь приняла название ППС. В 1909 г. «фраки» Пилсудского объединились в единую ППС с Польской социал-демократической партией И. Дашиньского, действовавшей в австро-венгерской Галиции. В партийной программе декларировалось уничтожение эксплуатации, социализация средств производства — но без установления классовой диктатуры.

После поражения революции в Королевстве Польском установился жесткий полицейский режим. Сколько-нибудь активная революционная деятельность стала невозможна. Встал вопрос о перебазировании структур вооруженной оппозиции. И если в Познаньском и Силезском регионах постоянно проводилась политика насильственной германизации, то польские земли Австро-Венгрии оставались очагом национально-культурных и политических свобод (что вообще было в духе этой весьма либеральной монархии).

В 1908 г. группа лидеров ППС во главе с Пилсудским вступила в контакт с австро-венгерской военной разведкой. Геополитические реалии Восточной Европы способствовали парадоксальному союзу польских социалистов с австрийскими монархистами. Группа Пилсудского получила широкие возможности военно-политической работы в Галиции. Началось интенсивное формирование антироссийских военизированных структур — Союза активной борьбы, Стрелецкого союза, польских национальных легионов.

Легионы комплектовались в основном из гражданских лиц — местных поляков и политэмигрантов из Королев-

ства Польского, — проходивших военную подготовку и получавших политико-идеологическую накачку. Костяк легионов составили люди, уже имевшие определенный военный опыт — из боевых дружин ППС и даже НЗР (немало националистов — приверженцев эндеции, изменили политическую ориентацию после ужесточения царской политики на польских землях). Занялся военным самообразованием и Пилсудский — что дало очевидные результаты.

Создание легионов стало крупной вехой новой политической истории Польши. Польские легионы, особенно Первая бригада, непосредственно руководимая Пилсудским, представляли собой не просто воинское соединение, но своеобразную вооруженную корпорацию. Принадлежность к легионам означала не только и не столько следование уставу и подчинение дисциплине, но в первую очередь приверженность определенной социокультуре — ценностно-идеологическому комплексу (национал-активизм, солидаризм), политической программе (независимость Польской Республики, умеренно-социалистические реформы), этике польского боевого товарищества, авторитету лидера — Бригадира Пилсудского. По всем признакам речь идет о солидарно-корпоративной общности «новосредневекового» типа, сходной с партиями определенного направления, известными прежде всего в романских католических странах, и организациями масонского или же мафиозного (в нейтральном значении термина) толка. Здесь Пилсудский нашел свой идеал, которому не до конца соответствовала ППС, свою социально-политическую матрицу. Легионы стали кузницей кадров для политической элиты II Речи Посполитой — это относится к таким выдающимся соратникам Пилсудского, как В.Славек, Э.Рыдз-Смиглы, Е.Морачевский, А.Пристор, А.Коц, Ф.Славой-Складковский, Л.Желиговский, К.Сосновский и многие другие (характерно, что наиболее близки Пилсудскому были те легионеры, которые прошли также ППС — прежде всего Славек, Морачевский и Пристор). Именно на примере легионов можно говорить о социалистическом характере «пилсудчины» как формации — на глубинном уровне менталитета и мироощущения.

Изначально ориентированные на участие в войне блока центральных держав против Российской империи, польские легионы вступили в боевые действия 6 августа 1914 г. Одновременно в Королевстве Польском были развернуты диверсионно-террористические акции Польской военной организации

(ПОВ, конспиративный филиал легионов). Было выпущено обращенное к польскому народу воззвание, призывавшее от имени национального правительства к борьбе за независимость и к поддержке австро-германского блока.

Но если военные действия польские войска вели с переменным успехом, то политически их постигла явная неудача. Глубоко укоренившаяся в польском национальном сознании враждебность к Германии, сильное влияние эндеции создавали труднопреодолимый барьер перед легионерами-пилсудчиками. Созданные в 1915 г. после вытеснения русских войск из Королевства Польского национальные органы самоуправления так и не обрели широкой политической базы. В польском обществе все шире распространялись симпатии к Антанте; англо- и франкофильские настроения демонстрировала эндеция, исподволь отмежевывавшаяся от романовской монархии.

Динамику политических настроений четко уловил и Пилсудский. Понимая проигрышность прогерманской позиции, он шел на жесткий конфликт с германским командованием, укрепляя тем самым свою популярность и делая замаскированные жесты в сторону Антанты. Февральская революция в России, приход к власти сил, идеологически родственных пилсудчикам и явно готовых признать независимость Польши, вообще поставили вопрос едва ли не о «повороте фронта». Летом 1917 г. Пилсудский был арестован и интернирован в Магдебургской крепости — что немедленно вызвало протесты бойцов-легионеров. Близящийся крах всех трех империй, разделивших Польшу, ставил новые задачи перед всеми польскими политическими силами.

Первое правительство Польской Республики было создано в ночь на 7 ноября 1918 г. во главе с социалистом И. Дашиньским. В него вошли представители ППС, радикально-демократической партии ПСЛ-«Вызволене» и левоориентированные беспартийные деятели. Изданный правительством «Люблинский манифест» провозглашал основы демократической парламентской республики, декларировал аграрную реформу и социальные права трудящихся — 8-часовой рабочий день, широкие права профсоюзов, участие рабочих в управлении промышленностью. 10 ноября в Варшаву прибыл освобожденный немецким командованием Пилсудский, сразу наделенный диктаторскими полномочиями Начальника государства до избрания сейма. 18 ноября им было утверждено рабоче-крестьянское правительство легионерского

капитана социалиста Е. Морачевского, также опиравшееся на коалицию ППС и ПСЛ-«Вызволене». С помощью разветвленных структур ППС и легионов правительство сумело установить управляемость на территориях бывшего Королевства Польского и Галиции. Пробольшевицкое движение Советов, инспирированное Коммунистической рабочей партией (КРПП создавалась в декабре 1918 г. объединением СДКПиЛ и ППС-левицы) было быстро разгромлено правительственными силами, поддержанными независимыми социалистическими Советами — антикоммунистическими структурами, созданными ППС.

В январе 1919 г. в бывшем Королевстве Польском и в Галиции состоялись выборы в сейм (на территориях, присоединенных впоследствии, проводились довыборы). Незначительный перевес получили правые и правоцентристские силы — признавшая новые реалии эндеция, консервативно-центристская партия ПСЛ-«Пяст» и проэндецкий Национальный рабочий союз. ППС и ПСЛ-«Вызволене» смогли, однако, настоять на своих вариантах основных политических решений. 10 февраля был закреплён статус Пилсудского как Начальника государства. Отклонив его заявление о сложении полномочий, сейм принял переходный акт «Малой конституции», поручивший Пилсудскому дальнейшее исполнение функций Начальника государства. Формально Начальник определялся как высший представитель государства и глава подконтрольной сейму исполнительной власти. Реально же расплывчатые формулировки «Малой конституции» предоставляли Начальнику широкие возможности для проведения собственной политики — особенно внешней и военной.

Именно внешнеполитическая и военная проблематика была в 1919—20 гг. жизненно важна для Польши. Основные политические силы, боровшиеся за власть, выдвигали собственное видение новой польской государственности. Лидер эндеции, идеолог правых сил Р. Дмовский выступал за унитарное национальное государство, форсированную колонизацию восточных земель, ассимиляцию украинского и белорусского нацменьшинств. Основной внешнеполитической задачей эндеки считали возвращение северных и западных польских земель «прусского захвата».

Внешнеполитическая концепция Пилсудского требовала продвижения на восток с охватом прежних земель Ягеллонской Польши — при готовности уступить Германии северные и западные земли. При этом предлагалось создание

обширной восточноевропейской федерации, связывающей Польшу с Украиной, Белоруссией, Литвой и возводящей барьер на западных рубежах России. Федерализм предполагал и расширение прав национальных меньшинств в Польше — особенно в сравнении с этнократическими планами Дмовского.

Весь 1919 и первую половину 1920 гг. продолжались вялотекущие польско-советские столкновения. Убежденного антикоммуниста Пилсудского вообще-то мало интересовали внутренние дела России. К тому же он опасался имперских амбиций Белого движения и недальновидно считал разрушительную победу большевиков более выгодной для Польши. Косвенно его правительство даже оказало помощь Красной Армии, приостановив боевые действия в решающий момент деникинского наступления — что позволило советскому командованию перебросить войска на юг. Это непонимание мощных державно-империалистических потенций большевизма дорого обошлось Польше.

Польско-советская война 1920 г. была не элементом «комбинированного похода Антанты», а следствием федералистской концепции Пилсудского, его экспансии на восток. Идеологический характер придала этой войне советская сторона. Умозрительная конструкция польско-украинской федерации едва не обернулась уничтожением Польского государства — в обозе советских войск ехало коммунистическое правительство Мархлевского-Дзержинского. Но польское общенациональное единение разгромило большевистскую интервенцию и позволило организовать контрнаступление. (Важную роль в этой борьбе играла ППС, организовавшая «Рабочий комитет защиты независимости» и Рабочий полк обороны Варшавы, развернувшая агитрабoту с западноевропейскими профсоюзами). Однако федералистская концепция была похоронена — возобновление войны на Украине и в Белоруссии решительно отвергалось большей частью польского общества. Пережитая смертельная угроза подорвала доверие к Начальнику государства и поддерживавшим его левым силам, заметно усилила влияние эндеции, лидеры которой обвиняли Пилсудского в авантюризме.

К весне 1921 г. в целом сформировалась II Речь Посполита. К ней относились территории бывшего Королевства Польского, Галиции, Познаньский регион, часть Верхней Силезии, восточные «кресы», закрепленные за Польшей после войны 1920 г., Виленский регион Литвы, захваченный

в том же 1920 г. При искусственном смещении на восток, Польша была лишена значительных территорий на севере и западе, сохраненных за Германией. Не был передан Польше и стратегически важный порт Гданьск.

Политическая система Польской Республики определялась Мартовской конституцией 1921 г. — одной из самых демократических в тогдашней Европе. В ней провозглашались широкие гражданско-политические свободы и социально-экономические права (в явной интерпретации ППС и социалистических профсоюзов — вплоть до хозяйственного самоуправления). Вся законодательная власть принадлежала сейму, полномочия президента ограничивались правительством было полностью подконтрольно и подотчетно депутатскому корпусу (единственной уступкой консерватором стало учреждение сената, тоже, впрочем, ограниченного в правах).

Несомненный демократизм конституционного строя имел, однако, и оборотную сторону. Партии, особенно правые, явно перестраховывались, опасаясь авторитарных устремлений Пилсудского. Наделение сейма законодательной и финансово-бюджетной монополией, полное подчинение ему исполнительной власти в тогдашних конкретных условиях не оправдало себя. Властные механизмы «сеймократии» были оседланы олигархией, в эгоистических интересах парализовавшей польскую государственность.

Межвоенная Польша была аграрной страной (около двух третей населения жило в деревне). Несколько компактных промышленных районов — Центр, Верхняя Силезия, Лодзь — сильно различались по социально-экономической структуре и политической ориентации. Реакционную роль играло крупное помещичье землевладение — пережиток средневековой фольварочной системы. 0,6% сельских хозяйств, в т.ч. старые аристократические роды, владели 44% земельных угодий, в то время как почти две трети крестьянских дворов — всего 14%. 3 млн крестьян оставались безземельными. Экономическая сила помещиков, организованных в Союз землевладельцев (33), укрепляла политические структуры консервативных сил.

Основу правого лагеря составляла эндеция (переименованная в 1919 г. в Народно-национальный союз — ЗЛН, а в 1928 г. в Национальную партию — СН). Прежняя процаристская и русофильская идеология была перетолкована тем же Р. Дмовским в духе великопольского империализма («Польша

от моря до моря»), этнократизма, католического клерикализма, жесткого антисемитизма. Эндеки добивались монополии польской нации на государственно-административные должности, пропагандировали агрессивную полонизацию украинских и белорусских земель. В экономической программе эндеция выступала за государственное стимулирование промышленного развития, против социальных программ, предлагала «улучшение структуры землевладения» в интересах мелкопоместного и крупнофермерского секторов. Молодежная организация эндеков («Национально-радикальный лагерь», ОНР) стояла на пронацистских позициях.

В союзе с эндецией выступала хадеция — «христианская демократия» (ХД). Несмотря на заметную антикапиталистическую тенденцию в духе христианского социализма — апология мелкого самостоятельного производителя, поддержка кооперации, требование участия рабочих в прибылях — хадеки блокировались с эндеками на платформе клерикализма. Хадеция играла важную роль в социальном развертывании правого лагеря — через политизированное католическое духовенство и христианские профсоюзы, насчитывавшие до 75 тыс. членов (особенно сильна эта ветвь профдвижения была в Познани и Верхней Силезии, где рабочее движение с конца XIX в. консолидировалось на платформе антигерманского национализма и антисоциализма). К хадеции примыкали также союзы ремесленников, торговцев, студентов, культурно-просветительская сеть.

Исторически тесно была связана с эндецией Национальная рабочая партия (НРП), учрежденная на основе Национального рабочего союза в 1920 г. НРП признавала классовую борьбу, но ограничивала ее рамками соответствия общегосударственным интересам. Основным влиянием НРП пользовалась в Познани — на той же основе, что ХД. Национал-солидаристская идеология партии привела к тому, что после 1926 г. выделилась НРП-левица, интегрировавшаяся в пилсудчину. Однако в первой половине 1920-х гг. НРП по инерции выступала в правом блоке.

Блок НД—ХД носил название «Христианско-национального единства» («Хьена»). Политически он представлял монополистическую буржуазию, организованную в Центральный союз польской промышленности, торговли, финансов и горного дела (т.н. «Левиафан») и еще более консервативных аграриев из 33. Социально-политическая доктрина «Хьены», формируемая эндеками, основывалась на автори-

тарном элитаризме, явно враждебном демократическим принципам Мартовской конституции. В недрах «Хьены» формулировалась и концепция т.н. «польского фашизма», Дмовский был страстным почитателем и пропагандистом Муссолини. Однако этот «фашизм» в действительности был скорее консервативным экстремизмом — в нем отсутствовала фашистская революционность, популизм, коллективизм. В настоящем фашизме эндеков привлекали лишь националистические и авторитарные черты (фашистский же солидаризм был скорее характерен как раз для пилсудчины). Внешнеполитическая доктрина «Хьены» строилась в антигерманских и профранцузских тонах, при лояльном отношении к СССР.

В союзе с «Хьеной» выступала правоцентристская партия ПСЛ-«Пяст», представлявшая верхушку сельской буржуазии, связанную с помещиками и духовенством. Эту социальную группу устраивала аграрная программа эндеции, предусматривавшая парцелляцию части государственных и даже помещичьих земель в пользу крупных фермеров, наряду с жесткой политикой экономического — а отчасти и внеэкономического — принуждения пролетариата, включая сельский.

Лагерь левых сил Польши, возглавляемый маршалом Пилсудским, именовался «Бельведерским» — по названию резиденции Начальника государства. К нему принадлежали ППС, «классовые» социалистические профсоюзы, особенно многочисленные в промышленном Центре страны, партия мелкотоварных сельскохозяйственных производителей ПСЛ-«Вызволене», Блок национальных меньшинств (украинские, белорусские, еврейские национальные организации). Клерикально-шовинистическому авторитаризму «Хьены» левые противопоставляли радикальный демократизм, популистскую апологию «простого поляка», «человека труда», национальное равноправие, антиклерикализм. Социально-экономическая программа ППС выдвигала план социалистических реформ — национализация лесных и водных ресурсов, производств, имеющих общенародное значение; преобразование экономических отношений на самоуправленческих началах, закрепление за профсоюзами права хозяйственных решений; сдача в аренду крестьянам национализированной помещичьей земли, бесплатное наделение участками безземельных крестьян. Внешнеполитические установки левых сочетали сближение с Германией и жесткий антисоветизм.

«Бельведерский лагерь» решительно отстаивал социальные и гражданско-правовые положения Мартовской конституции — глухо высказываясь по таким вопросам, как соотношение полномочий сейма и президента, ответственность правительства и т.п. (сам Пилсудский выступал резко против «сверхпарламентского» государственного устройства).

Цементирующим ферментом левого лагеря выступали пилсудчики, организованные в военизированные структуры Союза легионеров, Польской военной организации (ПОВ), молодежного Стрелецкого союза, контролировавшие целую сеть общественных объединений, влиятельные в ППС и профсоюзах. Элементы мафиозности, особенно сильные в ПОВ (корпоративная спайка, идейно-энергетическая заряженность, общая «легенда», жесткая оргструктура, крепкая дисциплина, верность вождю), делали пилсудчину мобильной и эффективной силой. Пилсудский совмещал роли реального лидера и символа движения.

Коммунистическая рабочая партия Польши (с 1925 г. — КПП) фактически находилась вне польской политической системы, воспринимаясь обществом как московская агентура — особенно жесткий антикоммунизм характеризовал социалистов. Но умелые попытки работы через легальный Союз пролетариата города и деревни подчас давали результаты.

В ноябре 1922 г., в обстановке социально-экономических трудностей, массовой апатии и ожесточенного противоборства «Хьена» вновь добилась успеха на выборах в сейм. Пилсудский отказался от предложения ППС баллотироваться на президентский пост, мотивировав это несогласием с конституционными положениями, ограничивавшими права главы государства. Пользуясь попустительством консервативного правительства, боевики эндецких военизированных структур провоцировали уличные столкновения под националистическими, профашистскими, антисемитскими лозунгами. Легионеры и боевики ППС были готовы к силовому отпору. Несколько раз ситуация приближалась к грани уличных боев.

9 декабря первым президентом Польской Республики был избран известный своими демократическими взглядами инженер Г.Нарутович — кандидат ПСЛ-«Вызволене», поддержанный при голосовании ППС и Блоком национальных меньшинств (его соперником был крупный земельный магнат граф М.Замойский). Это вызвало всплеск уличной исте-

рии правых. 11 декабря президент Нарутович вступил в должность — и немедленно подвергся обструкции со стороны правоконсервативного правительства, намеренно пренебрегавшего всеми мерами безопасности. 16 декабря Нарутович был убит на художественной выставке националистом Э.Невядомским.

На суде Невядомский признался в намерении убить Пилсудского — «безбожного социалиста, отдавшего Польшу в руки батраков и пастухов». После казни убийцы в тысячах костелов было проведено заупокойное богослужение. Состоялись манифестации в память «польского мученика». Прокатилась новая волна провокационных правонационалистических акций. Предложения Пилсудского по жесткому наведению порядка были отклонены правительством. Судя по всему, эти события создали у Пилсудского комплекс идиосинкразии к парламентаризму и партийности как таковым.

Временным главой государства стал маршал сейма М.Ратай, один из лидеров ПСЛ-«Пяст». Через несколько дней президентом был избран кандидат ПСЛ-«Пяст», бывший видный пэпээсовец С.Войцеховский. Во главе правительства стал генерал В.Сикорский — противник Пилсудского, но убежденный национал-патриот, прямо не связанный с «Хьеной».

Правительство В.Сикорского поначалу старалось выдерживать «среднюю линию», находить компромиссные политические решения. Однако этот процесс был прерван укрепившимися правыми силами (в мае 1923 г. был заключен договор о сотрудничестве между «Хьеной» и ПСЛ-«Пяст» — эндеки согласились на ежегодную парцелляцию части земель в пользу сельской буржуазии, пястовцы гарантировали политическую поддержку).

В мае 1923 г. правительство в очередной раз возглавил правый лидер ПСЛ-«Пяст» В.Витос. Немедленно был нанесен удар по «нервному узлу» пилсудчины — министерство обороны возглавили ярые противники Пилсудского: генерал А.Осиньский, затем генерал С.Шептицкий. В июле 1923 г. Пилсудский подал в отставку с последнего, скорее номинального, военного поста. На собрании своих сторонников маршал заявил о решительном разрыве с людьми, несущими моральную ответственность за убийство Нарутовича и сделал ряд жестких заявлений в их адрес. Одновременно прозвучало осуждение парламентской государственной системы. После этого демарша Пилсудский отбыл в свое имение в Сулеювке.

В условиях тяжелейшего финансово-экономического кризиса правое правительство проводило вызывающе анти-социальную, антипрофсоюзную политику. Замахи на конституционные социальные права становились все более откровенными. Политический режим приобрел черты авторитарно-бюрократического «сеймовладства» — словно специально подтверждающего правоту антипарламентаристских высказываний Пилсудского. Парламентское руководство сконцентрировалась в руках узкой олигархической группировки правоконсервативных политиков и лоббистов, насадивших систему бесконтрольного директивного правления, хищной эксплуатации бюджета, произвольного распределения льгот и субсидий. Структурам гражданского общества не удавалось обуздать «сеймовладскую» клику, ловко использовавшей широкие конституционные права представительной власти.

Выход из социального кризиса правительство усматривало в ужесточении режима (например, ответом на забастовку железнодорожников стала милитаризация железных дорог). 6 ноября 1923 г. расстрел рабочей демонстрации в Кракове, спровоцировал городское восстание — была сметена власть местной администрации, разгромлена полиция, разоружен военный гарнизон; политическое руководство оказалось в руках социалистов-пилсудчиков. Правительство Витоса вынуждено было пойти на уступки, но это не спасло его от отставки в декабре.

Новое, технократическое, правительство возглавил видный экономист В.Грабский. Оно смягчило политическую конфронтацию, уступив министерство обороны пилсудчикам (его ненадолго возглавил легионер К.Соснковский). Был в целом преодолен экономический кризис, в начале 1924 г. достигнута финансовая стабилизация. Однако уже в следующем году обозначилось ухудшение конъюнктуры и падение промышленного производства. Вновь наметился правый крен в политической сфере — заключенный с Ватиканом конкордат усилил клерикальные тенденции в общественной жизни, интенсифицировалась насильственное полонизация украинских территорий (военное давление правительства и террористические акции ОУН создавали замкнутый круг насилия).

Стабилизировать положение попыталось сформированное в конце 1925 г. правительство национального единства А.Скшиньского — авторитетного политиком консерватив-

ного лагеря, связанного добрыми отношениями и с Пилсудским. В новый кабинет наряду с деятелями «Хьены»—«Пяста» вошли представители ППС. Примирительным жестом было назначение министром обороны видного пилсудчика генерала Л.Желиговского. Но нежелание правых считаться с социальными требованиями ППС парализовало кабинет. В мае 1926 г. В.Витос вновь сформировал правительство клерикально-националистических кругов.

На протяжении этих лет имение Пилсудского являлось политическим центром и оперативным штабом «военно-социалистической» оппозиции. На проводимых здесь конфиденциальных совещаниях вырабатывалась общая линия и проекты конкретных решений, демонстративные армейские манифестации с выражением верности Первому Маршалу Польши приобретали большой общественный резонанс. Оппозиционные декларации провозглашались от имени Пилсудского — символизировавшего национальную победу, растрачиваемую «спекулянтско-фашистской» кликой, захватившей сейм. Лозунг социалиста Т.Голувко «Левину к власти!» читался как «Пилсудского к власти!».

С начала 1926 г. Пилсудский стал часто бывать в Варшаве, выступал с публичными заявлениями. В первых числах мая он резко осудил в интервью с резким новое правительство Витоса. Стихийные офицерские собрания высказали ему поддержку, официальное заявление такого же рода сделало руководство ППС.

12 мая верные Пилсудскому войска двинулись на Варшаву. Министр обороны Л.Желиговский предварительно расставил верных людей во главе военных округов, одновременно позаботившись о блокировании заведомо проправительственных военных сосредоточений. Однако консервативный генералитет во главе с В.Андерсом все же организовал вооруженное сопротивление. 13 мая в Варшаве развернулись ожесточенные уличные бои, в которых погибли сотни людей. Положение пилсудчиков осложнилось тем, что президент С.Войцеховский вопреки ожиданиям отказался передать власть Пилсудскому с соблюдением законной процедуры.

Решающую роль в майском перевороте сыграла общественная поддержка, на которую смогли опереться военные заговорщики. «Целевая» забастовка железнодорожников, организованная социалистическим профсоюзом, сорвала прибытие в Варшаву дополнительных контингентов правительственных войск. В вооруженных столкновениях активно

участвовали военизированные организации пилсудчиков, боевые дружины ППС, добровольческие рабочие отряды. Эта массовая поддержка вынудила правительства Витоса 14 мая подать в отставку во избежание гражданской войны.

Интересно, что майский переворот был поддержан компартией, расценившей его как выступление мелкобуржуазной демократии против крайне правого правительства. В данном случае — что бывает чрезвычайно редко — коммунистическая оценка верно передает социальный смысл происшедшего. Цели и задачи пилсудчиков состояли в преодолении прикрытой «сеймовладством» политической диктатуры консервативных кругов финансового капитала и крупного землевладения, в защите конституционных прав граждан — политических, экономических, социально-трудовых. Мощная поддержка пилсудчины рабочим движением и левыми силами объяснялось ее в целом просоциалистическим характером.

Левые партии, обеспечившие успех пилсудчиков, считали майский переворот собственной победой и относились к новой власти с соответствующими ожиданиями. Сам Пилсудский, однако, принципиально отвергая «партийство», считал себя не социалистическим, а общенациональным лидером. «Я не намерен быть пленником левых», — подчеркивал маршал. В публичных заявлениях он решительно отмежевывался от «социальных экспериментов», противопоставляя им «социальное равновесие» капиталистического Запада. Характерно, что жесткое выступление Пилсудского 29 мая, воспроизводившее аналогичную речь Муссолини («Я мог бы издеваться над всеми вами, но хочу проверить, возможно ли еще в Польше править без кнута»), было обращено к депутатам, представлявшим в сейме преимущественно левые партии, поддержавшие переворот.

31 мая Национальное собрание избрало Пилсудского президентом Польши. Расценив это как выражение поддержки и легитимизацию переворота, он однако, отказался занять президентский пост, зарезервировав за собой военное министерство, гарантировавшее реальную власть (впоследствии он становился и во главе правительства). По прямому указанию Пилсудского президентом был избран профессор И. Мосьцицкий (поначалу политически слабая фигура, но постепенно ставший сильным государственным деятелем). Пост премьер-министра получил лидер небольшой левоцентристской Партии труда (СП) К. Бартель. Началось формирование по-

литического режима пресловутой «санации», стержнем которого была авторитарная исполнительная власть.

2 августа 1926 г. была принята «конституционная новелла», фактически изменившая государственный строй республики — президент получил право издавать декреты, имеющие силу законов и произвольно распускать парламент; у сейма были изъяты исключительные полномочия утверждения бюджета и ограничено право выносить недоверие исполнительной власти. И при этом новое правительство, контролируемое Пилсудским, вопреки настояниям левых сил, отказалось распустить сейм. Дискредитированный и напуганный депутатский корпус выглядел для авторитарной группировки пилсудчиков более предпочтительным «партнером», нежели новый, авторитетный парламент, большинство в котором наверняка имели бы социалисты и их союзники. Отказ от досрочных выборов спровоцировал первый конфликт Пилсудского с ППС, принявший вскоре необратимый характер.

Навязчивое стремление Пилсудского доказать свою независимость от партийной левицы привело к демонстративным жестам в сторону «Левиафана» и даже консервативных кругов титулованной аристократии (нашумевшая встреча в Несвижском замке князя Я.Радзивилла осенью 1926 г.). И, хотя практическая социальная политика Пилсудского — в частности, налоговая и трудовая — зачастую четко совпадала с установками ППС, уже в ноябре 1926 г. соцпартия официально перешла в оппозицию правительству своего исторического лидера.

Зато примирение с «классовым оппонентом» было достигнуто достаточно быстро. Уже на первом году «санации» лидер «Левиафана» А.Вежбицкий сделал заявления, констатирующие признание нового режима и согласие с его политикой (было принято решение более не поддерживать на выборах эндецию). И хотя эту позицию заняла лишь часть польского крупного капитала — как правило, связанная с промышленным производством; коммерсанты же, наряду с землевладельцами и клерикальными кругами по большей части оставались верны эндеции, — происходящее выглядело как смена социальной ориентации и размывало социально-политическую базу пилсудчины.

Но в то же время важные социальные установки «санации» совпадали с позициями левых. Так, с конца 1926 г. социалисты активно включились в работу совещательных

«анкетных комиссий», призванных разработать план экономических преобразований. В «комиссии труда» ППС усматривала прообраз корпоративно-социалистического органа управления народным хозяйством (через пять-десять лет этот принцип стал общим местом западноевропейских правосоциалистических программ, составив основу «Плана труда» Анри де Мана). Но попытки властей превратить комиссию в инструмент подчинения социалистических профсоюзов государству привели к провалу ее работы — на этом примере быстро проявилась концептуальная несовместимость самоуправленческой и этикетической моделей социализма. Намечившееся социальное партнерство сменялось обостряющейся конфронтацией недавних друзей и союзников.

В 1929 г. Центральная комиссия профсоюзов — крупнейшее профобъединение Польши, тесно связанное с ППС — потребовало создания Государственного хозяйственного совета и аналогичных отраслевых органов с широким представительством рабочего класса; гарантированного участия рабочих в управлении предприятиями через полномочные производственные советы; общественного контроля над капиталистическими трестами. Эти требования были отклонены правительством, выдвинувшим проект огосударствленных «палат труда», сходных с фашистскими корпорациями. Эта конфронтация на фоне тяжелейших реалий мирового экономического кризиса 1929—33 гг. резко радикализовала профсоюзно-социалистическую оппозицию. В 1932 г. ППС выдвинула требование перехода к «плановому социалистическому хозяйству», а вслед за тем съезд партии принял установку на насильственное свержение власти имущих классов.

Строго говоря, Пилсудский не был политическим мыслителем. Обретенная, наконец, возможность воплотить в жизнь свое видение Польши означала для него в первую очередь систему практических мер, соответствующих определенным ценностным установкам. Но четкость — если не сказать, догматичность — этих установок позволяет говорить об определенной идеологии, доктрине и программе.

Прежде всего, перед новым режимом встала задача создания своей политической структуры — при всей неприязни к «партийству» обойтись без нее оказалось невозможно. Расчет на лояльность ППС не оправдался. Руководство И. Дашиньского было готово сотрудничать, но на определенных условиях и на равноправной основе (последнее было в прин-

ципе неприемлемо для Пилсудского с его самооценкой национального вождя). Не оставляя попыток прочно «пристегнуть» ППС, пилсудчики вынуждены были заняться формированием непосредственно собственной партии (хотя и с «беспартийным» названием). Естественная социально-идеологическая ориентация, как ни пытались они от нее дистанцироваться, заставила искать опору в левой, профсоюзно-социалистической среде.

В ППС существовала влиятельная группа многолетних соратников Пилсудского, прошедших легионы (их лидер капитан Е. Морачевский вошел в состав первого правительства К.Бартеля). Решительно поддерживал «санацию» Варшавский комитет ППС во главе со старым пилсудчиком Р.Яворовским. Столичная организация соцпартии вообще во многом воспроизводила легионерскую структуру — солидаристская идеология, корпоративная ментальность, непререкаемый авторитет лидера — Яворовского, сильное военизированное подразделение — рабочая милиция, прославившаяся «красными самосудами», жесткими силовыми акциями против правых и коммунистов (даже в майские дни 1926 г. социалистические боевики наносили превентивные удары по КПП). Политическая линия этой «варшавской клики» характеризовалась непримиримым антикоммунизмом и яростным антикапитализмом: «варшавяне» резко критиковали руководство ППС и за «прокоммунистическую пропаганду», и за «правоопportunистические уступки капиталу». Социалистический солидаризм понимался не как классовое сотрудничество рабочего с работодателем, а как переустройство экономики на началах рабочего самоуправления — соответственно, важное место занимала здесь классовая борьба.

В октябре 1928 г. на базе Варшавской организации ППС учредилась новая партия — ППС-прежняя революционная фракция (в 1930-х гг. — социалисты «Беспартийного блока», ББС). Хотя идейно-политические установки партии Яворовского существенно расходились с официальным курсом «санации», она заняла важное место в политической системе пилсудчины, составив ее леворадикальное крыло (близость же к главе режима подчеркивалось в самом названии). В следующем году под руководством Яворовского было создано Центральное объединение классовых профсоюзов (около 50 тыс. членов) — радикально-социалистическое в программе, проправительственное на практике. Однако ни новая соцпартия, ни новое профобъединение не смогли составить

серьезной конкуренции прочно укоренившимся в рабочем движении структурам ППС и социалистических профсоюзов. Не большего успеха достигли и другие первоначальные формы «просанационных» профсоюзов — национал-синдикалистская Генеральная федерация труда и «аполитичная» Конфедерация профсоюзов вместе насчитывали не более 35 тыс. членов.

Интенсивное профстроительство было развернуто пилсудчиками с 1930 г., когда Е. Морачевский, возглавлявший «рабочую группу» правящего «Беспартийного блока», объединил Генеральную федерацию, Конфедерацию, часть «классовых профсоюзов» Яворовского и национал-солидаристских профсоюзов, прежде ориентированных на НПР, в Союз профессиональных союзов (333). Хотя новый Союз уступал по численности просоциалистической Центральной комиссии профсоюзов (140 тыс. членов против 220 тыс.), он довольно эффективно справлялся с привлечением рабочего класса к «санационному» режиму. Программные установки 333 требовали сокращения рабочей недели, общественного контроля за капиталистическими прибылями, развития самоуправленческой системы «рабочих делегаций». Но, решительно поддерживая правительство Пилсудского, 333 делал упор не на забастовочную борьбу, а на коллективные переговоры с работодателями — чем и отличался от политически оппозиционной Центральной комиссии.

Правящей партией пилсудчины стал «Беспартийный блок сотрудничества с правительством маршала Пилсудского» (ББ), созданный к выборам 1928 г. ББ изначально формировался как широкая коалиция самых разнородных сил — от Национальной правицы, Христианско-аграрного объединения, Объединения среднего сословия до Национальной организации труда (бывшая НПР-левица), Партии труда, Объединения труда города и деревни, социалистической организации ББС и др. Помимо госаппарата и 333, ББ опирался на густую сеть «просанационных» общественных организаций — Объединения трудящейся молодежи, деревенской молодежи, Крестьянскую организацию (ХСР) и т.д. Но основными «просанационными» структурами гражданского общества оставались ПОВ, Союз легионеров и Стрелецкий союз, организовывавший культурно-просветительскую и военно-патриотическую работу в молодежной среде. Именно ПОВ, активно применявшая мафиозные технологии оргконтроля, выполняла функции структурного центра ББ.

Несмотря на декларированный принцип «единства во имя общего блага», ББ не мог быть политически монолитной силой. В нем можно выделить несколько основных группировок — проводников разнонаправленных, порой взаимоисключавших влияний:

— наиболее близкая к Пилсудскому «группа полковников» (лидер В.Славек), несмотря на социалистическое прошлое своих деятелей, постепенно эволюционировала в консервативно-националистическом направлении;

— «генеральская клика» (лидер Э.Рыдз-Смиглы) стояла на правоэкстремистских позициях, стремясь превратить Польшу в тоталитарно-милитаристское государство гитлеровского типа;

— «президентская» или «замковая» группа (лидер И.Мосьцицкий) выступала за более либеральную политику, отстаивала правовые демократические принципы;

— «левая» или «рабочая» группа (лидер Е.Морачевский) ориентировалась на профсоюзно-социалистические истоки пилсудчины;

— влиятельным представительством располагали в ББ «Ливиафан» и 33.

Харизматическим лидером ББ являлся Пилсудский. Первые годы «санации» в ББ доминировали «полковники» — лично преданные Пилсудскому legionеры типа В.Славека, А.Пристора, Ю.Бека, Б.Медзиньского и др., — установившие тесное сотрудничество с рядом видных бизнесменов, политиков и юристов. Именно «полковникам» принадлежала главная роль в конституционной реформе, неузнаваемо перекроившей политический строй Польши.

1926—28 гг. были временем бурного подъема польской экономики, особенно отраслей тяжелой промышленности. На здоровой основе роста производства была стабилизирована финансовая система. Быстро рассасывалась безработица. Обеспечивалось «наполнение» социальных программ, эффективно регулировались трудовые отношения (нормативные акты об инспекции труда, порядке профтехобучения и т.д.). Эти факторы укрепляли «санационный» режим, стимулировали его популярность в массах.

Но кризис 1929—33 гг. вынудил «санацию» ужесточить социально-экономическую политику и поставил под вопрос достижения предшествовавшего периода. Был сделан жесткий упор на обеспечение конкурентоспособности польской экономики — удлинилась рабочая неделя, резко снизились

социальные выплаты и т.д. Но просоциалистическая природа пилсудчины и в этих трудных условиях давала себя знать. В духе социального солидаризма был введен жесткий налог на имущество, урезаны оклады чиновников, запрещены локауты и произвольное понижения зарплаты на предприятиях. Возросли пенсионные страховые отчисления, был сформирован государственный «фонд труда», финансирующий систему массовых общественных работ.

В то же время разнонаправленные влияния на политику правящей группы приводили и к серьезным коллизиям. Особое место заняла среди них предпринятая в 1933 г. попытка заменить систему коллективных трудовых договоров более выгодными для работодателей индивидуальными контрактами. Жесткий отпор рабочего движения и профсоюзно-социалистического крыла ББ привел к противоположному результату — установился обязательный порядок заключения колдоговоров.

В первое пятилетие «санации» осуществилась крупномасштабная парцелляция помещичьих земель. Были ликвидированы сервитуты — родовые помещичьи участки, пожалованные «за службу» в прошлые века. Приоритетно стимулируя крупнотоварные хуторские хозяйства, «санационные» правительства наделяли землей также малоземельных и безземельных крестьян, внедряли земельные программы для горожан — рабочих и безработных.

Перед выборами 1928 г. проправительственная пропаганда всячески рекламировала социально-экономические успехи «санации», призывала голосовать за «честных и ответственных людей труда, окружающих Маршала Пилсудского». Но выборы принесли ББ лишь относительный успех — его депутатский клуб стал самым многочисленным в сейме, но не получил большинства. Случилось именно то, чего опасались пилсудчики весной 1926 г. — в парламенте сформировался сильный оппозиционный блок Центролев, доминировали в котором ППС и ПСЛ-«Вызволене» (входили также ПСЛ-«Пяст», ХД и НПР). В большинстве случаев Центролев был в состоянии проводить свои решения, опираясь на конституционные полномочия парламента.

Вопреки требованию Пилсудского, маршалом сейма был избран не К.Бартель, а лидер ППС И.Дашиньский. Несмотря на готовность к конструктивному сотрудничеству, Центролев не мог переходить жестко установленных пределов. Совершенно неприемлемы были для левоцентристского сей-

ма проекты конституционной реформы (в целом поддержанные зато консервативной эндеецией). И пакет «поправок» к конституции 1921 г., и новый конституционный проект, протаскивавшие авторитарную президентскую власть, либо отклонялись Центролевым, либо подвергались обструкции. Политическая обстановка накалялась, борьба грозила вылиться на улицы. Расчеты «санации» заместить и подчинить польскую левицу очевидно провалились.

Политический кризис был разрешен авторитарным ударом. В начале сентября 1930 г. был распущен парламент. Лидеры Центролева и были незаконно арестованы и заключены в военную тюрьму Брестской крепости, где подверглись угрозам и избиениям. Одновременно была проведена серия полицейских рейдов, запрещены мероприятия оппозиционных сил, разгромлены многие организации национальных меньшинств. В обстановке грубого давления были проведены досрочные парламентские выборы, принесшие большинство ББ.

Это событие стало третьим — после декабря 1922 г. и мая 1926 г. — и окончательным психологическим надломом Пилсудского. Согласно некоторым свидетельствам, впоследствии он сожалел о совершенном (во всяком случае, в частных беседах с его стороны звучали оправдания). Характерно, что именно после «Брестского кризиса» он постепенно отошел от руководства внутренней политикой «санации», сосредоточившись на военных и международных вопросах. Но, помимо депрессивного воздействия на лидера страны, эти события сыграли чрезвычайно негативную роль в общеполитической жизни. Центр власти окончательно переместился во внеконституционные, по сути нелегитимные структуры — создаваемые легионерским окружением Пилсудского (до 1935 г. — «полковничью», в 1935—39 гг. — «генеральскую»), Процесс принятия политических решений принял негласный, закулисный характер, важные вопросы стали решаться на основе случайных личных предпочтений, в ходе интриг и беспринципных комбинаций. Стал необратимым разрыв пилсудчины с естественными союзниками из левого лагеря.

Главным политическим процессом «санационного» периода стала растянувшаяся почти на десятилетие конституционная реформа. Изначально в ней прослеживались две противонаправленные тенденции. Первая — антидемократическая: конституирование государственного авторитаризма,

максимальное усиление исполнительной власти, ликвидация парламентской системы. Вторая — демократическая: конституирование корпоративных институтов, прямое участие в государственной власти коллективных «трудовых союзов».

То и другое формально проистекало из единого идеологического источника — солидаризма. Государство понималось как абсолютная инстанция солидарного общества Речи Посполитой (интересно, что его триединой задачей Славек называл хозяйственное самоуправление, просвещение и военную подготовку граждан). Корпоративизм гарантировал права человека труда и эффективность новой демократии. Декларированное продвижение «от политической демократии — к демократии общественной» не было пустым лозунгом: концепция солидарного общества действительно предполагала органическое участие каждого гражданина в делах государства через посредство корпоративного коллектива. Руководитель конституционной комиссии видный юрист В.Маковский говорил о целенаправленном переносе центра политической жизни в неформальные общественные структуры, о преобразовании всего политического устройства республики на корпоративно-синдикалистских основах. Активно пропагандировалась идея преобразования сената в законодательную «палату профессий», формируемую прямым делегированием от корпораций. Последовательный синдикалист из «рабочей группы» ББ К.Закшевский считал включение профсоюзов в государственную систему оптимальной формой демократии (любопытно, однако, что в пример он приводил «корпоративное государство» Б.Муссолини — где к тому времени еще не было создано ни одной корпорации). В том же русле шло формирование палат корпоративного представительства — промышленности, сельского хозяйства и труда, — наделенных координационными, а отчасти и распорядительными функциями (палаты труда не получили, правда, развития из-за сопротивления традиционных профсоюзов, обоснованно видевших в них замещающие структуры). Принцип реформы кратко формулировался как «переход от государства индивидов к государству ассоциаций» — но не тоталитарному государству бюрократии, как случилось у восточных и западных соседей Польши.

В сентябре 1927 г. на совещании консервативных групп Славек изложил основные параметры конституционной ре-

формы. Идеологический примат государства и соединение всей полноты власти в руках президента встретили горячую поддержку консерваторов. Однако Славек отклонил — хотя и в весьма корректной форме — монархические и клерикальные претензии консерваторов, заявив о сохранении республиканского строя и светского характера государства. Было сказано и о сохранении многопартийного сейма, призванного согласовывать многообразные политические интересы, и о развитии корпоративно-синдикалистских начал — через придание важных политических функций «союзам отдельных видов труда».

Однако все большее значение в «санационной» доктрине приобретал принцип элитаризма, идеологически заряжавший авторитарно-этатистскую тенденцию. Стремление рекрутировать элитную правящую касту доходило у авторов конституционной реформы до внесения в один из проектов положения об особом «Легионе заслуженных», стоящем над представительным органом. (Видимо, в этом экстремальном элитаризме большую роль играли личные психологические проблемы Пилсудского, смертельно обиженного на «неблагодарный» народ, «не умеющий ценить никаких очевидных заслуг»), Этот фактор постоянно усиливал антидемократический элемент конституционной реформы, с каждым годом все дальше оттесняя идею «общественной демократии». Разумеется, по мере усиления элитаризма правящая группировка все более отдалялась от своей естественной профсоюзно-социалистической базы, сближаясь с правыми силами — которые все равно в целом так и не признали пилсудчиков за своих.

О том, сколь далеко зашла эволюция «санации» вправо, свидетельствовало совещание «полковников», проведенное под руководством того же Славека в июне 1932 г. Корпоративистская проблематика к тому времени отошла на задний план (идея корпоративного сената вообще была отвергнута). Доминировали же мотивы авторитарного элитаризма, апология государственного принуждения; уже не проэндецкие консерваторы, а пилсудчики высказывали откровенные монархические симпатии — тот же Славек говорил о монархии как интегрирующей стили, способной укрепить польский контроль над украинскими, белорусскими и литовскими землями. Фактически вопрос о монархии рассматривался уже как открытый. Все это предвещало надвигающееся политическое господство «славных генералов» Рыдз-

Смиглого (устранившего, кстати, своего политического соперника Славека).

В апреле 1935 г. была принята «санационная» конституция, характер которой вызывает споры историков («фашизм или авторитарный консерватизм?»). Был отброшен демократический принцип разделения властей — единым источником государственной власти становился президент, ответственный лишь «перед Богом и историей». За сеймом сохранялись декоративно-представительские функции. Высокий возрастной ценз и система окружных собраний ограничивали избирательное право при выборах сейма. Сенат становился совещательным органом элиты — одна треть сенаторов назначалась президентом, две трети избирались узким контингентом «заслуженных граждан» (кавалерами орденов, офицерами, администраторами, авторитетными хозяйственными и профсоюзными руководителями). Верховный же глава государства избирался плебисцитом из двух заранее утвержденных кандидатов, одного из которых предлагал уходящий президент. Гражданские демократические свободы — слова, печати, собраний, союзов — конституцией сохранялись, но ограничивались принципом «общего блага». Достаточно скромным образом конституировались институты корпоративизма — новый акт был не слишком продвинут в сравнении с хозяйственно-самоуправленческими положениями конституции 1921 г. Новая конституция 1935 г. знаменовала несомненный реакционный откат, отражала усиление правоконсервативных сил, политическую деградацию пилсудчины, поражение ее левого крыла.

Через месяц, 12 мая 1935 г. умер Ю.Пилсудский. Те, кто общался с ним в последние месяцы, отмечали глубокую депрессию маршала, которая вряд ли была вызвана одной лишь тяжелой болезнью. Можно предположить, что Пилсудский, для которого сохраняли значение идеалы его пэпээсовской молодости, сознавал явное вырождение своей формации, отход от принципов его многолетней борьбы. Видя разрушение конструкции солидарного общества, он, вероятно, предугадывал трагическую судьбу II Речи Посполитой, зажатой между двумя тоталитарными державами.

Вскоре после смерти Пилсудского был распущен раздражаемый внутренней борьбой «Беспартийный блок». Популярность «санации» катастрофически падала — в явной прямой связи с усилением позиций ультраконсервативных генералов Рыдз-Смиглого, занявшего пост генерального инс-

лектора армии и как бы «по наследству» перенявшего функции и имидж вождя. Парламентские выборы 1935 г. бойкотировало более половины избирателей. Оппозиция консолидировалась в новую коалицию, более мощную, чем прежний Центролев. ППС, Народная партия (СЛ — объединение ПСЛ-«Вызволене», ПСЛ-«Пяст» и Крестьянской партии — СХ), Партия труда (СП) выступали с общими программными требованиями восстановления парламентско-демократического строя. Со своей стороны, эндеция (Национальная партия, СН) была непрочь свести исторические счеты с потерявшими лидера пилсудчиками.

Клика «славных генералов» планировала пронацистскую перестройку режима — тотальную милитаризацию, введение государственного культа нового вождя и т.п. Однако польское гражданское общество оказалось достаточно зрелым, чтобы блокировать этот процесс. Надо отметить здесь и важную позитивную роль либеральной «замковой» группы во главе с президентом И.Мосьцицким, авторитетным военным руководителем генералом Л.Желиговским и компетентным организатором экономики Э.Квятковским. Вступив в союз с левыми пилсудчиками, они эффективно противостояли генералам. Декларация созданного в феврале 1937 г. правительственного «Лагерь национального объединения» (ОЗН) была выдержана в примирительных к оппозиции тонах и ориентировала сограждан на общенациональную консолидацию перед лицом внешней опасности. На передний план вышла конструктивная работа правительства по развитию Центрального промышленного района. Но эта тенденция не успела получить должного развития. Надвигалась сентябрьская катастрофа 1939 г., когда польский народ, сплотившись, как в 1920 г. против общего врага, принял неравный бой с двумя тоталитарными агрессорами.

Анализируя явление пилсудчины, важно определить соотношение узкоспецифических и более глобальных факторов. К первым очевидно относятся:

— патриотические приоритеты национально-освободительной борьбы и независимости;

— постоянная ориентация и практическая сверка со «шляхетскими» традициями Речи Посполитой;

— своеобразный «патриархально-старосветский» характер политической жизни, в котором очень большую роль играют индивидуальные впечатления, связи, принцип личной преданности, дружбы либо вражды;

— индивидуально-психологические комплексы Ю.Пилсудского, стремившегося превратить современное ему польское общество в подобие Первой бригады (при том, что сами по себе идеи, быт и нравы легионеров могут вызывать разное, в т.ч. и сколь угодно позитивное отношение).

Но пилсудчина была частью более широкого идейно-политического течения — неосоциализма. Эта доктрина, возникшая в ходе эволюции части европейской социал-демократии от классического марксизма к идеологии солидаризма особого типа, формулировала следующие фундаментальные принципы:

— духовные приоритеты, идентичность социально-экономических интересов людей труда с идеалами гуманизма, свободы, справедливости, братства и сотрудничества;

— органическое общество как система солидарных корпораций-общин, построенных по принципу *Gemeinschaft*;

— сильное корпоративно-социалистическое государство, регулирующее общественные, прежде всего экономические, отношения в интересах трудящихся;

— новый тип социалистической экономики: национализация крупной промышленности и финансовой системы, всемерное развитие производственной кооперации, сохранение мелких и средних производств в частных руках, индикативное национальное планирование;

— корпоративное хозяйственное управление через представительный орган, формируемый «трудовыми союзами»;

— соединение демократизма с патриотизмом.

В 1930-е гг. неосоциализм интенсивно распространялся в таких, например, несхожих странах, как Италия (левосиндикалистское крыло «Фашо ди Комбаттименто»), Испания (национал-синдикализм, левый фалангизм), Франция («Союз Жана Жореса», Народная партия), Германия («Рабочее содружество»), Великобритания (Новая партия, «Британский союз»), Болгария (Народное социальное движение), Бельгия (Рабочая партия, рексисты)... Большая часть этих структур оказалась скомпрометирована трагическим выбором, сделанным во Второй мировой войне в пользу одного из тоталитарных режимов. Но несомненное общегуманистическое значение ряда неосоциалистических принципов требует внимательного изучения — что относится и к рассмотренному выше явлению польской истории.

Использованная литература:

Багинский Э.С. Политические концепции санации и польская конституция 1935 года // Советское славяноведение. 1978. №1.

Багинский Э.С. Санация и конституционный вопрос в Польше (1926—1929) // Советское славяноведение. 1977. №3.

Болдов А.В. Подготовка «санации» к созданию своей политической организации (май 1935 — февраль 1937 гг.) // Советское славяноведение. 1981. №3.

Ким И.К. Лагерь «санации» и парламентские выборы 1938 г. в Польше // Советское славяноведение. 1986. №6.

Краткая история Польши с древнейших времен до наших дней. М., 1993.

Манусевич А.Я. У истоков «санации» // Новая и новейшая история. 1974. №2—3.

Межецкий В. К вопросу о политической позиции рабочего класса Польши в межвоенный период // Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Межвоенный период. М., 1986.

Михутина И.В. Режим «санации» в Польше и рабочий класс // Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.

Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М., 1990.

Политические партии в Польше, Западной Белоруссии и Западной Украине. Минск, 1935.

Андрей Щелчков

БОЛИВИЙСКИЙ ЛАБИРИНТ СОЦИАЛИЗМА В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Идейно-политическое преддверие бурных 1930-х

В середине 20-х годов работы испанского философа Х.Ортеги-и-Гассета стали подлинным откровением для боливийской интеллигенции, прежде всего, студенческой молодежи. Влияние Ортеги-и-Гассета в Латинской Америке было исключительно сильным, и «этому влиянию были подвержены также и те, кто не соглашался с конкретными высказываниями философа по поводу американской истории»¹. Боливийская интеллигенция восприняла от ортегианства критику европоцентризма. Позитивисты же интересовались глобальными процессами, всегда исходили из обобщенного представления о мире и человеке. Ортега-и-Гассет отрицал либерально-позитивистский подход к человеку как унифицированному, «универсальному», «массовому» явлению. Ортега-и-Гассет восстал в защиту индивида, человека, против человечества, универсальности. Противопоставление массы и личности у Ортеги нашли свой отклик у боливийцев в самоутверждении своей индивидуальности перед лицом «европейской» универсализации. Защита личности у Ортеги-и-Гассета оправдывала индивидуальность, самобытность культуры и истории.

Из исторической концепции Ортеги-и-Гассета наибольший интерес вызвали теория поколения и понятие кризиса. Из этой теории боливийская интеллигенция, прежде всего, студенчество усвоили призыв к осознанию новым поколением неподлинности своей культуры². Ортегианская мысль о противостоянии подлинной и ложной культуры была для боливийцев отражением их повседневной двойственной реальности сосуществования бело-метисного и индейского миров. Лидер студенческого движения Э.Бальдивесо, один

из идеологов Националистической партии, а в будущем один из идеологов режима «государственного социализма» в соответствии с ортегианской схемой выдвинул лозунг «стать поколением столетия основания республики». Новое «поколение столетия» ставило перед собой цель бороться с либеральной «антикультурой» с тем, чтобы воссоздать республику, подлинно независимое государство³. Ортегианство было исходным пунктом в формировании националистического движения в период президентства Э.Силеса.

Бунтом «нового поколения» против старых элит и традиционного общества была деятельность молодых активистов партии «Националистический союз», созданный в конце 1926 г. при активной поддержке президента Эрнандо Силес. Силес нуждался в новой политической силе, которая бы поддержала его реформы. В 1926 г. он пригласил к себе на совещание группу молодых интеллектуалов, исповедовавших модные тогда ортегианские идеи обновления нации. О существовании группы Э.Силес узнал от лидера нонконформистской молодежи Энрике Бальдивьесо, входившего в круг доверенных лиц президента. В совещании участвовали сам Э.Бальдивьесо, Умберто Пальса, Висенте Лейтон, Виктор Альберто Сарачо, Ф.Камперо Альварес и другие. Все это будущие крупные деятели режима «государственного социализма». Тогда же было решено создать новую партию поддержки Э.Силеса.

29 декабря 1926 г. в доме В.А.Сарачо, где собрался цвет интеллектуальной молодежи Ла-Паса, была создана Националистическая партия. В народе ее чаще называли силистской, ибо была очевидна прямая связь с президентом и его курсом. В состав партии вошли молодые люди, впоследствии сыгравшие выдающуюся роль в истории Боливии. Это были лучшие представители политической элиты Боливии в XX веке. Есть смысл перечислить большинство собравшихся, ибо их имена будут постоянно возникать в изложении боливийской истории первой половины века. Среди них выделялись юристы Мануэль Карраско (сын Хосе Карраско, основателя Либеральной партии), П.Гильен, В.Мендоса Лопес⁴, промышленники Рафаэль Таборга, Уго Эрнст⁵, Абель Солис, интеллектуалы, писатели К.Мединасели⁶, Г.А.Отеро⁷, А.Сеспедес⁸, К.Монтенегро⁹, У.Пальса¹⁰, университетские преподаватели Х.Лас Камперо¹¹, К.Салинас Арамайо¹², журналисты М.Флорес¹³ и Л.Антесана¹⁴. Это было представительное собрание «младших сынов» элиты Ла-Паса.

Бунтующая молодежь с энтузиазмом восприняла призыв Силеса стать партией реформ.

В их рядах формировалось идейное направление «революционного национализма», боливийская разновидность национал-реформизма, превратившегося в 40—50-е годы в господствующую идеологию в Боливии.

Национализм возник из критики либерализма как политической доктрины и позитивизма как идеологии. Молодые интеллектуалы К.Монтенегро, А.Гусман, А.Сеспедес в начале 20-х годов публиковали статьи в журнале «Арте и трабахо» (Искусство и труд), где выступали с критикой основ либерализма и европоцентризма. Идеалом К.Монтенегро является Боливия с единой, не разделенной на касты и расы нацией. Уже в этих ранних работах Монтенегро заметно его преклонение перед авторитаризмом, его враждебность как коммунизму, так и либерализму¹⁵. В 20-е же годы в своих литературных произведениях, он резко критиковал господствующие либерально-позитивистские представления. Уже в его ранних работах содержался зародыш национализма и антидемократизма. В 20-е годы эти идеи (или скорее их предпосылки) еще не соединились с философскими взглядами Тамайо и индеанизмом. Их синтез составил основу теории «революционного национализма», боливийской разновидности национал-реформизма.

Конец 20-х годов в Боливии ознаменовался острым кризисом господствующей социал-дарвинистской, либерально-позитивистской идеологии. Интеллигенция жадно впитывала новые идеи и концепции общественного развития. Как нигде в Латинской Америке, в Боливии огромной популярностью пользовались Шпенглер и Кайзерлинг с его верой в мессианское предназначение континента. Вслед за д'Аннунцио, Ортегой-и-Гассетом, Унамуно, Угарте, Шпенглер и Кайзерлинг становились новыми идолами молодежи. В августе 1929 г. Кайзерлинг посетил Боливию, где на его лекции стекались толпы студентов и интеллигенции. Страна жила напряженной интеллектуальной жизнью. Старые либерально-позитивистские идеи были безвозвратно сданы в архив.

В поисках национальной самобытности боливийцы встречали созвучие своим идеям во взглядах Шпенглера и Кайзерлинга. Последний восторгался пейзажами Альтиплано, говорил об особом предназначении Боливии. Выступая в Ла-Пасе в 1929 г., он заявлял: «Боливия, возможно, самая древняя часть человечества; нет лучшего ощущения будуще-

го, как отдаленное прошлое, ибо во времени нет конца»¹⁶. Кайзерлинг призывал обратиться к так называемым телуристическим тайным силам земли. Поклонники Кайзерлинга вновь открывали для себя идеи Тамайо и Мендосы, видевших в земле, окружающей среде решающий фактор формирования человека, расы, нации.

В 30-е годы в Боливии возникла влиятельная философско-литературная школа: телуризм, близкая индеанизму, концепциям Х.Мендосы и Ф.Тамайо. Идеи Шпенглера, Тамайо, Мендосы были развиты телуристами: в философии Роберто Пруденсио и Умберто Пальса, в историографии Ф.Авила, в литературе и поэзии К.Мединасели, Ф.Диес де Медина и Примо Кастрилью, в живописи и скульптуре С.Гусманом де Рохас и Мариной Нуньес дель Прадо, в музыке Эдуардо Каба.

В 30-е годы, после войны в Чако, в политических и интеллектуальных кругах Боливии видную роль играл университетский профессор истории Роберто Пруденсио. Вместе с вернувшимися с войны оппозиционно настроенными «ветеранами Чако» и студентами он создал националистическую группу «Железная звезда», ставшую влиятельной политической силой. В 1939 г. он основал журнал «Кольясуйо», превратившийся в трибуну национализма и индеанизма.

В 1928 г. Р.Пруденсио опубликовал «Новую концепцию жизни», своего рода антилиберальный, антирационалистический манифест. Он следовал иррационализму Шопенгауэра и телуризму Мендосы. Отправная точка его концепций состояла в понимании жизни как импульса, прыжка во времени, вызова миру¹⁷. Размышляя над судьбой своей страны он пришел к убеждению, что «чувство» земли, география, пейзаж формируют человека и общество. Культура для него — лишь формальное выражение иррационального, телуристического. Он искал биологическую силу, волю, способную создать новый культурный цикл, который выведет Боливию к величию. Вслед за Тамайо такую силу он видел в индейце.

В середине 30-х годов наряду с Р. Пруденсио крупным теоретиком телуризма становится Умберто Пальса. У.Пальса был одним из основателей Националистической партии, идеолог «государственного социализма». В 1936 г. он публикует книгу «Пересмотр нашего исторического прошлого», а после выхода в свет в 1939 г. работы «Человек как метод», он становится лидером нового философского направления, которое полностью вытеснило позитивизм из науки и интеллектуальной жизни.

Главная идея У.Пальса состояла в абсолютизации «духа земли» как носителя географического императива, воздействующего на индивид и общество и обуславливающего форму и образ жизни человека. Он ставил в центр внимания человека как выразителя духа земли, телуристических сил. Его идея «человека как метода» исходила из концепции «человека -космоса» немецкого философа Шелера, для которого человек был мерой и олицетворением вселенной. Вслед за Тамайо, Мендосой и Кайзерлингом он видел в земле «космическую энергию», без которой человек неспособен познать свой мир и душу¹⁸.

У.Пальса ставил главный вопрос, волновавший его сограждан: что значит быть боливийцем? И в поиске ответа на этот вопрос он обращался к раскрытию феномена национальной культуры. Культура для него — это переход от хаоса и беспорядка к особенному, индивидуальному (самобытному) и гармоничному (с окружающей средой). Он принял как аксиому идею Шпенглера о конце Европы и призвал к поиску самобытных основ жизни боливийского народа.

Для Пальса нет универсальной культуры, как и нет универсального гуманизма или универсального человека. Каждый человек и культура — социогеографичны. Индоамериканский человек по своему чувствует и думает. Этот человек немислим вне его связи с землей. Как и для Тамайо, у У.Пальса индеец являлся наиболее связанным с землей индивидом и социумом¹⁹. Следовательно, для обретения собственного «я» боливийцы должны обратиться к духу Анд и к «космической энергии» индейской расы. С обидой на весь мир писал У.Пальса о своей стране: «Боливия — великая страна, Боливия — прекрасная страна, Боливия — богатая страна, но в душу вселяется отчаяние от сознания, что миллионы людей на земле даже не подозревают, что это великая, прекрасная и богатая страна»²⁰.

У.Пальса искал национальную идею, способную объединить народ во имя достижения величия Боливии. Пример такой идеи он усматривал в национал-социализма. У.Пальса был восторженным поклонником тоталитарных режимов, ибо видел в них концентрацию воли и энергии миллионов людей во имя «идеалов нации». Даже после краха третьего рейха он продолжал верить в звезду Гитлера и его миссию в немецкой истории. Так, в 1946 году он писал: «Чтобы ни говорили о Гитлере и Германии, я уверен, что если бы немцы не были убеждены в необходимости расширения жизненного пространства и не верили бы в способность фюрера ус-

пешно завоевать его, если бы эта идея не проникла бы в сердце каждого немца, то не было бы этого страшного последнего боя 1945 года...»²¹ Идеи У.Пальса стали теоретической базой идеологии «государственного социализма».

Работы телуристов были окончательным разрывом интеллектуальной элиты с либерально-позитивистским прошлым. Они преодолевали глубоко укоренившийся европоцентризм как в теории, так и в общественной и политической жизни. Практические выводы идеологов нового поколения боливийских политиков были разнообразны: отталкиваясь от идей телуристов многие эволюционировали к индеанизму и «революционному национализму», а в их иррационализме находили оправдание корпоративизма и фашизма.

Иррационализм и волюнтаризм предлагали новые перспективы социального развития, разрывали со всем «позитивным» прошлым, с демократией, либерализмом и даже с христианскими ценностями. Телуристы и их последователи руководствовались ницшеанской формулой: «Бог умер». Их взгляды не были экстравагантным чисто боливийским изобретением, иррационализм глубоко поразил общественную мысль в Старом свете. В 1930 г. Томас Манн в речи «Призыв к разуму» утверждал, что иррационализм XX века поднял на щит силы бессознательного, силы, творящие смутное, темное, отрицая дух и разум, в противовес ему восхваляя тьму души, слепую волю и инстинкт. Из этого почти религиозного почитания земли, природы, почвы многое было воспринято в Европе национал-социализмом, а в Латинской Америке различными направлениями радикального национализма. Волюнтаризм отрицал надсубъектную силу и смысл истории, предполагал способность политических вождей нации управлять историческим процессом, что представлялось боливийцам единственной возможностью преодолеть порочный круг зависимости и отсталости их страны.

Такие последователи телуризма, как К.Мединасели, пытались развить идеи Тамайо, обращаясь к Ницше и Бергсону. Они отошли от примитивных рассуждений Кайзерлинга, приблизившись по своим взглядам к экзистенциалистам и феноменологам²². Индоамериканизм, воспринятый ими из теорий перуанского апризма, воспринимался как идейная альтернатива западной цивилизации. Они проповедовали создание вселенской культуры на основе метизации и мистического переживания «космического духа земли», индеанизации всех сторон жизни страны²³.

Наиболее влиятельным течением был «революционный национализм», боливийская разновидность национал-реформизма. Его идеологи К.Монтенегро, А.Сеспедес, В.Гевара Арсе, В.Пас Эстенссоро они заявляли о своей приверженности индеанизму, индоамериканизму АПРА и даже марксизму. На боливийскую интеллигенцию огромное влияние оказал индоамериканизм перуанской АПРА. Один из ее идеологов Мануэль А. Сеоане в 1927 г. посетил Боливию и написал книгу «Левый взгляд на Боливию». В ней остро ставились вопросы национализации оловодобывающей промышленности и проведения аграрной реформы. Многие апристские тезисы были восприняты и вошли в идейный арсенал «революционного национализма».

Идеологом этого политического движения стал К.Монтенегро. Он был одним из основателей Социалистической конфедерации, пришедшей в 1935 г. на смену Националистической партии. Если националисты признавали либеральные принципы демократии, то К.Монтенегро и его социалисты выступали с позиции агрессивного национализма и подавления «эгоистических интересов» личности во имя высших интересов нации. Демократия виделась им лишь препятствием в движении к величию Боливии. Их идеалом стали авторитарные и тоталитарные методы управления, подчинение масс, подавление либеральных свобод и демократии.

К.Монтенегро сформулировал концепцию «национальной революции». Он утверждал, что в Боливии со времени колонии существует два противоположных полюса — «нация» и «антинация». Эту терминологию (антинация или анти-родина, *antipatria*) К.Монтенегро заимствовал у испанских фалангистов, которые, в свою очередь, переняли ее у немецких нацистов. С завоеванием независимости страны нация (народ) осталась подавленной антинацией (олигархией)²⁴. Между олигархией и империализмом ставился знак равенства.

Острые своей критики К.Монтенегро направил против либерально-позитивистской идеологии. Он утверждал, что олигархия пыталась привить на боливийской почве европейское правосознание, которое, однако, не соответствовало местным, автохтонным, «подлинно национальным» принципам жизни. Он отрицал возможность применения в Боливии каких-либо европейских доктрин и концепций общественного устройства. К.Монтенегро писал: «Либеральная

идеология, к которой прибегал режим, идеология исключительно европейская; она была навязана народу, являлась одним из проявлений иностранного господства»²⁵.

«Национальная революция», согласно его концепции, носит лишь политический, а не социальный характер, ибо речь идет об освобождении всей нации, а не отдельного класса, от внешнего, колониального угнетения. Олигархия превратилась в «сверхгосударство», подчинив себе подлинное государство, узурпировав его суверенитет. Националисты, призывал К.Монтенегро, должны направить против него основной удар. Для К. Монтенегро революция заключалась в восстановлении суверенитета нации, отстранении олигархии от власти, решении антиимпериалистических задач. Революция принималась как «консервативный акт», восстанавливающий метафизически понимаемую историческую справедливость, освобождающий государство, то есть нацию, от господства «сверхгосударства», олигархии²⁶. К.Монтенегро считал пролетариат передовым руководителем нации, однако лишенным будущего, если он не придет к слиянию с другими классами. По мнению К.Монтенегро, олигархия разобщила народ, ввергла его в пучину классовой борьбы. Отсюда тезис о том, что «олигархия мешает единству народа». Следовательно, народ вновь обретет единство в «национальной революции», которая создаст гармоническое общество без противоречий и классовой борьбы»²⁷.

К.Монтенегро и А.Сеспедес в своих журналистских, исторических и литературных работах, их сподвижники из Социалистической партии периода военного-социализма в своих программах и в политической практике формулировали основные принципы революционного национализма. Ядро будущей партии Националистическое революционное движение (МНР), образованной в 1941 г., стала газета «Ла Калье», начавшая выходить в свет в 1936 г.

Не все «романтические» националисты периода Силеса перешли вместе с Монтенегро на позиции антидемократического и агрессивного «революционного национализма». Многие под влиянием индеанизма и университетской реформы склонялись к марксистским и лево-социалистическим идеям. Близкими к умеренным националистам и индеанистам были взгляды одного их ярких политиков тех лет, самого молодого министра в правительстве Х.Буша Альберто Селада Вальдеса, умершего в возрасте 37 лет в 1939 г. Он был автором книги «Кольясуй» (1933 г.), в которой проводил идею

преимущественности древней инкской цивилизации и современной боливийской нации. Большое влияние на его взгляды оказала книга Фернандо де Лос Риоса²⁸ «Гуманистическое существо социализма», главная идея которой состояла в необходимости соединить демократию и свободу либерализма с социальной справедливостью социализма.

А.Селада активно пропагандировал идеи «гуманистического социализма». Он утверждал: «Мы верим в социализм, мы боремся за последовательную и разумную перестройку страны на социалистических основах... Нельзя быть по настоящему ни националистом, ни революционером, не будучи социалистом»²⁹. Селада пытался примирить непреходящие ценности демократии и либерализма с агрессивным национализмом. Однако в эпоху кризисов и борьбы крайних позиций такие примиряющие идеи не имели успеха. Его деятельность и идеи оказали большое влияние на содержание новой боливийской конституции, принятой Конституционной ассамблеей в 1938 г. Он пользовался доверием президента Х.Буша, а его идеи служили теоретическим оправданием реформ «государственного социализма».

В конце 20-х — в 30-е годы в Боливии наблюдалось повальное увлечение марксизмом. Из Чили и Аргентины поступали книги Ленина, Бухарина, Троцкого. Проблемы марксизма и социализма дискутировались повсюду, от профсоюзных собраний в горнорудных поселках до университетских кафедр. Марксистская терминология нашла отражение в философских и социологических работах представителей самых разнообразных течений.

Однако, если революционный национализм и индеанизм открыто отрицали либерально-позитивистскую традицию, в частности в виду ее европоцентричности и интернациональности, марксизм стал убежищем либеральной интеллигенции. В чистом виде либерализм умер. Марксисты, в первую очередь, были наследниками идеалов рационализма и Французской революции и отчасти чувствовали себя единственными продолжателями великого дела якобинцев, что по сути часто ставило непреодолимые препятствия для сотрудничества с новыми идейными и социальными силами, проповедовавшими иррационализм, национализм и тоталитаризм, так называемых социалистов, национальных социалистов, революционных националистов и прочих. При этом, часто в тактических задачах и целях объективно они были

союзниками, но глубинные мировоззренческие противоречия ставили непреодолимые препятствия на пути их сотрудничества. Его редкие представители группировались вокруг карликовых партий и консервативных организаций, не имевших никакого идейно-политического воздействия ни на массы, ни на интеллигенцию. Марксизм же стал фактическим наследником либерализма, ибо более всего был близок к нему в принятии таких фундаментальных положений, как универсализм, интернационализм, исторический оптимизм, экономический детерминизм и рационализм. В Боливии прослеживается преемственность между марксизмом и либерализмом наиболее четко. Внутри боливийского марксизма в 30-е годы сформировалось два антагонистических крыла: троцкизм и «либеральный» марксизм.

На годы президентства Силеса приходится время возникновения серьезного левого и социалистического движения. В июле 1927 г. возникла Рабочая партия, переименованная в конце года в Дабористскую партию, которая провозгласила себя марксистской. В партии образовалось значительное и влиятельное коммунистическое ядро. Коммунистические группы действовали в основном в профсоюзах.

В первые годы президентства важным союзником Силеса стало студенческое движение. Однако их отношения резко испортились после разгона демонстрации оппозиции в Ла-Пасе 4 мая 1927 г. Доминирующие позиции в студенческом движении завоевали марксисты. Под руководством молодых марксистов Х.А. Арсе и Р.Анайя в 1928 г. на первом съезде студентов страны была образована Университетская федерация Боливии (ФУБ). Центральными требованиями программы ФУБ стали университетская автономия, национализация рудников и нефтедобычи, проведение аграрной реформы³⁰. Это была радикальная марксистская программа реформ.

В 1929 г. Х.А. Арсе, пользовавшийся непререкаемым авторитетом среди студенчества, выдвинул идею создания Конфедерации рабочих республик Тихоокеанского региона — Перу, Чили, Боливии (КРОП) как регионального объединения рабочих партий и прообраз будущего рабочего государства. Эта идея нашла поддержку среди молодежи и интеллигенции, находившихся под влиянием «ибероамериканизма» В.Р. Аяя де ла Торре.

Для боливийцев идея пролетарской конфедерации отражала их стремления преодолеть «географическую и историческую обреченность» страны. Х.А. Арсе рассматривал КРОП

как воспроизведение ленинского лозунга Соединенных Штатов Европы применительно к индейским андским странам. К 1931 г. КРОП в Боливии оформилась в небольшую конспиративную группу. Южноамериканское бюро Коминтерна решительно осудило КРОП, объявив ее «националистической» и «антипролетарской» организацией. Бюро призвало коммунистов бороться с этой «мелкобуржуазной партией». В письме Бюро от 21 мая 1932 г. указывалось: «КРОП — это боливийская АПРА». В ответ из Ла-Паса писали, что КРОП нашла поддержку в коммунистических организациях Оруро, Потоси, Кочабамбы³¹. По требованию бюро Х.А.Арсе был исключен из компартии, но тем не менее он продолжал демонстрировать лояльность по отношению к СССР и лично Сталину. Не встретив массовой поддержки ни в Боливии, ни в сопредельных странах, а также перед лицом захватывающей боливийское общество шовинистической истерии, Х.А.Арсе в 1932 г. принял решение распустить эфемерную КРОП. Х.А.Арсе поплатился за идею КРОП остракизмом со стороны Коминтерна и обвинениями в отсутствии патриотизма со стороны боливийских националистов. В конце 20-х годов небольшая группа марксистов во главе К.Мендоса Мамани создала так называемую Подпольную коммунистическую партию, которая поддерживала тесные контакты с Коминтерном. В виду своей малочисленности и «идейной слабости» Коминтерн так и не санкционировал создание национальной компартии как полноправной секции Интернационала³².

В этот период появились первые левые группы и партии социалистической ориентации. Важную роль в левом движении Боливии в эти годы играл Тристан Мароф. Он становится неоспоримым лидером боливийских марксистов. В те годы он пропагандировал свою главную идею о том, что коммунизм являлся единственно возможным решением национальных проблем Латинской Америки. От Т.Марофа левые ждали создания коммунистической или радикальной социалистической партии. В 1927 г. Т.Мароф вместе с профсоюзным лидером, анархистом Р. Чумасеро создал в г.Сукре пропагандистскую марксистскую группу. Затем в Потоси он объявил о создании Максималистской социалистической партии, в которую вошли видные деятели революционного движения Боливии Роберто Инохоса, Дик Ампуэро, Энрике Г.Лоса, Э.Сальватьерра³³. Однако уже в феврале 1927 г.

Т.Мароф и Р.Инохоса³⁴ были арестованы и высланы из страны, а партия прекратила свое существование.

В 20-е годы в среду боливийской интеллигенции проникали новые идеи из Европы. Социализм и марксизм вызвали большой интерес среди молодежи, особенно среди студенчества. Принятая в 1928 г. Университетской федерацией Боливии «Декларация принципов» была выдержана в чисто марксистском духе. Хотя в дальнейшем студенчество почти поголовно увлеклось идеями Шпенглера, Кайзерлинга, Тамайо, марксизм завоевал себе многочисленных сторонников. Кроме того, в Боливии марксизм переплетался с индейнистскими идеями. Такого рода эклектический симбиоз представлял собой «марофизм».

Тристан Мароф (настоящая фамилия Густаво А.Наварро) родился в Сукре в 1898 г. Еще очень молодым человеком включился в политическую борьбу³⁵, активно участвовал в «республиканском» перевороте 1920 г.

За активное участие в «революции» Б.Сааведра назначил его на должность консула Боливии в Гавре (Франция).

Пребывание в Европе полностью изменило его жизнь. Густаво А.Наварро попал в Старый свет, когда ему было 25 лет. Послевоенный революционный подъем и интеллектуальные поиски европейской интеллигенции произвели на него огромное впечатление. В Европе он вошел в круг прогрессивной латиноамериканской интеллектуальной эмиграции. Вместе с Инхеньеросом, Унамуно, Угарте, Васконселосом, Астуриасом и Айя де Ла Торре он стал основателем «Латиноамериканского союза», созданного в Париже 29 июля 1925 г.

Яркий, ироничный памфлетист левой ориентации привлек к себе внимание Анри Барбюса и Ромена Ролана, активно пропагандировавших коммунизм и русскую революцию. А.Барбюс обратился к Т.Марофу с восторженным письмом по поводу одной из его статей. Между ними установились дружеские отношения. Дружба с А.Барбюсом, который писал вступительные статьи к книгам Марофа, способствовала переориентации его идейных поисков от латиноамериканского модернизма к марксизму и коммунизму. Своих друзей-писателей А.Барбюс стремился привести к Коминтерну, и Мароф увлекается русским марксизмом и коммунизмом.

Первой книгой Т. Марофа, имевшей общеинтерконтинентальный резонанс, была «Справедливость Инки», изданная в

Брюсселе в 1926 г. В этой книге он цитировал Маркса, Ленина, писал о русской революции. Т.Мароф утверждал, что общепринятые идеи о неизбежности прохождения странами континента того же самого пути, что прошла Европа для достижения капиталистического процветания, являются иллюзией, ибо ведет лишь к подчинению американскому империализму и стагнации³⁶. По его мнению, континент самой судьбой предназначен, и главное, уже готов к переходу к социализму и коммунизму. Он писал: «Американский континент — это континент, созданный для социализма, который даст на его почве самый плодотворный результат»³⁷. И больше всех подходит для социализма Боливия. Во-первых, потому что основная масса населения — индейцы, сохраняющие в своей исторической памяти и в общинной организации основы инкского коммунизма. А во-вторых, это — богатейшая по своим ресурсам страна, способная обеспечить благосостояние своего населения. То, на что Европе понадобились века, а именно подготовка к принятию коммунизма, Боливия имеет от природы, от своего исторического прошлого³⁸.

Для Т.Марофа коммунизм — это, прежде всего, режим имущественного равенства, отсутствия паразитических классов, свободного труда. Более того, следуя логике восстановления инкского наследия, он готов пожертвовать демократией и свободами, являющимися для него ничем иным как пустым звуком и спекулятивной демагогией правящих креольских классов³⁹. Надо отметить, что Т.Мароф при всей поверхностности своих взглядов на коммунизм верно подметил его суть: тоталитарное отношение ко всем сферам экономической и общественной жизни. Он утверждал, что для триумфа коммунизма мало провести реформы и изменить экономические и общественные основы жизни, необходимо полностью подчинить жизнь индивида и общества единым чувству и мыслям, а всякая половинчатость и «либеральничание» приведут лишь к поражению и разочарованию. Примером такого тотального (или как он пишет «целостного»), хоть и не демократического общества был инкский коммунизм⁴⁰.

Хотя Т.Мароф не отличался особой глубиной анализа или целостностью взглядов, но в некоторых своих работах он высказывал новаторские идеи и художественно ярко формулировал суть проблем: также как и Мариатеги он обратился к индейцу, как основе национальной жизни Боливии.

Т.Мароф идеализировал инкский «коммунистический строй», видел в нем будущую модель боливийского общества. Отсюда, прошедшая сквозь все ранние произведения его испанофобия и идеализация индейской самобытности⁴¹. Однако постепенно в его работах индеанистские воззрения стали сочетаться с марксистскими установками. В целом, взгляды Марофа были очень противоречивы и непоследовательны. С одной стороны, его считают одним из основоположников левого индеанизма, а с другой — часто упрекали в том, что его видение боливийской действительности всегда было европейским и отчужденным.

В своих умонастроениях он оставался националистом, а марксистская терминология лишь прикрывала своеобразие его социальных проектов. Кроме того, революционная агитация Т.Марофа сочеталась с глубоким скептицизмом и пессимизмом, выражавшихся в уповании лишь на моральное совершенствование и просвещение народа⁴².

В 1935 г. Т.Мароф издал в Буэнос-Айресе, имевшую большую популярность в Боливии и других странах континента, книгу «Трагедия Альтиплано». В этой книге Т.Мароф развивал некоторые свои идеи, высказанные в его предыдущих работах. Он вновь поставил в центр своего социально-политического анализа индейский вопрос. Делая ссылку на Мариатеги, Т.Мароф подчеркивал, что суть индейской проблемы состоит не в просвещении коренного населения Америки, о чем писали и говорили политики и писатели, так называемые индеанисты, а в реальном их освобождении через возвращение земли, отнятой у индейской общины в период колонии и креольской республики. Т.Мароф по-прежнему считал, что индеец является коллективистом и социалистом по своей природе, и поэтому станет основой построения нового строя в Боливии. Задача революционеров, писал он далее, «создать из индейца авангард, выступающий в союзе с горнорудным пролетариатом и студентами»⁴³.

Решение всех национальных проблем Т.Мароф видел в осуществлении программы социалистических преобразований. Главное в ней — это национализация горнорудной промышленности, нефти, железных дорог. Он был убежден, что осуществить это возможно лишь насильственными методами, то есть после революции⁴⁴. В этой книге Т.Мароф впервые излагал марксистскую программу революции: аграрная реформа, ликвидация латифундий и последующая затем коллективизация сельского хозяйства, обобществление средств

производства и индустриализация. В противном случае, пишет он далее, исполнится исторический приговор странам, опаздывающим в своем развитии, и они останутся вечно потенциально богатыми, а реально нищими и всегда подчиненными империализму⁴⁵. Т.Мароф, пожалуй, был одним из первых, высказавших в те годы столь пессимистическое и во многом пророческое суждение.

В «Трагедии Альтиплано» Т.Мароф связал борьбу за новую Боливию с противостоянием капитализму и империализму. Он писал: «Национальная частная собственность не может развиваться иначе, как попадая в лапы иностранного империализма. Собственность, как и инициатива, должны стать общественными»⁴⁶. Т.Мароф сформулировал задачи антиимпериалистической, антифеодальной революции, главными движущимися силами которой должны были стать рабочие и крестьяне-индейцы, революции, направленной против касты белых эксплуататоров, наследников испанских конкистадоров, а также против империализма.

Т.Мароф этой книгой дал начало целому общественному движению, левому индеанизму, искавшему пункты соприкосновения и синтеза с марксизмом. Сам же Т.Мароф, несмотря на марксистскую риторику, все более склонялся к умеренному индеанизму. В вышедшей в то же время, что и «Трагедия Альтиплано», статье его многие высказывания перекликались со взглядами умеренных и даже правых индеанистов. В некоторых местах буквально создается впечатление, что читаешь ненавидимого и презираемого самим Т.Марофом за его исторический пессимизм и пораженчество Альсидеса Аргедаса. Так он пишет: «Жизнь в Боливии бесцветна, сера, тускла. Нет больших талантов, также нет творцов. Даже нет крупных бандитов. Все средне, приземлено, бескрасочно»⁴⁷.

Мароф (марофизм) завоевал много сторонников среди леворадикальной интеллигенции, студенчества, профсоюзных лидеров страны. Его страстная антиимпериалистическая пропаганда создавала предпосылки возникновения влиятельного левонационалистического и левомарксистского политических направлений. Значительным было влияние Т.Марофа на формировавшееся в 20-е годы индеанистское направление общественной мысли Боливии. Сам Т.Мароф играл важную роль в политической борьбе в 30-е годы.

Боливийский социализм после поражения в войне в Чако

Одной из главных особенностей послевоенного кризиса было формирование новых, в основном антиолигархических партий. В последний год войны в крупнейших городах Боливии возникло множество левых и националистических групп, именовавших себя социалистическими. В период войны в левом студенческом движении произошло политическое размежевание: от марксистов отошли те, кто перешел на позиции национал-реформизма, индоамериканизма, ставшего модной политической доктриной благодаря активной пропагандистской работе перуанской АПРА. Часть бывших левых студентов стали симпатизировать национал-социализму и фашизму. Сторонники апризма, бывшие левые студенты и марксисты Х.Суасо Куэнка, Л.Итурральде Чинель, Виктор Андраде, Вальтер Гевара Арсе и Эрнан Силес Суасо⁴⁸, — в будущем видные государственные деятели и идеологи боливийского национал-реформизма, — в июле 1935 г. основали полуподпольную группу «Бета Гамма», аббревиатура которой означала заглавные буквы испанских слов «Bolivia Grande» — Великая Боливия. Первоначально требования группы не шли далее конституционной реформы и участия в коалиционном правительстве. В конце 1935 г. эта организация издавала одноименную газету.

«Бета Гамма» пошла на тесный союз с рабочим движением, что способствовало радикализации программы группы. Целью этой группы объявлялось создание социалистического государства в Боливии, в котором будут достигнуты взаимодействие рабочего класса, крестьянства и средних слоев⁴⁹. Внутри «Бета Гамма» сформировалось леворадикальное крыло во главе с Х.Агирре Гайнсборгом, который только что вернулся из Чили, где был одним из организаторов троцкистской партии. Вскоре левые сформировали самостоятельную группу «Левый социалистический блок», который входил в «Бета Гамму» на правах коллективного члена. Х.Агирре Гайнсборг критиковал на страницах популярных газет своих соратников за идеологическую размытость и слабость классовой позиции. Программой целью «нового социалистического движения» он объявлял строительство «государства профсоюзов»⁵⁰. Х.Агирре Гайнсборг оказывал огромное влияние на позицию группы, которая все более эволюционировала влево. Радикализация позиций «Бета Гамма»

привлекла к союзу с ней марксистскую «Левую группу» Кочабамбы во главе с видным деятелем студенческого движения 20-х годов, известным пропагандистом марксизма Х.А. Арсе. Х.Агирре Гайнсборг настоял на изменении названия группы на «Социалистическое действие Бета Гамма».

С окончанием военных действий националисты возобновили свою деятельность, попытались восстановить свою партийную организацию. Националистическая партия провела в октябре 1935 г. свой съезд в Ла-Пасе, на котором было объявлено об образовании «Социалистической ячейки», которая реально уже существовала с августа 1935 г.⁵¹ Первая программа «Социалистической ячейки» была опубликована 4 ноября 1935 г. Во время съезда националистов К.Монтенегро, желавший подчеркнуть свою антилиберальную направленность, настоял на «социалистическом» названии новой партии⁵². Фактически речь шла о трансформации старой и весьма умеренной партии в более радикальную организацию.

Многие бывшие члены националистической партии, ветераны войны в Чако образовывали небольшие политические группы, неизменно именовавшиеся социалистическими. Самыми крупными были Социалистическая партия Э.Бальдивесо и «Национальная ассоциация ветеранов социалистов — АНД ЕС»⁵³. Эти так называемые социалистические группы, среди которых выделялись Социалистическая партия, «Социалистическая ячейка», группы «АНДЕС», «Боливия», ряд студенческих и профсоюзных организаций объединились в Социалистическую конфедерацию (КС), принявшую в декабре 1935 г. программу «Социалистического действия». Социалисты выдвигали требования «постепенной национализации рудников, нефти, железных дорог и банков», ставили вопрос о необходимости раздела латифундий и просвещения индейцев. Их стратегической задачей была индустриализация и диверсификация экономики с опорой на ресурсы горнорудной промышленности. КС рассматривала валютные поступления от экспорта минералов как единственный источник индустриализации экономики страны⁵⁴.

Политической целью социалистов было единение нации во имя исторического прорыва, выхода из порочного круга зависимости и отсталости. Главным препятствием на этом пути была кастовая ограниченность правящего класса, своей неуступчивостью и сопротивлением реформам толкавшим страну к экономической стагнации и социальной нестабильности.

В основу политической платформы социалистов были положены национализм и антилиберализм. Национализм был естественной реакцией на империалистическую эксплуатацию. Символом чужеземного влияния была горнорудная олигархия, давно потерявшая какие-либо связи со своей страной. Поражение в войне усилило националистические чувства молодых политиков. Политическим выражением правления олигархии был либерализм, ответственный, в глазах социалистов, за крах экономической системы и за все поражения Боливии. Программа социалистов предлагала реформу государственного устройства, в основе которой лежали принципы «прогрессивной функциональной демократии», способной ликвидировать классовую борьбу во имя общенациональных интересов⁵⁵. На ее авторов большое влияние оказали корпоративистские идеи итальянского фашизма, а также более близкий им опыт «Социалистической республики» и «функциональная» демократия К.Ибаньеса в Чили. Под антиолигархическими и антилиберальными знаменами им удалось объединить самые пестрые политические организации — от марксистов и сторонников индоамериканизма перуанской АПРА до право-радикальных деятелей, симпатизировавших фашизму.

В столице и в других городах помимо КС и «Бета Гамма» возникали сходные партии и группы. В Кочабамбе действовала «Левая группа», в Сукре образовалась организация «Ариэль», в Оруро — группы «Инти», «Блок Авансе (Наступление)», в Ла-Пасе — «Анри Барбюс». Все они именовали себя социалистическими, объединяли в своих рядах как националистов, так и марксистов, опирались на леворадикальную интеллигенцию, студенчество, лиц свободных профессий, рабочих.

В январе 1936 г. руководящее ядро «Бета Гамма» во главе с ее генеральным секретарем Л. Итурральде Чинелем настояло на союзе с близкой им по взглядам Социалистической конфедерацией. 30 января 1936 г. «Бета Гамма» объявила о присоединении к КС. Такой союз, заявили ее лидеры, предполагал образование единой социалистической партии, съезд которой был назначен на 15 марта⁵⁶. Все социалистические (так они себя называли, а на самом деле национал-реформистские) группы объединились в одну партию. На съезде этих групп и организаций в марте 1936 г. была создана единая Социалистическая партия (ПС). В ее программу вошли положения декларации КС, принятой в декабре 1935 г.

Возглавили ПС бывшие активисты Националистической партии Э.Бальдивьесо, К.Монтенегро, Х.Тамайо (члены КС), Л.Итурральде Чинель (от «Бета Гамма»), Моисес Альварес (от рабочих профсоюзов — ФОТ). Несмотря на то, что новая партия была малочисленна и организационно слаба, она имела большой вес в реальной политике, так как представляла собой собрание влиятельных в обществе деятелей, журналистов, писателей, профсоюзных и студенческих лидеров. Социалисты стремились объединить под крышей своей партии все антиолигархические политические и профсоюзные группы. Поддержанная всеми левыми группами и профсоюзами Соцпартия превратилась в решающую политическую силу.

В январе 1936 г. социалисты и марксистская группа «Блок Авансе» провели в Оруро Первый региональный конгресс левых сил. На конгрессе был сформирован Единый революционный фронт (ФУР). В принятой на этом съезде программе нашли развитие основные положения документов Соцпартии, и даже были добавлены более радикальные формулировки в отношении преобразований государственной системы. ФУР предлагал ввести всеобщую синдикализацию, осуществить политическую реформу с целью создания профсоюзного государства, провести социализацию промышленности, аграрную реформу, коллективизацию земли и прочие меры революционного характера⁵⁷. Однако ФУР не стал объединением разных групп, и вскоре сам растворился в Социалистической партии.

Социалистическая партия быстро набирала силу. С ней стали считаться традиционные партии, предполагавшие путем альянсов и привлечения молодых политиков к разделу власти приручить влиятельную группу бунтарей, многие из которых происходили из лучших семей боливийской элиты. В марте 1936 г. Либеральная партия предложила социалистам политическое взаимодействие. Цель либералов состояла в привлечении на сторону правительства Х.Л.Техада Сорсано «чакской молодежи» из новых партий. Либералы недооценили всей глубины идейных расхождений с социалистами, что полностью исключало не только союз, но и диалог. В опубликованном в газетах ответе на это предложение Э.Бальдивьесо, подчеркивая фундаментальные доктринальные различия с либерализмом, писал: «Политическая философия либерализма рассматривает государство как объединение личностей. Для социалистов государство является не мира-

жом, а фундаментальной и в основном экономической структурой; оно определяется социальными функциями, состоит из производительных сил, создающих экономическую, политическую и социальную реальность»⁵⁸.

Новые политические группы и партии, возникшие сразу же после войны на волне кризиса власти, представляли общественные силы, окончательно разочаровавшиеся в традиционной системе, стремившиеся к преобразованию экономики и государственного устройства. Большинство этих партий начертали на своих знаменах социалистические лозунги. Социализм для Э.Бальдивьесо, Х.Тамайо, Л.Итурральде Чинеля и других, называвших себя социалистами, представлялся такой экономической и политической системой, в которой главной ценностью и, вместе с тем, решающей силой было бы государство.

Социализм представлялся системой, способной вывести страну из кризиса, укрепить государство, консолидировать нацию. У социалистов этого времени были крайне эклектические воззрения на будущее общество, к которому они стремились. С одной стороны, они проповедовали принципы социальной справедливости, говорили о приоритете национальных интересов, о защите природных богатств страны и ограничении монополий. С другой, их всех объединяло неприятие либеральной демократии, стремление к огосударствлению всех сторон общественной жизни и построению корпоративистской системы управления, в чем явно прослеживалось влияние европейского фашизма. Речь шла о строительстве государственного капитализма в экономике, о формировании корпоративистской общественной системы. Их лозунгом была социальная справедливость и преодоление классовой борьбы, понимаемых как огосударствление всех сторон жизни общества, в частности, профсоюзов и политических партий.

Свою модель демократии они называли «функциональной»: по их мнению, в управлении страной должны участвовать только «производящие классы», то есть предприниматели, рабочие, военные и т.д., организованные на принципах корпоративизма. Социалисты считали, что в будущем государстве интересы личности должны быть преодолены во имя величия нации. Национальный эгоизм, абсолютизация и даже преклонение перед идеей государства, отрицание принципов демократии и либерализма как исчерпавших себя, политический волюнтаризм — вот основные постулаты

социалистов. В будущем все эти идеи составят основу идеологии «революционного национализма», боливийского варианта национал-реформизма.

Крайне левые политики не могли согласиться с поглощением революционных групп большой национал-реформистской партией. Х.Агирре Гайнсборг, справедливо усматривая в этом объединении окончательный политический выбор «Бета Гамма» в пользу национал-реформизма и антилиберального радикализма профашистского толка, покинул со своими сторонниками ее ряды. В феврале 1936 г. в манифесте, написанном Х.Агирре Гайнсборгом, говорилось: «Конфедерация не является организацией трудящихся..., а защищает и гарантирует капиталистическую и феодальную собственность, обещает передать страну империализму и иностранному капиталу... Мы же боремся за создание классовой социалистической партий»⁵⁹. Сторонники Х.Агирре Гайнсборг присоединились к небольшой марксистской группе «Новый путь», руководимой рабочим лидером Максом Португалем, образовав «Левый социалистический блок», то есть сохранив название группы Х.Агирре Гайнсборга. Это политическое образование объявило себя пролетарской партией. Несмотря на размежевание с социалистами, эта группа считала необходимым на данном этапе продолжать сотрудничество с КС.

Х.Агирре Гайнсборг хотя и отмежевался от националистов, преобладавших в «Бета Гамма», он все же не терял надежды на создание единой социалистической пролетарской организации. Он вел переговоры с Э.Бальдивесо, с группой «Андес» и многими другими социалистическими организациями, предлагая им образовать Единый левый фронт, целью которого было революционное свержение олигархии и начало радикальных преобразований в Боливии⁶⁰. Фронт мыслился как реализация в Боливии плана создания рабочей партии, выработанного на съезде левых сил в Кордобе (Аргентина) в июне 1935 г., когда была создана Революционная рабочая партия (ПОР) в эмиграции.

Х.Агирре Гайнсборг стремился к тому, чтобы ПОР под тем или иным именем превратилась в массовую пролетарскую партию внутри страны⁶¹. Однако его усилия не увенчались успехом. Марксистская партия не могла объединить в своих рядах всю антиолигархическую оппозицию. Лишь идея национального государства, внеклассового социализма антилиберального направления могла объединить левых. Имен-

но националисты или, как они себя называли, социалисты пользовались несомненным авторитетом в массовых организациях ветеранов войны и профсоюзах. Политическая инициатива принадлежала националистам из Социалистической конфедерации и «Бета Гамма», а не пролетарским группам.

Троцкистские позиции Х.Агирре Гайнсборга и Т.Марофа оттолкнули от союза с ними прокоминтерновских коммунистов и умеренных марксистов, предпочитавших лозунги «Народного фронта» задачам немедленной пролетарской революции. В 1936 г. во многих городах создавались «Региональные комитеты левых», которые через 4 года объединились в марксистскую промосковскую партию. Среди комитетов в провинциях выделялись влиятельный, фактически доминировавший в городе Народный фронт Потоси, марксистские группы «Блок Авансе» в Оруро и «Антауара» в Сукре. Последняя даже издавала свой теоретический журнал. Эти группы установили между собой связь и пытались наладить контакт с Коминтерном⁶². В результате противостояния сталинистов троцкистам Х.Агирре Гайнсборга чаще удавалось находить общий язык с социалистами, националистами, нежели с более близкими им марксистами. Троцкисты в Боливии осуществляли тактику «энтризма» (от испанского слова — вступать, входить), то есть вхождения, проникновения в левые, а порой и «буржуазные партии». Их целью была работа по внутреннему преобразению и превращению этих партий в пролетарские организации или, как минимум, давление изнутри на их руководство во имя проведения более радикальной политики.

Наряду с новыми левыми партиями на главную роль в «социалистической» оппозиции претендовала также Республиканская партия Б.Сааведры. Эта партия вела свою историю от Республиканской партии, к которой также принадлежал Д.Саламанка, ставший символом поражения в войне. Б.Сааведра, желая подчеркнуть свой разрыв со всей политической системой, поменял название партии на Республиканско-социалистическую (ПРС). Новая программа партии предлагала провести умеренные социально-экономические реформы, а также реорганизацию государства на корпоративистских началах. «Парламентское представительство должно опираться на корпоративные интересы промышленников, торговцев, студентов; местная власть, муниципалитеты должны быть эффективными, чисто техническими органами, армия

должна выполнять социальную функцию»⁶³. Оппозиция Б.Сааведры правительству Д.Саламанки и его собственная идейная эволюция к идеям корпоративизма оживили партию. В годы войны бывшие студенты-марксисты Абраам Вальдес, Франсиско Ласкано, Ф.Эгино Савалья, увлекшиеся Муссолини и национал-социализмом, присоединились к сааведристской партии. После войны ПРС вновь стала влиятельной массовой партией. Сам Б.Сааведра стал ярым поклонником итальянского фашизма. Он ратовал за создание корпоративистского государства по примеру Италии.

За годы войны в офицерском составе армии произошли существенные изменения. Среди офицерского состава были популярны националистические идеи. Понимание необходимости реформ проникало в среду офицеров, ориентировавшихся в большей степени на неформальных военных лидеров, известных своими реформистскими и националистическими взглядами, нежели на высшее командование. Вместе с тем, широкое распространение среди военных получили антидемократические, авторитарные идеи переустройства страны. Исчезла вера в способность гражданских политиков эффективно управлять страной. А.Аргодас в своем дневнике передал одну из бесед со своим другом военным, который говорил следующее: «Я более не верю в демократию, не доверяю выборам. Наш избиратель всегда подкупается и не может выражать интересы народа. Нужна новая политическая система, направленная на возрождение страны»⁶⁴. Часто слышались призывы слиться со своим народом, дать ему возможность выбрать свою судьбу и т.п. Орудием народного волеизъявления они видели самих себя.

В июле-августе 1935 г. военные стали возвращаться из Чако в города, прежде всего в Ла-Пас. Военным казалось, и не без основания, что они лучше гражданских политиков понимали национальные интересы страны. Их контакт с индейцами, составлявшими основную солдатскую массу, раскрыл им глаза на ту пропасть, которая разделяла официальную политику и ту социальную реальность, которой жила страна. Среди офицерства, еще недавно консервативного института, распространились леворадикальные идеи. Любопытен, например, сюжет, рассказанный в своих мемуарах рабочим лидером В.Альваресом. Он был знаком с полковником Варгасом, который с началом военных действий в Чако с университетской скамьи был призван в армию. За годы войны в Чако дослужился до звания полковника, при

этом сохранил свои убеждения студенческих лет и преданность марксизму. Встретившись с ним в 1936 г., В.Альварес с большим удивлением выслушал от него большую лекцию по марксистской политэкономии. В.Альварес отмечал, что многие офицеры до войны были студентами, часто с левым, марксистским прошлым⁶⁵.

Зависимость командования армии от молодых офицеров и, главным образом, от их лидеров Э.Пеньяранды и Х.Буша объяснялась общей дискредитацией генералитета в глазах общества. Боязнь ответственности за бездарное ведение войны пронизывала всю верхушку армии, которая видела в неформальных лидерах офицерства, героях войны Х.Буше, Б. Бильбао Риохе и даже в Д.Торо единственных спасителей чести всего военного института в глазах общества. Это обстоятельство объясняет солидарное поведение высшего командования, генералитета в отношении молодых офицеров, а также его добровольное подчинение неформальным лидерам армии. Любопытно, что страх перед обществом был столь велик, что при возвращении генерала Э.Пеньяранды в Ла-Пас в октябре 1935 г. были предприняты беспрецедентные меры безопасности из-за открытой враждебности со стороны населения столицы.

Военные создавали тайные организации, ложи, принимали активное участие в общественной дискуссии о будущем страны, явно солидаризируясь с левыми оппозиционными группами и партиями. Еще во время войны, 2 мая 1934 г. в одном из лагерей военнопленных в Парагвае офицеры-патриоты создали тайную ложу РАДЕПА (*Razon de la Patria* — разум родины). В последствие в эту группу вошли многие молодые офицеры, ветераны войны. По оценкам самих руководителей ложи, число ее членов достигало от 200 до 400 человек. Во главе ложи стояли молодые офицеры Э.Бельмонте и Г.Вильярроэль⁶⁶. Программа глубоко законспирированной ложи содержала требования защиты национальных интересов, борьбы за моральное и духовное освобождение страны, во многом повторяя сходные положения программ других политических организаций национал-реформистского типа, появившихся в это же время в Боливии.

У ложи были две отличительные черты, позволяющие говорить об уникальности этой организации. Во-первых, программа запрещала членам ложи не только входить в другие партии и группы, но и занимать посты, облеченные высшей

государственной властью, то есть президента и министров. РАДЕПА изначально отказывалась от прямой борьбы за власть, предполагая лишь тайно содействовать своим союзникам в осуществлении поставленных целей⁶⁷. Второй особенностью РАДЕПА была ее конспиративность, возведенная в абсолют. Если первый пункт программы — неучастие в высшем государственном управлении — им не удалось выполнить, и в разные годы радеписты входили во власть, а затем захватили ее, хотя программа запрещала участие в переворотах, то вторая особенность ложилась, ее ультраконспиративность все-таки, выдержала испытание временем. О ее существовании стало известно лишь после свержения Г. Вильярроэля в 1946 г., когда достоянием гласности стали ее тайные документы, найденные в президентском дворце. РАДЕПА и другие военные тайные организации вступали в контакт с левыми политическими группами, прежде всего, социалистами. К 1936 г. оформился союз военных-националистов и социалистов. Радеписты поддерживали социалистов, являясь их главными союзниками среди военных.

Офицерство ориентировалось на ветеранские организации, на своих неформальных лидеров, «героев» войны в Чако. В сентябре 1935 г. был создан Легион ветеранов (ЛЕК). Легион объединил в своих рядах практически всех демобилизованных солдат и офицеров. Действующие офицеры также входили в эту организацию. Первоначально ЛЕК планировался как объединение по социальной защите военнослужащих и ветеранов, но очень быстро превратился во влиятельную политическую организацию. В руководстве ЛЕК преобладали националистически настроенные люди, близкие к социалистам. Фактически ЛЕК превращался в массовую опору социалистов, которые все еще были хоть и влиятельной, но малочисленной группой.

В январе 1936 г. руководство ЛЕК было полностью обновлено, были приняты новый устав и декларация принципов, содержание которых свидетельствовало о преобладающем влиянии социалистов. В этих документах ЛЕК определил себя как «профсоюзный институт с социалистической идеологией»⁶⁸. Легион возглавили фронтовые герои Б. Бильбао Риоха и Х. Буш. Союз военных и социалистов, воплощением которого был ЛЕК, представлял собой решающую политическую силу в стране.

Начавшаяся 15 мая всеобщая забастовка профсоюзов, показавшая полную неспособность правительства урегулировать конфликт, фактически поставила вопрос о власти в стране. 16 мая президент Х.Л.Техада Сорсано издал декрет о введении военного положения в государственных учреждениях и службах, объявил о мобилизации всех служащих. Президент обратился в Генштаб, к подполковнику Х.Бушу с просьбой восстановить общественный порядок силой армии. В ответ по приказу Х. Буша в три часа ночи два офицера прибыли к дому Х.Л.Техады Сорсано, объявили ему, что он арестован, потребовав подписать заявление об отставке и передаче власти революционной хунте⁶⁹.

17 мая 1936 г., говоря о целях и задачах нового правительства, Х.Буш заявил, что речь идет о создании принципиально нового общественного и политического строя в стране. Было объявлено об установлении режима «государственного социализма». Х.Буш заявлял: «Мы ориентируем нацию на государственный социализм, умеренный и постепенный. Мы отвергаем восстания и заговоры. Наша цель — установить в Боливии режим социальной справедливости»⁷⁰. Народ в Боливии окрестил этот режим «военным социализмом», ибо идея его была ясна: боливийский социализм будет предложен не обществом, а самим государством, то есть в данном случае военным правительством.

На следующий день после переворота рабочие лидеры перешли к более решительным действиям. Заявляя о своей поддержке военных, профсоюзы вывели рабочих на улицы. 18 мая прошли мощные рабочие манифестации, показавшие свою силу не только предпринимателям, с которыми все еще не было заключено соглашение по требованиям забастовщиков, но и самим военным, которые сдержанно относились к своим союзникам слева, к рабочему движению. Во время утренней манифестации рабочие вошли и захватили здание муниципалитета Ла-Паса, водрузив на нем красное знамя. Мэрия города была объявлена «Народным домом», был принят акт о создании «Функционального совета коммуны Ла-Паса», тем самым профсоюзные лидеры делали прямой намек на Парижскую коммуны.

Захват муниципалитета профсоюзами должен был свидетельствовать о падении не только правительства Х.Л.Техады Сорсано, но и всего старого республиканского строя с

его демократическими институтами власти. Новый политический режим не предполагал возвращения в будущем к предшествовавшему конституционному строю, поэтому захват муниципалитета столицы рабочими вызвал одобрение военных, рассчитывавших сделать профсоюзы одной из составляющих «государственного социализма». События в столице дали толчок к захвату левыми власти на местах. В Потоси фактическими хозяевами города стали прокоммунистический Народный фронт и Легион ветеранов, который также возглавляли марксисты А.Арратия и А.Вильяльпандо⁷¹.

23 мая 1936 г. во время инаугурации нового кабинета Д.Торо заявил, что страна нуждается в обновлении и утверждении новых принципов функционирования экономики и управления обществом. По его словам, предстояло провести в жизнь реформы, которые позволили бы сориентировать экономику на «чисто социалистические стандарты». Поясняя заявление Д.Торо, назначенный на пост министра иностранных дел лидер социалистов Э.Бальдивьесо утверждал, что главная цель переворота — это свержение либерального режима, и что речь идет «не о полном социализме, так как страна еще нуждается в иностранном капитале»⁷². Военные-социалисты предлагали строить такую общественную систему, при которой государство брало бы на себя заботу о благосостоянии трудящихся классов, принимало ответственность за стабильное развитие экономики, гарантировало социальную защиту, здравоохранение и просвещение, что полностью противоречило старым либеральным принципам невмешательства государства в частную жизнь граждан и в управление народным хозяйством.

Под социализмом военные и их союзники подразумевали укрепление государства, жесткое регулирование экономики и усиление контроля властей за всеми областями жизни. «Полный социализм», по их разумению, состоял в полном огосударствлении экономики и социальной сферы. Для построения «полного социализма» было необходимо пройти через этап индустриализации и диверсификации народного хозяйства, для чего и требовался иностранный капитал. Что же касается политической надстройки, то, по их мнению, надлежало немедленно приступить к формированию структур нового строя. Идеологи «государственного социализма» не уставали подчеркивать серьезные отличия от марксистского социализма. Речь шла о «государственном

социализме», и более того, режим противопоставлял себя интернациональному марксизму, декларируя чисто «национальные цели». Д.Торо подчеркнул превентивный характер «революции», гарантировавшей от сползания к анархии и коммунизму. Все эти масштабные планы революционного преобразования страны должны были реализовываться не во имя интересов пролетариата и его классовых союзников, как о том говорили коммунисты, а во имя государства и нации.

В своем первом послании к нации Д.Торо заявил: «Наше твердое намерение — с помощью левых партий установить государственный социализм»⁷³. Демонстративно в официальный оборот было введено обращение «товарищ», что придавало романтически розовую окраску всему «социалистическому» движению военных. Новое правительство объявило всеобщую амнистию и отменило осадное положение. Кабинет, поддержав действия профсоюзов, заявил о своей политике защиты интересов трудящихся и ветеранов войны.

26 мая Хунта опубликовала «Программу минимум» из 52 пунктов. Авторство программы принадлежало Э.Бальдивесо, что отразилось в усилении звучания социалистических принципов. В этом документе говорилось о различиях между хищническим и «хорошим», прогрессивным капиталом, который необходимо защищать, так как он не расхищал национальные богатства, а способствовал промышленному развитию. Из этого положения можно было сделать вывод о готовности нового правительства сотрудничать с национальными и иностранными предпринимателями при контроле со стороны «социалистического» правительства⁷⁴. Говоря о контроле со стороны государства за деятельностью капитала, в том числе и иностранного, военные-социалисты выглядели подлинными новаторами и революционерами, порывающими со всей предыдущей экономической политикой.

Одним из пунктов программы была реформа государственного и общественного устройства страны. Было заявлено о необходимости реформы государства на «социалистических принципах». В общих чертах эти реформы означали создание новой системы власти, которая заменила бы парламентскую демократию. Основой реформы должна была стать обязательная синдикализация и огосударствление профсоюзов⁷⁵. Политическая составляющая программы была умеренной и пока мало понятной. Речь шла лишь о

некоторых реформах государственной машины. Особенно подчеркивалась новая роль профсоюзов как основы всей политической системы. Суть программы можно свести к формуле: всемерное усиление государства.

Идеология режима «государственного социализма»

Идеология новой власти была отражением идейных поисков в боливийском обществе в 20—30-е годы, а также новых теорий государства, получивших широкое распространение на континенте. Во-первых, само название режима, «государственный социализм», не было политической новинкой в Латинской Америке. Именно так называли свою доктрину создатели эфемерной «Социалистической республики» в Чили в 1932 г. Тот факт, что в обоих случаях главным инструментом действия была армия, говорит о попытке боливийских военных копировать и более основательно осуществить то, что не удалось сделать в Чили. Как чилийские, так и боливийские военные-социалисты усматривали в социализме единственную альтернативу находившемуся в глубоком экономическом и морально-политическом кризисе «классическому» капитализму. Экономические и социальные успехи новых политических режимов в Европе, прежде всего, коммунистического в СССР и национал-социалистического в Германии, которых, в глазах военных-социалистов, объединяло их противостояние либеральной демократии, были лучшим аргументом в пользу новых общественно-политических форм функционирования государства.

Впервые находящиеся у власти политики, говоря о национальных интересах, указали на их противостояние «эгоистическим интересам частных групп самих же боливийцев», была обозначена противоположность интересов нации и олигархии. В своем первом обращении к нации Х.Буш заявил: «Мы видим огромное неравенство между теми, кто тысячами отдавал свои жизни на пустынных просторах Чако, и теми, кто составляют, по словам одного журналиста, «привилегированную касту», но мы видим также, что сейчас рождается новое мышление новой Боливии»⁷⁶. Главный идеологический тезис нового режима состоял в «укреплении государства», его освобождении от олигархии. Именно государство, свободное от эгоистических интересов отдельных групп и классов, представляло собой ту самоценность, ради которой все боливийцы должны были пожертвовать своими

частными интересами и правами. В самом наименовании режима понятие «государственный» было первостепенным, и только потом речь шла о новой организации общественной жизни, «социализме».

Идеологи новой доктрины делали оговорки в сторону ограничительного толкования социализма. Д.Торо неоднократно подчеркивал, что речь идет лишь о новой фазе развития общества, преодолевающего эгоистические ограниченности либерализма и индивидуализма, а не об интегральном, то есть полном социализме⁷⁷. Ставший идеологом режима лидер социалистов Э.Бальдивьесо утверждал, что Боливия не готова к полному социализму, и поэтому вводит свою модель «государственного социализма». Он заявлял, что новая социалистическая доктрина не обращается к зарубежным, европейским теориям, а основывается лишь на социально-экономической и географической реальности Боливии. Стратегическая цель нового режима — это социальная справедливость, диверсификация и индустриализация народного хозяйства страны⁷⁸. На первой пресс-конференции в президентском дворце 21 мая 1936 г. Д.Торо заявил: «Идеология армии не отличается от взглядов левых партий. Армия желает создать правительство социальной справедливости, режим, который положит конец старым методам и старой политической системе. Наша задача — это развитие социалистического действия, это государственный социализм, который мы осуществим совместно с левыми партиями»⁷⁹.

Военные, при всех своих социалистических декларациях были готовы пойти на компромисс со старой политической системой, и даже согласиться на временное сохранение прежних принципов функционирования экономики. Безусловно, они были далеки от идеи установить режим тоталитарного типа с полной перестройкой общественной и экономической жизни. Для этого они были слишком слабы как политически, так и доктринально. В своей редакционной статье 4 октября 1936 г. ставшая рупором режима газета «Ла Калье» определяла будущее социалистическое общество в Боливии как «организацию, сочетающую рациональность и коллективистскую мораль», а пока речь шла лишь о движении к такому обществу, на пути к которому главным организующим орудием будет государство⁸⁰.

Для военных-социалистов экономической моделью развития Боливии был некий «прогрессивный капитализм», при

котором государству отводилась активная роль в хозяйствовании. В своем докладе хунте Д.Торо, излагая принципы нового экономического строя, утверждал: «Государственный социализм основывается на принципах государства-предпринимателя, государства, которое возьмет на себя осуществление той деятельности, которая в руках частного предпринимателя не выполняла свою социальную функцию»⁸¹. В этой формуле состояла суть экономической политики национал-реформистского типа, видевшей в государстве единственно возможное орудие гармонизации развития народного хозяйства страны. Государство вытесняло частных лиц из сферы, где их эффективность и польза, с точки зрения экономического национализма, была мала или недостаточна. Для социалистов было ясно, что олигархия имела отличные от национальных экономические интересы. Государство должно было исправить историческую несправедливость и вернуть народу, узурпированные олигархией богатства и власть. Проправительственная «Ла Калье» на своих страницах утверждала, что на данном этапе в Боливии следует строить государственный капитализм, который является лишь первым этапом социалистической организации общества»⁸².

Признавая за государством право предпринимательской инициативы и даже ведущих позиций в народном хозяйстве, военные-социалисты не отказывались от гарантий частному капиталу. Примирить частнособственнические принципы «прогрессивного капитализма» с общественной природой социализма был призван принцип «социальной функции частной собственности». Идеологи режима были убеждены, что необходимо «подчинить производство целям общества, ибо в рамках социалистического государства всякая частная собственность должна выполнять свою социальную функцию»⁸³. «Социальная функция» стала основополагающим принципом экономической политики и даже конституционного устройства. И здесь боливийские военные-социалисты не были первопроходцами. Эта модная к этому времени теория, ограничивающая неприкосновенность частной собственности выполнением ею своей социальной функции, определяемой ее полезностью обществу (читай государству), была очень популярна в те годы во многих странах Латинской Америки. В Чили в период диктатуры Ибаньеса эту тему широко обсуждали в интеллектуальных и политических кругах. Те же идеи шли из Мексики, где активно развивался государственный сектор и много говорили о социализме.

Боливийский «государственный социализм» предполагал решительный отказ от демократии и основополагающих гражданских свобод. «Государственный социализм» в сфере политики был наследником идей Ф.Тамайо. Демократическому механизму принятия решений и достижению консенсуса в обществе социалисты вслед за Ф.Тамайо противопоставляли волю и энергию нации, выразителем которой должны были стать национальные силы, присвоившие себе право выражать «эгоистически понимаемые национальные интересы». Как и Тамайо, социалисты требовали от всех социальных слоев жертвы во имя достижения общенациональных целей.

Главным объектом критики идеологов режима была демократия. В мае 1936 г. при вступлении в должность министра иностранных дел Э.Бальдивьесо заявлял: «Либеральная демократия — это выражение капитализма на службе меньшинства». Боливия, — считал он, — нуждалась не в зависимом старом либеральном, а в «плодотворном и производительном прогрессивном капитализме». Путь к нему лежит через «эволюционную социальную реформу при преобладании государственной собственности и ограничении экономической и политической власти горнорудной олигархии»⁸⁴. Политической составляющей реформы должна была стать так называемая функциональная демократия, предполагавшая отказ от классической системы парламентского представительства и замену ее корпоративным строем при ограничении основных прав и свобод принципом государственной целесообразности.

Индивидуализму и эгоизму «демолиберализма» противопоставлялось единение передовых элементов нации, «генераторов ее жизненной энергии» — рабочего класса и капитала. Их объединение, считали идеологи режима, может осуществить лишь государство, приоритетом в политике которого будет общее благо нации, даже в ущерб интересам этих классов и при ограничении свободы личности. Данные принципы были изложены в «Доктрине государственного социализма», программном документе Национального департамента пропаганды. В нем говорилось: «Государственный социализм — это призыв к эффективной солидарности активных членов общества, это установление царства закона, защищающего труд»⁸⁵. Там же указывалось, что долг каждого гражданина — посвятить себя государству во имя величия нации.

Называя себя социалистами, пусть даже и «государственными», военные тут же делали оговорку, что речь ни в коем случае не идет о коммунизме. В отличие от коммунистов, видевших в социализме, по крайней мере, доктринально, развитие демократии и подтверждавших свою верность идеалам Французской революции, свободы, равенства, братства, военные-социалисты избрали главной своей мишенью именно демократическое устройство общества. Более того, идеологи режима заявляли, что их строй — это барьер на пути коммунизма, который, по сути, является интернациональной (как и иностранный капитал, империализм), а, следовательно, и антинациональной силой⁸⁶. Более того, если коммунисты отстаивали интересы пролетариата, то военные-социалисты претендовали на защиту общенациональных ценностей, на преодоление классово-борьбы и установление социальной гармонии.

Большое влияние на идеологию «государственного социализма» оказали итальянский фашизм и германский национал-социализм, провозглашавшие приоритет нации над личностью и классами. Многие деятели режима, особенно военные, с большой симпатией относились к национал-социализму Гитлера. Влияние нацизма в боливийской армии было очень велико. Боливийские военные поддерживали связи с германскими нацистами до и после прихода Гитлера к власти. Х.Кундт был личным другом Гитлера, а боливийское консульство в Берлине часто давало приют нацистам в 20-е годы. Многие боливийские офицеры отправляли своих детей учиться в Германию. Министр обороны правительства Д.Торо Оскар Москосо заявлял, что при реформировании государства следует руководствоваться национал-социалистической доктриной. В октябре 1936 г. он создал Национал-социалистический легион ветеранов Чако⁸⁷. Эта организация оказывала серьезное влияние на политическую линию режима.

Не только военные открыто выражали свои симпатии фашизму, но и гражданские политики, прежде всего, члены Социалистической партии, будущие идеологи и лидеры национал-реформизма К.Монтенегро, Э.Финот и другие вели антилиберальную пропаганду через газету «Ла Калье»⁸⁸. 23 июня 1936 г. социалисты, входившие в Революционный комитет, основали газету «Ла Калье», первым редактором которой стал Н.Педро Валье, затем замененный на известного левого журналиста Армандо Арсе⁸⁹. Арсе до этого возглав-

лял сааведристку «Ла Република» и «Эль Универсаль», а также сотрудничал с журналом «Инги», издаваемом Э.Силесом Суасо. Он приобрел известность в годы войны в Чако благодаря своей антивоенной позиции. ААрсе придал газете большой динамизм.

«Ла Калье» была самой дешевой и самой популярной газетой в стране. Она использовала новый стиль журналистики, более броский, менее интеллектуальный, максимально приближенный к языку и образам уличного плаката. Вокруг «Ла Калье» объединились практически все социалисты. Этой газете предстояло стать ядром партии Националистическое революционное движение (МНР), политика и идеология которой по сей день определяют лицо страны. «Ла Калье» превратилась в главную идейно-политическую и общественную опору режима «государственного социализма». 23 октября 1936 г. подполковник Г.Вискаarra опубликовал в «Ла Калье» редакционную статью «Наш боливийский национал-социалистический путь», в которой прославлял политический строй Германии и Италии. Он утверждал, что национал-социалистическая система — «это единственный режим правления, который дает гарантии прогресса и общественного благосостояния»⁹⁰.

Идеологи режима находили много общего с фашистской доктриной и вели активную пропаганду успехов европейских тоталитарных режимов. И военные, и их союзники социалисты не скрывали родственных с национал-социализмом взглядов. В марте 1937 г. мексиканский посол пригласил для беседы видных деятелей режима Х.Пас Камперо, Ф.Камперо Альвареса, Э.Финота, которые постарались изложить ему принципы «государственного социализма». Они заявляли, что демолиберализм изжил себя, а боливийский режим движется в том же направлении, что и национал-социализм в Германии и фашизм в Италии⁹¹.

С приходом к власти военных-социалистов проявились результаты идейной революции, которая сместила господствовавшие представления об основах общественной жизни от либерализма и индивидуализма в сторону авторитаризма и социального государства. Центральным пунктом теории «новой Боливии» было отрицание принципов либерализма и демократии в экономике и в политической жизни.

Все, что было связано со старым капитализмом свободной конкуренции, и что потерпело крах в период мирового кризиса, отвергалось военными-социалистами. Частная

инициатива противопоставлялась государственному капитализму, мировой рынок со свободным обращением товаров и капиталов — национально регулируемой экономике и даже автаркии с ориентацией лишь на внутренние потребности страны, либеральная демократия со свойственными ей индивидуализмом и частно-эгоистическими интересами — коллективизму, подчинению личности государству, нации.

Государство принимало на себя ответственность за экономическое и социальное развитие. Фактически речь шла о государственном капитализме, при котором классовые противоречия и борьба интересов различных социальных групп подавлялись во имя национальной идеи. При слабости местного класса предпринимателей именно государство должно было выполнять задачи, как первоначального накопления, так и проведения индустриализации. По мнению военных-социалистов, либеральная демократия не смогла обеспечить условия для экономического развития и социального прогресса. Они были готовы предложить иную систему власти, где различные политические и социальные группы подчиняли бы свои устремления единой цели, определяемой государством, то есть социалистами, а гражданское общество полностью растворялось в государстве, подчинялось ему.

Многие положения идеологии «государственного социализма» впоследствии были восприняты национал-реформизмом. Наряду с очевидной преемственностью идейной базы, да и политической практики, у военных-социалистов и национал-реформистов существовали несколько серьезных отличий, позволяющих делать вывод о более радикальном противостоянии «государственного социализма» либеральной демократии и всей капиталистической системе. Самоназвание режима как социалистическое было не только данью моде, но и убеждением его создателей, что он призван заменить дискредитировавший себя демолиберальный строй, да и сам капитализм. В этом антирыночном, антикапиталистическом порыве слились в одно целое как левые, так и правые, профашистского толка, силы. Сильный антикапиталистический элемент «государственного социализма» придавал ему более радикальное и антисистемное звучание.

Принятие обществом новых идей свидетельствовало об изменении самого типа ментальности, о переходе гегемонии к тем интеллектуальным и политическим силам, которые в тот момент выражали антилиберальную, националистическую и авторитарную тенденцию.

Придя к власти путем переворота или, как они говорили, революции, военные отнюдь не стремились к легитимации режима на основе действовавших до этого конституционных принципов. Военные-социалисты поставили задачу создать свою собственную корпоративную политическую систему. Они заявили о своем намерении созвать Учредительное собрание, которое, основываясь на «социалистических» принципах, разработает новую конституцию страны.

Политическая реформа затрагивала высшие органы государственной власти, судебную систему и местное самоуправление. Хунта готовила обширную судебную реформу, которая полностью подчинила бы эту ветвь власти исполнительным органам⁹². Декретом от 14 августа 1936 г. Д.Торо отменил выборы мэров, которых отныне назначало центральное правительство, а муниципальные собрания впредь должны были не избираться населением, а назначаться пропорционально Торговой палатой, Промышленной палатой, Коллегией адвокатов, профсоюзами медиков, инженеров, обществом сельских собственников и Рабочей федерацией. Вводилась оплата за работу мэров (алькальдов) в городах и поселках, что знаменовало собой демократизацию этого института власти, ибо позволяло занимать этот пост лицами свободных профессий, наемными рабочими и служащими без ущерба для их заработка⁹³. Впрочем, это было чистой теорией, так как самих алькальдов назначало центральное правительство, исходя из политической целесообразности и продвигая своих сторонников. Вместе с тем, эти меры в целом укрепили вертикаль исполнительной власти. Сильное государство являлось для военных главной целью всей политической реформы.

Основой новой системы, по мнению Д.Торо, должна была стать «функциональная демократия». Отказ от классической демократии как выражения прав и свобод личности объяснялся потребностью учитывать интересы классов и слоев населения, составлявших абсолютное большинство нации. Политическая реформа должна была полностью изменить представительную систему, ликвидировать парламентскую демократию. На место принципа выборности всех властей приходила авторитарная корпоративистская система. Не личность, не гражданин объявлялись основой «функциональной демократии», а некие народные классы

и профессиональные группы. Исходя из этих предпосылок, Д.Торо, не одобряя экстремизма некоторых своих единомышленников и не являясь ярким приверженцем новомодных режимов Муссолини и Гитлера, будучи весьма прагматичным политиком, предложил компромиссный вариант структуры представительной власти. По его идее, как учредительное собрание, так и будущий парламент должны будут формироваться одновременно на основе обычных выборов, как было ранее, и из представителей профсоюзов. Половина депутатов избиралась бы по территориальным округам, а остальные делегировались бы от профсоюзов. Здесь следует оговориться, что речь шла исключительно о тех профсоюзах, которые создавались властью на корпоративных началах.

Антилиберализм и логика антирыночной, этатистской политики делали рабочее движение естественным союзником режима, а также предлагали такое реформирование государственно-политического устройства, которое превращало профсоюзы в основу функционирования новой системы власти. Структурирование профсоюзного движения, его приспособление к нуждам новой власти были первоочередными задачами политической реформы. С целью создания основ новой политической системы Хунта разработала и опубликовала декреты об обязательной синдикализации и всеобщей трудовой повинности. Объясняя причины появления этих декретов, Д.Торо заявил в интервью газете «Ла Расон» следующее: «Необходимо реорганизовать государство на новом фундаменте... Думаю, что функциональные профсоюзы, хорошо организованные и контролируемые государством, смогут стать вспомогательным фактором обновления нашей социально-политической системы. Парламент должен действовать на основе двойного представительства»⁹⁴.

Декрет о трудовой повинности был предложен министерством труда и подписан Д.Торо 6 июля 1936 г. По новому декрету Боливия провозглашалась «республикой трудящихся», следовательно, все были обязаны работать. Государство получало право принудительно привлекать «на работы» безработных и так называемые «паразитические классы». Всем безработным предлагалось обращаться в специальные департаменты труда и полицию, где из них создавались бригады, направляемые либо на частные предприятия, либо на общественные работы, например, по строительству дорог, на ко-

которые привлекались не только безработные, но и те, кто не мог или не хотел платить подорожный налог. Демобилизованным с фронта в Чако солдатам предписывалось устроиться на работу в течение 20 дней.

Все боливийцы должны были обзавестись трудовыми книжками, которые становились важнейшим документом гражданской дееспособности⁹⁵. Предприниматели должны были сообщать в министерство труда о своих потребностях в рабочей силе, а органы власти были обязаны поставлять соответствующих рабочих и специалистов. За выполнение декрета отвечало новое полицейское подразделение — специальная трудовая инспекция, проводившая регистрацию безработных, формируя и направлявшая к месту выполнения повинности «бригады трудящихся в соответствии с запросами горнорудных, торговых, промышленных и прочих предприятий. Полиции предписывалось сопровождать бригады до места назначения. Газеты сообщали о задержании лиц, не имевших трудовой книжки и являвшихся безработными, которых временно арестовывали и содержали под стражей до определения будущего места работы⁹⁶. В случае бегства «призываемого на трудовую службу» по заявлению работодателя полиция должна была объявлять розыск и принудительно доставлять беглеца на прежнее место, причем стоимость поиска и проезда вычиталась из его будущей заработной платы»⁹⁷. Особенное рвение в осуществлении декрета о трудовой повинности проявлял Э.Бельмонте, известный своим восторженным отношением к трудовой организации третьего рейха⁹⁸.

Декрет о всеобщей трудовой повинности преследовал две цели. С одной стороны, он был реакцией на жалобы горнопромышленников, испытывавших серьезные трудности с рабочей силой, в то время как города наполнились безработными демобилизованными солдатами. В течение всего года для увеличения экспорта горнорудные компании требовали выполнения декрета о трудовой повинности, отправки на рудники дополнительных рабочих рук⁹⁹. В письме от 30 июня 1936 г., исходя из потребностей горной отрасли, Д.Торо призывал министра труда в кратчайшие сроки разработать и представить проект декрета¹⁰⁰. С другой стороны, декрету придавалась идеологическая и институциональная нагрузка, состоящая в установлении государственного контроля над трудовыми ресурсами и в создании предпосылок тоталитарного управления экономикой. Социалисты отвергали

рыночные механизмы регулирования спроса и предложения трудовых ресурсов, противопоставляя им полный контроль государства над занятостью. Эта реформа содержала сильный антирыночный, антикапиталистический вектор развития. Вопрос состоял лишь в выполнимости планов социалистов.

Министерство труда было активным проводником положений декрета в жизнь. В конце сентября 1936 г. министерство разослало местным властям новую инструкцию по выполнению декрета. В ней признавалось, что «существует всеобщая убежденность в том, что декрет никто не собирается выполнять». В результате граждане не беспокоятся о получении трудовых книжек. Министерство настаивало на усилении работы местных властей по организации бригад, выделив три направления: горнорудная промышленность, строительство дорог и сельское хозяйство. Все задержанные безработные должны были содержаться в казармах без права свободного выхода. Комиссии, отбирающие и сортирующие безработных, должны «в первую очередь удовлетворять потребности в рабочей силе крупных горнорудных предприятий, разрабатывающих олово, а уж затем мелких и средних». Подчеркивалось, что комиссии и политические органы должны строго выполнять распоряжения министерства и соблюдать букву закона «независимо от лица или социального положения» подлежащих принудительному призыву на работу, в том числе и иностранцев¹⁰¹.

Хотя в своих отчетах президенту В.Альварес рапортовал об успехах в реализации декрета¹⁰², это новшество осталось лишь на бумаге. Несмотря на грозные инструкции и призывы к органам исполнительной власти, декрет о трудовой повинности так и остался лишь образцом тоталитарного законотворчества. В реальной жизни декрет не выполнялся за исключением показательных акций. У государства не было ни средств, ни возможности на данном этапе обеспечить работой всех безработных. Эффективность декрета была почти нулевой, но его появление вызвало целую бурю возмущения интеллигенции, видевшей в нем начало торжества тоталитаризма в Боливии¹⁰³.

Поскольку рабочее движение должно было стать основой политической системы, министерство труда приступило к организации новых, подконтрольных государству, профсоюзных структур. Политическим инструментом управления синдикализированным обществом могли стать созданные по

инициативе Х.А. Арсе (служившего юридическим советником в министерстве труда) АНПОС — Постоянные национальные ассамблеи профсоюзных организаций. Задача Ассамблеи заключалась в контроле за деятельностью министерства труда со стороны рабочих организаций и в подготовке общенационального конгресса, на котором планировалось создание единого профцентра. В АНПОС вошли представители всех профсоюзных объединений, в том числе ФОТ и ФОЛ. В своем циркуляре от 30 июня 1936 г. всем профсоюзным организациям страны В.Альварес писал: «Постоянная связь министерства и Хунты с рабочими организациями необходима для эффективного учета мнений рабочего класса, а также для доведения до сведения трудящихся и их организаций в центре и на местах действий и решений министерства, осуществляемых в интересах трудящихся»¹⁰⁴. Министр труда раз в неделю выступал перед собранием рабочих представителей с отчетом о своей деятельности. Через АНПОС до рабочего класса должны были доводиться все инициативы «социалистического правительства»¹⁰⁵. Желая подчеркнуть институциональное место АНПОС в политической системе «государственного социализма», В.Альварес запросил разрешения Д.Торо предоставить в распоряжение новой структуры помещение Сената¹⁰⁶. Разрешение было получено и, к ужасу правых политиков, в Сенате стали заседать рабочие лидеры. Этот жест правительства носил не только символическое значение, а реально демонстрировал торжество новых принципов государственной власти.

Неофициальный статус АНПОС был вскоре изменен декретом Хунты, превратившем их в новый орган власти. Декрет Д.Торо об образовании АНПОС от 4 июля 1936 г. устанавливал схему образования новых профсоюзов. Организованные по цеховому принципу рабочие профсоюзы и объединения предпринимателей образовывали общенациональные и местные ассамблеи. На предприятиях по профессиональному признаку создавались комитеты, которые затем объединялись в общенациональные союзы, встраиваемые в единую отраслевую структуру. Руководство АНПОС назначалось министерством труда. АНПОС должна была заменить собой все остальные профсоюзы, став не столько конфедерацией различных отраслевых союзов, сколько своеобразным синдикалистским предпарламентом, который, в свою очередь, делегировал бы своих полномочных делегатов в общенациональный парламент.

Создавая АНПОС, правительство надеялось поставить под контроль министерства труда деятельность и сам процесс организации рабочих профсоюзов. На заседании 23 июля 1936 г. АНПОС, выразив поддержку «социалистическому правительству», потребовали от Хунты скорейшего принятия декрета об обязательной синдикализации, при помощи которого рассчитывали организовать всю профсоюзную вертикаль в общенациональном масштабе¹⁰⁷. Всеобщая синдикализация, по идее военных-социалистов, была орудием государственствления профсоюзного движения.

Для профсоюзных лидеров создание синдикализированной, а по сути корпоративистской представительной власти, свидетельствовало о конце буржуазного государства и торжестве социалистических принципов. Важным элементом строительства новой политической системы была призвана стать обязательная синдикализация, декретированная 19 августа 1936 г. В отчете от 28 декабря 1938 г. министерство труда, подводя итоги своей деятельности, особо подчеркивало значение этого декрета в проведении политической реформы: «Всеобщая и обязательная синдикализация является основой нового режима и новой формой осуществления гражданства в Боливии, что отныне означает признание неотъемлемого права коллектива трудящихся участвовать в решении судеб страны»¹⁰⁸. В преамбуле декрета указывалась цель этой широкомасштабной акции: «Обязательная и всеобщая синдикализация должна быть основой нового гражданского режима и одним из основных факторов функционирования избирательной системы». Декрет предписывал: «Все боливийцы, будь то мужчины или женщины, в той или иной мере участвующие в производстве, распределении и пользовании общественным богатством, обязаны объединиться в профсоюзы, деятельность которых должна регулироваться единым профсоюзным уставом». Каждый гражданин получал профсоюзный билет, который, как предполагалось, заменял иные документы дееспособности, необходимые для участия в избирательном процессе. Статья 3 гласила: «Профсоюзы должны контролироваться и быть под постоянной опекой социалистического правительства, они являются частью государственного организма, основой функциональной системы власти»¹⁰⁹.

Создавались профсоюзы двух типов: работодателей и наемных работников. Закон предусматривал создание смешанных комиссий профсоюзов хозяев и работников для реше-

ния спорных вопросов и «достижения взаимопонимания труда и капитала, а также для совместных действий по усовершенствованию производства». Министерство труда предписывало каждому профсоюзу, в какую отраслевую или региональную федерацию он должен войти. Федерации призывались провести общенациональный объединительный конгресс трудящихся в ноябре 1936 г., на котором предполагалось образование Национальной профконфедерации. Будущий съезд должен был, согласно декрету, принять предложенный министерством труда профсоюзный устав, который виделся главной нормативной базой трудовых отношений¹¹⁰. Эта система была направлена на установление всеобщего государственного контроля над профсоюзами. Объясняя необходимость радикальной политической реформы, Д.Торо говорил: «Страна переживает состояние дезорганизации своих политических и общественных институтов... Атмосфера в обществе характеризуется отсутствием здоровых политических групп, инерцией масс и преобладанием частных, эгоистических интересов, стремящихся эксплуатировать государство»¹¹¹.

Декрет вызвал большие трения внутри правительства; были предложены два проекта декрета и профсоюзного устава. Они исходили из противоположных концепций общественного устройства и места в нем профсоюзов. Авторство первого принадлежало министерству труда, а конкретно марксистам Х.А. Арсе и Р.Анайя. Левые настаивали на скорейшем принятии профсоюзного устава в их редакции. В сентябре 1936 г. в письме министру В.Альваресу от имени Социалистической партии Кочабамбы А.Уркиди (реальным лидером партии был Р. Анайя, работавший тогда в министерстве труда) писал: «Необходимо срочно завершить процесс обязательной синдикализации принятием устава, и тем самым выбить почву из-под ног у противостоящей социалистическому характеру проводимых реформ реакции, пытающейся навязать свои планы»¹¹². От содержания Профсоюзного устава зависел вектор развития отношений профсоюзов и государства. В.Альварес и его сподвижники из левого социалистического движения сразу же принялись за его разработку. Об успешном завершении этой работы министерство труда отчиталось правительству уже в декабре 1936 г., обещая представить устав на утверждение Хунты в ближайшее время¹¹³. Однако после отставки В.Альвареса и чистки министерства от левых деятелей этот проект был предан забвению.

Несколько иное содержание обрела идея обязательной синдикализации в интерпретации министра внутренних дел подполковника Хулио Виера¹¹⁴, который видел в этом акте шаг на пути строительства корпоративного государства. Его идеалом был итальянский фашизм с корпоративистской политической организацией. Реальное осуществление декрета обуславливалось принятием профсоюзного устава, вокруг которого развернулась борьба между левым синдикализмом, представленным В.Альваресом, и правым корпоративизмом, олицетворением которого был глава кабинета министров Х.Виера. Дискуссия вокруг этого вопроса длилась вплоть до ухода В.Альвареса из правительства в конце 1936 г.

Профсоюзные круги с одобрением восприняли декрет о синдикализации. Левые считали, что при новом «социалистическом» режиме будут реализованы анархо-синдикалистские представления о месте профсоюзов в революции и в будущем общественном устройстве. В.Альварес заявлял, что «профсоюзы должны стать основой функциональной демократии и осуществления общественной власти»¹¹⁵. Несмотря на сопротивление правых сил, профсоюзным вождям удалось достичь некоторых успехов в осуществлении синдикалистской реформы. Согласно сентябрьскому 1936 г. отчету министерства труда, в среднем в месяц выдавалось около 3 тысяч профсоюзных билетов. В течение первого месяца действия декрета министерство регистрировало примерно 12 профсоюзов в неделю, что свидетельствовало о серьезной организационной работе, предпринятой левым руководством министерства труда¹¹⁶.

Целью режима была интеграция рабочего движения в политическую систему через огосударствление профсоюзов. Провозглашавшиеся военными-социалистами доктринальные цели создания «функциональной демократии» обрели реальные черты именно посредством всеобщей синдикализации. Превращение профсоюзов в органы власти содержало сильную антибуржуазную, антисистемную тенденцию, опасность которой сразу же осознали как умеренная часть военных, так и консервативные круги страны, сделавшие все для того, чтобы эти декреты остались лишь декларацией намерений.

Народная инициатива порой ставила в тупик правительство и руководство левых партий, не готовых возглавить стихийное творчество масс. Возникали новые органы народного контроля и власти. Рабочие и ветеранские организации

оказывали давление на правительство не только через политические группы и близких им деятелей кабинета министров, но и посредством прямых, порой насильственных действий. Чаще всего Хунта постфактум была вынуждена признавать результаты этих действий.

Тяжелая ситуация на потребительском рынке, расцвет спекуляций вызвали стихийные протесты народных масс, недовольных неспособностью власти навести порядок в торговле. Леворадикальные группы призывали население использовать методы прямой демократии и устанавливать народный контроль в торговле. 12 сентября 1936 г. толпа, предводительствуемая лидерами ветеранских организаций, в том числе самой радикальной АНДЕС, заняла помещения Департамента потребления и устроила судилище над служащими, которые, по их мнению, не выполняли своих обязанностей по контролю над торговлей. Бессильное воспрепятствовать самоуправству левых организаций, правительство было вынуждено признать эти стихийные акты справедливыми и даже декретировать присутствие народных контролеров из числа ветеранских союзов и партий в местных органах власти¹¹⁷. Вместе с тем, эти стихийные элементы новой народной власти, несшей в себе сильный заряд антибуржуазности, не находили развития и постепенно исчезали.

Для осуществления широкомасштабной политической реформы Хунта сформировала 1 октября 1936 г. комиссию по выработке новой конституции. В нее вошли не только сторонники «государственного социализма» Х.Пас Камперо, Х.М.Салинас, В.Мендоса Лопес (глава комиссии), но и представители традиционных политических сил, не разделявшие новаторские идеи государственного устройства военных-социалистов. Вошедшие в комиссию бывшие министры правительства Х.Л.Техادا Сорсано правые деятели Х.М.Гутьеррес и П.Гильен стремились выхолостить все «социалистические» новшества.

В ноябре 1936 г. Д.Торо заявил, что Учредительное собрание будет созвано в соответствии с новыми политическими принципами, то есть половина депутатов от профсоюзов, половина — посредством всеобщих выборов¹¹⁸. Учредительное собрание, по мысли Д.Торо, не будет заниматься избранием президента, а лишь выработает новую конституцию, по которой впоследствии пройдут выборы новых органов власти¹¹⁹. Появились предложения не созывать Учредительное собрание, а разработать временный Статут на ближайшие

4—5 лет, ибо старая конституция мирно почилла с революцией мая 1936 г., а новые принципы жизни только формировались в процессе становления социалистического режима.

В январе 1937 г. несмотря на закрытый, негласный характер работы комиссии, достоянием общест­венности стали разработанные ею общие принципы государственного устройства. Как заявили прессе представители комиссии, ими были изучены все новые современные конституции, в частности Мексики, Чили и Советского Союза. Особо был проанализирован опыт Германского рейха. Многие наблюдатели отмечали, что комиссия, возглавляемая В.Мендосой Лопесом, по настоянию президента берет пример с законов нацистской Германии¹²⁰. За основополагающий принцип были приняты коллективизм и антииндивидуализм. Декларировалось, что интересы государства и общества выше интересов и прав личности. Отношения труда и капитала, по мнению членов комиссии, должны были ориентироваться на германский образец, а декреты об обязательной синдикализации и трудовой повинности становились органичной частью новой конституции¹²¹. В начале 1937 г. был разработан проект нового «функционального» парламента. Предполагалось создать Конгресс со смешанной, синдикалистско-корпоративной и старой парламентско-партийной системой. Палата депутатов должна была формироваться пополам от профсоюзов и общественных организаций, а сенаторы назначались бы профсоюзами сроком на 9 лет¹²².

Из-за внутренних противоречий в правящем блоке планы конституционной реформы отодвигались на неопределенное будущее. Перемена в настроениях властей отразилась на работе конституционной комиссии. В конце апреля 1937 г. В.Мендоса Лопес ушел с поста председателя комиссии, объяснив свой поступок тем, что некоторые ее члены не разделяют взглядов на будущую социалистическую модель государства, а посему невозможно достичь с ними взаимопонимания¹²³. Одной из причин конфликта был проект Профсоюзного устава¹²⁴, выдержанный во вполне традиционном либеральном духе. Корпоративистские идеи были сведены к минимуму. Комиссия оправдывалась, подчеркивая, что преследовала цель «гармоничного решения социальных вопросов, но главное — ориентировалась собственно на потребности производства»¹²⁵. В.Мендоса Лопес заявил о неприемлемости такого проекта. Его поддержал лидер социалистов Э.Бальдивесо, протестовавший против реакционного

духа, царившего в комиссии¹²⁶. Д.Торо отказался принять отставку В.Мендоса Лопеса как необоснованную, но не предпринял никаких мер по изменению обстановки в комиссии, ибо уже мало интересовался ее работой¹²⁷. Впоследствии результаты работы комиссии так и не были востребованы, а выборы в Учредительное собрание — отложены.

Последовательное проведение в жизнь декретов о всеобщей синдикализации, об АНПОС, о всеобщей трудовой повинности, осуществление реформы парламента и местного самоуправления реально могло бы создать базу нового политического строя, мало похожего на буржуазную демократию. Осуществление политической реформы создало бы предпосылки к углублению и развитию антикапиталистического и антирыночного элемента в «государственном социализме». Если радикализм этих реформ привлекал левых, рабочее движение, то их откровенная антибуржуазная направленность отпугивала союзников режима справа. Военные лавировали и предпочитали половинчатые меры и уступки то одной, то другой группе.

При всех колебаниях и непоследовательности военных первые полгода существования режима «государственного социализма» были самыми радикальным периодом в политической реформе. Революционный напор первых месяцев быстро ослабел, и режим все более склонялся к проведению умеренной реформистской политики.

Между тем, режиму так и не удалось создать солидную массовую базу поддержки. Разрыв с левыми марксистскими группами, а затем охлаждение в отношениях с социалистами, группировавшимися вокруг «Ла Калье» создали политическую пустоту, которую правительство стремилось заполнить созданием официозной партии или движения. Под непосредственным наблюдением со стороны министерства внутренних дел 23 декабря 1936 г. был создан Боливийский народный фронт (ФПБ). В него вошли ветеранский союз АНДЕС, Социалистическая партия, Конфедерация трудящихся (ССТБ), марксистские группы «Авансе» и «Социалистический студенческий университет». В обмен на поддержку ЛЕК требовал от правительства государственных постов в центре и на местах и более жестких мер в отношении партий, не вошедших в проправительственный блок¹²⁸.

Социалисты рассматривали себя как основу создания однопартийного режима, поэтому охотно подчинялись подобным инициативам МВД. Отсутствие самостоятельной

позиции по текущим политическим вопросам подрывало жизнеспособность социалистических партий, фронтов и т.д., сильно ограничивало их влияние на рабочее движение, на народные массы. В руководство ФПБ вошли социалисты А.Мендоса Лопес, Моисес Альварес, рабочий лидер Л. Табоада Авила, студенческий руководитель Сесар Ла Фойе. Новое объединение заявило о своей поддержке «социалистических принципов» правительства Д.Торо и желании объединить все левые силы страны. В воззвании фронта говорилось: «Идеологические разногласия не могут быть препятствием для консолидации сил в строительстве нового социалистического государства, способного обеспечить социальное благополучие непосредственных производителей национального богатства»¹²⁹.

ФПБ не стала массовой политической организацией, оставшись верхушечным образованием, созданным по приказу МВД. Объединение групп социалистической ориентации и профсоюзов в едином фронте оказалось неудачным именно ввиду его слабого авторитета у населения, и правительство решило создать собственную партию. Идея образования Партии государственного социализма (ПСЕ) принадлежала Х.Виера, известному своим страстным преклонением перед Муссолини. Министерство внутренних дел осуществляло координацию действий политиков по формированию новой партии. В феврале — марте социалисты во главе с Х.Санхинесом сформировали сначала «Рабочую организацию государственного социализма», а затем при активной поддержке МВД была создана «Рабочая партия государственного социализма»¹³⁰. Правительственные чиновники разъезжали по стране и организовывали филиалы новой партии, к которой с готовностью примкнули социалисты и военные. Во главе местных отделений партии вставляли префекты и алькальды. 7 апреля 1937 г. с участием многочисленных социалистических организаций была образована Партия государственного социализма (ПСЕ)¹³¹. Членства в ПСЕ было фактически обязательным для государственных служащих и военных на местах.

Единственной официальной партией режима стала ПСЕ, в которую были вынуждены войти ветеранские группы АНДЕС, «Боливия», руководители ССТБ и даже республиканцы-социалисты, то есть весь спектр умеренно реформистских сил. ПСЕ провозглашала своей целью установление в Боливии корпоративного «государственного социализма»,

основанного на принципах «функциональной демократии». Правительство рассчитывало в недалеком будущем перейти на однопартийную систему, распустив все политические партии и движения, кроме ПСЕ. Создание ПСЕ было логическим шагом в строительстве социалистической вертикали профсоюзы — партия — государство.

На собрании ПСЕ 20 апреля 1937 г. были избраны ее руководящие органы. Почетным председателем стал сам Д.Торо. В руководство номинально вошли министры Х.Виера, Э.Финот, Х.Пас Камперо, высшие военные чины генерал Э.Пеньяранда и полковник Х.Буш. Возглавил партию Х.Санхинес¹³². Новая партия претендовала на роль единственной разрешенной. ПСЕ заняла непримиримую позицию по отношению к своим оппонентам как справа, так и слева. Подчеркивая верность социалистическим идеалам, ПСЕ в специальном обращении к Д.Торо 14 апреля 1937 г. потребовала «принять энергичные меры, чтобы искоренить подлую политику наших противников, постоянно сеющих анархию по всей стране»¹³³.

Создание ПСЕ было чисто бюрократической акцией, и факт ее существования не изменил расстановки политических сил. Это была верхушечная организация. Когда в годовщину «майской революции» в Ла-Пасе состоялся парад кадров ПСЕ, правительство было неприятно поражено малочисленностью демонстрации, так как, не считая оркестра, по улицам города прошло не более 100 человек¹³⁴.

В среде ветеранского движения образовалось консервативное националистическое течение, близкое по своим идейным позициям к франкизму и национал-социализму. В августе 1937 г. в Кочабамбе была создана праворадикальная партия Боливийское националистическое действие во главе с К.Пуэнте Ла Серна. Вскоре это движение слилось с Боливийской социалистической фалангой (ФСБ), возглавляемой молодым политиком Унсага де Ла Вега. Фаланга, партия чернорубашечников, была создана по примеру одноименных испанской и чилийской партий. Программа ФСБ повторяла многие положения франкистской фаланги, заявляла о своей цели — свершении «фашистской революции». Фаланга сразу привлекла к себе внимание и пользовалась большим влиянием среди молодежи, студенчества, средних городских слоев. ФСБ исповедовала корпоративистские принципы «консервативного католического социализма». Социалисты настороженно восприняли появление Фаланги, хотя некоторые левые

группы, в частности, газета «Критика», с большой симпатией отнеслись к появлению этой партии. Идеологически ФСБ была конкурентом социалистов и самого режима «государственного социализма».

Кроме ФСБ из среды ветеранов выделилась пронацистская организация «Железная звезда», к которой примыкали многие члены правительства, в частности, С.Меначо, ставший в августе 1937 г. министром внутренних дел, а также министр горнорудной и нефтяной промышленности Д.Финини, считавшийся инициатором экспроприации «Стандард Ойл». Все они слыли сторонниками установления тоталитарного режима в Боливии¹³⁵. Да и сам Х.Буш не скрывал своего восхищения «обновлением и омоложением» Германии и Италии.

Участник войны в Чако С.Меначо, занимавший сначала пост министра сельского хозяйства, а затем внутренних дел, открыто заявлял о своих антидемократических убеждениях и пронацистских симпатиях. С.Меначо был темпераментным, сильным деятелем, активно пропагандировавшим свои идеалы. Ему удалось объединить вокруг Х.Буша группу его земляков, придерживавшихся национал-социалистических взглядов, которые ввиду своей близости к президенту оказывали большое влияние на политику правительства. Самого Буша в нацизме привлекал тезис о приоритете интересов государства, нации над личностью. Орудием подчинения личного интереса благу всей страны и нации, по его мнению, был режим «государственного социализма».

Противовесом «профашистскому» влиянию был Габриэль Госалвес, руководитель сааведристов. Националисты и социалисты, за спиной которых стоял ЛЕК ветеранов, а также такие влиятельные политики как Х.Пас Камперо и В.Мендоса Лопес, бывшие идеологами «государственного социализма» при Д.Торо, выбрали своей мишенью Г.Госалвеса, имевшего огромное влияние на Х.Буша. Г.Госалвес противостоял тем деятелям режима, которые проповедовали установление «тоталитарного режима фашистского типа»¹³⁶. Став министром внутренних дел, Г.Госалвес отменил контракт с итальянской полицейской миссией, что вызвало недовольство профашистски настроенных членов кабинета. Его фигура вызывала особое раздражение тех лидеров ветеранского движения, которые прямо указывали на необходимость установления тоталитарной диктатуры в Боливии. Некоторые руководители ЛЕК даже подали в отставку, про-

тестуя против назначения Г.Госалвесы. В ответ они неизменно получали суровую отповедь от самого Х.Буша, который им указывал, что «не дело ветеранов, прошедших школу дисциплины и патриотизма в Чако, заниматься политиканством» и давить на правительство¹³⁷. В связи с этими демаршами ПРС, партия Г.Госалвесы, созвала конференцию, на которой подтвердила свой союз с Х.Бушем. Залогом этого альянса должно было стать непременно участие Г.Госалвесы в правительстве¹³⁸.

Несмотря на влияние профашистских лидеров ЛЕК под давлением рабочего и левого движений правительство было вынуждено принимать меры, ограничивавшие праворадикальную пропаганду. В октябре 1938 г. после решительных заявлений ССТБ, потребовавшей запретить фашистскую пропаганду в стране и прекратить деятельность «миссии фашистской полиции» при МВД, С.Меначо оправдывался перед Х.Бушем, уверяя его в полезности миссии и в том, что она не имеет никаких политических задач, а является лишь технической группой, помогающей проводить реорганизацию полиции. Министр был вынужден попросить главу миссии прекратить пропагандистскую кампанию в прессе, чем активно занимались итальянцы¹³⁹.

По декрету от 8 сентября 1937 г. ЛЕК получал право в целях контроля делегировать своих представителей в местные органы власти¹⁴⁰. В феврале 1938 г. Х.Буш утвердил устав ЛЕК. Согласно его положениям, решения верховного лидера не могли ни оспариваться, ни обсуждаться. Президент страны являлся вождем всех ветеранов. ЛЕК должен был представлять кандидатуры на государственные должности, которые рассматривались президентом, министрами и местными властями. ЛЕК становился своеобразным отделом кадров режима¹⁴¹. Эти распоряжения мало вязались с обещаниями вернуться к конституционному правлению и восстановить республиканские представительные институты.

В конце октября 1937 г. Легион провел конференцию, на которой была принята программа, провозгласившая необходимость установления «функциональной системы» организации власти, основанной на корпоративных началах. ЛЕК предлагал положить в основу нового конституционного устройства принцип корпоративного представительства. По мнению лидеров ЛЕК, конгресс должен был формироваться по профессиональному и социальному принципу: 4 депутата — от собственников рудников, 3 — от

торговли, 3 — от лиц свободных профессий, 4 — от университетов, 3 — от учителей, 2 — от журналистов, 3 — от армии, 5 — от ЛЕК, 5 — от рабочих организаций, 3 — от землевладельцев, 3 — от женских организаций, и 3 — от индейцев. Всех депутатов выбирали профессиональные объединения, образованные в соответствии с декретом о всеобщей синдикализации. Армия должна была послать одного депутата от командного состава, двух от офицерского. Солдаты не получали права голоса. Ветеранов мог представлять лишь ЛЕК, в то время как в стране действовало более десятка других ветеранских организаций. Рабочее представительство полностью передавалось в руки ССТБ. Наибольшая неясность оставалась по представительству индейцев и женских организаций. По ним так и не определились, а ограничились заявлением, что будет издан специальный регламент после детального изучения вопроса¹⁴².

В это же время в Оуруо проходил рабочий съезд ССТБ, принявший аналогичные конференции ЛЕК решения. Рабочий конгресс заявил о необходимости изменения старого избирательного закона, ограничивавшего участие в выборах граждан в соответствии с имущественным и образовательным цензом. ССТБ предлагала зарезервировать за ней ряд мест в парламенте, куда будут избраны депутаты непосредственно через профсоюзные организации¹⁴³. Теперь под знаменем демократизации избирательного закона ССТБ предлагала вернуться к корпоративистскому проекту, разработанному при Д.Торо. Это было одно из немногих предложений ССТБ, поддержанные министром С.Меначо. Он бесстрастно указывал, что если Х.Буш сочтет нужным, то просьба ССТБ будет удовлетворена, а избирательный закон будет изменен¹⁴⁴.

22 ноября 1937 г. Х. Буш объявил о намерении провести в марте 1938 г. выборы в Учредительное собрание, которое должно было выработать новую конституцию в соответствии с принципами «государственного социализма» и «функциональной демократии», а также избрать нового президента и вице-президента¹⁴⁵.

Х.Буш подтвердил свое намерение провести выборы 13 марта 1938 г. Новым элементом выборов было участие в них наравне с партиями Легиона ветеранов и профсоюзов. Х.Буш рассчитывал, что большинство в Учредительном собрании получат сторонники «государственного социализма». Однако, ни одна из существовавших социалистических партий, групп, союзов ветеранов не могла стать единственной про-

правительственной политической силой ввиду своей малочисленности и органической слабости.

После падения Д.Торо среди социалистических партий и групп царило замешательство. ПСЕ, официальная партия режима, уже не пользовалась поддержкой властей. Революционная социалистическая партия (ПСР) во главе с префектом Ла-Паса У.Эрнстом и А.Камперо Арсе объединяла в своих рядах большинство социалистов. Они призывали все левые силы объявить политическое перемирие¹⁴⁶. Другая группа сформировала Рабочую партию государственного социализма (ПОСЕ) во главе со старым лидером соцпартии Х.Санхинесом. Она представляла обреристское крыло социалистов. Помимо всех этих групп оставалась и «старая» Социалистическая партия¹⁴⁷. Постоянные расколы и бесконечные «перебежки» парализовали силу левых партий, которых могла объединить лишь их приверженность режиму.

Министр внутренних дел С.Меначо занялся созданием такого политического формирования, которое смогло бы объединить под своим крылом многочисленные и разрозненные левые социалистические и националистические партии антилиберального направления, то есть всех тех, кто поддерживал режим «государственного социализма». Первоначально действия правительственных чиновников по выдвижению на местах угодных властям кандидатов в депутаты Учредительного собрания были очень неуклюжими и вызвали многочисленные протесты сторонников режима. Создавались эфемерные блоки и фронты, предлагавшие малоизвестных и чаще всего бесперспективных с точки зрения их избираемости лиц. ЛЕК и рабочие организации посылали протестующие телеграммы в МВД по поводу действий властей и предлагали своих кандидатов¹⁴⁸. Кроме того, как местные власти, так и МВД провели чистку избирательных комиссий, из которых убрали всех ярких противников режима, в основном сторонников традиционных партий, заменив их выдвиженцами ЛЕК¹⁴⁹. В феврале 1938 г. Х.Буш своим распоряжением передал ЛЕК право отбирать кандидатуры членов избирательных комиссий, а также право контроля за формированием списков избирателей¹⁵⁰, что создавало явно неравные условия различным политическим силам. Несмотря на благоприятные условия предвыборной борьбы, ЛЕК не смог воспользоваться этими преимуществами будучи слишком аморфным и слабым образованием, чтобы создать солидный проправительственный блок.

Предвыборную кампанию взял под свой контроль министр внутренних дел. С.Меначо повел успешные переговоры с политическими лидерами, призывая их к укреплению антиолигархического единства, не останавливаясь перед угрозами недовольным его диктатом и запугивая сомневающимися. 18 февраля 1938 г. было проведено собрание лидеров левых партий и объявлено о создании Единого социалистического фронта (FUS — ФУС). В состав нового блока вошли: ЛЕК, ССТБ и ее филиал Рабочая партия, многочисленный и влиятельный прокоммунистический Народный фронт Потоси, профсоюзная конфедерация железнодорожников, социалисты, Партия государственного социализма, антиперсоналистская фракция Республиканско-социалистической партии во главе с Г.Госалвесом¹⁵¹.

Х.Буш приветствовал создание Фронта и утвердил состав его руководящих органов¹⁵². В исполком ФУС вошли по 4 человека от ЛЕК, профсоюза железнодорожников, ССТБ и Рабочей партии, от ПРС, ПСЕ, и 2 человека представляли Независимую социалистическую партию В.Паса Эстенссоро. Главой исполкома ФУС был избран социалист А.Камперо Арсе¹⁵³. Участие левых организаций в ФУС было обусловлено подписанием декларации, в которой задачей фронта объявлялось проведение антифашистской антиимпериалистической политики и принципиальное неприятие традиционных партий. Это условие было принято, и левые вошли в ФУС. Члены фронта договорились о паритетном распределении завоеванных мест в Учредительном собрании.

Съезд ФУС и формирование предвыборных списков кандидатов в депутаты осуществлялись под контролем МВД и лично С.Меначо. Левые кандидаты в депутаты, оставшиеся вне ФУС, вызывали особо пристальное внимание МВД. Если правые кандидаты не рассматривались как серьезные соперники официального блока, то с левыми дело обстояло иначе. Им чинились всяческие препятствия в проведении предвыборной кампании. МВД рассылало конкретные инструкции борьбы с левыми конкурентами ФУС¹⁵⁴. Вся подначальная властям пресса, особенно местная, восхваляла кандидатов ФУС, нападая на других представителей левых сил. Из-за строгого контроля со стороны МВД и непропорционального, а, по мнению Х.Пас Камперо (ПСЕ) и социалиста Х.Тамайо, несправедливого распределения мест в списке, ПСЕ заявила о своем выходе из коалиции. Свое решение ПСЕ

объясняла несогласием с программой блока, отклонившегося от целей «майской революции»¹⁵⁵.

В списках ФУС большинство получили профсоюзные деятели нового послевоенного поколения Ф.Каприлес, Р.Вильярроэль Клауре, В.Альварес, социалисты А. Селада, В. Пас, Эстенсоро, АХусман, Э.Ормачеа Сальес, не входившие ранее в ПСЕ. Немало мест получили представители ПРС, например, по Ла-Пасу проходили Ф.Эгино Сабалья, А.Мольинедо. Ветераны, синдикалисты и республиканцы-социалисты пользовались преобладающим влиянием в блоке, оттеснив в невыгодные округа всех остальных союзников. Много мест в списке ФУС получили крайне левые, марксисты или коммунисты, причем по наиболее перспективным округам: Р.Анайя и В.Гевара Арсе в Кочабамбе, А.Арратия и П. Вака в Потоси, А.Эчасу в Сукре и В.Альварес в Ла-Пасе¹⁵⁶. Левый индеанист К.Мединасели был выдвинут Народным фронтом Потоси кандидатом в сенаторы,

13 марта 1938 г. состоялись выборы в Учредительное собрание. Несмотря на опасения в подтасовке результатов голосования, выборы прошли на удивление честно и демократично, что признавали зарубежные дипломаты¹⁵⁷. Их даже называли самыми честными выборами за всю историю Боливии.

Преобладание социалистов в Учредительном собрании способствовали укреплению влияния левых сил в стране. Крайне левый политический фланг занимала Рабочая партия (ПОР), основателями которой были Х.Агирре Гайнсборг и Т.Мароф. В октябре 1938 г. на 2-ой конференции партии произошел разрыв Т.Марофа и его сторонников с троцкистской ПОР якобы по идейным соображениям. Т.Мароф увел за собой большинство и создал в ноябре 1938 г. Социалистическую рабочую партию Боливии (ПСОБ). С ним ушли ведущие деятели ПОР: Э.Арсе Лоурейро, А.Валенсия Вега (Иван Кесвар), А. Мендеса Лопес.

Создание Т.Марофом новой партии приветствовали националистические и реформистские политики, в том числе, газета «Ла Калье». Мароф еще в конце 1937 г. пока находился в Сукре вел переговоры с властями, результатом которых было его согласие на поддержку режима «государственного социализма». Тогда Генштаб по поручению президента отправил в Сукре полковника Гаррона для конфиденциальной встречи с Марофом, с целью выяснить его намерения и провести переговоры с тем, чтобы привлечь влиятельного левого

лидера на сторону режима. На конфиденциальных встречах с Гарроном Т.Мароф заверил военных в своей лояльности и желании сотрудничать с ними «со всей сердечностью и в духе гармонии». Также он отмежевался от коммунистов и марксистской агитации. Более того, он подчеркнул, что все его прошлые выступления, статьи и книги выдержаны «в духе глубокого национализма». Во избежание недопонимания с властями он просил личной аудиенции у президента Х.Буша или другого государственного руководителя, чтобы убедить их в своем искреннем желании сотрудничать с социалистическим режимом¹⁵⁸. Создание ПСОБ было политически подготовлено еще до идеологических дискуссий в ПОР. ПСОБ мыслилась как партия поддержки военных на крайне левом политическом фланге.

В манифесте ПСОБ говорилось: «Единственная возможность освобождения Боливии — это создание социалистической экономики и защита национального достоинства с опорой на народ и армию». Впервые марофисты признавали ведущую роль армии в социалистических преобразованиях, тем самым выражали поддержку военно-социалистического режима, что было неудивительно, учитывая договоренности между Т.Марофом и правительством. ПСОБ заявляла о политическом плюрализме как принципе строительства новой партии: предлагалось сформировать конфедерацию социалистических партий и групп. Создание ПСОБ поддержали не только троцкисты и «стойкие марксисты» такие как, Иван Кесвар (А.Валенсия Вега) или Э.Арсе Лоурейро, но и индеанисты, и националисты, например, под манифестом партии есть подписи В.Гевара Арсе, а также одного из видных деятелей силестской партии, а затем Социалистической конфедерации А.Мендоса Лопеса, рабочего лидера и депутата Учредительного собрания Р.Вильярроэля Клауре¹⁵⁹. К ПСОБ присоединился основатель Варисаты — Э.Перес. Индеанистская и националистическая составляющая была важной частью марофизма. Первоначально ПСОБ и сам Т.Мароф имели большой успех. По свидетельству мексиканского посла в Боливии, партия Т.Марофа превосходила своей численностью и влиянием все новые партии, в том числе и «республиканцев-социалистов» (бывших сааведристов) Г.Госалвеса¹⁶⁰. Т.Мароф повсюду выступал с лекциями, публиковал статьи, пропагандируя свои «новые идеи» об особенностях боливийского социализма, что на деле было воскресением его прежних индеанистских, полусоциалистических воззре-

ний¹⁶¹. Т. Мароф стремился отмежеваться от своего марксистского прошлого. Он заявлял, что никогда не входил ни в какие международные организации, тем более, в коммунистические¹⁶².

Очередной его вираж, на этот раз разрыв с троцкизмом, вполне объясним. Т.Мароф, несмотря на свое участие в марксистском движении, собственно никогда не был марксистом. Его идеалом была широкая массовая рабочая партия с размытыми идеологическими границами, без жестких доктринальных установок, типа лейбористской в Англии. Он не был ни троцкистом, ни сталинистом, ни марксистом. Марксизм, даже в его примитивном, вульгарно-доктринальном виде, он не усвоил. Его поведение было во многом типичным для леворадикальной интеллигенции в Латинской Америке. Либорио Хусто¹⁶³ называл его «социалиствующий либерал». В 1939 г. Л.Хусто писал своим друзьям в Боливию: «Мы не можем согласиться с вашей защитой Т.Марофа и ПСОБ. Я хорошо знаю Т.Марофа..., чтобы быть уверенным, что он не имеет ничего общего с марксизмом..., поэтому мы всегда выступали и выступаем против него, но не по личным соображениям. Начиная с разрыва с Х.Агирре Гайнсборгом на съезде ПОР, Т.Мароф показал со всей очевидностью свою тенденцию к размытому, пустому, мелкому «социализму», граничащему с буржуазным либерализмом, не имеющим ничего общего с марксистским классовым, революционным социализмом. И то, что против него выступают сталинисты из ПИР (как и он против них), еще не свидетельствует о его революционности»¹⁶⁴. Крупнейший боливийский историк и политический деятель Г.Лора признавал, что в Латинской Америке к троцкистам чаще всего шли не те, кто хотел бороться со Сталиным за «чистоту» марксистско-ленинских идей против их бюрократического извращения, а те, кто по сути выступал против марксизма, и со временем покидал ряды троцкизма¹⁶⁵.

С момента своего возвращения в Боливию Т.Мароф стал поддерживать военно-социалистический режим и лично Х.Буша. В 1938 г. Мароф издал книгу «Социалистическая правда в Боливии», где полностью покинул свои прежние политические позиции. Он уже выступал против национализации горнорудной промышленности. В этой связи Т.Мароф полностью поддержал экономическую политику Х.Буша. Он подчеркивал, что видит боливийский социализм исключительно как антиимпериалистическое государство, а,

следовательно, поддерживает националистическую политику правительства¹⁶⁶. Впрочем, союз с режимом Х.Буша был недолговечным.

Внешнеполитические факторы и пронацистское лобби

Пока Учредительное собрание обсуждало конституционные вопросы и проекты реформ Буш создал правительство во главе с капитаном Элиасом Бельмонте. Он был членом тайной ложи РАДЕПА, члены которой заявляли о своем принципиальном нежелании занимать государственные посты. Однако Э.Бельмонте стал министром внутренних дел. Как и большинство членов ложи, Э.Бельмонте считал себя приверженцем национал-социалистической идеологии. Примером для подражания были Германия и Италия. Будучи в 1937 г. шефом полиции Ла-Паса, он намеревался создать полицейские органы по образцу нацистской Германии. Не без его участия было принято решение послать 134 человека на военное и полицейское обучение в Италию¹⁶⁷. По масштабам полицейского корпуса это была многочисленная делегация.

Э.Бельмонте и его единомышленники называли себя просто социалистами. Анализируя взгляды боливийского национализма того времени, очень трудно провести разграничительную линию между нацизмом и псевдосоциалистическими идеями. Их главными постулатами были приоритет интересов нации перед лицом эгоистического, либерального капитализма и достижение социальной гармонии через преодоление классовый борьбы. С левыми, марксистами их сближало понимание того факта, что главным препятствием для поступательного развития страны является союз местной олигархии и американского империализма. Успехи третьего рейха и муссолиниевской Италии сделали привлекательными нацистские идеи и политические методы фашизма. Главное, что объединяло в глазах социалистов фашистский и коммунистический режимы, — это отрицание ценностей либеральной демократии и свободно-конкурентного рынка. По их мнению, либеральная демократия в Боливии полностью дискредитировала себя неспособностью эффективно управлять страной в период потрясений мирового кризиса и войны с Парагваем.

Если увлечение фашизмом в эти годы у многих националистов было поверхностным и отчасти данью моде, то

Э.Бельмонте определился в своих взглядах и симпатиях еще в 20-е годы. Как и многие другие боливийские офицеры, находившиеся под влиянием работавших в Боливии немецких советников, среди которых достаточно еще раз упомянуть создателя штурмовых отрядов Э.Рема, Э.Бельмонте был увлечен национал-социализмом. Вместе с тем, мексиканский посол, человек, придерживавшийся левых марксистских взглядов, У.Розенцвейг Диас характеризовал Э.Бельмонте как социалиста, хотя и симпатизировавшего фашистским режимам¹⁶⁸. Бельмонте, действительно, развивал идеи, близкие левым социалистам и коммунистам, особенно в экономической сфере. Правый депутат Учредительного собрания У Сальмон в разговоре с А.Аргедасом рассказал ему, что Бельмонте твердо намерен выполнить свою программу-минимум, включавшую два главных пункта: национализировать горнорудную промышленность и добиться реального улучшения положения рабочего класса¹⁶⁹. Э.Бельмонте был одной из самых ярких и противоречивых фигур в правительстве Х.Буша¹⁷⁰. В деятельности Э.Бельмонте отразились внутренние противоречия самого режима «государственного социализма»: тенденция к тоталитаризму, антидемократизму, некоторая антибуржуазная, антисистемная направленность сочетались с умеренностью реальных действий, боязнью более тесного союза с рабочим движением и леворадикальными партиями. Не менее скандальным было назначение молодого социалиста К.Салинаса Арамайо на ответственный пост префекта Ла-Паса. В руках этого темпераментного политика, бывшего большим другом Х.Буша, оказались все репрессивные органы столицы. Назначение Э.Бельмонте и К.Салинаса Арамайо было воспринято консервативными столичными кругами как преддверие катастрофы.

Националистически и антиолигархически настроенные министры во главе с Э.Бельмонте воспользовались преобладанием левых в Учредительном собрании и с опорой на социалистических депутатов организовали ряд радикальных акций. Первое, за что принялся Х.Буш были средства массовой информации, которые, по его мнению, обслуживали частные интересы олигархии вместо того, чтобы служить государству и всей нации. Он требовал установления полного государственного контроля над всеми «олигархическими изданиями». В июне 1938 г. Буш направил в собрание проект закона о печати, главный пафос которого состоял в борьбе с «правым экстремизмом» и олигархическим

влиянием в средствах массовой информации. В конкретном применении этот закон был направлен против оплота либерализма — высокопрофессиональной и имевшей массового читателя газеты «Эль Диарио».

Собрание в течение двух месяцев, в июне и июле 1938 г., неоднократно обсуждало содержание публикаций в «Эль Диарио». Законопроект Э.Бельмонте серьезно ограничивал независимость средств массовой информации. Направляя свой главный удар против демократии и ее институтов, Э.Бельмонте видел в свободной прессе единственный несокрушенный оплот либеральной оппозиции. Выступая в собрании во время дискуссии по поводу «Эль Диарио», он говорил: «Я являюсь сторонником свободы прессы, но не абсолютной свободы... В сегодняшней ситуации необходимо не размышлять над тем, что следует делать, а нужна руководящая идеология, способная вывести эту бедную страну из ее несчастий». В качестве такой идеологии или «национальной идеи» он предлагал национал-социализм. Э.Бельмонте призвал собрание взять в качестве примера для подражания законы о печати нацистской Германии, где, по его мнению, газеты служили общенациональным интересам и стояли на страже моральных принципов¹⁷¹.

Депутаты поддержали жесткие меры против либеральных газет, прежде всего «Эль Диарио», позволившей усомниться в компетенции собрания. Левые заявляли, что газета виновна «в организации полномасштабного заговора против стабильности социалистического государства, ее деятельность противоречит доводам разума и морали»¹⁷². Из среды левых депутатов даже слышались предложения провести «социализацию» всей прессы, подчинив ее тем самым общественным интересам, вырвав журналистов из-под влияния капитала¹⁷³. Безусловными выразителями этих общественных интересов депутаты считали самих себя.

13 июня 1938 г. собрание проголосовало за этот закон, давший полномочия исполнительной власти запрещать неудобную «правую олигархическую прессу». Единственными защитниками принципа свободы слова оказались либерал Фахардо и саavedрист-синдикалист Р. Лоса, решительно возражавших против доводов «социалистического» большинства¹⁷⁴. За пределами собрания помимо традиционных партий наступлению на свободу прессы воспротивилась Университетская федерация, обычно поддерживавшая левонационалистическое большинство собрания¹⁷⁵.

Закон о печати, направленный против «Эль Диарио», вызвал правительственный кризис: правые министры А.Паласиос (финансы), Х.Сальмон (сельское хозяйство) и А. Барриос (здравоохранение) подали прошение об отставке в знак протеста против гонений на прессу¹⁷⁶. Х.Буш не принял их демарша и попытался успокоить, заявив, что закон о печати — явление переходного периода и вскоре будет заменен на новый, более мягкий. Правые круги были чрезвычайно напуганы активностью Э.Бельмонте и его радикализмом. Хотя их радовал антикоммунизм министра, они опасались установления антидемократического тоталитарного режима националистической ориентации¹⁷⁷. На президента оказывали давление самые различные силы, стремившиеся ограничить деятельность Э.Бельмонте. Министры олигархического крыла кабинета требовали его отставки.

Последним и самым весомым аргументом не в пользу Э.Бельмонте был скандал, связанный с именем некоего Отто Берга. Обстоятельства этого неприятного для Э.Бельмонте дела заслуживают внимания, ибо показывают уровень политической культуры новых правителей Боливии. Кроме того, они свидетельствуют о слепой вере и невероятном энтузиазме Э.Бельмонте в отношении тоталитарных режимов, в первую очередь, национал-социалистической Германии.

Некий субъект под именем О.Берга появился в Боливии в 1937 г., представившись родственником Геринга. Он повсюду намекал, что прибыл в Боливию с секретным поручением от немецкого правительства. У некоторых политиков его личность вызвала подозрения. Генерал Э.Пеньяранда, к которому с якобы конфиденциальными предложениями от германского руководства обратился Берг, сделал запрос в боливийское посольство в Берлине¹⁷⁸. Пока шли проверки и ожидали ответ, Берг завоевал симпатии среди местных поклонников нацизма, включая Э.Бельмонте. Немец был принят самыми высокими боливийскими властями, вплоть до президента. Э.Бельмонте представил его кандидатуру на пост советника полиции. Затем Берг уехал из Боливии, а в Берлине появился некто Отто Гессман, представлявшийся агентом секретной службы и полковником боливийской армии. Он утверждал, что имеет секретные поручения боливийских властей к германскому правительству. Ответ Ла-Паса был однозначен: Гессман — самозванец¹⁷⁹. Позднее выяснилось, что Отто Берг и Гессман — одно лицо, авантюрист и уголовник, имевший 13 судимостей в Германии в 20-е годы¹⁸⁰.

Ко всему этому скандалу с последующим разоблачением оказался причастен доверившийся авантюристу Э.Бельмонте, павший жертвой собственной страстной любви к гитлеризму. Конфуз с делом Берга сильно повредил Э.Бельмонте. Постепенно его отношения с президентом ухудшались, и в августе 1938 г. Х. Буш отправил Э.Бельмонте в отставку¹⁸¹.

Х.Буш мало интересовался конституционными вопросами, а дебаты и острая полемика в собрании, в которых он видел лишь обычное политиканство и демагогию, настраивали его против публичной политики и демократического правления как такового. В конце октября 1938 г. в правительстве обсуждался вопрос о дальнейших действиях после принятия конституции. Г.Госалвес предлагал формулу «добровольного прекращения деятельности ассамблеи». В прессе и обществе ходили слухи о подготовке роспуска собрания и установлении фашистской диктатуры¹⁸².

Считавший себя левым социалистом К.Салинас Арамайю, оказывавший на президента большое личное влияние, эволюционировал к национал-социалистическим взглядам (точнее в тот момент он был увлечен этими теориями). В фашизме он видел пример эффективной антилиберальной, антидемократической национальной революции. К.Салинас Арамайю подталкивал Х.Буша к установлению «фашистского режима типа бразильского»¹⁸³. По сути речь шла об авторитарном варианте национал-реформистских преобразований, имевших антиолигархический и националистический характер. Сам Х.Буш все более склонялся к советам тех, кто ратовал за «тоталитарный режим».

Х.Буш активно обсуждал со своим окружением перспективы роспуска Учредительного собрания и установления новой системы власти. Главным противником диктатуры был Г.Госалвес, возглавлявший республиканско-социалистическую партию, генетически связанную с традиционной системой и олигархическим государством. Г. Госалвесу и другим умеренным политикам все-таки на время удалось отговорить Буша от установления диктатуры. Любопытную запись беседы Х.Буша с лидером «восточного блока» в собрании, бывшим министром Х.Сальмоном приводит мексиканский посланник. Информация была получена из конфиденциальных, но верных, по его мнению, источников. Тогда состоялся следующий диалог:

Буш: Я закрою собрание и установлю военный тоталитарный режим, так как вполне ясно, что все демократии при-

шли к банкротству. Это видно на примерах Бразилии, Италии, Германии, показавших эффективность тоталитарного режима.

Сальмон: С кем, с какой партией вы хотите установить этот режим? Нет людей, которые его поддержат...

Буш: Я закрою Ассамблею и созову новые выборы!

Сальмон: Но кто попадет в новое Учредительное собрание? Это будут те же люди, что и сегодня¹⁸⁴.

Многие, даже его рьяные сторонники были против установления тоталитарной диктатуры. Подталкиваемый одними и отговариваемый другими, Х.Буш не решился на установление фашистского режима. Официально правительство объявило о своем решении распустить собрание сразу же после принятия конституции, а затем через год созвать этот же состав депутатского корпуса уже как обычную сессию парламента¹⁸⁵.

30 октября после многомесячных обсуждений Учредительное собрание, наконец, приняло новую конституцию. Таким образом, ассамблея исчерпала свои полномочия. Президент, исполнительная власть должны были в дальнейшем государственном строительстве руководствоваться новым основным законом. И хотя Х.Буш склонялся к установлению диктатуры, он, не найдя серьезной поддержки даже внутри кабинета министров, приветствовал переход к новому конституционному режиму и демонстрировал готовность следовать всем демократическим процедурам.

Вторая половина 30-х годов в Латинской Америке характеризовалась формированием двух противостоящих блоков государств, ориентировавшихся на «державы оси» и на демократические страны. Идеологические и политические симпатии правителей латиноамериканских стран порой вступали в противоречие с их непосредственными экономическими интересами.

Внешняя политика военных-социалистов отличалась крайней противоречивостью. Своего рода экзаменом во внутренней и внешней политике «государственного социализма» стало отношение к гражданской войне в Испании. Хотя Боливия официально придерживалась позиций невмешательства и нейтралитета в испанской войне, отношение политических партий к сторонам конфликта отражало общий расклад сил в обществе. Консервативные политики, газеты «Эль Диарио», «Ла Расон», «Ульгима Ора» демонстрировали свою поддержку и солидарность с франкистами.

Рабочие и левые организации безоговорочно встали на защиту дела республиканцев и Народного фронта.

Против франкистского мятежа яростно выступила Социалистическая партия и газета «Ла Калье». При этом нельзя забывать, что многие члены партии и журналисты «Ла Калье» симпатизировали итальянским фашизмом и германским нацизмом. Учитывая, что Муссолини и Гитлер участвовали в войне на стороне Франко, было бы логичным ожидать такого же поведения от их адептов в Латинской Америке, в том числе и в Боливии. Между тем боливийские социалисты, при всех своих симпатиях к национал-социализму и фашизму, во многом оставались очень своеобразным идеологическим и политическим феноменом. Они не всегда следовали за своими кумирами.

С началом гражданской войны франкистская пропаганда сравнивала «Крестовый поход 1936 г» и завоевание Америки, подчеркивая миссию Испании в упрочении католицизма и традиционных ценностей. Хотя франкизм сконцентрировался на критике либерализма, его гегемонистские по отношению к Америке идеи вызывали оппозицию даже среди единомышленников право-консервативного толка¹⁸⁶. Для радикальной «Ла Калье» франкизм был явлением одного порядка с боливийским консерватизмом и клерикализмом. Франкистский лозунг «Евангелизация против коммунизма» и идея новой империи отталкивали антилиберальных политиков, националистов, которые при иных идейных постулатах могли бы быть союзниками. Традиционалистские лозунги Франко не могли вызвать симпатий у боливийских радикалов, решительно вставших на сторону испанских республиканцев и Народного фронта. Во взглядах боливийских национал-реформистов (социалистов, «Ла Калье») сочетались не только антилиберализм, национализм, ксенофобия и антисемитизм, но и антиолигархические, антиимпериалистические и социалистические воззрения.

Большое значение для социалистов и самого режима имело заявление мексиканского МИДа о безусловной поддержке республиканского правительства Испании. «Ла Калье» напечатала это заявление и в дальнейшем посвящала целые страницы освещению войны в Испании, выражая солидарность с республиканцами¹⁸⁷. Позиция «Ла Калье» и социалистов оказала решающее влияние на политику военных-социалистов в этом вопросе. Франкистское правительство обратилось к Боливии с просьбой о признании и установле-

нии «сердечных отношений». Боливия оставила это обращение без ответа.

В октябре 1936 г. в Мадриде был убит боливийский посол. Ухватившись за этот инцидент, поверенный в делах Италии в Боливии использовал все свое влияние, в основном в среде пылких поклонников Муссолини из числа боливийских военных и членов кабинета, чтобы добиться разрыва правительства Д.Торо с испанскими республиканцами и признания Франко. Однако даже в этих обстоятельствах итальянцам не удалось достичь своей цели. Д.Торо не желал создавать внешнеполитических осложнений для своей страны в споре, исход которого был еще далеко не ясен¹⁸⁸.

Правительство Х.Буша продолжало линию Д.Торо. В июле 1937 г. чилийское правительство запросило мнение Боливии о предварительном признании Франко. Ответ министра Э.Финота был однозначным: Боливия продолжит политику невмешательства и считает несвоевременной постановку вопроса о признании Франко¹⁸⁹. При всех симпатиях видных деятелей правительства, да и самого Х.Буша, к союзникам франкизма германскому и итальянскому фашизму, военные-социалисты не поддержали мятеж Франко. Если национал-социализм и фашизм выглядели в их глазах революционными антилиберальными националистическими движениями, близкими по духу самим военным-социалистам, то Франко ассоциировался со «старым режимом» и олигархией. Идеологический рупор режима газета «Ла Калье» при всем своем «антиинтернационализме» и антикоммунизме до конца войны активно поддерживала испанских республиканцев¹⁹⁰. Даже в конце 1938 г. правительство делало прореспубликанские жесты. Так, глава кабинета Г.Госалвес распорядился запретить вывешивать франкистские знамена в «день расы», так как Боливия не признавала Франко¹⁹¹.

Однако, официально боливийское правительство сочло необходимым присоединиться к череде признаний Франко большинством латиноамериканских государств в феврале 1939 г., когда исход гражданской войны был уже предрешен. Первоначально Боливия сделала запрос о позиции Мексики и, получив ответ из Мехико о категорическом неприятии франкистского правительства, выразила понимание мексиканской позиции, но, тем не менее, присоединилась к общему хору латиноамериканских государств¹⁹².

Оборотной стороной внешнеполитического курса режима были демонстративные пронацистские акции МИДа и

официозной прессы. Стали нормой профашистские выступления членов кабинета и видных политических деятелей. Пронацистские настроения были широко распространены среди военных и политиков. С приходом к власти военных-социалистов резко интенсифицировались разносторонние связи с фашистскими государствами. В октябре 1936 г. в Боливию прибыла итальянская миссия для обучения полиции страны. Делегацию в Риме торжественно провожал сам граф Чано, который призвал «посланцев» нести в Новом свете «откровение» фашизма. В Боливии на этой волне профашистского энтузиазма возник Национал-социалистический легион ветеранов Чако, симпатии которого к нацизму были очевидны¹⁹³.

Связи Боливии с нацистской Германией носили сердечный характер. Полковник Х.Санхинес, назначенный Д.Торо послом в Германии, на вручении верительных грамот Гитлеру 12 ноября 1936 г. говорил: «Мы в Боливии с восхищением наблюдаем за поступью национал-социалистической Германии, ибо сами идем тем же путем строительства национального социализма, программу которого наша страна выстрадала в ходе тяжелой войны в Чако. Особенно мы приветствуем политическую концепцию гитлеровского режима, противостоящего разрушительной и анархизирующей тенденции советского коммунизма»¹⁹⁴. В ответной речи Гитлер подчеркнул: «Тот факт, что Боливия видит в коммунизме врага своей конструктивной деятельности, не может не радовать и является основанием взаимопонимания между нашими народами»¹⁹⁵.

В своем отчете о беседе с Гитлером посол Х.Санхинес с удивлением отмечал «хорошую осведомленность фюрера о политическом развитии Боливии и строительстве национал-социализма правительством Д.Торо», из чего не без основания делал вывод об интенсивной работе германского посольства в Ла-Пасе, подробно информировавшего Берлин обо всем происходящем в Боливии. Кроме того, Гитлер упомянул о старых традиционных связях и добрых отношениях между боливийскими и немецкими военными¹⁹⁶. Отношения военных-социалистов с Германией оставались дружественными, несмотря на наличие некоторых раздражителей, как, например, позиции Боливии в гражданской войне в Испании или в вопросе о еврейской иммиграции. Немцы предлагали помощь в реорганизации армии, в воспитании молодежи. Германские власти заявляли о своей готовности принять любое количество офицеров на обучение, а Гитле-

рюгенд приглашал многочисленные юношеские боливийские делегации в Германию на отдых и учебу¹⁹⁷.

Фашистское влияние на военных-социалистов было огромным. В подражание европейским фашистам боливийские военные принимали законы и акты, вызывавшие справедливое возмущение внутри страны и за рубежом. Дело доходило до позорящих страну акций официальных властей Ла-Паса. Когда в ноябре 1937 г. пост министра сельского хозяйства занял неистовый антисемит и, как он сам себя называл, национал-социалист полковник В. Мендес, его ведомство, казалось бы, второстепенного ранга, занялось чисто политическими вопросами, в том числе и внешнеполитическими.

В. Мендес подготовил скандальный антиеврейский иммиграционный закон, который местами дословно повторял Нюрнбергские законы против евреев. Новые правила устанавливали обязательную регистрацию евреев в полиции, а также контроль за хозяйственной деятельностью еврейских иммигрантов, которым разрешалось заниматься лишь сельскохозяйственным производством в колонизируемых тропических районах страны¹⁹⁸. Х. Буш сразу же подписал проект закона, который затем пришлось срочно отменять под давлением общества и дипломатов, а также поддаваясь разумным уговорам и доводам членов кабинета¹⁹⁹. Однако вскоре, в 1938 г. МИД издал распоряжение о запрете еврейской иммиграции в Боливию. В такой многорасовой и полиэтнической стране как Боливия, пронацистские акции правительства вызвали не только гнев и возмущение, но и выглядели полным абсурдом. Ровно через день Хунта отменила это распоряжение МИДа, а затем даже заявила о поощрении еврейской иммиграции для колонизации востока страны²⁰⁰.

14 марта 1938 г. было опубликовано очередное распоряжение, регулирующее еврейскую иммиграцию. Всем консульским учреждениям за рубежом предписывалось направлять просьбы о въезде в страну евреев в министерство сельского хозяйства. Разрешалось выдавать визы лишь тем, кто по своей профессии, мотивам и имущественному состоянию был способен участвовать в колонизации сельских районов востока страны. Более того, для временно выезжающих из страны евреев вводился особый режим, по которому они могли вернуться в Боливию, лишь заранее запасшись разрешением именно министерства сельского хозяйства²⁰¹. Националистическая пресса цинично объявляла такой режим образцом политики, лишенной всякого антисемитизма.

Антисемитским актом выглядели и неуклюжие действия боливийского МИДа, протестовавшего против предоставления Парагваем права поселения на спорной территории в Чако 15 000 австрийским евреям. Проблема заключалась не в пронацистском курсе Боливии, а в недопустимости распоряжаться территорией, принадлежность которой Парагваю еще не была подтверждена международными соглашениями. По сути Боливия была права, но неуклюжее акцентирование еврейского вопроса повредило этому демаршу. Кроме того, Боливия официально обратилась к Германии с просьбой воспрепятствовать еврейской эмиграции из Австрии в Парагвай. Обращение было выдержано в пронацистских тонах и воспринималось как акт солидарности с антисемитской политикой Германии²⁰². Многие страны, в том числе и США, заступились за еврейских иммигрантов из Европы, а Боливия была вынуждена оправдываться²⁰³. Лишь открытие страны для неограниченной еврейской иммиграции сняло напряженность вокруг Боливии, не без основания подозреваемой в прогерманском внешнеполитическом курсе и идеологических симпатиях. В июне 1939 г. министерство миграции вновь ввело ограничения на въезд в страну евреев, выделив квоту в 250 человек в месяц²⁰⁴.

Антисемитизм проник в боливийское националистическое движение, олицетворявшееся газетой «Ла Калье» и социалистами. Это был явно импортный политический товар. В «Ла Калье» с антисемитскими статьями выступал К.Монтенегро, для которого символом еврейского проникновения в Боливию был один из «баронов олова» Хохшильд. Антисемитские настроения усилились в конце 30-х годов, когда в Боливии стали появляться еврейские беженцы из Европы, искавшие убежища от нацистских преследований. «Ла Калье» утверждала в своих редакционных статьях, что евреи занимаются не производством, а торговлей и спекуляциями, обвиняла иммигрантов в эксплуатации боливийского народа²⁰⁵.

«Интеллектуальный» антисемитизм неожиданно нашел поддержку среди широких масс населения. Дело в том, что иммигранты активно скупали сельскохозяйственные угодья вблизи городов, а в маленьких городках становились владельцами магазинов, мастерских и других мелких заведений. Таким образом, появился слой боливийцев, продавших свои магазины или ремесленные мастерские, но потерявших в период инфляции и девальвации вырученные от продажи средства, и винивших во всех своих бедствиях приехавших

евреев. Эти мелкобуржуазные элементы питали антисемитские настроения политических партий и движений националистического толка. Газеты комментировали первые бытовые стычки боливийцев и европейских евреев при разделе мелкорозничного рынка, конфликты по поводу еврейских магазинов, мест на рынке и прочее²⁰⁶. Хотя не стоит преувеличивать масштабы этого явления, тем не менее, антисемитская риторика надолго стала частью лексикона националистических политиков.

В феврале 1939 г. еврейская проблема обсуждалась на «самом высоком» общественно-политическом уровне. В обществе «Друзья города Ла-Паса» известный философ Роберто Пруденсио прочитал лекцию, выдержанную в крайне пронацистских тонах. Оппонентом выступил либеральный политик Т.М.Элио, подчеркнувший неразрывную связь демократии с расовой, религиозной и классовой терпимостью. Он высказался за победу демократий перед лицом наступления тоталитарных режимов в Европе. На лекции присутствовали министры правительства К.Салинас Арамайо и Э.Дьес де Медина, которые не стали осуждать экстремизм Р.Пруденсио. Оба лишь настаивали на необходимости проводить избирательную иммиграционную политику, поощряющую колонизацию удаленных районов²⁰⁷. Антисемитизм стал составной частью идейного багажа боливийского национал-реформизма в 30—40-е годы. Впоследствии это нашло отражение в «Программе принципов МНР», в которой разоблачались «антинациональные происки международного еврейства»²⁰⁸.

По иронии судьбы разразившийся скандал с визами еврейским эмигрантам стал катализатором кризиса режима «государственного социализма». Как уже говорилось, с 9 июня 1938 г. правительство объявило о поощрении еврейской иммиграции для колонизации тропических районов востока страны²⁰⁹. Правительство, по примеру аргентинцев, хотело создать целые еврейские районы в Чако, заселив таким образом пустынные районы востока страны. В январе 1939 г. боливийское правительство издало указание полиции проверить род занятий всех недавно въехавших в страну евреев. В случае если они не занимались сельским трудом в колонизируемых районах, их предписывалось высылать из страны²¹⁰.

При всех дискриминационных ограничениях для евреев Боливия стала единственной страной в мире, разрешавшей в тот период неограниченную еврейскую иммиграцию, хотя

это вызвало недовольство части офицерского корпуса и националистов. За год в Боливию въехало 10 тысяч европейских евреев²¹¹. Скандал разразился, когда выяснилось, что боливийский консул в Париже К.Виррьера выдавал въездные визы, получая «вознаграждение» по 20 тысяч франков за каждую. Газеты требовали расследования и отставки замешанных в афере политиков. Первой жертвой пал министр иностранных дел Э.Дьес де Медина.

Скандал привел в замешательство все руководство социалистических партий, министров, военных. Х.Буш окончательно убедился в моральном упадке и коррупции государственной власти. В марте-апреле 1939 г. Х.Буш переживал серьезный морально-психологический кризис. Он был крайне неудовлетворен результатами своего правления. Вот уже несколько месяцев, как обсуждались пути коренного изменения ситуации через установление тоталитарного режима, который смог бы покончить с «разрушительным» политиканством и коррупцией. По убеждению Х.Буша обновление нации, ее омоложение, могло произойти лишь благодаря силе и энергии правителя. Все это подталкивало к мысли о ликвидации демократического правления, к отказу от проведения выборов в Конгресс в мае 1939 г. и установлению диктатуры.

В марте 1939 г. умер один из соратников Х.Буша, самый молодой министр, философ и выдающийся политик А.Селада. Смерть близких товарищей, неудачи в политике и экономике угнетающе действовали на президента. В апреле возникли серьезные проблемы со снабжением городов продовольствием. Практически полностью прекратились поставки мяса²¹². Правительство оказалось неспособным противостоять обстоятельствам. Тогда Х.Буш твердо принимает решение установить диктатуру и сделать личное энергичное усилие, чтобы переломить ситуацию и начать строить «новую Боливию».

Конец режима военных-социалистов

Отсутствие реальных результатов правления, топтание на месте, продолжающиеся кризисные явления в экономике, а также усталость и раздражение от политической борьбы и дворцовых интриг были теми побудительными мотивами, которыми руководствовался Х.Буш в своем решении установить диктатуру. Большое впечатление на него оказывали

«успехи» фашизма в Европе, о чем тогда повсеместно говорили. В тоталитарных режимах его привлекал представляемый нацистской пропагандой «романтический» образ национального единства, классового и социального мира, политической сплоченности народа, а также экономические успехи по преодолению безработицы и инфляции. Х.Буша мало интересовали подробности экономических реформ и реальности функционирования политической системы нацизма, его привлекала форма правления, не допускавшая формальной демократии, ставшей для него синонимом коррупции и политиканства.

Его советники и друзья, в первую очередь, К.Салинас Арамайо, человек яркой и трагической биографии²¹³, в эти годы метавшийся между социалистическими идеями и профашистскими увлечениями, подталкивали Х.Буша к диктатуре левореформистского типа. К.Салинас Арамайо приложил немало усилий к подготовке президента к резкой смене курса и установлению диктатуры. За диктатуру стоял и министр внутренних дел В.Лейтон, имевший репутацию левого политика. Однако, многим наблюдателям тогда казалось, что речь идет о диктатуре фашистского типа.

24 апреля 1939 г. Х.Буш ко всеобщему удивлению объявил об установлении диктатуры. Он обратился к нации с манифестом, в котором подробно изложил свою биографию, свое служение на благо страны. Он подчеркивал, что разочарован в эффективности власти, погрязшей в коррупции, обвинял правящие круги, чиновничество, прессу, партии в аморальном отношении к собственной стране²¹⁴. Х.Буш констатировал, что три года «государственного социализма» ни к чему не привели: не было достигнуто ни одной цели, поставленной майской революцией 1936 г. Он напоминал, что правые политические силы требовали от военных уйти в казармы, а в этих призывах Х.Буш усматривал опасность разжигания вражды между армией и народом, чреватой гражданской войной. Х.Буш указал на опасность раскола армии, над чем трудились правые партии, побуждая консервативную верхушку вооруженных сил удалить реформистское руководство и подготовить возвращение к власти олигархии. Как показали события, впоследствии именно этот сценарий и был осуществлен.

Х.Буш призывал страну к «омоложению», построению нового общества, свободного от олигархической реакции и левого экстремизма. Х.Буш говорил: «Сегодняшняя жизнь

нации контролируется привилегированными финансовыми группами, стремящимися поглотить всю государственную власть, провоцируя рост экстремистских тенденций в обществе, которые могут разрушить все государственные институты... Я выше этих тенденций и интересов, я с Боливией... Я понимаю всю значимость своих решений и осознанно принимаю всю ответственность на себя. Я беру в свои руки всю полноту власти»²¹⁵.

Многие опасались профашистского курса диктатуры, но вскоре стала очевидной необоснованность этих страхов. Правительство более склонялось к левым реформаторам, нежели к профашистски настроенным военным и политикам. Для успокоения общественного мнения и правительств за рубежом посол Боливии в США заявил, что его страна отныне стала союзницей США против блока фашистских государств. Посол подчеркнул, что диктатура положила конец проникновению фашизма в Боливию и одновременно нанесла сокрушительный удар по коммунистам и анархистам²¹⁶. Чтобы покончить с широко распространившимися слухами о стремлении Боливии к союзу с державами оси, МИД сделал заявление, в котором подчеркнул, что в стране установлена не тоталитарная диктатура, а временный чрезвычайный режим, и что Боливия стоит на стороне демократий и американского континента в целом²¹⁷.

В подтверждение этого декретом от 27 апреля Буш запретил «пропаганду иностранных политических доктрин, использование знаков, знамен, униформы, связанных с этими теориями»²¹⁸. Борьба с «иностранщиной» в идеологии — идея, вынашиваемая националистами К.Монтенегро и А.Сеспедесом, была воплощена в декрете, содержание которого могло быть направлено и против коммунизма, и против фашизма. Собственное идеологическое обоснование диктатуры состояло в моральном очищении и «омоложении» нации. По словам Р.Савалета Меркадо, Х.Буш попытался воплотить в жизнь то, о чем писал Тамайо²¹⁹. Речь шла о волюнтаристском противостоянии судьбе и историческом прорыве, о требовании личной жертвы во имя нации. Диктатура не могла решить ни одной из острых социальных и политических проблем страны. Кризис привел к краху и гибели самого Буша. 23 августа 1939 г. он покончил с собой.

Смерть диктатора привела к концу режима, который в течение трех лет своего существования так и не смог создать

органической и прочной структуры социально-политической поддержки реформ. Ни Д.Торо, ни Х.Буш не создали солидную социальную базу, на которую могли бы опереться в проведении реформ, что обусловило слабость и колебания режима. Армия, отдельные левые и националистические группы и партии, профсоюзы с разной степенью вовлеченности в политику и участия во власти поддерживали правительство. Все попытки построить официальную партию дали столь незначительные результаты, что не могли повлиять на развитие событий. Политическая смерть режима после ухода из жизни Буша была логичной и естественной. Отсутствие четкой программы преобразований, которая могла бы претендовать на поддержку общества, объединив его вокруг национально значимых целей, постоянное, порой неудачное экспериментирование с неизбежными откатами и корректировками курса, непоследовательность в выполнении принятых решений ослабляли режим, и, в конце концов, привели к краху.

* * *

30-е годы нашего столетия были, пожалуй, самым бурным периодом в боливийской истории. Великая депрессия, война в Чако, установление режима «государственного социализма» с его неординарной политической и социальной практикой делают это десятилетие исключительно важным для понимания глубинных процессов и хода событий всего столетия.

Лейтмотивом идейной революции были поиски национальной самобытности, антилиберальная, антирационалистическая критика позитивистского исторического оптимизма, европоцентризма, демократии как таковой. Индеанизм, национализм, различные оттенки и направления антилиберального «социализма» полностью вытеснили из идеологической и политической сферы либерализм. Идейная революция выразила вполне осознанное желание патриотически настроенной интеллектуальной и политической элиты преодолеть «позитивный» рационализм, здравый смысл либерализма, проповедовавший «объективные законы» развития, которые обрекали страну на порочный круг отсталости и зависимости от мировой капиталистической метрополии. Лишь иррационализм, волюнтаристский скачек открывали перед ними иллюзорную (а может быть, и нет) перспективу социально-экономического и политического освобождения

страны. Идеологические процессы подготовили почву для новой социальной и политической практики, ориентированной на националистические ценности, волюнтаристское и иррационалистическое мировоззрение. Идейная революция была преддверием «государственного социализма», реформистских режимов 40-х годов и даже Национальной революции 1952 г.

«Революция» военных-социалистов в мае 1936 г. означала стремление изменить систему в целом, ибо либеральная демократия старого, аристократического, кастового типа стала дисфункциональной, не позволяла широким народным массам пользоваться достижениями прогресса, образования, общественной жизни, отстраняла от политического участия в управлении страной большую часть ее населения, в том числе и средние слои. Подготовленные «идеальной революцией» основы реформ ориентировались на создание нового типа государства и общества. Идеи социальной справедливости, превосходство интересов нации над свободами и правами личности глубоко проникали в сознание интеллигенции и нового поколения политических деятелей. Успехи коммунизма в СССР, фашизма в Италии и национал-социализма в Германии на фоне находящегося в глубочайшем экономическом кризисе остального демократического мира, делали крайне привлекательными идеи антилиберального, антидемократического государства. Военные и их союзники декларировали построение принципиально нового социально-политического строя — «государственного социализма». Социализм воспринимался ими и в виде советской плановой экономики, и в образе нацистского тоталитарного государства. Корпоративистские проекты Д.Торо, его радикализм в реформировании политической структуры государства впоследствии сменились более умеренной программой преобразований Х.Буша.

Режим «государственного социализма» проводил политику реформ, главные параметры которых соответствовали основным постулатам национал-реформизма, нашедшего затем свое полное воплощение в программе партии Националистическое революционное движение (МНР) и в Национальной революции 1952—1953 гг. Все преобразования проводились военными при активном и все еще очень сильном сопротивлении традиционных политических сил, олигархии.

Примечания

¹ Концепции историко-культурной самобытности Латинской Америки. М., 1978. С.62.

² Там же.

³ Cespedes A. El Dictador Suicida. (40 Anos de historia de Bolivia). Santiago de Chile, 1956. P.82-83.

⁴ Пабло Гильен, Висенте Мендоса Лопес — в будущем видные государственные деятели, занимали посты министров в правительстве Д.Торо и Х.Буша, руководители национал-реформистской партии Националистическое Революционное движение (МНР).

⁵ Уго Эрнст — будущий лидер социалистов и алькальд Ла-Паса в период «государственного социализма».

⁶ Карлос Мединасели — крупный писатель-эссеист, журналист, социолог, один из основоположников левого индеанизма.

⁷ Густаво Адольфо Отеро — известный писатель, крупный деятель МНР.

⁸ Аугусто Сеспедес — идеолог боливийского национал-реформизма, автор крупных литературных работ «Кровь метисов», «Диктатор покончил с собой» и другие.

⁹ Карлос Монтенегро — основоположник боливийского национал-реформизма, теории «революционного национализма», крупный государственный деятель, в молодости журналист, один из лидеров революции 1952-1953 гг.

¹⁰ Умберто Пальса — философ, основатель направления «мистики земли».

¹¹ Хавьер Пас Камперо — крупный государственный деятель, впоследствии перешел в партию сааведристов, был адвокатом магната М.Хохшильда, министр труда в правительстве Д.Торо.

¹² Карлос Салинас Арамайя — один из ярчайших деятелей Боливии той эпохи. В период президентства Силеса в 27 лет стал заместителем председателя Палаты депутатов Конгресса. Активный сторонник радикальной аграрной реформы, порой склонялся к поддержке фашизма, но считал себя «национальным социалистом», был близок к марксистским группам. Неоднократно занимал ведущие посты в правительстве Х.Буша. Возглавлял Единую соцпартию в 1940—1943 гг., которая пошла на союз с олигархическими партиями. Был расстрелян в ноябре 1944 г. по приказу президента Г.Вильярроэля.

¹³ Марио Флорес — впоследствии главный редактор и собственник левонационалистической газеты «Л а Ноче», занимал министерские посты в правительстве Х.Буша.

¹⁴ Луис Антесана — видный деятель МНР. Историк, писатель.

¹⁵ Cespedes A. El Dictador Suicida. P.44—55.

¹⁶ Francovich G. El pensamiento boliviano en el siglo XX. La Paz, 1985. P.112.

¹⁷ Albarracin Millan J. Sociologia indigenal y antropologia telurista. La Paz, 1982. Vol.IV. P.28.

¹⁸ Ibid. P.87-91.

¹⁹ Francovich G. El pensamiento boliviano. P. 126—129.

²⁰ Kollasuyo. La Paz, 1946. №64. P.303.

²¹ Ibid. P.302.

²² Albarracin Millan J. Op.cit. P.22-23.

²³ Эти философские изыскания впоследствии нашли свое отражение в таком всемирно значимом культурном явлении как «новый латиноамериканский роман».

²⁴ Montenegro C. Nacionalismo y colonijae. La Paz, 1979. P.71, 82.

²⁵ Ibid. P. 191.

²⁶ Bolivia, hoy. Mexico, 1983. P.66.

²⁷ Revista mexicana de sociologia. Mexico, 1978. №2. P.523—524.

²⁸ Фернандо де Лос Риос — автор теории «гуманистического социализма». Испанский политический деятель, во время гражданской войны был министром юстиции в республиканском правительстве.

²⁹ Francovich G. Variedad. La Paz, 1988. P. 126.

³⁰ Arze J.A. Sociologia marxista. Oruro, 1963. P.IV-V.

³¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.495. Оп.122. Д.4. Л.5-7.

³² Официально признанная Москвой Компартия была образована в 1950 г. на основе левого крылалевой революционной партии (ПИР), созданной Х.А.Арсе в 1940 г. Подробно о коммунистическом движении в Боливии и взаимоотношениях с Коминтерном см.: Щелчков А.А. К истории создания компартии в Боливии // Латинская Америка. 1996. №5. С.39-55; он же. У истоков боливийского социализма: судьба Тристана Марофа // Новая и новейшая история. 2000. №5. С.45-60.

³³ Valencia Vega A. Op.cit. P. 1671. Впоследствии Р.Инохоса создал собственную партию социалистической ориентации, Дик Ампуэро стал одним из первых коммунистов Боливии, Э.Лоса и Э.Сальватьерра, будучи членами сааведристской партии, посвятили свою жизнь профсоюзному движению.

³⁴ Роберто Инохоса — видный деятель революционного движения в Боливии. В 1920 г. был избран президентом Студенческой федерации Боливии. В 1926 г. — второй секретарь посольства Боливии в Бразилии. В 1928 г. основал Боливийскую революционную партию. В июне 1930 г. предпринял неудачную попытку вызвать революцию в Боливии: с небольшим отрядом вторгся на территорию Боливии из Аргентины, захватив город Вильясон и провозгласив Социалистическую республику. С 1932 г. находился в Мексике, где занимался эхидальной реформой Карденаса в Комарке Лагунера. В Мексике познакомился с Л.Троцким. В 1944 г. вернулся в Боливию при президенте Г. Вильярроэле. Возглавил Дирекцию прессы, пропаганды и информации. За деятельность на этом посту оппозиция прозвала его «креольский Геббельс». Во время переворота в июле 1946 г. был убит, а труп его был повешен на площади Мурильо в Ла-Пасе. О нем см.: Щелчков А.А. Роберто Инохоса: пламенный революционер или «креольский Геббельс» // Латиноамериканский исторический альманах. 2007. №7. С.69—98.

³⁵ Г.Наварро входил в кружок интеллигенции, оппозиционной авторитарному правлению либеральной партии и группировавшейся вокруг газеты «Свободный человек», возглавляемой Ф.Тамайо.

³⁶ Marof T. *La justicia del Inca*. Bruselas, 1926: P. 15.

³⁷ Ibid. P. 14.

³⁸ Ibid. P.21-26.

³⁹ Ibid. P.24.

⁴⁰ Ibid. P.24, 66.

⁴¹ Позднее он говорил, что его обращение к инкам было лишь поэтическим образом, а не их идеализацией. — Abadie-Aicardi R.F. *Economía y sociedad de Bolivia en el siglo XX. El antiguo regimen*. Montevideo, 1966. P.94.

⁴² Ibid. P.66-69.

⁴³ Marof T. *La tragedia del Altiplano*. P.46—53.

⁴⁴ Ibid. P. 109.

⁴⁵ Ibid. P.82-84.

⁴⁶ Ibid. P.111,

⁴⁷ Setaro R.M. *Secretos de Estado Mayor*. Buenos Aires, 1936. P. 13.

⁴⁸ Эрнан Силес Саусо — побочный сын президента Эрнандо Силеса, в будущем один из лидеров боливийского национал-реформизма, трижды становился президентом Боливии (1952,1956—1960, 1982-1984).

⁴⁹ Valencia Vega A. *Historia politica de Bolivia*. Vol.6. La Paz, 1987. P.1808-1809.

⁵⁰ Ultima Hora. La Paz. 04.11.1935.

⁵¹ El Diario. La Paz. 08.10.1935.

⁵² Cespedes A. *Op.cit*. P. 147.

⁵³ По-испански означает Анды, а также аббревиатуру «Национальной ассоциации социалистов-ветеранов войны» (*Asociacion nacional de ex-combatientes socialistas*).

⁵⁴ Lorini I. *El movimiento socialista «embrionario» en Bolivia, 1920—1939: entre nuevas ideas y residuos de la sociedad tradicional*. La Paz, 1994. P.204.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф.495. Он. 122. Д.4. Л.12.

⁵⁶ *Papers relating to the Foreign relations of United States*, (далее FRUS). 1936. Vol.V. Washington, 1954. P.221.

⁵⁷ Delgado Gonzalez T. *100 anos de lucha obrera en Bolivia*. La Paz, 1984. P.95-97.

⁵⁸ Lorini I. *Op.cit*. P.209.

⁵⁹ Alvarez W. *Memorias del primer ministro obrero: historia del movimiento sindical y politico boliviano, 1916—1952*. La Paz, 1986. P.85.

⁶⁰ Abecia Lopez V *Siete politicos bolivianos*. La Paz, 1986. P.89.

⁶¹ РГАСПИ. Ф.495. Оп.122. Д.4. Л.12-13.

⁶² В архиве Коминтерна имеется письмо группы «Антауара», подписанное Роберто Альварардо, Мигелем Бонифасом (оба видные боливийские ученые социологи и историки) — РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.89. Л.7.

⁶³ Gomez E. *Bautista Saavedra*. La Paz, 1975. P297.

⁶⁴ Archivo Nacional de Bolivia (ANB). Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.201.

⁶⁵ Alvarez W. Op.cit. P.91.

⁶⁶ Э.Бельмонте занимал ряд важных постов в правительстве Буша, стал знаменит после «раскрытия так называемого пронацистского заговора Бельмонте», дела сфабрикованного в 1942 г. британской разведкой. Г.Вильярроэль был президентом Боливии в период с 1943 г. по 1946 г. Погиб во время народного восстания 1946 г., инспирированного олигархией. Был повешен на площади перед президентским дворцом в Ла-Пасе. Боливийцами почитается президентом-мучеником, предтечей национализма.

⁶⁷ Belmonte Pabon E. RADEPA: sombras y remlgencias del pasado. La Paz, 1994. P.43.

⁶⁸ Gallego Margaleff F.J. Los origenes del reformismo militar en America Latina: la gestion de David Toro en Bolivia. Barcelona, 1991. P.77.

⁶⁹ Ibid. P.88-89.

⁷⁰ Цит. по: Valencia Vega A. Historia politica de Bolivia. P. 1749.

⁷¹ Письмо ЛЕК — Д.Тороот 16 марта 1937 г. ANB. PG. 1937. С. 13. T.152. (PG7211).

⁷² El Diario. 24.05.1936.

⁷³ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla, 1936-1940. La Paz, 1957. P.24.

⁷⁴ Valencia Vega A. Historia politica de Bolivia, P. 1753; Gallego Margaleff F.J. Los origenes del reformismo militar. P.98.

⁷⁵ Klein H.S. German Busch and the Era of «Military Socialist» in Bolivia// НАHR. 1965. Vol.47. №2. P.37.

⁷⁶ Boullon Barreto G. Bolivia Repbblica Socialista. La Paz, 1936. P. 16.

⁷⁷ Valencia Vega A. Historia politica de Bolivia. P. 1754.

⁷⁸ La Razon. La Paz. 24.05.1936.

⁷⁹ Boullon Barreto G. Op.cit. P.28.

⁸⁰ La Calle. La Paz. 04.10.1936.

⁸¹ Gallego Margaleff F.J. Los origenes del reformismo militar. P. 138.

⁸² La Calle. 01.12.1936.

⁸³ План организации министерства труда от 15 июня 1936 г. ANB. PG. 1936. С. 12. T. 127. (PG7250).

⁸⁴ Klein H.S. David Toro and the Establishment of «Military Socialist» in Bolivia // НАHR. 1972. Vol.14. №1. P.36.

⁸⁵ Secretaria de Relaciones Exteriores (далее — SRE). Mexico. Legacion en Bolivia. Informes politicos reglamentarios. 1937. Informe de 30 de mayo de 1937. 31-25-3.

⁸⁶ La Razon. 19.02.1937.

⁸⁷ SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. Informes politicos reglamentarios. 1936. Informe de 8 de octubre de 1936. 27— 29—13, f.30.

⁸⁸ Именно в это время вокруг газеты «Ла Калье» формировалось политическое движение «революционного национализма».

⁸⁹ Knudson J. Bolivia: Press and Revolution, 1932—1964. New York, 1986. P. 12.

⁹⁰ La Calle. 23.10.1936.

⁹¹ SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. Informes politicos reglamentarios. 1937. Informe de 30 de mayo de 1937. 31-25-3.

⁹² LaCalle. 17.11.1936.

⁹³ El Diario. 25.10.1936.

⁹⁴ El Diario. 28.08.1936.

⁹⁵ Проект декрета о трудовой повинности. ANB. PG. 1936. С. 12. Т. 127 (PG7250).

⁹⁶ La Calle. 03.10.1936.

⁹⁷ Проект декрета о трудовой повинности. ANB. PG. 1936. С. 12. Т. 127 (PG7250).

⁹⁸ El Diario. 11.10.1936.

⁹⁹ El Diario. 29.03.1937.

¹⁰⁰ Письмо Д.Торо — В.Альваресу от 30 июня 1936 г. ANB. PG. 1936. С. 12. Т.127 (PG7250).

¹⁰¹ Дополнительные инструкции к декрету о трудовой повинности от 29 сентября 1936 г. ANB. PG. 1936. С. 12. Т.127 (PG7250).

¹⁰² Отчет В.Альвареса от 2 октября 1936 г. ANB. PG. 1936. С. 12. Т.127 (PG7250).

¹⁰³ Gallego Margaleff F.J. Los origenes del reformismo militar. P. 113-115.

¹⁰⁴ Циркуляр Министерства труда от 30 июня 1936 г. ANB.PG.1936. С. 12. Т.127. (PG7250).

¹⁰⁵ Alvarez E.W. Op. cit. P. 105-106.

¹⁰⁶ Письмо В.Альвареса — Д.Торо от 1 июля 1936 г. ANB. PG. 1936. С. 12. Т.127. (PG7250).

¹⁰⁷ Письмо В.Альвареса — Д.Торо от 25 июля 1936 г. ANB. PG. 1936. С. 12. Т.127. (PG7250).

¹⁰⁸ Отчет министерства труда за второе полугодие 1936 г. ANB. PG. 1936. С.12. Т.127 (PG7250).

¹⁰⁹ Antezana L., Romero H. Historia de los sindicatos campesinos. La Paz, 1973.Anexos. P. 10.

¹¹⁰ Ibid. P.I 1-12.

¹¹¹ El Diario. 28.07.1936.

¹¹² Письмо А.Уркиди — В.Альваресу от 9 сентября 1936 г. ANB. PG. 1936. С.12. Т.127 (PG7250).

¹¹³ Отчет министерства труда за второе полугодие 1936 г. ANB. PG. 1936. С.12. Т.127 (PG7250).

¹¹⁴ По мнению испанского историка Ф.Гальего идея обязательной синдикализации на корпоративной основе исходила от В.Альвареса и министерства труда. Однако это утверждение не согласуется с последующими действиями министерства, выхлостившего саму корпоративистскую суть декрета, поддержанного Х.Виера. В.Альварес сделал все от него зависящее, чтобы сохранить силу уже существовавших профцентров, в то время как Х.Виера предполагал создать новые, зависящие от правительства, корпоративные профсоюзы. — Gallego Margaleff F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestion de David Toro en Bolivia (1936-1937) // Ibero-Amerikanisches Archiv. 1988. Vol.14. №4. S.486-487.

¹¹⁵ Klein H.S. David Toro and the establishment of «Military Socialist» in Bolivia // HANR. 1972. Vol.14. №1. P.42-43.

¹¹⁶ Отчет в.Альвареса от 2 октября 1936 г. ANB. PG. 1936. С. 12. Т. 127. (PG7250).

¹¹⁷ El Diario. 13.09.1936.

¹¹⁸ El Diario. 03.11.1936.

¹¹⁹ La Calle. 27.12.1936.

¹²⁰ El Diario. 02.02.1937.

¹²¹ El Diario.28.01.1937.

¹²² El Diario. 30.01.1937.

¹²³ Конституционная комиссия — Д.Торо от 19 апреля 1937 г. ANB. PG. 1937. С.13. Т.156. (PG6875).

¹²⁴ 23 февраля 1937 г. Д.Торо потребовал от комиссии срочного представления профсоюзного устава, ставшего камнем преткновения в построении корпоративного государства. См.: Конституционная комиссия — Д.Торо от 23 февраля 1937 г. ANB. PG. 1937. С. 13. Т. 152. (PG7211).

¹²⁵ Конституционная комиссия — Д.Торо от 19 апреля 1937 г. ANB. PG. 1937. С.13. Т.156. (PG6875), f.42.

¹²⁶ Конституционная комиссия — Д.Торо от 21 апреля 1937 г. ANB. PG. 1937. С.13. Т.156. (PG6875). В.857.

¹²⁷ Письмо Д.Торо — Конституционной комиссии. ANB. PG. 1937. С.13. Т.156. (PG6875). В773.

¹²⁸ Письмо ЛЕК к Д.Торо от 16 января 1937 г. ANB. PG. 1937. С.13. Т.152(PG7211).

¹²⁹ La Calle. 27.12.1936.

¹³⁰ Письмо Рабочей организации государственного социализма - Д.Торо от 2 марта 1937 г. ANB. PG. 1937. С.13. Т.152 (PG7211).

¹³¹ El Diario. 08.04.1937.

¹³² Постановление ПСЕ от 20 апреля 1937 г. ANB. PG. 1937. С 13. Т.152 (PG7211).

¹³³ Письмо ПСЕ -Д.Торо. ANB. PG. 1937. С.13. Т.152 (PG7211).

¹³⁴ El Diario. 17.05.1937.

¹³⁵ РГАСПИ. Ф.495. Оп.122. Д.1. Л.9.

¹³⁶ SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. Informes politicos reglamentarios. 1938. Informe de 31 de enero de 1938. 30—3—15, ff.3—4.

¹³⁷ Телеграмма Х.Буша — ЛЕК Оруро от 20 января 1938 г. ALP. LML. 1938. Caja 11. №2. Sig.E.3.A.2.

¹³⁸ Письмо Исполкома ПРС — Х.Бушу от 20 января 1938 г. ANB.PG. 1938. С. 14. Т.190. (PG6872).

¹³⁹ Письмо С.Б.Меначо — Х.Бушу от 11 ноября 1937 г. ANB. PG. 1937. С.13. Т.156. (PG6875).

¹⁴⁰ AA. 1937. ТЗ. P.231-232.

¹⁴¹ Приказ по ЛЕК от 2 февраля 1938 г. ALP LML. 1938. Caja 11. №2. Sig.E.3.A.2. №.В-4.

¹⁴² Проект декрета ЛЕК от 21 октября 1937 г. Archivo de La Paz (ALP). LML. 1938. Caja 11. №2. Sig.E.3.A.2.

¹⁴³ Докладная записка президентской администрации МВД от 29 октября 1937 г. ANB. PG. 1937. С.13. Т. 158. (PG7240).

¹⁴⁴ Письмо С.Б.Меначо — Х.Бупу от 11 ноября 1937 г. ANB. PG. 1937. С.13.Т.156. (PG6875).

¹⁴⁵ Valencia Vega A. Historia politica de Bolivia. P. 1772.

¹⁴⁶ Письмо ПСР Х.Бушу от 28 июля 1937 г. ANB.PG. 1937. С. 13. Т. 157. (PG7601).

¹⁴⁷ Обращение ПОСЕ Х.Бушу от 8 ноября 1937 г. ANB. PG. 1937. С.13. Т.157. (PG7601).

¹⁴⁸ Доклад МВД от 14 декабря 1937 г. ANB. PG. 1937. С.13.Т.158. (PG7240). В.2350.

¹⁴⁹ Записка президентской администрации МВД от 28 сентября 1937 г. ANB. PG. 1937. С.13. Т.158. (PG7240). В.1858.

¹⁵⁰ Приказ Х.Буша по ЛЕК от 28 февраля 1938 г. ALP. LML. 1938. С П. №2. Sig.E.3.A.2.

¹⁵¹ Письмо ФУС Х.Бушу от 19 февраля 1938 г. ANB. PG. 1938. С. 14. Т. 190. (PG6872).

¹⁵² Письмо Х.Буша ФУС от 23 февраля 1938 г. ANB. PG. 1938. С. 14. Т. 190. (PG6872). В.342.

¹⁵³ Письмо ФУС Х.Бушу от 12 февраля 1938 г. ANB. PG. 1938. С. 14. Т. 190. (PG6872).

¹⁵⁴ Записка генеральной дирекции полиции в МВД от 9 марта 1938 г. ANB. PG. 1938. С.14. Т.198. (PG7528).

¹⁵⁵ SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. Informes politicos reglamentarios. 1938. Informe de 5 de abril de 1938. 30—3—15.

¹⁵⁶ Письмо ФУС Х.Бушу от 12 февраля 1938 г. ANB. PG. 1938. С.14. Т.190. (PG6872).

¹⁵⁷ SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. Informes politicos reglamentarios. 1938. Informe de 5 de abril de 1938. 30—3—15.

¹⁵⁸ Докладная записка полковника Гаррона в Генштаб от 22 ноября 1937 г. ANB. PG. 1937. С.13. Т.166. (PG7217).

¹⁵⁹ La Calle. 06.11.1938.

¹⁶⁰ SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. Informes politicos suplementarios. 1938. Informe de 30 de noviembre de 1938. 30—3—16.

¹⁶¹ La Calle. 16.11.1938.

¹⁶² La Calle. 13.11.1938.

¹⁶³ Либорио Хусто (Кебрачо) — видный аргентинский троцкист. Сын президента Аргентины генерала Хусто. Активно участвовал в политической жизни Боливии.

¹⁶⁴ Justo L. Bolivia: la revolution derrotada. Cochabamba, 1967. P. 104.

¹⁶⁵ Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. Vol.2. La Paz, 1969. P.310.

¹⁶⁶ La Calle. 11.11.1938.

¹⁶⁷ SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. Informes politicos reglamentarios. 1938. Informe de 5 de abril de 1938. 30—3—15.

¹⁶⁸ SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. Informes politicos reglamentarios. 1938. Informe de 14 de junio de 1938. 30-3-15.

¹⁶⁹ ANB. Diario de Alcides Arguedas. Т.8. P.200.

¹⁷⁰ Имя Э.Бельмонте связано с фабрикацией британской разведкой в 1942 г. «дела о нацистском заговоре» в Боливии, во главе которого якобы стоял Э.Бельмонте. Его «дело» было использовано

Англией и США для давления на правительство Боливии, которое было принуждено разорвать отношения со странами «оси». — Blasier C. The Hovering Giant. U.S. Responses to Revolutionary Change in Latin America, 1910-1985. Pittsburgh, 1976. P.46-47.

¹⁷¹ Redactor de la Convention Nacional de 1938. T. 1-3. La Paz, 1938. T.2. P.151-152.

¹⁷² Redactor. 1938. T.1. P.385.

¹⁷³ Redactor. 1938. T.2. P.136.

¹⁷⁴ Redactor. 1938. T.2. P. 145-148.

¹⁷⁵ El Diario. 13.07.1938.

¹⁷⁶ El Diario. 15.07.1938.

¹⁷⁷ SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. Informes politicos reglamentarios. 1938. Informe de 10 de agosto de 1938. 30-3—15.

¹⁷⁸ Archivo del Ministerio de Relaciones Exteriores de Bolivia (далее MIN.RR.EE). La Paz, 1937-1938. Alem., 1-R-15. f.16.

¹⁷⁹ Ibid. F. 15.

¹⁸⁰ Ibid. Ff.9, 12, 17, 18.

¹⁸¹ El Diario. 22.07.1938.

¹⁸² La Razon. 25.10.1938.

¹⁸³ SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. Informes politicos reglamentarios. 1938. Informe de 26 de octubre de 1938. 30—3—15.

¹⁸⁴ Ibid.

¹⁸⁵ Ibid.

¹⁸⁶ Pardo Sanz R.M. Con Franco hacia Imperio! La politica exterior espanola en America Latina. 1939-1945. Madrid, 1995. P.39-40.

¹⁸⁷ La Calle. 13.08.1936; 12.10.1936.

¹⁸⁸ SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. 1936. Rebelion en Espana. Informe de 19 de agosto 1936. III—767—2, f.1.

¹⁸⁹ SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. Guerra en Espana. Cable de 05 de julio de 1937. III-767-2.

¹⁹⁰ Knudson J. Op. cit. P.60-61.

¹⁹¹ Письмо Г.Госалвесы шефу полиции Ла-Паса от 11 октября 1938 г. MIN.RREE. 1938. M.IN. 1-109 (0112).

¹⁹² SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. Guerra en Espana. Informe de 24 de febrero de 1939. HI-767-2.

¹⁹³ SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. Informes politicos reglamentarios. 1936. Revista politica. Octubre. 1936. 27—29-13. ff.29-30.

¹⁹⁴ MIN.RR.EE. 1936-1937. Alem. 1-R-14, f.128.

¹⁹⁵ MIN.RR.EE. 1936-1937. Alem. 1-R-14, f.129.

¹⁹⁶ MIN.RR.EE. 1936-1937. Alem. 1-R-14, f.131-132.

¹⁹⁷ MIN.RR.EE. 1936-1937. Alem. 1-R-14, f.154; MIN.RR.EE. 1936-1937. Alem. 1-R-15, f.34.

¹⁹⁸ El Diario. 19.03.1938.

¹⁹⁹ SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. Informes politicos suplementarios. 1938. Informe de 3 de marzo de 1938. 30-3—16.

²⁰⁰ SRE. Mexico. Legacion en Bolivia. Informes politicos reglamentarios. 1938. Informe de 18 mayo de 1938. 30—3-15.

²⁰¹ Anuario administrativo de 1938. T.I. La Paz, 1938. P.542-543.

- ²⁰² MIN.RREE. 1937-1938. Alem. 1-R-15. ff.31-32.
- ²⁰³ Brien M. The Liberal Crisis and Military Socialism in Bolivia. Bolivian History from 1930 to 1939. (n.p.) Leiden, 1996. P.89.
- ²⁰⁴ La Calle. 27.06.1939.
- ²⁰⁵ La Calle. 10.12.1938.
- ²⁰⁶ La Calle. 18.01.1938.
- ²⁰⁷ La Calle. 04.02.1939.
- ²⁰⁸ Lora G. Fue revolucionario Carlos Montenegro? La Paz, 1987. P.48-49.
- ²⁰⁹ El Diario. 10.06.1938.
- ²¹⁰ La Calle. 15.01.1939.
- ²¹¹ Klein H.S. German Busch and the era of «Military Socialist» in Bolivia // НАНР. 1965. Vol.47. №2. P. 177.
- ²¹² La Calle. 04.04.1939.
- ²¹³ Он был расстрелян при профашистском правительстве Г. Вильярроэля в 1944 г. как представитель «продажной, проамериканской олигархии».
- ²¹⁴ El Diario. 25.04.1939.
- ²¹⁵ Ibid.
- ²¹⁶ РГАСПИ. Ф.495. Оп.122. Д.1. Л.41.
- ²¹⁷ La Calle. 18.05.1939.
- ²¹⁸ РГАСПИ. Ф.495. Оп.122. Д.1. Л.40.
- ²¹⁹ Zavaleta Mercado R. La formacion de la conciencia nacional. La Paz, 1990. P.61.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
<i>С.Кара-Мурза. Немецкий фашизм и русский коммунизм — два тоталитаризма.....</i>	<i>7</i>
<i>Часть I. Фашизм и фашизмы</i>	
<i>А.Тарасов. Фашизмов много.....</i>	<i>58</i>
<i>Дж. Л. Шоссе. Возникновение фашизма.....</i>	<i>64</i>
<i>Р. Дж. Сауси. Сущность французского фашизма.....</i>	<i>77</i>
<i>А.Литтелтон. Фашизм в Италии: «вторая волна».....</i>	<i>107</i>
<i>Ю.Вебер. Люди Михаила Архангела.....</i>	<i>134</i>
<i>Л.Едличка. Австрийский Хеймвер. К истории фашизма в Центральной Европе.....</i>	<i>158</i>
<i>Х.Сетон-Уотсон. Фашизм — справа и слева.....</i>	<i>179</i>
<i>Д.Жуков. Европейский фашизм у власти.....</i>	<i>196</i>
<i>Часть II Коммунизм и коммунизмы</i>	
<i>А.Колпакиди. Коминтерн: что это было?.....</i>	<i>269</i>
<i>А.Шубин. Коммунистическая идея от Маркса до Сталина.....</i>	<i>301</i>
<i>А.Шубин. Че Гевара. Кондотьер коммунизма.....</i>	<i>406</i>
<i>Часть III. Между фашизмом и коммунизмом</i>	
<i>А.Север. Красные в НСДАП.....</i>	<i>424</i>
<i>В.Лифшиц. Феномен «неосоциализма» в межвоенной Европе.....</i>	<i>478</i>
<i>А.Щелчков. Боливийский лабиринт социализма в 30-е годы XX века.....</i>	<i>522</i>

Сергей Кара-Мурза

КОММУНИЗМ И ФАШИЗМ: БРАТЬЯ ИЛИ ВРАГИ?

Редактор-составитель *И. Пыхалов*
Художественный редактор *П. Волков*
Корректор *И. Пыхалов*

ООО «Яуза-пресс»
109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.:(495)745-58-23

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.02.2008.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 31,92. Тираж 5000 экз.
Заказ №4832002

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»,
603006 Нижний Новгород, ул.Варварская, 32.